

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

A

955,647

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613
614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658
659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703
704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748
749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793
794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838
839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883
884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973
974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000

✓ 9981-1
72
71146
58

ДѢЛА И ЛЮДИ ВѢКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

X 83294

ор 28539

П. К. МАРТЬЯНОВА.

Martianov, Petr Kuz'mich

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Р. Р. ГОЛІКЪ. СПАСКАЯ УЛ., № 17.

37 D.T. Front
1893.
6

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTOCOPYING SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

Мартъянова, Работы и изыскания

ДѢЛА И ЛОДИ ВЪКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

П. К. МАРТЪЯНОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1893.

АС 65
М 35

ОТЪ АВТОРА.

При составленіи втораго тома настоящаго изданія, готоваго матеріала оказалось гораздо болѣе, чѣмъ предполагалось сначала; поэтому въ составъ этого тома вошли матеріалы, появившіеся въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, какъ-то: статьи о «Кавказскихъ водахъ», «О поэтѣ М. Ю. Лермонтовѣ», «Графѣ А. А. Аракчеевѣ», «Московскіе фрондеры» и др. Что же касается статей «Литературныя встрѣчи и знакомства», «Разказы о дняхъ минувшихъ» и др., то ихъ волей-неволей пришлось отложить до слѣдующихъ томовъ.

П. Мартыановъ.

С.-Петербургъ.

Вторая половина 1898 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ II^{го} ТОМА.

Кавказскія минеральныя воды	1
Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова.	28
Новыя свидѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ	122
Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ и г-жа Адель Гоммеръ де Гелль. . .	158
Нѣсколько словъ о графѣ А. А. Аракчеевѣ	189
Русскій солдатъ и его личное довольствіе	192
Русскій офицеръ, его бытъ и благосостояніе	233
Библиографическая записка по поводу паденія «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго».	263
Трагическая кончина генерала А. Д. Герштенцвейга.	266
Московскіе фронтеры	289

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ ВЪ 1870 ГОДУ *).

КАВКАЗСКІЯ минеральныя воды переживаютъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ своего поступательнаго, прогрессивнаго движенія. Съ истеченіемъ года администрація водъ должна обновиться, и быть можетъ, даже возникнуть въ новой формѣ.

Въ виду этого, интересующаго нашу образованную публику, общества, я считаю не лишнимъ сдѣлать краткій очеркъ современнаго административно-хозяйственнаго положенія водъ и указать на тѣ мѣры, которыя, по моему мнѣнію, необходимо принять въ интересъ развитія водъ.

Что это за воды, и какъ они развивались сначала нынѣшняго столѣтія — конечно, не безызвѣстно каждому образованному человеку. Но я прежде, нежели приступить къ изложенію предпринимаемаго обзорѣнія, позволю себѣ возобновить въ памяти читателя нѣкоторые изъ болѣе крупныхъ фактовъ исторической жизни водъ.

На Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ находится много различныхъ по внутреннему содержанію минеральныхъ источниковъ; они находятся: и въ ставропольской губерніи (Пятигорская группа), и въ Кахетин (Абан), и въ Дагестанѣ (Губденъ), и въ Мингрелии (Никалакеви), и на границѣ Персіи (Астара). Но такъ какъ большинство этихъ источниковъ не приспособлено къ врачевнымъ цѣлямъ, то кавказскими минеральными водами обыкновенно называются только тѣ воды, которыя лежатъ на сѣверномъ склонѣ кав-

*) Статья эта хотя написана въ 1870 году, но она не утратила еще своего интереса, такъ какъ для устройства водъ до сихъ поръ сдѣлано очень мало.

кавказскаго хребта, въ ставропольской губерніи, между 40°,3' сѣверной широты и 60°,45' восточной долготы, а именно—въ Пятигорскѣ и его окрестностяхъ.

Присвоеніе Пятигорской группѣ водъ названія кавказскихъ источниковъ послѣдовало еще въ то время, когда о прочихъ минеральныхъ ключахъ или не было извѣстно вовсе, или имѣлись самыя неудовлетворительныя свѣдѣнія. И хотя на нѣкоторые изъ минеральныхъ источниковъ на западѣ и въ сѣверо-восточной части Кавказа, по замѣчательной ихъ оригинальности и богатству содержанія, по окончаніи кавказской войны, обращено уже должное вниманіе, однако Пятигорская группа водъ одна только пользуется донныиъ названіемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ. Такое названіе за нею сохранию и я.

Семью кавказскихъ минеральныхъ водъ составляютъ четыре вполне самостоятельныя группы источниковъ, совершенно различныхъ по своимъ внутреннимъ качествамъ и отдѣленныхъ другъ отъ друга довольно значительнымъ разстояніемъ.

Первая изъ этихъ группъ находится въ Пятигорскѣ и состоитъ изъ горячихъ сѣрныхъ и сѣрнощелочныхъ ключей, различной температуры и силы.

Вторая группа образуется въ Желѣзноводскѣ, въ разстояніи 16½ верстъ отъ Пятигорска, изъ горячихъ источниковъ желѣзистыхъ, до 40° R.

Третья группа находится въ Ессентукахъ, въ разстояніи 18 верстъ отъ Пятигорска, и состоитъ изъ холодныхъ солянощелочныхъ и сѣрнощелочныхъ источниковъ.

Наконецъ четвертый пунктъ въ Кисловодскѣ, въ разстояніи 22 версты отъ Ессентуковъ, представляетъ углекислый ключъ Нарзанъ.

Группы эти именуются, по мѣсту нахождения источниковъ: Пятигорскою, Желѣзноводскою, Ессентукою и Кисловодскою. Въ окрестностяхъ этихъ главныхъ четырехъ группъ находится еще нѣсколько другихъ самостоятельныхъ ключей, какъ, напримѣръ: Калмыкаевскій и Кумогорскій, сѣрнощелочные, въ 7 и 17, и купоросный въ 4 верстахъ отъ Желѣзноводска, и горькосоленый въ 20 верстахъ отъ Пятигорска; но источники эти не приспособлены для ваннъ, и не имѣютъ поэтому никакого значенія въ административно-хозяйственномъ отношеніи.

Первое извѣстіе о существованіи на Кавказѣ минеральныхъ водъ дошло до насъ, какъ предполагають, около 1717 года, когда въ

окрестностях Петровска и по Тереку путешествовать лейбъ-медикъ Петра Великаго, Шобертъ, имѣвшій повелѣніе розыскивать минеральныя воды. Въ описаніи этого путешествія онъ упоминаетъ, что въ 2 — 3 дняхъ пути отъ Петровска, по слухамъ, существуютъ горячія воды и кислый источникъ «въ землѣ черкасовъ». Но подробное знакомство и изученіе Пятигорья и Прикумскаго края было произведено только въ 1773 и 1793 годахъ учеными путешественниками Гольденшtedтомъ и Палласомъ.

Интересъ открытія водъ, конечно, не могъ не имѣть значенія относительно тогдашняго, наиболѣе образованнаго общества; но состояніе края было таково, что долгое время не было возможности заняться желаемымъ устройствомъ минеральныхъ источниковъ. Ученый путешественникъ Клапротъ еще въ 1807 г. видѣлъ при Пятигорскихъ водахъ только одинъ небольшой деревянный домъ и одну грубо выстѣченную въ туфяной скалѣ ванну на 6 челоуѣкъ. Посѣтителѣ помѣщались днемъ вокругъ источника въ балаганахъ и кибиткахъ, а ночевать отправлялись въ укрѣпленіе Константиногорское, основанное въ 1780 г. Изъ укрѣпленія на другой день снова начиналось путешествіе къ источнику, не иначе какъ въ сопровожденіи воинскаго конвоя, въ огражденіе нападенія со стороны горцевъ, такъ какъ лѣсистая мѣстность вокругъ извѣстныхъ горъ Машуки и Бетлау много способствовала ихъ нечаяннымъ нападеніямъ. Не смотря однако на такія неблагопріятныя условія пользованія водами, число пріѣзжихъ изъ Россіи на воды семействъ въ 1811 году возросло до 200.

Въ этомъ же году, въ виду недостаточности помѣщеній для находившихся на излеченіи, правительствомъ предписано казачьимъ ордамъ, кочевавшимъ въ степяхъ астраханскихъ и саратовскихъ, въ видѣ подати, выставлѣть ежегодно при минеральныхъ источникахъ въ горячеводской долинѣ ¹⁾, на время курса, по еѣ вѣнотокъ, для отдачи ихъ въ наймы пріѣзжающимъ. Въ 1812 году, въ означенной долинѣ были построены первые два дома, и тѣмъ положено основаніе Пятигорску, который, разрастаясь съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, въ 1830 году получилъ организацію и права уѣзднаго города.

¹⁾ Гдѣ нынѣ находится Пятигорскъ.

Лечение подами первоначально производилось под наблюдением поселянских врачей, принадлежавших къ частям войскъ, находившихся вблизи Пятигорья, или медиковъ, прѣзжавшихъ съ больными. Съ 1803 г. началось назначеніе постоянныхъ врачей при подахъ. Развитіе же необходимыхъ при подахъ построекъ подвигалось не особенно быстро. До 1810 г. при пятигорскомъ источникѣ стояла одна только общая тѣсная баня на 6 человекъ, недопускавшая возможности брать ванны сколько нибудь охлажденные или при-способленныя къ потребностямъ одиночнаго леченія. Больные сами ставили накладки на стокахъ минеральныхъ ключей и купались въ нихъ. Впослѣдствіи заботы правительства и частная благотворительность измѣнили этотъ необычный способъ пользованія и, съ упроченіемъ сношеній въ край, началось развитіе средствъ для доставленія больныхъ удобствъ посетителямъ.

Въ 1819 году было приступлено къ устройству подъ на болѣе рациональныхъ условіяхъ. А. П. Ермоловъ, управлявшій тогда кавказскими краемъ, понимая, что Кавказскія минеральныя воды должны имѣть значеніе не только для одного Кавказа, но и для всей Россіи, сдѣлалъ распоряженіе о распланировкѣ мѣстности, облетанной Пятигорскіе ключи, и постройкѣ болѣе соотвѣтственныхъ зданій. Затѣмъ, въ 1822 году неслучайно было Высочайшее повелѣніе на устройство подъ, и для производствъ работъ приглашены извѣстные архитекторы, братья Бернардацци.

Съ этого времени Пятигорскъ сталъ быстро развиваться; различныя сооруженія, парки, сады, гроты, бульвары, галереи возникли на мѣстѣ прежняго становища кибитокъ.

Слѣдовавшіе за Ермоловымъ правители края, въ особенности генералы: Г. А. Эммануэль, А. А. Вельяминовъ, князья М. С. Воронцовъ и А. П. Барятинскій, много способствовали устройству подъ и украшенію Пятигорска. Въ 1824 году заложено архитекторомъ Бернардацци первое капитальное зданіе въ Пятигорскѣ—казенная гостиница. Въ 1826—1831 г. построены Николаевскія ванны, Орловскій и офицерскій дворъ для пенушницъ, разведены главный и малый бульвары и цвѣтники, построены гротъ Діаны и устроены обширные водопроводы для минеральной воды, разбитъ новый паркъ на горѣ за Михайловскими источниками, проложена дорога на вершину Мануки. Въ 1833—1836 г. устроено Вельяминовское шоссе къ верхнимъ источникамъ и основанъ казенный садъ. Въ 1836—40 г. выстроено зданіе Александро-Николаевскихъ

галлерей съ купальнями, а въ 1851 г. источники обдѣлать новымъ срубомъ.

Развитіе Кисловодска начинается съ 1819 г., когда построены были два казенные и восемь частныхъ домовъ для укрѣпленія. Въ 1823 году начата постройка казенной гостиницы и пристроено къ разведенію нѣмъ существующаго въ долину близъ Нарзана парка. Затѣмъ, окончательнымъ устройствомъ водъ, Кисловодскъ обязанъ князю М. С. Воронцову, для котораго онъ былъ любимымъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія.

Сдѣлавъ, такимъ образомъ, краткій историческій очеркъ развитія водъ, по сибѣинымъ, находящимся въ сочиненіяхъ гг. Баталіина, Палласа, Кланрота, Смирнова и другихъ, мы перейдемъ къ обзору организаціи управленія кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Уже въ 1815 году последовало повелѣніе о назначеніи особаго смотрителя водъ, съ опредѣленіемъ ему на содержаніе и для ремонта ваннъ по 500 руб. въ годъ.

Вслѣдствіи работы по устройству въ Пятигорскъ ваннъ пропавшійся подъ надзоромъ особой строительною комиссіи, занимавшейся въ тѣхъ и распланированіемъ и устройствомъ города.

Въ 1847 году учреждена дирекція кавказскихъ минеральныхъ водъ, состоявшая изъ директора, которому были присвоены права военнаго губернатора по прѣмъ курса, и изъ членовъ по искусственной, медицинской и хозяйственной частямъ. При дирекціи полагался медицинскій комитетъ для наблюденія и изученія водъ, и ихъ употребленія. На всѣ группы водъ опредѣлены были особые медики, подчинившіеся наблюденію главнаго доктора водъ, и офицеры для надзора за купальнями и прислугой. Дирекція водъ подчинялась общему надзору командующаго войсками на линіи, подъ главнымъ начальствомъ наместника края.

1-го декабря 1861 года дирекція упразднена, и воды со всѣмъ имуществомъ и заведеніями, княземъ А. П. Барятинскимъ, переданы въ заведѣваніе дѣйствительному статскому совѣтнику Новосельскому, на правахъ контрагента, на восемь лѣтъ.

Въ 1869 году истекаетъ срокъ аренднаго содержанія водъ г. Новосельскимъ, и уполномоченный его, тайный совѣтникъ Харитоновъ, представилъ начальнику главнаго управленія наместника кавказскаго запіску, въ которой изложилъ, что, по невозможности составить общій планъ дѣйствій для приведенія кавказскихъ минераль-

ныхъ водъ къ полному ихъ устройству во всѣхъ отношеніяхъ и рѣшить: можетъ ли такой планъ быть выполненъ, какъ отдѣльное предпріятіе, или необходимо слѣзать его съ нѣтъющимся въ виду и получившимъ уже высочайшее одобреніе проектомъ желѣзной дороги на Сѣверный Кавказъ, которая должна проходить чрезъ Пятигорскъ, было бы осторожнѣе и благоразумнѣе, по вхождъ въ новыя соглашенія на сколько нибудь продолжительный срокъ, продлить дѣйствіе заключенныхъ въ 1861 году съ дѣйствительными статскими совѣтниками Новосельскими на 8 лѣтъ условій, безъ всякаго существеннаго въ нихъ измѣненія, еще на одинъ годъ, т. е. по 1-е декабря 1870 года. На что разрѣшеніе и повелѣніе дано.

Существующая администрація водъ сослужила службу обществу, заботясь управленіемъ водъ въ теченіе 9-ти лѣтъ. Не имѣя въ виду отчета объ управленіи водами за это время, я не считаю себя въ правѣ относиться критически къ дѣятельности контрагентства. Но воздерживаясь отъ всевозможныхъ сужденій относительно дѣятельной контрагентства, нельзя не обратить вниманія на существующую организацію управленія водъ и на результаты дѣятельности администраціи, выразившіеся современнымъ состояніемъ водъ.

Управленіе водами, по всѣхъ отношеніяхъ, сосредоточено въ лицѣ директора, которому даны въ помощъ заведующій канторою и архитекторъ. При дирекціи состоитъ консультація изъ четырехъ медиковъ, заведующихъ вѣдѣть съ тѣмъ и группами водъ по прежнему курсу, акушера и библіотекарь. На каждой группѣ водъ имѣется смотритель, а при нѣкоторыхъ купальняхъ, кромѣ того, состоитъ еще и смотрительница.

Администрація такого рода представляетъ изъ себя копію съ бывшей казенной дирекціи водъ, но копію невольно удачную, въ томъ отношеніи, что въ лицѣ директора водъ сосредоточены всѣ права и обязанности бывшихъ комитетовъ медицинскаго и строительнаго. Директоръ долженъ совмѣщать въ себѣ всевозможныя спеціальныя познанія: онъ — и главный докторъ, и бактериологъ, и строитель, и администраторъ водъ.

Неудобства организаціи такого рода не могли не отразиться на хозяйственномъ состояніи водъ, хотя по главѣ управленія водами и былъ поставленъ человѣкъ, пользующійся репутаціею умнаго, энергичнаго и трудолюбиваго дѣятеля.

Обозрѣвая современное состояніе водъ, я не могу не отдать справедливости стремленіямъ администраціи водъ къ приведенію ихъ,

по возможности, въ лучшее состояніе. Я не могу не обратить вниманія на заслуги ея по изслѣдованію и изученію источниковъ, по постройкамъ, имѣющимъ цѣлю украшеніе водъ. Я не могу не указать на важныя работы, производимыя нынѣ по инициативѣ администраціи, какъ то: на геологическія изслѣдованія по соединенію источниковъ и увеличенію количества даваемой ими воды; на гидравлическія изслѣдованія по осушенію болотъ и по устройству подпроевдовъ п. наконецъ, на работы въ Натигорекъ по продолженію аллеи бульвара до казеннаго сада и проложенію дороги по Эмиануеленскому парку. Но за всѣмъ тѣмъ необходимо сознаться, что какъ не замѣтны и не плодотворны результаты подобной дѣятельности,—дѣятельность эта была слишкомъ ограничена; она не обнимала всѣхъ потребностей какъ самыхъ водъ, такъ и посѣтителей.

§ 10-мъ приняты объ управленіи водами, контрагентству, между прочимъ, вѣдѣно въ обязанности, «созаботиться благоустройствомъ водъ въ такой степени: чтобы онѣ соответствовали ожиданіямъ публики и чтобы удобства и пріятность жизни на водахъ привлекали къ нимъ посѣтителей не только изъ Россіи, но и изъ другихъ европейскихъ государствъ.» Это обязательство осталось мертвой буквой; въ отношеніи доставленія публикѣ удобствъ и пріятности жизни на водахъ контрагентствомъ сдѣлано очень немного, чтобы не сказать—вообще ничего.

Первыми и самыми существенно важными потребностями жизни современнаго человѣка, безъ сомнѣнія, считаются: удобное, удовлетворяющее необходимымъ гигиеническимъ условіямъ жилище, соответствующее состоянію здоровья и образу жизни пище, сносные пути сообщенія, отдыхъ или развлеченіе послѣ занятій, а главное, чтеніе. И если цивилизація вѣка потребности эти считаетъ необходимыми для человѣка, наслаждающагося цвѣтущимъ здоровьемъ, то тѣмъ болѣе должна признать право на нихъ человѣка, физически или нравственно больного.

Между тѣмъ большыя, посѣщающіе кавказскія воды, во время курса подлечаются неспособнымъ удобствамъ въ отношеніи удовлетворенія самыхъ существенныхъ потребностей жизни.

Обратимъ прежде всего вниманіе на удобства, доставляемыя посѣтителямъ водъ въ отношеніи помѣщенія.

Натигорекъ, городъ съ 9-ти тысячнымъ населеніемъ, имѣетъ всего двѣ гостиницы и три заѣзжихъ дома, въ которыхъ числятся

до 40 номеровъ. Въ Ессентукахъ — одинъ заѣзжій домъ съ 4-мя номерами, въ Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ два, три заѣзжихъ дома съ 15—20 номерами.

Номера въ этихъ гостиницахъ и заѣзжихъ домахъ, при такомъ незначительномъ числѣ ихъ, постоянно заняты, и потѣ прїѣзжему, не могущему почему либо заблаговременно запастись квартирой, приходится съ семьей и всѣмъ домашнимъ скрѣбомъ, по нѣскольку часовъ ночью или подъ дождемъ, разѣзжаться по улицамъ, толкаться изъ дома въ домъ, пока не отыщется для себя маломальски сноснаго помѣщенія.

Хотя при группахъ водъ есть по нѣскольку домовъ, выстроенныхъ жителями съ исключительной цѣлью отдѣли въ наемъ прїѣзжающимъ лечиться, но домовъ этихъ, по-первыхъ, немного; во-вторыхъ, постройка ихъ — плодъ спекуляціи; а въ-третьихъ, наемъ ихъ — счастье, выпадающее на долю немногихъ избранныхъ, имѣющихъ хорошія средства. Квартіры въ этихъ домахъ отдаются не иначе, какъ на цѣлый курсъ, и стоятъ 200, 300, 400 руб. въ сезонъ курса, такъ что большому, имѣющему, по роду болѣзни, надобность пройти двѣ-три группы водъ, приходится расходовать на одиѣ квартиры отъ 500 до 1000 р. въ лѣто.

Другіе дома на водахъ блистаютъ полнымъ отсутствіемъ всякихъ удобствъ, въ особенности гнѣдическихъ. Это болѣею частью безсмысленныя сочетанія комнатъ, комматокъ, кѣтушекъ, приставленныхъ одна къ другой съ единственной цѣлью извлечь изъ публики елико возможно болѣе презрѣннаго металла. А такъ какъ спросъ квартиръ превышаетъ предложеніе, то всѣ эти, продуваемые насквозь, грязныя, низкія, сырыя, обжигаемыя собственнымъ тѣломъ посѣтителей каморы невозможныхъ формъ и размѣровъ занимаются публикой. Отдача въ наемъ ихъ производится также на весь сезонъ, но отдаются онѣ и на мѣсяць, и даже посуточно. Среднія стоимости жилищъ такого рода можно опредѣлять 1 руб.—1 руб. 50 коп. въ сутки.

Есть еще третій разрядъ помѣщеній для посѣтителей водъ. Это — казачьи турлужныя избы. Въ нихъ загоняетъ посѣтителей или ограниченность средствъ, или невозможность прїискать что-либо лучшее. Это не болѣе, не менѣе, какъ смѣсь грязи и вони. Наемъ избы обходится 40—50 коп. въ сутки. Однимъ изъ величайшихъ неудобствъ жизни въ избахъ нужно считать также отсутствіе прислуги. Хотя при наймѣ квартиръ, хозяева и обязываются давать

для услугъ: кто работницу, кто мальчика или дѣвочку изъ своей семьи; но, съ наступленіемъ лѣта, всѣ взрослые уѣзжаютъ въ поле, или, какъ они выражаются, въ степь на работу; а дѣти,—или исполняютъ свои домашнія работы, или убѣгаютъ изъ дому, такъ что посѣтителѣмъ приходится частенько сидѣть безъ чаю, или выходить въ печенномъ платьѣ и сапогахъ.

Неудобства эти могли бы быть устранены, если бы управленіе подъ озаботилось постройкою гостиницы на всѣхъ группахъ водъ.

Необходимость обезпеченія пріѣзжающихъ квартирами была соизнана еще казеннымъ управленіемъ. Однимъ изъ первыхъ зданій, построенныхъ въ Пятигорскѣ, по мысли А. П. Ермолова, — была казенная гостиница. Гостиница эта и донынѣ какъ бы служить упрекомъ администраціи водъ въ отсутствіи заботливости о нуждахъ посѣтителей. Она одна открываетъ свои гостепріимныя двери прибывающимъ издалека гостямъ. Въ Кисловодскѣ хотя и есть казенная гостиница, но при ней нѣтъ нужеронъ. Построенные же, по инициативѣ того же А. П. Ермолова, посѣтительскіе дома обращены: въ Желѣзноводскѣ—подъ аптеку и контору группы; въ Пятигорскѣ—подъ квартиру директора; а въ Кисловодскѣ—развалились отъ времени. Хотя при передачѣ водъ въ вѣдѣніе конгрессионства, ему и было предоставлено право — или строить гостиницы на всѣхъ группахъ самому, или приглашать частныхъ лицъ, но условіе это почему-то осталось неисполненнымъ.

Гастрономическія потребности публики, за небольшими исключеніями, удовлетворяются лицами, арендующими принадлежащія управленію поды: въ Пятигорскѣ—гостиницу, а на прочихъ группахъ поды—кухмистерскія заведенія. (Гостиницами мы не считаемъ себя въ правѣ называть заведенія, при которыхъ нѣтъ не только нужеронъ, но даже бильярдныхъ залъ). Кулинарное искусство въ этихъ заведеніяхъ стоитъ на самой низшей ступени развитія. Меню обѣда блещетъ постоянно гусями, цыплятами, индѣйками и вѣчно неизмѣняемъ «жаренымъ баранкомъ», или, выражаясь проще, бараниной. Блюда, составляющія основаніе современной кухни, появляются весьма и весьма рѣдко. Цѣна порціонъ назначена въ 20, 30 к. Цѣна на все прочее, въ особенности на вина заграничныя, высока до немнотрости: бутылка самаго ординарнаго хереса или портвейна стоитъ 3 р. 50 к.

Недостатокъ надзора ощущается во многихъ; такъ, напримѣръ, предписанія медиковъ въ отношеніи соблюденія діеты строги. Боль-

ному совѣтуютъ остерегаться отъ употребленія въ пищу всего кислаго, соленого, жирнаго. Между тѣмъ, въ кухмистерскихъ управленіяхъ, какъ нарочаю меню обѣда составляется изъ блюдъ кислыхъ, соленыхъ или жирныхъ.

Пути сообщенія между группами напоминаютъ вѣка давно минувшіе. Рука человѣка еще не рѣшается нарушить непорочную дѣятельность гигантовъ горъ, проложить новый шоссеиный путь по живописно-холмистой котловинѣ Пятигорья. Таже старая дорога, по которой скакали когда-то дикій горецъ къ горячему ключу, или къ кипучему Парзану, служить и нынѣ цивилизованному обществу. Только мостъ на Покумкѣ, въ 3 верстахъ отъ Кисловодска, нѣсколько лѣтъ тому назадъ свесенъ бурливой рѣчкой, и теперь diligэнсы контрагентства водъ, а за ними и другіе экипажи съ поѣздителями водъ, переѣзжаютъ въ бродъ то мѣсто, гдѣ, по преданію, былъ мостъ. Въ сухое лѣто, когда рѣчка лежитъ покойно, лѣло обходится безъ бѣды, но нынче лѣтомъ, какъ-то послѣ дождей, когда diligэнсы объѣзжаютъ на построенный въ сторонѣ мостъ, какой-то князь, пустившійся въ бродъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно переѣзжаютъ экипажи, едва не погнѣбъ: тарантасъ его наноромъ, волнѣ былъ опрокинутъ, вещи унесены и самъ онъ едва спасся, и то благодаря случившимся въблизи казакамъ.

Изданная контрагентствомъ въ 1868 году, Исторія Ессентуковскихъ водъ говоритъ, что «заботясь объ удобствахъ сообщенія между группами водъ, П. П. Муравьевъ, въ бытность свою въ Ессентукахъ въ 1851 году, приказалъ проложить прямую экипажную дорогу отъ Ессентуковъ къ Желѣзноводску, чрезъ Вештаугорскій лѣсъ. Началась переписка съ лѣснымъ вѣдомствомъ и даже приступлено было къ вырубкѣ части лѣса; но вскорѣ, по освидѣтельствованіи генераломъ Завадовскимъ, найдены были различныя неудобства и, вслѣдствіе того, сдѣлано распоряженіе объ остановкѣ работъ». Изъ этой краткой замѣтки видно, что потребность лучшихъ путей сообщенія была создана назадъ тому 20 лѣтъ.

Между группами водъ ходятъ ежедневно diligэнсы контрагентства. Кромѣ того, можно нѣтъ всегда тарантасъ, запряженный, по старинному, тройкой лошадей. Этими промысламъ занимаются нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей. Но извозный промыселъ на группахъ, за исключеніемъ Пятигорска, не развитъ. Въ Листкѣ для поѣздителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ, нынѣшнимъ лѣтомъ постоянно печаталось объявленіе слѣдующаго со-

держания: «Фаятонъ для желающихъ ѣздить въ Желѣзноводскъ въ часъ 60, отъ ванны 40 к... Спросить извозчика Ефима и т. д.»... Этотъ злополучный фаятонъ былъ единственнымъ наемнымъ экипажемъ въ Желѣзноводскѣ. Извозчикъ Ефимъ, по своему усмотрѣнію, располагалъ поѣздками нашихъ прекрасныхъ посѣтительницъ. Съ его словами, а не съ предписаніемъ доктора, нужно было согласовать свои дѣйствія. Если Ефимъ сказалъ: «нельзя ѣхать,» — значитъ, дѣйствительно нельзя. Или поѣздка должна состояться въ тарантасѣ.

Нѣкоторые изъ посѣтителей, люди далеко несостоятельные, вынуждены были выписывать извозниковъ изъ Пятигорска. Другіе же, изъ числа жившихъ въ казачьихъ избахъ, въ дождливые дни, когда грязь затопляла улицы, вынуждены были ѣздить къ ваннамъ въ арбахъ, запряженными быками.

Положа руку на сердце, невольно приходится сознаться, что развитіе образа жизни на водахъ недалеко ушло отъ того добраго старатаго времени, когда больные сами ставили для себя при источникахъ палатки и подогревали воду.

Высокое наслажденіе музыкою у себя дома посѣтителямъ вода въ недоступно, за исключеніемъ двухъ трехъ семействъ, которыя, по особой благосклонности фортуны, пользуются разстроенными клавирами. Большинство публики довольствуется тѣмъ, что управленіе вода предоставляетъ ему. Но управленіе вода предоставляетъ публикѣ не очень много, — два хора полковой музыки для всѣхъ группъ.

Хоры эти въ Ессентукахъ и Желѣзноводскѣ, въ теченіе нынѣшняго сезона, играли: въ первомъ — съ небольшимъ три, а въ послѣднемъ — четыре недѣли. Танцевальныхъ вечеровъ было на общественныхъ группкахъ не больше десяти.

При этомъ необходимо замѣтить, что танцы въ Ессентукахъ производятся въ залѣ, имѣющей 16 шаговъ длины и 9 ширины.

Въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ удовольствія конечно болѣе полны, чему способствуетъ отчасти большое стеченіе публики, отчасти болѣе блестящая обстановка, отчасти личное присутствіе самого директора вода. Конечно, имѣя въ своемъ распоряженіи только два хора полковой музыки, дирекція вода и не можетъ поступить иначе. Но вѣдемъ еще двухъ оркестровъ музыки съ вози устранить бы это неудобство, а публика, вѣроятно, не отказалась бы покрыть сопряженный съ тѣмъ расходъ подпискою.

Прогулки, кавалькады, за исключеніемъ Пятигорска, составляются очень рѣдко. Верховыхъ лошадей на группахъ немного, такъ, напримѣръ, въ Желѣзноводскѣ содержится всего 4 лошади, въ Ессентукахъ же и того нѣтъ. Желающіе кататься берутъ лошадей у казачковъ, съ платой по 50 — 75 коп. въ часъ; но и это не всегда возможно, такъ какъ въ рабочее время — или лошади, или казаки въ «степи на работѣ».

Бильярдовъ, за исключеніемъ Пятигорской гостиницы, при группахъ водъ содержать не полагается; но въ Кисловодскѣ есть шахматы, а въ Ессентукахъ и Желѣзноводскѣ — бѣгли. Хотя исторія кегельбановъ и восходитъ не весьма въ отдаленное время, но они пользуются печальною извѣстностью безпреречно состарившихся представителей послѣднихъ построекъ: шары оказываютъ попятное припятіе эллиптическую форму. Завѣдываніе кегельбанами находится въ рукахъ нижнихъ чиновъ состоящей при водахъ команды, не отличающихся ни особеннымъ пониманіемъ дѣла, ни особенной вѣжливостью.

Чтеніе книгъ, журналовъ и газетъ на водахъ не запрещено. Библіотека въ Пятигорскѣ существуетъ; подписка на чтеніе открыта; за 2 руб. въ мѣсяцъ публикѣ предоставляется право читать всѣ находящіяся въ библіотекѣ періодическія и неперіодическія произведенія печати; публика подписывается — но читать не можетъ, или можетъ читать, но очень немногое.

Явленіе это объясняется тѣмъ, что библіотека со времени поступленія ея въ вѣдѣніе контрагентства въ 1851 году, не пополняется ничѣмъ, за исключеніемъ выписки нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ.

Въ библіотекѣ по каталогу состоитъ всего иностранныхъ: романовъ, повѣстей и стихотвореній — 85; историческихъ сочиненій, путешествій, записокъ и проч. — 48; переводныхъ: романовъ, повѣстей и стихотвореній — 114; историческихъ сочиненій — 65; русскихъ: книгъ духовнаго содержанія — 41; романовъ, повѣстей и стихотвореній — 120; историческихъ сочиненій, путешествій, записокъ и проч. 80 книгъ. Но что это за книги — можно судить по тѣмъ немногимъ экземплярамъ, заголовки которыхъ мы приводимъ: «Спящая исторія Вѣтхаго Заѣта»; «Библіотека шазидательнаго чтенія»; «Притчи евангельскія», приспособленныя къ понятіямъ дѣтей; «Путь къ спасенію», 1817 г.; «Дѣтскіе вечера или игры»; «Робинзонъ Крузе»; «Дипона», древняя быль; «Скифская исторія»

Лылова, 1787 г.; «Путешествіе по Греціи Анахарсиса младшаго», 1809 г.; «Лѣтняя прогулка по Финляндіи», Булгарина; «Исторія о разореніи Трои, столичнаго города Фригенскаго царства»; «Исторія о странствіяхъ вообще», 1782—1787 г.; «Всемирный путешественникъ», 1813—1816 г.; «Исторія войнъ Катилины и Югурты» Озерцовскаго, 1809 г.; «Заговоръ противъ себя, или сонъ въ руку», сценическія бездѣлки; «Герцогиня Лавальеръ», романъ Жанлисъ 1815 г.; «Хромой бѣсъ», Лесажа и «Похожденія Жиль-Блаза», его же, 1815 г.; романы Пюльдекока въ числѣ 10; «Бѣдная Лиза», Карамзина; «Загадки на святки», Алферьева; «Невѣста подъ замкомъ», Нарезнаго; «Козыма Рощинъ», Загоскина; «Супружескія благополучія», Филимонова; и, наконецъ, драгоценный перлъ библіотеки—«Увеселенія женскаго пола или собраніе разныхъ приключеній», съ нѣмецкаго переведено академіи наукъ переводчикомъ Василіемъ Лебедевымъ въ 1764 году.

Въ читальной комнатѣ библіотеки имѣются нѣсколько журналовъ и газетъ. Пятигорская публика можетъ слѣдить хотя за общимъ направленіемъ современнаго движенія въ обществѣ; но посылители другихъ группъ должны довольствоваться одними крупницами, переносимыми со стола скудной пятигорской литературной трапезы. Изъ высылаются однѣ старыя газеты. Такъ какъ газеты выписываются библіотекой для всѣхъ группъ въ одномъ экземплярѣ, а группы въ теченіе лѣта имѣютъ каждая свой купальный сезонъ, напр.: Желѣзноводскъ—въ іюль, Кисловодскъ—въ августъ, то газеты, наиболее читаемыя, какъ, напр.: «Голосъ», «Московскія и Петербургскія Вѣдомости», по прочтеніи въ Пятигорскѣ, направляются на ту группу, гдѣ купальный сезонъ вступилъ въ свои права. Посылители же прочихъ группъ должны довольствоваться или старыми нумерами упомянутыхъ выше газетъ, по прочтеніи ихъ на группахъ, представителями нахъ въ данное время водъ, или же «Правительственнымъ Вѣстникомъ», «Новымъ Временемъ» и «Современными Извѣстіями», высылаемыми на эти группы по особой подпискѣ.

Но быть можетъ средства библіотеки такъ ничтожны, что выписка книгъ и большаго числа журналовъ и газетъ невозможна? Ничуть не бывало. Библіотека въ 1869 г. дала доходу 504 руб., но изъ нихъ 258 р. употреблено на жалованье библіотекару.

Благопріятный пеходъ бохѣзни при леченіи минеральными водами, по мнѣнію врачей, заивентъ главнѣйшимъ образомъ отъ со-

блюдения больных спокойнаго состоянія духа. Но при существовании такихъ, по выраженію одного курсонаго остряка, «капитальныхъ» неудобствъ въ быту больныхъ, едва ли возможно сохранить больному спокойствіе духа, а следовательно, и приобрести нѣсколько лишнихъ шансовъ въ борьбѣ съ болѣзью. Въ отчетахъ медиковъ о лечившихся на водахъ мы находимъ особую рубрику о больныхъ, пользовавшихся безъ успѣха. Въ числѣ больныхъ этой категоріи, вѣроятно, есть не мало и такихъ, которые не могли получить облегченія отъ болѣзни, не вследствие упорнаго ея сопротивленія, но по причинамъ, вызваннымъ неблагоприятными условіями жизни на водахъ.

Самое благоустройство водъ заставляеть желать многого. Начнемъ съ указанія на то, что всѣ почти постройки и сооруженія въ Желѣзноводскѣ, за исключеніемъ Муравьевскихъ и Барятинскихъ ваннъ и грота надъ Смирновскимъ источникомъ,—дѣло А. П. Ермолова. Въ то время, когда не только что Пятигорскъ и Кисловодскъ, эти баюбаны высшей и низшей администраціи водъ, но и скромные Ессентуки гордятся своими грандіозными галереями, покаянами и паннами, одинъ Желѣзноводскъ поражаетъ посетителя своими уродливыми турлучными постройками, между которыми нѣкоторыя сохраняють и понынѣ свои ветхозавѣстные тростниковыя крыши. Вѣсто резервуаровъ, при однихъ ваннахъ, какъ, напр., при калмыцкихъ, поставлены деревянные чаны, въ которыхъ воды, по выраженію мѣстныхъ остряковъ, процвѣтають; а при другихъ — какъ, напр. при ваннѣ № 8 — нѣтъ даже и чановъ: вода накачивается рабочими солдатами прямо изъ источника посредствомъ насоса. Самые лучшіе источники для внутренняго употребленія, какъ, напр. № 8 и 10, не имѣють ни бѣѣдокъ, ни помпъ даутона. Водоемы ихъ едва познаются надъ землею и прикрываются, какъ какія нибудь классовыя кадки, деревянными кружками. Галерея — турлучная маленькая (32 шага длины), темная, мрачная, стоитъ задомъ къ мѣсту прогулокъ. Предъ лицемъ ея фасадомъ красуется полуразрушенная прежнеемъ ванна источника № 8, съ ея классическимъ насосомъ. Вообще, своей уродливой постройкой и внутренней дикой пустотой, галерея эта напоминаетъ нѣчто среднее между пріемной городничаго и залой пытокъ.

Въ нѣкоторыхъ ваннахъ, какъ, напр. въ Ессентуцкихъ № 17, оказывается недостатокъ воды. Положеніе больного, на долю котораго выпадеть печальный участь — быть на водахъ и не пользо-

ваться водами—независимо. Для того, чтобы принять известное число ванн, онъ прѣхалъ изъ-за 1000 или 2000 перестъ, израсходовать собранныя долгиыя усидичныя трудомъ средства, — и вотъ на подыхъ, у ваннъ, о которыхъ онъ столько думалъ, въ цѣлебность которыхъ такъ вѣрить, что стоитъ только кажется броситься въ эту ванну, какъ въ купель Силоажскую, и онъ выйдетъ изъ нея здоровъ и бодръ, съ новыми силами на новый трудъ, на новыя заботы о дорогихъ сердцу существахъ,—пристанники, солдаты, разбоишны: въ прахъ всѣ его иллюзіи, мечты и надежды, говорить ему: «поды вѣтъ, пожалуйста завтра»... Завтра повторяется тоже,— и вотъ источникъ жизни и силъ становится источникомъ такого прискорбнаго столкновенія, какое произошло нынче дѣломъ между однимъ посѣтителемъ и смотрителемъ группы.

Кажется страннымъ, но обстоятельства совпадаютъ, какъ нарочно, именно такъ, что на долю такихъ бѣдняковъ, какъ приведенный нами выше труженникъ, выпадаетъ несчастіе быть занесеннымъ на получение ваннъ въ то время, когда воды неимѣется. Мы думаемъ, что назначеніе особыхъ смотрителей, для всѣхъ, болѣе или менѣе значительныхъ ваннъ, по примѣру Мурановскихъ, Барятинскихъ и другихъ, было бы не безполезно.

Самый же недостатокъ воды въ ваннахъ не только могъ бы быть устраненъ, но даже получилась бы такая экономія воды, которая дала бы возможность открыть еще нѣсколько ваннъ, если бы воды источниковъ, не удовлетворяющихъ всей потребности купальнаго сезона по выпуску продолженію зима, не собирали въ герметически закупоренныя, цементованныя цистерны.

Для хранения дождевой воды въ городахъ, имѣющихъ мало прѣсной воды, въ особенности въ мѣстахъ приморскихъ, гдѣ требованіе прѣсной воды для плавники приходящихъ судовъ превышаетъ мѣстные средства, устраиваются упомянутыя выше цистерны. Онѣ имѣютъ видъ зарытыхъ въ землю большихъ глиняныхъ узкогорлыхъ сосудовъ, снабженныхъ помпой Давтона, и могутъ сохранять воду безъ всякой порчи долгое время. Устройство ихъ стоитъ недорого. Цистерна въ 25 арш. поперечника и 30 высоты обоилась бы не болѣе 3,000 руб.

Меблировка купальни, казенное бѣлье и содержаніе ваннъ не могутъ не поражать посѣтителя, привыкшаго къ приличной обстановкѣ. Меблировка купальни состоитъ обыкновенно изъ диванчика, или скамьи со спинкою, прикрытыхъ поилочнымъ ковромъ, малень-

каго столѣика и зеркальца. Все это, за немногими исключеніями, изъ простаго дерева, домашней топорной работы, окрашено красной масляной краской и даже не покрыто лакомъ. Въ ваннахъ комнатахъ по угламъ стоятъ ящики и шкафы, сѣбѣи употребляются сальные: вмѣсто подстилки служатъ бутылки. Бѣлье толстое, суровое и пахнетъ мыломъ или затхлостію. Прислуга изъ ваннахъ изъ строевыхъ солдатъ, по небрежности или по незнанію своихъ обязанностей, дѣлаетъ ванны иногда теплѣе, иногда холоднѣе противъ опредѣленнаго. Непряблѣнность и нечистоплотность солдатъ изумительны. При одномъ изъ лучшихъ гротовъ при источникѣ можно было видѣть пыльныхъ лѣтомъ солдата, который днѣмъ, при публичнѣ, ложился на устроенную изъ вѣ гротѣ постель.

Учрежденіе минеральныхъ командъ при кавказскихъ минеральныхъ водахъ состоялось въ то время, когда солдатъ употреблялся на службу повсюду, гдѣ было что нибудь казенное. Нынѣ же обстоятельства измѣнились. Военное министерство, въ видахъ облегченія рекрутской повинности для народа, стремится, по возможности, во всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ существуютъ казенныя обязательныя работы, вводить вольнонаемный трудъ, отпуская въ распоряженіе этихъ учрежденій всѣ суммы, которыя расходуются на содержаніе рабочихъ изъ нижнихъ чиновъ. Администрація водъ перешла въ частныя руки и, кажется, пріиме ея интересы требуютъ занятія солдатъ вольнонаемной прислугой.

Хотя существованіе командъ при минеральныхъ водахъ, понынѣшнимъ кондіціямъ на сдачу водъ въ аренду съ 1871 года, и обусловлено 5-ю годами, но казалось бы возможнымъ вопросъ объ упраздненіи командъ возбудить теперь же. Интересы контрагентства оттого нисколько не пострадаютъ: правительство вѣроятно признастъ возможнымъ передать въ его распоряженіе всѣ тѣ суммы, которыя расходуются нынѣ на содержаніе командъ. А такъ какъ содержаніе солдата обходится правительству отъ 45 до 60 руб. въ годъ и, кромѣ того, контрагентство расходуетъ на выдачу командъ добавочныхъ приварочныхъ денегъ и на теплую одежду до 2,350 руб. ежегодно, т. е. приблизительно по 22 руб. на каждаго солдата, то за эти деньги можно имѣть хорошую вольнонаемную прислугу, тѣмъ болѣе, если для подачи большимъ водъ у источникѣ и на другія соотвѣтственныя работы будутъ приглашены женщины.

Число поѣстителей на Кавказскихъ водахъ противъ прежнихъ лѣтъ уменьшается. Куръ 1870 года былъ однимъ изъ малочислен-

нѣйшихъ, хотя существующая за границею, по случаю войны, неурядица, казалось, должна бы имѣть вліяніе на усиленіе числа посѣтителей послѣдняго курса.

Быть можетъ, многіе станутъ возражать, но мы убѣждены, что уменьшеніе числа посѣтителей на Кавказскихъ водахъ прямое, естественное послѣдствіе современнаго административно-хозяйственнаго ихъ положенія.

Для возведенія подъ «на ту степень благоустройства, на которой онѣ нѣкогда бы соответствовали бы видамъ правительства и ожиданіямъ публики; въ особенности для привлеченія на воды посѣтителей не только изъ Россіи, но и изъ-за границы», кромѣ тѣхъ мѣръ, къ осуществленію которыхъ приступлено уже, по нашему мнѣнію, необходимо:

а) На всѣхъ группахъ построить помѣстительныя, комфортабельныя гостиницы, — по примѣру гостиницы на заграничныхъ водахъ, съ нумерами, бильярдными и читальными залами и другими помѣщеніями.

б) Гостиницы передать людямъ добросовѣстнымъ, хорошо знающимъ дѣло и понимающимъ свои обязанности въ отношеніи публики, и наблюдать за неуклоннымъ исполненіемъ ими принятыхъ на себя обязательствъ.

в) Устроить тиръ, фехтовальныя и гимнастическія залы, вокзалы, кегельбаны, манежи и озаботиться содержаніемъ ихъ въ удовлетворительномъ состояніи.

г) Имѣть на каждой группѣ водъ въ теченіе всего курса оркестръ музыки.

д) Пополнить бібліотеку выборомъ лучшихъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ литературы, и выписывать ежегодно нѣск. наиболѣе читаемые публикой журналы и газеты для каждой группы водъ.

е) Устроить между группами водъ шоссейныя дороги.

ж) Выѣсто старыхъ деревянныхъ и турлучныхъ ваннъ, галлерей и другихъ безобразныхъ построекъ, возвести, по примѣру прочихъ группъ, новыя каменныя, а надъ источниками, гдѣ больные пьютъ воду, построить бесѣдки.

з) Обезпечить ванны водою соответственію потребностямъ посѣтителей, устроить для того запасныя водохранилища (цистерны).

и) Меблировать приличнымъ образомъ ванны и содержать ихъ въ порядкѣ и чистотѣ.

і) Завести и поддерживать комплектъ хорошаго бѣлья.

к) Заменить солдатъ вольнонаемной вѣжливой и опрятной прислугой.

Чтобы привлечь публику на Кавказскія воды, нужно поставить ихъ въ такое положеніе, чтобы они затмевали заграничныя воды во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе имъ предстонтъ вѣднать самое жалкое существованіе. Кавказская желѣзная дорога — мочь обходоострый: она можетъ доставить посѣтителей Кавказскимъ водамъ и можетъ препроводить за границу и тѣхъ немногихъ посѣтителей водъ, контингентъ которыхъ составляетъ имъ Кавказъ и Закавказье.

Возведеніе водъ на степенъ желасимаго благоустройства требуетъ прежде всего средствъ матеріальныхъ и, выѣсть съ тѣмъ, жизненности сплѣ административныхъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе бюджета водъ, за время контрактнаго срока контрагентства, какъ дѣла частнаго лица, я считаю, однако, возможнымъ позволить себѣ, въ видахъ надлежащаго освѣщенія фактовъ, коснуться общихъ итоговъ матеріальныхъ сплѣ, находившихся въ распоряженіи управленія водъ, съ 1862 по 1869 годъ.

При передачѣ въ 1861 году въ арендное содержаніе водъ, со всѣми постройками и сооружеженіями, мебелью, бѣльемъ и прочею движимостью, въ вѣдѣніе контрагентства поступилъ обезпечивающій сооружеженіе капиталныхъ построекъ «капиталъ водъ», возросшій до 140,000 руб. Выѣсть съ тѣмъ, разрѣшено отпускать управленію водъ ежегодно: на ремонтъ зданій—до 6,000 руб. и въ видѣ субсидій—какъ суммы, расходовавшейся на содержаніе чиновъ бывшей дирекціи водъ, такъ и деньги, причитавшіяся за содержаніе урядисныхъ тогда же $\frac{2}{3}$ роты минеральныхъ водъ, въ размырѣ приблизительно 30,000 руб.

Общій валовой приходъ суммъ съ 1862 по 1870 годъ выражается слѣдующими цифрами:

Въ 1862 году	86,182	р.	17	к.
» 1863 »	83,275	»	84	»
» 1864 »	84,157	»	6	»
» 1865 »	76,076	»	1	»
» 1866 »	67,809	»	90	»
» 1867 »	71,818	»	6	»

Въ 1868 году 72,358 р. 86 к.
 » 1869 » 89,613 » 78 »

Итого 631,291 р. 68 к.

Въ то число поступило субсидій:

Въ 1862 году 22,544 р. 96 к.
 » 1863 » 39,904 » 26 »
 » 1864 » 36,154 » 5 »
 » 1865 » 36,123 » 13 »
 » 1866 » 36,116 » 12 »
 » 1867 » 30,116 » 12 »
 » 1868 » 36,144 » 27 »
 » 1869 » 36,129 » 30 »

273,233 р. 60 к.

Отчислено изъ капитала водъ:

Въ 1862 году 50,984 р. 19 к.
 » 1863 » 18,017 » 95 »
 » 1864 » 4,874 » 92 »
 » 1865 » 4,089 » 50 »
 » 1866 » — » —
 » 1867 » 12,030 » —
 » 1868 » 7,756 » —
 » 1869 » 19,300 » —

117,052 р. 56 к.

Общій итогъ расхода суммъ за то же время опредѣляется слѣдующими цифрами:

Въ 1862 году 93,855 р. 50 к.
 » 1863 » 87,763 » 14 »
 » 1864 » 75,939 » 49 »
 » 1865 » 69,814 » 9 »
 » 1866 » 67,506 » 18 »
 » 1867 » 71,418 » 97 »

Въ 1868 году 76,599 р. 38 к.
 „ 1869 „ 84,430 „ 60 „

Итого 627,327 р. 35 к.

Изъ этого числа употреблено:

а) На ремонтъ и капитальныя работы:

Въ 1862 году 19,993 р. 24 к.
 „ 1863 „ 34,878 „ 19 „
 „ 1864 „ 24,494 „ 92 „
 „ 1865 „ 16,819 „ 99 „
 „ 1866 „ 18,990 „ 24 „
 „ 1867 „ 22,259 „ 19 „
 „ 1868 „ 30,264 „ 3 „
 „ 1869 „ 18,997 „ 93 „

186,697 р. 73 к.

б) На покупку имущества:

Въ 1862 году 16,593 р. 46 к.
 „ 1863 „ 7,694 „ 53 „
 „ 1864 „ 3,013 „ 58 „
 „ 1865 „ 1,279 „ 42 „
 „ 1866 „ 1,180 „ 37 „
 „ 1867 „ 834 „ 94 „
 „ 1868 „ 596 „ 1 „
 „ 1869 „ 153 „ 3 „

31,345 р. 34 к.

Итакъ, матеріальныя силы управленія водъ въ теченіе 8-лѣтняго контрактнаго срока выразились 631 т., въ томъ числѣ дано казною 390 т. (почти 62%). Общій итогъ расхода составляетъ 627 т. Изъ нихъ употреблено: на ремонтъ и сооруженіе зданій 184 тыс., на приобрѣтеніе разнаго рода имущества 31 тыс., всего 215 тысячъ.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что управленіе водъ вело дѣла свои скромно, у него не оказывается дефицита. По нѣмѣсть съ тѣмъ немного и сбережено. Имущество водъ: постройки, сооруженія, мебель, бѣлье, бібліотека и проч. опѣнено, какъ видно изъ объявленія о сдачѣ водъ въ арендное содержаніе на срокъ съ 1871 года, въ 400 т. р. Это—все, что скоплено въ теченіе полу столѣтія (мы считаемъ начало развитія водъ съ 1819 года, со времени первыхъ построекъ А. П. Ермакова). Имущество, цѣнившееся въ 400 т., повторяемъ, сбереженіе небольшое: одна казна расходовала на содержаніе водъ до 56 тыс. руб. ¹⁾ ежегодно.

Конечно, я не позволяю себѣ сдѣлать упрека контрагентству. Оно, по своему, исполнило свои обязанности добросовѣстно: изъ 627 т. р. общаго расхода, оно затратило на ремонтъ и на капитальныя постройки 184 т. р. и на приобрѣтеніе имущества 31 т. р., всего 215 т. р., т. е. болѣе $\frac{1}{3}$ части всего расхода. Но оно нѣмѣло возможность сдѣлать больше. Въ контрактъ съ правительствомъ о содержаніи водъ, у него была статья, которая опредѣляла, что всѣ постройки, которыя окажутся нужными, контрагентство производить на счетъ казны. Этой статьёй нужно было воспользоваться, чтобы поднять, а не уронить значеніе водъ, какъ это, къ сожалѣнію, нѣмѣ оказывается въ результатъ. Правительство, безъ сомнѣнія, не отнеслось бы равнодушно къ заботливому почину администраціи въ дѣлѣ болѣе широкаго развитія внутреннихъ ея водъ.

Минеральныя ключи — это болѣе чѣмъ золотыя росыны. Для края они важны не только въ смыслъ лечебныхъ учрежденій, но и какъ центры, оживляющіе прозябанность, торговлю, населеніе, привлекающіе капиталы и возирающіе казны затрачиваемыя на нихъ суммы въ видѣ косвенныхъ доходовъ. Равнодушіе, отсутствіе заботливости или мизерная система постепенности — болѣе чѣмъ ошибка. Это—непониманіе дѣла, непониманіе интересовъ края, непониманіе общественной пользы.

Иностранныя правительства смотрятъ на свои минеральныя воды не иначе, какъ на источники доходовъ косвенныхъ, и потому не жалѣютъ затрачивать денегъ на развитіе ихъ благосостоянія. Такъ,

¹⁾ Въ этотъ числъ заключаются и расходы на содержаніе при водахъ команды нижнихъ чиновъ.

напр., на устройство купаленныхъ зданій въ 9 мѣз., сардинское правительство въ 1855 году назначило 900 т. франк., а въ 1860 г., по присоединеніи Савойи къ Франціи, императоръ Наполеонъ III ассигновалъ еще 700 тмс. франк. } кромѣ того, примѣрную сумму для другихъ сооружений при тѣхъ } водахъ, всего на устройство Эмскихъ водъ отпущено до 2-хъ милліоновъ франковъ.

Воды Эльстера приобритены небогатымъ саксонскимъ правительствомъ отъ частныхъ лицъ за 90 т. талеровъ, на устройство ихъ оно затратило до 1869 года до 218 т. талеровъ. На устройство Висли императоромъ Наполеономъ обращено было особенное вниманіе. Декретомъ 1861 года онъ повелѣлъ произвести, для украшенія ея, различныхъ сооружений на 3 милліона франковъ.

Общины и частныя лица за границею равномерно не жалѣютъ дѣлать затраты для приведенія своихъ водъ въ наилучшее состояніе. Община Сиа, напр., употребила на устройство одного купаленнаго зданія съ принадлежностями 1,447,631 фр. Другія общины и частныя лица или заключаютъ займы, какъ, напр., Люшонъ (въ департаментѣ верхней Гаронны) въ 300 т. франк., Карлсбадъ въ 300 т. талер.; или же испрашиваютъ себѣ пособіе у правительства, какъ, напр., въ Баих-Воннез, всѣ цѣнныя постройки произведены на счетъ правительства.

Хотя на поддержаніе Кавказскихъ водъ наше правительство равномерно ассигнуетъ ежегодно значительныя суммы (со включеніемъ расходовъ на содержаніе команды инженирскихъ чиновъ при водахъ, ежегодно около 56,000); но ассигнованія эти не достигаютъ цѣли. Разлитіе благосостоянія водъ, при существующей административно-хозяйственной системѣ, немыслимо. Ежегодный отпускъ субсидій, пожирившій въ теченіе каждаго 20 лѣтъ до 1,120,000 р., можетъ поддерживать воды отъ большого наденія; можетъ продлить ихъ существованіе въ настоящемъ видѣ еще нѣсколько лѣтъ; можетъ, наконецъ, подбѣлнить или подурмянить ихъ, какъ отравленную красавицу; но возстановить ихъ прежшій, быть можетъ, должный блескъ, ихъ свѣжесть и привлекательность—не въ силахъ.

Для того, чтобы возстановить утраченное нашими водами обаяніе—нужна волшебная сила (мы говоримъ, нашими водами, потому что Кавказскія воды не должны быть, въ тѣсномъ смыслѣ слова, водами Кавказскими, мѣстными, но водами, имѣющими значеніе для всей Россіи, — водами русскими). Нужна, повторяемъ, волшебная сила, сила современнаго двигателя общественной жизни—капи-

тала. Нужно вызвать эту силу, создать капиталъ водъ, ассигновать для того сумму не менѣе 600,000 руб.

Единовременная затрата такой суммы поставить, безъ сомнѣнія, воды въ разрядъ первостепенныхъ европейскихъ минеральныхъ водъ, такъ какъ, по богатству своего внутренняго содержанія, онѣ предназначены къ тому самой природою, и принадлежатъ на нихъ громадное число посѣтителей, а вмѣстѣ съ ними и средства, могущія обезпечить не только содержаніе администраціи и ремонтъ водъ, но и уплату процентовъ на затраченный капиталъ, и даже самое погашеніе капитала. Въ доказательство подобнаго предположенія, я укажу на Виии, гдѣ, съ затратой на устройство водъ до 3 милліоновъ франковъ, число посѣтителей увеличилось до 30,000 человекъ и дало возможность дирекціи водъ уплачивать правительству аренды болѣе 100,000 франковъ въ годъ.

Но достиженіе подобнаго результата возможно лишь въ такомъ случаѣ, если администрація водъ будетъ заинтересована въ ихъ процвѣтаніи. Казенное управленіе водъ уже испытано и признано неудобнымъ. Всякое контрагентство, при 8-ми-лѣтнемъ срокѣ аренды, — поневоля должно заботиться только о поддержаніи *statu quo*, такъ какъ въ короткое время управленія, какъ 8-ми-лѣтній срокъ, нельзя устроить водъ для себя, а устроить ихъ для другаго — не у всякаго достанетъ мужества. Следовательно, заинтересоваться процвѣтаніемъ водъ можетъ только администрація сильная, какъ средствами матеріальными, такъ и интеллектуальными, и заинтересоваться въ такомъ только случаѣ, если воды будутъ ввѣрены ей въ управленіе на продолжительное время.

Такой администраціей, по моему мнѣнію, могло бы быть общество кавказской желѣзной дороги.

Кавказскія минеральныя воды имѣли особенное своеобразное развитіе, независимо отъ развитія заграничныхъ водъ; на нихъ отражалось, не принимаясь, вліяніе западной бальнеологіи; поэтому и результаты ихъ конечнаго благоустройства должны быть поставлены въ особые непосредственныя условія.

Сильный недугъ требуетъ сильныхъ лекарствъ. Правительство, при современномъ состояніи государственнаго бюджета, едва ли признаетъ возможнымъ ассигновать непосредственно на устройство водъ 600,000 рублей (минимумъ расхода). Устройство особаго акціонернаго общества Кавказскихъ водъ, при современномъ безденежьи, тоже едва ли можетъ состояться. Единственнымъ благоприятнымъ

пеходомъ въ этомъ случаѣ — была бы передача управленія водами обществу желѣзной дороги.

Хотя подчиненіе желѣзной дороги и минеральныхъ водъ одному управленію на первый взглядъ и можетъ показаться страннымъ, но разсмотрѣвъ сущность дѣла серьезно, нельзя не придти къ убѣжденію, что предположеніе это не только осуществимо, но и вполне естественно: дѣла русскаго общества пароходства и торговли и одесской желѣзной дороги сосредоточены въ одномъ управленіи.

Минеральнымъ водамъ, чтобы процвѣтать, нужны поѣздителн. Общество желѣзной дороги, устроить воды, доставить имъ поѣздителн. Желѣзной дорогѣ, чтобы существовать, нужны пассажиры. Минеральныя воды, устроившись, будутъ доставлять ей пассажировъ. Интересы этихъ двухъ различныхъ элементовъ въ конечной цѣли соприкасаются, осложняются и становятся общими. Развитіе этихъ интересовъ можетъ дать самыя блестящія результаты, если оно будетъ вѣрено одному общему управленію (разумеется, энергическому и разумному).

Общество желѣзной дороги, управляя водами продолженіи такого же срока, какъ и дорогой (напр. въ теченіе 86 лѣтъ), можетъ затратить на устройство ихъ 600 и болѣе тысячъ рублей, такъ какъ расходъ этотъ съ теченіемъ времени покроется съ избыткомъ изъ доходовъ съ пассажировъ—поѣздителн водъ.

Приведемъ для примѣра общество царекосельской желѣзной дороги, которое удовлетворительнымъ положеніемъ дѣла своихъ обязано исключительно тому обстоятельству, что управленіе дороги, въ видахъ привлеченія пассажировъ, ежегодно тратитъ по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей на наемъ и содержаніе въ Павловскѣ, въ теченіе лѣтняго сезона, одного изъ лучшихъ въ Европѣ оркестровъ музыки. Интересы канказской желѣзной дороги, въ этомъ отношеніи, совпадаютъ съ интересами царекосельской желѣзной дороги, и было бы непростительной ошибкой со стороны общества этой дороги, если бы оно не воспользовалось случаемъ просить разрѣшеніе на передачу въ его вѣдѣніе Канказскихъ минеральныхъ водъ.

Передача водъ въ распоряженіе общества желѣзной дороги избавила бы государственное казначейство отъ расхода, который оно несетъ теперь на содержаніе водъ. Сбереженія, пелѣдствіе прекращенія этого расхода въ теченіе 86 лѣтъ, принимая въ соображеніе только теперешнія затраты по 56,000 р. въ годъ, образовали бы сумму около 5 милліоновъ руб.

Вѣсть съ тѣмъ правительство могло бы сохранить за собою высшій контроль, удержавъ въ силѣ статью нынѣшняго контракта съ контрагентомъ, гдѣ сказано, что, въ случаѣ, если дѣйствія администраціи водъ не будутъ соответствовать правительственнымъ ожиданіямъ, или поведутъ къ тому, что воды начнутъ приходить въ упадокъ, сравнительно съ прежнимъ состояніемъ, то правительство въ правѣ взять воды въ свое управленіе, предупредивъ о томъ администрацію за годъ.

Изложивъ такимъ образомъ свои взгляды на современное состояніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ въ административно-хозяйственномъ отношеніи и указавъ на мѣры, которыя, по моему мнѣнію, слѣдовало бы принять въ видахъ обезпеченія этихъ водъ лучшей будущности, я полагаю, что мои скромныя заявленія не пройдутъ незамѣченными со стороны интеллигентныхъ силъ Россіи и прямо или косвенно будутъ способствовать къ достиженію нашими забытыми Кавказскими водами того значенія, которое принадлежитъ имъ по праву въ семьѣ европейскихъ минеральныхъ водъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ПОЭТА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

В О ВРЕМЯ пребывания моего въ 1870 году на постахъ въ Пятигорскѣ, заинтересовавшись трагическою кончиною поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, я собралъ отъ лицъ, знавшихъ его, много интересныхъ свѣдѣній и матеріаловъ о послѣднихъ дняхъ его жизни въ Пятигорскѣ въ сезонъ 1841 года.

Особенное содѣйствіе къ достиженію предложенной цѣли я встрѣтилъ въ пятигорскомъ старожилѣ, бывшемъ въ началѣ сороковыхъ годовъ плацъ-адъютантомъ пятигорскаго комендантскаго управленія (а по выходѣ въ отставку и предводителемъ пятигорскаго дворянства), отставномъ майорѣ Василіѣ Ивановичѣ Чилиевѣ, въ домѣ котораго квартировалъ поэтъ въ роковой сезонъ дуэли. Въ его присутствіи я осматривалъ домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, и получилъ отъ него надлежащія объясненія: гдѣ, что и какъ было расположено при жизни въ немъ Михаила Юрьевича. При ближайшемъ же ознакомленіи съ цѣлью собранія мною свѣдѣній, Василій Ивановичъ передалъ мнѣ нѣсколько собственноручныхъ записокъ съ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ дуэль поэта съ Мартыновымъ, и два подлинныхъ дѣла бывшаго пятигорскаго комендантскаго управленія 1841 года: а) по описи № 88, «О капитанѣ нижегородскаго драгунскаго полка Столыпинѣ и поручикѣ тегинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовѣ», начатое 8-го и конченное 23-го іюня 1841 года, и б) по описи № 96, «О дуэли майора Мартынова и поручика Лермонтова, на коей первый убилъ послѣдняго», начатое 16-го іюля 1841 года и конченное 15-го іюня

1842 года ¹⁾). Когда же я передъ отъѣздомъ изъ Пятигорска зашелъ къ нему проститься, онъ подарилъ мнѣ и просилъ сберечь на память о немъ дорожную, какъ онъ тогда выразился, для него реликвию—старый сафьянный съ серебрянымъ замкомъ бумажникъ Лермонтова ²⁾).

Часть сообщенныхъ мнѣ свидѣній была напечатана въ журналѣ «Всемирный трудъ», 1870 года, № 10, въ статьѣ: Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по запискамъ и рассказамъ современниковъ³⁾, другая же осталась въ моемъ портфелѣ, такъ какъ редакция журнала, въ виду находенія тогда въ живыхъ участниковъ дуэли—Н. С. Мартынова и князя А. Н. Васильчикова и другихъ причастныхъ къ ней лицъ, нехотѣла сдѣлать не согласнаго.

Статья эта вызвала возраженіе со стороны князя А. Н. Васильчикова, напечатаннаго въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года, № 1, «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Мартыновымъ». Въ возраженіи этомъ, бывший секундантъ Мартынова, съ цѣлью ослабить до извѣстной степени нравственную его отвѣтственность за убійство Лермонтова, постарался съ локонкой извѣстностью представить не въ надлежащемъ свѣтѣ причины, обстановку и послѣдствія дуэли, но я ему не отвѣчалъ, ожидая, что, можетъ быть, выскажутся и другія лица, участвовавшія въ дуэли или знавшія что-либо о ней. Шли годы. Николай Соломоновичъ Мартыновъ упорно молчалъ, ничего не находя возможнымъ сказать въ свое оправданіе, хотя негласно, въ частныхъ разговорахъ, не разъ пытался свалить всю вину происшедшаго между нимъ и Лермонтовымъ поединка на своего, такъ безжалостно убитаго имъ соперника и не постыжился даже мотивировать причину дуэли обстоятельствами, бросающими неблаговидную тѣнь на память великаго поэта ⁴⁾). Прочіе «свидѣнціе люди» также молчали, не считая, вѣроятно, своевременнымъ сказать что-либо по поводу смерти «опаль-

¹⁾ Дѣла эти до 1892 года находились у меня; но, по извлеченіи изъ нихъ нѣкихъ нужныхъ для настоящей статьи свидѣній, я передалъ ихъ вмѣстѣ съ упоминаемымъ бумажникомъ Лермонтова въ Лермонтовскій музей въ апрѣлѣ 1892 года.

²⁾ О случаѣ, доставившемъ этотъ бумажникъ въ руки Чилева, я расскажу въ своемъ мѣстѣ, при описаніи жизни Лермонтова въ Пятигорскѣ.

³⁾ См. письма и замѣтки Бетлинга и доктора Прохорова, напечатанныя въ «Ивнѣ» въ 1885 году, № 20.

наго поэта» ⁴). Но время свое паяло: воздвигнуть памятник А. С. Пушкину, въ обществѣ заговорили о памятникѣ М. Ю. Лермонтову, получили разрѣшеніе на постановку его въ Питтгорскѣ, стали собирать средства, приступили къ работамъ и, наконецъ, воздвигли. Тогда «спѣхъ» заговорили: появился «Разсказъ о дуэли и смерти М. Ю. Лермонтова», П. П. Ржевскаго, въ изложеніи В. П. Желтховской («Шина», 1885 года, №№ 7 и 8); появился рѣкой «Воспоминанія», «Возраженія» и «Замѣтки» Эмилиа Шанъ-Гирей («Новое Время», 1881 г., № 1983, «Историческій Вѣстникъ», 1881 г., томъ VI, «Шина» 1885 года, № 20, «Русскій Архивъ» 1887 года, № 11, и 1889 года, № 6, «Сѣверъ», 1891 года, № 12), заговорили П. А. Арсеньевъ, Бетлингъ, докторъ Пирожковъ и жена священника Александровскаго («Шина», 1885 года, № 20); откликнулся о «Лермонтовѣ на Кавказскихъ водахъ» майоръ К. І. Карповъ, въ изложеніи С. Филиппова, («Русская Мысль», 1891 года, № 2), и, наконецъ, сказали и свое слово о дуэли Лермонтова бывший слуга его, Христофоръ Санниязе, въ изложеніи В. П. Эригарда (газета «Кавказъ», 1891 года, № 185) ⁵). Конечно, всѣ эти повѣствованія, написанныя спустя чуть ли не полвѣка послѣ случившихся въ 1841 году событій, весьма разнорѣчны, не точны и отчасти даже лужаны. Они повѣданы міру или съ цѣлію выдвинуться, пристегнувшись къ Лермонтову, или даже для того, чтобы скрасить или исказить непріятный фактъ, касавшійся той или другой публичной личности. Но есть въ нихъ и цѣнный матеріалъ для біографіи поэта, съ которымъ, однако, нужно разобраться, привести его въ порядокъ, подвергнуть разсмотрѣнію и общему сопоставленію, и только

⁴) «Опаленный» поэта изображалъ князь А. П. Васильчиковъ, записавъ въ своей статьѣ «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и дуэли его съ Мартыновымъ», напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г. № 1, что Михаила Юрьевича считали при дуэли предвѣстны и неблагонамѣренными и притомъ по фронту дурнымъ офицеромъ, и что, когда его убили, то одна высокопоставленная особа выривалась: «студа ему и дорога!» Между тѣмъ, въ статьѣ Акіма Шанъ-Гирей, помѣщенной въ «Русскомъ Обзорѣ» 1890 г., № 7, и замѣтки П. П. Бартечева въ «Русскомъ Архивѣ» 1891 г., № 2, видно, что эта особа не только ничего подобнаго не сказала, но, напротивъ, сожалѣла о его смерти и находила его вполне достойнымъ преемникомъ А. С. Пушкина.

⁵) Привожу только тѣ, въ которыхъ измѣются свѣдѣнія о дуэли поэта или о послѣднихъ дняхъ его жизни въ Питтгорскѣ.

тогда, когда онъ будетъ очищенъ отъ массы сорныхъ травъ сочинительства и искаженій фактовъ воспользоваться имъ для правдиваго разсказа о послѣднихъ дняхъ жизни поэта и обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ дуэль его съ Мартыновымъ.

Встунать съ составителями вѣхъ сихъ повѣствованій въ полемику, писать опроверженія, доказывать неосновательность разныхъ разглазительствъ—я не считалъ возможнымъ прежде, потому что публика не можетъ слѣдить за вѣми опроверженіями и помнить ихъ, и не считаю нужнымъ теперь, когда нѣкоторые разсказы, какъ, напримеръ, фантастическій разсказъ майора К. І. Карпова, почти цѣлкомъ вошли въ большинство біографій поэта, приложенныхъ къ собраніямъ его сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1891 году, по случаю исполняемаго 50-лѣтія со дня смерти Лермонтова. Но, оставляя ихъ безъ возраженій, я нахожу наиболѣе цѣлесообразнымъ противопоставить имъ написанный мною по извѣстиямъ у меня матеріаламъ и документамъ разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни Михаила Юрьевича, въ который будутъ включены также и всѣ достоверные факты, указанія и объясненія, находящіеся въ приведенныхъ выше повѣствованіяхъ, разсказахъ и воспоминаніяхъ, съ указаніемъ и ссылками на источники.

Пятигорскъ въ 1841 году, по разсказу В. Н. Чиллена, былъ маленькій, но довольно чистый и красивый городокъ. Расположенный въ котловинѣ горъ, при рѣкѣ Подкумкѣ, онъ имѣлъ десятка два прихотливо прорѣзанныхъ въ различныхъ направленіяхъ улицъ, съ двумя-тремя сотнями обывательскихъ, деревенныхъ, болѣею частію одноэтажныхъ, домиковъ, между которыми тамъ и сямъ выдвигались и гордо смотрѣли солидные каменные казенныя постройки, какъ-то: ванны, галлерей, гостиницы и др. Въ центрѣ города, почти у самыхъ минеральныхъ источниковъ, вился небольшой, но уже хорошо разросшійся и давнишій тѣнь бульваръ, на которомъ по вечерамъ играла музыка. Городокъ съ мая до сентября переполнялся прѣзжавшей на воды публикой; у источниковъ, въ казино и на бульварѣ, появлялась масса большихъ обоихъ пола и вѣхъ ранговъ, лѣтъ и состояній. Жизнь пробуждалась, и обыкновенную городскую скуку и сплетни смѣняли веселье, шумъ и суета.

Н. Н. Раевскій иллюстрируетъ описаніе Пятигорска, но съ своей отрицательной точки зрѣнія. Каменныхъ домовъ, —говоритъ онъ,—въ городѣ почти не было, улицъ и половинъ тѣхъ, что застроены впоследствии,—также. Лѣтницы, ведущей на Елизаветинскую гал-

лерею, тогда и въ поминѣ еще не было, а бульваръ заканчивался полукругомъ, ходу съ котораго никуда не было. Но за то была бесѣдка, гдѣ влюбленные засиживались до разсвѣта. За Елизаветинской галлереей находилась общая ванна, т. е. бассейнь, выложенный камнемъ, въ которомъ купались безъ разбору дѣтъ, общественнаго положенія и пола ⁶⁾. На Подкумкѣ располагалась слободка, замѣчательная тѣмъ, что тамъ, что ни баба—то капитанша. Баба—мужикъ мужикомъ, а чуть что: «я—капитанша»! Такъ эта слободка и называлась «слободкой капитаншъ», но жить тамъ изъ общества никто не жилъ, потому, во-первыхъ, что капитанши были дамы амбиціозныя, а, во-вторыхъ, въ ту сторону на ночь спускались всѣ стрѣныя источники и дынать тамъ было трудно. Въ навильонѣ на Манукѣ имѣлась «олова арфа», ни при какомъ, впрочемъ, вѣтрѣ не издававшая ни малѣйшаго звука ⁷⁾, а на бульварѣ, около ванны, стоялъ гротъ ⁸⁾ съ боковыми удобными выходами, гдѣ весь Лермонтовскій кружокъ частенько пировать и гдѣ Лермонтовъ устроилъ и свой послѣдній праздникъ передъ смертью.

Жилось въ Пятигорскѣ весело и привольно. Правы были просты, какъ въ Аркадіи. Играть музыка на бульварѣ, затанцать ее въ гостиницу Найтаки, барышеньъ запросятъ прямо съ бульвара безъ нарядовъ—и балъ устроится по вдохновенію. Когда же начальство затѣвало настоящій балъ, гостиница превращалась въ благородное собраніе и танцовали нарядно ⁹⁾.

Но не одни танцы развлекали пятигорское «свояное» общество въ сезонъ 1841 года; любимѣйшимъ его времяпрепровожденіемъ была картежная игра, не прекращавшаяся съ утра до ночи и съ ночи до утра. На воды прѣзжали не только больные, но и здоровые люди, которымъ некуда было дѣвать времени и денегъ,—

⁶⁾ Эмилія Шанъ-Гирей возражаетъ, что ей о существованіи подобной ванны ничего неизвѣстно. Но мало ли что ей было неизвѣстно!

⁷⁾ Она же говоритъ, что звуки «оловой арфы», напротивъ, далеко разносились въ воздухѣ, а когда она была настроена, то и довольно гармоничныя. Нужно думать, что первый ведетъ рѣчь исключительно о дѣтѣ 1811 года, а второй, какъ дѣлая жительница Пятигорска, — вообще за время существованія арфы.

⁸⁾ Гротъ Дианы.

⁹⁾ Н. П. Гасевскій.

люди, любившіе пожить и считавшіе тотъ день потеряннымъ, когда они не участвовали въ игрѣ. Въ числу послѣднихъ принадлежали: два русскихъ князя, ревельскій баронъ, нѣсколько богатыхъ уральскихъ заводчиковъ и набѣжавшій въ Пятигорскъ неоднократно извѣстный игрокъ того времени, полковникъ англійской службы сэръ Генри Мильсъ ¹⁰⁾.

На одой изъ пирушекъ Лермонтовъ охарактеризовалъ Пятигорскъ въ слѣдующемъ экспромтѣ:

«Очаровательнъ Кавказскій панъ Мошакъ!
«Гиндоровъ, игроковъ, бретеровъ въ немъ толпы;
«Въ немъ лихорадятъ нѣтъ вино, игра и драка,
«И жгутъ днемъ женщины, а по ночамъ—клопы» ¹¹⁾.

Мѣстная знать не отличалась ни числомъ, ни родовитостью, ни богатствомъ. Она состояла изъ семействъ лицъ, выслужившихся или служившихъ еще на Кавказѣ, офицеровъ, чиновниковъ и казаковъ. Немногіе дома изъ этой знати, преимущественно тѣ, гдѣ царилъ женщины—«хозяйки вѣдь», какъ называлъ ихъ Лермонтовъ,—открывали свои гостепріимныя двери для именитыхъ гостей города, золотой столичной молодежи и окуренныхъ порохомъ ветерановъ и свѣтскихъ представителей желѣзныхъ кавказскихъ легіоновъ.

Однимъ изъ такихъ домовъ въ 1841 году считался домъ бывшаго наказнаго атамана кавказскаго казачьяго войска, генералъ-майора Петра Семеновича Верзилина. Самъ генералъ находился въ то время на службѣ въ Варшавѣ, но супруга его, Марья Ивановна, представительная дама польскаго происхожденія, со своими двумя дочерьми: отъ перваго брака съ полковникомъ Клингенбергомъ—Эмилией Александровной ¹²⁾ и прижитой съ Петромъ Семеновичемъ—Надеждой Петровной, и дочерью Петра Семеновича отъ перваго брака—Аграфеной Петровной, жила открыто и собирала въ своемъ

¹⁰⁾ Н. Н. Раевскій и В. И. Чилиевъ.

¹¹⁾ Сообщено поручикомъ Куликовскимъ, исправлявшимъ въ 1870 году должность пятигорскаго воинскаго начальника.

¹²⁾ Вышедшей впоследствии замужъ за родственника Лермонтова Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей и извѣстной своими тенденціонными статьями о М. Ю. Лермонтовѣ, появившимися въ восьми-десятихъ годахъ во многихъ журналахъ.

салонъ лучшее прѣѣзжее общество. Въ кружкахъ «водной» молодежи домъ Верзилиныхъ назывался «храмомъ грацій». При встрѣчахъ между собою юноши обыкновенно обмѣнивались такими фразами: «Гдѣ были?» — «У грацій». — «Гдѣ будете вечеромъ?» — «Сперва, конечно, зайду къ граціямъ, а потомъ посмотримъ»... — «Съ кѣмъ ты танцуешь мазурку?» — «Съ младшей граціей». Причиной тому былъ самъ Петръ Семеновичъ, который на вопросъ: «сколько у него дочерей?» отвѣчалъ: «у моей жены двѣ дочери и у меня двѣ, а всего — три... только три граціи, а не четыре». Правда, Верзилинскія барышни, въ особенности средняя, Эмилія Александровна, находившаяся тогда въ полномъ расцвѣтѣ молодости и красоты, по своей привлекательной внѣшности и свѣтскимъ манерамъ, могли съ честію носить имя грацій, но, какъ всѣ провинціальныя барышни, были жеманши и скучны. По крайней мѣрѣ, онѣ казались такими наиболѣе строгими и претендательными дѣлать столичныхъ гостинныхъ. После одного изъ баловъ Лермонтовъ на вопросъ: «Ну, какъ веселились вчера?» отвѣчалъ: «Ахъ, какъ всѣ ваши граціи жеманши — мухи дохнутъ!»¹²⁾

Вторымъ открытымъ домомъ считался домъ генеральни Екатерины Ивановны Мерлини. По разсказу Н. П. Раевского, она была героиней защиты Кислородска отъ черкесскаго набѣга въ отсутствіе ея мужа, коменданта крѣпости. Ей пришлось распорядиться дѣйствіями крѣпостной артиллеріи, и она сумѣла нанести дѣло такъ, что горцы разбѣжались прежде, чѣмъ прибыла казачья помощь. Мужъ ея, генералъ-лейтенантъ, числился по арміи и жилъ въ Питтгорекѣ на покой. Екатерина Ивановна считалась отличной наѣздницей, ѣздила на мужскомъ англійскомъ сѣдлѣ и въ мужскомъ платьѣ, держала хорошихъ верховыхъ лошадей и участвовала въ кавальсадахъ, устраиваемыхъ молодежью¹³⁾.

Далѣе слѣдуетъ домъ Озерскихъ, приманку въ которомъ составляла премиленькая барышня Сашенька. Отецъ ея заведывалъ казанскими улусомъ, былъ человѣкъ состоятельный и далъ дочери

¹²⁾ В. П. Чилиевъ.

¹³⁾ Эмилія Иванъ-Гирей говоритъ, что Мерлини въ 1841 году въ кавальсадахъ не участвовала, предпочитая ѣздить одна. Но трудно допустить, чтобы молодой героини чуждались кавалеры и скакала по улицамъ Питтгорска или за городомъ одна. Возраженіе это вызвано, вѣроятно, какими-нибудь личными соображеніями.

хорошее образованіе. Но у нихъ М. Ю. Лермонтовъ бывалъ очень рѣдко, такъ какъ тамъ принимали не разборчиво, а поэтъ не любилъ, чтобы его смѣшивали съ толпою ¹⁵⁾.

Въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ упоминается еще о двухъ-трехъ домахъ, гдѣ бывала молодежь; но о домахъ этихъ я распространяться не стану, такъ какъ они стояли въ сторонѣ отъ роковыхъ событій сезона 1841 года. Упомяну только, въ видѣ исключенія, о домѣ близкой сосѣдки Верзилиныхъ, Тарумовской помѣщицы М. А. Прииникинковой, гдѣ гостила тогда ея родственница, дѣвица Быховецъ, прозванная Лермонтовымъ за бронзовый цвѣтъ лица и черные очи *«la belle noire»*. Она имѣла много поклонниковъ изъ Лермонтовскаго кружка и сдѣлалась извѣстной, благодаря случайной встрѣчѣ съ поэтомъ въ колоннѣ Каррасъ, передъ самой его дуэлью ¹⁶⁾.

Въ Пятигорскъ прибылъ Михаилъ Юрьевичъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ дядей, капитаномъ нижегородскаго драгунскаго полка Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ, 23-го мая. На другой день они явились къ пятигорскому коменданту, полковнику Пляшеникову, представили медицинскія свидѣтельства о своихъ болѣзняхъ (№№ 360 и 361) и получили отъ него разрѣшеніе остаться въ Пятигорскѣ. О разрѣшеніи этомъ комендантъ донесъ начальнику штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, флигель-адъютанту, полковнику Траскину, того же 24-го мая за №№ 805 и 806. Штабъ, имѣя въ виду, что Пятигорскій госпиталь переполненъ уже больными офицерами, и находя, что болѣзни Лермонтова и Столыпина могутъ быть излечены и другими средствами, предписалъ пятигорскому коменданту отправить ихъ въ свои части или же въ Георгіевскій госпиталь. На данныя имъ велѣдствіе сего предписанія отправиться по назначенію Лермонтовъ и Столыпинъ донесли отъ 18-го іюня: первый за № 132, а второй за № 51, что они имѣютъ отъ полковника Траскина предписанія, разрѣшающія имъ лечиться въ Пятигорскомъ госпиталѣ, съ тѣмъ, чтобы они донесли объ этомъ своимъ полковымъ командирамъ и отрядному дежурству. И, такъ какъ они начали уже пользованіе минеральными

¹⁵⁾ Н. П. Раевскій.

¹⁶⁾ О встрѣчѣ этой будетъ рассказано въ своемъ мѣстѣ впоследствии.

водами и приняли Лермонтова 23, а Столыпина 29 сѣрныхъ ваннъ, и съ перерывомъ курса леченія могутъ подвергнуться совершенному разстройству здоровья, то и просили полковника Пляшеникова похотѣть похотѣть имъ разрѣшеніе остаться въ Пятигорскѣ до окончанія курса леченія. При рапортахъ были приложены дополнителныя медицинскія свидѣтельства курсоваго врача Барислая-де-Толли за №№ 29 и 30 о необходимости ихъ продолжать леченіе минеральными водами, — и начальство сдѣлало: на представленіе о семъ коменданта отъ 23-го іюня, за № 1118, отвѣта изъ штаба не послѣдовало, и Лермонтовъ со Столыпинымъ остались на водахъ въ Пятигорскѣ ¹⁷⁾).

О явкѣ Лермонтова и Столыпина коменданту пишется слѣдующій характерный разсказъ В. П. Члыва.

Первую ночь по прїѣздѣ въ Пятигорскъ они почевали въ гостиницѣ Пайтаки. На другой день утромъ, часовъ въ десять, явились въ комендантское управленіе. Полковникъ Пляшениковъ, человекъ стараго закала, недалекій и боязливый до трусости, находился уже въ кабинетѣ. По докладѣ плацъ-адъютанта о томъ, что въ Пятигорскъ прїѣхалъ Лермонтовъ со Столыпинымъ, онъ схватился за голову обѣими руками и, вскочивъ съ кресла, живо проговорилъ:

— Ну, вотъ опять этотъ соринъ-голова къ намъ пожаловалъ!.. Зачѣмъ это?

— Прїѣхалъ на воды,—отвѣтилъ плацъ-адъютантъ.

— Шалить и бѣдокурить!—вспылилъ старикъ:—а мы отвѣчай потомъ!.. Да у насъ и мѣсть нѣтъ въ гостиницѣхъ, нельзя ли ихъ спровадить въ Егорьевскі?.. а?.. и даже не знаю, право, что намъ съ ними дѣлать?

— Будемъ смотрѣть построже,—проговорилъ почтительно докладчикъ:—а не принять нельзя, у нихъ есть разрѣшеніе начальника штаба и медицинскія свидѣтельства о необходимости леченія водами.

— Ну, позовите ихъ,—махнулъ рукой комендантъ, и Столыпина съ Лермонтовымъ были введены въ кабинетъ.

— А, здравствуйте, господа,—привѣтствовалъ ихъ нахмурен-

¹⁷⁾ Взято изъ дѣла Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 88.

ный представитель власти, сдѣлавъ шагъ впередъ:—зачѣмъ и надолго ли пожаловали?

— Болѣзнъ загнала, г. полковникъ,—началъ было рѣчь Лермонтовъ, но Ильяшенковъ, желая выказать строгость, перебилъ его словомъ: «позвольте!» и, обратясь къ Столынину, сказалъ:

— Вы—старшій, отвѣчайте.

Столынинъ объяснилъ причину прибытія и подалъ медицинское свидѣтельство и рапортъ о дозволеніи лечиться въ Пятигорскѣ. Его примѣру послѣдовали и Лермонтовъ.

Комедантъ, прочитавъ рапорты, передалъ ихъ плацъ-адъютанту съ приказаніемъ представить ихъ въ штабъ, а молодымъ людямъ, пожать руки, сказалъ:

— Хотя у меня въ госпиталѣ и нѣтъ мѣстъ, ну, да что съ вами дѣлать, оставайтесь! Только съ уговоромъ, господа, не шалить и не бѣдокурить! Въ противномъ случаѣ вышлю въ полки, такъ и знайте!

— Больнымъ не до шалостей, г. полковникъ,—отвѣчалъ съ поклономъ Столынинъ.

— Бѣдокурить не будемъ, а повеселиться немножко позвольте, г. полковникъ,—поклонился въ свою очередь почтительно Лермонтовъ.—Иначе вѣдь мы можемъ умереть отъ скуки, и намъ же придется хоронить насъ.

— Тыфу, тыфу!—отплатился Ильяшенковъ:—что это вы говорите! Хоронить людей я терпѣть не могу. Вотъ, если бы вы, который нибудь, женились здѣсь, тогда бы я съ удовольствіемъ пошелъ къ вамъ на свадьбу.

— Жениться!.. тыфу, тыфу!—поклонившись съ притворнымъ ужасомъ Лермонтовъ, пародируя комеданта.—Что это вы говорите, г. полковникъ, да я лучше умру!

— Ну, вѣтъ, ну, вѣтъ! я такъ и зналъ, — замахалъ руками Ильяшенковъ: — вы неправы, сами на себя бѣду накликаете. Ну, да идите съ Богомъ и устроивайтесь!.. а тамъ что Богъ дастъ, то и будетъ.

И онъ откланился ¹⁴⁾. Аудіенція кончилась. Въ канцеляріи за-

¹⁴⁾ Изъ приведенной выше выписки изъ дѣла № 88 и разсказа В. И. Чилиева мы видимъ, что напечатанные Н. А. Висковатовымъ въ біографіи поэта, приложенной къ «Полному собранію его сочи-

шелъ разговоръ о квартирѣ. Чиларевъ предложилъ флигель въ своемъ домѣ, добавивъ, что квартира въ старомъ домѣ занята уже княземъ А. П. Васильчиковымъ.

— Поѣдемъ, посмотримъ!—сказалъ Лермонтовъ.

пений», въ изданіи В. О. Рихтера, 1891 года: а) рассказъ Магденки о встрѣчѣ съ поэтомъ въ Георгіевскѣ, на почтовой станціи, гдѣ онъ будто бы рѣшилъ самоубійственную поѣздку въ Питигорскъ бросившись на орда полтинника, и б) рассказъ К. Т. Карпова, бывшаго, какъ поясняетъ г. Висковатовъ, тогда инарежъ комендантскаго управленія, что онъ составилъ Лермонтову рапортъ, въ которомъ онъ просилъ коменданта о признаніи его больнымъ, что комендантъ распорядился объ освидѣтельствованіи поэта въ комиссіи врачей при Питигорскомъ госпиталѣ, что Карновъ обѣщала какую-то сдѣлку, неслѣствие которой Лермонтовъ былъ признанъ больнымъ, что комендантъ донесъ объ этомъ штабу, но штабъ не утвердилъ, и что только послѣ письма Михаила Юрьевича къ главному начальнику края, генералу Голошину, ему было дозволено остаться на ногахъ,—положительно ложна. Нельзя не удивляться тому, что г. Висковатовъ, которому указано было въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1880 года, № 4, о неосновательности рассказа Магденки и странности его, Висковатовъ, удостоившись, что поэтъ прѣхалъ на ноги самоубійно, вопреки распоряженію генерала Граббе отпрятиться въ отрядъ, пишетъ въ біографію поэта оба эти рассказа, какъ достовѣрные, приводитъ въ подтвержденіе ихъ нѣсколько голословныхъ своихъ соображеній, и называетъ сдѣланные ему мною, упомянутыя выше указанія совершенно бездоказательными. Чтобы убѣдить окончательно г. Висковатова въ правдоподобности моихъ замечаній и побудить его, хотя при второмъ изданіи біографіи Михаила Юрьевича, исключить изъ нея внесенные имъ рассказы, какъ оскорбляющіе память великаго поэта возмездіемъ на него клеветы въ самоубійномъ отпадѣ на ноги (т. е. въ уклоненіи отъ службы и неисполненіи приказаній высшаго начальства) и постыдныхъ сдѣлкахъ съ инарежами, съ цѣлю остаться на лечебный сезонъ въ Питигорскѣ,—приведу слѣдующія данныя:

а) Въ дѣлѣ комендантскаго управленія № 88 никакихъ бумагъ, по рассказу Карпова, т. е. рапорта Лермонтова коменданту о прибытіи съ заявленіемъ о болѣзни, предписанія комиссіи врачей объ его освидѣльствованіи, донесенія комиссіи о результатѣ освидѣльствованія и рапорта коменданта въ штабъ съ представленіемъ свидѣтельства, изданнаго Лермонтову комиссіей врачей, — не имѣется.

б) Лермонтовъ дѣйствительно явился въ Ставрополь къ генералу Граббе, который и приказалъ ему отпрятиться въ отрядъ. Но, когда поэтъ явился ему о своей усталости и легкомъ недомоганіи, то Граббе дозволилъ ему остаться въ Ставрополь, а самъ отбылъ въ отрядъ.

— Пожалуй,—отвѣчалъ Столыпинъ:—только не сейчасъ, нужно захватить въ гостиницу переодѣться; скоро полдень, что за пріятность въ жару раздѣжаться по городу въ парадной формѣ.

Часа въ два-три дня они пріѣхали къ Чилиеву. Осмотрѣвъ снаружи стоявшій на дворѣ домикъ и обобдя комнаты, Лермонтовъ

н) Оставшіеся въ Ставрополѣ, Лермонтовъ исключительнѣе свидѣтельство о болѣзни и просилъ начальника штаба, флигель-адъютанта Траскина, разрѣшить ему лечиться въ Пятигорскѣ, на что и послѣдовало разрѣшеніе.

г) Прибывъ въ Пятигорскъ, Лермонтовъ явился къ коменданту, представилъ медицинское свидѣтельство о болѣзни и остался, по его распоряженію, при Пятигорскомъ госпиталѣ.

д) Такъ какъ комендантъ о каждомъ прибывающемъ на лечение въ Пятигорскъ офицерѣ долженъ былъ доносить начальству, то онъ донесъ ему и о Лермонтовѣ.

е) Когда Траскинъ, въ виду переполненія Пятигорскаго госпиталя больными офицерами, потребовалъ отъ коменданта отпращиванія Лермонтова въ полкъ или въ Георгіевскій госпиталь, куда эвакуировали больныхъ, не требовавшихъ леченія минеральными водами, онъ представилъ дополнительное медицинское свидѣтельство о необходимости леченія этими водами и донесъ (а въ донесеніи не могъ писать неправды), что прибывъ въ Пятигорскъ и началъ леченіе на основаніи разрѣшенія начальника штаба, выраженномъ въ данномъ ему предписаніи, подъ условіемъ донесенія объ этомъ командиру полка и отрядному дежурству (состоявшему при генералѣ Граббѣ), что имъ и исполнено.

ж) Донесеніе объ этомъ комендантъ оставлено Траскинымъ безъ отвѣта, потому что ему и отвѣчать-то было нечего: данъ разрѣшеніе лечиться, нельзя было настаивать на отпращиваніи въ полкъ. Предположеніе же г. Висковатова, что распоряженіе объ этомъ не успѣло дойти при жизни поэта, есть ни что иное, какъ желаніе подыскать хоть что-нибудь въ подтвержденіе своего, ни на чемъ не основаннаго, предположенія. Въ дѣлѣ № 88 никакихъ бумагъ объ этомъ, ни при жизни поэта, ни послѣ смерти его поступившихъ, не имѣется. Оно заключено донесеніемъ коменданта, на которое отвѣта не получено.

з) Писемъ Лермонтовъ ни къ генералу Граббѣ, ни къ главному начальнику края, генералу Головинну, не писалъ, да и не могъ писать, потому что о всякихъ нуждахъ своихъ офицеры могутъ обращаться къ вышему начальству не иначе, какъ только по командѣ, т. е. чрезъ непосредственное свое ближайшее начальство. Въ разглагольствованіи Карпова о письмахъ есть изобрѣтеніе досужей фантазіи, и давать имъ вѣру можетъ только человѣкъ, не знающій военнаго быта.

остановился на балконѣ, выходившемъ въ садикъ, граничившій съ садомъ Верзипныхъ, и погрузился въ раздумье. Между тѣмъ Столыпинъ обошелъ еще разъ комнаты, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на счетъ поправокъ и, освѣдомившись о цѣнѣ квартиры, вышелъ также на балконъ и спросилъ Михаила Юрьевича:

— Ну, что, Лермонтовъ, хорошо?

— Ничего, отвѣчалъ поэтъ небрежно, какъ будто недовольный нарушеніемъ его заветныхъ думъ:—здѣсь будетъ удобно... дай за-латокъ!

Столыпинъ вынулъ бумажникъ и заплатилъ всѣ деньги за квартиру. Вечеромъ въ тотъ же день они переехали ¹⁹⁾.

Домъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, цѣлъ и донельзя. Но, перейдя въ руки лицъ, не имѣющихъ понятія о его значеніи для интеллигентнаго русскаго общества, находится, какъ сообщали корреспонденты въ 1891 году, въ запущеніи ²⁰⁾. Я его осматривалъ въ 1870 году,

n) Для удаленія офицеровъ изъ Пятигорска не нужно было пріѣзжать самому Траскину. Это дѣлается вообще или приказомъ, или предписаніемъ высшаго начальства. Траскинъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ именно по случаю смерти Лермонтова, боясь ответственности за смерть его, такъ какъ дозволеніе на леченіе поэта дано было исключительно имъ. Кромѣ того, ему нужно было дать извѣстное направленіе слѣдствію и суду надъ участниками дуэли. Онъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ 17 Іюля, часовъ въ 5 дни, т. е. спустя почти двое сутокъ послѣ смерти Лермонтова, и сомнѣнія г. Висковатова о томъ, что онъ не могъ успѣть пріѣхать, неосновательны.

i) Предписаніе изъ Петербурга, чтобы не высылать никуда Лермонтова изъ полка, могло относиться только до отпусковъ, или командировокъ поэта въ отрядъ, гдѣ бы онъ могъ въ дѣлахъ съ горцами отличиться, а не отправки въ госпиталь въ случаѣ болѣзни. Такихъ жестокихъ распоряженій быть не могло. Г. Висковатову нужно было бы имѣть это въ виду, а не приписывать подобнымъ предписаніямъ свойствъ, какихъ они не имѣли, и дѣйствій, какихъ они не производили. (Дѣло комендантскаго управленія № 88, свидѣнія, полученные отъ В. И. Чиліева и другихъ лицъ).

¹⁹⁾ Въ домашней книгѣ В. И. Чиліева за 1841 годъ, обязательно мнѣ представленной домохозяйниномъ, я нашелъ слѣдующую записку: съ коллежскаго секретаря Александра Иларіоновича, князя Васильчикова, изъ Петербурга, получено за три комнаты въ старомъ домѣ 62 руб. 50 коп. сер.; съ капитана Алексѣя Аркадьевича Столыпина и поручика Михаила Юрьевича Лермонтова, изъ С.-Петербурга, получено за весь средній домъ 100 руб. сер..

²⁰⁾ Онъ принадлежитъ теперь какой-то фирмѣ Вейштортъ, живущей въ Берлинѣ и, какъ говорятъ, продающей его за 8,000 руб.

когда В. И. Чилиевъ былъ еще живъ. Онъ самъ водилъ меня по комнатамъ и далъ нужныя объясненія о меблировкѣ и томъ положеніи, въ которомъ находился домикъ въ сезонъ 1841 года.

Вотъ описаніе его, сдѣланное мною тогда же, въ присутствіи домоуправляющаго, имъ approvированное и одобренное.

Наружность домика самая непримечательная. Одноэтажный, турлужный, низенькій, онъ походить на тѣ постройки, которыя возводятъ отставные солдаты въ слободкахъ при уѣздныхъ городахъ. Главный фасадъ его выходитъ на дворъ и имѣетъ три окна, но всѣ три различной мѣры и вида. Самое крайнее съ лѣвой стороны фасада окно, въ родѣ итальянскаго, имѣетъ обыкновенную раму о 8 стеклахъ и по бокамъ полурамы, каждая съ 4 стеклами, и двѣ наружныя ставни. Второе окно имѣетъ одну раму о 8 стеклахъ и одну ставню. Наконецъ, третье — также въ одну раму о 8 стеклахъ окно, но по размѣру меньше втораго на четверть аршина и снабжено двумя ставеньками. Съ боку домика съ правой стороны пристроены деревянныя сѣни съ небольшимъ о двухъ ступеняхъ крылечкомъ. Стѣны снаружки обмазаны глиной и выѣлены известкой. Крыша тростниковая съ одной трубой.

Въ сѣняхъ ничего, кромѣ деревянной скамейки, не имѣется. Изъ сѣней налѣво дверь въ прихожую. Домикъ раздѣляется капитальными стѣнами вдоль и поперекъ и образуетъ четыре комнаты, изъ которыхъ двѣ комнаты лѣвой долею (западной) половины домика обращены окнами на дворъ, а другія двѣ правой (восточной) половины — въ садъ. Первая комната лѣвой половины, въ которую входить дверь изъ сѣней, разгорожена вдоль и поперекъ перегородками и образуетъ, какъ широкоуѣдательно опредѣляетъ В. И. Чилиевъ: прихожую, пріемную и буфетъ.

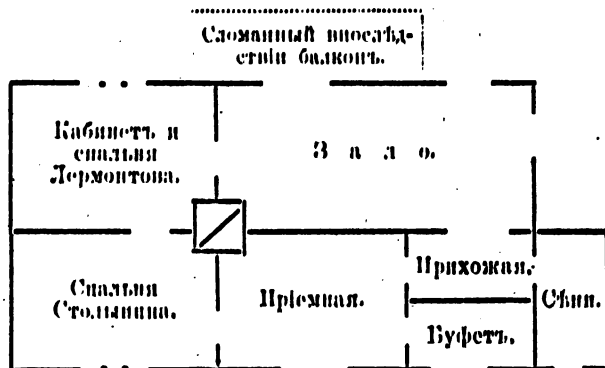
Прихожая — небольшая полутемная комнатка съ дверями: прямо — въ пріемную, направо — въ залу. Мебели въ прихожей никакой нѣтъ. Въ пріемной окно на дворъ и двѣ двери: одна — прямо въ спальню, другая же въ противоположной перегородкѣ — въ буфетъ. По лѣвую сторону подъ окномъ столъ, по стѣнамъ нѣсколько стульевъ, а въ углу часть поставленной въ центрѣ дома большой голландской печи. Далѣе спальня Столыпина съ большимъ 16-ти стекольнымъ окномъ и дверью въ кабинетъ Лермонтова. Въ спальнѣ подъ окномъ столъ съ маленькимъ выдвижнымъ ящичкомъ и два стула, у противоположной, ко входу изъ пріемной, стѣны кровать и платяной шкафъ; направо въ углу между дверями часть голландской

печи. Въ кабинетъ Лермонтова такое же 16-ти стекольное окно, какъ и въ спальнѣ Столыпина, и дверь въ залъ. Подъ окномъ простой, довольно большой столъ съ выдвижнымъ ящикомъ, имѣющимъ маленькое жѣдное колечко, и два стула. У глухой стѣны, противъ двери въ залъ, прикрытая двумя тоненькими дощечками, длинная и узкая о шести ножкахъ кровать (3 $\frac{1}{4}$ арш. длины и 14 вершк. ширины) и трехугольный столикъ. Въ углу между дверями печь, по сторонамъ дверей четыре стула.

Залъ имѣетъ два 8-ми стекольныхъ окна — нѣтъ въ садъ и одно прямо къ стѣнѣ на дворъ. Слѣва, при выходѣ изъ кабинета, складной обеденный столъ. Въ простѣнкѣ между окнами — ломберный столъ, а надъ столомъ — единственное во всей квартирѣ зеркало; подъ окнами по два стула. Направо въ углу печь. У стѣны маленький, покрытый войлочнымъ ковромъ диванчикъ и передъ нимъ передвижной обѣ одной ножкѣ столъ ²¹⁾).

Общій видъ квартиры далеко не представитель. Низкія, приземистыя комнаты, стѣны которыхъ оклеены не обоями, но просто бумагой, окрашенной домашними средствами: въ пріемной — жѣломъ, въ спальнѣ — голубоватою, въ кабинетѣ — сѣвѣлою и въ залѣ — изюмнато-розовою клеевою краскою. Потолки положены прямо

²¹⁾ Для большей наглядности прилагается планъ внутреннего распорядка дома.

на балки и выбелены мѣломъ, полы окрашены желтой, а двери и окна синеватой масляной краской. Мебель самой простой, чуть не солдатской, работы и почти вся, за исключеніемъ лесеневаго лаубергаго стола и зеркала краснаго дерева, окрашена темной подѣй дерева масляной краской. Стулья съ высокими въ переплетѣ спинками и мягкими подушками, обитыми дешевымъ ситцемъ.

Все въ домикѣ: и его внѣшній видъ, и внутреннее его расположение, и убранство, по удостовѣренію В. П. Чилева, было сохранено имъ до 1870 года въ томъ видѣ, какъ оно обрѣталось во время квартированія Лермонтова въ 1841 году. Только въ залѣ вмѣсто окна у дверей въ кабинетъ, въ то время была выходы на балконъ, обветшалый и отнятый впоследствии, да снѣжная Столыпинна имѣла другую окраску, именно бланжеваго цвѣта. Перемѣна же въ мебели заключается только въ томъ, что вмѣсто дивана подѣй коромъ стоялъ въ залѣ диванъ, обитый клеенкой.

Въ наше комфортабельное время, конечно, многимъ покажется страннымъ, что такіе интеллигентные состоятельные люди, какъ Столыпинъ и Лермонтовъ, могли квартировать въ подобномъ мизерномъ помѣщеніи. Но, если Пятигорскъ и теперь, спустя 50 сѣмькомъ лѣтъ, не представляетъ надлежащихъ удобствъ для жизни прѣзжающимъ на лѣто туристамъ и больнымъ, то тѣмъ болѣе тогда и это помѣщеніе считалось однимъ изъ лучшихъ, доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что князь А. П. Васильчиковъ съ княземъ С. В. Трубецкимъ занимали въ больномъ домѣ Чилева только три комнаты, а П. С. Мартыновъ, М. П. Глѣбовъ, П. П. Рачевскій и А. К. Зельмицъ (послѣдній съ семьействомъ), жили въ надворномъ флигелѣ Верзилиныхъ, имѣли первые трое — по одной, а послѣдній — двѣ комнаты. Все они благодарили судьбу, что устроились, по возможности, довольно еще сносно, а то были случаи, что прѣзжавшіе на воды поздно, т. е. въ самый разгаръ сезона, должны были довольствоваться чердачными сѣтелками, чуланамъ и садонными бесѣдками.

Образъ жизни Лермонтова въ Пятигорскѣ, по разсказу В. П. Чилева, былъ самый обыкновенный и простой. Ничто не напоминало въ немъ поэта, а скорѣе помѣщика-офицера съ солидною для казача обстановкой. Квартира у него со Столыпиннымъ была общая, столъ держали они дома и жили дружно. Завѣдывала хозяйствомъ, людьми и лошадьми Столыпинъ. Въ домикѣ, который они занимали, комнаты, выходящія окнами на дворъ, назывались Столыпинской

половиной, а выходящая въ садъ — Держмонтовской. Михаилъ Юрьевичъ работалъ болѣею частью въ кабинетѣ, на томъ самомъ низменномъ столѣ, который стоялъ тутъ и въ 1870 году ²²⁾. Работая, онъ при открытой окнѣ, подъ которымъ стояло черешневое дерево, сплошь осыпанное въ тотъ годъ черешнями, такъ что, работая, онъ машинально протягивалъ руку, срывалъ черешни и лакомился ими. Спалъ Держмонтовъ на кровати, стоявшей до 1870 года въ кабинетѣ, и на ней былъ положенъ, когда принесли тѣло его съ мѣста поединка. Кровать эта осыпана кровью поэта, также какъ и обѣденный столъ, на которомъ онъ лежалъ послѣ анатомированія до положенія въ гробъ. Хозяйство его велось представительно. На копитый онъ держалъ двухъ собственныхъ верховыхъ лошадей. (Кривцова-скакуна сѣрато черкеса онъ купилъ точнось по прѣздѣ въ Пятигорскѣ). Штаты прислуги его состояли изъ привезенныхъ съ собою изъ Петербурга четырехъ человѣкъ, изъ коихъ двое было крѣпостныхъ: одинъ камердинеръ, бывший дядька его, старикъ Иванъ Соколовъ, и конихъ Иванъ Вертюковъ, и двое наемныхъ — помощникъ камердинера гуріецъ Христофоръ Санникидзе и поваръ, имя котораго не сохранилось. Домъ его былъ открытъ для друзей и знакомыхъ, и если кто къ нему обращался съ просьбою о помощи или одолженіи, никогда и никому не отказывалъ, стараясь сдѣлать все, что только могъ. Вставалъ онъ неодинаково, иногда рано, иногда спалъ часовъ до 9-ти и даже болѣе. Но это случалось рѣдко. Въ первомъ случаѣ, точнось, какъ встанетъ, уходилъ пить воды или брать ванны, и послѣ пилъ чай, во второмъ же — прямо съ постели

²²⁾ Н. А. Висковатовъ, со словъ князя А. П. Васильчикова, тоже говоритъ, что поэтъ работалъ обыкновенно у открытаго окна. Но бывший слуга Держмонтова, гуріецъ Христофоръ Санникидзе, поступившій къ нему на службу мѣщенцемъ за пять до его кончины, удостовѣряетъ, что Михаилъ Юрьевичъ занимался обыкновенно на заднемъ балконѣ своей квартиры, выходящемъ въ садъ и имѣвшимъ нарушеніями западныхъ. (Впоследствии балконъ этотъ сломанъ). Когда бывало, — говоритъ Санникидзе, — онъ сидѣлъ на этомъ балконѣ писать стихи, то впечатленіе всего времени, пока онъ былъ занятъ писаньемъ, строго-на-строго приказывалось прислугѣ не беспокоить его и не пускать къ нему туда никого. Газета «Кавказъ», 1891 года, № 185). Изъ этого видно, что Держмонтовъ работалъ не исключительно въ кабинетѣ, но временами и на балконѣ. А поручикъ Кулаковскій говоритъ, что видалъ его съ записной книжкой и карандашомъ въ рукахъ также и въ гробѣ на Мануфѣ, провансомъ, поэтому, впоследствии Держмонтовскимъ.

садился за чай, а потом уходил из дому. Около двух часов позирался домой обѣдать и почти всегда въ обществѣ друзей-пріятелей. Потѣть любилъ хорошею, но столъ былъ не роскошный, а русскій, прѣстой. На обѣдъ готовилось четыре-пять блюдъ, по заказу Столыпина, мороженое же, до котораго Лермонтовъ былъ большой охотникъ, ягоды или фрукты, подавались каждагнессно. Вино, подокъ и закусокъ всегда имѣлся хорошій запасъ. Обѣдало постоянно четыре-пять, а иногда и болѣе приглашенныхъ или случайно приходившихъ знакомыхъ, преимущественно офицеровъ. Послѣ обѣда пили кофе, курили и балагурили на балкончикѣ, а нѣкоторые спускались въ садъ полежать на травѣ, въ тѣни акацій и сирени. Около 6 часовъ подавался чай, и затѣмъ всѣ уходили. Вечеръ, по обыкновенію, посвящался прогулкамъ, танцамъ, любезничанію съ дамами или игрѣ въ карты.

Необходимо замѣтить, что «благородные» спектакли, живыя картины, литературные вечера и концерты тогда еще не пользовались правомъ гражданства въ «своякомъ» обществѣ; поэтому все свободное время (а его было не мало) молодежь употребляла на пикники, прогулки и «плясы», плясы безъ конца, гдѣ только возможно: у «хозяекъ ли подъ», или на импровизированныхъ балахъ и вечерахъ въ гостиницѣ Найтаки и другихъ благодатныхъ уголкахъ. Но порою (и даже весьма нерѣдко) ухаживанье за дамами смѣнялось нескатаельствомъ благосклонности болѣе доступныхъ и вѣтреныхъ особъ, — дамъ черновыхъ, бубиновыхъ и пиковыхъ. Молодежь перекочевывала къ Найтаки и тамъ, въ заднихъ номерахъ, а когда залъ было свободно, то и въ самомъ залѣ, которое за недостаткомъ иначе и не называлось, какъ «казино», на зеленыхъ столахъ, за трудами золота, серебра и ассигнацій, — «рѣзалась», сколько хотѣла.

Лермонтовъ тоже игралъ, но рѣдко, съ соблюденіемъ извѣстнаго разсчета и выше определенной для проигрыша нормы не зарывался. Однажды даже была у него игра въ квартирѣ. Весь Лермонтовскій кружокъ, нѣсколько товарищей канказцевъ и два-три петербургскихъ туза, собрались въ одинъ изъ прелестныхъ июньскихъ вечеровъ и отъ нечего дѣлать метнули бичишнко. В. П. Чичагнсъ былъ тоже въ числѣ приглашенныхъ, и вотъ что записалъ онъ объ этомъ вечерѣ. «Я не игралъ, но сѣднлъ за игрою. Метали банкъ по желанію. Если банкъ разбирали или срывали, банкнметъ оставлялъ свое мѣсто и садился другой. Игра шла ожив-

денная, но не большая: ставились рубли и десятки, сотни рѣдко. Лермонтовъ контрировалъ. Весьма хладнокровно ставилъ онъ понтерсы, гуля и загнбалъ: «на пс», «углы» и «транспорты», и примазывалъ «кушн». При проигрышѣ бросалъ карты и отходилъ. Потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, опять подходилъ къ столу и опять ставилъ. Но ему вообще въ этотъ вечеръ не везло. Около полуночи банкъ металъ подполковникъ Лепъ Сергѣевичъ Пушкинъ, младшій братъ поэта А. С. Пушкина, бывшій въ то время на водахъ. Програвъ ему нѣсколько станковъ, Лермонтовъ вынесъ на банкотъ, гдѣ сидѣли въ то время не игравшіе въ карты, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, съ которымъ еще поэты не расходился въ то время, князь Сергій Васильевичъ Трубецкой, Сергій Дмитріевичъ Безобразовъ, докторъ Барклай-де-Толли, Глѣбовъ и др., перекинувшись съ ними нѣсколькими словами, закурилъ трубку и, подойдя къ Столыпину, сказалъ ему: «достань, пожалуйста, изъ ящика старый бумажникъ!» Столыпинъ подалъ. Лермонтовъ взялъ новую колоду картъ, стасовалъ и, выбросив одну, накрылъ ее бумажникомъ и съ увлеченіемъ продекламировалъ:

«Въ игръ, какъ левъ, силенъ.
«Нашъ Пушкинъ Лепъ,
«Бьетъ короля бубень,
«Бьетъ даму трефъ.
«Но пусть вѣхъ королей
«И дахъ онъ бьетъ:
«Ва-банкъ!»—и тузъ черной
«Мой—банкъ сорветъ!»

Все маленькое общество, бывшее въ тотъ вечеръ у Лермонтова, заинтересовалось станкой и окружило столъ. Возгласы умоляли, вѣсь съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили и ждали выхода туза. Банкотъ медленно и неуверенно металъ, Лермонтовъ курилъ трубку и пускалъ большіе клубы дыма. Наконецъ, возгласъ «битъ!» разрѣшилъ состязаніе въ пользу Пушкина. Лермонтовъ махнулъ рукой и, засмѣявшись, сказалъ: «Ну, такъ я, значитъ, въ дуэли счастливъ!» Нѣсколько мгновеній продолжалось молчаніе, никто не нашелся сказать двухъ словъ по поводу легкомысленной коварности червоннаго туза, только Мартыновъ, обратившись къ Пушкину и ударивъ его по плечу рукой, воскликнулъ: «счастливчикъ!» Между тѣмъ Михаилъ Юрьевичъ, снявъ съ карты бумажникъ, спросилъ

банкомета: «сколько въ банк!» и пока тотъ подсчитывалъ банкъ, онъ сталъ отпирать бумажникъ. Это былъ старый сафьянный коричневого цвѣта бумажникъ, съ серебрянымъ въ подполтинникъ замкомъ съ нартзанымъ на немъ циферблатомъ изъ десяти цифръ, на одну изъ которыхъ, по желанію, замокъ запирался. Повернуть раза два-три механизмъ замка и видя, что онъ не отпирается, Лермонтовъ съ досадою вырвалъ клапанъ, на которомъ держался запертый въ замокъ стержень, вынулъ деньги, вынулъ бумажникъ подъ дынать ²³⁾ и, поручивъ Столыпину разсчитаться съ банкометомъ, вышелъ къ гостямъ, не играющимъ въ карты, на балконъ. Игра еще нѣкоторое время продолжалась, но какъ-то неохотно и вяло, и скоро прекратилась совсѣмъ. Стали накрывать столъ. Лермонтовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, былъ веселъ, переходилъ отъ одной группы гостей къ другой, шутилъ, смѣялся и острилъ. Подойдя къ Глѣбову, сидѣвшему въ кабинетъ въ раздумьѣ, онъ сказалъ.

«Милый Глѣбовъ,
«Сродникъ Фебонъ,
«Улыбнись,
«Но на Надѣ ²⁴⁾,
«Христа ради,
«Не женись!»

А Мартынова, жалованнагося на жару, подарилъ такимъ экс-
промомъ:

²³⁾ На утро, когда люди убирали комнаты, камердинеръ Лермонтова, Иванъ Соколовъ, поднялъ порванный бумажникъ и принесъ его Михаилу Юрьевичу. «На кой онъ мнѣ чортъ безъ денегъ!» — отозвался проигравшійся поэтъ и, разсмѣявшись, прибавилъ: «если правится онъ тебѣ, возьми его себѣ!» и бумажникъ перенесъ къ Соколову, у котораго послѣ смерти Лермонтова и купилъ его В. И. Чилинъ. Почти тридцать лѣтъ хранилъ его Василій Ивановичъ, да двадцать лѣтъ послѣ перехода его въ мои руки, лежалъ онъ у меня и оберегался въ томъ же видѣ, какъ вышнурнутъ былъ Лермонтовымъ, т. е. съ вырванными клапанами и запертъ на той же цифрѣ, которую въ игрѣ позабылъ поэтъ. Бумажникъ довольно уже истъ, подкладка въ немъ все истерта и внешней книжки при немъ не хватаетъ. Но такимъ я получилъ его, такимъ и передалъ въ Лермонтовскій музей въ апрѣлѣ 1892 г.

²⁴⁾ Надеждѣ Петровнѣ Верзилиной, за которой Глѣбовъ слегка ухакивалъ.

«Скинь бешметъ свой, другъ Мартынь,
«Распояшься, сбрось кинжалы,
«Падѣшь броню, вояжи бердынь
«И блюди пастъ, какъ хожалый!»

Когда сѣли за столъ, князь С. В. Трубецкой повелъ разговоръ на тему «о пирѣ жизни» и высказалъ мысль, что пиръ этотъ надо уметь продолжить какъ можно долѣе и окончить, когда вино все будетъ выпито. Лермонтовъ покрутилъ усь и отвѣтилъ на это:

«Смѣло въ пирѣ жизни надо
«Пить флягъ свой до конца,
«Но лишь въ битвѣ смерти — награда,
«Но подъ ступомъ, для бойца».

Иногда по утрамъ Лермонтовъ уѣзжалъ на своемъ лихомъ «Черкесѣ» за городъ, уѣзжалъ рано и большей частью вдругъ, не предупредивъ заблаговременно никого: встанетъ, велитъ осѣлать лошадей и ужнется одинъ. Онъ любилъ бѣшеную скачку и предавался ей на волѣ съ какой-то необузданностью. Ничто не доставляло ему большого удовольствія, какъ головоломная джигитовка по необозримой степи, гдѣ онъ, забывъ весь міръ, носился какъ вѣтеръ, перескакивая съ ловкостью горца черезъ встрѣчающіеся на пути: рвы, канавы и плетни. Но при этомъ имъ руководила не одна только любительская страсть къ ѣздѣ, онъ хотѣлъ выработать изъ себя лихого наѣздника-джигита, въ чемъ неоспоримо и преуспѣлъ, такъ какъ все товарищи его, кавалеристы, знатоки верховой ѣзды, признавали и высоко цѣнили въ немъ столь необходимая, но тогдашнему времени, качества безстрашнаго, лихого и неутомимаго ѣздока-джигита. Знакомыя дамы приходили въ восторгъ отъ его удала и неустрашимости, когда онъ, сопровождая ихъ на прогулкахъ и въ кавалькадахъ, показывалъ имъ «высшую школу» наѣздничества, а Верзилинскія «граціи» не разъ даже рукоплескали, когда онъ, протѣкая мимо, передъ ихъ окнами, ставилъ на дыбы своего «Черкеса» и заставлялъ его чуть не плясать «лезгинку».

Характеръ Михаила Юрьевича, какъ человѣка, определяется его биографіей, критиками и истолкователями его сочиненій различно, причемъ, конечно, ему приписаны и «нравственное паденіе», и «двойственность характера», и «разладъ души». Сознательныхъ цѣлей не указано, но поставлены на видъ какинъ-то неясный стрем-

желія вырваться изъ давящаго дуну положенія, или влеченіе къ какому-то иному, лучшему міру. Но я не послѣдую за ними, такъ какъ разсмотрѣніе подобныхъ выводовъ увлекло бы меня далеко за предѣлы программы настоящей статьи: я ограничусь опредѣленіемъ личности Лермонтова, какъ человѣка, по отзывамъ лицъ, стоявшихъ вокругъ него въ послѣдніе дни его жизни.

«Изъ нихъ,—повѣствуетъ князь А. П. Васильчиковъ²⁵⁾, было два человѣка: одинъ добродушный для небольшого кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе; другой—запосынный и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ. Къ первому разряду принадлежали въ послѣдніе пріемы его жизни (рѣчь идетъ о пятигорскомъ обществѣ): Столыпинъ, Габбонъ, князь А. П. Долгорукій, декабристъ М. А. Паниновъ и нѣсколько другихъ ближайшихъ его товарищей. Ко второму разряду принадлежали, по его понятіямъ, весь родъ человѣческій, и онъ считалъ лучшимъ своимъ удовольствіемъ подтрунивать и поддучивать надъ всякими мелкими и крупными странностями, преслѣдуя ихъ иногда шуточными, а весьма часто и язвительными насмѣшками. Но, кромѣ того, онъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и дѣш его раздѣлился на дѣй пошлости между серьезными занятіями и чтеніемъ, и такими шалостями, какія могутъ придти въ голову развѣ только 15-ти-лѣтнему мальчику».

«Любили мы его всѣ,—говоритъ Н. П. Раевскій²⁶⁾.—У многихъ сложился такой взглядъ, что у него былъ тяжелый, придирчивый характеръ. Ну, такъ это неправда. Особеннымъ изъяснкой онъ не былъ, а пошлости—онъ былъ необыкновенно чутокъ,—въ людяхъ не терпѣлъ. Съ людьми же простыми и искренними и самъ былъ простъ и ласковъ. Надъ всѣми нами онъ командиръ былъ. Всѣхъ окрестилъ пошлостью, а его никто даже и не подумалъ называть иначе, какъ по имени. Онъ хотя насъ и любилъ, но исполнъ близокъ былъ съ одними Столыпинными. Обычной нашей компаніей было, кромѣ насъ, имѣть жившихъ²⁷⁾, еще нѣсколько человѣкъ,

²⁵⁾ «Русскій Архивъ», 1872 г., № 1.

²⁶⁾ «Имя» 1886 г., № 7.

²⁷⁾ Жившихъ въ домахъ Чаплева и Верандинныхъ: кн. А. П. Васильчикова, кн. С. В. Трубецкаго, Н. С. Мартынова, М. П. Габбова, Н. М. Раевского и А. К. Зельмица.

между прочимъ, Манзей, Л. С. Пушкинъ, Безобразовъ и др. Въ прѣзжіе и постоянные жители Пятигорска получали отъ него прозвища. И языкъ же у него былъ! Какъ бывало прозвать кого, такъ кличка и пристанетъ. Между прѣзжими барынями были и belles pales, и grenouilles évalonnes. А племянница помѣщицы Быховецъ, имени которой не помню, именно потому, что людей, окрещенныхъ Лермонтовымъ, никогда не называли ихъ христіанскими именами, получила прозвище la belle noire.

Эмилиа Шауъ-Гирей²⁹⁾ отзывается о Михаилѣ Юрьевичѣ очень осторожно. Она высказала только нѣсколько словъ, что поэтъ любилъ поддразнивать и насмѣхаться, но бывалъ и веселъ, болталъ до шалости, бѣгалъ съ барынями въ горѣлки, игралъ въ серсо и конку-мышку, потому все это изображалъ въ каррикатурахъ, что ихъ, барышень, очень смѣшило.

В. П. Чилевъ определялъ поэта такъ. Это былъ сильный, эгоистическій и властолюбивый характеръ, имѣвшій одну цѣль — пробить себѣ, но что бы то ни стало, дорогу въ высшія сферы вліянія и дѣла, чтобы современемъ властвовать надъ толпою. Для этого онъ сознательно употреблялъ всѣ средства, выказывалъ свой талантъ, обнаруживалъ безавѣстную храбрость и сыпалъ шутки и насмѣшки, не жалея никого и ничего, ни даже собственной жизни.

Наконецъ, бывший слуга Лермонтова, Христофоръ Санникодзе²⁹⁾, удостоверяетъ, что Михаилъ Юрьевичъ былъ человекъ весьма веселата нрава, хотя въ то же время не любилъ много говорить, а любилъ болѣе слушать то, что говорятъ другіе. Иногда имъ овладѣвала задумчивость, и тогда онъ не любилъ, чтобы его беспокоили, и не любилъ, если въ это время заходили къ нему товарищи. Съ прислугой своей былъ необыкновенно добръ, ласковъ и снисходителенъ, а старата камердинера своего любилъ какъ роднаго и даже снисходительно выслаивалъ его совѣты.

Изъ всѣхъ сихъ свѣдѣній только одно, именно В. П. Чилева, обрисовываетъ намъ главныя основныя черты его характера, съ опредѣленіемъ даже цѣлей жизни, и прочія указываютъ только детали и мелкіе штрихи его обывческаго, будничнаго премирнаго

²⁹⁾ Урожденная Клингенбергъ, дочь М. П. Веранлиной отъ перваго мужа.

²⁹⁾ Газета «Кавказъ», 1891 г., № 185.

пожизненія. Но, обобщая и ссылаясь их воедино, мнѣ кажется, я не погрѣшу противъ истины, если изображу личность Михаила Юрьевича, какъ человека, въ слѣдующемъ опредѣленіи.

Лермонтовъ по всѣмъ отношеніямъ воплощалъ въ себѣ могучую натуру; онъ обладалъ здоровьемъ, крѣпкой физической организаціей³⁰⁾, сильнымъ умомъ и желѣзной, несокрушимой силой воли. При такомъ сочетаніи разнообразныхъ, щедрыхъ даровъ природы, конечно, ему, какъ орлу въ клеткѣ, было тѣсно въ той средѣ, въ которую толкнула его судьба. Онъ жаждалъ свободы, простора и необъятной широты горизонта въ области мысли и творчества и жаждалъ власти, силы, значенія и могущества въ сферѣ дѣятельности. Но, сознавая вполне, что онъ для общества не что иное, какъ захудалый дворянинъ съ нѣкоторыми связями и положеніемъ по матерн, субалтернъ-офицеръ, обязанный дѣлать подъ козырекъ каждому штабъ-ротмистру и становиться по фронтъ предъ командирствомъ, чело-вѣкъ, не обладающій ни представительной шаржностью, ни физической красотой, — душа его болѣла и возмущалась. Вопросъ: что дѣлать? возникалъ самъ собою, но колебался долго не приходилось. Его пылкій, сибильный умъ, задаваясь широкими задачами, рвался къ высшей, болѣе достойной его сферѣ дѣятельности и рекомендовалъ борьбу съ окружающими его общественными элементами; необычайная сила воли подавала надежду сокрушить всѣ препятствія, какия попадутся на пути, горячее стремленіе къ достиженію предположенной цѣли сдѣлалось стимуломъ его дѣйствій, и онъ вступилъ въ бой. Въдѣ въ его годы многіе избранныки судьбы были уже извѣстны міру и покоряли народы силою своего генія, — почему же и ему было не лстить себя надеждой войти во власть и заставить поклоняться себѣ? Но что было въ рукахъ безвѣстнаго, невзрачнаго и некрасиваго собой поручика съ сухимъ германическимъ древомъ и допотопно тощимъ кошелькомъ? Ничего, или почти что ничего! Другой на его мѣстѣ помирился бы съ своимъ положеніемъ и прозябалъ бы, какъ могъ, т. е. какъ только можно было прозябать въ эпоху сороковыхъ годовъ, въ «самое пустое въ исторіи русской гражданственности время». Но Михаилъ Юрьевичъ былъ

³⁰⁾ Въ школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ и юнкеровъ Лермонтовъ гулялъ и визжалъ въ уланъ помпезна гусарскихъ карабиновъ. Газетная Меринскаго («Русскій Міръ», 1872 г., № 205).

не изъ тѣхъ людей, чтобы «томиться и молчать». Сознавая, что для достиженія предположенной цѣли есть единственное для того надежное средство—шумъ и сполнотвореніе, онъ принялся постепенно, систематически и неуклонно дѣлать только то, что возбуждаетъ шумъ и производитъ столпотвореніе. Люди, стоявшіе поблизу ошаташались и молчали, стоявшіе поодаль или болѣе сильные пытались шикать, стоявшіе же еще далѣе и бывшіе еще сильнѣе принимали шѣры; но могучая натура поэта не надела духомъ и, примѣняясь къ обстоятельствамъ, возбуждала еще болѣе шумъ и продолжала все выше и выше возводить затѣянное столпотвореніе. И что же? — гениальный юноша оказался правымъ, произведенный шумъ возымѣлъ свое дѣйствіе: толпа обратила на него вниманіе, и о немъ заговорили. Но отъ разговоры до признанія авторитета еще далеко. Онъ это видѣлъ и сталъ работать. Разумно и стойко, шагъ за шагомъ, подвигался онъ впередъ, поражая однихъ блескомъ своего генія въ сферѣ творчества и мысли, изумляя другихъ своею безавѣстною, неостанавливавшимся ни передъ чѣмъ храбростью въ дѣлахъ съ горцами, становясь, какъ сказалъ Н. К. Михайловскій ²¹⁾, во главѣ чего-то въ родѣ шайки башки-бузуконъ и смиряя и подчиняя себя третьихъ силою своего ѣдкого сарказма и язвительной безпощадной насмѣшки. Многое было сдѣлано, но еще болѣе нужно было сдѣлать. Чтобы смирить, покорить и заставить поклоняться себя всю эту разномѣрную толпу титулованныхъ, чиновныхъ и гордыхъ своимъ богатствомъ и связями людей, нужно было рисковать своею жизнью, и онъ рисковалъ, зная, что каждый сдѣланный по нему выстрѣлъ усиливаетъ его обаяніе и приближаетъ къ цѣли. Если же въ послѣдней ставкѣ жизни на карту случайности ему не посчастливилось, то это была случайный великой человѣческой предусмотрительности: убійства предусмотрѣть нельзя.

Самъ Лермонтовъ опредѣлялъ свое providenціальное значеніе такъ:

«Нѣтъ, я не Байронъ,—я другой,
 «Еще неѣдомый избранныкъ,
 «Какъ онъ, гонимый въ мірѣ странникъ,
 «Но только съ русскою душой».

²¹⁾ Въ статьѣ «Герой безвременья» («Русскія Вѣдомости» 1891 г., № 270).

Въ письмахъ своихъ къ М. А. Лопухиной онъ говоритъ: въ одномъ (1839 г.) — «самый главный мой недостатокъ суетность и самолюбіе»; въ другомъ (1834 г.) — «съ каждымъ днемъ я все болѣе убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ или не представляется случая, или недостаетъ рѣшимости. Меня утѣряютъ, что случай когда нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтается пренебрежъ и опытностью! А кто порукою, что, когда все это будетъ, я сберегу въ себѣ хоть частичку пламенной, молодой души, которую Богъ одарилъ меня черезчуръ нестатн, что моя воля не истонится отъ такого выжиданія, что, наконецъ, я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что служить диняющею впередъ пружинною бытія»²²⁾. Значить, цѣль жизни и стремленія къ ея осуществленію, прикрытыя шутивными фразами: «прекрасныя мечтанія и непрекрасныя опыты въ житейской наукѣ», существовали отъ юныхъ лѣтъ у «неудачно избранника» судьбы, и если онъ сожалѣлъ о чемъ нибудь, то это объ одномъ, что «изъ него ничего не выйдетъ», то-есть, что онъ не достигнетъ предложенной цѣли. Цѣль эту онъ преслѣдовалъ всю жизнь, для достиженія ея онъ илѣ свои дивныя пылкіе, въ университетѣ уединился и опладывалъ вниманіемъ студентовъ своею отчужденностью отъ нихъ и самоуглубленіемъ въ науку, въ школѣ подираторниковъ и юнкеровъ увлекалъ товарищей своей разсчитанной на возбужденіе молвы удалю и молодечествомъ, въ обществѣ лопеласничалъ и бичевалъ бичемъ сарказма и сатиры мизераблеи свѣта, на Кавказѣ динилъ виданнихъ всякіе виды храброевъ своею беззавѣтной отвагой, становясь во главѣ безпардонной дружины охотниковъ, и, наконецъ, на водахъ въ Пятигорскѣ дурачился, явилъ и возмущалъ камелій во фракахъ, въ черкескахъ и мундирахъ. Каждый его шагъ, каждое его слово были расчитаны и веѣ дѣйствія направлены въ тому, чтобы «задача жизни» осуществилась. Никакой «нравственной слабости», никакой «двойственности характера», никакого «разлада души» въ поэтѣ не существовало. Напротивъ, это была самобытный, цѣльный, какъ глыба гранита, и надежный, какъ дамасская сталь, мужественный

²²⁾ Сочиненія Лермонтова, изд. В. О. Рихтера, 1891 г., т. V. стр. 401 и 421.

и закаленный невзгодами характеръ, основные элементы котораго составляли его честность, правдивость, доброта, ласковость и веселость.

Но достигалась ли цѣль?—быть можетъ, спросить.

Несомнѣнно. При такихъ условіяхъ, какія употреблялъ поэтъ, рано или поздно, но цѣль была бы достигнута. Въ подтвержденіе высказанной мысли приведу слѣдующіе отзывы: «Надъ всѣми нами онъ командиръ былъ»,—говоритъ Н. Н. Раенскій ³³⁾. «Насмѣшливый, бѣкій, ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума, самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душой общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ заправкой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы»,—отзывается о немъ графиня Е. П. Ростопчина ³⁴⁾. «Всякій разъ, какъ появлялся поэтъ въ публичнѣ, ему предшествовалъ шепотъ: «Лермонтовъ идетъ!» и все сторонилось, все умолкало, все прислушивалось къ каждому его слову, къ каждому звуку его рѣчи»,—свидѣтельствуетъ поручикъ Кулаковскій ³⁵⁾. «Никто такъ не выдвигался и не овладѣвалъ общественнымъ мнѣніемъ на водахъ, какъ Михаилъ Юрьевичъ,—сообщаетъ В. П. Чплавскій:—онъ былъ главой молодежи, а съ нею и всего водянаго общества, и хотя на водахъ были люди съ положеніемъ и въ чинахъ, но, какъ бы по взаимному соглашенію, боясь попасть ему на зубокъ, всѣ они сторонились и уступали ему дорогу. Никто изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, явно не фрондировалъ, возражать или публично спорить съ нимъ не дерзалъ и ограничивался дружественными привѣтствіями и свѣтскими разговорами. На бульваръ и около источниковъ его окружала толпа и старалась поймать на лету каждое брошенное имъ острое слово или замѣчаніе, чтобы потомъ разсказывать и повторять его у своихъ знакомыхъ. Старые кавказцы улыбались и крѣпко жали ему руки. Дамы восторгались имъ и пикировались между собой изъ-за него. Молодежь его любила и готова была идти за нимъ всюду, исполняя всѣ капризные его желанія. Его слово считалось закономъ, и поэтому онъ высоко держалъ голову, сознавая, что онъ — калифъ, калифъ на часъ, но, всетаки, калифъ».

³³⁾ «Нива», 1885 г., № 7.

³⁴⁾ «Русская Старина», 1882 г., № 9, стр. 610.

³⁵⁾ «Всемирный Трудъ», 1870 г., № 10, стр. 602 и 603.

А много ли такихъ калифовъ, въ чинѣ поручика, было на Руси? И могутъ ли быть калифами люди, не обладающіе сабытнымъ, цѣльнымъ и твердымъ, какъ гранитъ, характеромъ?

Отъ Лермонтова самый естественный переходъ къ его сопернику, Николаю Соломоновичу Мартынову и другимъ, близко стоявшимъ къ нему лицамъ.

Отставной майоръ Гребенскаго казачьяго полка Н. С. Мартыновъ, «счастливый несчастливецъ», какъ мѣтко охарактеризовалъ его Лермонтовъ. В. П. Чилеву, былъ красивый и статный мужчина, выделявшійся изъ круга молодежи тѣмъ физическими достоинствами, которыми такъ нравятся женщинамъ, а именно: высокимъ ростомъ, выразительными чертами лица и стройностью фигуры. Онъ жилъ въ надворномъ флигелѣ Верзилиныхъ вмѣстѣ съ П. П. Глѣбовымъ и П. П. Раевскимъ и, по словамъ послѣдняго ³⁶⁾, являлся истымъ дэнди а la Circassienne. Отличительными признаками этой горской фешенебельности были у него бритая почеркесски голова и необытнѣйшей величины кинжалъ, изъ-за котораго его Лермонтовъ и прозвалъ роіgnard'омъ. Онъ одѣвался чрезвычайно оригинально и разнообразно. Какъ отставной офицеръ, онъ долженъ былъ носить форму Гребенскаго полка, но это ему не нравилось, и онъ употребилъ все свои способности на то, чтобы опоэтизировать ее, дѣлалъ въ ней добавленія, мѣнялъ цвѣта и примѣнялъ ихъ, согласно погодѣ, случаю или своему вкусу. Въ его костюмѣ постоянно замѣчалась пережѣна: одинъ день на немъ была бѣлая черкеска и черныи бешметъ, на другой—черная или цвѣтная черкеска и бѣлый бешметъ. Сегодня онъ появлялся въ бѣлой папахѣ, ухарски заломленной, завтра—въ черной, нахлобученной на глаза. Матеріи мѣнялись: сукно смѣняла шелковая матерія, а послѣднюю—бархатъ; появлялись позументы, галуны и другой серебряный наборъ, и вдругъ исчезали. Онъ выходилъ въ простомъ черномъ суконномъ костюмѣ безъ всякихъ нашивокъ или же драпировался буркой. Одно въ немъ не измѣнялось: это—то, что рукава его черкески, для придавія фигурѣ особаго молодечества, были всегда застучены, да за поясомъ всегда торчалъ кинжалъ. Все это производилось съ цѣлю нравиться женщинамъ. Женщины были его кумиромъ, и для нихъ онъ занимался собою, по цѣлымъ часамъ просп-

³⁶⁾ «Нива», 1885, № 7.

живалъ передъ зеркаломъ, брѣясь, подстригаясь, холя свои ногти, или придавая физиономіи болѣе чарующій видъ разными косметическими средствами. Въ гостинныхъ онъ производилъ впечатлѣніе, съ дамами умѣлъ быть любезнымъ, веселымъ и забавнымъ, зналъ музыку, недурно пѣлъ чувствительные романсы и ловко танцовалъ. За эти, столь цѣнныя въ свѣтѣ, качества дамы его отличали, были къ нему внимательны, и даже болѣе чѣмъ внимательны. Но въ кружкѣ товарищей онъ какъ будто стушевывался, сторонился и больше молчалъ. По отзыву Н. А. Арсеньева ³⁷⁾, его заѣдало самолюбіе и чванство. Эгоистическій и обидчивый до щепетильности, онъ считалъ себя, по своимъ свѣтскимъ успѣхамъ, стоящимъ выше другихъ и раздражался на каждого, кто не глядѣлъ его по головокъ. Его умственное и нравственное развитіе было крайне ограничено, и поэтому онъ постоянно находился подъ чьимъ либо постороннимъ вліяніемъ, о поэтическомъ гениі Лермонтова надлежащаго понятія не имѣлъ, относился къ нему презрительно и судилъ о немъ свысока.

Лермонтовъ, по словамъ Н. Н. Раевского ³⁸⁾, не подпускалъ Мартынова особенно близко къ себѣ, но все же не ставилъ его на ряду съ призрачными имъ людьми. Онъ зналъ его хорошо и совершенно вѣрно опредѣлялъ его свѣтское значеніе, бросилъ случайно отзывъ: «счастливый несчастливецъ». Дѣйствительно, всякій несчастливый случай сходилъ ему съ рукъ счастливо. Мартыновъ былъ товарищемъ Лермонтова по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, гдѣ они учились вмѣстѣ. Выйдя въ кавалергардскій полкъ въ 1835 году, онъ былъ замѣнянъ въ какой-то амурной исторіи, но отдѣлялся счастливо. Отправившись на Кавказъ, онъ думалъ удивить храбростью кавказцевъ, мечталъ о чинахъ и орденахъ и былъ увѣренъ, что скоро заслужитъ генеральскій чинъ, но, прослуживъ нѣсколько времени въ греческомъ полку, гдѣ у него тоже была амурная исторія, вышелъ въ отставку майоромъ, что тоже было отнесено къ личному его счастью ³⁹⁾. На-

³⁷⁾ «Нива», 1885 г., № 27.

³⁸⁾ Тоже. № 7.

³⁹⁾ Н. А. Висковатовъ въ своей біографіи Лермонтова, приложенной къ собранію его сочиненій, изд. В. О. Рихтера, 1891 года, стр. 401, передаетъ, со словъ Н. Н. Граббе, слѣдующій разсказъ о Мартыновѣ. Проѣзжая на Кавказъ, въ Ставрополѣ онъ обѣдалъ у

конецъ, самое убѣненіе поэта на дуэли — это величайшее несчастье, какое только могла послать въ испытаніе человѣку судьба, произошло для него счастливо. Приговоренный къ трехлѣтнему аресту и церковному покаянію, онъ отбывалъ его, по словамъ П. А. Висковатова ⁴⁰⁾, съ полнымъ комфортомъ. Какъ богатый человѣкъ, онъ занималъ отличную квартиру въ одномъ изъ флигелей лапры. Кіевскія дамы были нѣтъ очень заинтересованы. Онъ являлся изысканно одѣтый на публичныхъ гуляньяхъ и подыскивалъ себѣ красивыхъ дамъ, желая поражать гуляющихъ и своимъ появленіемъ, и появленіемъ прекрасной спутницы.

Вотъ человѣкъ, которому, какъ самъ о себѣ выразился Мартыновъ въ письмѣ къ М. П. Семевскому ⁴¹⁾, злой рокъ судилъ быть орудіемъ Провидѣнія въ смерти Лермонтова.

Капитанъ нижегородскаго драгунскаго полка Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ былъ двоюродный дядя Лермонтова ⁴²⁾, но, вслѣдствіе равенства лѣтъ, ихъ считали двоюродными братьями. Съ самаго дѣтства онъ связанъ былъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ тѣсной дружбой. Они вмѣстѣ росли, вмѣстѣ проšli курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ и юнкеровъ, вмѣстѣ служили въ лейбъ-гусарахъ, и до высылки Лермонтова на Кавказъ въ 1837 году вмѣстѣ жили на квартирѣ въ Царскомъ Селѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ Столыпинъ былъ красавецъ собою, но красота его не принадлежала къ разряду «вышесочной» или «вербныхъ херувимовъ»: это была красота античная, мужественная и выразительная. Всѣ дамы высшего свѣта отличали его и называли его «le beau Столыпинъ» или «la coqueluche des dames». Свѣтскій левъ въ полномъ значеніи этого слова, Алексѣй Аркадьевичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ рыцарь

генерала Граббе и за столомъ такъ много и долго говорилъ съ увѣренностью о блестящей будущности, которая его ожидаетъ, что Павелъ Христофоровичъ долженъ былъ охладить его и пояснить ему, что на Кавказѣ храбростью не удивишь, а потому и награды не такъ-то легко даются, и что говорить съ пренебреженіемъ о кавказскихъ воннахъ не годится.

⁴⁰⁾ Тамъ же, стр. 445.

⁴¹⁾ Матеріалы для біографіи поэта М. Лермонтова. Изданіе М. И. Семенова, 1870 года.

⁴²⁾ Его отецъ Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ былъ роднымъ братомъ бабки Лермонтова, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной.

безъ страха и упрека по характеру. Его испытанная храбрость, возвышенныя понятія о чести, благородство по нѣхъ дѣлахъ и поступкахъ, безграничная доброта, великодушіе и беззащитная готовность на услугу словомъ и дѣломъ высоко цѣнились обществомъ и списали ему любовь и уваженіе товарищей. Онъ былъ секундантомъ Лермонтова въ первой его дуэли съ «французикомъ», барономъ де-Варантомъ, сыномъ французскаго посланника при русскомъ дворѣ, и два раза сопровождалъ поэта на Кавказъ.⁴³⁾ Онъ понималъ значеніе Михаила Юрьевича, какъ писателя и поэта, и если бралъ на себя тяжелый искъ утѣрить вѣшники его, не выходящаго изъ людской жизни и молодости, характера и быть ему спут-

⁴³⁾ Здѣсь будетъ уместно упомянуть еще разъ о фантастичности разсказа Магденки о встрѣчѣ съ Лермонтовымъ и Столыпинымъ въ Георгиевскѣ, гдѣ будто бы онъ вѣхалъ со Столыпинымъ слѣдующій разговоръ:—«Ну, что, рѣшаесть, капитанъ,—спросилъ онъ (ѣхалъ въ Питигорекъ).—Помилуйте, какъ намъ ѣхать въ Питигорекъ? Вѣдь мнѣ поручено вести его въ отрядъ. Вотъ наша подорожная, а тамъ инструкція, посмотрите.—И поглядѣвъ на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцію посоветовалъ и, признаться, очень сожалѣю». (Биография Лермонтова, составленная Н. А. Висковатовымъ, стр. 380). Донуская встрѣчу Магденки съ Лермонтовымъ и Столыпинымъ и совмѣстный ихъ прѣздъ въ Питигорекъ, и отвергая все то, что онъ разсказываетъ о рѣшеніи ихъ ѣхать самостоятельно въ отрядъ на волю, принимаю послѣ будто бы бросаніи монеты на орла. Въ подтвержденіе высказаннаго мною выше, приведу еще слѣдующее соображеніе: по-первымъ, если бы Столыпину было поручено начальствомъ отвезти Лермонтова въ отрядъ, то никакія просьбы, никакія молбы, никакіе фокусы, въ родѣ бросанія монеты, не заставили бы этого рыцаря уклониться отъ исполненія возложеннаго на него порученія и онъ доставилъ бы Лермонтова въ отрядъ. Вторыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что при прѣздѣ ихъ въ Станицу въ Питигорекъ подорожная у нихъ была — класная или частная — иначе въ то время на почтовыхъ станціяхъ лошадей не давали. Что же касается инструкціи, то это чистая фантазія, такъ какъ инструкціи даются только сопровождающимъ преступниковъ, больныхъ, сумасшедшихъ или малолѣтнихъ. Но Лермонтовъ, какъ офицеръ, возвращавшійся изъ отпуска къ мѣсту своего служенія, ѣхалъ свободно и никакихъ инструкцій со стороны начальства для препровожденія его дано быть не могло, да и само сопровожденіе поэта Столыпинымъ предпринято не по распоряженію начальства, а по личной дружбѣ и просьбѣ бабушки Арсеньевой, отъ которой никакихъ письменныхъ инструкцій, вѣроятно, тоже не было.

инкомъ и руководителемъ въ негостепріимномъ краѣ, среди различныхъ, чуждыхъ другу другу общественныхъ элементовъ, то съ единственной цѣлю — собрать поэта для славы Россіи. «Никто не знаетъ, говорилъ мнѣ В. П. Чилевскій: — сколько нужно было упорства, кротости и ума употребить Алексѣю Аркадьевичу, чтобы сдерживать порывы сердца своего юнаго, жаждавшаго тревогъ и полнѣнній, друга и заставить его слѣдовать благоразумнымъ совѣтамъ». «Ну, ты у меня, — отпѣчала ему обыкновенно Лермонтовъ, смѣясь:— вторая бабушка, боишься, чтобы я не замарала своей курточки!» или «конечно, конечно, все это очень хорошо, но только скучно!»

Корнетъ лейбъ-гвардіи коннаго полка Михаилъ Николаевичъ Глѣбовъ — товарищъ Лермонтова по школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ и юнкеровъ, но вышедшій изъ нея позже, именно въ 1838 году. Онъ любилъ поэта за его открытый, благородный и добрый характеръ и, въ свою очередь, пользовался полною со стороны Михаила Юрьевича къ себѣ довѣренностью и расположеніемъ. Между ними существовала искренняя товарищеская дружба, основанная на взаимномъ сочувствіи и взаимномъ другъ къ другу уваженіи. Глѣбовъ былъ храбрый офицеръ, онъ сдѣлался извѣстнымъ, благодаря своему долговому плечу у горцевъ, изъ котораго былъ выкупленъ правительствомъ, и тяжелой ранѣ, полученной въ последней экспедиціи. Отъ этой раны онъ лечился въ Пятигорскѣ и, конечно, для Михаила Юрьевича былъ желаннымъ и надежнымъ со товарищемъ.

Титулярный совѣтникъ, князь Александръ Платоновичъ Васильчиковъ, сынъ извѣстнаго командира гвардейскаго корпуса, числялся на службѣ по II отдѣленію Собственной Его Величества канцеляріи. Онъ прѣхалъ на Кавказъ въ свѣтъ ревизованнаго гражданскую часть кавказскаго управленія сенатора, барона Гапа и, по болѣзни, былъ уволенъ для леченія минеральными водами въ Пятигорскѣ.

Въ запискахъ нѣмецкаго поэта Боденштедта, встрѣтившагося съ Михаиломъ Юрьевичемъ въ Москвѣ, въ апрѣлѣ 1841 года, мы находимъ слѣдующій разсказъ: «Мы сидѣли уже за шампанскимъ. Сибѣлая пѣна лилась черезъ край стакановъ и черезъ край лилась изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то дѣтскія остроты. «А! Михаилъ Юрьевичъ! — вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ при видѣ только-что пошедшаго молодого офицера. — Онъ

привѣтствовали ихъ краткими: «здравствуйте!» Слегка потрепавъ Олсуфьева по плечу и обратился къ князю NN, съ словами: «ну, какъ поживаете, умники?»...

Н. А. Висковатовъ въ биографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 380), говоритъ, что упомянутый выше князь NN, какъ сообщилъ ему Боденштедтъ, былъ князь А. Н. Васильчиковъ.

Вотъ съ этимъ-то «умникомъ» и спела судьба Михаила Юрьевича для кроваваго расчета подъ Мамукомъ.

«Князь Ксандръ», какъ называлъ князь Васильчиковъ Лермонтова, такъ отозвался о своихъ отношеніяхъ къ поэту въ Пятигорскѣ⁴⁴⁾: «Мы жили дружно, весело и нѣсколько разгульно, какъ живется въ этомъ беззаботномъ возрастѣ 20—25 лѣтъ. Хотя я и прежде былъ знакомъ съ Лермонтовыми, но тутъ узналъ его коротко, и наше знакомство, не смѣю сказать — наша дружба, было искренне и чистосердечно».

Но не нужно забывать, что это писано имъ въ 1872 году, въ свое оправданіе и въ оправданіе Н. С. Мартыцова въ брошенномъ имъ упрекѣ въ злонамѣренности дуэли.

«Умникъ» велъ себя въ Пятигорскѣ очень тонко. Онъ, по словамъ В. П. Чилева, зная силу сарказма Лермонтова, первоначально ухаживалъ за нимъ, часто бывалъ у него и съ нимъ на прогулкахъ и въ гостиницахъ общихъ знакомыхъ, выслушивалъ, не обижаясь, отъ него невозможныя шутки, остроты и замѣчанія, отлучившаяся въ свою очередь, какъ Господь Богъ положить на душу. Но съ конца іюля онъ вдругъ перешелъ въ тотъ лагерь, гдѣ враждебно смотрѣли на поэта. Высшія отношенія оставались, конечно, тѣ же, но близкая товарищеская связь была порвана. «Князь Ксандръ» сдѣлался молчаливъ, угрюмо въклики и сдержанъ, частыя бесѣды прекратились, на Верялинскіе и другіе вечера онъ сталъ приходить изрѣдка и не надолго, какъ будто только для того, чтобы не было повода сказать, что свѣтскія отношенія нарушены. Лермонтовъ все это видѣлъ и бросалъ ему въ глаза клочки: «Донъ-Кихотъ эзунтизма», «князь-пустельга», «дипломатъ не у дѣлъ», «мученикъ фанора» и др. Изъ стихотворныхъ энграммъ на него записаны В. П. Чилевымъ дѣй: одна, сказанная Лермонтовымъ на бульварѣ, какъ-то вечеромъ, когда луна свѣтила ярко и тѣнь князя Васильчикова въ шнелли и шляпѣ, бесѣдовавшаго съ ка-

⁴⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

кримъ-то питерскіи старикомъ, длинной полосой ложилась на песокъ площади. Молодежь вышла изъ «казино» Найдти и столпилась на крылечкѣ. Лермонтовъ указалъ рукою на «мученика фавора» и сказалъ:

«Великъ князь Ксандръ и тонокъ, гибокъ онъ,
«Какъ колосъ молодой,
«Луной сребристой ярко освѣщенъ,
Но безъ зерна—пустой».

Другая написана была много на карточномъ с. лѣ, когда «умникъ» сказалъ какое-то энергичное слово:

«Нашъ князь Василь—
«Чиконъ—по батюнкѣ,
«Шефъ, простофиль,
«Тлунцовъ—по дядюнкѣ,
«Иди въ кадриль
«Шутовъ—по пятошкѣ,
«Въ рѣчь вводить стили
«Донцовъ—по матушкѣ».

Всё это, конечно, не могло служить къ образованію той «искренней и чистосердечной дружбы», о которой князь писалъ въ 1872 году, и «дипломатъ не у дѣлъ» оказался въ немъ; но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Число лицъ, тѣснившихся вокругъ поэта, было велико; перечислить ихъ всѣхъ, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, невозможно, да и имѣть надобности, такъ какъ участіе ихъ въ дѣлѣ постановки и педенія драмы — темно иль ничтожно. Вполнѣ достаточнымъ будетъ, если я упомяну: генерала князя В. С. Голицына, который, по сказанію Н. П. Ржевскаго ⁴⁵⁾, до размовки съ Лермонтовымъ въ началѣ іюля, былъ распорядителемъ на всѣхъ праздникахъ, устраиваемыхъ молодежью, князя С. В. Трубецкаго ⁴⁶⁾, князя Шаховскаго, графа Ламберта, графа Толстаго, С. Д. Безобразова, Н. П. Иванникова, К. В. Неклюдова, А. К. Арнольди, Н. В. Волкова, Л. С. Пушкина ⁴⁷⁾, Н. П. Ржевскаго, Веригина, Манзеса, Зельяца,

⁴⁵⁾ «Иппа», 1886 года, № 1.

⁴⁶⁾ Квартирмашиннаго дѣлѣтъ съ княземъ А. П. Васильчиковымъ.

⁴⁷⁾ Брата поэта А. С. Пушкина.

Дмитревскаго, Сатина, Креницына, Лисаневича, Туттолмина, Бенкендорфа ⁴⁴⁾ и декабристов Лорера и князя Валеріана Голицына. Все это были люди, принадлежавшіе къ избранному обществу или отличившіеся въ рядахъ военныхъ кавказскихъ поектъ. Изъ соединяли семейныя петербургскія связи, боевое товарищество или давнее знакомство. Все они прѣѣхали въ Пятигорскъ, чтобы отдохнуть, пожить, оживиться и заняться новыми силами для службы отечеству въ канцеляріяхъ или на полѣ брани. Все они ежедневно сталкивались у источниковъ, на бульварѣ или у знакомыхъ, обмѣнивались полученными изъ столицы или съ мѣсто служенія послѣдними новостями, толковали о повышеніяхъ, наградахъ и переводахъ и спѣшили воспользоваться всѣми тѣми удовольствіями, которыя могла предоставить имъ «водная жизнь».

На первомъ планѣ, конечно, стояли дамы. Но прѣѣзжихъ дамъ избраннаго общества было очень мало. Въ Пятигорскѣ въ теченіе всего сезона жила одна только княгиня Эристова изъ Тифлиса, дама Бальзаковского типа, да семейство какого-то тайнаго или полутайнаго совѣтника Полуэктова, состоявшее изъ старушки матери и двухъ перерѣзанныхъ дочерей, дѣвицъ анемичныхъ и золотушныхъ. Появлялись, впрочемъ, у источниковъ нѣсколько прѣѣзжихъ помѣщицъ,—барыни дебелыхъ, толстыхъ и красивыхъ, но все онѣ черезъ нѣсколько дней перекочевывали, по совѣту врачей, на другія грунты водъ — въ Желѣзноводскъ или Кисловодскъ, и пятигорскіе гости поневолѣ должны были довольствоваться дамами мѣстнаго общества.

Наибольшимъ гостепріимствомъ изъ мѣстнаго общества отличались дома Марьи Ивановны Верзилиной и Екатерины Ивановны Мерлиной. Оба они посѣщались прѣѣзжей аристократіей, но въ первомъ, «у ногъ трехъ грацій», сыла себя гнѣздышко молодежь, а во второмъ — «у прекрасной кисловодской геронимъ», «дамы, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», ютились болѣе положительные и солидные люди. Въ первомъ влюблялись, шалили, смѣялись и плясали, во второмъ — томировались, интриговались и убивали время въ нескончаемыхъ разговорахъ, прогулкахъ и каналькадахъ за городъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ все это маленькое общество объединялось, устраивался какой-нибудь общественный балъ, празднество, фестиваль,

⁴⁴⁾ Сына шефа жандармовъ.

и пѣть члены кружка проводили прѣми нѣтъ и веселились какъ могли ⁴⁹⁾).

Вотъ при какихъ благопріятныхъ условіяхъ начался пресловутый сезонъ 1841 года.

Лермонтовъ успѣвалъ быть вездѣ и всюду, но вечера предпочтительно проводилъ у Верзилиныхъ. Дочери Петра Семеновича ⁵⁰⁾ славились своею красотою. Старшая, Аграфена Петровна, была уже помолвлена за погайскаго пристава Дикова, а Эмилиа и Надежда, въ

⁴⁹⁾ П. А. Висковатовъ, въ своей біографіи Лермонтова (стр. 393), говоритъ, что питтгорское общество подраздѣлялось на «пріѣзжую аристократію», «сѣмѣнное общество», «мѣстное болѣе аристократическое» и «мѣстное менѣе аристократическое общество». Но такого подраздѣленія признавать нельзя. Вся пріѣзжая аристократія, какъ видно изъ приведеннаго выше списка лицъ, окружавшихъ поэта, ограничивалась четырьмя-пятью лицами. Прочіе же были просто служащіе дворяне и только по отношенію къ болѣе неразвитымъ слоямъ общества, именно «*l'aristocratie russe*», какъ называлъ Лермонтовъ простыхъ кавказскихъ вояковъ, они, по своему интеллекту и виду, могли казаться аристократіей. Что же касается мѣстной аристократіи, то ей совѣтъ не было. Изъ общей сѣренистой массы чиновниковъ, офицеровъ и казаковъ выдѣлялись два дома генераловъ Верзилина и Мерлина, но ихъ нельзя считать аристократическими: это были дома заслужившихся офицеровъ. Поэтому все питтгорское общество, пріѣзжее и мѣстное, можетъ быть подведено подъ одно общее для него названіе: «сѣмѣнное общество» (*société mêlée*). Далѣе П. А. Висковатовъ говоритъ, что мѣстное общество, особенно дамы, не сходились съ столичными гостями, что болѣе аристократическое мѣстное общество было въ антагонизмъ съ пріѣзжей аристократіей, оберегало права свои и ревниво не уступало своимъ кавалерамъ. Здѣсь уже положительно нельзя понять, о комъ идетъ рѣчь, какія дамы не сходились съ столичными гостями, кто провинилъ антагонизмъ, какія оберегала права и кому ревниво не уступали кавалеры. Все это тайна, вѣстная только почтенному біографу и требующая разъясненій, такъ какъ въ дѣйствительности, кажется, ничего подобнаго и не происходило. Была, правда, ссора у генеральши Мерлиной съ кн. Эристовой изъ-за Пьера Волкова, но тутъ оберегала свои права и не уступала кавалера пріѣзжая княгиня, а не «мѣстная аристократка», и подобный единичный случай едва ли справедливо обобщать и характеризовать имъ все общество. Впрочемъ, все это не имѣетъ никакого отношенія къ постигшимъ днямъ жизни поэта и можетъ быть вполне игнорировано.

⁵⁰⁾ Надгробница Эмилиа, по молві, тоже считалась его дочерью.

особенности первая, считавшаяся «розой Кавказа» и «царицей подъ», привлекали, завлекали и увлекали толпишущую въ нхъ гостинной молодежь.

По словамъ Н. А. Висковатова, Лермонтовъ охарактеризовалъ Верзилинскихъ барышень такими шуточными экспромтомъ:

Предъ дѣвицей Emilie
Молодежь лежитъ въ пылу,
У дѣвицы же Nadine
Быль поклонникъ не одинъ,
А у Груши цѣлый вѣкъ.
Быль лишь дикій человекъ.⁵¹⁾

Здѣсь началась драма, и здѣсь разыгралась она такимъ печальнымъ эпизодомъ, какъ мызонтъ на дуэль. Въ заглавнѣ драмы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ была, по обыкновенію, женщина, а въ развязкѣ—завистники и несправедливые поэты. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Верзилинскіе вечера привлекали всѣхъ и все, что было молодо, остроумно, представительное и жаждало жизни и веселья. Здѣсь собиравлись запросто, сюда шли, какъ говорится, на огонекъ, безъ приглашеній, въ надеждѣ встрѣтить кого нужно и провести вечеръ по душѣ. Кромѣ самихъ «трехъ грацій» хозяекъ, на вечерахъ бывали дѣвицы: Озерская, Быховецъ, Лебединская, Зельмицъ и др. У каждой изъ нихъ, конечно, имѣлись свои поклонники, и всѣ сходились здѣсь и «убивали вечера» весело и непринужденно. Главнѣйшей забавой были танцы подъ фортепіано, за которое садилась дѣвица и кавалеры по желанію или по неизбѣжному ангажементу для танцевъ. Въ антрактахъ пѣли, рисовали, играли въ фанты, въ жмурки, въ конку-мышку, или выходили въ садъ, бѣгали въ горы, играли въ серсо и др. игры. Иногда всѣмъ обществомъ ходили на прогулку и составляли кавалькады для поѣздки за городъ, въ итѣнскую колонію Каррасъ, расположенную перестяхъ въ семи отъ Натингорска, по Желѣзноводской дорогѣ, или на Неркальскую скалу, на одномъ изъ склоновъ Машука.

Лермонтовъ, всегда веселый, внимательный и услужливый, былъ

⁵¹⁾ Намекъ на ея жениха Дикова.

душой общества. Онъ дирижировалъ удовольствіями и часто самъ принималъ въ нихъ участіе. Его разговоръ былъ интересенъ, анекдоты смѣльны, шутки остры. О жизни на водахъ, по словамъ Н. П. Раевского ⁸²⁾, велся точный отчетъ, въ видѣ «альбома приключеній», куда молодежь зарисовывала все: съ кавалькады, пикники и каррикатуры на «водяное общество». Лермонтовъ бойко рисовалъ, и часто, утомленный тленоденіями дня, садился за альбомъ и воспроизводилъ въ немъ свои живыя эпиграммы, не давая изъ нихъ пощады никому. Однажды, по разсказу Эмилии Шанъ-Гирей ⁸³⁾, Надежда Петровна, сестра ея, стала просить Михаила Юрьевича написать ей что-нибудь въ альбомъ. Какъ онъ ни отговаривался, его не слушали, окружили всею толпою, положили передъ нимъ альбомъ, дали перо въ руки и говорятъ: «пишите!» И написалъ онъ слѣдующую шутку-экспромитъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И докопъ небрежно
Подъ шейкою пѣжно...
На поносъ пошъ.
C'est un vers qui cloche ⁸⁴⁾.

Потомъ онъ нарисовалъ ей же въ альбомъ курда ⁸⁵⁾. Все это чѣло и теперь у ея дочери.

⁸²⁾ «Нива», 1885 года, № 7.

⁸³⁾ «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

⁸⁴⁾ Экспромитъ этотъ порою не исполнъ точно. Стихъ «разобранъ вашъ рядъ» не имѣетъ рифмы, а Лермонтовъ, какъ извѣстно, «хромыхъ стихомъ» не писалъ. Въ вариантѣ этого экспромита, сообщеннаго Н. П. Раевскимъ («Нива», 1885 года, № 7), есть дополнительный стихъ: «И булки навадь». А нѣкто «докопа» говорится: «Платочекъ небрежно подъ шейкою пѣжной валяванъ уалохъ». Что же правильнѣе? Мнѣ кажется, что Н. А. Вискоматову, прежде чѣмъ помѣщать некалѣбанный экспромитъ въ «Полное собраніе сочиненій» поэта (томъ I, стр. 348), слѣдовало бы свѣрить его съ подлинникомъ, находившимся, какъ заявила г-жа Шанъ-Гирей, у дочери Надежды Петровны.

⁸⁵⁾ Но другіе отыскавъ, не курда, а Мартынова въ наступленіи.

Князь А. Н. Васильчиковъ говорилъ П. А. Висковатову ⁵⁶⁾, что въ Лермонтовскихъ каррикатурныхъ наброскахъ Мартыновъ игралъ главную роль. Онъ помнилъ, напримѣръ, сцену, гдѣ Мартыновъ верхомъ въѣзжаетъ въ Пятигорскъ. Кругомъ похищенные и пораженные его красотою дамы. И въѣзжающій герой, и пораженный его красотою дамы были замѣчательно похожи. Подъ рисункомъ была подпись: «Monsieur le poignard faisant son entrée à Piatigorsk». Въ альбомѣ же можно было видѣть Мартынова, огромнаго роста, съ огромнымъ книжаломъ отъ пояса до земли, объясняющагося съ миниатюрной Надеждой Петровной Верзилиной, на поясѣ которой висѣлъ маленький книжальчикъ. Комическую подпись князь А. Н. Васильчиковъ не помнилъ. Изображался Мартыновъ часто на конѣ. Онъ ѣздилъ плохо, но съ претензіей, изгибааясь. Былъ рисунокъ, на которомъ Мартыновъ, въ стычкѣ съ горцами, что-то кричитъ, махая книжаломъ, сидя въ полуоборотѣ на лошади, поворачивающей вспять. Михаилъ Юрьевичъ говорилъ: «Мартыновъ положительно храбрѣе, но только плохой ѣздокъ, и лошадь его бонтея выстрѣляетъ. Онъ въ этомъ не виноватъ, что она ихъ не выноситъ и скачетъ отъ нихъ». Помню, — разсказывалъ Васильчиковъ, — и себя, изображеннаго Лермонтовымъ, длиннымъ и худымъ посреди браныхъ кавказцевъ. Поэтъ изображалъ тоже самого себя маленькимъ, сутуловатымъ, какъ конка подбившимся въ огромнаго коня, длинноногаго Монго-Столыпина, серьезно сидѣннаго на лошади, а впереди всѣхъ красовавшагося Мартынова, въ черескѣ, съ длиннымъ книжаломъ. Все это гарцовало передъ открытымъ окномъ, вѣроятно, дома Верзилиныхъ. Въ окнѣ были видны три женскія головки. Лермонтовъ, дававшій всѣмъ мѣткія прозвища, называлъ Мартынова: «le sauvage au grand poignard», или «montagnard au grand poignard» или просто: «monsieur le poignard». Онъ довелъ этотъ типъ до такой простоты, что просто рисовать характерную кривую линію да длинный книжаль, и каждый тотчасъ узнавалъ, кого онъ изображаетъ. Обыкновенно наброски разсматривались въ интимномъ кружкѣ, и такъ какъ тутъ не щадили сами составители ни себя, ни друзей, то было неудобно сердиться, и Мартыновъ затановалъ свое недовольство. Однако, бывали и такія каррикатуры, которыя не показывались. Это болѣе

⁵⁶⁾ Біографія М. Ю. Лермонтова, стр. 403 и 404.

всего бѣсило Мартынова. Однажды онъ вопелъ къ себѣ, когда Лермонтовъ съ Глѣбовымъ съ хохотомъ что-то разсматривали или чертили въ альбомѣ. На требованіе вошедшаго показать, въ чемъ дѣло, Лермонтовъ захохотнулъ альбомъ, а когда Мартыновъ, настаивая, хотѣлъ его выхватить, то Глѣбовъ здоровою рукою отстранилъ его, а Михаилъ Юрьевичъ, вырвавъ листокъ и спрятавъ его въ карманъ, выбѣжалъ. Мартыновъ чуть не поссорился съ Глѣбовымъ, который тиетно утиралъ его, что каррикатура совсѣмъ къ нему не относилась.

Разъ, въ казино, по разсказу Куликовского, послѣ игры молодежи ужинала. Разговоръ коснулся Мартынова, кто-то изъ кавказцевъ изъ заигу его какой-то неловкости замѣтилъ; «ну, что вы хотите, господа, вѣдь онъ не Соломонъ же у насъ». Лермонтовъ не выдержалъ, всталъ со стула и сказалъ внушительно:

- «Онъ правъ! Нашъ другъ Мартышъ не Соломонъ,
«Но Соломоновъ сынъ,
«Но мудръ, какъ царь Шалима, но уменъ,
«Умнѣй, чѣмъ жидовинъ.
«Тотъ храмъ, похвастъ, и сталъ нахѣстень всѣмъ.
«Гаремомъ и судомъ,
«А этотъ храмъ, и судъ, и свой гаремъ
«Несетъ изъ себѣ самомъ».

Неистовое «браво, браво! Михаилъ Юрьевичъ!» покрыло эту характеристичку отсутствующаго соперника.

Марья Ивановна Верзиллина тоже была не прочь посмѣяться, слушая разсказы Михаила Юрьевича, и для того просила его иногда разсказать ей что нибудь. Въ особенности ее интересовало, если она могла услышать что нибудь о соперницѣ своихъ дочерей, генеральнѣй Екатерины Ивановны Мерлини. Зная такую слабость почтенной атаманиши, Лермонтовъ не скупился на импровизаціи. Вотъ одна изъ такихъ импровизацій, записанная В. Н. Чилиевымъ со словъ Глѣбова.

- «Сланикомъ мѣсяцъ у Мерлини
«Разговоръ велся одинъ;
«Что творится у книжкии ²⁷⁾,
«Здравъ ли вѣрный наладинъ».

²⁷⁾ Эрестовой.

«Но съ недѣлю у Мерлини
«Переѣзжа—рѣчь не та,
«И вкругъ имени княгини
«Обвилася клевета.

«Пьеръ ²⁴⁾ обѣдалъ у Мерлини,
«Бѣдилъ съ ней въ Шотландку разъ,
«Не поправилось княгинѣ,
«Вышла ссора за Каррасъ.

«Пьеръ отскочилъ.. и Мерлини,
«Какъ тигрица, взбѣшена,
«Въ замкъ храброй героини,
«Какъ предъ штурмомъ, тишина.

Особенно сѣялась Марья Ивановна, когда онъ рассказывалъ ей о какомъ-то калужскомъ помѣщикѣ, который привезъ на воды трехъ дочерей, съ цѣлью выдать ихъ замужъ за кавказскихъ офицеровъ, и, не найдя нѣхъ жениховъ, бросилъ ихъ и уѣхалъ домой одинъ. Рассказъ этотъ Михаилъ Юрьевичъ закончилъ такъ:

«Онъ мѣтилъ въ умники, попался въ дураки,
«Ну, стоило ли ѣхать для того съ Оки!»

Нѣкоторые биографы поэта заявили, что Лермонтовъ и Мартыновъ ухаживали за Надеждой Петровной, младшей дочерью П. С. Верзилина. Но это не вполне вѣрно. Ухаживалъ за ней одинъ Мартыновъ, и то только въ началѣ сезона. Лермонтовъ же съ перваго дня появленія въ домѣ Верзилиныхъ оцѣнилъ по достоинству красоту Эмили Александровны и сталъ за ней ухаживать. Марья Ивановна отнеслась къ его ухаживанію за ея старшей дочерью съ полной благосклонностью, да и сама т-те Эмили была не прочь поощрить его искательство. В. П. Чилевъ положительно удостовѣряетъ, что она сначала была даже слишкомъ благосклонна къ Михаилу Юрьевичу. Все было сдѣлано съ ея стороны, чтобы привлечь «петербургскаго сына», несмотря на его некрасивость. Взглядъ ея былъ нѣженъ, бесѣда интимна, разговоръ коротокъ.

²⁴⁾ П. В. Волковъ.

(она называла его просто Мишель), прогулки и tête-à-tête'y продолжительны, и счастье, казалось, было ужь близко... как вдруг дѣвица переѣхала фронтъ. Ея вниманіе привлечь другой, болѣе красивый и обаятельный мужчина. Мужчина этотъ былъ Николай Соломоновичъ Мартыновъ. Не стѣняясь его ухаживаніемъ за Надеждой Петровной, она быстро повела на него атаку, и онъ сдался. Ему стало совершенно ясно, что лучшей карьеры ему и не сдѣлать. Красавица жена и протекція тестя, бывшаго наказнаго атамана кавказскаго казачьяго войска⁵⁹), могли поставить вновь на ноги его, отставнаго маіора, уволеннаго изъ службы за какую-то амурную исторію. И онъ, не задумываясь, подалъ ей руку, и антагонизмъ соперниковъ обострился. Было ли это сдѣлано съ цѣлью испытанія привязанности Михаила Юрьевича, или же съ намѣреніемъ подвинуть его на рѣшительный шагъ, или же, наконецъ, просто по нѣтрешности и сердечному влеченію къ красавцу Мартынову, — осталось тайною Эмилиі Александровны. Но фактъ предпочтенія Лермонтову Мартынова—фактъ непреложный: онъ заявленъ такими компетентнымъ и безпристрастнымъ лицомъ, какъ В. П. Чилчевъ.

Съ этого времени, именно съ конца іюня, и началось со стороны Лермонтова усиленное бомбардированіе эпиграммами и каррикатурами Мартынова и самое тонкое и любезное поддразниваніе m-lie Верзиліи, какъ онъ сталъ называть Эмилию, соединивъ въ этомъ названіи начало фамиліи ея отца «Верз» и конецъ ея имени «илія». Къ этому же времени относится и брошенная имъ по ея адресу эпиграмма:

«Зачѣмъ, о счастіи мечтавъ,
«Ею зовемъ мы: гурія?»
«Она, какъ дѣва,—дѣва рая,
«Какъ женщина же—фурія».

Въ воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ⁶⁰) Эмилиа Александровна говоритъ: «Онъ не ухаживалъ за мной, а находилъ особенное удо-

⁵⁹) П. А. Висковатовъ, въ биогрфіи Лермонтова (стр. 306), пишетъ, что Петръ Семеновичъ Верзилинъ находился въ это время въ Пятигорскѣ, но его не было: онъ находился въ Варшавѣ, и только одна Марья Ивановна съ дочерьми была дома.

⁶⁰) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

польствие на taquiner. Я отдавалась как могла, то шуткою, то молчаньем, ему же крѣпко хотѣлось меня разсердить; я долго не поддавалась, наконецъ, это мнѣ надоѣло, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду съ нимъ говорить и прошу его оставить меня въ покоѣ. Повидимому, игра эта его забавляла просто отъ нечего дѣлать, и онъ не переставалъ меня злить. Однажды онъ довелъ меня почти до слезъ; я вспыхнула и сказала, что ежели бы я была мужчиною, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его изъ-за угла въ упоръ. Онъ какъ будто остался доволенъ, что, наконецъ, вывелъ меня изъ терѣбца, просилъ прощенья, и мы помирились, конечно, не надолго. Какъ-то разъ ѣздили въихомъ большимъ обществомъ въ колонію Каррисъ. Неугомонный Лермонтовъ предлагалъ мнѣ пари à discretion, что на обратномъ пути будемъ ѣхать рядомъ со мною, что ему рѣдко удавалось. Возвращались мы поздно, и я, садясь на лошадь, шепнула старику Зеллингу и конюсеру Бенкендорфу, чтобы они ѣхали подлѣ меня и не отставали. Лермонтовъ ѣхалъ сзади и все время зло шутилъ на мой счетъ. Я сердилась, но молчала. На другой день, утромъ рано, уѣзжая въ Желѣзноводскъ, онъ прислалъ мнѣ огромный прекрасный букетъ въ знакъ прощаннаго пари».

Нѣтъ сомнѣнія, что это все такъ и было, но относится ко второму періоду ея отношеній къ поэту, о томъ же, что было въ первомъ,—она не только благоразумно умалчиваетъ, но отъ всякаго намёка на ея кокетство (чтобы не сказать болѣе) съ Лермонтовымъ открепщается и старается всѣми силами замести хвостомъ слѣды ⁶¹⁾.

⁶¹⁾ Въ тѣхъ «Воспоминаніяхъ» она пишетъ: «часто слышу и рассказы и разспросы о дуэли М. Ю. Лермонтова, но рѣш. приходясь и мнѣ самой отиѣчать и словесно, и письменно, даже печатно принуждена была опровергать ложное обвиненіе, будто я была причиною дуэли. Но, не смотря на всѣ мои заявленія, многіе до сихъ поръ признають во мнѣ княжну Мери. Какою же было мое удивленіе, когда я прочла въ биогрaфiи Лермонтова въ послѣднемъ изданіи его сочиненій: «старшая дочь генерала Веранкина, Эмилиа, кокетничала съ Лермонтовымъ и Мартыновымъ, отдавая преимущество послѣднему, чѣмъ и возбудила въ нихъ ревность, что и подало поводъ къ дуэли». Никто изъ серьезныхъ Лермонтистовъ не признавалъ въ ней княжну Мери, да у нея съ княжною никогда ничего общаго и быть не могло. Что же касается факта кокетства, или, проще сказать, любви жениха въ Лермонтовъ

Впрочемъ, впоследствии Эмилія Александровна, какъ заявляетъ П. А. Висковатовъ въ биографіи М. Ю. Лермонтова ⁶²⁾, сама создавала свое легкомысліе, говоря: «Если бы тогда мы (разумѣй: я) смотрѣли на Михаила Юрьевича, какъ теперь, то этого бы не было. Онъ для насъ былъ молодымъ человѣкомъ, какъ теперь». Огненные слова на мрачномъ фонѣ картины: нужно ли пояснять ихъ!

Князь А. П. Васильчиковъ, въ статьѣ своей «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ П. С. Мартыновымъ» ⁶³⁾, а за нимъ и П. А. Висковатовъ въ биографіи Лермонтова ⁶⁴⁾, приводятъ нѣкоторыя шалости поэта, какъ-то: опустошеніе бляды, подаваемыхъ къ обѣду, уничтоженіе боченка огурцовъ во время чтенія стиховъ какими-то прѣзжими пинтой и надламываніе тарелокъ, и дѣлаютъ изъ этого неблагоприятныя выводы о характерѣ поэта. Но я не поспѣваю за ними; я знаю истинный и цѣль подобнаго неблагоприятнаго разсказа ⁶⁵⁾ и не придаю серьезнаго значенія шуткамъ поэта въ кругу товарищей, если онѣ действительно происходили. Но, при всемъ уваженіи къ авторитету князя Васильчикова, нельзя не усомниться, чтобы поэтъ въ одинъ разъ могъ съѣсть или унести въ карманахъ боченокъ огурцовъ. Видъ это напоминаетъ разсказы изъ «Тысячи и одной ночи».

Между тѣмъ событія зрѣли. Въ средѣ лицъ, окружавшихъ поэта, произошелъ расколъ, и Мерлинеты отпали. Вотъ какъ передаетъ объ этомъ Н. П. Раевскій ⁶⁶⁾: «Какъ-то разъ, передъ за три-четыре до дуэли, мы сговорились, по мысли Лермонтова, устроить пикникъ въ нашемъ обычномъ гротѣ у Николаевскихъ ваннъ. Распорядителемъ на нашихъ праздникахъ бывалъ обыкновенно генералъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, но въ этотъ разъ онъ съ чего-то заупрямился и сталъ говорить, что неприлично женщинамъ хорошаго общества угощать постоянными трактирными ужинами».

и Мартыновъ, то онъ иногда констатируется несогласіемъ между ними и Мартыновымъ. В. И. Чилиевъ.

⁶²⁾ Стр. 439.

⁶³⁾ «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

⁶⁴⁾ Стр. 405 и 406.

⁶⁵⁾ Статью князя Васильчикова мы рассмотримъ въ своемъ мѣстѣ.

⁶⁶⁾ «Иппа», 1885 года, № 7.

нами послѣ танцевъ съ кѣмъ ни попало на открытомъ воздухѣ. Лермонтовъ возразилъ ему, что здѣсь не Петербургъ; что то, что неприлично въ столицѣ, совершенно на своемъ мѣстѣ на водахъ съ разномѣрными обществомъ. На это князь предложилъ устроить пастораль въ казенномъ Ботаническомъ саду. Лермонтовъ замѣтилъ, что не вѣ�тъ это удобно, что казенный садъ далеко за городомъ и что затруднительно будетъ препроводить нашихъ дамъ, усталыхъ послѣ танцевъ, поздною ночью обратно въ городъ. Въдь биржевыхъ-то дрожжекъ въ городъ было трое-четверо, а свои экипажи у кого были. Такъ не на понозкахъ же танцить?

— «Такъ здѣшнихъ дикарей учить надо!—сказалъ князь.

Лермонтовъ ничего не возразилъ, но этотъ отъѣздъ князя Голицына о людяхъ, которыхъ онъ уважалъ и въ средѣ которыхъ жилъ, засѣлъ у него въ памяти, и, возвратившись домой, онъ сказалъ намъ: «господа, на что намъ непременно главенство князя на нашихъ пикникахъ? Не хочетъ онъ быть у насъ, — и не надо. Мы и безъ него сумѣемъ справиться». Не скажи Михаилъ Юрьевичъ этихъ словъ, никому бы изъ насъ и въ голову не пришло перечить князю Голицыну, а тутъ словно насъ бѣсъ дернулъ. Мы принялись за дѣло съ такимъ рвеніемъ, что праздникъ вышелъ — прелесть. Площадку передъ гротомъ занесли досками для танцевъ, гротъ убрали зеленью, коврами, фонариками; а гостей знали, по обыкновенію, съ бульвара. Лермонтовъ былъ очень веселъ, не уходилъ изъ себя, и отъ души шутилъ и смѣялся, не смотря на присутствіе агнѣе руссе. Нечего говорить, что князя Голицына не только не пригласили на нашъ пикникъ, но даже не дали ему объ немъ знать. Но въдь нелепо же было, чтобъ онъ не узналъ о нашей продѣлкѣ въ такомъ маломъ городишкѣ. Узналъ князь и крѣпко разгнѣвался: то онъ у насъ голова былъ, а тутъ вдругъ и гостей не познать. Ну, да только такъ не такъ, а слышимъ мы черезъ нѣкоторое время, что князь отъ своей мысли не отсталъ, выписываетъ угощеніе, устраиваетъ ротонду въ казенномъ саду, сзываетъ гостей, а намъ ни слова! Михаилъ Юрьевичъ какъ узналъ, что насъ-то обоняли, и говоритъ намъ: «Что-жъ? Прекрасно. Пускай онъ себѣ дамъ изъ слободки набираетъ, благо тамъ капитановъ много. Насъ онъ не зоветъ, и, даю голову на отѣченіе, ни одна изъ нашихъ дамъ у него не будетъ!»

Вотъ причина къ ожесточенію отпавшей кучки Мерлинистовъ и гнусному шопоту: «проучить надо ядовитую гадину»!

Но возвратимся къ празднику, оставшемуся надолго въ воспоминаніяхъ мѣстнаго общества, подъ названіемъ «Лермонтовскій вечеръ».

Эмилія Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ» ⁶⁷⁾ пишетъ: «Въ началѣ іюля Лермонтовъ и компанія устроили пикникъ для своихъ знакомыхъ дамъ въ гротѣ Діаны, противъ Николаевскихъ ваннъ. Гротъ внутри премно было убранъ шалями и персидскими шелковыми матеріями, въ видѣ персидской палатки, полъ устланъ коврами, а площадку и весь бульваръ освѣтили разноцвѣтными фонарями. Дамскую уборную устроили изъ зелени и цвѣтовъ: украшенная дубовыми листьями и цвѣтами люстра освѣщала гротъ, придавая окружающему полнебно-фантастическій характеръ. Танцевали по песку, не боясь испортить ботинки, и разоглялись по домамъ лишь съ восходомъ солнца въ сопровожденіи музыкантъ».

Въ запискахъ декабриста Лорера ⁶⁸⁾ мы находимъ описаніе этого вечера. Вотъ оно. «Іюля 3-го молодежь задумала дать балъ въ честь знакомыхъ пятигорскихъ дамъ. Деньги собрали по поднескѣ. Лермонтовъ былъ главнымъ инициаторомъ, ему помогали другіе. Мѣстомъ торжества избрали гротъ Діаны возлѣ Николаевскихъ ваннъ. Площадку для танцевъ устроили такъ, что она далеко выходила за предѣлы грота. Сводъ грота убрали разноцвѣтными шалями, соединивъ ихъ въ центрѣ въ красный узелъ и прикрытъ круглыми зеркалами; стѣны обтянули персидскими тканями; повѣсили искусно импровизированныя люстры, красною обитыя живыми цвѣтами и зеленью. На деревьяхъ аллей, прилегающихъ къ площадкѣ, горѣли болѣе 2,000 разноцвѣтныхъ фонарей. Музыка, похвѣстная и скрытая надъ гротомъ, производила необыкновенное впечатлѣніе, особенно въ антрактахъ между танцами, когда играли избранные музыканты или солдаты. Во время одного антракта кто-то игралъ тихую мелодію на струнномъ инструментѣ, и Лермонтовъ увѣрялъ, что онъ приказалъ перенести, нарочно для этого вечера, золоту арфу съ «бельведера», выше Елизаветинскаго источника. Отъ грота лентой извивалось красное сукно до изищу убранный палатки —

⁶⁷⁾ «Русскій Архивъ», 1880 года, № 6.

⁶⁸⁾ То же, 1874 года, № 6, и «Біографія Лермонтова», II. А. Висковатова, стр. 410 и 411.

дамской уборной. По другую сторону велъ усталый коврами путь къ буфету. Небо было бирюзовое съ легкими небольшими янтарными облачками, между которыми мерцали звѣзды. Была полная тишина—ни одинъ листокъ не шевелился. Густая пестрая толпа зрителей обступала импровизированный танцевальный залъ. Съвѣтъ фантастически ударялъ по костюмамъ и лицамъ, озаряя листву деревъ изумруднымъ свѣтомъ. Общество было несело настрено, и Лермонтовъ танцевалъ необыкновенно много. Послѣ одного бѣшеннаго тура вальса, Лермонтовъ, весь занывавшійся отъ усталости, подошелъ къ Лореру и тихо спросилъ: «Видите-ли вы даму Дмитревскаго? Это—его «каріе глаза!»—не правда ли, какъ она хороша?» Дмитревскій ⁽⁶⁹⁾ былъ поэтъ, и въ то время влюбленъ былъ и пѣлъ прекрасными стихами о какихъ-то карихъ глазахъ. Лермонтовъ восхищался этими стихами и говорилъ: «Послѣ твоихъ стиховъ разлюбили пошевольтъ черные и голубые глаза и полюбили карія очи»... Въ самомъ дѣлѣ она была красавицей. Большіе каріе глаза, остриженные длинными рѣсницами и темными, хорошо очерченными бровями, поразили бы всякаго... Балъ продолжался до поздней ночи, или вѣрнѣе до утра. Семейство Арнольди уходило раньше, а скоро и всѣ стали расходиться. Съ вершины грота,—заклучилъ описаніе вечера Лореръ, — я видѣлъ, какъ усталыя группы спускались на бульваръ. Разошлась и молодежь... а я все еще сидѣлъ, погруженный въ мечты!»

II. А. Висковатовъ въ биографіи Лермонтова ⁽⁷⁰⁾ говоритъ: Балъ этотъ, въ высшей степени оживленный, не понравился лицамъ, нерасположеннымъ къ Лермонтову. Они не принимали участія въ подиумѣ а потому и не пошли на него. Еще до бала они всѣчески старались убѣдить многихъ изъ бывшихъ согласными участвовать въ немъ, отстать отъ предпріятія и создать свой вполнѣ приличный, а не такой, гдѣ убранство домашнее, дурнаго вкуса (de mauvais goût) и дажъ заставляють танцевать по неску... Но, такъ какъ молодежь не согласилась, то князь Голицынъ и рѣшилъ устроить балъ въ день своихъ именинъ (15 іюля) въ Ботаническомъ саду, и строптивую молодежь не приглашать.

⁽⁶⁹⁾ Тогда—вице-губернаторъ Кавкаской области.

⁽⁷⁰⁾ Стр. 411 и 412.

Далѣ въ біографіи Лермонтова ⁷¹⁾ мы находимъ слѣдующія указанія.

Нѣкоторые изъ вліятельныхъ личностей изъ прѣзжаго въ Пятигорскъ общества, желая наказать «несноснаго выскочку и задиру», ожидали случая, когда кто нибудь, вынужденный имъ изъ терибнія, «проучить ядовитую гадинну» ⁷²⁾. Какъ въ подобныхъ случаяхъ это бывало не разъ, искали какое-либо подставное лицо, которое, само того не подозревая, явилось бы исполнителемъ задуманной интриги. Такъ, узнавъ о выходкахъ и полныхъ юмора продѣлкахъ Лермонтова надъ молодыми Лисаневичемъ, однимъ изъ поклонниковъ Надежды Петровны Верзилиной, ему, черезъ нѣкоторыхъ услужливыхъ лицъ, было сказано, что терифъ наемники Михаила Юрьевича не согласуются съ честию офицера. Лисаневичъ указывалъ на то, что Лермонтовъ расположенъ къ нему дружественно и въ случаяхъ, когда увлекался и заходилъ въ шуткахъ слишкомъ далеко, самъ первый извинялся передъ нимъ и старался исправить свою ошибку. Къ Лисаневичу приставали, уговаривали познать Лермонтова на дуэль — проучить. «Что вы, — возразилъ Лисаневичъ, — чтобы у меня поднялась рука на такого человека!» Есть полная возможность полагать, — заключаетъ изъ этого Н. А. Висковатовъ, что тѣ же лица, которымъ не удалось подстрекнуть на недоброе дѣло Лисаневича, обратились къ другому поклоннику Надежды Петровны — Н. С. Мартынову. Здѣсь они, конечно, должны были встрѣтить почву болѣе удобную для брошеннаго ими сѣмени. Мартыновъ, мелко самолюбивый и тщеславный человекъ, коего уметственное и нравственное пониманіе не выходило за предѣлы общепринятыхъ понятій, давно уже раздражался противъ Лермонтова, котораго онъ въ душѣ считалъ ниже себя и по «карьерѣ», и по талантамъ «салоннымъ». О его поэтическомъ гениі Мартыновъ, какъ и многіе современники, судилъ свысока, а, можетъ быть, въ критической оцѣнкѣ своей не заходилъ далѣе того полковаго командира Михаила Юрьевича, который послѣ невзгоды

⁷¹⁾ Стр. 408 и 409.

⁷²⁾ Выраженіи, которыми, по удостовѣренію Н. А. Висковатова, клеймили поэта, въ бесѣдѣ съ нимъ, нѣкоторые изъ его современниковъ, бывшихъ тогда на подлахъ. Интересно было бы узнать имена этихъ лицъ, этихъ цѣнителей и судей поэта!

последняго, постигшей его за стихи на смерть Пушкина, выгоняла: «Ну, ваме ли дѣло писать стихи? Предоставьте это поэтамъ и занимайтесь хорошенько командованіемъ своего извода». Гдѣ было Мартынову задумываться надъ Лермонтовымъ, какъ великимъ поэтомъ, когда люди, какъ товарищъ поэта, Ариольди, еще въ 1884 году говорили, что всѣ они въ то время писали стихи не хуже Лермонтова⁷³⁾.

Дѣйствительно, озлобленіе отпавшихъ отъ Лермонтовскаго кружка Мерлинштейнъ, по разсказу В. И. Чиллеса, было сильное. Ничъ хотѣлось, но что бы то ни стало дискредитировать Лермонтовское диктаторство, понзечь поэта съ кѣмъ-нибудь въ ссору, довести до дуэли, до суда, до разжалованія въ рядовые, и удалить его такимъ образомъ изъ общества. Орудіемъ для того были избраны Мартыновъ, а рукой, направлявшій орудіе, — князь Ксандръ». Подобная роль выпала въ этой интригѣ на долю князя. Затанитъ въ душѣ нерасположеніе къ поэту за безпощадное разоблаченіе его княжескихъ слабостей, онъ, какъ истинный рыцарь іезуитизма, сохраняя къ нему по наружности прежнія дружескія отношенія, взялся руководить интригою въ сердцахъ кружка и, надо отдать справедливость, мастерски исполняя порученное ему дѣло. Онъ сумѣлъ подстрекнуть Мартынова обуздать человека, соперничавшаго съ нимъ за обладаніе красавицей, раздуть немину и, не смотря на старанія прочихъ товарищей къ примиренію, довести соперниковъ до дуэли, уничтожить «выскачку и задиру» и послѣ его смерти прикннуться и числиться однимъ изъ его лучшихъ друзей. Отъ него самого я слышалъ, — говорилъ В. И. Чиллесъ, такого рода отзывъ о поэтѣ: «Минела, что бы тамъ ни говорили, а поставитъ въ рамки слѣдуютъ!»

Въ городѣ, между тѣмъ, были пущены слухи о предстоящей дуэли, но, какъ всѣ слухи, безъ указаній: гдѣ, у кого и за что. Начальство, чуткое къ бѣдѣ, прислушивалось и озиралось, но, не имѣя точныхъ указаній, ходило по тѣмъ оцупымъ. Во всякомъ случаѣ, кое-какія мѣры были приняты наугадъ. Столыпинъ и Лермонтовъ, которымъ данный медицинскій начальствомъ шестинедѣльный курсъ леченія стѣнными минеральными водами 10-го іюля истекалъ, были вызваны къ коменданту, и 12-го іюля утромъ они явились.

⁷³⁾ «Русская Старина», 1885 года, № 2.

— Ну, что, господа, — встрѣтилъ ихъ, по словамъ В. П. Чилева, полковникъ Пляшенокъ строго, — какъ ваше здоровье? Надѣюсь, воды помогли, вѣдь вы предписанный вамъ курсъ, кажется, прошли уже, что же вы намѣрены дѣлать? Въ отрядъ что ли поѣдете?

— Да, мы чувствуемъ себя гораздо лучше, г. полковникъ, — отвѣчалъ Столыпинъ, — по изліанію водъ, какъ вамъ неизвестно, сказывается не вдругъ, а по прошествіи извѣстнаго времени, поэтому ничего положительнаго теперь сказать пока нельзя. Во всякомъ случаѣ намъ, чтобы окончательно окрѣпнуть, необходимо, по совѣту врача, изять еще по нѣскольку желѣзистыхъ ваннъ.

— Ну, что же, поѣжайте въ Желѣзноподескъ! — поспѣшилъ съ разрѣшеніемъ старикъ, обрадованный возможностью спихнуть отъ себя опасныхъ гостей: — когда вы можете выѣхать?

— Да дня три позвольте пребыть еще здѣсь, — проговорилъ не приготовленный къ такой быстрой развязкѣ Столыпинъ: — нужно поѣхать нанять квартиру и собраться.

— Ну, хорошо, три дня я вамъ даю, — отвѣчалъ попеселѣвшій комендантъ, — а когда отиранитесь, донесите рапортами.

За снѣгъ, какъ бы окончить официальный пріемъ, онъ отомелъ къ окну и, поманивъ къ себѣ рукой Лермонтова, сталъ тихо, ласково и добродушно говорить съ нимъ.

— А вы не унимаетесь, все такой же безпардонный, — качалъ головою старикъ: — ко снѣгъ прилизывается, надо снѣгомъ смѣстесь, это нехорошо! Посмотрите, сколько враговъ вы себѣ нажили, а вѣдь это все друзья ваши были.

Лермонтовъ испрепенулся. Его тронула простая, душевная рѣчь старика, и онъ отвѣтилъ ему экспромптомъ:

«Мои друзья вчерашніе — враги,

«Враги — мои друзья,

«Но, да простить мнѣ грѣхъ Господь Благій,

«Ихъ презираю я...

«Вы также знаете вражду друзей

«И дружество врага.

«Но чѣмъ ползущихъ давите червей?..

«Подонной сапога».

Старикъ разчувствовался, положилъ руку на плечо поэта и участливо сказалъ ему:

— Послушайте, Лермонтовъ, я васъ люблю... знаете ли, я часто думаю, если бы у меня былъ такой сынъ, я бы вполне былъ счастливъ!.. Я не нарадовался бы на него!.. Вѣдь вы — такой умница!.. И что же? только дурачитесь... Бросьте все это... вѣдь они убьютъ васъ!...

Лермонтовъ саркастически улыбнулся, отступилъ шагъ назадъ и, подумавъ немного, съ чувствомъ проговорилъ:

«Мнѣ жизни нужна моя,—пу, что же, пусть возьмутъ,

«Не мнѣ жалѣть о ней!

«Въ послѣдїе они одно приобретутъ—

«Клубъ ядовитыхъ змѣй».

— Итъ, ужъ лучше уѣзжайте поскорѣе!—перебилъ его комендантъ, — черезъ три дня я жду рапорта. Прощайте. — И старикъ откланялся.

Въ тотъ же день камердинеръ Михаила Юрьевича, старый дядька его Иванъ Соколовъ, былъ посланъ въ Желѣзнодорожскъ нанять квартиру, а вечеромъ, то-есть, 12-го іюля, а не 13-го, какъ пишетъ Эмилія Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ» ⁷⁴⁾, Лермонтовъ былъ вызванъ на дуэль Мартыновымъ. Рокковой вечеръ прошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Народу, по словамъ Н. А. Висковатова ⁷⁵⁾, было немного: полковникъ Зельмицъ съ дочерью, Лермонтовъ, Мартыновъ, Трубецкой, Глѣбовъ, Васильчиковъ, Левъ Пушкинъ и еще нѣкоторые ⁷⁶⁾. Въ этотъ вечеръ Мартыновъ былъ мраченъ и танцовалъ мало ⁷⁷⁾.

⁷⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

⁷⁵⁾ Біографія Лермонтова, стр. 418.

⁷⁶⁾ Были еще Н. П. Раевскій, Креницынъ, Тутолькинъ, Дмитревскій и Бенкендорфъ. Въ біографіи Лермонтова (стр. 397) Висковатовъ говоритъ, что Раевскій рѣдко бывалъ у Верзилиныхъ. Напротивъ, это былъ самый частый гость и свой человѣкъ въ семьѣ Верзилиныхъ. Онъ жилъ у нихъ и прежде, когда лечился отъ раны, полученной въ 1839 году подъ Ахульго, и послѣ дуэли и, наконецъ, въ 1842 году сопровождать ихъ, когда они отирались къ Петру Семеновичу въ Варшаву.

⁷⁷⁾ В. И. Чилиевъ говоритъ, что Мартыновъ явился на вечеръ съ предвѣстными намѣреніемъ сдѣлать Лермонтову вызовъ на дуэль, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, такъ какъ Лермонтовъ и

У Раевского ¹⁹⁾ весьма характеристично описано начало вечера. «Собрались мы всё,—говорить онъ,—и передъ танцами вздумали музыкой заняться. А у Михаила Юрьевича, надо вамъ знать, была странность: терпѣть онъ не могъ, когда кто изъ любителей, даже и талантливый, играть или пѣть начнетъ. А тутъ, какъ на грѣхъ, зашѣлъ за фортепіано юнкеръ одинъ, офицерства дожидавшійся, Бешкендорфъ; игралъ онъ недурно, скорѣй даже хорошо, но бѣда въ томъ, что Михаилъ Юрьевичъ его не очень-то жаловалъ. Какъ началась наша музыка, Михаилъ Юрьевичъ ушелъ въ сторонку, въ уголку, ногу на ногу закинуть, что его обычной позой было, и не говорить ничего, а я-то ужъ вижу по глазамъ его, что ему не по себѣ. Взглядъ у него былъ необыкновенный, а глаза черные. Вѣрите ли, если начнетъ кого, хоть на пари, изгадомъ преслѣдовать,—загоняетъ, мѣста себѣ человѣкъ не найдетъ. Подошелъ я къ нему, а онъ и говоритъ: «Слѣдуетъ, будетъ съ насъ музыки. Садись вмѣсто него, играй кадрили. Пусть ужъ лучше танцуютъ». Я послушался, сталъ играть французскую кадрили. Размѣстились всё, а одной барыни каналера не достало. А тутъ вдругъ Николай Соломоновичъ, роignard нантъ, жалуетъ. Заноздалъ, потому франтъ! Какъ пойдетъ ноготки полировать да душиться,—часы такъ и бѣгутъ. Вошелъ. Ну, просто сѣять. Вѣшкетикъ бѣленькій, череска пербожяго тонкаго сукна безъ галунчика, а только черной те-семкой обшита и серебряный книжалъ чуть не до полу. Какъ онъ вошелъ, ему и крикнулъ кто-то изъ насъ: «Roignard! вотъ дама. Становитесь въ пару, сейчасъ начнемъ». Онъ будто и не слышалъ, пошорчился слегка и прошелъ въ диванную, гдѣ сидѣла Марья Ивановна Верзиллина и ея старшая дочь Эмилія Александровна. Ужъ очень ему этииъ роignard'омъ надѣдали. И отъ своихъ, и отъ прі-ѣзжихъ, и отъ Гагмее гиззе ему другаго имени не было. А на бѣду барышня оказалась изъ бѣдненькихъ. Жаль, забылъ я, кто именно была эта барышня. Однако, ничего, протанцовали кадрили.

Столыпинъ на другой день утромъ должны были ѣхать въ Желѣзнопоходскъ для осмотра нанитой для нихъ камердинеровъ. Соколо-выиъ квартиры, а съ перѣѣдомъ ихъ туда возможность выхозна уничтожилась и предположеніе «поставить поэта въ рамки» не осуществилось бы. А этииъ, какъ извѣстно, были нантересова-ныиъ отнавивіе Мерлинныиъ, «князь Ксаидръ» и другіе недруги.

¹⁹⁾ «Нива» 1886 года, № 7.

Барышня, персконфуженная такая, подходит ко мнѣ и проситъ чтобы пустили я ее играть, а самъ бы потанцовать. Я пустилъ ее и вижу, что Мартыновъ пошелъ въ залу, а Михаилъ Юрьевичъ и говоритъ громко: «Велика важность, что роignard'омъ названъ. Но сдѣла бы изъ-за этого неучтиности дѣлать!» А Мартыновъ въ лицахъ изъяснялся, и фраза: «Михаилъ Юрьевичъ! я много разъ просилъ.. пора бы и перестать!» — сорвалась у него съ языка. Лермонтовъ сдержался, ничего ему не отвѣтилъ. Но когда кончился вечеръ и друзья пошли домой, Мартыновъ дорогой повторилъ свою просьбу перестать издѣваться надъ нимъ ⁷⁹⁾ и сдѣлалъ Лермонтову вызовъ».

Это одна версія столкновенія друзей на вечерѣ. Теперь послышаемъ другую. Эмилиа Шанъ-Гирей въ своихъ «Воспоминаніяхъ» ⁸⁰⁾ описываетъ событіе такъ: «Я не говорила и не танцевала съ Лермонтовымъ, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразниванія. Тогда, перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: *M-me Emilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la dernière fois de ma vie.* — Ну, ужъ такъ и быть, въ послѣдній разъ, пойдемте! — было ему отвѣтомъ. Михаилъ Юрьевичъ далъ слово не сердить меня больше, и мы, провалясьпроваля, устались мирно разговаривать ⁸¹⁾. Къ намъ присоединился Л. С. Пушкинъ, который также отличался злоязычіемъ, и принялся онъ вдвоемъ острить свой языкъ à qui mieux mieux. Не смотря на мои предостереженія, удержать ихъ было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смѣшного много; но вѣтъ увидѣли Мартынова, разговаривающаго очень любезно съ младшею сестрой моею Надеждой, стоя у рояля, на которомъ игралъ князь Трубецкой. Но выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ, называя его *montagnard*

⁷⁹⁾ Хотя никакого надѣмательства въ измѣчаніи Лермонтова, если оно было сказано такъ, какъ передалъ Раевскій, и нѣтъ.

⁸⁰⁾ «Русскій Архивъ», 1880 года, № 6.

⁸¹⁾ Въ воспоминаніяхъ же своихъ Раевскому («Пина», 1885 года, № 27), она (Э. Шанъ-Гирей) варьируетъ вступленіе своего разсказа такъ: «Лермонтовъ изъясъ страсть поддразнивать (*taquiner*), за что мы часто съ нимъ ссорились, а какъ и нѣсколько дней ужъ съ нимъ не говорили, то когда начались танцы, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: *Faisons la paix, un tour de valse je vous prie.* Я долго не соглашалась, то, наконецъ, онъ и сказалъ: *de grâce, m-elle Emilie, un tour de valse pour la dernière fois de ma vie.* — «Если такъ, ничего дѣлать, пойдемте!»

au grand poignard. Надо же было так случиться, что, когда Трубецкой ударил послѣдній аккордъ, слово poignard раздалось по всей залѣ. Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ, весьма сдержаннымъ, сказалъ Лермонтову: «Сколько разъ просилъ я насъ оставить свои шутки при дамахъ», и такъ быстро отвернулся и отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчаніе: «языкъ мой — врагъ мой», Михаилъ Юрьевичъ отвѣчалъ спокойно: «ce n'est rien; demain nous serons bons amis». Танцы продолжались, и я думала, что тѣмъ кончилась вся ссора. На другой день Лермонтовъ и Столыпинъ должны были ѣхать въ Желѣзно-подскъ. Послѣ ужъ разсказывали мнѣ, что, когда выходили отъ насъ, то Мартыновъ повторилъ свою фразу, на что Лермонтовъ спросилъ: «что-жъ, на дуэль что ли вызовешь меня за это?» Мартыновъ отвѣтилъ рѣшительно: «Да», и тутъ же назначили день».

Н. А. Висковатовъ занесъ въ біографію М. Ю. Лермонтова разсказъ г-жи Шанъ-Гирей, прекраснѣе его нѣсколько, вѣроятно, со словъ ея, слышанныхъ имъ отъ нея впоследствии ⁸²⁾). Но совершив-

⁸²⁾ Разсказъ объ этомъ вечерѣ кн. Васильчикова въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 года, № 1, коротокъ и теменъ. Вотъ онъ: «Однажды на вечерѣ у генеральши Верилиной Лермонтовъ въ присутствіи дамъ отпустилъ какую-то пошуую шутку, болѣе или менѣе острую надъ Мартыновымъ. Что онъ сказалъ, мы не разсказывали, знаю только, что, выходя изъ дому на улицу, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему очень тихимъ и ровнымъ голосомъ по-французски: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терплю наши шутки, но не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ». На что Лермонтовъ такимъ же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: «А если не любите, то потребуйте у меня удовлетворенія». Больше ничего у нихъ въ тотъ вечеръ и въ слѣдующіе дни не было». Необходимо замѣтить, что вся вообще статья кн. Васильчикова, написанная въ отвѣтъ на статью «Лермонтовъ по вѣнскимъ» и разсказамъ современниковъ», появившуюся въ журналѣ «Всемирный Трудъ», 1870 года, № 10, не отличается правдой и безпристрастіемъ. Въ ней какъ будто съюзили нахѣреніе скрыть длинныя когти подъ рисою отшельника. Н. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 416) говоритъ: «Что касается недомолюкъ со стороны кн. Васильчикова въ статьѣ его въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года, то это обусловливалось вниманіемъ къ бывшему еще въ живыхъ Мартынову, защитить котораго приходилось кнзю во время слѣдствія по дѣлу Сооѳенція, сдѣланнымъ кнземъ мнѣ уже поздиѣе и послѣ смерти

шесть из домъ Верзилиныхъ было лишь прологомъ къ драмѣ, окончаніе котораго разыграно подъ покровомъ темной ночи на улицѣ, когда противники расходились по домамъ.

По разсказу В. И. Чилева, вечеръ этотъ былъ сдѣланъ Марьей Ивановной Верзилиной въ честь отъѣзжающаго въ Желѣзноводскъ М. Ю. Лермонтова, котораго она устроительствомъ сего вечера хотѣла поблагодарить за пикировку въ гротъ Дианы 8-го Іюля. Танцы продолжались далеко за полночь, молодежь поселялась параспанку, и только Мартыновъ, злой и мрачный, портилъ настроеніе общества и, нища предлога для ссоры, два раза сдѣлился съ Лермонтовымъ за его шутки надъ его неуязвимымъ высокомеріемъ и пристрастіемъ къ засученнымъ рукамъ²²⁾. Окончательно же онъ вызвалъ его на дуэль по выходѣ изъ дома Верзилиныхъ. Лермонтовъ съ Гальбоннымъ шли впередъ, за ними кучка молодежи, Зельницъ съ Пушкиннымъ, а въ хвостъ—князь Васильчиковъ съ Мартыновымъ. Молодежь шумно хохотала, а Мартыновъ, перешептываясь съ Васильчиковымъ, догналъ Михаила Юрьевича, остановилъ его безцеремонно за руку и, возвысивъ голосъ, рѣзко спросилъ его:

— Долго ли ты будешь издѣваться надо мной, въ особенности въ присутствіи дамъ?.. Я долженъ предупредить тебя, Лермонтовъ, что если ты не перестанешь насмѣхаться, то я тебя заставлю перестать,—и онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

Лермонтовъ разсмѣялся и, продолжая идти, спросилъ: «что же, ты обидѣлся что ли?»

— Да, конечно, обидѣлся.

— Ну, такъ не хочешь ли потребовать удовлетворенія?

— Почему и не такъ...

Тутъ Лермонтовъ перебилъ его словами: «смей изумлять и твой выходка, и твой тонъ... Впрочемъ, ты знаешь, вызовомъ меня испу-

Мартынова, разсвѣтуютъ съ прежними показаніями». Хорошо, значитъ, пониманіе, хороша защита, если они основаны на неправдѣ и искаженіи истины! А г. Висковатовъ приводитъ еще нѣкоторые показанія кн. Васильчикова, какъ авторитетъ и непреложное доказательство высказанныхъ имъ предположеній.

²²⁾ Не доказываетъ ли это свидѣтельство, что записанныя Ржевскимъ и Эмиліей Шанъ-Гирей вѣщанки Мартынова случились обѣ: одна—послѣ первой кадрили, а другая—послѣ одного изъ вальсовъ, въ разгарѣ, если не въ концѣ вечера?

гать нельзя, я от дуэли не откажусь... Хотешь драться—будем драться».

— Конечно, хочу,—отвечал Мартынов,—и потому разговоръ этотъ можешь считать вынужденнымъ.

Лермонтовъ разсмѣялся и сказалъ: «Ты думаешь торжествовать надо мной у барьера. Но это вѣдь не у ногъ красавицы... Мартыновъ быстро повернулся и пошелъ назадъ. Уходи, онъ сказалъ, что на утро приймешь секунданта⁴¹⁾».

⁴¹⁾ Рассказъ этотъ о вынужденнѣйшемъ впечатлѣніи мною по «Воспоминаніямъ Трудя» 1870 года, № 10. Когда я, — пишетъ Н. А. Висковатовъ въ биографіи Лермонтова (стр. 416), — прочитавъ это мѣсто книги Васильчикову, спросилъ его: «Такъ ли это было?» — книгу отбросилъ: «Можетъ быть, кто же знаетъ! суть нѣрна!» Въ этомъ родѣ оба они передавали разговоръ свой, но послѣдняя фраза не могла быть сказана Лермонтовымъ. Мартыновъ если и торжественно надѣлъ нѣмъ у ногъ красавицы, то развѣ такихъ, которыми Лермонтовъ не могъ серьезно интересоваться. Лермонтовъ, шалъ прѣдупредилъ на разныя женщины, но заинтересовывался только личностями, находящими въ рядѣ обыденности. На этомъ основаніи послѣдняя фраза Лермонтова о торжествѣ у ногъ красавицы г. Висковатовымъ въ сказанной биографіи не помѣщена въ текстъ, а объ ней въ примѣчаніи приведенъ вышеприведенный отзывъ князя Васильчикова. Считаю долгомъ пометить, что брошенный Лермонтовымъ Мартынову упрекъ въ необузданной самоуверенности о торжествѣ не относился до «разныхъ женщинъ», а той красавицы, названіемъ которой у нихъ носилъ почти цѣлый мѣсяцъ самый ожесточенный споръ и которую, наконецъ, отбилъ Мартыновъ, то-есть Эмили Александровна, или «Вералинъ», какъ окрестилъ ее въ послѣднее время Лермонтовъ. Что же касается прощескаго восклицанія князя Александра Никандровича: «кто же это знаетъ!» — приведу тотъ фактъ, что рассказъ В. Н. Чилиова объ этомъ вынужденнѣйшемъ словѣ Глѣбова, присутствовавшаго при немъ лично. Вообще свидѣнія, сообщенныя имъ, мнѣ кажутся, имѣютъ болѣе достовѣрности, чѣмъ рассказы, замѣтки и воспоминанія князя Васильчикова и Эмили Шанъ-Гирей, по-первыхъ, потому, что онъ не былъ лицомъ, прикосновеннымъ къ дѣлу или заинтересованнымъ тѣмъ или другимъ его объясненіямъ, а, во-вторыхъ, потому, что рассказъ его былъ написанъ тогда же, то-есть въ 1841 году, а не по прошествіи 30 лѣтъ, какъ написана статья князя Васильчикова, и слѣшкомъ 45, какъ разглаголетіи г-жи Шанъ-Гирей. Притомъ же и самое служебное положеніе В. Н. Чилиова, именно вѣнне-плацъ-адъютанта, давало ему возможность знать многое, чего не знали другіе, хотя бы даже и сами участники роковаго событія или прикосновенныя къ нему лица.

— Вот! она злоба-то дил въ чемъ выразилась!—состричь Михаилъ Юрьевичъ, обратившись къ Глѣбову и другимъ столыпинскимъ вокругъ него товарищамъ.—Ты, Глѣбовъ, конечно, не откажешься быть моимъ секундантомъ? (Голъ утвердительно кивнулъ головою). Я со Столыпинскимъ поѣду завтра въ Желѣзноводскъ осмотрѣть нанятую квартиру и сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ ея, а ты устроишь дѣла здѣсь и, чѣмъ кончини, дай мнѣ туда знати. — Затѣмъ, окинувъ быстрымъ взглядомъ изумленную молодежь, онъ проговорилъ, улыбаясь, какъ-бы въ раздумьи: «кого-то Мартышка приметъ къ намъ для переговоровъ — Лису или Волка ²³⁾?» — и сталъ прощаться. Пожимая руки товарищамъ, онъ подарилъ ихъ экскромитомъ, едва ли не послѣднимъ въ жизни:

«Ну, вотъ теперь у васъ для переговоровъ будетъ

«Дни на три тема

«И, вѣрно, въ васъ къ себѣ участіе повбудитъ

«Не Миллеръ—Омма».

Молодежь молча переглянулась. Никто не понималъ, о какомъ Миллерѣ и Оммѣ говорилъ имъ Михаилъ Юрьевичъ. И только послѣ дуэли, когда схоронили предательски убитаго поэта, кто-то, кажется, Дмитревскій, разгадалъ смыслъ сказанныхъ имъ словъ. Подъ именемъ Миллеръ были скрыты инициалы поэта: Ми Лер, а подъ именемъ Омма—инициалы Мартынова: М (Ом) а, или же инициалы Эмилии и Мартынова: Ом Ма.

Глѣбовъ Лермонтовъ увелъ къ себѣ, и тамъ друзья еще долго толковали о случившемся казусѣ ²⁴⁾. Столыпинъ выслушалъ сооб-

²³⁾ Подразумѣвались: Лисовичичъ, поклонникъ Н. П. Вервильной, и Н. В. Волковъ, атташе книжныи Эрестоной.

²⁴⁾ П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 416) говоритъ: Мартыновъ, пернуившись, разсказалъ дѣло своему сожителю Глѣбову и просилъ его быть его секундантомъ. Это извѣщеніе по вѣрно. Глѣбовъ въ то время не былъ дома. На стр. 413 той же біографіи г. Висковатовъ, перечисляя лицъ, находившихся у Вервильныхъ на вечерѣ, упоминаетъ и Глѣбова. Онъ былъ тамъ вмѣстѣ съ другими, одновременно со всѣми извѣстъ, былъ лично свидѣлемъ визита и остатокъ вечера, или, лучше сказать, ночи, провелъ у Лермонтова. Слѣдовательно, Мартыновъ не могъ ему ничего разсказывать и приглашать въ секунданты.

ценное ему извѣстіе о предстоявшемъ поединкѣ серьезно и прочиталъ Лермонтову, по обыкновенію, строгую нотацию.

— Я говорю тебѣ, — обратился онъ къ нему съ упрямствомъ: — что безъ этого дѣла не обойдется. Такъ и есть. Не успѣлъ еще извиниться отъ послѣдствій Барантовской дуэли, и вотъ опять новая!

— Ничего, мой милый, — отшучивался Михаилъ Юрьевичъ: — еще почтенный Пангосъ говоритъ, что все на сибѣ къ лучшему.

— Что тутъ хорошаго, когда тебя могутъ разжаловать за это.

— Да, разжалуютъ, если я убью или изувѣчу Мартышку. Но успокойся, другъ мой, я не только этой глупости не сдѣлаю, но и стрѣлять изъ него не буду.

— Не въ этомъ дѣло! У тебя масса враговъ и здѣсь, и въ Петербургѣ... Великій твой шагъ истолковывается иначе... Произойдетъ шумъ, начнутся сплетни, сдѣлаютъ донесеніе въ Петербургъ, и побудятъ перенеску... а чѣмъ она кончится?.. И какъ перенесетъ все это бабунка?.. Ты согласишься жалѣешь ее!.. Нельзя ли какъ нибудь уладить все это мирно...

— Я далъ Мишѣ (и Лермонтовъ указалъ глазами на Габбова) карты-бланшъ и надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ, что можно.

— Хорошо, пусть секунданты дѣлаютъ свое дѣло, а я поппаюсь съ Мартыновымъ и постараюсь поплѣять на него. Поэтому мнѣ нужно будетъ остаться здѣсь, и тебѣ придется уже побѣхать въ Желѣзнодорожскъ одному. Возьми съ собой на всякій случай дядьку *) и жди тамъ извѣщенія. Мы тебѣ сообщимъ, что сдѣлается.

На другой день весь городъ зналъ о сдѣланныхъ Мартыновымъ вызовѣхъ на дуэль Лермонтову. У источниковъ, на бульварѣ и въ казино, извѣстіе объ этомъ возбудило оживленные разговоры. Въ кому поэтъ казался не по плечу, кого когда-либо отивтилъ острымъ словомъ или поглядилъ не по шерсти, обрадовались случаю позлословить и бросить комокъ грязи въ «сочинителя» и «гнушеннаго бирендета». Мерлинеты торжествовали. На ихъ улицѣ были праздники. Они появлялись тамъ и здѣсь и старались, при случаѣ, подлить въ огонь масла. Мартыновъ былъ принятъ гласно подѣ ихъ покровительствомъ. За нимъ признали обиженную сторону и право вызова. «Онъ иначе поступить не могъ, — восклицали они

*) Соколова, камердинера.

авторитетно:—вѣдь нужно же, наконецъ, кому нибудь и образумить этого зарвавшагося мальчишку!» При появленіи «счастливаго несчастливца» въ обществѣ его принятительно, пожимали ему руки и укрѣпляли въ рѣшимости довести дуэль до конца. У Верзилиныхъ онъ былъ принятъ весьма предупредительно и внимательно. М-ле Эмилиа соизволила благосклонно выслушать его разсказъ о вызовѣ и, не безъ нѣкотораго самодовольствія, одобрила его рыцарскій пылъ въ дѣлѣ истребованія удовлетворенія оскорбленной чести^{**)}). Когда же онъ появился позднимъ вечеромъ въ казино, l'armée russe сдѣлала ему шумную охоту. Его истрѣтили съ бокалами вина и качали на рукахъ. Причемъ случился маленький казусъ: поднившая толпа, качавшая героя дня, подбросила его выше своихъ головъ, и болтавшійся при подбрасываніи длинный книжаль его, захвативъ за что-то, вынулъ изъ кармана и поранилъ одного стоявшаго вблизи грузина въ ногу.

— Ну, Мартыновъ,—сказали ему раненый грузинъ,—вы ранили меня, не думая о томъ; это дурной знакъ: вы на дуэли про-

^{**) Можетъ быть, она шутила съ нимъ, можетъ быть, говорила сердечно, но только послѣ дуэли, когда Николай Соломоновичъ сумѣлъ показать себя во всей красотѣ своей, состоя подъ слѣдствіемъ и судомъ, она отвернулась отъ него. Вообще эта женщина, въ жилахъ которой текла польская кровь (по матери), держала себя, по словамъ Чилева, весьма загадочно и неровно. Какъ особа весьма красивая, она не знала себя цѣны, мечтала о рыцаряхъ безъ страха и упрека и снисходила до простаго смертнаго, потомъ опять возносила свои взоры горѣ и снова испускалась на землю. Сегодня она была слишкомъ горда, завтра — слишкомъ снисходительна. Однихъ манила, къ другимъ бѣжала. Умъ жаждаль князя, сердце — юношу. Русскій былъ тернистъ, но стоялъ на заднемъ планѣ. Борьба велась долго, но несчастливо, и кончилась тѣмъ, что она послѣ долгихъ сердечныхъ блужданій, была рада, что могла, наконецъ, пристроиться за Акимъ Пантовича Шанъ-Гирея, родственника и товарища дѣтскихъ лѣтъ М. Ю. Лермонтова. Бывшій слуга Лермонтова, Христофоръ Саникидзе (газета «Кавказъ», 1891 года, № 185), говоритъ: «Изъ семейства Верзилиныхъ Лермонтовъ довольно часто бывалъ, а въ послѣднее время сильно ухаживалъ за одной изъ дочерей Верзилина, хорошенькой 18-ти-лѣтней дѣвушкой Эмилией, которая была предметомъ поклоненія и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ людей. Но болѣе всѣхъ неравнодушенъ къ ней былъ оставшій драгунскій майоръ Мартыновъ, часто и одновременно съ Лермонтовымъ бывавшій у нихъ въ домѣ».}

льете кровь вашего противника, тоже, быть может, не думая об этомъ.

— А вы что же хотите, чтобы пролилъ я—воду, что ли? от-
вѣтилъ горделиво Мартыновъ. И всесобій хохотъ покрылъ эту
хвастливую браваду.

Между тѣмъ Михаилъ Юрьевичъ, посланъ въ Желъзоводскъ
утромъ камердинера своего Соколова, самъ отправился изъ Пяти-
горска послѣ обѣда, часонъ въ 6 дня. Садясь на лошадь, онъ былъ
молчаливъ и серьезенъ. Но едва выѣхалъ изъ воротъ и взглянулъ
на домъ Верзилиныхъ, какъ лицо его мгновенно приняло обычную
веселую физиономію, и какая-то не то нервная, не то прощеская
улыбка замигалась на устахъ. Глѣбову, провожанному его, онъ
сказалъ: «Не хмурься, Миша, не стой!» и, кивнувъ слегка голо-
вою, далъ шпоры своему «Черкесу» и исчезъ въ поднятомъ имъ
облакѣ пыли.

Глѣбова обезкуражила неудача первыхъ попытокъ къ прижи-
ренію соперниковъ. Столыпинъ, Безобразовъ, Манзей, Зельминъ,
Путкинъ и другіе друзья Лермонтова, всѣ вмѣстѣ и порознь, обра-
щались къ Мартынову съ предложеніями покончить возникшее не-
доразумѣніе примиреніемъ, но онъ гордо и непреклонно отвѣчалъ
рѣшительнымъ отказомъ. «Довольно, — говорилъ онъ. — посѣдѣлся
Лермонтовъ надо мною, но всему есть мѣра: чаша долготерпѣнія
моего исполнилась, и я хочу возстановить свою честь не иначе,
какъ поставивъ своего оскорбителя подъ нулю». На дальнѣйшія
настоянія онъ отвѣтилъ: «я уполномочилъ вести переговоры по
сему дѣлу князя Александра Илларионовича Васильчикова, обратитесь,
пожалуйста, господа, къ нему; и что вы сообща постановите,
тому я подчинюсь безпрекословно. Была сдѣлана попытка привлечь
къ посредничеству между друзьями-соперниками Эмилию Алексан-
дровну, но она съ наивною институтки отвѣчала весьма уклон-
чиво, что рада сдѣлать все возможное для Михаила Юрьевича, но
боясь своихъ вѣдѣтельствъ въ такое ужасное дѣло, какъ дуэль,
повредить ему еще болѣе. По моему, всего лучше бы было, — закон-
чила она свою лукавую рѣчь, — если бы вы обратились съ вашей
просьбой къ маманъ».

Принялось вести переговоры официальные съ секундантомъ.
«Князь Ксандръ» не даромъ считался «умникомъ» и «дипломатомъ»
не у дѣлъ». Окунувшись съ первыхъ дней службы въ канцеляр-
скую казуистiku и пройдя всѣ степеніи крючкотворства и кляузни-

чества, присущих вообще тогдашнему гражданскому дѣлопроизводству, онъ утѣрять обѣ стороны въ своей дружескомъ расположеніи и безпристрастїи и, имѣть съ тѣмъ, принималъ всѣ мѣры, чтобы разстроить миролюбивое соглашеніе безъ дуэли. Самъ онъ въ своей статьѣ: «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ»⁹⁹), говорить: «Мы истощили итеченіе трехъ дней наши миролюбивыя усилія безъ всякаго успѣха. Хотя формальный вызовъ на дуэль и послѣдовалъ отъ Мартынова, но всякій согласился, что слова Лермонтова: «потребуите отъ меня удовольствіе», заключали въ себѣ уже косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ будетъ начини- щимъ и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію». Вопросы эти ставилъ онъ же, «князь Ксандръ», и онъ же настаивалъ на предварительномъ ихъ разрѣшеніи. А такъ какъ Лермонтовъ и не говорилъ даже: «потребуите отъ меня удовольствіе», а сказали: «не хочешь ли требовать удовольствіе?» то переговоры секундантовъ, не касаясь существа дѣла, скользили по немъ въ видѣ глубокомысленныхъ упражненій въ элоквиенци, и, конечно, «Донъ-Кихотъ іезуитизма», какъ божье доркій діалектикъ, одолевая своего оппонента М. Н. Глѣбова, соединившаго въ себѣ, по словамъ «князя Ксандра»¹⁰⁰), отважную храбрость и самое лю- безное и сердечное добродушіе. Мерлинеты могли ликовать: ихъ инструкціи были исполнены въ точности—миролюбиваго соглашенія не состоялось.

Пятигорское начальство, услышавъ о вызовѣ, вострепенулось было; комендантъ Пляшениковъ испугался, некинулъ, по фигураль- ному выраженію В. П. Чилева, какъ самоваръ, и потребовалъ Лермонтова къ себѣ, съ намѣреніемъ точчасъ же его, какъ окон- чившаго курсъ леченія, отправить въ поляхъ. Но посланный въ- стовой вернулъ съ отвѣтомъ, что «поручикъ Лермонтовъ изволяетъ быть выбывшимъ въ Желѣзноводскъ», а нѣкоторые вліятельные мер- линеты успокоили старика, утѣривъ его, что «ночной вызовъ на дуэль»—не что иное, какъ шутовство, которое приведетъ только къ распیتیю дюжины двухъ шампанскаго, но отнюдь не къ дуэли. Старикъ сдался на эти утѣренія, но чтобы не казаться безучаст-

⁹⁹) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

¹⁰⁰) Тамъ же.

нымъ къ дѣлу, отдавъ приказаніе, чтобы Лермонтовъ, если онъ вернется въ Пятигорскъ, тотчасъ по прибытіи явился къ нему.

Но ночь наступило и 15-е іюля. Мартыновъ еще съ утра обеспокоилъ жившаго съ нимъ вмѣстѣ Глѣбова лаконическимъ вопросомъ: «когда ожидается возвращеніе отсутствующаго путешественника?» и заявилъ, что было бы желательно поскорѣе разбѣить попросъ объ его удовлетвореніи. Глѣбовъ тотчасъ отправился къ князю Васильчикову, и они рѣшили назначить дуэль въ тотъ же день, въ шесть часовъ, послѣ обѣда, за городскимъ кладбищемъ, на взгорьѣ, у подножія Манука, лежащемъ на полпути между Пятигорскомъ и колоніей Шотландка (Каррасъ), по Желѣзнодорожной дорогѣ. Къ Лермонтову тотчасъ была отправлена ѣздовой съ уведомленіемъ объ этомъ и приглашеніемъ прибыть къ назначенному времени. Причемъ Глѣбовъ присовокунилъ, что онъ выѣдетъ его встрѣтить въ колонію Каррасъ. Столынину онъ послалъ записку съ уведомленіемъ о времени и мѣстѣ дуэли. Деньщикъ Глѣбова, не найдя дома Столынина, отдавъ записку его слугѣ-грузину, который положилъ ее къ нему на столъ, гдѣ она, непрочитанная, такъ и пролежала до вечера.

Въ этотъ же день, то-есть 15-го іюля, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голлицинъ былъ именинникъ. У него для избраннаго общества назначенъ былъ обѣдъ, а вечеромъ — тотъ пресловутый праздникъ въ Ботаническомъ саду, о которомъ весь городъ говорилъ уже нѣсколько дней. Утромъ онъ прислалъ приглашеніе на обѣдъ и праздникъ Столынину и Лермонтову. Было-ли то особенное вниманіе къ представителямъ свѣтской молодежи, или просто любезность стоящаго выше личныхъ счетовъ вельможи, была ли то великодушная мѣсть за неприглашеніе его молодежью на пикникъ въ гротъ Діаны, или же коварный умыселъ — лишить Лермонтова въ самый моментъ разстрѣла поддержки самыхъ близкихъ друзей²¹⁾, а, слѣдовательно, и примиренія, — осталось покрыто мракомъ неопредѣленности. Известно только одно, что Столынинъ, получивъ сказанное приглашеніе, поѣхалъ поздравить князя и поблагодарить за вниманіе. А такъ какъ въ этотъ день (не зная о назначеніи дуэли) онъ ожидалъ возврата Лермонтова изъ Желѣзноводска, для окончательныхъ распоряженій о переездѣ туда,

²¹⁾ Мартыновъ приглашенія не получилъ.

то и оставилъ ему записку о томъ, чтобы онъ, по приѣздѣ, явился къ коменданту Пляшеникову, а послѣ приходилъ къ князю Голицыну. У именинника Столыпина нашелъ большое общество, всѣ выдающиеся его представители были въ сборѣ. Князь Владиміръ Сергѣевичъ принялъ его съ особеннымъ радушіемъ и гостеприимствомъ. Осѣдомился о Лермонтовѣ и, узнавъ, что онъ ждетъ его изъ Желѣзноводска, выразилъ надежду, что онъ, вѣроятно, также не побрезгуетъ хлѣбомъ-солью старика. Наконецъ, при дальнѣйшихъ разговорахъ такъ расположилъ къ себѣ Алексѣя Аркадьевича, что онъ изъявилъ согласіе провести у князя весь день. Князь С. В. Трубецкой получилъ также приглашеніе и находился тутъ же. Около четырехъ часовъ начался обѣдъ, и потѣ, когда лицомъ шампанское рѣкой, а на дворѣ бушевали стихіи: гремѣлъ громъ, знозагами вилась молнія и хляби небесная разперзлась потоками дождя, — было получено извѣстіе о дуэли и смерти М. Ю. Лермонтова. Нужно ли говорить, какъ поразило оно присутствующих!

Но позвратимся къ событіямъ.

Михаилъ Юрьевичъ, получивъ извѣщеніе отъ Габбона о назначеніи секундантами времени и мѣста дуэли, тотчасъ собрался и выѣхалъ въ колонію Шотландку (Каррасъ), гдѣ въ рестораничкѣ услужливой вѣжки Анны Ивановны Рошке (извѣстной, по слухамъ, Н. П. Раевского, двухъ молоденькихъ и премиленькихъ прислужницъ, Мильхенъ и Гретхенъ, погибелъ для *l'amiée russe*), его долженъ былъ встрѣтить Габбонъ для сообщенія ему условій, при которыхъ должна состояться дуэль съ Мартыновымъ. Друзья встрѣтились и порѣшили пообѣдать у Рошке, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда отправиться на мѣсто поединка. Въ это время проѣзжала изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ сосѣдка Верзилиныхъ, помѣщица Прянишниковъ, съ племянницею, дѣвицею Быхонецъ (извѣстной болѣе по данному ей Лермонтовымъ прозванію «la belle noire»). Онѣ также остановились у Рошке. Слово за слово, любезность за любезность, — составилъ семейный обѣдъ. Передъ грозой стояла страшная жара и духота, ѣхать въ полуденное время оказалось утомительнымъ, и дамы съ удовольствіемъ согласились раздѣлить скромную трапезу двухъ друзей, тѣмъ болѣе, что онѣ еще дорогою предполагали также пообѣдать у Рошке. За обѣдомъ разговоръ ожилъ. Дамы разсказывали о великолѣпнѣмъ устроенномъ княземъ Голицынымъ вечера, о выписанномъ изъ Ставрополя оркестрѣ музыки, о роскошномъ убранствѣ павильона, о лицахъ, получившихъ

приглашеніе. Лермонтовъ слушалъ, смѣялся и острилъ по обыкновенію. О себѣ сказала, что ѣдетъ на бой съ гигантомъ-Мартышкой. Замѣтивъ улыбку недоумчивости на устахъ m-lle Быховецъ, онъ попросилъ позволенія разсказать подробности и сочинилъ цѣлый фантастическій разсказъ о томъ, какъ въ дебряхъ кавказскихъ горъ, за Кубанью, Лабой и Бѣлой, на бережьяхъ Чернаго моря живутъ люди-обезьяны съ длинными лапами и хвостами, и какъ они похищаютъ молодыхъ казачекъ для игръ и плясокъ въ дѣсу.

— Да развѣ въ Россіи есть обезьяны?—спросила его со смѣхомъ m-lle Быховецъ.

— Въ Россіи,—отвѣчалъ серьезно Лермонтовъ,—конечно, нѣтъ, но на Кавказѣ, въ непокоренныхъ еще нами горахъ, есть.

— Ну, ну, разсказывайте!—продолжала смѣяться дѣвушка, откинувшись на спинку кресла, сняла съ головы золотую фероньерку и, играя ею, потребовала какъ можно скорѣе сути разсказа.

И Лермонтовъ самымъ серьезнымъ тономъ продолжалъ фантазировать, какъ онъ воевою, командуя войскомъ, отрядомъ своихъ пугеровъ и джигитовъ, проникъ въ кокосовые лѣса, заселенные людьми-обезьянами, какъ онъ бился тамъ съ цѣлымъ легиономъ мартышекъ, какъ освободилъ плененную ими одну красавицу и какъ предводителю ихъ, невольникъ-мартышка, розыскивалъ его и, наконецъ, найдя здѣсь, требуетъ ея возрата, въ противномъ случаѣ вызнать на дуэль.

— И вы будете драться?—спросила участливо дѣвушка.

— Мое правило: отъ счастья и отъ дуэли не отказываться!—отвѣчалъ поэтъ.

— На чемъ же вы будете драться?

— На дубникахъ.

— Какъ же это?.. Да разсказывайте скорѣе! Вы видите, что я интересуюсь,—лепетала раскрасѣвшися m-lle la belle poire.

— Извольте!—отвѣчалъ съ покорнымъ наклоненіемъ головы поэтъ.—Дуэль на дубникахъ весьма оригинальна. Она стоитъ того, чтобы цивилизованныя страны ее приняли. Во-первыхъ, противники мѣрятся физической силой. На проведеніи между ними чертъ становятся лицомъ другъ къ другу, берутъ за концы поданную имъ секундантамъ дубнику обѣими руками и, по сдѣланному ими знаку, начинаютъ тянуть другъ друга къ себѣ. Кто кого перетянетъ за черту или вырветъ изъ рукъ противника дубнику, тотъ считается побѣдителемъ. Во-вторыхъ, противники испытываются

из искусств метанія дубинокъ. Для этого они становятся рядомъ и, по данному знаку, бросаютъ дубинки. Чья дубинка будетъ брошена дальше, тотъ—побѣдитель. Въ-третьихъ, соперники испытываются въ ловкости—они дерутся на дубинкахъ. Кто первый нанесетъ ударъ, или вышибетъ изъ рукъ противника дубинку, тотъ—побѣдитель. Одолевшій противника въ двухъ состязаніяхъ признается триумфаторомъ и подучаетъ отъ побѣжденного условленное вознагражденіе или беретъ предметъ, изъ-за котораго произошелъ поединокъ.

— Что же тутъ страшнаго?!—воскликнула съ удивленіемъ дѣвушка.—Это игра, а не поединокъ!

— Страшнаго, какъ вездѣ и всюду, отвѣчалъ съ улыбкой Лермонтовъ, —ничего нѣтъ. Но бываетъ, что соперники, разгораясь, не довольствуются однимъ ударомъ, схватываются серьезно, и одинъ убиваетъ другаго.

— Значитъ, и васъ могутъ убить?—заинтересовалась уже болѣе серьезно дѣвица Быхонецъ, продолжая играть фероньеркой.

— Не думаю! — улыбнулся снова Михаилъ Юрьевичъ. — Въ особенности, если я буду нѣтъ талисманъ. Дайте мнѣ вашу фероньерку. Она мнѣ будетъ нѣсто талисмана. Съ нею меня, наѣрно, не убьютъ.

— Возьмите и дѣвушка подала фероньерку. — А если убьютъ васъ?...—и, сконфузясь, она не окончила вопроса.

— Не беспокойтесь, —отвѣчалъ самоутѣренно поэтъ:—завтра я буду нѣтъ честь доставить ее вамъ въ Желѣзнодорожск лично и нѣтъ съ тѣмъ расскажу вамъ о послѣдствіяхъ моей битвы съ гигантомъ-Мартышкой ²²⁾.

²²⁾ Вандо это, по словамъ Э. А. Шант-Гирей, было повѣщено ей послѣ дуэли, а Н. П. Раевскій внесъ въ свой рассказъ, что оно найдено въ боковомъ карманѣ сюртука убитаго поэта все въ кронѣ, и что м-лле Быхонецъ въ день похоронъ его прибѣжала, какъ сумасшедшая, и взяла свою фероньерку, какъ она была, даже нѣмать, не то что починить, не позволила. («Русскій Архивъ», 1889 года, № 6, и «Нива», 1885 года, № 8). Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1892 годъ помѣщено письмо дѣвицы Быхонецъ къ сестрѣ ея, отъ 6-го августа 1841 года. Происхожденіе этого письма весьма загадочно и едва ли не апокрифично: оно найдено г. Акерманомъ, случайно въ какой-то книжкѣ, купленной имъ на толкучкѣ въ Самарѣ въ 1891 году, и по содержанію своему

Глббовъ, между тѣмъ, взглянулъ на часы и шепнулъ ему: «пора!» Лермонтовъ извинился передъ дамами, всталъ и отклонился. «Можно ли было думать,—говорилъ потомъ Глббовъ:—чтобы надъ этихъ веселыхъ, беззаботныхъ и обаятельныхъ людейкомъ рѣзала уже невидимая смерть!»

Всю дорогу изъ Шотландки до мѣста дуэли Лермонтовъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Никакихъ предсмертныхъ разговоровъ, никакихъ посмертныхъ распоряженій отъ него Глббовъ не слышалъ. Онъ ѣхалъ какъ будто на званый пиръ какой-нибудь. Все, что онъ высказалъ за время перѣзда, это—сожалѣніе, что онъ не могъ получить увольненія отъ службы въ Петербургъ, и что ему въ военной службѣ едва ли удастся осуществить задуманный трудъ. «Я выработалъ уже планъ,—говорилъ онъ Глббову,—двухъ романовъ: одного — изъ времени смертельнаго боя двухъ великихъ націй, съ завязкою въ Петербургъ, дѣйствіями въ сердцахъ Россіи

представляетъ документъ оригинальный. Это какое-то птичье чирканье, доступное пониманію только корреспондирующихъ инстинктовъ. Въ немъ расказывается урывками обо всемъ: о Лермонтовскомъ вечерѣ 8-го Іюля, о дружбѣ и родствѣ съ поэтомъ, о его ссорѣ съ Мартыновымъ, о вызовѣ на дуэль, о послѣднемъ обѣдѣ въ колоніи и похоронахъ. Но проверить по немъ нить историческихъ фактовъ также трудно, какъ и понять самъ языкъ письма. Г-жа Выхонецъ пишетъ, что Лермонтовъ, спустя 4 дня послѣ вызова на дуэль, поѣхалъ въ Желѣзнодорожскъ, но онъ въ это время былъ уже убитъ. Дальше говорить, что 16-го Іюля была въ Желѣзнодорожскъ и долго гуляла съ Лермонтовымъ въ паркѣ, а потому поѣхала и обѣдала въ колоніи. Но не была ли она въ Желѣзнодорожскъ и не гуляла ли съ Лермонтовымъ въ паркѣ когда либо прежде, такъ какъ, по ея же словамъ, она, при поѣздкѣ въ Желѣзнодорожскъ, съ компаніей заѣзжала въ колонію въ 2 часа, а обѣдала съ Лермонтовымъ на обратномъ пути въ той же колоніи въ 6 часовъ? Но трехъ часовъ для двукратной поѣздки отъ колоніи въ Желѣзнодорожскъ и обратно и долгой прогулки въ паркѣ — недостаточно. Всего же болѣе характеризуетъ интересъ письма заключеніе, что о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ никто не знаетъ, кромѣ двухъ молодыхъ мальчишекъ, которыхъ они застали поклониться, что никому не сказать, и что они такъ и сдѣлали. Во всякомъ случаѣ письмо это ничего новаго къ сообщеніямъ мною мною фактамъ не прибавляетъ. Въ немъ, очевидно, смѣшаны впечатлѣнія нѣсколькихъ дней въ одномъ.

и подъ Парижемъ и развязкой въ Вѣнѣ, и другаго — изъ Кавказской жизни, съ Тифлисомъ при Ермоловѣ, его диктатурой и кровавыхъ усмиренихъ Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погибъ Грибоедовъ въ Тегеранѣ, и вотъ придется сидѣть у моря и ждать погоды, когда можно будетъ приняться за кладку ихъ фундамента. Недѣли черезъ двѣ уже нужно будетъ отправиться въ отрядъ, къ осени пойдемъ въ экспедицію, а изъ экспедиціи когда вернемся!»...

Подъѣзжая къ Машуку и увидя въ кустахъ на взгорьѣ лошадей въ дрожкахъ Мартынова, онъ сказалъ: «Смотри, Миша, они уже здѣсь!» и помчался галопомъ. Поднявшись на взгорье, друзья остановились у дрожекъ, слѣзли и привязали лошадей къ кустамъ. Поднимаясь выше къ стоявшимъ на маленькой и довольно покатой, въ формѣ неправильнаго треугольника, площадкѣ противникамъ, Лермонтовъ шепнулъ Глѣбову: «Пожалуйста, Миша, кончай скорѣе всю эту комедію, и мчимся въ городъ!» Подойдя къ князю Васильчикову, друзья обмѣнялись рукопожатіями, а съ Мартыновымъ вѣжливо раскланились. Секунданты приступили къ окончательнымъ переговорамъ и осмотру привезенныхъ «княземъ Ксандромъ» пистолетовъ.

Н. П. Раевскій передаетъ о дуэли слѣдующее ⁹³⁾. На другой день, 15-го іюля, послѣ обѣда, видимъ, что Мартыновъ съ Васильчиковымъ выѣзжаютъ изъ воротъ на дрожкахъ. Глѣбовъ же еще раньше верхомъ поѣхалъ Михаила Юрьевича встрѣтить. А мы дома прѣзъ готовимъ, шампанскаго закупили, чтобы примиреніе друзей отпраздновать. Такъ и рѣшили, что Мартыновъ никакъ не попадетъ. Ему первому стрѣлять, какъ обиженной сторонѣ, а Михаилъ Юрьевичъ и совсѣмъ цѣлить не станетъ. Значитъ, и кончится ничѣмъ. Когда они всѣ сошлись на заранѣ выбранномъ мѣстѣ и противниковъ поставили, какъ было условлено: Михаила Юрьевича выше Мартынова и спиной къ Машуку, Глѣбовъ отмѣрилъ 30 шаговъ и бросилъ шапку на то мѣсто, гдѣ остановился, а князь Васильчиковъ, — онъ такой тонкій, длинноногій былъ, — подошелъ да и оттолкнулъ се ногой, такъ что шапка на много шаговъ еще откатилась. «Тутъ вамъ и стоять, гдѣ она лежитъ», — сказалъ онъ Мар-

⁹³⁾ «Нива», 1885 года, № 8.

тынову. Мартыновъ и сталъ, какъ было условлено, безъ возраженій. Больше 30-ти шаговъ — не шутка! Тутъ хотя бы и изъ ружья стрѣлять. Пистолеты-то были Кухенрейтера, да и изъ нихъ на такомъ разстояніи не попасть. А къ тому-жъ еще цѣлый день дождь лилъ, такъ Машукъ весь туманомъ заволокло: въ десяти шагахъ ничего не видать. Мартыновъ снялъ череску, а Михаилъ Юрьевичъ только сюртукъ разстегнулъ. Глѣбовъ просчиталъ до трехъ разъ, и Мартыновъ выстрѣлилъ. Какъ дымокъ-то разсѣялся, они и видятъ, что Михаилъ Юрьевичъ упалъ. Глѣбовъ первый подбѣжалъ къ нему и видитъ, что какъ разъ въ правый бокъ, и руку задѣвши, навывлетъ. И послѣднія свои слова Михаилъ Юрьевичъ ему сказалъ: «Мпша, умираю»... Тутъ и Мартыновъ подошелъ, земно поклонился и сказалъ: «Прости меня, Михаилъ Юрьевичъ!» потому что, какъ онъ послѣ говорилъ намъ всѣмъ, не хотѣлъ онъ убить его, и въ ногу, а не въ грудь цѣпиль.

Въ статьѣ князя А. И. Васильчикова ⁹⁴⁾ мы находимъ такое описаніе: «Мы отмѣрили съ Глѣбовымъ 30 шаговъ; послѣдній барьеръ поставили на 10-ти и, разведя противниковъ на крайнія дистанціи, положили имъ сходиться каждому на 10-ть шаговъ по командѣ: маршъ. Зарядили пистолеты. Глѣбовъ подахъ одинъ Мартынову, я—другой Лермонтову, и скомандовали: сходишь! Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правпламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту, и въ послѣдній разъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впередъ, не успѣвъ даже захватить больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди раненные или ушибленные. Мы подбѣжали. Въ правую сторону бoku дымилась рана, въ лѣвомъ—сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія».

Этимъ воспоминаніямъ соотвѣтствуетъ въ главныхъ чертахъ и рассказъ В. И. Чилева. Но въ рассказѣ послѣдняго есть одна су-

⁹⁴⁾ «Русскій Архивъ, 1872 года, № 1.

щественная деталь, заключающаяся въ томъ, что Мартыновъ, подходя къ барьеру, такъ долго цѣлилъ въ Лермонтова, что Глѣбовъ долженъ былъ крикнуть: «стрѣляйте!.. или я разведу васъ!..» Выстрѣлъ раздался, и поэтъ опустился на землю безъ крика, стона и движенія ⁹³⁾.

Между тѣмъ, покрывшая небо, при началѣ дуэли, темная грозовая туча вдругъ разразилась страшнымъ ливнемъ и грозой, и долго-долго на горизонтѣ змѣнились молніи, раздавались удары грома и стонали горы подъ его неужолкаемыми раскатами. Герои дня въ трепетѣ спѣшили убраться домой. Первыми усаkali на дрожкахъ Васильчиковъ и Мартыновъ, а за ними, прикрывъ тѣло Лермонтова своею шинслю, поѣхалъ и Глѣбовъ. Брошенное тѣло разстрѣляннаго поэта лежало подъ дождемъ до поздняго вечера, когда, по распоряженію пятигорскихъ властей, была прислана телега съ людьми, которые и перевезли его въ городъ.

Н. П. Раевскій въ своемъ разсказѣ ⁹⁴⁾ заявляетъ: «Мы дома съ шампанскимъ ждемъ. Видимъ, ѣдутъ Мартыновъ и князь Васильчиковъ. Мы къ нимъ на встрѣчу бросились. Николай Соломоно-

⁹³⁾ Въ «Биографіи Лермонтова» описаніе его дуэли сдѣлано П. А. Висковатовымъ согласно вышеприведенному разсказу князя Васильчикова. Но къ нему добавлены биографомъ и сдѣланныя ему сказаннымъ княземъ личныя дополненія. Къ числу сихъ дополненій относится, что при дуэли присутствовали Столыпинъ и князь Трубецкой, какъ секунданты, что длинноногій Столыпинъ увеличилъ пространство отбѣренныхъ шаговъ, откинуть брошенную на барьеръ Глѣбовымъ шапку еще на нѣсколько шаговъ и что Столыпинъ же крикнулъ: «стрѣляйте! или я разведу васъ!» (стр. 424 и 425). Но это не вѣрно. Ни Столыпинъ, ни князь Трубецкой при дуэли не присутствовали, такъ какъ находились, какъ выше приведено, на обѣдѣ у князя Голицына, и секундантами не были, хотя и участвовали въ попыткахъ къ примиренію соперниковъ дома. Увеличилъ растояніе, какъ видно изъ разсказа Раевского, не «длинноногій Столыпинъ», который длинноногимъ и не былъ, а самъ дѣйствительно «длинноногій» «князь Александръ», и крикнулъ: «стрѣляйте!.. или я васъ разведу!» по разсказу В. И. Чилиева, записаннаго со словъ Глѣбова, не Столыпинъ, а Глѣбовъ. Дать въ «Биографіи» догадки, что присутствовало еще нѣсколько лицъ, по эти догадки совершенно пропалочныя — балласть, собранный для увеличенія числа листовъ «Биографіи», позражать противъ которыхъ не невозможно, но не стоитъ.

⁹⁴⁾ «Ива», 1883 года, № 8.

вить никому ни слова не сказалъ и, темже ночи, къ собѣ въ комнату прошелъ, а послѣ прямо отправился къ коменданту Ильяшенкову и все разсказалъ ему. Мы съ разпросами къ князю, а онъ только и сказалъ: «убить!» и заплакалъ. Мы чуть не рехнулись отъ неожиданности, всѣ плакали, какъ малыя дѣти. Полеовникъ же Зельмицъ, какъ слышалъ, — бѣгомъ къ Марѣ Ивановѣ Верзилиной и кричитъ: «о-то! ваше превосходительство, напавать!». А та, ничего не зная, ничего не поняла сразу, а когда уразумѣла, въ чемъ дѣло, такъ, какъ сидѣла, на полъ и свалилась⁹⁷⁾. Барышни ея слышали, — и что тутъ поднялось, такъ и описать нельзя. Приѣхалъ Габбонъ, сказалъ, что покрылъ тѣло шинелью своею, а самъ подъ дождемъ больше ждать не могъ. А дождь, переставъ было, опять непрерывный заморосилъ. Отправили мы извозчика биржевого за тѣломъ, такъ онъ съ полудороги вернулся: колеса вязнуть, ѣхать невозможно. И пришлось намъ тѣлгу нанять».

Въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія 1841 года, № 96, «О дуэли майора Мартынова и поручика Лермонтова, на коей первый убилъ послѣдняго», мы находимъ слѣдующія бумаги: а) отношеніе пятигорскаго окружнаго начальника (онъ же и комендантъ), отъ 16-го іюля, за № 1353, въ Пятигорскій земскій судъ: «лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Габбонъ вчерашняго числа въ вечеру, пришедъ ко мнѣ въ квартиру, объявилъ, что, отставной майоръ Мартыновъ убилъ на дуэли Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова, и что эта дуэль происходила версты за четыре отъ города, у подошвы горы Мамука. Нарядить для производства слѣдствія плацъ-майора подполковника Угитлова, предлагаю оному суду, для нахождения при ономъ, командировать со стороны земскаго суда засѣдателя и пригласить, для бытности

⁹⁷⁾ Э. А. Шанъ-Гирей, въ возраженіяхъ по поводу воспоминаній Н. П. Ржевскаго, говоритъ: «Висѣшность этого извѣстія и растерянный видъ Зельмица насъ всѣхъ сильно поразили и перепугали, но матушка моя на полу по наляглась, а просила Дмитрѣнскаго, бывшаго въ то время у насъ, пойти узнать суть дѣла». («Иванъ», 1885 года, № 27). Въ воспоминаніяхъ же пишетъ: «Такое извѣстіе и столь висѣшное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась истерика, едва могли ее успокоить». («Русскій Архивъ», 1889 года, № 6). Вотъ образецъ ея приндиности.

при томъ, окружнаго страпчачаго, и 6) рапортъ пятигорскаго коменданта, полковника Ильяшенкова, отъ 16-го июля, за № 1357, кождающему войскамъ на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-адъютанту Граббе: «Вашему преносходительству имѣю честь донести, что находившіеся въ г. Пятигорскѣ, для пользованія бѣлизней кавказскими минеральными водами, уволенный отъ службы изъ Гребенскаго казачьяго полка майоръ Мартыновъ и Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, сего мѣсяца 15-го числа, въ четырехъ перстахъ отъ города, у подошвы горы Мамука, имѣли дуэль, на коей Мартыновъ ранилъ Лермонтова изъ пистолета въ бокъ нанжалетъ, отъ каковой раны Лермонтовъ померъ на мѣстѣ. Секундантами были у нихъ находящіеся здѣсь для пользованія минеральными водами: лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Глѣбовъ и служащій по 2-мъ отдѣленіи собственной ея императорскаго величества канцеляріи въ чинѣ титулярнаго совѣтника князь Васильчиконъ. По сему происшествію производится законное сѣдствіе, а майоръ Мартыновъ, корнетъ Глѣбовъ и князь Васильчиконъ арестованы. О чемъ и донесено государю императору за № 1356».

Документы эти свидѣтельствуютъ, что секундантами при дуэли были только Глѣбовъ и Васильчиконъ и что съ занимаемъ къ начальству о дуэли явился Глѣбовъ, а не Мартыновъ ⁹⁴⁾.

⁹⁴⁾ Теперь обратимъ вниманіе на то, что писалъ князь Васильчиконъ въ статіи «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и дуэли его съ Мартыновымъ» («Русскій Архивъ», 1872 года, № 1) о концѣ дуэли. «Хотя признаки жизни уже видимо исчезли, но мы рѣшили позвать доктора. По предварительному нашему приглашенію присутствовать при дуэли, доктора, къ которымъ мы обращались, всѣ поотрѣзъ отказались. Я поспѣшилъ верхомъ въ Пятигорскъ, заѣхавъ къ двумъ господамъ медикамъ, но получилъ такой же отпѣтъ, что на мѣсто носилки, по случаю дурной погоды (шелъ проливной дождь), они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненнаго. Когда я возвратился, Лермонтовъ уже мертвый лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ упалъ, около него Столяпинъ, Глѣбовъ и Трубецкой. Мартыновъ уѣхалъ прямо къ коменданту объявить о дуэли. Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома шли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу. Столяпинъ и Глѣбовъ уѣхали въ Пятигорскъ, чтобы распорядиться перевозкой тѣла, а меня съ Трубецкимъ оставили при убитомъ. Какъ теперь помню страшный вихрь этого рокового вечера, наше

Вечеромъ, часовъ въ 7, по разсказу В. П. Чилева, явился къ коменданту Глѣбовъ, весь мокрый и въ грязи. Когда онъ доложилъ ему, что явился прямо съ дуэли и что Лермонтовъ раненъ смертельно, полковникъ Ильяшенковъ совершенно потерялся. Онъ бѣ-

сидѣние въ полѣ при трупѣ Лермонтова продолжалось очень долго, потому что воячки, слѣдуя примѣру храбрости господъ докторъ, тоже откаивались одинъ на другія, бѣжать для перевозки тѣла убитаго. Наступила ночь, ливень не прекращался. Вдругъ мы услышали дальній топотъ лошадей по той же тропинкѣ, гдѣ лежало тѣло, и чтобы оттащить его въ сторону, хотѣли его приподнять, отъ этого движенія, какъ обыкновенно случается, спертый воздухъ вылетѣлъ изъ груди, но съ такимъ шумомъ, что намъ показалось, что это женой и болѣвнишый всдохъ, и мы нѣсколько минутъ были удивлены, что Лермонтовъ еще живъ. Наконецъ, часовъ въ 11 ночи явились товарищи съ воячкомъ, парижаниномъ, если не ошибаюсь, отъ полиціи. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его всѣ вмѣстѣ до общей нашей квартиры. Все это вошло въ біографію поэта, да еще съ большими прикрасами со словъ того же Васильчикова, объяснившего этотъ инцидентъ спустя много лѣтъ лично біографу. Прислушаемся ктати и къ нѣскимъ біографамъ. «Въ смерти не вѣрилось, — пишетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 426 и 427) — какъ растерянные стояли покрутъ навишняго, на устахъ котораго продолжала играть улыбка пресрѣдны. Глѣбовъ схватъ на землю и положилъ голову поэта къ себѣ на колѣни. (Это уже вѣрно въ сущности). О. Шанг-Гирей; въ разсказахъ. Васильчикова говорится, что Глѣбовъ со Столыпиннымъ уехали въ городъ). Тѣло быстро холодило. Васильчиковъ похвѣлъ за докторомъ; Мартыновъ доложилъ коменданту о случившемся и отдалъ себя въ руки правосудія. Мы ничего не внаемъ о другихъ! Что дѣлалъ многолѣтній вѣрный другъ поэта Монго-Столыпинъ? Онъ ли закрывалъ глаза любимаго имъ и любимшаго его человѣка? (Онъ въ это время обѣдѣлъ у князя Голицына и закрывать глазъ поуту не могъ). Князь Васильчиковъ упорно молчалъ относительно другихъ лицъ, свидѣтелей дуэли. Онъ и о Дороховѣ почему-то говорить не хотѣлъ. (Если ужъ «князь Ксандръ» молчалъ, то, вначитъ, ничего не было)... Между тѣмъ, въ Пятигорскѣ трудно было достать экипажъ для перевозки Лермонтова. Васильчиковъ, покинувшій Михаила Юрьевича еще до яснаго опредѣленія его смерти, старался привлечь доктора, но никого не могъ уговоритъ. Бѣжать къ сраженію. Медики отиѣчали, что на мѣсто поединка при такой дѣской погодѣ они бѣжать не могутъ, а придутъ на квартиру, когда привезутъ раненаго. Дѣйствительно, дождь лилъ, какъ изъ ведра, и совершенно померкнувшая окрестность освѣщалась только блестя-влемъ непрерывной молніи при стрипныхъ раскатахъ грома. До-

галь изъ одной комнаты въ другую, хватался за волосы и пла-
калъ, причитывая: «Мальчишки, мальчишки, что вы надо мной
надѣлали?» Потомъ, немного оправясь, онъ закричалъ: «Послать
ко мнѣ плацъ-маіора!» и едва подполковникъ Утиловъ появился
въ дверяхъ, бросился къ нему на встрѣчу и выпалилъ: «Подъ
арестъ! сейчасъ подъ арестъ! всѣхъ, всѣхъ подъ арестъ!» Плацъ-
маіоръ помянулъ за собой Глѣбова и хотѣлъ выйти. «Постойте,—
остановилъ онъ Утилова,—корнетъ Глѣбовъ еще ничего не раз-
сказалъ о дуэли, гдѣ, что и какъ происходило. Пусть расскажетъ,
а вы прислушайтесь, составьте краткое конфиденціальное утѣдо-
женіе начальнику штаба, и сейчасъ же отправьте его по эста-
фетѣ!» Глѣбовъ рассказалъ, что зналъ, о событіяхъ дня, и донесеніе

роги размокли. Съ большими усиліями и за большія деньги, ка-
жется, не безъ участія полиціи, удалось, наконецъ, выслать вагѣ-
ломъ дроги. Было 10 часовъ вечера. Досталъ эти дроги уже Сто-
лыпинъ. Книзь Васильчиковъ, ни до чего не добившись, прибѣжалъ
на мѣсто поединка безъ доктора и экипажа. Тѣло Лермонтова въ
время лежало подъ проливнымъ дождемъ, накрытое шинелью Глѣ-
бова, покоясь головою на его коѣнникахъ. Когда Глѣбовъ хотѣлъ
осторожно спустить ее, чтобы поправить, — онъ промокъ до ко-
стей, — изъ раскрытыхъ устъ Михаила Юрьевича вырвался не то
вздохъ, не то стоны, и Глѣбовъ остался недвижимъ, мучимый
мыслью, что, быть можетъ, въ похолодѣломъ тѣлѣ еще креститъ
жизнь... Наконецъ, появился долго ожидаемый экипажъ въ сопро-
вожденіи полковника Зельмица и слугъ. Поэта подняли и положили
на дроги. Поѣздъ, сопровождаемый товарищами и людьми Столы-
пина, тронулся. Какъ это все прекрасно, чувствительно и чело-
вѣчно! Цѣлая эпопея доблестей. Товарищи окружаютъ, трутъ поэта
подъ грозой и страшнымъ липнежъ, голова его покоится у одного
изъ нихъ на коѣнникахъ, соперникъ, совершивъ земной поклонъ, уби-
тому, сѣвши въ отдаленіи въ руки правосудія, одинъ секунданта
скачетъ за докторомъ (къ мертвецу), другой—за экипажемъ и, ни-
чего не найдя, возвращаются и сидятъ вокругъ тѣла, пока не при-
бываетъ тѣла, посланная полиціей, и на ней они везутъ его на
квартиру. Какая преданность! какое самоотверженіе! Сотни тысячъ
людей прочитали эту эпопею и умилялись надъ нею. И что же
вдругъ оказывается? Во всей этой Ксандріадѣ нѣтъ ни слова правды!
Тѣло поэта (а, можетъ быть, онъ былъ еще и живъ?) было бро-
шено, друзья усаkali, къ коменданту явился не Мартыновъ, а
Глѣбовъ, и тѣло принесли въ городъ не товарищи, а слуги: это ли
не самое горькое и злое издѣвательство и глумленіе надъ памятью
одного изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ предъ всей Россіей?!

было въ тотъ же вечеръ отправлено. Мартыновъ, по приказанію коменданта, былъ арестованъ плацъ-адъютантомъ и помѣщенъ, какъ отставной, въ городской тюрьмѣ ⁹⁹⁾). Глѣбовъ же и князь Васильчиковъ арестованы домашними арестомъ на квартирахъ ¹⁰⁰⁾). Доставленное съ мѣста дуэли тѣло Лермонтова, согласно приказанію коменданта — «арестовать всѣхъ», было отвезено на гауптвахту, но тамъ возникъ вопросъ: что съ нимъ дѣлать? Разумѣется, оказалось, что тѣлу на гауптвахтѣ не мѣсто, повезли его къ церкви и положили на наперти. Тутъ оно лежало нѣсколько времени, и только позднимъ вечеромъ, по чѣму-то иному, тѣло отвезли на квартиру покойнаго и тамъ подвергли его медицинскому освидѣтельству ¹⁰¹⁾).

⁹⁹⁾ Изъ дѣлъ комендантскаго управленія 1841 года, № 96, имѣются: отношеніе коменданта, отъ 22-го іюля, за № 1451, къ начальнику Кавказской области о разрѣшеніи перемѣстить майора Мартынова изъ городской тюрьмы на гауптвахту; отношеніе этого начальника, отъ 24 іюля, за № 251, съ изъясненіемъ на то согласія, и отношеніе строительной комиссіи при кавказскихъ мнѣреніяхъ, отъ 26-го іюля, за № 643, что ею предписано отнести для содержащагося въ городскомъ острогѣ майора Мартынова, въ домъ Орлова, гдѣ помѣщается гауптвахта, особую комнату, куда онъ и былъ переведенъ 26-го іюля.

¹⁰⁰⁾ Изъ томъ же дѣлѣ имѣются разрѣшенія начальника Кавказской области, отъ 28 іюля, за 389, и начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, отъ 29 іюля, за № 94, перевести князя Васильчикова и корнета Глѣбова, для леченія болѣзней въ Кисловодскъ, гдѣ они и находились на пользованіи, по подѣ домашнимъ арестомъ, и возвращены изъ Пятигорскъ 11-го сентября, при рапортѣ кисловодскаго коменданта за № 216.

¹⁰¹⁾ Освидѣтельствованіе производилъ 17-го іюля ординаторъ Пятигорскаго военнаго госпиталя Барклай-де-Толли, въ присутствіи слѣдственной комиссіи. Актъ, составленный объ этомъ (№ 35), гласитъ слѣдующее: «Вслѣдствіе предписанія конторы Пятигорскаго военнаго госпиталя, отъ 16-го іюля, за № 504, основаннаго на отношеніи пятигорскаго окружнаго начальника, полковника Ильинскаго, отъ того же числа, за № 1352, свидѣтельствовавъ я, въ присутствіи вѣдѣвателей: а) пятигорскаго плацъ-майора, подполковника Утилова, б) пятигорскаго лежачаго суда вѣдѣтели Черепанова, в) исправляющаго должность пятигорскаго стрипчаго Ольшанскаго 2-го и находящагося за дежурата корпуса жандармовъ подполковника Кушнинникова, тѣло убитаго на дуэли Тегинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова. При осмотрѣ ока-

«Когда тѣло привезли,—разсказываетъ Н. Н. Раевскій ¹⁰²⁾»,—мы убрали рабочую кожану Мухоморова, заняли у Зельмича большой столъ и накрыли его скатертью. Когда пришлось обмывать тѣло, сюртука невозможно было снять, руки совсѣмъ закованы. Правая рука, какъ держала пистолетъ, такъ и осталась ¹⁰³⁾. Нужно было сюртукъ на спинѣ распороть, и тутъ всѣ мы видѣли, что наплывъ пули проскочила, да и френчерека de la belle poise въ правый карманъ наплывъ вся въ крови... Дѣло было поздно вечеромъ, изъ публики никто не узналъ, а Марья Ивановна Верзилина соберется пойти тѣлу поклониться, дойдетъ до подъѣзда, да и падаетъ безъ чувствъ. Только ужъ часовъ въ 11 ночи прѣѣхала къ намъ Пляшениковъ, сказать, что гробъ онъ заказалъ, и велѣлъ намъ завтра пойти священника попросить. Мы ужъ и сами объ этомъ подумывали, потому что знали, что бабушка поэта, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, женщина очень богомодная, никогда бы не утѣшилась, если бы ея внука похоронили не по церковнымъ установленіямъ... На другой день Столыпинъ и я отправились къ священнику, единственной въ то время, православной церкви въ Пятигорскѣ. Встрѣтила насъ красавица-попадья, сказала намъ, что слышала о нашемъ несчастіи, поплакала, но тутъ же прибавила, что батюшки нѣтъ и что вернется онъ только къ вечеру... Вернулись домой, а народу много набралось: и прѣзжіе, и офицеры, и казачки изъ слободки. Принесли и гробъ, и хорошо такъ его бѣлыми глазами обили. Мы собирались тѣло въ него класть, когда кто-то изъ публики сказалъ, что такъ нельзя, что надо сперва гробъ освятить. А гдѣ намъ святой воды достать? Посовѣтовали намъ на слободку послать, потому что тамъ у всякой казачки есть

залось, что пистолетная пуля, попавъ въ правый бокъ ниже послѣдняго ребра, при сращеніи ребра съ христомъ, пробила правое лѣвое легкія, поднялась вверхъ, вышла между пятымъ и шестымъ ребромъ лѣвой стороны и при выходѣ прорѣзала мягкія части лѣваго плеча, отъ которой раны поручикъ Лермонтовъ мгновенно на мѣстѣ соединилъ померъ. Въ удостовѣреніе чего общимъ подписомъ и приложеніемъ герба моего печатіи свидѣтельствуемъ. Городъ Пятигорскъ, Іюль 17-го дня 1841 года».

¹⁰²⁾ «Изма», 1885 года, № 8.

¹⁰³⁾ Въ доктѣ согнутой и прижатой къ груди, съ сведенными пальцами, что доказываетъ, что дуло пистолета въ моментъ смерти было обращено не къ противнику, а впередъ.

святая вода въ пузырькъ за образомъ, да у кого-то изъ прислуги нашлась. Мы хотя, въ гробъ тѣло положивши, и проѣхали: «Святый Боже, Святый крѣпкій», и покрестились, но полагали, что этого недостаточно, и очень беспокоились объ отсутствіи священника. Тутъ же изъ публики и подушку въ гробъ сшили, и цвѣтовъ принесли, и намъ всѣхъ крестъ на рукава навязали. Намъ бы самимъ не догадаться».

Изъ многописаній Э. А. Шанъ-Гирей ¹⁰⁴⁾ объ этомъ дѣлѣ мы узнаемъ не много. Она пишетъ: «Мы собирались на балъ къ князю Голицыну, но когда пошелъ проливной дождь и началась сильнѣйшая гроза, то должны были остаться дома. Приходить Дмитревскій и, видя насъ въ вечернихъ туалетахъ, предлагаетъ позвать этихъ господъ всѣхъ сюда и устроить свой балъ. Не успѣлъ онъ докончить, какъ ѡбѣгаетъ въ залу полковникъ Зельмицъ съ растрепанными длинными сѣдыми волосами, съ испуганнымъ лицомъ, размахиваетъ руками и кричитъ: «одинъ напоналъ, а другой подъ арестомъ!» Мы бросились къ нему: что такое, кто напоналъ, гдѣ? «Дермонтовъ убить». Такое извѣстіе и столь внезапное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась истерика, една могли ее успокоить. Когда мы нѣсколько пришли въ себя отъ такого тревоженія, пересѣдѣлись и, сидя у открытаго окна, смотрѣли на проходящихъ, видѣли, какъ проскакалъ Васильчиковъ къ коменданту и за докторомъ, позднѣе провели Глѣбова подъ карауломъ на гауптвахту ¹⁰⁵⁾. Мартынова же, какъ отставнаго, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ провелъ ужасныхъ три ночи въ сообществѣ двухъ арестантовъ, изъ коихъ одинъ все читалъ псалтырь, а другой произносилъ страшныя ругательства. Къ 9-ти часамъ все утихло. Вечеръ былъ чудный, тишина въ воздухѣ необыкновенная, луна свѣтила, какъ день. Роковая вѣсть быстро разнеслась по городу. Дуэль — неслыханная вещь въ Питигорскѣ! Многіе ходили смотрѣть на убитаго поэта изъ любопытства; знакомые же его, изъ участія и желанія узнать о причинѣ дуэли, спрашивали насъ, но мы и сами

¹⁰⁴⁾ «Инивъ», 1885 года, № 20, и «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

¹⁰⁵⁾ Этого онъ видѣть не могли, потому что Васильчиковъ прѣхалъ съ Мартыновымъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а Глѣбовъ не былъ посаженъ на гауптвахту, по арестованъ домашнимъ арестомъ.

ничего не знали тогда вѣрнаго. Это хожденіе туда-сюда продолжалось до полуночи. Всѣ говорили шепотомъ, точно боялись, чтобы ихъ слова не раздалось въ воздухъ и не разбудили бы поэта, спавшаго уже непробуднымъ сномъ. На бульваръ и музыка дня дня не играла».

«Блѣдный, истекшій кровью, съ улыбкой презрѣнья на устахъ, въ «исторической» канарсовою рубашкѣ, смоченной кровью, — покликаетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи поэта ¹⁰⁴⁾, — лежалъ Михаилъ Юрьевичъ. Вокругъ ходила молодежь, растерявшаяся и пораженная. Въместо неселаго ужина, приготовленнаго для встрѣчи счастливо позвратившагося и примиреннаго съ товарищемъ поэта, приходилось хлопотать о приведеніи въ порядокъ его смертныхъ останковъ. Всѣ быстро разнеслась по городу, и еще вечеромъ приходили пріятель и знакомые подъ кровъ серженнаго пѣвца. Никто изъ друзей не спалъ... Спали ли тѣ, что съ такою настоячивостью и искусствомъ вели интригу и добились желаннаго?!»

16-го іюля, за № 83, въ отвѣтъ на сдѣланное донесеніе, комендантъ получивъ удостовѣреніе отъ начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, полковника Трескина, что въ слѣдственную комиссію имъ назначается депутатомъ присланный для секретнаго надзора корпусъ жандармовъ подполковникъ Куршинъ. Комиссія образовалась подъ предѣлательствомъ пятигорскаго плацъ-маіора, подполковника Утилова, изъ застѣателя земскаго суда Черепанова, квартальнаго надзирателя Марушевскаго и исправляющаго должность стрипчаго Ольшанскаго 2-го ¹⁰⁵⁾, и слѣдствіе началось.

Въ тотъ же день, по распоряженію коменданта, произведена опись вещамъ, оставшимся послѣ смерти Лермонтова. Производили опись: командиръ кавказскаго линейнаго баталіона № 2-й, подполковникъ Монаенко, плацъ-адъютантъ Сидери и квартальный надзиратель Марушевскій, въ присутствіи протоіерея Павла Александровскаго, городского головы Рыжкова и словеснаго судьи Туникова ¹⁰⁶⁾.

¹⁰⁴⁾ Стр. 480.

¹⁰⁵⁾ Дѣло Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96.

¹⁰⁶⁾ Послѣ Лермонтова осталось слѣдующее имущество, какъ видно изъ описи, составленной упомянутыми выше лицами, и нахо-

17-го июля прибылъ въ Пятигорскъ начальникъ штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, флигель-адъютантъ полковникъ Траскинъ. Получивъ отъ коменданта допоселеніе о дуэли Лермонтова и его смерти, онъ, по словамъ В. И. Чилисна, сильно перетрусилъ, такъ какъ разрѣшеніе Михаилу Юрьевичу на леченіе Пятигорскими

лѣицей въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 г., № 96: 1) образъ малѣнькій св. Архистратига Михаила въ серебряной вызолоченной ризѣ—1; 2) образъ небольшой св. Іоанна Воина въ такой же ризѣ—1; 3) образъ побольше св. Николая Чудотворца въ серебряной ризѣ съ вызолоченными икономъ—1; 4) образъ малѣнькій—1; 5) крестъ малѣнькій серебряный, вызолоченный, съ жемчугами—1; 6) собственныя сочиненія покойнаго на разныхъ лоскуточкахъ, бумаги, кускомъ—7; 7) писемъ разныхъ лицъ и отъ родныхъ—17; 8) книга на черномъ сочиненія, подаренная покойному книжкомъ, одоескимъ, въ кожаномъ переплетѣ—1; 9) карманная книжка малѣнькая—1; 10) бумажникъ сафьянный—1; 11) шкатулка ореховаго дерева съ бронзою—1; 12) денегъ ассигнаціями двѣ тысячи шестьсотъ десять рублей (2.610 р.); 13) ножикъ перочинный съ ножницами и другой небольшой сломанный—2; 14) бритва въ чернилахъ, черенкахъ въ футлярѣ—2; 15) кисть для бритья съ рукою нейпалбергъ—1; 16) ремешъ для точенія бритвы съ рукою—1; 17) гробенокъ складной роговой—1; 18) лорнетки съ двумя стеклами золотая, складная, въ перламутровыхъ черенкахъ—1; 19) погребецъ, обитъ тюленевою кожею съ жестяною оковкою и внутреннимъ замкомъ—1; 20) въ немъ рюмка стеклянная—1; 21) солонка такошная—1; 22) банокъ стеклянныхъ съ крышками—3; 23) тарелокъ фарфоровыхъ—5; 24) ложекъ серебряныхъ столовыхъ—3; 25) ложекъ серебряныхъ чайныхъ—3; 26) ситечко чайное серебряное—1; 27) ложка сушная серебряная—1; 28) пожей простыхъ съ вилками паръ—3; 29) сюртуковъ суконныхъ, форменныхъ, попошенныхъ, съ красною подкладкою—2; 30) сюртукъ лѣтній шерстяной ластику—1; 31) сюртукъ суконный, форменный, на калмыцкомъ мѣху—1; 32) мундиръ попошенный—1; 33) брюки: одни—новые, другіе—попошенные, суконныхъ, форменныхъ—2; 34) шаровары попошенные—1; 35) таковые же верблюжьи, старыя—1; 36) таковые же сѣраго сукна, попошенные—1; 37) вполетъ мишуриныхъ паръ—3; 38) черкески простаго темнаго сукна—1; 39) жилетъ черный, шелковый, попошенный—1; 40) бешметъ бѣлый коленкорный—1; 41) халатъ бухарскій кашемировый—1; 42) халатъ термаламонный на мѣху крымскихъ жерлушекъ—1; 43) шинель сѣтло-сѣраго сукна съ краснымъ поротникомъ, лѣтняя, на демикатоновой подкладкѣ—1; 44) таковыя же на шить сѣтло-сѣраго сукна, съ бобровымъ поротникомъ, подкладка такошная—1; 45) персидскій поилочъ цвѣтной двойной—1; 46) подушекъ пуховыхъ, малыхъ—8; 47) одѣяло фланеле-

минеральными водами было дано лично имъ. Не зная, какъ взглянуть на эту дуэль въ Петербургѣ, онъ посѣдѣннхъ въ Пятигорскѣ, чтобы на мѣстѣ лично разузнать причины дуэли и степени виновности прикосновенныхъ къ ней лицъ, и распорядиться произвести формальное разсѣдованіе сего дѣла комиссіею, какъ можно наи-

вое—1; 48) калмыцкій ермачъ—1; 49) шапка шерстяная вязаная синяго цвѣта, старая съ краснымъ околышкомъ—1; 50) рубашекъ кашеусовыхъ старыхъ—7; 51) шаровары лѣтніе бѣлые—1; 52) рубахъ холщевыхъ бѣлыхъ, старыхъ—2; 53) подштанниковъ холщевыхъ старыхъ—7; 54) подштанниковъ холстинковыхъ—1; 55) платковъ носовыхъ цвѣтныхъ шелковыхъ—8; 56) батистовыхъ бѣлыхъ платковъ—6; 57) полотенцевъ личныхъ ткацкаго полотна—8; 58) фуфакъ фланелевыхъ три и лѣтнихъ кашеусовыхъ одна—4; 59) рубашка длинная фланелевая—1; 60) подштанники фланелевые—1; 61) салфетокъ бѣлыхъ разной величины—16; 62) скатертой—3; 63) носковъ нитяныхъ паръ—12; 64) носковъ шерстяныхъ паръ—3; 65) фуфайка и подштанники досинные—2; 66) банное полотенце—1; 67) наволочекъ на подушки холщевыхъ—6; 68) наволочекъ на подушки ситцевыхъ—6; 69) простынь—2; 70) шарфъ шерстяной красный—1; 71) стирочныхъ полотенецъ—13; 72) шейныхъ косынокъ шелковыхъ черныхъ—3; 73) платокъ бумажный шейный—1; 74) портупей—4; 75) темляковъ мишуриныхъ—2; 76) маночекъ вязанныхъ бумажныхъ—2; 77) перчатокъ бѣлыхъ замшевыхъ паръ—6; 78) мыльница аялнко—1; 79) головная щеточка двойная—1; 80) початъ гербовый стальной съ ручкой—1; 81) одѣло персидское, на подобіе скатерти, пестрое, большое—1; 82) шапки форменныхъ съ приборомъ, изъ коихъ одна старая—2; 83) полусабли съ серебрянымъ темлякомъ—1; 84) шарфъ мишуриный—1; 85) фуражка сукольная бѣлая съ краснымъ околышкомъ—1; 86) пистолеть черкесскій изъ серебряной одѣлки, съ золотою насѣчкою, въ чехлѣ ахатскомъ—1; 87) книжка изъ ножницъ съ бѣлою ручкою и при немъ поясскъ съ серебряными подъ чернью приборомъ изъ 16 штукъ, и жирничка серебряная же—1; 88) шапка изъ серебряной подъ чернью оправа, съ портупескою, на коей 12 пуговицъ серебряныхъ же подъ чернью—1; 89) перстень англійскаго золота съ бирюзою—1; 90) кольцо червоннаго золота—1; 91) подвѣшничковъ аялнко жалахъ—2; 92) оловянныхъ тарелокъ—6; 93) оловянныхъ мисокъ—2; 94) кастриоль красной мѣди небольшой—4; 95) самоваръ желтой мѣди складной—1; 96) желѣзная кровать складная безъ прибора—1; 97) чемоданъ кожаный—1; 98) сундукъ колесочныхъ, обитутыхъ кожей—2; 99) сѣдло черкесское простое съ приборомъ—1; 100) лошадей: меринъ жести темно-сѣрой, грива на правую сторону, лѣтъ 4, на лѣвомъ боку, на передней и задней ногѣ тавро О, и другой меринъ же, жести свѣтло-сѣрой, лѣтъ 10, грива на правую сторону, на лѣ-

послѣднѣе, чего обыкновенно, при существовавшихъ тогда порядкахъ въ дѣлопроизводствѣ, ожидать было нельзя. Вѣсть съ тѣмъ, онъ предполагалъ личнымъ появленіемъ въ Пятигорскъ предупредить могущее возникнуть въ разношерстномъ подаяномъ обществѣ недовольство и порицанія и дать извѣстное направленіе общественной мысли по поводу смерти поэта и ея послѣдствій¹⁰⁹⁾.

Въ этотъ же день вечеромъ хоронили и тѣло Лермонтова. Много усилій нужно было употребить, чтобы склонить мѣстное духовенство къ исполненію надъ нимъ послѣднихъ молитвословій по христіанскому обряду.

Н. Н. Раевскій пишетъ¹¹⁰⁾: «На другой день опять мы со Столыпиннымъ поили къ священнику. Матушка-то его предупредила, но онъ все же сразу согласился. Батюшка все настаивалъ на томъ, что по такой-то де главѣ Стоглана дуэлисты причтены къ самоубійцамъ, и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается и хоронить его слѣдуетъ въ кладбища.

ной надней ногѣ тавро ①—2, и 101) крѣпостныхъ людей: Иванъ Вертюковъ и Иванъ Соколовъ—2. Описъ эта, по словамъ В. Н. Чилеши, вторичная и составлена 17-го іюля, такъ какъ въ первую, составленную въ отсутствіе Столыпина, были включены многія Столыпинскія вещи, его столовая, чайная и кухонная посуда, бѣлье и серебро, а также Чилеинскія кастрюли, большой самоваръ и посуда, сланные при квартирѣ. Даже самыя пистолеты, на которыхъ противники стрѣлялись, были взяты не тѣ, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующій рапортъ коменданту комиссіи военного суда, отъ 8-го октября, на № 9: «Въ послѣдствіе предписанія вашего высокоблагородія, отъ 29-го сентября сего года, № 2232, эта комиссія имѣетъ честь довести, что препровожденные въ опую два пистолета, принадлежащіе убитому на дуэли поручику Лермонтову, изъ которыхъ онъ стрѣлился съ оставшимъ малоромъ Мартыновымъ, въ комиссію получены, а имѣющіеся въ оной таконные же пистолеты, принадлежащіе ротмистру Столыпину, взяты частною упрямою по ошибкѣ при описи имѣній Лермонтова, при семъ къ вашему высокоблагородію комиссія обратнo доставляетъ». На рапортѣ этомъ, росписки: «связанные въ этомъ рапортѣ два пистолета для доставленія 8-го октября 1841 года получили. Корнетъ Глѣбовъ».

¹⁰⁹⁾ А не для высылки изъ Пятигорска лечившихся на водахъ офицеровъ, какъ повѣствуетъ гадательно Н. А. Висковатовъ въ «Биографіи Лермонтова» (стр. 301).

¹¹⁰⁾ «Иванъ», 1885 года, № 8.

Боялся онъ очень отъ архіерея за это выговоръ получить. Мы стали было увѣрять его, что архіерей не узнастъ, а онъ тутъ и говоритъ: «Вотъ если бы комендантъ далъ мнѣ записочку, что въ своемъ довереніи онъ обо мнѣ не упомянетъ, а былъ бы спокоенъ». Мы попробовали у Пляшеникова эту записку для священника выпросить, но онъ сказалъ, что этого нельзя, а велѣлъ на словахъ передать, что хуже будетъ, когда узнать, что такого чело­вѣка дали безъ заупокойныхъ служеній похоронить¹¹¹⁾. Сказали мы это батюшкѣ, а онъ опять зашартелся, однако обѣщался придти. Мы вернулись съ успокоеннымъ сердцемъ. Народу — море цѣлое. Наконецъ, священникъ пришелъ, но, увидавъ музыку и солдатъ, какъ и слѣдуетъ на похоронахъ офицера, онъ опять испугался. «Убере­ните трубачей, говоритъ, нельзя, чтобы самоубійцу такъ хоронили». Пришлось спрятать музыку. Похороны вышли торжественныя. Всей

¹¹¹⁾ Въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 г., № 96, имѣется слѣдующія переписка. Протоіерей Павелъ Александровскій, отъ 16-го июля, за № 60, пишетъ коменданту: «Въ выданномъ свидѣтельствѣ сего числа, за № 84, отъ лекаря, Пятигорскаго военнаго госпиталя ординатора, титулярнаго совѣтника Барклая-де-Толли, доставленномъ ко мнѣ лично военнымъ офицеромъ Столыпиннымъ, прописано: Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, православнаго вѣроисповѣданія, застрѣленъ противникомъ на полѣ, близъ горы Машука, 15-го числа сего мѣсяца, и по освидѣтельствованіи имъ тѣло можетъ быть предано землѣ по христіанскому обряду. Не имѣю отъ начальнаго мѣстнаго города Пятигорска особеннаго свидѣнія, или, по крайней мѣрѣ, отъ свидѣтельствующихъ лицъ за общимъ подписомъ свидѣній: возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду поручика Лермонтова, и не имѣется ли къ этому препятствія по силѣ законовъ?» Въслѣдствіе сего, комендантъ, отъ того же числа, за № 1307, сообщаетъ слѣдующему, плацъ-маюру подполковнику Утилову: «Пятигорскій городской протоіерей Александровскій, отпославъ отъ 16-го числа сего мѣсяца, за № 60, проситъ моего распоряженія о доставленіи ему свидѣнія совмѣстно съ прочими находящимися при слѣдствіи объ убійствѣ на дуэли поручикъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтова: возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду тѣла упомянутаго убитаго Лермонтова. О доставленіи просимаго протоіереемъ Александровскимъ свидѣнія предлагаю вашему высокоблагородію». Что отвѣчалъ Утиловъ, неимѣя, по тѣлу Лермонтова погребено по христіанскому обряду по вѣнчательной просьбѣ прибывшаго въ Пятигорскъ флигель-адъютанта Траскина.

почти весь Пятигорскъ участвовалъ на похоронахъ. Были и представители всѣхъ полковъ, въ конхъ волею или неволею служить Лермонтовъ: полковникъ Безобразовъ — представителемъ Нижегородскаго драгунскаго полка, А. И. Арнольди — Гродненскаго гусарскаго, Тиранъ — лейбъ-гвардіи гусарскаго. Во время шествія и похоронъ погода стояла ясная, и все такъ же спокойно и безучастно глядѣли вершины ближнихъ и дальнихъ горъ, когда, при молитвѣ и торжественномъ пѣніи, опускали въ землю прахъ великаго русскаго поэта.

Еще двѣ-три детали можно почерпнуть изъ разсказа В. П. Члываева. Онъ говорилъ: позднимъ вечеромъ принесли тѣло Лермонтова въ квартиру; дождь и дворъ мгновенно переполнились народомъ, дамы плакали, а нѣкоторые мочили платки свои въ крови убитаго, сочинившейся изъ неперевязанныхъ ранъ. Все, что называлось въ Пятигорскѣ обществомъ, перебивало втеченіе трехъ дней, пока покойникъ лежалъ въ квартирѣ. Городъ раздѣлился на двѣ партіи: одна защищала Мартынова, другая, болѣе сильная, оправдывала Лермонтова. Были слышны даже такіе озлобленные голоса противъ перваго, что не будь онъ арестованъ, ему бы не сдобровать. Хоронили поэта при торжественной обстановкѣ. Было начальство и былъ нарядъ отъ 2-го кавказскаго линейнаго баталіона. Гробъ несли друзья и почитатели таланта покойнаго на рукахъ. Погода стояла великолѣпная. Почти полгорода вышло проводить поэта. Дамы были въ траурѣ. Мартыновъ просилъ позволенія проститься съ покойнымъ, но ему, вѣроятно, въ виду раздраженія массы не позволили ¹¹⁷).

Оставшіеся послѣ Лермонтова вещи, деньги 2,610 р., двѣ лошади и два крѣпостные человека были переданы Столыпину, который выданнымъ коменданту реверсомъ обязался доставить ихъ къ

¹¹⁷) К. И. Карповъ сообщаетъ («Русскія Вѣдомости», 1891 года, № 5): Мартыновъ писалъ изъ-подъ ареста: «Для облегченія моей преступной скорбицей души, позвольте мнѣ проститься съ тѣломъ моего лучшаго друга и товарища». Комендантъ нѣсколько разъ перечиталъ записку и, вмѣсто отгѣта, поставилъ сбоку на полѣ бумаги вопросительный знакъ и подписалъ свою фамилію. Въ такомъ видѣ записка эта была доложена начальнику штаба, который, прочитавъ ее и ни слова не говоря, поставилъ ниже подписи коменданта три восклицательные знака и написалъ: «Нельзя. Траскинъ».

родственниковъ ¹¹⁸⁾ и чрезъ пѣкоторое время отправилъ къ бабушкѣ поэта Е. А. Арсеньевой.

Вечеръ князя В. С. Голицына состоялся 18-го іюля, по отзыву Э. А. Шант-Гирей ¹¹⁹⁾, фантастично, хорошо, но скучно, потому что вѣкъ было какъ-то не по себѣ. Она плясала — что ей было за дѣло до скоротечнаго наканунѣ поэта!.. Ей нужны были новые живые люди...

Между тѣмъ, Утилонская слѣдственная комиссія, подъ строгимъ контролемъ полковника Траскина, повела дѣло быстро и энергично. 30-го іюля она его закончила и представила команданту. Отъ 4-го августа, за № 5,156, военный министр по высочайшему повелѣнію, предписалъ кавказскому начальству: Мартынова, Глѣбова и Васильчикова судить военнымъ судомъ не арестованными. Въ октябрѣ въ Пятигорскѣ учреждена была для производствъ надъ ними суда военно-судная комиссія, подъ председательствомъ командира кавказскаго линейнаго баталіона № 2, подполковника Мошеники ¹²⁰⁾. Сія послѣдняя комиссія, по словамъ В. Н. Чилиева, вела дѣло безъ всякихъ придиорокъ, но и безъ всякаго униженія и послабленія ¹²¹⁾. Въ пѣсколько засѣданій участь

¹¹⁸⁾ Реперсъ Столянина: «Я нижеподписавшійся даю сей реперсъ пятигорскому команданту, г. полковнику и камерлеру Пилипенкову, въ томъ, что оставшіеся послѣ убитаго отставнымъ майоромъ Мартыновымъ на дуэли двоюроднаго брата моего, Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Держмонтова, военныя въ описи деньги 2,410 руб. ассигнаціями, разныя вещи, двѣ лошади и двѣ крѣпостныя челоуѣки Иванъ Вертюкова и Иванъ Солодова, я обязуюсь доставить въ цѣлости къ родственникамъ его, Держмонтова. Въ противномъ же случаѣ, предоставлю поступить со мною по законамъ. Іюли 23-го дня 1841 г., г. Пятигорскъ. Подписалъ Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ Столянинъ. Поручикъ: Нижегород. др. полка командиръ подполковникъ Безобразовъ и камер-юнкеръ Н. Атришниковъ. (Дѣло Пятигор. команд. управленія, 1841 г., № 96).

¹¹⁹⁾ «Писма», 1885 года, № 20.

¹²⁰⁾ Репортъ команданту полковника Утилона на № 64 и отношеніе Управляющаго Кавказскою областію на № 1910. (Дѣло Пятигорскаго командантскаго управленія, 1841 года, № 96).

¹²¹⁾ Мартыновъ показывалъ на судѣ, что съ самаго приѣзда его въ Пятигорскъ Держмонтовъ не пропускалъ ни одного случая, когда бы онъ могъ сказать ему что-либо непріятное: остроты, колкости, — однимъ словомъ, все, чѣмъ только можно досадить челоуѣку, не касаясь до его чести. Онъ, Мартыновъ, показывалъ Держмонтову, какъ могъ, что не имѣлъ служить мишенью для его шутокъ, но Держмонтовъ дѣлалъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ этого. Подѣли

подсудимыхъ была рѣшена ¹²²⁾. Судъ, признавая подсудимыхъ виновными, майора Мартынова — въ произнесеніи дуэли съ поручикомъ Лермонтовымъ и убійствѣ его на этой дуэли, а корнета Глѣ-

три тому назадъ, во время бала Лермонтова, онъ высказалъ ему все откровенно и просилъ перестать насмѣхаться, но Лермонтовъ, отшучиваясь, ничего не обѣщалъ, а предлагалъ ему, въ свою очередь, смѣяться надъ нимъ. На вечеръ въ одномъ частномъ домѣ (у Верзилиныхъ) на два дня до дуэли, Лермонтовъ вывелъ его изъ терпѣнія, прививаясь къ каждому его слову и на каждомъ шагу показывая явное желаніе досадить. Тогда онъ, Мартыновъ, рѣшился положить этому конецъ. При выходѣ изъ дома Верзилиныхъ, онъ удержалъ Лермонтова за рукавъ и пошелъ съ нимъ рядомъ; тутъ онъ сказалъ Лермонтову, что уже просилъ его прекратить эти бессмысленныя шутки, а теперь предупреждаетъ, что если онъ еще разъ подумаетъ выбрать его предметомъ своей остроты, то онъ, Мартыновъ, встанетъ его перестать. Лермонтовъ, не давъ ему кончить, сказалъ, что ему его проповѣди не нравятся, что Мартыновъ не можетъ запретить ему говорить про него то, что онъ хочетъ, и въ заключеніе добавилъ: «мѣсто пустыхъ рѣчей, ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы дѣлствовалъ; ты видишь, что я отъ дуэли никогда не отказываюсь, следовательно, ты никогда не согласишься». Въ это время оба они подошли къ дому Лермонтова, и Мартыновъ сказалъ ему, что, въ такомъ случаѣ, придется къ нему своего секунданта. Книзь Васильчиковъ и Глѣбовъ показывали, что всѣми силами старались достигнуть примиренія противниковъ. Но, такъ какъ они не могли сказать ему, Мартынову, ничего отъ имени Лермонтова, то дуэль состоялась. Условлено было собраться на мѣстѣ въ 6½ часовъ пополудни. Мартыновъ выѣхалъ немного раньше изъ своей квартиры верхомъ, бѣготы дрожки свои далъ Глѣбову, который догналъ его уже на дорогѣ. Васильчиковъ и Лермонтовъ тоже пріѣхали верхомъ. Но прибывши на мѣсто, лошадей они привязали къ кустарнику. При дуэли никто, кромѣ секундантовъ, не присутствовалъ. Верзилина показала подъ присягою, что Лермонтовъ и Мартыновъ у нея въ домѣ 18-го числа вечеромъ были, но несправедливости между ними она не слышала и не замѣчала. Объ обстоятельствахъ дуэли книзь Васильчиковъ и Глѣбовъ показали согласно вышеизложенному, прибавивъ, что хотя они употребляли всѣ усилія къ отклоненію Лермонтова и Мартынова отъ дуэли, но Мартыновъ, считая себя обиженнымъ и указывая на сказанныя ему Лермонтовымъ слова, намекавшія о дуэли, остановить сдѣланнаго имъ вызова не согласился.

¹²²⁾ Н. А. Висковатовъ не доводитъ дѣйствіями слѣдственной и военно-судной комиссій. Можно ли полагаться на нихъ! — полагаетъ онъ въ «Биографіи Лермонтова» (стр. 485—487). — Приваиваю

бова и титулярнаго совѣтника князя Васильчикова въ томъ, что они не довели начальству о намѣреніи Лермонтова и Мартынова драться на дуэли и находились при оной секундантами, приговорилъ всѣхъ трехъ подсудимыхъ къ лишенію чиновъ и правъ со-

себя официально единственными свидѣтелями дуэли, князь Васильчиковъ и Галбонъ дѣлали все, чтобы выгородить всѣхъ прочихъ участниковъ. Но было упомянуто даже служителя Чалова, державшій лошадей, а известно, что лошади были пригнаны къ кушеткѣ. Выгородили и Вериллиныхъ, хотя съ послѣднихъ было снято показаніе. Арестованные имѣли полную возможность собраться и явиться съговориться или снискаться относительно того, что показывать. Причемъ приводить посланное секундантами Мартынову письмо, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи Т (трубецкаго) и С (столянина), которыхъ имени не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ». Почтенному биографу, но что бы то ни стало, хочется доказать, что секунданты на дуэли, кромѣ Васильчикова и Галбона, были также Столянинъ и Трубецкой, что при дуэли присутствовали Дороховъ и другія лица и что, наконецъ, слѣдственный и судный комитетъ это скрыли. При существовавшей въ Николаевское время строгости, никакимъ слѣдственнымъ, а тѣмъ болѣе суднымъ комитетамъ не осмѣлилась бы рѣшиться на подобное дѣло, а тѣмъ болѣе комитетъ по Лермонтовской дуэли, въ которой шельдовалъ парочку присланный изъ Ставрополя жандармскій штабъ-офицеръ, подполковникъ Кушнинниковъ, — это «царское око», по тогдашнему времени. Скрыть же отъ комитетовъ, то-есть обмануть ихъ, едва ли было возможно, когда о дуэли зналъ весь городъ, и при устраненіи отъ слѣдствія и суда прикосновенныхъ лицъ нашлись бы люди, которые довели бы объ этомъ до свѣдѣній высшей власти. Да и сами Столянинъ и князь Трубецкой не такіе были люди, чтобы скрываться отъ ответственности, если бы они дѣйствительно принимали участіе въ дуэли. Въ доказательство чего приведу то обстоятельство, что въ Барантовской дуэли Столянинъ, не сироченный при проанкетѣхъ дознаній, самъ подаетъ рапортъ о своей прикосновенности къ дѣлу и заявилъ, что онъ участвовалъ въ ней, какъ секундантъ. Все же предсказанное выгораживаніе Вериллиныхъ, Дорохова и другихъ, а также отклоненіе отъ прѣсѣды секундантовъ по отношенію Трубецкаго и Столянина, замеченное въ письмѣ, на которое такъ поблѣдно ссылается биографъ, есть не что иное, какъ умалчаніе о предполагаемой дуэли, такъ какъ анализъ о предполагаемой дуэли и недонесеніе о томъ начальству, по военному уголовному кодексу, составляетъ преступленіе, строго наказуемое. Галбону и Васильчикову главною виною поставлено судомъ недонесеніе начальству о анализѣ предполагаемой дуэли. Очевидно,

стоянія ¹²²⁾). Командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, по вниманію прежней безпорочной службы Мартынова, отличія, оказаннаго имъ въ 1837 году въ экспедиціи противъ горцевъ, а Глыбова и князя Васильчикова, по вниманію ихъ молодости, хорошей службы и бытности пераго въ экспедиціи противъ горцевъ и полученной раны, полагали: вышнѣе имъ въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ до преданія суду, Мартынова, лишнѣе чиновъ и орденовъ, занести въ солдаты до выслуги; князя Васильчикова выдержать еще въ крѣпости одинъ мѣсяць, а Глыбова перевести изъ гвардіи

почтенный биографъ вводитъ въ заблужденіе. Но даромъ по всему его рисованію о послѣднихъ дняхъ жизни поэта красной нитью проходить слѣды его личнаго бесѣда съ «кинжаль. Ксандромъ». Но сей послѣдній, подъ видомъ общаго Мартынова, старался болѣе всего о гварціи собственнаго общаго. Оба они были сообщниками и оба хоронили концы: одинъ—своимъ упорнымъ молчаніемъ, другой—наворотными разсказами. Статья послѣдняя въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 года, № 1, есть не что иное, какъ длинный рядъ неправды, инсинуаций и мистификаціонныхъ упрековъ покойнаго поэта. Его упреки въ ней о дружбѣ съ Лермонтовымъ—выбѣсный риторическій приемъ, съ цѣлью расположить къ себѣ читателей. Его характеристика поэта—донки каузетическій извертъ съ извѣрженіемъ игнорировать его достоинства, какъ человека, извѣщеніемъ на видѣ дѣтскихъ шалостей, заносчивости и шатора. Его свѣдѣтельность о нерасположеніи къ поэту при дворѣ и поблагодѣлительности отнѣсно немъ законоустановленнаго лица—ложь, извѣстная цѣлью санкционировать извѣщенное имъ дурное о поэтѣ мнѣніе. Разсказы его о столкновеніи Лермонтова съ Мартыновымъ у Вериллинныхъ, даже по сравненію съ показаніемъ послѣдняго на судѣ, которое не могло не быть ему извѣстно, неточны и направлены къ обвиненію поэта. Его толкованіи о невозможности примиренія—капелпретное крохотворство, направленное къ разсчету съ поэтомъ на барьерѣ. Его описаніе дуэли, начинае съ послѣдствія въ секунданты Столянина и Трубецкаго, и кончая разсказами о поладкахъ из докторомъ и вѣнчаніемъ, свѣдѣнъ у трупа подъ липомъ и гровою и сопровожденіемъ его на квартиру, — такое искаженіе фактовъ, такое свѣдѣніе лжи, бранныхъ и фанфаронства, что нужно только ринуться руками. Недостаточно этого, при личнахъ объясненіяхъ съ биографомъ, онъ къ сдѣланнымъ замечаніямъ присообщиваетъ помыслы, говоритъ, что при дуэли даже не было определено, кто чей секундантъ былъ, и старается объ одномъ—о приписаніи имъ его разсказами исторической достоверности... Voilà comme on écrit l'histoire!

¹²²⁾ Тамъ же.

въ армію тѣмъ же чиномъ. По докладѣ этого дѣла государю императору, въ 3-й день января 1842 года, послѣдовало слѣдующее высочайшее повелѣніе: «майора Мартынова посадить въ Кіевскую крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца и предать церковному покаянію; титулярнаго советника князя Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго—во вниманіе къ заслугамъ отца, а втораго—по уваженію полученной тяжелой раны».

Въ мартѣ 1842 года прахъ поэта былъ перенесенъ изъ Пятигорска въ пензенское имѣніе Е. А. Арсеневой, село Тарханы, и погребенъ на семейномъ кладбищѣ. Надъ могилой поэта, по словамъ Э. А. Шанъ-Гирей, посѣтившей Тарханы нѣсколько лѣтъ спустя ¹²⁴⁾, выстроена маленькая часовня. Въ ней стоитъ большой образъ и въ ящикѣ подъ стекломъ вѣтка Палестины, подаренная ему А. П. Муравьевымъ. Рядомъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ похоронена и его бабушка, Арсеньева ¹²⁵⁾.

Мѣсто могилы Лермонтова на Пятигорскомъ кладбищѣ уничтожено рукой времени. Никакихъ признаковъ о немъ ни мѣстный причтъ, ни родственники покойнаго (изъ числа которыхъ Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей съ супругою, пресловутой «Верзилой», жили долго въ Пятигорскѣ) не сохраняли. Въ бытность мою въ Пятигорскѣ въ 1870 году, отецъ Василій Урастовъ, къ которому я обратился съ вопросомъ по сему предмету, далъ мнѣ окончательный отвѣтъ. Могила, по вынутіи гроба Лермонтова, его родными зарыта, говоритъ онъ, но знака никакого не оставлено по приказанію начальства. Мѣсто, гдѣ была могила, я указать не могу, такъ какъ на кладбищѣ, вблизи этого мѣста, построены новый храмъ, и затѣмъ всякій признакъ могилы утратился. Знаю только, добавилъ

¹²⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

¹²⁵⁾ Часовня въ селѣ Тарханахъ, гдѣ поконилъ прахъ Лермонтова вмѣстѣ съ останками его матери, бабки и дѣда, какъ передаютъ посѣтившіе ее въ 1891 году, мрачна, непривѣтлива и съ каждымъ годомъ приходитъ въ упадокъ. Слова трошаря: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ», начертанныя по карнизу внутри часовни, наполовину отъ сырости почернѣли. Намогильный памятникъ изъ чернаго лабрадора слишкомъ скромный для великаго поэта, и если бы не книга, лежащая тутъ же въ часовнѣ, въ которую заноситъ свои имена случайные туристы, то можно было бы подумать, что сюда никогда никто не заходитъ и не взглядыметъ. («Одесскій Листокъ», 1891 года, № 182).

онъ, что мѣсто это не занято храмомъ, но находится почти что у самой стѣны церкви. Поручикъ же Куликонецкій, бывшій въ 1870 г. вонискимъ начальникомъ, говорилъ мнѣ, что ранней весной 1842 г. онъ посѣтилъ какъ-то разъ могилу Лермонтова, на ней лежалъ простой, узкій, продолговатый камень, съ надписью: «Поручикъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, родился и умеръ тогда-то» ⁽¹²⁶⁾. Камень этотъ, по вырѣтѣн прихода поэта, лежалъ рядомъ съ могилой, которая осталась незаконною. Вдругъ пронесся слухъ, что кто-то хочетъ взять этотъ камень, и распорядительное начальство приказало зарыть его въ могилу. Черезъ нѣсколько дней по упознѣ тѣла Лермонтова изъ Питтгорска, въ одну изъ родительскихъ субботъ я самъ видѣлъ, — говорилъ упомянутый выше офицеръ, — камень былъ сброшенъ въ могилу и стоялъ въ ней торчкомъ, гдѣ его поспѣ и зарыли. Теперь нѣтъ никакого слѣда могилы, немногіе старожилы узнать это мѣсто по углубленію въ землю или по сошедшимъ могиламъ, но я уже указать вамъ не могу, закончилъ почтенный поручикъ. Отъ В. Н. Чидяева я тоже ничего не могъ добиться. Со старческимъ упрямствомъ, онъ толковалъ одно: «Могу ошибиться!.. напутъ.. ну, что-жъ тутъ хорошаго!..» ⁽¹²⁷⁾.

Немного болѣе удачи было у меня по отысканію мѣста дуэли Лермонтова. Вздвигъ я розыскивать въ обществѣ одного бывшаго въ то время на подаяхъ молодого праца Александронскаго. Понавѣ у собора извозчика, знавшаго, по его увѣренію, мѣсто дуэли, мы отиравлялись. Оставивъ за собой городское кладбище и проѣхавъ переты три-четыре по Желѣзнодорожной дорогѣ, мы остановились у подошвы Манука. Извозчикъ отвелъ экипажъ немного въ сторону

⁽¹²⁶⁾ Э. Шанъ-Гирей говоритъ, что надъ могилою поэта положили поспѣ похоронъ небольшой камень съ надписью: «Михаилъ», какъ временный знакъ его могилы. Камень этотъ, вѣроятно, впоследствии замѣненъ камнемъ, о которомъ упоминаетъ поручикъ Куликонецкій, ниче трудно допустить, чтобы надъ прахомъ поэта лежалъ камень съ однимъ именемъ. Вѣдь онъ же былъ не монахъ, не бродяга безымянный, а русскій офицеръ, надъ могилою котораго, по вонискому обычаю, должно быть означено: мѣсто служенія, чинъ, имя, отчество и фамилія и годъ смерти.

⁽¹²⁷⁾ Н. А. Висковатовъ въ «Биографіи Лермонтова» (стр. 493) вавилъ, что онъ также пытался розыскать мѣсто могилы Лермонтова, но не могъ найти.

отъ дороги, и мы стали подниматься по отлогой покатости къ болѣе крутому изгибу горы, съ сѣверо-восточной ея стороны, въ предшествіи нашего Автомедона. Поднявшись шаговъ полтораста на довольно пологую изложину подножія горы, нашъ возница остановился, снявъ шапку и, указавъ на два педальско другъ отъ друга стоявшихъ куста, сказалъ намъ, внипательно: «вотъ здѣсь!»... При этихъ словахъ я невольно вздрогнулъ и внипательно обвелъ глазами окружающую мѣстность. Солнце свѣтило въ полночь блескъ. Опоясанная густымъ кустарникомъ, кудрявая голова Манука, съ ея голыми обнаженнымъ черепомъ, склоняется какъ будто предъ ослапительнымъ, невыносимымъ блескомъ полуденныхъ лучей солнца и задумчиво глядитъ на свое подножіе, орошенное кровью поэта. Направо, изъ-за ея плеча-уступа горитъ крестъ на главахъ городскаго собора и разстилается живописная панорама Пятигорска, лѣтъе бѣжить, извинаясь узкой желтой лентой, унаванная за лѣсъ, излучистая, холмистая Желѣзнодорожная дорога, напротивъ съ нахмуреннымъ челомъ, какъ олицетворенный упрекъ въ кровавомъ злодѣяннѣ, стоитъ Бештау, а тамъ, на дальнемъ горизонтѣ, виднѣются хребты-утесы снѣжныхъ горъ и высятся, какъ юная чета въ серебряныхъ вѣнцахъ, Эльбрусъ двуглавый и вѣчно-хмурый пеликанъ Казбекъ. «Здѣсь, — продолжалъ между тѣмъ словоохотливый нашъ чичероне, — положенъ былъ для отлички мѣста, бѣлый, не очень большой камень, а теперь вотъ вѣту, не понадобился, знать, кому-нибудь, утащили»... Я внипательно осмотрѣлъ показанное мѣсто—ни малѣйшаго признака былаго роковаго событія: покатая изложина горы, трава, колючія растенія и два куста, вѣтвые свидѣтели жестокаго убійства, одиноко и уныло стоящіе діагонально по изложинѣ горы,—вотъ все, что мы нашли тутъ, и я съ вѣною скорбію склонился къ землѣ, напоенной кровію поэта, и сломилъ на память вѣтку съ одного изъ кустовъ, свидѣтелей дуэли, трепетавшихъ подъ легкимъ дуновеньемъ вѣтерка точно также, какъ и тогда, при видѣ безчеловѣчнаго и гнуснаго разстрѣла пеллчійшаго изъ русскихъ поэтовъ ¹²⁰⁾).

Увѣдомленіе въ петербургскія газеты о смерти поэта сдѣлано Атрѣшковымъ и появилось въ такой формѣ: 15-го іюля, около шести часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ;

¹²⁰⁾ «Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10.

въ это самое время, между горами Машукомъ и Бештау, скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ.

Императоръ Николай Павловичъ, получивъ донесеніе о кончинѣ поэта, выразился такъ: «Получено съ Кавказа горестное извѣстіе: Лермонтовъ убитъ на дуэли. Жалѣю его. Это — поэтъ, подававшій великія надежды» ¹²⁹⁾. Сожалѣніе государя о безвременной смерти поэта горячо раздѣляла находившаяся тогда въ Петербургѣ великая герцогиня неимаринская Марія Павловна ¹³⁰⁾. Появленіе въ прессѣ такого милостиваго отзыва дари о поэтѣ опровергаетъ, заявленное княземъ А. П. Васильчиковымъ въ статьѣ: «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ П. С. Мартыновымъ» ¹³¹⁾, съ такимъ англобонъ и нашедшее въ нѣкоторыхъ кругахъ сочувственные отклики ¹³²⁾, утвержденіе, что Лермонтовъ вообще былъ нелюбимъ въ гвардіи и петербургскихъ салонахъ, что при дворѣ его считали предвѣрнымъ, неблагодѣтельнымъ и по фронту дурнымъ офицеромъ, что, когда его убили, государь сказалъ: «Туда ему и дорога!», и что все петербургское великосвѣтское общество, махнувъ рукой, повторило это надгробное слово. Этими опроверженіемъ мы закончимъ наше сказаніе о «князѣ Кеандрѣ». Но здѣсь, мнѣ кажется, уместно будетъ сказать два-три заключительныхъ слова о П. С. Мартыновѣ. Отбывъ срокъ заключенія и покаянія въ Кіевѣ, онъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ прежнюю жизнь ¹³³⁾, влюбился въ жену одного польскаго помѣщика, принялъ на себя расходы раз-

¹²⁹⁾ «Русскій Архивъ», 1891 года, № 7, стр. 402.

¹³⁰⁾ «Одесскій Листокъ», 1891 года, № 182.

¹³¹⁾ «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

¹³²⁾ Кнѣзь П. П. Вяземскій въ статьѣ «Лермонтовъ и г-жа Омеръ де-Гелла» («Русскій Архивъ», 1887 года, № 9), съ словъ Лужина, повторилъ слухъ, что государь, узнавъ о смерти Лермонтова, будто бы сказалъ: «Собаки собачья и смерти!» Но слухъ этотъ опровергнуть флигель-адъютантъ А. П. Философовымъ («Лермонтовъ», Воспоминанія Акіма Шанъ-Гирей, «Русское Обозрѣніе», 1890 года, № 10).

¹³³⁾ Кстати два слова о разсказахъ Э. Шанъ-Гирей. Она говоритъ, что Мартыновъ былъ приговоренъ къ 15-лѣтнему покаянію (вѣкъ, вѣдь хватилъ!), и что они (но кто они, непонятно), видѣлись съ нимъ въ Кіевѣ, а потомъ, въ 1847 году, и въ Петербургѣ, куда онъ былъ посланъ зачѣмъ-то отъ монастыря (!?). «Нива», 1885 года, № 27.

вода и женился на ней. Затѣмъ, переехавъ въ Москву и живъ скромно частнымъ человѣкомъ ¹³¹⁾. До самой смерти онъ не сказалъ ни одного слова въ свое оправданіе открыто и гласно, кромѣ извѣстной въ письмѣ къ М. И. Семенову ¹³²⁾ буффонады, что: «именно потому, что злой рокъ судилъ ему быть орудіемъ воли providѣнія въ смерти Лермонтова, онъ не считаетъ себя въ правѣ вымолвить хотя бы единое слово въ его осужденіе, набросить малѣйшую тѣнь на его память; принять же всю нравственную отвѣтственность этого несчастнаго событія на себя не въ силахъ». Но изъ-за угла и шепотомъ, въ кружкахъ пріятелей и знакомыхъ, онъ не стѣснялся распространять слухи о причинахъ своей дуэли съ Лермонтовымъ, противныя истинѣ. Въ статьяхъ и письмахъ Костенецаго ¹³³⁾, Пирожкова и Бетлинга ¹³⁴⁾ мы находимъ слѣды этихъ слуховъ. По ихъ удостовѣреніямъ, онъ говорилъ, что причиной дуэли были не остроты и эпиграммы поэта, а задержка имъ писемъ и дневника сестры его и денегъ 300 руб., посланныхъ ему отцомъ его, что ссору раздули пріятель ¹³⁵⁾, и что Лермонтовъ на мѣстѣ дуэли не стоялъ съ поднятымъ къверху дуломъ пистолета, какъ извѣстно изъ показаній секундантовъ и по освидѣтельствованію тѣла покойнаго, но держалъ пистолетъ съ мѣста на полномъ прицѣлѣ, медленно подвигаясь къ барьеру и, приостановясь на ходу, продолжалъ цѣлить, такъ что онъ выпалилъ и снулъ курокъ ¹³⁶⁾. Мы затрудняемся даже подыскать соотвѣтственное названіе подобной, боящейся дневнаго свѣта, клеветѣ. Инсинуація о письмахъ и деньгахъ есть уже посягательство на честь поэта и, по существу, болѣе убійственна, чѣмъ всѣ извѣсты «князя Ксандра», высказан-

¹³¹⁾ «Нива», 1885 года, № 20.

¹³²⁾ «Матеріалы для біографіи поэта М. Ю. Лермонтова», изданные М. И. Семеновымъ въ 1870 году.

¹³³⁾ «Русскій Архивъ», 1887 года, № 1.

¹³⁴⁾ «Нива» 1885 года, № 27.

¹³⁵⁾ По отношенію «князя Ксандра» это, можетъ быть, и справедливо, но только не по отношенію прочихъ друзей поэта.

¹³⁶⁾ П. А. Висковатовъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 440—442) заявляетъ заявленіе о письмахъ и деньгахъ «извѣтомъ» и свідѣтельствуешь, что дѣлать сообщенія другимъ лицамъ не въ пользу Лермонтова Мартыновъ не стѣнялся. (Прим. 1 на стр. 441). Поставленія же два сообщенія опровергаетъ П. А. Арсеньевъ («Нива», 1885 года, № 27).

ние имъ открыто и гласно, подъ видомъ безпристрастія и дружбы къ поэту. Но маски долой! Еще Державинъ говорилъ: «Нельзя же нѣтъ носить личины, и истина должна открыться!» Слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ прошло со дня смерти М. Ю. Лермонтова, и время исторіи наступило. Разобраться во всемъ этомъ нагроможденіи лжи на ложь, клеветъ на клевету и извѣстовъ на извѣсты и возстановить по всей естественной чистотѣ, величинѣ и блеску гениальную личность автора «Джиги» и «Героя нашего времени» — дѣло будущаго историка жизни Михаила Юрьевича. Мы же, съ своей стороны, даемъ только матеріалы, факты и свѣдѣнія, собранные нами съ цѣлію содѣйствовать будущему историкѣ въ дѣлѣ выясненія истины ¹⁴⁰⁾.

Въ заключеніе считаю не излишнимъ указать, что инициатива постановки памятника поэту въ Пятигорскѣ приписана бывшему арендатору Кавказскихъ минеральныхъ водъ, А. М. Байкову, неправильно ¹⁴¹⁾. Я первый высказалъ эту мысль въ статьѣ «Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ» ¹⁴²⁾ изъ слѣдующихъ словъ: Петербургъ и Кроунитадтъ ставятъ памятники Крузенштерну и Белинстаузену, Кіевъ — Богдану Хмельницкому и графу Бобринскому, Смоленскъ — Глинкѣ, почему бы Пятигорску, съ его тысячами посѣтителей водъ, не принять инициативы въ дѣлѣ сооруженія памятника М. Ю. Лермонтова. Или же гениальный человѣкъ, гордость и слава русской поэзіи, въ силу принциповъ, руководившихъ извѣстную часть общества въ 1841 году, и донинѣ не считается à la hauteur des circonstances!...

¹⁴⁰⁾ Вопросъ объ этомъ, въ виду слѣданныхъ послѣ появленія настоящей статьи въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1892 года, № 2, 3 и 4, княземъ Д. Д. Оболенскимъ нѣкоторыхъ заявленій, подтверждающихъ якобы вышесказанные слухи, распущенные Мартыновцами, — мною обстоятельно изслѣдованъ и результаты сего изслѣдованія изложены въ слѣдующей за симъ статьѣ «Новыя свѣдѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ» (напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1892 года, № 11).

¹⁴¹⁾ «Листокъ для посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ», 1874 года, № 13, и 1875 года, № 7, а за ними «Терскія Вѣдомости» и нѣкоторыя столичныя газеты.

¹⁴²⁾ «Всемирный Трудъ», 1870 года, № 10.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О М. Ю. ЛЕРМОНТОВѢ.

ВЕСНУ и часть лѣта 1892 года я провелъ по дѣламъ въ Москвѣ. Сдѣланныя княземъ Д. Д. Оболенскимъ заявленія въ «Новомъ Времени» (№№ 5754 и 5783) о причинахъ дуэли М. Ю. Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ, не соответствующихъ обстоятельствамъ дѣла, подвигнули меня сдѣлать дополнительное изслѣдованіе по возбужденному вопросу. Я посѣтилъ редактора-издателя «Русскаго Архива» Петра Ивановича Бартенева; друга и почитателя Н. С. Мартынова, князя Дмитрія Дмитріевича Оболенскаго, въ рукахъ котораго нынѣ находится дневникъ, или лучше сказать воспоминанія и другія бумаги Н. С. Мартынова; графа Алексѣя Владиміровича Васильева, сослуживца поэта по лейбъ-гвардіи гусарскому полку въ 1834 и 1835 годахъ; Дмитрія Аркадьевича Столыпина, которому А. П. Шанъ-Гиресъ были переданы послѣ смерти поэта рукописи поэмы «Демонъ» и другія бумаги; бесѣдовалъ съ ними и получилъ отъ нихъ нѣсколько новыхъ фактовъ и разъясненій, касающихся жизни и творчества поэта. Затѣмъ отъ двухъ-трехъ лицъ менѣе извѣстныхъ мнѣ сообщены рассказы о поэтѣ бывшаго московскаго полиціймейстера генераль-маіора Н. П. Огарева и извѣстнаго кавказскаго героя (впослѣдствіи коменданта Петропавловской крѣпости) генералъ отъ инфантерій барона Е. П. фонъ-Майделя. Наконецъ, въ Московскомъ архивѣ главнаго штаба я нашелъ нѣсколько новыхъ документовъ, могущихъ служить для уясненія неточностей, вкрапившихся въ біографію поэта. Все это мною сгруппировано, и собранное такимъ образомъ матеріалъ раздѣленъ на три категоріи: а) о текстѣ поэмы «Демонъ»; б) о дѣйствительныхъ причинахъ дуэли поэта съ Мартыновымъ и в) нѣсколько новыхъ данныхъ о жизни поэта.

Начнемъ съ наиболее важныхъ, а именно со свѣдѣній первой категоріи.

I.

Поэма «Демонъ» въ собраніяхъ сочиненій М. Ю. Лермонтова, изданныхъ въ 1891 году, по случаю исполнившагося 50-лѣтія со времени его смерти, появилась въ двухъ текстахъ. Въ изданіи Рихтера, редактированномъ П. А. Висковатовымъ, она напечатана, по его словамъ въ «окончательной обработкѣ» (неизвѣстно, впрочемъ, чьей!); а во всѣхъ прочихъ изданіяхъ — въ той редакціи, какъ она печаталась въ прежнихъ изданіяхъ. Г. Висковатовъ, въ статьѣ своей: «Демонъ», поэма М. Ю. Лермонтова, и ея окончательная обработка», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1889 года, № 3, и вошедшей въ извлеченія, въ видѣ поясненій къ напечатанному имъ списку поэмы, въ Рихтеровское изданіе сочиненій поэта 1891 года, удостовѣряетъ, что списокъ этотъ есть брѣвѣно послѣдней обработки поэмы, сдѣланной въ 1840 или 1841 году. Такимъ образомъ, издателями послѣднихъ сочиненій поэта поэма «Демонъ» представлена публикѣ въ двухъ совершенно противоположныхъ по идеѣ и чуждыхъ другъ другу по формѣ редакціяхъ, и обѣ выдаются за послѣднее слово поэта. Академія наша, какъ оповѣстили газеты, стала за Висковатовскій списокъ, а наиболее серьезные писатели высказываются за прежній текстъ поэмы. Гдѣ же истина? на чьей сторонѣ? — вопросъ весьма важный, тѣмъ болѣе, что одна изъ предложенныхъ публикѣ редакцій поэмы должна быть признана несостоятельной.

Разрѣшеніе этого вопроса, конечно, вызоветъ не одинъ обмѣнъ мыслей въ средѣ людей, дорожащихъ русской литературой, въ особенности въ такихъ ея вѣковѣчныхъ памятникахъ, какъ поэмы М. Ю. Лермонтова. Приношу и я мою лепту въ дѣло уясненія псковой истины.

Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ, бесѣдуя со мною, сообщилъ мнѣ много драгоценныхъ указаній, могущихъ пролить свѣтъ при разъясненіи возбужденнаго вопроса. Воспользовавшись этими указаніями и изучивъ всесторонне суть дѣла по имѣющимся источникамъ, мнѣ представляются возможнымъ дать нижеслѣдующія данныя въ пользу печатавшагося въ прежнихъ изданіяхъ текста поэмы «Демонъ».

Поэма эта окончательно отдѣлана М. Ю. Лермонтовымъ на Кав-

кавъ въ 1840 году и, собственноручно имъ переписанная кабадо, привезена въ С.-Петербургъ при послѣднемъ прѣздѣ его въ февраль 1841 года. Здѣсь поэтъ предполагалъ ее напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ», для чего передавъ ее А. А. Краевскому. Изъ типографіи послѣдняго поэма была представлена въ цензуру и получила разрѣшеніе на напечатаніе, съ большими, впрочемъ, поправками ¹⁾. За снѣж. она поступила въ наборъ, но напечатана не была. Пріостановка выпуска ее изъ снѣж. произошла дѣйствительно, какъ заявилъ А. А. Краевскій въ январьской книжкѣ своего журнала за 1842 годъ, «по независящимъ отъ редакціи причинамъ», но не въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно принято у насъ понимать подобное заявленіе, а потому (какъ положительно извѣстно стало Д. А. Столынину тогда же), что Лермонтовъ взялъ рукопись обратно, послѣдствіе истинный (черезъ бѣлбушку поэта Е. А. Арсеньеву) извѣстнаго свѣтлора Андрея Николаевича Муравьева, который убѣдилъ поэта, что напечатаніе поэмы, при неблагоприятно сложившихся для него тогда, то-есть въ началѣ 1841 года, обстоятельствахъ, можетъ принести ему большія непріятности. Такимъ образомъ, у Краевского въ рукахъ остались одни корректурныя листы набора рукописи ²⁾, да снятый съ нея предусмотрительными редакторами-издателями снѣжокъ, съ которыхъ онъ въ 1842 году и напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» отрывки поэмы и которые онъ впоследствии принесть въ даръ Лермонтовскому музею ³⁾.

Между тѣмъ нѣкоторыя высокія особы изъ императорской фамиліи ⁴⁾ пожелали ознакомиться съ поэмой, и поэтъ еще разъ занялся пересмотромъ ея, измѣнилъ VI и VIII строфы I части, IX и XIII строфы II части и нѣсколько стиховъ въ другихъ стро-

¹⁾ Что рукопись была пропущена цензурою, удостовѣрились и А. П. Шант-Гирей, въ статьѣ «М. Ю. Лермонтовъ», помѣщенной въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1890 года, № 8.

²⁾ Корректурныя листы тоже свидѣтельствуютъ о томъ, что поэма цензурою была пропущена, такъ какъ, по существовавшимъ тогда цензурнымъ правиламъ, рукопись могла поступить въ наборъ только по разрѣшеніи ее цензурою.

³⁾ Находится въ музеѣ въ отд. II, №№ 1 и 3.

⁴⁾ См. упомянутую выше статью Шант-Гирея «М. Ю. Лермонтовъ».

фах⁵⁾, отдалъ исправленную поэму переписать каллиграфу и переписанный списокъ представить чрезъ генераль-адъютанта А. И. Философова, который, по прошествіи нѣсколькихъ дней, и возвратилъ ему удостоившуюся высочайшаго прочтенія поэму. Въ данномъ случаѣ «Демонъ» получалъ окончательную обработку и за сѣмъ никакимъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ не подвергался. При послѣднемъ своемъ отъѣздѣ на Кавказъ 2-го мая 1841 года Лермонтовъ никакихъ рукописей съ собою не взялъ, но всѣ бумаги, въ томъ числѣ и поэму «Демонъ» въ 2 экземплярахъ: собственно-ручную рукопись и возвращенный А. И. Философовымъ списокъ⁶⁾, оставилъ у Акима Павловича Шанъ-Гирея, сказавъ ему: «Демона» мы печатать негодимъ, оставь его пока у себя». Послѣ смерти поэта, первый экземпляръ поэмы, то-есть собственноручную рукопись со сдѣланными въ ней послѣдними измѣненіями, г. Шанъ-Гирей передалъ Дмитрію Аркадьевичу Столыпину, а второй, то-есть списокъ, возвращенный Философовымъ, послалъ г. Алопеусу, чрезъ товарища своего по артиллерійскому училищу Обухова⁷⁾.

Первыя отрывки изъ поэмы «Демонъ» появились въ печати въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 года, но оставшіеся у А. А. Краевского корректуры, и затѣмъ были напечатаны въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій М. Ю. Лермонтова, вышедшемъ въ 1857 году⁸⁾. Въ виду же того, что поэма въ полномъ объемѣ явиться въ печати, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, не могла, Д. А. Столыпинъ передалъ находившуюся у него собственноручную рукопись поэта отъѣзжающему за границу генераль-адъютанту Александру Иларіоновичу Философону, который и напечаталъ ее имѣть съ «Ангеломъ смерти» въ 1857 году въ Кардрузѣ. Причемъ рукопись была взята имъ обратно и впоследствии затерялась⁹⁾.

⁵⁾ Вотъ почему корректурныя листы и списокъ, находившіеся у Краевского, несходны съ печатаннымъ послѣдствіемъ текстовъ поэмы.

⁶⁾ См. вышеупомянутую статью Шанъ-Гирея.

⁷⁾ Копію съ этого списка получилъ отъ Обухова и г. Кнись, принесшій его послѣдствіемъ въ даръ Лермонтовскому музею (хранится въ отд. II, № 21). Съ этого списка г. Ефремовъ сдѣлалъ нѣкоторые исправленія въ текстѣ поэмы, при редактированіи нѣхъ Главновоескихъ изданій сочиненій поэта въ восьмидесятыхъ годахъ.

⁸⁾ Въ изданіи этомъ были исключены: IX строфа I части, съ V по XII включительно и XIV строфы и нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ.

⁹⁾ Д. А. Столыпинъ говорилъ мнѣ, что онъ помнитъ рукопись, какъ будто она еще вчера лежала передъ нимъ. Искъ она писана

Въ Россіи поэма «Демонъ» въ первый разъ появилась въ печати полностью въ собраніи сочиненій поэта, вышедшемъ подъ редакціей С. С. Дудышкина въ 1860 году. Это было дословное воспроизведеніе упомянутого выше заграничнаго изданія А. П. Философа въ Карлсруэ, въ 1857 году, даже съ тѣми же опечатками или передѣлками малосведущихъ въ русскоѣ языкѣ нѣмецкихъ корректоровъ, какъ, напримѣръ: знаменитыя «столпообразныя руины», за которыя Н. А. Висковатовъ такъ безпощадно казнить ни въ чемъ неповиннаго Н. А. Ефремова, исправившаго эту неточность въ послѣдующихъ изданіяхъ по Обуховскому списку. Въ Дудышкинскоѣ изданіи «Демона» приведены въ видѣ вариантовъ и тѣ стихи, которые, при послѣдней передѣлкѣ поэмы въ 1841 году, авторомъ были исключены. Подобныя варианты, безъ сомнѣнія, интересны для людей, слѣдящихъ за развитіемъ идеи, положенной въ поэму, или за техническимъ ея совершенствомъ, но для большинства читателей — это положительно излишній балластъ, ослабляющей впечатлѣніе при чтеніи поэмы, самое подходящее мѣсто которому въ трюмъ изданій, то-есть въ примѣчанія къ изданію. Ошибка эта повлекла за собой тѣ послѣдствія, что при послѣдующихъ изданіяхъ, вѣдь вариантовъ появилась и другіе прежде исключенныя стихи, строфы и даже цѣлыя первоначальныя очерки, нѣдоконченныя, наконецъ, и на мысль подѣлки списковъ, въ родѣ рекомендованнаго г. Висковатовымъ апокрифа.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій поэта Глазуновымъ въ 1873, 1880, 1882 и 1887 годахъ, поэма «Демонъ» перепечатывалась съ перваго полнаго ея изданія въ 1860 году, съ весьма незначительными исправленіемъ текста Н. А. Ефремовымъ по списку, подаренному Обуховымъ О. П. Кнису, и въ такомъ видѣ перешла затѣмъ во все изданія, вышедшія въ 1891 году, по случаю непол-

рукой поэта чисто, безъ малѣйшихъ поправокъ, на правой сторонѣ лѣвое согнутой вдоль листовъ тетради писчей бумаги. Сдѣланный въ С.-Петербургѣ, въ 1811 году, послѣдній исправленій поэмы писаны такъ же безъ поправокъ на лѣвой сторонѣ, противъ вычеркнутыхъ направо строфъ и строкъ правыя, какъ бы по линейкѣ, диагональной чертой справа налѣво. Впрочемъ, Дмитрій Аркадьевичъ не потерялъ еще окончательно надежды къ отысканію этой рукописи, такъ какъ оставшіяся послѣ А. П. Философа въ имѣніи бумаги по все еще приводены въ извѣстность.

лишнего 50-ти-лѣтія со времени смерти поэта, кромѣ, конечно, Висковатовскаго.

Вотъ факты, служащіе доказательствами тому, что поэма «Демонъ», находящаяся въ этихъ изданіяхъ, есть точное воспроизведеніе текста собственноручной рукописи М. Ю. Лермонтова, получившаго окончательную редакцію при послѣдней передѣлкѣ ее поэтомъ въ 1841 году. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ окажутся незначительныя неточности или опечатки, но здѣсь рѣчь идетъ не о нихъ, но о томъ громадномъ различіи, которое существуетъ между текстомъ вышеупомянутыхъ изданій и спискомъ, пропагандируемымъ г. Висковатовымъ, издающимъ его за единственно точный текстъ поэта въ «послѣдней обработкѣ».

Засимъ (оговорившись такимъ образомъ на случай казуистическихъ послѣдствій толкованій) перехожу къ рассмотрѣнію Висковатовскаго списка «Демона»¹⁰⁾, его погрѣшенія и доказательства, приведенныя для его удостовѣренія.

Почтенному профессору, очевидно, хотѣлось непремѣнно открыть Америку въ твореніяхъ поэта; и вотъ онъ задался мыслию найти «Демона» иного.—и, наконецъ, добился.

Событіе это, какъ онъ описываетъ въ статьѣ своей: «Демонъ», поэма М. Ю. Лермонтова и ея окончательная обработка», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 года, № 3, совершилось слѣдующимъ образомъ. Работая въ шестидесятыхъ годахъ въ архивѣ одного изъ правительственныхъ учрежденій, гдѣ ему было разрѣшено просмотрѣть секретное дѣло о Лермонтовѣ, писарь этого учрежденія, дѣлавшій ему выписки, заявилъ ему, что у него нѣтъ списка «Демона». Списокъ этотъ былъ потребовать, и на вопросъ: «откуда вы его получали?» — писарь отвѣтилъ: «отъ свонка; онъ переписывалъ его офицеру». Когда, какому офицеру, при какихъ обстоятельствахъ переписывался списокъ,—спросы оказались праздными и къ дѣлу не идущими: г. Висковатовъ удовольствовался вы-

¹⁰⁾ Авторъ этого замѣчательнаго, по своей безцеремонности, документа, конечно, не пишетъ, по списку открытъ, аффирированъ и удостовѣренъ, какъ послѣдній текстъ поэта, П. А. Висковатовымъ; потому все, что должно касаться автора списка, поспѣло приходить относить къ лицу, выступившему, такъ сказать, его мѣсто.

непринесеннымъ отъѣздомъ писаря и приобрѣлъ списокъ ¹¹⁾). По разсмотрѣніи же этого списка дома, онъ оказался текстомъ послѣдняго исправленія поэмы. Строфы списка, по словамъ счастливаго его обладателя, были сильно измѣнены, исправлены, перестановлены, но поправки и пометки въ немъ сдѣланы рукой поэта карандашомъ. Правда,—оговаривается онъ,—что карандашъ отъ времени поистерся, и поэтому трудно утверждать, что это писалъ самъ поэтъ, но сходство почерка не подлежитъ сомнѣнію. На этомъ сходствѣ почерка почтенный профессоръ основалъ свои утвержденія о достоинствѣ списка. Главнѣйшимъ же доказательствомъ удостовѣренія служить у него тотъ аргументъ, что посвященіе поэмы В. А. Бахметевой, найденное въ бумагахъ покойной А. М. Верещагиной, написано такимъ же почеркомъ, какъ и списокъ. Понятно, что подобныя удостовѣренія весьма слабы и не выдерживаютъ малѣйшей критики, такъ какъ понятіе о сходствѣ почерковъ можетъ быть весьма растяжимо: то, что г. Висковатову кажется написаннымъ рукой поэта, другому можетъ показаться написаннымъ рукой г. Висковатова, а третьему — рукой писаря. Но почтенному профессору до этого вѣтъ никакого дѣла. Онъ не хочетъ даже знать, что въ настоящее время существуютъ много научныхъ способовъ для опредѣленія подлинности почерковъ, какъ, напримеръ, анализъ при помощи фотографирования, и полагается только на свою компетентность. Высказанныя ему сомнѣнія въ достоинствѣ списка и сдѣланныя указанія на пометы, что онъ производитъ впечатлѣніе совѣсть свѣжее,—его не смущали: онъ рѣшилъ, что списокъ этотъ есть брульянъ послѣдней обработки поэмы, сдѣланной поэтомъ въ 1840 или 1841 году,—такъ оно и быть должно!.

Но рѣшить—не значить еще убѣдить. Для того, чтобы придать списку нѣкоторую вѣроятность въ принадлежности великому поэту, помимо сходства почерка, и заставить вѣрить, что это не простая и грубая самодѣлщина, состригавшая отчасти изъ стиховъ первыхъ отроческихъ очерковъ «Демона», отброшенныхъ потомъ поэтомъ, отчасти изъ деревянннхъ подремонванныхъ строчекъ самой прозаической «отсѣбятины», но что-то необыкновенно лирическое,—

¹¹⁾ Г. Висковатовъ не указалъ ни учрежденія, гдѣ онъ работалъ, ни имени и фамиліи писаря, отъ котораго онъ получилъ списокъ, такъ что проверить сдѣланное имъ заявленіе невозможно.

нужно было: по-первыхъ, дискредитировать подлинную рукопись поэта, а, по-вторыхъ, навязать поэмѣ чуждую ей идею. И все это продѣлано г. Висковатовымъ, въ упомянутой выше статьѣ, съ изумительной развязностью и беззащитностью.

Дискредитированіе подлинной рукописи поэта произведено отчасти посредствомъ отрицанія, отчасти посредствомъ разсмотрѣнія обстоятельствъ, къ числу доказательствъ не относящихся. Г. Висковатовъ заявлялъ, что Лермонтовъ работалъ надъ поэмой всю свою жизнь, но рукопись ея въ окончательной обработкѣ не была въ рукахъ издателей. Распространенная въ разныхъ спискахъ поэма, по его словамъ, спавивалась по произволу переписчиковъ изъ набросковъ разныхъ годовъ, и все, что въ изданіяхъ подносилось публикѣ подъ видомъ поэмы въ окончательной формѣ, печаталось со списковъ, не только не писанныхъ рукою поэта, но даже не исправленныхъ имъ. Указавъ на Глазуновскія изданія, онъ уклонялся, что они переизданы съ подлинной рукописи поэта, изданной въ 1857 году за границей Филозофовымъ, и всю критику ихъ основалъ на датахъ, въ то время еще не изслѣдованныхъ, и отнесъ ихъ на основаніи оказавшихся на нихъ даты къ разряду первоначальныхъ очерковъ или спавившихъ изъ разныхъ списковъ. Приемъ слишкомъ утрированный, и выводы бездоказательны и голословны, такъ какъ даты въ данномъ случаѣ не имѣютъ того значенія, которое имъ придано г. Висковатовымъ, спайка списковъ относится до списковъ, находившихся въ рукахъ частныхъ лицъ, но не издателей; а сдѣланное Н. А. Ефремовымъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ исправленіе текста (совершенно незначительное) по Обуховскому списку не можетъ быть названо спайкой, такъ какъ оно касалось болѣе орфографическихъ и стилистическихъ исправленій. Что же касается подлинной рукописи поэта, напечатанной въ 1857 году въ Карлсруэ и сдѣланной краугольнымъ камнемъ всѣхъ русскихъ полныхъ изданій поэмы, то о ней почтенный профессоръ не считъ нужнымъ распространяться; онъ ограничился только ироническими замѣчаніями по поводу сдѣланной на ней издателемъ надписи: «переписана съ первой своеручной рукописи, съ означеніемъ сдѣланныхъ въ оной перемарокъ, исправленій и измѣненій». Все, что онъ считъ нужнымъ сказать объ этой праматери изданій поэмы, заключалось въ слѣдующемъ: «замѣтка эта показываетъ, что издатель плохо зналъ, какъ Лермонтовъ трудился надъ «Демономъ» и что первая рукопись 1829 или 1830 года имѣла

совершенно иной видъ». «Самое курьезное то, — послѣдствие онъ съ подчеркиваніемъ даты, — что рукопись помѣчена: 13-го сентября 1841 года. Лермонтовъ же скончался 15 августа 1841 г., итакъ рукопись была имъ рассмотрѣна и исправлена черезъ мѣсяць послѣ кончины!... Но это явная передержка. Въ надписи на изданіи говорилось: «съ первой собственноручной рукописи», а не съ перваго чертка поэмы, находящагося въ школьных тетрадяхъ поэта и рукописи никогда не составляли. Доказательствомъ чему можетъ служить текстъ рукописи, при первомъ взглядѣ на который легко убѣдиться, что между этими текстомъ и первымъ черткомъ поэмы ничего общаго не имѣется. Первою рукописью поэма названа издателемъ потому, что послѣ смерти Лермонтова осталось дѣйствительно рукописи за его подписью: одна — собственноручная, которой дано названіе первая, а другая — каллиграфически переписанная для высокихъ особъ и называвшаяся второю. Помѣта же «13-е сентября 1841 года» не означала времени рассмотрѣнія поэмы авторомъ, но опредѣляла время передачи ея владельцемъ рукописи послѣ смерти поэта. Все это было очень хорошо извѣстно Н. А. Висковатову, такъ какъ онъ неоднократно бесѣдовалъ о жизни и твореніяхъ поэта и съ Д. А. Столыпинымъ, и А. П. Шанъ-Гиреемъ, но имъ игнорировано съ извѣстной цѣлю. Чтобы протестовать противъ подобнаго біографическаго самоуправства, Д. А. Столыпинъ на одномъ изъ экземплярныхъ изданій поэмы «Демонъ» въ Карлеруэ въ 1857 году, находящемся на храненіи въ Лермонтовскомъ музеѣ, сдѣлалъ слѣдующую собственноручную надпись: «рукопись эта, переданная имъ А. П. Шанъ-Гиреемъ, написана рукой Лермонтова, въ чемъ можно удостовѣриться по статьѣ Акива Павловича, помѣщенной въ журналъ «Русское Обозрѣніе» за августъ мѣсяць 1890 года. Рукопись эту попросилъ у меня генералъ-адъютантъ Алексѣй Паларіоновичъ Философовъ, но жень Аннѣ Григорьевнѣ, рожденной Столыпиной, приходившейся родственницей Лермонтову, и написавшей ее въ Карлеруэ».

Идея, вложенная въ Висковатовскій списокъ «Демона», или, точнѣе сказать, «Лжедемона», заключается въ томъ, что безстрастный духъ зла, увидѣвъ Тамару, ощутилъ любовь, когда-то родное ему чувство, но мысль объ обладаніи красавицей-грузинкой является ему связанною не съ желаніемъ сдѣлать зло, а съ желаніемъ переродиться и, подъ ея эгидой, вернуться къ добру. Тамара, зная съ дѣтства легенду, что непорочная дѣва, если полюбитъ

дьявола, может позвратить его небу, слунасть его рѣчи, какъ нѣчто давно желанное, вѣрить его клятвамъ и, увлекаясь мечтой добра и блага, не можетъ противостоятъ ему. Самъ ангелъ-хранитель ся, зная о древнемъ преданіи, удаляется, уступая мѣсто не злему духу, а падшему своему собрату.

Изъ первоначальныхъ юношескихъ очеркахъ «Демона» Лермонтовъ останавливался на этой мысли, но когда талантъ поэта созрѣлъ окончательно, онъ отказался отъ нея, и въ послѣднихъ очеркахъ «Демонъ» является у него чистокровнымъ княземъ тьмы во всемъ величій злобы и ненависти. Но ловкій фабрикантъ «Лже-демона» изъ него извлекаетъ пользу... Онъ ухватывается за брошенную идѣйку, крошечаетъ поэму, выбрасываетъ изъ нея стихи и даже цѣлыя строфы, не соответствующіе идѣйкѣ, и замѣняетъ ихъ отчасти стихами поэта изъ первоначальныхъ очерковъ, отчасти собственной импронизаціей. Конечно, все это выходитъ мизерно, нелѣпо и карикатурно, но цѣль достигнута: передъ нами новый текстъ, и честь его открытія принадлежитъ г. Висковатову!..

Для большей наглядности приведемъ двѣ-три выписки изъ строфъ поэмы, подвергшихся измѣненію.

Текстъ подлинной рукописи
поэта.

Строфа VIII части II.

Спознались съ гордою душой.
То было злое предвѣщанье...
*(Онъ выходитъ, смотритъ: передъ нимъ
Посланникъ ранъ—жеруимъ,
Хранитель ирринимъ прекрасной
Стоитъ съ блистающимъ челою.
И отъ прыга съ улыбкой ясной
Пріосѣлнлъ ее крыломъ.
И лучъ божественнаго свѣта
Взоръ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тнотстимый укоръ.)*

Текстъ Висковатовскаго
списка.

Строфа VII.

Спознались съ гордою душой.
Минула образъ озаренный,
Проникнулъ въ келію смущенный
Духъ отверженія и зла,
И сталъ недвижимъ у порога
И, чуя вѣяніе Юга,
Не смѣя приподнять чела,
На грудь склонился головою,
Томимъ неведомой тоскою.

Строфа VIII.

По взоръ онъ поднмалъ—ангелъ нмз-
ный
Въ одеждѣ легкой бллоснмжной
Стоитъ съ блистающимъ челою,
Хранитель снмнмнмъ прекрасной,

И отъ прага съ улыбкой ясной
Пріосѣнлѣ ея крыломъ.
Они невинны, чисты оба!
Онъ смотритъ—ненависть и злоба
Мировенно пробудили страсти:
Исчезнулъ ясный рой мечтаній,
Въсѣхъ вражды, елика страданій
Надъ нимъ свою явили власть.

Строфа IX.

ХЕРУВИМЪ.

«Духъ безпокойный, духъ пороч-
ный,
«Кто звалъ тебя во тьмѣ полноч-
ной?
«Твоихъ поклонниковъ идѣсь
нѣтъ,
«Зло не дышало идѣсь понинѣ!
«Къ моей любви, къ моей святости
«Не пролагай преступный слѣдъ!
«Кто звалъ тебя?»

«Духъ безпокойный, духъ пороч-
ный,
«Кто звалъ тебя во тьмѣ под-
ночной?
«Твоихъ поклонниковъ идѣсь
нѣтъ,
«Зло не дышало идѣсь понинѣ!
«Къ моей любви, къ моей сви-
тѣнѣ
«Не пролагай преступный слѣдъ!»

Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся,
Зардѣлся ревностію азѣлъ,
И вновь въ душу его проникъ
Отаринкой ненависти лѣдъ.
«Она—моя!»—сказалъ онъ грозно:—
«Остань се! она—моя!
«Явился ты защитникъ поздно
«И ой, какъ мнѣ, ты не судья.
«На сердце, полное гордыни,
«Я наложилъ печать мою;
«Здѣсь больше нѣтъ твоей свя-
тыни.
«Здѣсь я владѣю, я люблю!»
И ангелъ грустными очами
На жорту бѣдную взглянулъ
И, медленно вымахнувъ крылами,
Въ эфиръ нога потонулъ.

ДЕМОНЪ.

«Остань се! Межъ ней и мною
«Не станешь: она—моя!
«Мы связаны судьбой одною,
«И ой, какъ мнѣ, не ты судья.
«Подъ чарой ясной благодѣтели
«И счастье лучшихъ дней люблю!
«Здѣсь больше нѣтъ твоей свя-
тыни:
«Здѣсь я владѣю, я люблю!
«Рѣшило небо нашу встрѣчу,
«Любовь и торжество мое...
«Не ты предъ Богомъ, я отпечу
«И за себя, и за нѣе».

Строфа IX.

Тамара гордой речи внемлетъ.
Чудесный стрѣлъ ея объяснѣтъ;
Онъ передъ сжимницей стоитъ:
Знакомой блескъ красотой
И унижающей прозою
Взоръ ошуманный блеснѣтъ.

Строфа X.

ТАМАРА.

«О, кто ты! рѣчь твоя опасна!»

.....

Далѣе:

«Уны, я самъ не узнавалъ.
«И съ страхъ я, взмахнувъ крылами,
«Помчался... Но куда? Зачѣмъ?—
«Не знаю. Пржежими друзьями
«Я былъ отвергнутъ, какъ Эдемъ,
«Миръ для меня сталъ гдѣ-то и нмѣ.
«Но вольной прихоти теченья
«Такъ поврежденная ладья
«Безъ парусовъ и безъ руля
«Плыветъ, не зная назначенья.
«Такъ ранней утренней порой
«Отрываюсъ тучи грозовой,
«Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
«Одинъ, никто пристать не смѣя,
«Летить безъ вѣли и смѣла,
«Богъ есть, откуда и куда.
«И я людьми недолю призналъ,
«Грѣху не долго нѣтъ училъ,
«Все благородное бездѣлалъ
«И все прекрасное ждалъ
«Недолю... Пламень чистой стры
«Легко на вѣкъ я запллъ въ нѣдѣ...
«И стоялъ-ль трудовъ моихъ
«Одни гдѣ-то да дикемъ-ль.
«И скрмелъ и въ ршевать торъ,
«И сталъ бродить, какъ метеоръ,
«Но мракъ полночи глубокой...
«И ждалъ путникъ одинокой,
«Обмануть близкимъ огонькомъ,
«И, въ бездну падая съ конемъ,
«Напрасно звалъ, и слѣдъ кровавый
«За нимъ вился на крутизнахъ...
«Но злобы мрачныя забавы
«Не долго нравились мнѣ.
«Въ борьбѣ съ могучимъ урага-
номъ»

.....

ТАМАРА.

«О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!»

.....

Далѣе:

«Уны, я самъ не узнавалъ,
«Въ борьбѣ съ могучимъ урага-
номъ»

.....

Затѣмъ:

**Надеждѣ погнѣвшихъ и страстей
Несокрушимый манюлей.**

ТАМАРА.

*«Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
«Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
«Ты согрѣшилъ...»*

Затѣмъ:

**Надеждѣ погнѣвшихъ и страстей
Несокрушимый манюлей.**

ТАМАРА.

*«Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ
случайный»
.....»*

ДЕМОНЪ.

Противъ тебя ли?

ТАМАРА.

«Насъ могутъ слышать.»

ДЕМОНЪ.

Мы одни.

ТАМАРА.

«А Богъ?»

ДЕМОНЪ.

*На насъ не кинетъ ограда:
«Онъ занятъ небомъ, не землею!»*

ТАМАРА.

«А наказанье? Муки ада?»

ДЕМОНЪ.

*«Такъ что-жъ? Ты будешь тамъ со
мною.»*

ТАМАРА.

*«Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ
случайный»
.....»*

Провѣривъ по источникамъ, мы увидимъ, что напечатанныя курсивомъ въ Висконатовскомъ списокѣ строки взяты въ строфѣ VII: первыя двѣ — изъ очерка 1831 года, 3, 4 и 6-я — изъ очерка 1833 года, 5, 7 и 8 — импровизація; въ строфѣ VIII: строки 1, 2 и 7-я — изъ очерка 1830 года, 11-я — изъ очерка 1829 года, остальные — импровизація; въ строфѣ IX: всѣ шесть строкъ — импровизація. Исключеніе же изъ подлиннаго текста строкъ, напечатанныхъ курсивомъ, сдѣлано въ видахъ несоотвѣстствія ихъ съ предвзятой идеей. То же нужно сказать и о діалогѣ Демона съ Тамарой: самъ Лермонтовъ, написавшій его еще въ очеркѣ 1830 — 1831 годовъ, никогда не исключалъ его изъ поэмы впоследствии. Если же діалогъ этотъ опущенъ въ корректурныхъ листахъ и списокѣ Краевского, то это сдѣлано по цензурнымъ условіямъ того времени. Г. Висконатовъ похищается мозаичной отдѣлкой своего списка и рекомендуетъ читателю прослѣдить, какъ работалъ поэтъ. Но почтенный профессоръ или не изучилъ вполнѣ творчества поэта, или просто путается. Лермонтовъ не былъ стихокропателямъ и никогда не возмущался на отбросы, съ цѣлью выудить въ нихъ подходящій стихокъ для замѣны неудовлетворяющаго его. Ему многое изъ написаннаго имъ не нравилось, многое онъ передѣлывалъ, переставлялъ изъ одной пьесы въ другую; но, какъ истинный поэтъ, имѣло неудовлетворяющихъ его строфъ писалъ новыя. Для приѣбра приложу XVI строфу II части «Демона». Первоначально она начиналась стихомъ: «Едва послѣдній стихъ прочли надъ прахомъ дочери Гудала», ее сѣтила строфа, имѣвшая вначалѣ: «Едва на жесткую постель Тамару съ нѣнкою опустили», а ея послѣднюю замѣнила строфа, начинающаяся стихами: «Въ пространствѣ снятаго эфира одинъ изъ ангеловъ снятыхъ летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ». Вотъ какъ работалъ поэтъ! — поклоняю я въ свою очередь и порекомендую г. Висконатову принять это во вниманіе. А то онъ въ своей статьѣ говоритъ, что Лермонтовъ не допускалъ наизыванія одного варианта на другой, какъ это будто бы дѣлали издатели, компиляторы разныхъ списковъ «Демона», и не видитъ, что въ его списокѣ «Лжедемона» изъ приведенныхъ выше отброшенныхъ поэтомъ двухъ первыхъ вариантовъ строфы XVI части II «Демона» находится начало одного и конецъ другого, что нѣбось составило строфу XV, сущность которой изъ подлинной рукописи поэтомъ исключена.

Я не вхожу въ разсмотрѣніе литературнаго значенія достоинствъ

Висковатовскаго списка, такъ какъ это было уже сдѣлано другими болѣе меня компетентными знатоками литературы, какъ, напримеръ, А. С. Сувориннымъ въ фельетонахъ «Новаго Времени»; я разсматриваю его только въ отношеніи права существованія, идеи и строенія. Шаткость права существованія списка, какъ его понималъ г. Висковатовъ, совершенно ясна. Строеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Что же касается идеи, то, для доказательства ея ложности и ничтожности, я сопоставлю образы: «Демона», созданнаго поэтомъ, и найденнаго «Лжедемона», представленнаго намъ г. Висковатовымъ.

Идеаль «Демона», по опредѣленію С. С. Дудышкина, заимствовать поэтомъ у Байрона. Описаніе Люцифера у Байрона и Демона у Лермонтова сходно до мелочей, точно такъ, какъ Люциферъ Байрона — двойникъ Сатаны Мильтона. На Люцифера нельзя смотрѣть безъ удовольствія, смѣшаннаго со страхомъ, его нельзя убѣгать, въ его взглядѣ есть какая-то неодолима притяжимость, онъ ужасаетъ и прельщаетъ въ одно и то же время. Онъ похожъ на прозрачную ночь съ безчисленными звѣздами, и звѣзды эти влекутъ къ себѣ незамѣтно, онѣ не ослѣпляютъ, но на нихъ нельзя смотрѣть иначе, какъ съ глазами, полными слезъ. Таковъ и Люциферъ. Онъ всегда кажется несчастливымъ. Для его дѣйствій не существуетъ времени: онъ можетъ вѣчность вмѣстить въ одинъ часъ и часъ сдѣлать вѣчностью. «Для меня лишь существуетъ полное знаніе», — говоритъ онъ гордо.

Чтобы понять вполне Люцифера, этотъ прототипъ Демона, приведу небольшой діалогъ изъ «Каина».

Каинъ. Духъ гордый, ты говоришь дерзко. И надъ тобой, какъ ни величественъ ты кажешься, есть власть.

Люциферъ. Итъ! Клянусь небомъ, гдѣ царствуетъ начало добра, бездной и неизмѣримостью міровъ и жизни, гдѣ мы дѣлимъ власть съ нимъ, — итъ! У меня есть побѣдители, правда, но итъ высшего надо мной. Ему поклоняются всѣ, но не я. И до сихъ поръ сражаюсь съ нимъ, какъ сражался изъ небесныхъ. Випродожденіе всей вѣчности, изъ непроницаемыхъ безднахъ смерти, изъ безграничныхъ царствахъ пространства, изъ безконечности вѣковъ — все, все я буду оспаривать у него. Міръ за міромъ, звѣзда за звѣздой, вселенная за вселенной, будутъ колебаться изъ своего равновѣсія до тѣхъ поръ, пока эта борьба не прекратится, что только послѣдуетъ, когда одинъ изъ насъ погибнетъ. А кто мо-

жестъ уничтожить наше безсмертіе или нашу непримиримую ненависть?

Вотъ принципъ и духъ, положенные въ основу характера и дѣйствій Демона нашимъ гениальнымъ поэтомъ. Теперь посмотримъ: какъ опредѣляется г. Висковатовъ своего горемыку-найденыша?

По его словамъ, Лжедемонъ отнюдь не является Сатаномъ, то есть владыкой и повелителемъ тьмы и зла, но только его служителемъ или спутникомъ, и въ подтвержденіе сказаннаго имъ приводитъ два стишка изъ перваго очерка «Демона» 1830—1831 годовъ. Стишки эти впоследствии, когда мировоззрѣніе поэта измѣнилось, имъ были выброшены и, слѣдовательно, никакого значенія не имѣютъ. Но почтенный профессоръ этикъ не стѣсняется. По его опредѣленію, мы должны видѣть въ Лжедемонѣ не вождя нечистыхъ силъ, а мелкаго бѣса изъ разряда, вѣроятно, тѣхъ, которые, по народному воззрѣнію, крутятся передъ заутреней. Сообразно такому опредѣленію, отъ него отнято величіе, сила и значеніе, которыми Демонъ удивляетъ и поражаетъ насъ въ безсмертномъ произведеніи поэта. Ему приданы несчастныя для злаго духа качества и унижительныя свойства духа. Его распущенность и легкомысліе граничатъ съ забвеніемъ адскихъ принциповъ и пренебреженіемъ сатанинской воли. Онъ сознаетъ возможность примиренія съ небомъ и готовъ совершить уже сдѣлку, забывая, что при первомъ появленіи у него въ головѣ такой мысли, владыка пренеподобней расправился бы съ нимъ по-свойски, бросилъ бы его лѣтъ тысячъ на сто, ну, хоть за полюсы, и заставилъ бы тамъ все это время слушать Висковатовскія сказки.

Нелѣпость подобнаго типа сама собою дѣлается очевидной даже съ точки зрѣнія Висковатовской фабулы. Дальнѣйшее сопоставленіе образовъ Демона и мелкаго бѣса-клоуна едва ли нужно: значеніе представленнаго г. Висковатовымъ Лжедемона выяснилось и опредѣлилось на столько, что всякіе дальнѣйшіе комментаріи становятся излишними.

Въ заключеніе позволю себѣ привести отзывъ о Демонѣ таковаго Лермонтова, слышанный отъ генерала барона К. Н. фонъ-Майделя и переданный мнѣ бывшимъ его сослуживцемъ, капитаномъ Кирилловымъ. Въ 1840 году, на одной изъ стоянокъ отряда, по пріямъ экспедиціи, на бивакахъ, Лермонтовъ, по просьбѣ генерала Годовцова, прочелъ въ кружкѣ офицеровъ нѣсколько отрывковъ изъ

поэмы «Демонъ». Когда окончилось чтеніе, генералъ подошелъ къ поэту и задать ему вопросъ:

— А скажите, Лермонтовъ, ужъ не крещенъ ли вашъ Демонъ, что онъ такъ наинбратствуетъ съ монахинями?

— Такъ точно, ваше превосходительство, вы изволили угадать: мой Демонъ былъ крещенъ архангельской нагайкой.

Отвѣтъ этотъ вызвалъ дружный взрывъ смѣха, а я выведу изъ него заключеніе, что крещеному архангельской нагайкой Демону едва ли придется въ голову мысль о примиреніи съ небомъ.

II.

Вопросъ о причинахъ дуэли М. Ю. Лермонтова съ Н. С. Мартыновымъ вновь поднятъ княземъ Д. Д. Оболенскимъ и ждетъ окончательнаго разрѣшенія.

Въ № 5754 «Новаго Времени» мой почтенный оппонентъ заявилъ, что всѣ рассказы о причинахъ сказанной дуэли не точны, такъ какъ изслѣдователи ходятъ «около», но никто еще не узналъ и не высказалъ дѣйствительной причины. За симъ онъ передалъ слышанный имъ въ юности, въ домѣ дяди своего А. Н. Вибикона, друга и школьнаго товарища поэта, нѣкандитный рассказъ о томъ, что сестры Мартынова, въ особенности Наталья Соломоновна, были неравнодушны къ поэту, и что Лермонтовъ былъ также влюбленъ въ нее или прикидывался влюбленнымъ. Последнее, по словамъ повѣствователя, было вѣрнѣе, такъ какъ Лермонтовъ, уѣзжая на Кавказъ, прѣзжалъ къ Мартыновымъ прощаться и, просидѣвъ долго у Натальи Соломоновны, сталъ откланиваться. Барышня его провожала до лѣстницы прихожей. Оба, казалось, были извонованы, вдругъ Лермонтовъ на лѣстницѣ повернулся, громко засмѣявшійся въ лицо Натальѣ Соломоновнѣ, и быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, оставивъ въ недоумѣніи провожавшую его барышню. Что было причиною этой выходки, осталось ихъ тайною. Но это прісказка. Самая же сказка состоитъ въ томъ, что уѣзжавшему на Кавказъ Лермонтову сестры Мартыновы дали для передачи брату ихъ Николаю Соломоновичу Мартынову пакетъ, въ коемъ находились дневники Натальи Соломоновны и ея сестры. Въ тотъ же пакетъ было вложено 300 рублей бумажками, о конхъ Лермонтовъ ничего не

зналъ. Дорогою онъ будто бы распечаталъ въѣренный ему пакетъ и прочелъ его. Но найдя въ пакетѣ деньги, онъ поставленъ былъ въ неловкое положеніе и вывернуться же сумѣлъ. По пріѣздѣ въ Пятигорскъ, онъ заявилъ Мартынову, что везъ ему отъ сестеръ пакетъ съ письмами и деньгами, по дорогому чемоданъ, въ которомъ находилось все это, украденъ. Почему и просилъ его принять отъ него 300 рублей, измѣнить пропавшихъ по его одиозности. Мартыновъ будто бы долго не соглашался, но, наконецъ, принять деньги. Сестры же Николая Соломоновича, по прошествіи нѣкотораго времени, спросили его: получилъ ли онъ ихъ посылку? Мартыновъ отвѣтилъ, что деньги 300 рублей получилъ, а пакетъ дорогого украденъ. Тогда Наталья Соломоновна написала брату, что какими же это образомъ Лермонтовъ отдалъ 300 рублей, когда онъ и не могъ знать о существованіи ихъ въ запечатанномъ конвертѣ? «Вотъ истинная причина серьезнаго столкновенія Мартынова съ Лермонтовымъ; сеора же у Верзилиныхъ была только предложенья къ дуэли, уже ранѣе рѣшенныя», — завершилъ князь Оболенскій рассказъ своей авторитетно.

На это, въ № 5773 «Новаго Времени», я отвѣчалъ, что обстоятельно, сообщенное княземъ Оболенскимъ, какъ нѣчто новое, извѣстно изслѣдователямъ жизни Михаила Юрьевича изъ сообщеній, сдѣланныхъ въ разное время, со словъ Н. С. Мартынова, его пріятелями и напечатанныхъ въ журналахъ «Нива», 1885 года, № 20, «Русская Старина», 1885 г., № 9, «Русскій Архивъ», 1887 г., № 1, и вошедшихъ въ біографію поэта, составленную П. А. Висковатовымъ. Но всѣ сіи сообщенія были разнорѣчны: въ одномъ говорилось, что пакетъ съ дневниками и деньгами послала Мартынову сестра, въ другомъ — отецъ его; тотъ заявлялъ, что денегъ послано 300 рублей, этотъ — 500 рублей; одинъ опредѣлялъ мѣсто отправленія — Петербургъ, для врученія Мартынову въ Пятигорскъ, другой — Пятигорскъ, гдѣ будто бы жили сестры Мартынова, для врученія адресату въ экспедицію. Поэтому сказанныя заявленія всѣми серьезными лермонтистами и были отвергнуты, какъ не имѣющія основанія.

Въ виду же возникновенія вновь подобныхъ безпочвенныхъ разсказовъ съ приписаніемъ имъ романтической окраски, пришлось снова провѣрить заявленное, и вотъ къ какимъ соображеніямъ привела провѣрка. По матеріаламъ, собраннымъ для жизнеописанія поэта, извѣстно, что въ послѣдній пріѣздъ свой съ Кавказа онъ посѣ-

палъ дома княгини М. А. Щербатовой, графини Э. К. Мусин-Пушкиной, графини А. К. Воронцовой-Данковой, графини Е. Р. Ростопчиной, графини С. М. Соллогубъ, М. П. Соломирской, А. О. Смирновой, А. Г. Хомутовой, С. Н. Карамзиной и другихъ великосвѣтскихъ дамъ, но о посѣщеніи имъ дома Мартыновыхъ ничего не упоминается. Сердечныя увлеченія поэта тоже всѣ извѣстны, но объ его ухаживаніи за Натальей Соломоновной тоже никто ничего не слышалъ: это, вѣроятно, было только *ria desideria* заинтересованной поэтомъ дѣвицы, облекшееся въ воображеніи только на склонѣ лѣтъ въ форму желаннаго факта. Знакомство съ Мартыновыми относится къ ранней юности поэта, чему могутъ служить доказательствомъ стихи, написанные Лермонтовымъ Мартыновой въ 1830 году (Собр. сочин. поэта, т. I, стр. 54). Но стихи эти ничего не говорятъ о вѣжныхъ чувствахъ, они констатируютъ только умъ дѣвицы. Съ 1830 до 1841 года прошло 11 лѣтъ, и Наталья Соломоновна въ послѣдній пріѣздъ поэта съ Кавказа, вѣроятно, уже было лѣтъ подлѣ тридцати, поэтому имѣть ничего удивительнаго, если допустить дѣйствительность прощальнаго визита, что Лермонтовъ, по свойственной ему живости характера, разсѣялся, усиливъ какія либо сантиментальныя изліянія персезрѣдой дѣвы. Но самая дѣйствительность визита немыслима потому, что Лермонтовъ, получивъ предписаніе выѣхать изъ Петербурга къ полку въ 24 часа, не имѣлъ возможности быть, а тѣмъ болѣе «сидѣть долго» у почтенной дѣвицы, когда ему нужно было заняться болѣе серьезными дѣлами.

Относительно достовѣрности посланки пакета съ дневниками и деньгами 300 рублей являлось сомнѣніе по слѣдующимъ соображеніямъ: Лермонтовъ, получивъ предписаніе отправиться къ полку, квартировавшему въ Темиръ-Ханъ-Шуръ, не могъ взять никакой посланки для передачи Мартынову, который находился уже въ отставкѣ и въ Шуръ не жилъ. Онъ встрѣтился съ нимъ совершенно случайно въ Пятигорскѣ, куда онъ отправился по болѣзни съ дороги изъ Ставрополя. Доказательствомъ этому можетъ служить помѣщенный въ біографіи поэта разсказъ Магденко, гдѣ говорится, что Лермонтовъ, по пріѣздѣ въ Пятигорскъ, приди въ номеръ Магденки, сказалъ Столышину, потирая отъ удовольствія руки: «Вѣдь и Мартышка, Мартышка здѣсь, я сказалъ. Пайтаки, чтобы послалъ за нимъ».

Тоже замѣчено и относительно обнаруженія распечатанія Лер-

монтовымъ пакета. Для того, чтобы Н. С. Мартынова могла получить отъ брата отвѣтъ, получила ли онъ денешники и деньги, и сообщить ему удивленіе по поводу пропажи пакета и пр., при существовавшей въ сороковыхъ годахъ медленности почтовыхъ сообщений съ Кавказомъ, нужно, по крайней мѣрѣ, два-три мѣсяца, а Лермонтовъ находился въ Пятигорскѣ съ 23-го мая по день смерти— по 15-е июля, всего только 53 дня.

Князь Оболенскій возразилъ въ № 5783 «Пового Времени», что онъ, за давностью, могъ ошибиться во времени, когда случай этотъ произошелъ, но факта отрицать нельзя, и за снѣмъ сообщилъ, что, желая удостовѣриться въ справедливости имъ сообщеннаго, онъ отправился къ сыну Николая Соломоновича Мартынова, Виктору Николаевичу, который и предоставилъ въ его распоряженіе портфель покойнаго своего отца съ бумагами, письмами и другими документами, касающимися его дуэли съ Лермонтовымъ. По разсмотрѣніи бумагъ этихъ, онъ нашелъ подтвержденіе своего разсказа о пропажѣ пакета (въ которомъ, оказывается, были письма не только сестеръ Мартыновыхъ,—о денешникахъ уже нѣтъ рѣчи,—но и матушки ихъ) въ трехъ письмахъ, изъ коихъ два принадлежать матери Николая Соломоновича и одно ему самому. Выпуская то, что не относится до дѣла, нашъ почтенный оппонентъ приводитъ слѣдующія выписки: а) изъ писемъ матери. Изъ перваго: «Lermontoff est presque tous les jours chez nous. Je ne l'aime pas trop, je l'avoue il a une langue bien méchante et malgré toute l'amitié qu'il protesté pour tes sœurs je suis sûre qu'à la première occasion il ne les épargnera pas non plus; ces dames se plaisent beaucoup dans sa société! Grâce à Dieu, il part bientôt, ses visites ne sont jamais agréables» ¹²⁾; изъ втораго: «Comme nous sommes tous désolés que nos lettres écrites par Lermontoff ne te sont point parvenues, il t'a épargné l'ouvrage de les lire, car réellement tu en aurais assez; tes sœurs ont passées toute une journée à les écrire; je crois avoir dit при себѣ и въ родѣ оказіи depuis cet accident je fais vœu de ne jamais

¹²⁾ Лермонтовъ почти каждый день у насъ; я не особенно люблю его, привыкъ; у него языкъ очень злой, и не смотря на дружбу, которую онъ проявляетъ къ твоимъ сестрамъ, я увѣрена, что, при первой оказіи, онъ ихъ также не пощадитъ. Нашимъ дамамъ очень нравится его общество! Слава Богу, онъ скоро уѣзжаетъ; его вывѣты всегда непріятны.

écrire que par poste, du moins on est sur de n'avoir pas été lue¹²⁾; и 6) изъ письма Николая Соломоновича: «300 рублей, которые вы мнѣ послали черезъ Лермонтова, получить; но писемъ никакихъ, потому что его обокрали въ дорогѣ, и деньги эти, вложенныя въ письма, также пропали, но онъ, само собою разумеется, отдастъ мнѣ свои! Если вы помните содержаніе нашего письма, сдѣлайте одолженіе, повторите; также и сестеръ попросите отъ меня! Деньги я промоталъ»...

Даемъ явсто настоящей перепишкѣ, чтобы выяснитъ возбужденный княземъ Д. Д. Оболенскимъ вопросъ и, засимъ, сдать его въ архивъ: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставлять его въ состояніи вѣчно лежащаго на памяти поэта подозрѣнія въ совершеніи поступка, противнаго чести и, по желанію Мартыновцевъ, испускающаго время отъ времени въ печати, съ цѣлью дискредитированія фактовъ, удостовѣренныхъ подувѣковыми изслѣдованіями, и маскированія дѣйствительныхъ причинъ дуэли поэта съ П. С. Мартыновымъ.

Въ Москвѣ живутъ еще нѣсколько лицъ, знавшихъ Лермонтова и Мартынова, или слышавшихъ о разсказанномъ случаѣ, и я рѣшился въ личныхъ бесѣдахъ съ ними добыть нѣтъ для выясненія истины.

Первымъ долгомъ я счелъ посѣтитъ почтеннаго редактора-издателя «Русскаго Архива», Петра Ивановича Бартенена, друга и почитателя П. С. Мартынова, со словъ котораго онъ сдѣлалъ лично отъ себя примѣчаніе о посылкѣ съ Лермонтовымъ пакета съ деньгами подъ статьей Костенецкаго, напечатанной въ № 1 его журнала за 1887 годъ. Въ виду поставленнаго княземъ Оболенскимъ, прямо въ упоръ, заявленія, что дѣйствительной причиной дуэли была передача Лермонтовымъ Мартынову писемъ его сестеръ, а не столкновеніе изъ-за Эмилиіи Клингенбергъ и злыхъ шутокъ, ко-

¹²⁾ Какъ мы себѣ огорчены, что наши письма, писанныя съ Лермонтовымъ, до тебя не дошли; онъ избавилъ тебя отъ работы ихъ читать, потому что въ самомъ дѣлѣ тебѣ надолго бы хватило: твои сестры писали тебѣ вѣточнѣе цѣлаго дня. Я, кажется, сказала: при сей вѣрнѣйшій оказіи, но послѣ этого случая я дала слово не писать иначе, какъ почтою; но крайней мѣрѣ, можно быть увѣрною, что не прочли писъ.

торыя были, будто бы, лишь только предлогомъ для вызова на дуэль, я попросилъ Петра Ивановича объяснить: не помнить ли онъ, по разсказу Н. С. Мартынова, времени отправленія съ Лермонтовымъ посылки съ письмами и деньгами отъ сестеръ его? На что онъ съ величайшей любезностью отвѣчалъ, что пакетъ былъ посланъ не въ послѣдній отъѣздъ поэта на Кавказъ въ 1841 году; и даже не въ 1840 году, а ранѣе, и чуть ли, на сколько онъ припомнить, не во время первой ссылки поэта на Кавказъ въ 1837 году. На дальнѣйшіе разспросы онъ отвѣчалъ, что Николай Соломоновичъ былъ прекраснѣйшій человекъ, добрый, честный и богобоязненный (онъ служилъ въ Москвѣ по выборамъ и былъ мировымъ судьей). Смерть Лермонтова онъ оплакивалъ, какъ величайшее несчастіе, ежегодно постился въ годовщину дуэли и весь день посвящалъ скорбной сердечной молитвѣ. Онъ былъ друженъ съ Лермонтовымъ до послѣдняго столкновенія, никогда и никому никакихъ жалобъ на него не заявлялъ, уважалъ въ немъ умъ, силу воли и мужественный характеръ. Будучи самъ поэтомъ (Мартыновъ писалъ стихи, которые публикѣ остались неизвѣстными), онъ восхищался твореніями Михаила Юрьевича, но отдавалъ преимущественно его рисункамъ, злымъ и жолчнымъ, но дышавшимъ жизнью и вдохновеніемъ. Въ доказательство искренности существовавшихъ между ними дружескихъ отношеній, Николай Соломоновичъ приводилъ тотъ фактъ, что Лермонтовъ не задолго до послѣдняго столкновенія прѣзжалъ къ нему въ стѣну, гдѣ у него въ недалекомъ разстояніи отъ Пятигорска стоялъ шатеръ, продѣ калмыцкаго улуса, и провелъ тамъ цѣлый день, жалуюсь на духоту окружающей ихъ на водахъ общественной атмосферы. Ни о какихъ отношеніяхъ поэта къ его сестрамъ не заявлялъ и о посланной съ ними посылкѣ разсказалъ Бартеневу какъ-то случайно, къ слову.

Разговоръ этотъ подвигнулъ меня посѣтить князя Дмитрія Дмитриевича Оболенскаго и любезно попросить съ нимъ о документахъ, переданныхъ ему сыномъ Н. С. Мартынова. Портфель съ ними документами составлять до сихъ поръ тайну. После смерти Николая Соломоновича о немъ писали въ «Московскихъ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1876 года, №№ 44 и 51), что онъ содержитъ дневникъ покойнаго и другіе документы, относящіеся до событій дуэли; но къ сокровищамъ этимъ, къ сожалѣнію, не были допущены ни жаждавшій съ ними ознакомиться редакторъ-издатель «Русской Старины» М. И. Семеновскій, ни интересовавшійся ими,

для извлечения сведений, биографъ поэта Н. А. Вископатовъ, который, какъ онъ самъ пишетъ въ биографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 442), вынесъ изъ бесѣды съ родными Мартынова не совсемъ отрадные чувства.

Книзь Д. Д. Оболенскій очень любезно вошелъ со мной въ объясненія, но самыхъ документовъ не представлялъ, отозвавшись, что портфеля съ бумагами при немъ нѣтъ. На предложенный ему вопросъ: не можетъ ли онъ сказать, когда именно писаны Н. С. Мартыновымъ и его матерью письма, изъ которыхъ онъ напечаталъ выдержки въ № 5783 «Новаго Времени»,—онъ отвѣчалъ, что письмо Мартынова помѣчено: 5-мъ числомъ октября, но безъ означенія года. На письмѣ же матери, служащемъ отвѣтомъ на него, пишется дата 12-го ноября 1839 года. Первое послано изъ Пятигорска, второе изъ Москвы. Я позвизгалъ, что поэтъ въ 1839 году на Кавказѣ не былъ—ни на службѣ, ни въ отпуску, поэтому и переписки въ этомъ году проходить не могло. Всего же изобрѣтѣно, что дѣло происходило въ 1837 году, когда Лермонтовъ былъ первый разъ посланъ на Кавказъ, и находился въ Пятигорскѣ, въ июль и октябрь мѣсяцахъ. Книзь Оболенскій на это отвѣтилъ, что очень можетъ быть, что переписка дѣйствительно состоялась въ 1837 году, но дата сдѣлана такъ неразборчиво, что цифру года легко можно отнести и къ 1837 и къ 1839 годамъ¹⁴⁾. Отвѣтъ

¹⁴⁾ Изъ вытой мною изъ Московскаго архива Главнаго штаба копій формулярнаго списка Н. С. Мартынова видно, что онъ въ службу поступилъ въ Кавалергардскій полкъ унтеръ-офицеромъ 1832 года октябрю 17-го дня. Пронименованъ въ юнкера 1832 года ноябрю 11-го дня. Произведенъ въ корнета 1835 года декабря 6-го, со старшинствомъ съ 1-го Юля того же года. Произведенъ въ поручики 1836 года декабря 6-го дня. Въ 1837 году командированъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, куда отпразился 11 марта того же года и находился въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи по восточному берегу Чернаго моря. Возвратился къ полку 25 апрѣля 1838 года. Назначенъ состоять по кавалеріи съ прикомандированіемъ къ Гребенскому кавалерійскому полку 27 сентября 1839 года. Исключенъ изъ полка 4 октября того года. По мѣсячнымъ отчетамъ Гребенскаго казачьяго полка за 1840 годъ Мартыновъ показывался: въ январѣ и февралѣ—неприбывшимъ къ полку, съ марта по июль—на лицѣ, съ августа по октябрь—въ отрядѣ за рѣкой Терекѣмъ, а въ ноябрь и декабрь—болѣлымъ при полку. Документы эти самымъ положительнымъ образомъ удосто-

этотъ, если не прямо, то косвенно подтверждать сдѣланное мною предположеніе, и я, удовлетворяясь имъ, спросилъ любезнаго собесѣдника: не можетъ ли онъ сообщить мнѣ, какіе именно еще документы имѣются въ Мартыновскомъ портфелѣ, и нѣтъ ли въ числѣ ихъ какихъ либо новыхъ свѣдѣній о дуэли, или о другихъ событіяхъ изъ жизни поэта? Князь Оболенскій отвѣтилъ, что въ портфелѣ находится тетрадь воспоминаній Мартынова, начатая въ семидесятыхъ годахъ ¹⁵⁾, гдѣ онъ съ горечью описываетъ нѣсколько эпизодовъ изъ жизни поэта, въ особенности изъ времени ихъ сомнительнаго нахождения въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, рисующихъ не совсемъ въ благоприятномъ свѣтѣ его вліяніе на бывшихъ товарищей по воспитанію. Но воспоминанія эти съ концомъ тридцатыхъ годовъ обрываются, и о послѣднихъ отношеніяхъ его къ поэту и дуэли съ нимъ нѣтъ никакихъ записей. Есть еще въ портфелѣ нѣсколько писемъ отъ родныхъ и друзей, но въ нихъ, кромѣ трехъ вышеприведенныхъ выписокъ, ничего касающагося поэта не имѣется. Есть брелюны показаній Мартынова на судѣ, гдѣ, между прочимъ, есть выраженіе: «мой секундантъ Глѣбовъ ¹⁶⁾». Есть письмо Глѣбова отъ имени секундантовъ, успокоивающее Мартынова, что его интересы на судѣ будутъ поддержаны ¹⁷⁾, и есть какая-то статейка, изъ которой видно, что Л. В. Дубельтъ, бывший начальникъ штаба корпуса жандармовъ, считалъ причиной дуэли одну изъ сестеръ Мартынова. Больше интереснаго нѣтъ. Можно пользоваться этими документами предоставлено князю Оболенскому, и онъ заявилъ, что намѣренъ вос-

принять, что письмо отъ Мартынова къ матери о полученіи отъ Лермонтова денегъ и уtratѣ имъ конверта, помѣченное имъ 6 числа октября, но безъ означенія года, относится къ 1837 году, такъ какъ они оба въ этомъ году были на Кавказѣ, оба возвратились въ Петербургъ въ 1838 году и оба вернулись на Кавказъ только въ 1840 году, въ октябрѣ же мѣсяцѣ 1839 года оба находились въ Петербургѣ.

¹⁵⁾ Послѣ появленія первой статьи моей о Лермонтовской дуэли во «Всемирномъ Трудѣ» (1870 г., № 10).

¹⁶⁾ Въ подлинномъ военно-судномъ дѣлѣ, на сколько я помню, такихъ выраженій нѣтъ.

¹⁷⁾ Это, вѣроятно, то письмо, которое было напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1885 года, № 8.

пользоваться ими и напечатать выдержки изъ нихъ въ одномъ изъ историческихъ журналовъ.

Дмитрій Аркадьевичъ Столыпинъ (братъ секунданта поэта въ Барантовской дуэли А. А. Столыпина) далъ очень уклончивый отзывъ о Мартыновѣ. По его словамъ, онъ его зналъ вообще очень мало, встрѣчался съ нимъ, но близко никогда не сходилъ. Съ сестрами Мартынова Лермонтовъ былъ знакомъ въ Московскій періодъ его жизни, заѣзжалъ къ нимъ и послѣ, когда случалось быть въ Бѣлокаменной, но объ ухаживаніи его за которой нибудь изъ нихъ, а тѣмъ болѣе о близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ, ни отъ кого — ни отъ самого Лермонтова, который былъ съ нимъ друженъ, ни отъ кого другаго не слыхалъ. О казусъ съ накетомъ, при жизни Лермонтова, никакого разглагольствованія не было. Это, вѣроятно, была простая любезность, желаніе оказать услугу добрымъ знакомымъ, и если поэтъ ея не исполнилъ, то потому, что посылка дорогой была украдена. Если онъ такъ заявилъ, то это, значить, такъ и было: онъ никогда не являлъ, ложь была чужда ему¹⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, подобное обстоятельство причиной дуэли быть не могло: иначе она должна была состояться нѣсколькими годами раньше, то-есть въ то же время, когда Мартыновъ узналъ, что Лермонтовъ захватилъ письма его сестеръ. О кровавой развязкѣ дуэли Д. А. Столыпинъ только однажды бесѣдовалъ съ Н. С. Мартыновымъ, который откровенно сказалъ ему, что онъ отнесся къ поединку серьезно потому, что не хотѣлъ впоследствии поддѣргаться насмѣшкамъ, которыми вообще осыпаютъ людей, дѣлающихъ дуэль предлогомъ съ бесполезной тратѣй денегъ и гомерическихъ попойкамъ.

Отъ одного изъ оставшихся офицеровъ, не пожелавшаго, впрочемъ, предавать имени своего гласности, я узналъ, что бывшій московскій полиціймейстеръ, генералъ-маіоръ Николай Ивановичъ Огаревъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ когда-то, со словъ Н. С. Мартынова, рассказывалъ ему, что толкнулъ Мартынова на мысль о дуэли изъ-за сестры одинъ изъ жандармскихъ офице-

¹⁴⁾ О правдивости и высокой честности поэта свидѣлательствуютъ также и Боденштедтъ, который говоритъ слѣдующее: «выросшій среди обществу, гдѣ лицемерію и ложь считались признаками хорошаго тона, поэтъ до послѣдняго выдоха остался чуждъ всякой лжи и притворства».

ровъ, находившихся въ Пятигорскѣ въ 1841 году, во время производна слѣдствія по дѣлу о его дуэли съ Лермонтовыми, который въ такомъ смыслѣ донесъ тогда о причинахъ дуэли генералу Дубельту. На судъ этого Мартыновъ не показывалъ, но кому-то подъ хитрымъ прогонирился. Въ послѣднее же время своей жизни онъ сожалѣлъ, что подобный слухъ проникъ въ московское общество и циркулируетъ въ немъ. Относительно полученія отъ Лермонтова 300 рублей онъ говорилъ Огареву, что денегъ ему Лермонтовъ не навязывалъ, а только заявилъ о пропажѣ пакета. Когда же онъ сказалъ ему, основываясь на письмѣ сестры, что въ пакетѣ были деньги 300 рублей, Лермонтовъ переспросилъ его: сколько?.. 300 рублей?.. и на утвердительный кинокъ головою тотчасъ заплатилъ съ извиненіями о случившемся.

Наконецъ, и самый фактъ похищенія у Лермонтова чемодана съ вещами въ 1837 году не такъ фантастиченъ, какъ представляютъ его Мартыновцы. Изъ разсказа генерала барона Е. Н. фонъ-Майделя видно, что Лермонтовъ, во время первой своей ссылки, пріѣхалъ въ Ставрополь соеѣмъ безъ вещей, которыя у него дорогою были украдены, и поэтому явился къ начальству не тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ, а когда мундиръ и другія вещи были приготовлены, за что онъ и получилъ выговоръ, такъ какъ въ штабѣ знали, что онъ долженъ былъ явиться, въ чемъ пріѣхалъ. Самъ Лермонтовъ упоминаетъ о пропажѣ у него вещей въ повѣсти «Тамань», гдѣ онъ имѣлъ квартиру у контрабандистовъ, которые его и обворовали¹⁹⁾.

По соображеніи и обсужденіи всѣхъ сихъ сообщеній и бесѣдъ получаются слѣдующіе выводы:

1) Сдѣланное княземъ Д. Д. Оболенскимъ замечаніе, что причиною дуэли поэта съ Мартыновымъ было недостатаніе пакета съ письмами, не имѣетъ фактическихъ основаній, такъ какъ посылка сказаннаго пакета состоялась не въ 1841, а въ 1837 году, и если обстоятельно это было настолько серьезно, что требовало поединка, то дуэль должна была бы состояться тогда же, а не по прошествіи четырехъ лѣтъ.

¹⁹⁾ Въ разскажѣ этомъ описано истинное происшествіе, случившееся съ Лермонтовыми во время квартированія его въ г. Тамани, въ 1837 году, у кавачки Цирницы.

2) Инцидентъ съ пакетомъ раздутъ и преувеличенъ, какъ всякій слухъ, ходящій въ обществѣ въ разныхъ вариантахъ истеченіе полустолѣтія слыхомъ. Въ сущности онъ не имѣетъ того значенія, которое ему было придано уже послѣ смерти поэта. Это была простая дружеская услуга, которая если не выполнена исполнѣ, то единственно потому, что обстоятельства, совершенно непредвидѣнія, помѣшали ея осуществленію. Видѣть же въ ней какой-то безчестный умыселъ или предосудительный поступокъ могутъ только враги поэта, которые, желая очернить память его, какъ іезуиты, считаютъ всё средства дозволенными.

III.

Графъ Алексѣй Владиміровичъ Васильевъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній о встрѣчахъ и совместной службѣ съ Лермонтовымъ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку (нынѣ полкъ его величества) въ первые годы по зачисленіи поэта въ полкъ, то-есть въ 1834 и 1835 годахъ. Она знала Михаила Юрьевича еще въ школѣ гвардейскихъ конниковъ и, по выпускѣ его въ офицеры, очень интересовалась имъ, тѣмъ болѣе, что слава поэта предшествовала появленію его въ полку. Графъ Васильевъ числился въ полку старшимъ корнетомъ, когда Лермонтовъ былъ произведенъ въ офицеры и поэтъ, по заведенному порядку, послѣ представленія начальству явился и къ нему съ визитомъ. Представляла его, какъ старшій и знакомый со всѣми въ полку, А. А. Столыпинъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій любезный хозяинъ обратился къ своему гостю съ вопросомъ:

— Надѣюсь, что вы познакомите насъ съ вашими литературными произведеніями?

Лермонтовъ нахмурился и, немного подумавъ, отвѣчалъ:

— У меня очень мало такого, что интересно было бы читать.

— Однако, мы кое-что читали уже.

— Все пустяки! — засмѣялся Лермонтовъ. — А впрочемъ, если васъ интересуютъ это, заходите ко мнѣ, я покажу вамъ.

Но когда приходили къ нему любопытствующіе прочесть что либо новое, Лермонтовъ показывалъ не многое и, какъ будто опасаясь за неблагопріятное впечатлѣніе, очень неохотно. Во всякомъ

случай некоторые товарищи, какъ, напримеръ, Годеинъ и другіе, читали въ немъ поэта и гордились имъ.

Во время служенія Лермонтова въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку командирами полка были: съ 1834 по 1839 годъ—генералъ-майоръ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, а въ 1839 и 1840 годахъ—генералъ-майоръ Павелъ Александровичъ Платинъ. Эскадронами командовали: 1-мъ—флигель-адъютантъ, ротмистръ Михаилъ Васильевичъ Пашковъ; 2-мъ—ротмистръ Орестъ Федоровичъ фонъ-Герардорфъ; 3-мъ—ротмистръ графъ Александръ Осиповичъ Виттъ, а потомъ—штабсъ-ротмистръ Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ; 4-мъ—полковникъ Федоръ Васильевичъ Ильинъ, а затѣмъ—ротмистры Игорь Ивановичъ Шеничъ; 5-мъ—ротмистръ князь Дмитрій Алексѣевичъ Щербатовъ 1-й; 6-мъ—ротмистръ Иванъ Ивановичъ Ершовъ и 7-мъ—полковникъ Николай Ивановичъ Бухаровъ. Корнетъ Лермонтовъ первоначально былъ зачисленъ въ 7-й эскадронъ, а въ 1835 году переведенъ въ 4-й эскадронъ. Служба въ полку была не тяжелая, кромѣ лагернаго времени или лѣтнихъ кампаний по деревнямъ, когда ученье производилось каждый день. На ученьяхъ и маневрахъ должны были находиться всѣ числящіеся на лицо офицеры. Въ остальное время служба оберъ-офицеровъ, не командовавшихъ частями, ограничивалась карауломъ во дворцѣ, дежурствомъ въ полку, да случайными какими либо нарядами. Поэтому большинство офицеровъ, не занятыхъ службою, уѣзжало въ С.-Петербургъ и оставалось тамъ до наряда на службу. На случай экстреннаго же требованія начальства въ полку всегда находилось два-три оберъ-офицера изъ менѣе подвижныхъ, которые и отбывали за товарищей службу, съ зачетомъ очереди наряда въ будущемъ. За Лермонтова отбывала службу большей частью Годеинъ, любимый его, какъ брата.

Въ праздничные же дни, а также въ случаяхъ какихъ либо экстраординарныхъ событій въ сибѣ: какъ-то: баловъ, маскарадовъ, постановки новой оперы или балета, дебюта пріѣзжей знаменитости, гусарскіе офицеры не только младшихъ, но и старшихъ чиновъ уѣзжали въ Петербургъ и, конечно, не всѣ возвращались въ Царское Село своевременно. Графъ Васильевъ помнитъ даже такой случай. Однажды генералъ Хомутовъ приказалъ полковому адъютанту, графу Ламберту, назначить на утро полковое ученье, но адъютантъ доложилъ ему, что вечеромъ идетъ «Фенелла», и офицеры въ Петербургѣ, такъ что многіе, не зная о нарядѣ, не будутъ на ученье.

Командиръ полка принялъ во вниманіе подобное представленіе, и ученье было отложено до слѣдующаго дня.

Лермонтовъ жилъ съ товарищами вообще дружно, и офицеры любили его за высоко цѣнившуюся тогда «гусарскую удалъ». Не сходился только онъ съ одними поляками, въ особенности онъ не любилъ одного изъ наиболѣе чванливыхъ изъ нихъ — Понятопскаго, бывшаго впоследствии адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича. Взаимныя ихъ отношенія ограничивались холодными поклонами при встрѣчахъ. Михаилъ Юрьевичъ не разъ говаривалъ: «жида гораздо искреннѣе, чѣмъ поляки».

Квартиру Лермонтовъ имѣлъ, по словамъ Д. А. Столыпина, въ Царскомъ Селѣ, на углу Большаго проспекта и Манежной улицы, но жилъ въ ней не съ однимъ только Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ, какъ заявлено Н. А. Висковатовымъ въ біографіи поэта; вмѣстѣ съ ними жилъ также и Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ, и хозяйство у всѣхъ тронъ было общее. Лошадей Лермонтовъ любилъ хорошихъ, и въ виду частыхъ поѣздокъ въ Петербургъ держалъ верховыхъ и выѣздныххъ. Его конь «Парадёръ» считался однимъ изъ лучшихъ; онъ купилъ его у генерала Хомутова и заплатилъ болѣе 1.500 рублей, что, по тогдашнему времени, составляло на ассигнаціи около 6.000 рублей. О рѣзвости гусарскихъ скакуновъ можно судить по слѣдующему разсказу Д. А. Столыпина. Во время извѣстной поѣздки Лермонтова съ А. А. Столыпинымъ на дачу балеряны Нименовой, близъ Краснаго Кабачка, воспитой Михаилъ Юрьевичъ въ поѣздѣ «Монго», когда друзья на обратномъ пути только-что выдвинулись на Петергофскую дорогу, вдали показался возвращавшійся изъ Петергофа въ Петербургъ въ коляскѣ четверкою великій князь Михаилъ Павловичъ. Взять ему навстрѣчу значило бы сидѣть на гауптвахтѣ, такъ какъ они уѣхали изъ полка безъ спросу. Не долго думая, они повернули назадъ и помчались по дорогѣ въ Петербургъ, впереди великаго князя. Какъ ни хороша была четвертка великокняжескихъ коней, друзья ускакали и, свернувъ подлѣ Петербургомъ въ сторону, рано утромъ вернулись къ полку благополучно. Великій князь не узналъ ихъ, онъ видѣлъ только двухъ впереди его ускакавшихъ гусаръ, но кто именно были эти гусары, разсмотрѣть не могъ, и поэтому, пріѣхавъ въ Петербургъ, послалъ спросить полковаго командира: всѣ ли офицеры на ученьѣ? «Всѣ», — отвѣчалъ генералъ Хомутовъ, и дѣйствительно были всѣ, такъ какъ друзья прямо съ

дороги отправились на учебы. Гроза миновала, благодаря рѣзости гусарскихъ скакуновъ.

Въ гусарскомъ полку, по разсказу графа Васильева, было много любителей большой карточной игры и гомерическихъ попойкъ съ огнями, музыкой, женщинами и пляской. У Герздорфа, Бакаева и Ломоносова велась постоянная игра, проигрывались десятки тысячъ, у другихъ—тысячи бросались на кутежи. Лермонтовъ бывалъ вездѣ и вездѣ принималъ участіе, но сердце его не лежало ни къ тому, ни къ другому. Онъ приходилъ, ставилъ нѣсколько картъ, братъ или давалъ, смѣялся и уходилъ. О женщинахъ, пріѣзжавшихъ на кутежи изъ С.-Петербурга, онъ говорилъ: «бѣдныя, ихъ нужда къ намъ загоняетъ», или: «на что онѣ намъ? у насъ такъ много достойныхъ любви женщинъ». Изъ всѣхъ этихъ шальныхъ удовольствій повѣтъ болѣе всего любилъ цыганъ. Въ то время цыгане въ Петербургѣ толпою что-то появились. Ихъ привезъ изъ Москвы знаменитый Илья Соколовъ, въ хорѣ которого были черныя, по тогдашнему времени, пѣвицы: Любава, Стеша, Груша и другія, увлекавшія не только молодежь, но и стариковъ на безумныя съ ними траты. Цыгане, по пріѣздѣ изъ Москвы, первоначально поселились въ Павловскѣ, гдѣ они въ одной изъ слободокъ занимали нѣсколько домовъ, а затѣмъ уже, съ теченіемъ времени, перебрались и въ Петербургъ. Михаилъ Юрьевичъ частенько наѣзжалъ съ товарищами къ цыганамъ въ Павловскъ, но и здѣсь, какъ во всемъ, его привлекалъ не кутежъ, а ихъ дикія разудалыя пѣсни, своеобразный бытъ, оригинальность типовъ и характеровъ, а, главное, свобода, которую они носили въ пѣсняхъ и которой они были тогда единственными провозвѣстниками. Все это онъ наблюдалъ и изучалъ, и возвращался домой почти всегда довольный проведеннымъ у нихъ временемъ.

Д. А. Столыпинъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, будучи еще юнкеромъ (въ 1835 или 1836 году), пріѣхалъ однажды къ Лермонтову въ Царское Село и съ нимъ послѣ обѣда отправился къ цыганамъ, гдѣ они и провели цѣлый вечеръ. На вопросъ его: какую пѣсню онъ любить болѣе всего? Лермонтовъ отвѣтилъ: «а вотъ послушай!» и велѣлъ спѣть. Начала пѣсни, къ сожалѣнію, Дмитрій Аркадьевичъ припомнить не могъ, онъ вспоминалъ только нѣсколько словъ ея: «а ты слышишь ли, милый другъ, понимаешь ли»... и еще: «ахъ ты, злодѣй, злодѣй»... Вотъ эту пѣсню онъ особенно любилъ и за мотивы, и за слова.

Графъ Васильевъ жилъ въ то время въ Царскомъ Селѣ на одной квартирѣ съ перучникомъ Гончаровымъ, роднымъ братомъ Натальи Николаевны, супруги А. С. Пушкина. Черезъ него онъ познакомился съ поэтомъ и бывалъ у него впоследствии не рѣдко. А. С. Пушкинъ, жившій тогда тоже въ Царскомъ, близъ Битайскаго дома, любилъ молодаго гусара и частенько утромъ, когда онъ возвращался съ ученья домой, зазывалъ къ себѣ, шутилъ, смѣялся, рассказывалъ или самъ слушалъ рассказы о новостяхъ дня. Однажды въ жаркій лѣтній день графъ Васильевъ, зайдя къ нему, засталъ его чуть не въ прародительскомъ костюмѣ. «Ну, ужъ извините,—засмѣялся поэтъ, пожимая ему руку,—жара стоитъ африканская, а у насъ такъ, въ Африкѣ, ходятъ въ такихъ костюмахъ».

Онъ, по словамъ графа Васильева, не былъ лично знакомъ съ Лермонтовымъ, но зналъ о немъ и восхищался его стихами.

— Далеко мальчикъ поидеть, говорилъ онъ.

Между тѣмъ нѣкоторые гусары были противъ занятій Лермонтова поэзіей. Они находили это несомнѣннымъ съ достоинствомъ гвардейскаго офицера.

— Брось ты свои стихи,—сказалъ однажды Лермонтову любившій его болѣе другихъ полковникъ Ломоносовъ:—государь узнаетъ, и названъ ты себѣ буди!

— Что я пишу стихи,—отвѣчалъ поэтъ:—государю извѣстно было еще, когда я былъ въ юнкерской школѣ, черезъ великаго князя Михаила Павловича, и вотъ, какъ видите, до сихъ поръ никакихъ будъ я себѣ не нажилъ.

— Ну, смотри, смотри,—грозилъ ему шутя старый гусаръ:—не зарисъ, куда не слѣдуетъ.

— Не беспокойтесь, господинъ полковникъ,—отшучивался Михаилъ Юрьевичъ, дѣлая серьезную мину:—сынъ Феба не упизится до самозабвенія.

Когда послѣдовалъ приказъ о переводѣ Лермонтова за стихи: «На смерть А. С. Пушкина», на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, офицеры лейбъ-гвардіи гусарскаго полка хотѣли дать ему прощальный обѣдъ по подпискѣ, но полковой командиръ не разрѣшилъ, находя, что подобныя проводы могутъ быть истолкованы, какъ протестъ противъ выписки поэта изъ полка.

Изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта, барона Е. И. фонъ-Майделя, приведу еще слѣдующій оригинальный случай изобрѣтательности ума Михаила Юрьевича. Въ концѣ 1840 и въ началѣ 1841 года

— Заснмъ полученную сумму раздѣлите на 2.

Старикъ раздѣлялъ.

— Теперь посмотримъ, что у васъ должно получиться... кажется, если не ошибаюсь, цифра $282\frac{1}{2}$..

Баталіонеръ даже припскачилъ, такъ поразила его точность вычисленія.

— Да, совершенно вѣрно: $282\frac{1}{2}$... я задумалъ цифру 50.— И онъ снова провѣрилъ: $50+25,+125,-37,-50,\times 5,:2$, дѣйствительно остается $282\frac{1}{2}$...—Фу, чортъ побери!.. Да вы ужъ не коздуни ли?

— Коздунъ — не коздуни, а математикъ учился, — улыбнулся Лермонтовъ.

— Но позвольте...—старикъ видимо сомнѣвался, не подсмотрѣлъ ли математикъ его цифры, когда онъ производилъ вычисленія. — Нельзя ли повторить?

— Извольте.

Старикъ записалъ задуманную цифру, никому не показавъ, положилъ подъ подушечникъ и сталъ считать въ умѣ двенадцать поэтовъ цифры. И на этотъ разъ цифра остатка была угадана. Всѣ заинтересовались. Старикъ только развелъ руками. Хозяйка дома попросила повторить еще разъ опытъ, и еще разъ опытъ удался.

Но крѣпости пошелъ гонимъ. Гдѣ бы поэтъ ни показался, къ нему стали обращаться съ просьбами угадать задуманную цифру. Нѣсколько разъ онъ исполнялъ эти просьбы, но, наконецъ, ему надоѣло, и онъ черезъ нѣсколько дней тоже на одномъ изъ вечеровъ открылъ секретъ, состоявшій въ томъ, чтобы заставить задумавшаго извѣстное число, какое бы оно ни было, вычесть изъ суммы, увеличенной прибавленіемъ нѣсколькихъ цифръ, и затѣмъ считать только двенадцать цифръ, напримѣръ, $x+100,+206,+310,-500,-x,:2,x\ 3=174$. Теперь это знаетъ каждый школьникъ, а въ то время и въ образованномъ обществѣ считалось чуть ли не черной магіей.

Изъ сообщеній Д. А. Столыпина, въ видахъ устраненія неточностей, вкрапившихся въ біографію поэта, составленную Н. А. Виссеровыхъ, приведу слѣдующіе факты.

а) На поступленіе Лермонтова въ школу гвардейскихъ юнкеровъ поимѣялъ не Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ (стр. 173), а Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ, двоюродный братъ, служившій уже тогда въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку.

б) Не Глазуновъ, издатель перваго собранія сочиненій поэта, вышедшаго при его жизни, просилъ Ѳ. В. Булгарина о рецензій изданія въ «Сѣверной Пчелѣ» (стр. 358), а бабушка поэта, Е. А. Арсеньева, выпросила у поэта два экземпляра сочиненій и, вложивъ въ одинъ изъ нихъ пять сотенныхъ ассигнацій, отослала его, безъ вѣдома поэта, къ Булгарину, который принялъ посылку и написалъ хвалебную рецензію ²⁰⁾.

в) Альбомъ, въ которомъ рисовали Лермонтовъ въ Пятигорскѣ въ 1841 году каррикатуры на «подлое общество», взявъ послѣ смерти поэта не Глѣбовымъ (стр. 403), а Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпиннымъ, который и принесть его въ Петербургъ, а изъ Петербурга отослать въ свое имѣніе — село Пушкино, Пензенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ другими его вещами, былъ похищенъ обокраившими его домъ ворами.

Изъ дѣлъ Московскаго архива главнаго штаба мною извлечены слѣдующія свѣдѣнія:

По мѣсячнымъ отчетамъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка за 1840 и 1841 годы, поручикъ Лермонтовъ показанъ: съ 11-го іюля по ноябрь 1840 г. — въ прикомандированіи къ отряду генералъ-лейтенанта Голофѣева, откуда и получалъ разрѣшенія на поѣздку въ Пятигорскъ и Ставрополь — въ августѣ и сентябрѣ, и въ Крымъ — въ концѣ октября. За декабрь 1840 и январь 1841 года онъ показанъ состоящимъ при полку на лицѣ, въ крѣпости Анапѣ, съ февраля по іюнь — въ домашнемъ отпуску, а за іюнь по день смерти за болязнію въ Пятигорскомъ военномъ госпиталѣ. Поэтому никакой заглажности о мѣстѣ нахожденія поэта въ концѣ 1840 и началѣ 1841 годовъ, какъ заявилъ въ біографіи поэта г. Висковатовъ (стр. 356), нѣтъ, и предположенія его о самопольной поѣздкѣ поэта въ Крымъ не имѣютъ никакихъ основаній. Равнообразно несомнѣтельно и замѣчаніе (стр. 340), что Лермонтовъ въ концѣ октября 1840 года уже уѣзжаетъ съ Кавказа и возвращается только въ мѣѣ 1841 года.

По отчетамъ Нижегородскаго драгунскаго полка за 1837 годъ, Лермонтовъ показанъ: съ 1-го іюня по 25-е іюля — болнымъ въ

²⁰⁾ На это намекнулъ и В. Г. Вѣлиискій, обозначившій рецензію Булгарина «скупленнымъ пристрастіемъ» (IV томъ его сочиненій).

Пятигорскомъ госпиталѣ, а съ 25-го іюля по октябрь — въ командиронѣ, въ дѣйствующемъ отрядѣ за Кубанью, откуда, по повелѣнію приказа о переводѣ его въ лейбъ-гвардію Гродненскій гусарскій полкъ, онъ и былъ отправленъ къ мѣсту новаго служенія. Въ Гродненскій полкъ прибылъ поэтъ въ мартѣ 1838 года, и показанъ на лицо. Наѣзжалъ въ Ставрополь и Пятигорскъ въ августъ и сентябрь 1837 года по разрѣшенію отряднаго начальства.

Изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка (его величества) былъ уволенъ въ отпускъ только въ 1835 году, съ 20-го декабря на шесть недѣль, въ коемъ по болѣзни пробылъ до 14-го марта 1836 года. Последнее указываетъ точно время нахождения поэта у бабушки въ имѣніи Тарханы, о которомъ г. Висковатовъ говоритъ неопредѣленно: «въ зиму 1836 года», или «тогда же или за годъ» (стр. 228 и 229).

По кондуктными списками полковъ Лермонтовъ аттестовался: лейбъ-гвардіи гусарскаго: по службѣ — «усерденъ», способностей ума — «хорошихъ», въ нравственности — «хорошъ», въ хозяйствѣ — «хорошъ». Нижегородскаго драгунскаго — тоже, кромѣ двухъ послѣднихъ: графъ, гдѣ аттестацин не сдѣлано за непробытисѣ къ полку, и Тенгинскаго пѣхотнаго — такъ же, какъ и въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, съ той разницею, что способности ума признаны «отлично хорошиими». Подобная аттестация совершенно опровергаетъ занесенное г. Висковатовымъ въ біографію поэта (стр. 203) утвѣреніе, что начальство не благоволило къ поэту и считало его дурнымъ фронтовымъ офицеромъ. Къ слову замѣчу, что кондуктныя списки составлялись лично командирами частей, для того, чтобы высшія власти могли имѣть вполне точныя и вѣрныя свѣдѣнія о служебныхъ, нравственныхъ, умственныхъ и хозяйственныхъ способностяхъ офицеровъ. Это были секретныя свѣдѣнія, и въ нихъ едва ли можно допустить пристрастныя сужденія командировъ о своихъ подчиненныхъ. Въ тѣхъ же кондуктахъ находится и не вполне благоприятная аттестацин; такъ, напримеръ, въ первомъ полку поручикъ графъ Ф. Д. Алопеусъ былъ аттестованъ: въ нравственности — «непостоянень», а въ послѣднемъ — прапорщикъ Н. Н. Ляле: въ нравственности — «порядочень», а въ хозяйствѣ — «расточителень».

Относительно награды за дѣло подъ Валериюмъ г. Висковатовъ говоритъ въ его біографіи (стр. 350), что онъ былъ пред-

ставленъ къ ордену св. Владимира 4-й степени съ бантомъ. Дѣйствительно, генералъ-лейтенантъ Голофѣевъ испрашивалъ ему эту награду въ доносѣхъ генералъ-адъютанту Граббе, отъ 8-го октября 1840 года, слѣдующаго содержанія: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ завазовъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и убѣждать начальника отряда обѣя успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностію отъ непріятеля, скрывавшагося въ дѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, не подвѣляя возложенное на него порученіе съ отличными мужествомъ и хладнокровіемъ, и съ первыми рыдами храбрѣйшихъ повалилъ въ непріятельскіе завалы». По представленію это осталось безъ послѣдствій: слѣдующая инстанція, представивъ реляцію вышнему начальству, полагала ограничить награду пожалованіемъ ордена св. Станислава 3-й степени, а вышнее начальство нашло болѣе соотвѣтственнымъ—совѣтъ ничего не давать.

Верстахъ въ 25-ти отъ Москвы, по дорогѣ въ с. Ильинское, находится принадлежавшее прежде Столыпиннымъ с. Средниково, гдѣ Михаилъ Юрьевичъ, въ періодъ своей московской жизни, провелъ нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ. Мѣстѣ это въ настоящее время принадлежитъ Вѣрѣ Ивановнѣ Фирсановой, бывшей Вороновой, наследовавшей его послѣ извѣстнаго московскаго богача Фирсанова, у котораго, по разсказу П. И. Бартедова, послѣ смерти нашли за щекой во рту ключъ отъ шкапулки съ милліонами. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть эту замѣчательную мѣстность, гдѣ поэтъ увлеклся, любилъ и написалъ перныя свои высокопоэтическія произведенія, какъ, напримѣръ, «По небу полуночи ангелъ летѣлъ». Но г-жа Фирсанова лично меня принять не соизволила, а на письмо мое ничего не отвѣтила. Пришлось, поэтому, ограничиться разсказомъ извѣстнаго нашего драматурга Константина Августиновича Тарнопскаго, только что позиратиннагося изъ с. Средникова. Тамъ ничего отъ времени пребыванія поэта не сохранилось. Стоитъ только домъ, въ которомъ поэтъ жилъ, да сохраняется пока еще паркъ, гдѣ онъ гулялъ, мечталъ и предавался несбыточнымъ надеждамъ. Прочее все исчезло, и нынѣшнимъ обитателямъ мѣстѣ о жизни тамъ поэта ничего неизвѣстно.

ПОЭТЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ

и

г-жа АДЕЛЬ ГОММЕРЪ ДЕ ГЕЛЛЬ.

СТРѢЧА нашего гениальнаго поэта съ изящной, красивой и экзотической француженкой на Кавказѣ въ 1840 году и увлеченіе ея составляютъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ и яркихъ эпизодовъ въ его разнообразной, но весьма тяжелой и скучной жизни въ изгнаніи, которую можно обрисовать однимъ его типичнымъ опредѣленіемъ: «все люди, да люди—такая тоска, хоть бы черти для смѣха попадались». Нашей публикѣ эпизодъ этотъ почти неизвѣстенъ, такъ какъ біографы поэта отнеслись къ нему весьма пренебрежительно, въ особенности Н. А. Висковатовъ, а въ изящныхъ нашихъ литературныхъ ежемѣсячникахъ нигдѣ никогда ничего о немъ не появлялось. Г. Висковатовъ, въ біографіи М. Ю. Лермонтова (Собраніе его сочиненій, 1891 г., томъ VI, стр. 350 и 351) говоритъ только: «Лермонтовъ въ это время (въ августѣ 1840 года) получаетъ разрѣшеніе побывать въ Пятигорскѣ. Мы его встрѣчаемъ тамъ 14 августа въ компаніи съ французской писательницей Адель Гоммеръ де Гелль, весьма красивой и умной женщиной. Легкомысленная француженка вполне оцѣнила умъ и талантъ поэта, а Лермонтовъ, поклонникъ и тонкій знатокъ женской красоты, конечно, не упустилъ случая показаться во всемъ блескѣ своего ума и поэтическаго дарованія, такъ что м-ме Адель пришла отъ него въ восторгъ и стала ревновать къ поэту дѣвицу Реброву, за которую въ прежніе свои прѣзды сильно ухаживали. Михаилъ

Юрьевичъ. Говорили даже, что онъ на ней женится. Изъ Пятигорска вся пѣселяя компанія переѣзжаетъ въ Кисловодскъ». Затѣмъ, приведя нѣсколько фразъ изъ писемъ м-ме Гоммеръ де Гелль о знакомствѣ съ поэтомъ въ Кисловодскѣ, почтенный биографъ высказалъ предположеніе, что нѣкоторые эпизоды съ французенкой отражены въ романѣ «Герой нашего времени»¹⁾. Далѣе, упомянувъ, что г-жа Гоммеръ де Гелль не на шутку полюбила поэта, встрѣтись съ нимъ еще разъ черезъ два мѣсяца въ Ялтѣ, г. Висковатовъ повѣствуетъ такъ: «Подъ обаяніемъ впечатленія и поэтической обстановки, они обмѣнялись стихотвореніями. Лермонтовъ написалъ ей лирическую пѣсню на французскомъ языкѣ, описывая случай, когда оба сговорились идти гулять изъ Мисхора въ Сименсъ и м-ме де Гелль нашла поэта на мѣстѣ назначеннаго свиданія спящимъ подъ березою. Михаилъ Юрьевичъ странно дуралчился съ интересною иностранкой, пѣсьма легко относившеюся къ жизни, но все же понимавшею значеніе нашего поэта лучше многихъ изъ его соотечественниковъ. Она называла Михаила Юрьевича «Будьбуль», что татарски означаетъ соловей и въ письмахъ по Францію высказывала, что «это новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи». Г-жа де Гелль посвятила нашему поэту стихотвореніе подъ заглавіемъ «Соловей. Лермонтову» и помѣстила его тогда же въ «Одесскомъ журналѣ». Въ заключеніе

¹⁾ Онъ пишетъ: «Стоитъ сравнить расказъ г-жи Гоммеръ де Гелль съ тѣмъ, что сказано въ «Книжкѣ Мери» (т. V, стр. 803—805); напиримѣръ, сцена почнаго нападенія, отъ котораго Печоринъ успѣхотъ скрыться въ домѣ, гдѣ жила Віра, т. е. въ домѣ и пылѣ въ Кисловодскѣ именуемому домоу Реброной. Стр. 300 и 327, сцена, когда Печоринъ говоритъ книжкѣ Мери, что не любитъ ея. Стр. 294—гдѣ Віра рѣшуетъ Печорина къ Мери, когда дошелъ до нея слухъ, что онъ женится на этой дѣвушкѣ. Даже ботинки «coûleur rose» на стр. 263, обувавшіе вѣяющую ногу Мери, именно того цвѣта, коня щеголяла маленькая пойка французенки въ «миллномъ баннамкѣ». По предположенію эти неспѣры: романъ «Герой нашего времени» былъ уже отпечатанъ въ началѣ 1840 года. Въ «Сѣверной Пчелѣ» 3, 11 и 25 мая 1840 года и № 98, 105 и 116, мы находимъ объявленія книгопродавцевъ о продажѣ въ ихъ лавчанипахъ этого романа, а въ 4 части журнала «Милкѣ» о выходѣ которой въ свѣтъ сдѣлана публикація въ «Сѣверной Пчелѣ» 5 іюня 1840 года № 124, появилась уже первая о немъ критическая статья Бурачка.

же онъ пишетъ: «Какимъ образомъ пскоръ послѣ экспедиціи Лермонтовъ оказался въ Ялтѣ съ г-жею Гоммеръ де Гелль — непонятно. Намъ не удалось опредѣлить, когда и на сколько времени былъ ему данъ отпускъ и вообще былъ ли данъ таковой... Трудно предположить, чтобы поэтъ ушелъ такъ, что побѣжалъ въ Крымъ безъ разрѣшенія».

Et voilà comme on écrit l'histoire! Коротко и... не ясно. Какое понятіе можетъ составить себѣ читатель, прочитавъ вышеприведенное пофистованіе біографа и къ какимъ выводамъ онъ придетъ дожить? А эпизодъ по неяскомъ случаѣ весьма интересный; постараемся разъяснить и дополнить его на сколько возможно, какъ опущенными біографомъ, такъ и слышанными нами отъ другихъ лицъ, нѣкоторыми подробностями.

Во-первыхъ, постараемся опредѣлить, кто была и что такое изображала изъ себя въ началѣ сороковыхъ годовъ г-жа Адель Гоммеръ де Гелль. По словамъ покойнаго генерала-отъ-инфантерій барона Е. Н. фонъ-Майделя, лично знавшаго ее въ молодости, это была супруга французскаго консула въ Одессѣ Реанье Гоммеръ де Гелль, извѣстнаго автора статей: «*Les freres Moraves à Sarapta*», «*Kichinev, capitale de la Bessarabie*» и другихъ, молодая, красивая и обаятельная дама, кружившая безустанно головы своихъ многочисленныхъ поклонниковъ и видѣвшая въ томъ едва ли не цѣль своей жизни. Она имѣла живой и веселый характеръ, много путешествовала по Россіи и была извѣстна какъ поэтесса и авторъ сочиненія «*Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans le Russie méridionale*». Въ разговорахъ она поражала болыною начитанностью и знаніемъ русской исторіи и литературы. Ея опредѣленія и характеристики извѣстныхъ лицъ были типичны, злы и жѣстки. Такъ, напримѣръ, новороссійскаго и бесарабскаго генералъ-губернатора, князя М. С. Воронцова, она называла «соперникъ великаго»; герцога Римскаго, строителя Одессы, по ея словамъ, былъ «маленькій Римскаго». Поэта А. С. Пушкина она считала гениальнымъ поэтомъ, но въ отношеніи дуэли съ Дантесомъ становилась на сторону послѣдняго и называла Александра Сергѣевича «ревнивымъ русскимъ мавромъ». О Лермонтовѣ говорила: «Это — Прометей, прикованный къ скаламъ Кавказа... коршуны, терзающіе его грудь, не понимаютъ, что они дѣлаютъ, иначе они сами себя растерзали бы груди...» или: «Лермонтовъ — золотое руно Колхиды, и я, какъ Язонъ, стремилась найти его и овладѣть имъ»...

дороги отправились на ученье. Гроза миновала, благодаря рѣзвости гусарскихъ скакуновъ.

Въ гусарскомъ полку, по разказу графа Васильева, было много любителей большой карточной игры и гомерическихъ попойекъ съ огниномъ, музыкой, женщинами и пляской. У Герздорфа, Бакаева и Ломоносова велась постоянная игра, проигрывались десятки тысячъ, у другихъ—тысячи бросались на кутежи. Лермонтовъ бывалъ вездѣ и вездѣ принималъ участіе, но сердце его не лежало ни къ тому, ни къ другому. Онъ приходилъ, ставилъ нѣсколько картъ, бралъ или давалъ, сѣлся и уходилъ. О женщинахъ, пріѣзжавшихъ на кутежи изъ С.-Петербурга, онъ говаривалъ: «бѣдныя, ихъ нужда къ намъ загоняетъ», или: «на что онѣ намъ? у насъ такъ много достойныхъ любви женщинъ». Изъ вѣдъ этихъ шальныхъ удовольствій повѣтъ болѣе всего любилъ цыганъ. Въ то время цыгане въ Петербургѣ толпою-что появились. Ихъ привезъ изъ Москвы знаменитый Пала Соколовъ, въ хорѣ котораго были перья, по тогдашнему времени, пѣвицы: Любаша, Стеша, Груша и другія, увлекавшія не только молодежь, но и стариковъ на безумныя съ ними траты. Цыгане, по пріѣздѣ изъ Москвы, первоначально поселились въ Пандовскъ, гдѣ они въ одной изъ слободокъ занимали нѣсколько домовъ, а затѣмъ уже, съ теченіемъ времени, перебрались и въ Петербургъ. Михаилъ Юрьевичъ частенько наѣзжалъ съ товарищами къ цыганамъ въ Пандовскъ, но и здѣсь, какъ во всемъ, его привлекалъ не кутежъ, а ихъ дикія разудалыя пѣсни, своеобразный бытъ, оригинальности типовъ и характеровъ, а, главное, свобода, которую они носили въ пѣсняхъ и которой они были тогда единственными провозвѣстниками. Все это онъ наблюдалъ и изучалъ, и позирался домой почти всегда довольный проведеннымъ у нихъ временемъ.

Д. А. Столыпинъ разказывалъ мнѣ, что онъ, будучи еще юнкеромъ (въ 1835 или 1836 году), пріѣхалъ однажды къ Лермонтову въ Царское Село и съ нимъ послѣ обѣда отправился къ цыганамъ, гдѣ они и провели цѣлый вечеръ. На вопросъ его: какую пѣсню онъ любить болѣе всего? Лермонтовъ отвѣтилъ: «а вотъ послушай!» и велѣлъ спѣть. Начала пѣсни, къ сожалѣнію, Дмитрій Аркадьевичъ припомнить не могъ, онъ вспоминалъ только нѣсколько словъ ея: «а ты слышишь ли, милый другъ, понимаешь ли»... и еще: «ахъ ты, злодѣй, злодѣй»... Вотъ эту пѣсню онъ особенно любилъ и за мотивы, и за слова.

Графъ Васильевъ жилъ въ то время въ Царскомъ Селѣ на одной квартирѣ съ поручикомъ Гончаровымъ, роднымъ братомъ Наталіи Николаевны, сестры А. С. Пушкина. Черезъ него онъ познакомился съ поэтомъ и бывалъ у него впоследствии не рѣдко. А. С. Пушкинъ, жившій тогда тоже въ Царскомъ, близъ Князьскаго дома, полюбилъ молодого гусара и частенько утромъ, когда онъ возвращался съ ученья домой, зазывалъ къ себѣ, шутилъ, смѣялся, рассказывалъ или самъ слушалъ рассказы о новостяхъ дня. Однажды въ жаркій лѣтній день графъ Васильевъ, зайдя къ нему, засталъ его чуть не въ прародительскомъ костюмѣ. «Ну, ужъ извините,—засмѣялся поэтъ, пожимаая ему руку,—жара стоитъ африканская, а у насъ тамъ, въ Африкѣ, ходятъ въ такихъ костюмахъ».

Онъ, по словамъ графа Васильева, не былъ лично знакомъ съ Лермонтовымъ, но зналъ о немъ и восхищался его стихами.

— Далеко мальчишкѣ пойдеть, говорилъ онъ.

Между тѣмъ нѣкоторые гусары были противъ занятій Лермонтова поэзіей. Они находили это несовмѣстимымъ съ достоинствомъ гвардейскаго офицера.

— Брось ты свои стихи,—сказалъ однажды Лермонтову любившій его болѣе другихъ полковникъ Ломоносовъ:—государь узнаеть, и наживешь ты себѣ бѣды!

— Что я пишу стихи,—отвѣчалъ поэтъ:—государю извѣстно было еще, когда я былъ въ юнкерской школѣ, черезъ педикаго князя Михаила Павловича, и вотъ, какъ видите, до сихъ поръ никакихъ бѣдъ я себѣ не нажилъ.

— Ну, смотри, смотри,—грозилъ ему шутя старый гусарь:—не зарвись, куда не слѣдуетъ.

— Не беспокойтесь, господинъ полковникъ,—отшучивался Михаилъ Юрьевичъ, дѣлая серьезную мину:—сынъ Феба не упизится до самозабвенія.

Когда послѣдовалъ приказъ о переводѣ Лермонтова за стихи: «На смерть А. С. Пушкина», на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, офицеры лейбъ-гвардіи гусарскаго полка хотѣли дать ему прощальный объѣздъ по подиумѣ, но полковой командиръ не разрѣшилъ, находя, что подобныя проводы могутъ быть истолкованы, какъ протестъ противъ выписки поэта изъ полка.

Изъ воспоминаній генераль-лейтенанта, барона Е. П. фонъ-Майделя, приведу еще слѣдующій оригинальный случай изобрѣтательности ума Михаила Юрьевича. Въ концѣ 1840 и въ началѣ 1841 года

Тентинскій пѣхотный полкъ стоялъ въ крѣпости Анапѣ, мѣстности отдаленной и скудной. Офицеры полка по вечерамъ собирались по очереди у полкового и баталіонныхъ командировъ, доктора и нѣ-которые мѣстныхъ властей, толковали о злобѣ дня и событіяхъ времени, играли въ карты, закусывали, а въ нѣные дни даже и пияли. На одномъ изъ такихъ вечеровъ, гдѣ царилъ смертельная скука передливанія изъ пустого въ порожнее, рѣчь зашла о какомъ-то ученномъ кардиналѣ, который могъ рѣшать въ умѣ самыя сложныя математическія задачи.

— Что вы скажете на это, Лермонтовъ? — обратился къ нему одинъ изъ почтенныхъ баталіонеровъ, старикъ съ Георгіемъ, пользовавшійся всеобщемою любовью за свою простоту и доброту: — говорить, что вы тоже хорошій математикъ.

— Ничего тутъ удивительнаго нѣтъ, — отвѣчалъ съ саркастическою улыбкою поэтъ: — я тоже могу представить вамъ, если хотите, весьма замѣчательный опытъ математическихъ вычисленій.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Задумайте какую угодно цифру, и я съ помощью простыхъ ариметическихъ дѣйствій, которые вы будете проверять вѣстѣ со мною, опредѣлю эту цифру.

— Ну, что же, попробуемъ, — разсмѣялся старикъ, очевидно, сомнѣвавшійся: — но какъ велика должна быть задуманная цифра?

— А это безразлично. Но на первый разъ, для скорости вычисленія, ограничьтесь числомъ изъ двухъ цифръ.

— Хорошо, я задумалъ, — сказалъ баталіонеръ, подмигнувъ стоявшимъ вокругъ офицерамъ, и для подтвержденія впоследствии, на случай неточности исчисленія, сообщилъ задуманную цифру сдѣвшей рядомъ съ нимъ дамѣ.

— Благополите прибавить къ ней, — началъ Лермонтовъ: — еще 25, и считайте мысленно или посредствомъ записи.

Старикъ попросилъ карандашъ и сталъ записывать на бумагѣ.

— Теперь не угодно ли прибавить еще 125.

Старикъ прибавилъ.

— Засимъ вычитите 37.

Старикъ вычелъ.

— Еще вычитите ту сумму, которую вы опредѣлили въ умѣ.

Старикъ вычелъ.

— Теперь остатокъ умножьте на 5.

Старикъ умножилъ.

— Заснѣвъ полученную сумму раздѣлите на 2.

Старикъ раздѣлялъ.

— Теперь посмотримъ, что у васъ должно получиться... кажется, если не ошибаюсь, цифра $282\frac{1}{2}$..

Баталіонскій даже прискочилъ, такъ поразила его точность вычисленія.

— Да, совершенно вѣрно: $282\frac{1}{2}$... я задумалъ цифру 50.— И онъ снова провѣрялъ: $50+25, +125, -37, -50, \times 5, : 2$, дѣйствительно остается $282\frac{1}{2}$...—Фу, чортъ побери!.. Да вы ужъ не колдунъ ли?

— Колдунъ — не колдунъ, а математикъ учился, — улыбнулся Лермонтовъ.

— Но позвольте...—старикъ видимо сомнѣвался, не подсматрѣлъ ли математикъ его цифры, когда онъ производилъ вычисленія. — Нельзя ли повторить?

— Извольте.

Старикъ записалъ задуманную цифру, никому не показавъ, положилъ подъ подписчикъ и сталъ считать въ умѣ даваемые поэтомъ цифры. И на этотъ разъ цифра остатка была угадана. Всѣ заинтересовались. Старикъ только развелъ руками. Хозяйка дома попросила повторить еще разъ опытъ, и еще разъ опытъ удался.

Но крѣпости пошелъ гонимъ. Гдѣ бы поэтъ ни показался, къ нему стали обращаться съ просьбами угадать задуманную цифру. Нѣсколько разъ онъ исполнялъ эти просьбы, но, наконецъ, ему надоѣло, и онъ черезъ нѣсколько дней тоже на одномъ изъ вечеровъ открылъ секретъ, состоявшій въ томъ, чтобы заставить задумавшаго извѣстное число, какое бы оно ни было, вычесть изъ суммы, увеличенной прибавленіемъ нѣсколькихъ цифръ, и затѣмъ считать только даваемые цифры, напримѣръ, $x+100, +206, +310, -500, -x, : 2, \times 3 = 174$. Теперь это знаетъ каждый школьникъ, а въ то время и въ образованномъ обществѣ считалось чуть ли не черной магіей.

Изъ сообщеній Д. А. Столыпина, въ видахъ устраненія неточностей, вкрапившихся въ біографію поэта, составленную П. А. Висковатовымъ, приведу слѣдующіе факты.

а) На поступленіе Лермонтова въ школу гвардейскихъ юнкеровъ посылалъ не Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ (стр. 173), а Алексѣй Григорьевичъ Столыпинъ, двоюродный братъ, служившій уже тогда въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку.

6) Но Глазуновъ, издатель перваго собранія сочиненій поэта, вышедшаго при его жизни, просилъ Ѳ. В. Булгарина о рецензіи изданія въ «Сѣверной Пчелѣ» (стр. 358), а бабушка поэта, Е. А. Арсеньева, выпросила у поэта два экземпляра сочиненій и, вложивъ въ одинъ изъ нихъ пять сотенныхъ ассигнацій, отослала его, безъ вѣдома поэта, къ Булгарину, который принялъ посылку и написалъ хвалебную рецензію²⁰⁾.

в) Альбомъ, въ которомъ рисовалъ Лермонтовъ въ Пятигорскѣ въ 1841 году каррикатуры на «подлое общество», взятъ послѣ смерти поэта не Гиббонимъ (стр. 403), а Алексѣемъ Аркадьевичемъ Столыпинимъ, который и привезъ его въ Петербургъ, а изъ Петербурга отослалъ въ свое имѣніе — село Пушкино, Царскаго уѣзда, Пензенской губерніи, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ другими его вещами, былъ похищенъ обокраденными его домъ ворамъ.

Изъ дѣлъ Московскаго архива главнаго штаба мною извлечены слѣдующія свѣдѣнія:

По мѣсячнымъ отчетамъ Тенгисскаго пѣхотнаго полка за 1840 и 1841 годы, поручикъ Лермонтовъ показанъ: съ 11-го іюля по ноябрь 1840 г. — въ прикомандированіи къ отряду генералъ-лейтенанта Голофеева, откуда и получалъ разрѣшенія на поѣздку въ Пятигорскъ и Ставрополь — въ августѣ и сентябрѣ, и въ Крымъ — въ концѣ октября. За декабрь 1840 и январь 1841 года онъ показанъ состоящимъ при полку на лицѣ, въ крѣпости Анапѣ, съ февраля по іюнь — въ домашнемъ отпуску, а за іюнь по день смерти за болязнью въ Пятигорскомъ военномъ госпиталѣ. Поэтому никакой заглажности о мѣстѣ нахождения поэта въ концѣ 1840 и началѣ 1841 годовъ, какъ заявилъ въ біографіи поэта г. Висковатовъ (стр. 356), нѣтъ, и предположенія его о самовольной поѣздкѣ поэта въ Крымъ не имѣютъ никакихъ основаній. Равнообразно несомнительно и замѣчаніе (стр. 340), что Лермонтовъ въ концѣ октября 1840 года уже уѣзжаетъ съ Кавказа и возвращается только въ мартъ 1841 года.

По отчетамъ Нижегородскаго драгунскаго полка за 1837 годъ, Лермонтовъ показанъ: съ 1-го іюня по 25-е іюля — больнымъ въ

²⁰⁾ На это намекнулъ и В. Г. Вѣлискій, обозначившій рецензію Булгарина «скупленнымъ пристрастіемъ» (IV томъ его сочиненій).

Пятигорскомъ госпиталѣ, а съ 25-го іюля по октябрь — въ командиронѣ, въ дѣйствующемъ отрядѣ за Кубанью, откуда, по повелѣнію приказа о переводѣ его въ лейбъ-гвардію Гродненскій гусарскій полкъ, онъ и былъ отпращенъ къ мѣсту новаго служенія. Въ Гродненскій полкъ прибылъ поэтъ въ мартѣ 1838 года, и показанъ на лицо. Наѣзжалъ въ Ставрополь и Пятигорскъ въ августъ и сентябрь 1837 года по разрѣшенію отряднаго начальства.

Изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка (его неличества) былъ уволенъ въ отпускъ только въ 1835 году, съ 20-го декабря на шесть недѣль, въ коемъ по болѣзни пребылъ до 14-го марта 1836 года. Последнее указываетъ точно время нахождения поэта у бабушки въ имѣніи Тарханы, о которомъ г. Висковатовъ говоритъ неопредѣленно: «въ зиму 1836 года», или «тогда же или за годъ» (стр. 228 и 229).

По кондуктнымъ спискамъ полковъ Лермонтовъ аттестовался: лейбъ-гвардіи гусарскаго: по службѣ — «усерденъ», способностей ума — «хорошихъ», въ нравственности — «хорошъ», въ хозяйствѣ — «хорошъ». Нижегородскаго драгунскаго — тоже, кромѣ двухъ послѣднихъ: графъ, гдѣ аттестацин не сдѣлано за неприбытіемъ къ полку, и Тенгинскаго пѣхотнаго — такъ же, какъ и въ лейбъ-гвардіи гусарскаго полку, съ той разницею, что способности ума признаны «отлично хорошими». Подобная аттестация совершенно опровергаетъ занесенное г. Висковатовымъ въ біографію поэта (стр. 203) утверженіе, что начальство не благоволило къ поэту и считало его дурнымъ фронтовымъ офицеромъ. Къ слову замѣчу, что кондуктные списки составлялись лично командирами частей, для того, чтобы высшія власти могли имѣть вполне точныя и вѣрныя свѣдѣнія о служебныхъ, нравственныхъ, умственныхъ и хозяйственныхъ способностяхъ офицеровъ. Это были секретныя свѣдѣнія, и въ нихъ едва ли можно допустить пристрастныя сужденія командировъ о своихъ подчиненныхъ. Въ тѣхъ же кондуктахъ находятся и не вполне благоприятныя аттестацин; такъ, напримѣръ, въ первомъ полку поручикъ графъ Ф. Д. Алонусъ былъ аттестованъ: въ нравственности — «несостоятеленъ», а въ послѣднемъ — прапорщикъ Н. И. Лилъ: въ нравственности — «порядоченъ», а въ хозяйствѣ — «расточителенъ».

Относительно награды поэта за дѣло подъ Валерикомъ г. Висковатовъ говоритъ въ его біографіи (стр. 350), что онъ былъ пред-

ставленъ въ ордену св. Владимира 4-й степени съ бантомъ. Дѣйствительно, генераль-лейтенантъ Голофѣевъ испрашивалъ ему эту награду въ донесеніи генераль-адъютанту Граббе, отъ 8-го октября 1840 года, слѣдующаго содержанія: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ завазовъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и утѣждать начальника отряда обѣя успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностію отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, не подвинулъ возложенное на него порученіе съ отличными мужествомъ и хладнокровіемъ, и съ первыми рядами храбрѣйшихъ воевалъ въ непріятельскіе завалы». По представленію это осталось безъ послѣдствій: слѣдующая инстанція, представивъ реляцію вышнему начальству, полагала ограничить награду пожалованіемъ ордена св. Станислава 3-й степени, а высшее начальство нашло болѣе соотвѣтственнымъ—сочинить ничего не давать.

Верстахъ въ 25-ти отъ Москвы, по дорогѣ въ с. Ильинское, находится принадлежавшее прежде Столыпиннымъ с. Средниково, гдѣ Михаилъ Юрьевичъ, въ періодъ снотъ московской жизни, провелъ нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ. Имѣніе это въ настоящее время принадлежитъ Вѣрѣ Ивановнѣ Фирсановой, бывшей Вороновой, наследовавшей его послѣ извѣстнаго московскаго богача Фирсанова, у котораго, по разсказу Н. Н. Бартенена, послѣ смерти нашли за щекой во рту ключъ отъ шкапулки съ милліонами. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть эту замѣчательную мѣстность, гдѣ поэтъ увлекался, любилъ и написалъ первыя свои высоко-поэтическія произведенія, какъ, напримѣръ, «По небу полуночи ангелъ летѣлъ». Но г-жа Фирсанова лично меня принять не соизволила, а на письмо мое ничего не отвѣтила. Пришлось, поэтому, ограничиться разсказомъ извѣстнаго нашего драматурга Константина Августиновича Тарнопскаго, только что возвратившагося изъ с. Средникова. Тамъ ничего отъ времени пребыванія поэта не сохранилось. Стоитъ только домъ, въ которомъ поэтъ жилъ, да сохраняется пока еще паркъ, гдѣ онъ гулялъ, мечталъ и предавался избыточнымъ надеждамъ. Прочее все исчезло, и нынѣшніи обитатели имѣнія о жизни тамъ поэта ничего не извѣстно.

ПОЭТЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ

и

г-жа АДЕЛЬ ГОММЕРЪ ДЕ ГЕЛЛЬ.

ВСТРѢЧА нашего гениальнаго поэта съ изицной, красивой и экспансивной француженкой на Кавказѣ въ 1840 году и увлеченіе ею составляютъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ и яркихъ эпизодовъ въ его разнообразной, но весьма тяжелой и скучной жизни въ изгнаніи, которую можно обрисовать однимъ его типичнымъ опредѣленіемъ: «все люди, да люди—такая тоска, хоть бы черти для смѣха попадались». Нашей публикѣ эпизодъ этотъ почти неизвѣстенъ, такъ какъ біографы поэта отнеслись къ нему весьма пренебрежительно, въ особенности П. А. Висковатовъ, а въ изицныхъ нашихъ литературныхъ ежемѣсячникахъ нигдѣ никогда ничего о немъ не появлялось. Г. Висковатовъ, въ біографіи М. Ю. Лермонтова (Собраніе его сочиненій, 1891 г., томъ VI, стр. 350 и 351) говоритъ только: «Лермонтовъ въ это время (въ августѣ 1840 года) получаетъ разрѣшеніе побывать въ Пятигорскѣ. Мы его встрѣчаемъ тамъ 14 августа въ компаніи съ французской писательницей Адель Гоммеръ де Гелль, весьма красивой и умной женщиной. Легкомысленная француженка нисколько оцѣнила умъ и талантъ поэта, а Лермонтовъ, поклонникъ и тонкій знатокъ женской красоты, конечно, не упустилъ случая показаться во всемъ блескѣ своего ума и поэтическаго дарованія, такъ что м-не Адель пришла отъ него въ восторгъ и стала ревновать къ поэту дѣйству Реброву, за которую въ прежніе свои прѣзды сильно ухаживалъ Михаилъ

Юрьевичъ. Говорили даже, что онъ на ней женится. Изъ Пятигорска вся поселяя компанія переѣзжаетъ въ Кисловодскъ». Затѣмъ, приведа нѣсколько фразъ изъ писемъ м-ме Гоммеръ де Гелль о знакомствѣ съ поэтомъ въ Кисловодскѣ, почтенный биографъ высказалъ предположеніе, что нѣкоторые эпизоды съ французенкой отражались въ романѣ «Герой нашего времени» ¹⁾. Далѣе, упоминая, что г-жа Гоммеръ де Гелль по на шутку полюбила поэта, встрѣтись съ нимъ еще разъ черезъ два мѣсяца въ Ялтѣ, г. Висковатовъ повѣствуетъ такъ: «Подъ обаяніемъ увлеченія и поэтической обстановки, они обмѣнялись стихотвореніями. Лермонтовъ написалъ ей лирическую пѣсню на французскомъ языкѣ, описывая случай, когда оба сговорились идти гулять изъ Мисхора въ Сименсъ и м-ме де Гелль нашла поэта на мѣстѣ назначеннаго свиданія спящимъ подъ березою. Михаилъ Юрьевичъ странно дуранился съ интересною иностранкой, весьма легко относившеюся къ жизни, но все же понимавшею значеніе нашего поэта лучше многихъ изъ его соотечественниковъ. Она называла Михаила Юрьевича «Бульбуль», что татарски означаетъ соловей и въ письмахъ по Францію высказывала, что «это новое сѣвѣнло, которое познается и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи». Г-жа де Гелль посвятила нашему поэту стихотвореніе подъ заглавіемъ «Соловей. Лермонтову» и помѣстила его тогда же въ «Одесскомъ журналѣ». Въ заключеніе

¹⁾ Онъ пишетъ: «Стоитъ сравнить разсказы г-жи Гоммеръ де Гелль съ тѣмъ, что сказано въ «Книжнѣ Мери» (т. V, стр. 803—805); напримѣръ, сцена ночнаго нападенія, отъ котораго Печоринъ успѣваетъ скрыться въ домѣ, гдѣ жила Вѣра, т. е. въ домѣ и шить въ Кисловодскѣ именуемымъ домохъ Реброной. Стр. 300 и 327, сцена, когда Печоринъ говоритъ книжнѣ Мери, что не любитъ ея. Стр. 204—гдѣ Вѣра реннуетъ Печорина къ Мери, когда дошелъ до нея слухъ, что онъ женится на этой дѣвушкѣ. Даже ботаника «couleur rose» на стр. 253, обуваніе наипущую ногу Мери, именно того цвѣта, концы щеголяла маленькая ножка французенки въ «шляпномъ банничкѣ». Но предположенія эти неѣтрны: романъ «Герой нашего времени» былъ уже отпечатанъ въ началѣ 1840 года. Въ «Сѣверной Пчелѣ» 3, 11 и 25 мая 1840 года № 98, 105 и 116, мы находимъ объявленія книгопродавцевъ о продажѣ въ ихъ магазинахъ этого романа, а въ 4 части журнала «Маякъ» о выходѣ которой въ свѣтъ сдѣлана публикація въ «Сѣверной Пчелѣ» 5 іюня 1840 года. № 124, появилась уже первая о немъ критическая статья Вурачка.

же онъ пишетъ: «Какимъ образомъ пскорѣ послѣ экспедиціи Лермонтовъ оказался въ Ялтѣ съ г-жею Гоммеръ де Гелль — непонятно. Намъ не удалось опредѣлить, когда и на сколько времени былъ ему данъ отпускъ и вообще былъ ли данаеъ таковой... Трудно предположить, чтобы поэтъ ушелъ такъ, что поѣхалъ въ Крымъ безъ разрѣшенія».

Et voilà comme on écrit l'histoire! Коротко и... не ясно. Какое понятіе можетъ составить себѣ читатель, прочитавъ вышеприведенное пофистнованіе біографа и къ какимъ выводамъ онъ придетъ долженъ? А эпизодъ во всякомъ случаѣ весьма интересный; постараемся разъяснить и дополнить его на сколько возможно, какъ опущенными біографомъ, такъ и слышанными нами отъ другихъ лицъ, нѣкоторыми подробностями.

Во-первыхъ, постараемся опредѣлить, кто была и что такое изображала изъ себя въ началѣ сороковыхъ годовъ г-жа Адель Гоммеръ де Гелль. По словамъ покойнаго генерала-отъ-инфантерій барона Е. Н. фонъ-Майделя, лично знавшаго ее въ молодости, это была супруга французскаго консула въ Одессѣ Ксавье Гоммеръ де Гелль, извѣстнаго автора статей: «*Les frères Moraves à Sarcpta*», «*Kichinev, capitale de la Bessarabie*» и другихъ, молодая, красивая и обаятельная дама, кружившая безустанно головы спонихъ многочисленныхъ поклонниковъ и видѣвшая въ томъ едва ли не цѣль своей жизни. Она имѣла живой и веселый характеръ, много путешествовала по Россіи и была извѣстна какъ поэтесса и авторъ сочиненія «*Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans le Russie méridionale*». Въ разговорахъ она поражала большою начитанностью и знаніемъ русской исторіи и литературы. Ея опредѣленія и характеристики извѣстныхъ лицъ были типичны, злы и мѣткі. Такъ, напримѣръ, новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, князя М. С. Воронцова, она называла «соперникъ великаго»; герцога Ринселье, строителя Одессы, по ея словамъ, былъ «маленькій Ринселье». Поэта А. С. Пушкина она считала гениальнымъ поэтомъ, но въ отношеніи дуэли съ Дантесомъ становилась на сторону послѣдняго и называла Александра Сергѣевича «ренининымъ русскимъ мавромъ». О Лермонтовѣ говорила: «Это — Прометей, прикованный къ скаламъ Кавказа... коршуны, терзающіе его грудь, не понимаютъ, что они дѣлаютъ, иначе они сами себя растерзали бы груди...» или: «Лермонтовъ — золотое руно Колхиды, и я, какъ Язонъ, стремилась найти его и овладѣть имъ»...

П. А. Висковатовъ въ «Биографіи М. Ю. Лермонтова» называетъ г-жу Гоммеръ де Гелль легкомысленной французенкой, но подобное мнѣніе едва ли справедливо. Вотъ какъ она сама обрисовываетъ свой внутренній міръ, свое прошлое и свои душевные порывы къ исходу изъ тягостнаго положенія, въ стихотвореніи «Elisa Mercœur. Chant du Cygne», напечатанномъ въ «Journal d'Odessa» 20 сентября 1840 года, № 76 ²⁾).

Enfin, j'ai donc atteint ce terme de la vie,
Qui sans cesse apparaît au fond de l'horizon;
Cette borne fatale où s'éteint le génie,
Ce fantôme qui veille au bout de la prison.
Je vais aller à Dieu, bien légère d'années.
Mon front est lisse et blanc: mes cheveux longs et noirs;
Je vais offrir à Dieu mes jeunes destinées
Comme l'encens qui sort riches encensoirs!

* *

*

Bien ne me tait, hélas! regretter l'existence,
J'ai lutté tant de fois, contre un malheureux sort!
Tant de fois j'ai rêvé d'avenir, d'espérance,
Que maintenant pour moi, l'avenir c'est la mort!
Ma force s'est lassée à suivre des chimères,
J'ai besoin d'un repos qui ne soit plus troublé:
J'ai besoin d'échapper à mes longues misères,
Aux tourmens dont mon cœur fut toujours accablé!

* *

*

La route où j'ai passé, triste, aride et sans ombre,
N'a jamais à mes pas offert un doux abri;
J'ai marché, j'ai pleuré... mais le ciel était sombre,
Et tout, devant mes yeux, était déjà stéril!

²⁾ То есть во время первой встрѣчи съ Лермонтовымъ на Кавказѣ, но оно написано, вѣроятно, нѣсколько раньше и передано въ редакцію еще до отъѣзда ея на Кавказъ.

En vain mon cœur brisé demandait à la terre,
Un moment de repos, un parfum du printemps;
Hélas! je n'ai connu dans ma détresse amère
Que les jours de douleur, qui durent si longtemps!

* *
*

Aucun doux souvenir ne brille en ma pensée,
Aucun rayon d'amour ne vient me ranimer;
Et pourtant j'étais belle... et mon âme insoumise
A souvent vu des traits qui vinrent l'alarmer;
Alors il me fallait, pauvre et craintive fille,
Commander à ma voix, à mon cœur, à mes yeux;
Je n'avais point de dot; point de riche famille;
Point de titre brillant; point de nobles aïeux:

* *
*

Je n'avais rien, hélas! qu'une timide lyre;
Que les chants sans écho d'un cœur découragé;
Qu'un stérile besoin d'aimer et de le dire;
Qu'un seul désir à l'âme... un amour partagé;
Mais c'était trop encor... Dieu m'avait destinée
A vivre en étrangère au milieu des humains;
Pour me garder à lui, chaste et prédestinée;
Une auréole au front, et la lyre à mes mains!

* *
*

C'est pour cela sans doute, et je le remercie,
Qu'il a borné ma vie à si peu de printemps;
Mon sein est plein encor d'amour et d'harmonie;
Ma beauté ne craint rien des outrages du temps!
Je quitte sans regret cette terre où l'on pleure,
Où l'on vieillit si vite, où le cœur se flétrit;
Où le plaisir s'effeuille et dure à peine une heure;
Où l'amour n'est qu'un mot, la gloire qu'un vain bruit!

* *
*

Où l'espoir n'a jamais accompli ses promesses;
Où les illusions s'en vont rapidement;

Où nul cœur ne comprend vos profondes tristesses,
Vos rêves, vos désirs et votre isolement;
Où l'on rit sans pitié de la voix du poète,
Où les riches ont seuls le droit d'être joyeux;
Où celui qui n'a rien pour reposer sa tête
Trouve à peine une main pour lui fermer les yeux!

* *
*

Mais avant de franchir ce terme où tout arrive,
Arrête-toi, mon âme, encor quelques instans:
Laisse errer ma pensée ardante et fugitive
Sur les flots, dans les airs, au souffle du printemps.
Laisse moi jusqu'au soir m'enivrer des caresses
De la brise, qui court à travers le chemin;
De la voix de Bulbul, qui chante ses tendresses,
Des tristes voluptés d'un jour sans lendemain!

* *
*

Ce sont les seuls amours que j'ai connus sur terre:
J'aimais un beau nuage, une fleur, un oiseau;
J'aimais un papillon, une vague légère,
Une étoile isolée, une voile sur l'eau;
J'aimes surtout à voir les ombres indécises
Monter rapidement jusqu' aux sommets des monts,
Envelopper les cieux, les forêts, les églises,
Les glaciers suspendus, les torrens, les vallons!

* *
*

Et ses bruits infinis qui courent dans l'espace,
Accens mystérieux, empreins de volupté;
Cris d'attente, d'amour, de bonheur, et d'audace,
Murmures des plesir, de longue anxiété;
Le vent, la mer, les voix, tout devient harmonie;
Tout obéit alors à des instincts charmants:
Le flot cherche le flot; l'oiseau, sa fleur chérie;
Tout s'appelle et se mêle en doux embrassements!

* *
*

Que de fois ma pensée a plongé dans ses mondes,
 Qui roulent lentement dans une mer d'azur:
 Que de fois j'ai cherché dans ces vagues profondes
 Un petit point brillant... mon asile futur!
 Mais l'heure sonne enfin; mon âme, ouvre ton aile;
 Aspire le bonheur, l'amour, la liberté;
 Va rejoindre ton Dieu dont la voix te rappelle;
 Va... tu cours maintenant à l'immortalité!

(Переводъ). Наконецъ, я достигла той грани жизни, на границѣ которой можно видѣть предѣлы, положенный для генія и его освобожденія изъ плыни. Во цвѣтъ лѣтъ я должна предстать предъ Богомъ. Мое чело гладко и бѣло, мои волосы черны и длинны. Я привнесу въ даръ Богу мою молодость какъ фиміамъ кадильницы. Ничто не заставляетъ меня сожалѣть о жизни. Увы! Я такъ много боролась съ моею несчастною судьбой, такъ много мечтала о будущемъ и надеялась. И что же? будущее мое—одна смерть! Я не-могла въ погоню за химерами и чувственную потребность въ отдыхѣ, нуждаюсь въ освобожденіи отъ безконечныхъ несчастій и страданій, которыми сердце мое переполнено. Путь мною пройденный, печаленъ, пустыненъ и былъ лишень всякой тѣни. Нигдѣ я не могла найти себѣ тихаго убѣжища, я плала, я плакала, но небо было мрачно, все, на что устремлялся мой взоръ, казалось мнѣ поблѣкншимъ, и тѣсно разбитое сердце мое просило у земли минуты отдыха, разсѣвта весны. Въ моемъ безысходномъ горѣ, уны! я знала только дни страданій, такъ долго продолжающіеся... Ни одно дорогое воспоминаніе не оживляетъ моихъ мыслей, ни одинъ лучъ любви не будить во мнѣ жизни... Однако-же я была красива, и въ мою жаждущую душу западали черты, которыя ее наполняли... Тогда я, бѣдная и предоставленная самой себѣ дѣвушка, должна была молчать, воспрещать моему сердцу биться, моимъ очамъ смотрѣть. У меня не было приданнаго, не было богатой родни, ни блестящаго титула, ни благородныхъ предковъ. Я имѣла только, уны! одну робкую застѣнчивую лиру, безъ отыска и безъ разбитаго сердца, безутѣнную потребность любить и высказаться, да желаніе взаимной любви, но и это было уже слишкомъ: Богъ назначилъ мнѣ жить одинокой среди людей, чтобы взять къ себѣ чистой и предопредѣленной, съ ореоломъ вдохновенія на челѣ и лирою въ рукахъ! Поэтому, вѣроятно, я и благодарю Его за то, что Онъ не

судить мнѣ жить долго... Въ моемъ сердцѣ царить любовь и гармонія, моя красота не знаетъ еще обидъ времени, и я безъ сожалѣнія оставляю землю, гдѣ плачутъ, гдѣ старѣются и сердце вянетъ такъ скоро, гдѣ удовольствіе, блеснувъ на мигъ, исчезаетъ, гдѣ любовь—только слова, а слова—пустой звукъ, гдѣ надежда не исполняетъ своихъ обѣщаній, гдѣ иллюзіи такъ быстро исчезаютъ, гдѣ ни одно сердце не пойметъ нашей глубокой печали, нашихъ мечтаний, желаній и одиночества, гдѣ безъ жалости смѣются надъ пѣснями поэта, гдѣ одни богачи имѣютъ право радоваться, гдѣ тотъ, кому негдѣ преклонить голову, едва найдетъ руку, которая закроетъ ему глаза!... Но раньше, чѣмъ перейти за тотъ предѣлъ, къ которому все стремится, остановись, душа моя, на нѣсколько мгновений, дозволи моей исчезающей кипучей мысли обнять изморозь поны моря, воздухъ, вѣянье весны, дозволи мнѣ насладиться ласками вѣющаго по дорогѣ вѣтерка, трелями поющаго о своихъ чувствахъ соловья, всей роскошью жизни послѣдняго дня, за который не послѣдуетъ утра! Это—единственные предметы, которые я любила на землѣ. Моей душѣ были близки эфирное облако, цвѣтокъ и птичка, легкокрылая бабочка и легкая полна, и зѣбзючка въ небѣ одинокая, и парусъ одинокій на водѣ. Но я особенно любила смотрѣть какъ слабыя, чуть видимыя тѣни мгновенно поднимались на вершины горъ и застилали небо, лѣса, храмы, висячіе ледники, потоки и долины! И этотъ безконечный шумъ, раздающійся въ пространствахъ, и эти таинственные звуки, выражающіе наслажденіе: крики оживленія, любви, счастья, смѣлости, шопотъ наслажденія изъ долгаго сомнѣнія, вѣтеръ, море, голоса—все сливается въ общей гармоніи, все подчиняется инстинкту очарованія: полна ничѣя поляну, птичка—своей любимой цвѣтокъ, все — объединяется и утопаетъ во взаимныхъ объятіяхъ! Какъ часто я слѣдила мыслью за этими, тихо плывущими въ пространствахъ неба мірами, какъ часто искала я въ его лазури маленькую блестящую точку—мое будущее убожество!... И, наконецъ, часъ насталъ: распусти крылья, душа моя, вдохновись счастьемъ, любовью, свободой, иди на соединеніе съ Богомъ, голосъ котораго тебя признаетъ, иди! пусть открытъ тебѣ къ безмертію!)

Вникнувъ въ смыслъ этого стихотворенія, мы поймемъ, почему эта восторженная женщина искала встрѣчи съ поэтомъ, и увлекалась имъ. Она знала его по стихотвореніямъ, ходившимъ тогда повсюду въ рукописныхъ спискахъ, и только что вышедшему въ 1840 году первому сборнику его стиховъ. Чувствая сердцемъ, она

поняла его гений и оцѣнила его по достоинству. Въ то время, когда соотечественники поэта и близко стоявшіе къ нему люди ²⁾ не умѣли или не хотѣли отдать ему должнаго, игнорировали его талант и унижали значеніе, она, какъ увидимъ изъ нижеприведенныхъ писемъ

²⁾ Entre nous soit dit — говорилъ одинъ изъ его друзей — я не понимаю, что о Лермонтовѣ такъ много говорятъ; въ сущности онъ былъ пренепустой малый, плохой офицеръ и поэтъ не важный. Въ то время мы все писали такіе стихи. Я жилъ съ Лермонтовымъ въ одной квартирѣ, и видѣлъ не разъ, какъ онъ писалъ. Сидитъ, сидитъ, пзувѣчить множество перьевъ, наломаетъ карандашей и напишетъ нѣсколько строкъ. Ну, развѣ это поэтъ?» («Русская Старина», 1885 года, т. XIV, стр. 476). Графъ В. А. Соллогубъ, въ повѣсти «Большой свѣтъ» изобразилъ Лермонтова неловкимъ армейскимъ офицеромъ, жалкимъ спутникомъ великосвѣтскаго динди и личною всѣмъ ничтожною. («Отечественныя Записки», 1840 года, т. IX). Князь А. И. Вислячиковъ, неупускавшій никогда случая выдать себя за его друга, считалъ Лермонтова заносчивымъ и задорнымъ человѣкомъ, героемъ своего вѣка и времени — отъиженнымъ шалуномъ, бичевавшимъ пороки и ничтожество потому только, что признавалъ ихъ. («Русскій Архивъ», 1872 года № 1). Въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ «Голосъ» 1875 года № 15, онъ горячо протестовалъ противъ высказаннаго В. М. Маркевичемъ, въ повѣсти «Два маски» мнѣнія, что поэтъ былъ прежде всего представитель тогдашняго поколѣнія великосвѣтской молодежи, говоря, что онъ отдѣлился отъ него при самомъ появленіи его въ немъ стихомъ «а вы, надменные потомки», и былъ только его обличителемъ и противникомъ. Въ бесѣдѣ же съ П. А. Висковатовымъ, онъ отзывался такъ: «Мнѣ было 22 года, и все мы тогда не сознавали, что такое Лермонтовъ». (Биографія поэта, стр. 420). Князь А. И. Барятинскій не признавалъ въ немъ таланта и удивился, какъ это могла придти мысль поставить ему памятникъ (тамъ же). Князь П. П. Вяземскій говорилъ, что Лермонтовъ, вступивъ за поруганную честь Пушкина, чувствовалъ себя недовго въ родинной компаніи («Русскій Архивъ», 1887 года, № 9). П. С. Мартыновъ, по отъѣзду П. А. Арсеньева, о поэтическомъ гениі Лермонтова надлежащаго понятія не имѣлъ, относился къ нему презрительно и судилъ о немъ свысока. («Ива», 1886 года, № 27). П. А. Плетневъ писалъ въ 1846 году: «О Лермонтовѣ я не хочу говорить потому, что и безъ меня говорить о немъ гораздо болѣе, нежели онъ того стоитъ. Это былъ поэтъ Байрона и Пушкина фокусникъ, который гримасами своими умѣлъ толпѣ напомнить своихъ предшественниковъ. Въ толиѣ стоялъ Краевскій. Онъ раскричался въ «Отечественныхъ Запискахъ», что вотъ что-то пошло и слѣдовательно лучше Байрона и Пушкина. Тогда и пошла за нимъ лавина: то же. Не буду же я пока противорѣчить этой ватагѣ, ни вторить ей. Придетъ время, и о Лер-

ся, указала его мѣсто въ русской поэзіи и опредѣлила его будущность. Первый симпатичный отзывъ о Лермонтовѣ она услышала отъ Нины Александровны Ребровой, дочери известнаго владѣльца Владиміровки на Кумѣ, основавшаго тамъ, по словамъ г-жи Гоммеръ де-Гелль, шелковичное производство, фруктовые сады и винодѣліе ⁴⁾, и, какъ говорили, любимой въ поэта, съ которымъ она не задолго передъ тѣмъ познакомилась въ Кисловодскѣ, гдѣ съ отцемъ, имѣя собственный домъ, проводила, обыкновенно, лѣто ⁵⁾. Отзывы любимой дѣвушки о поэтѣ нашли, вѣроятно, откликъ въ жаждавшемъ страсти сердцѣ француженки, и она задается мыслью «найти свое золотое руно въ Колхидѣ». Дѣйствительно, первымъ дѣломъ, по пріѣздѣ въ Августъ мѣсяцъ 1840 года въ Пятигорскъ на воды, было осведомиться о Ребровой и Лермонтовѣ, но ихъ, къ сожалѣнію, въ городѣ не оказалось: они только что уѣхали въ Кисловодскъ ⁶⁾. Тогда находчивая француженка пишетъ письмо къ своей новой пріятельницѣ, и та пріѣзжаетъ за ней въ своемъ экипажѣ и увозитъ ее въ Кисловодскъ, гдѣ она останавливается въ ея домѣ и знакомится съ Лермонтовыми.

Вотъ, что писала объ этомъ рѣзвая и впечатлительная француженка къ одной изъ своихъ подругъ во Францію ⁷⁾:

монтовѣ забудутъ, какъ забыли о Полежаевѣ. («Русскій Архивъ», 1877 года, № 12). Э. А. Шанъ-Гирей, сознаваясь П. А. Висковатову что находившіеся у ней рисунки и наброски Лермонтова были изорваны дѣтьми, говорила: «Если бы тогда мы смотрѣли на Михаила Юрьевича, какъ теперь, то этого бы не было. Онъ для насъ былъ молодымъ человѣкомъ, какъ всѣ». (Биографія поэта, стр. 429).

⁴⁾ Статьи г-жи Гоммеръ де Гелль «Владиміровка на Кумѣ», напечатанная въ «Одесскомъ журналѣ» 26 апрѣля 1840 года, № 84.

⁵⁾ П. А. Реброва вышла замужъ за жандармскаго генерала Юрьева.

⁶⁾ П. Висковатовъ въ «Биографіи М. Ю. Лермонтова» (стр. 350) пишетъ, что Лермонтовъ 14 августа встрѣтился съ г-жою Гоммеръ де Гелль въ Пятигорскѣ, но это неѣрно: они встрѣтились, какъ видно изъ писемъ г-жи де Гелль, въ Кисловодскѣ.

⁷⁾ Переписка г-жи Гоммеръ де-Гелль напечатана княземъ П. П. Вяземскимъ въ «Русскомъ Архивѣ», 1887 года, № 9. Перу изъ нея только то, что касается М. Ю. Лермонтова.

а) Въ письмѣ изъ Пятигорска, отъ 14 Августа 1840 года.

«...Я спрашивалась о Реброной ⁹⁾). Мнѣ сказали, что она только что за нѣсколько дней уѣхала въ Кисловодскъ съ болыной компаніей. Говорятъ, что на ней женится Лермонтовъ, замѣчательный русскій литераторъ и поэтъ. Пари держать, что онъ на Реброной не женится. Я имѣлась тутъ въ разговоръ и сказала, что я отца и дочь знаю. Дѣвочка довольно избалованная и готова за вѣхъ выйти замужъ, но отецъ ея, очень богатый помѣщикъ, не отдастъ ея за литератора, лишившагося всякой карьеры...

«...За мной прѣехала дѣвица Реброва и зовутъ насъ въ Кисловодскъ. Она очень милая дѣвушка, немножко избалованная, но очень красивая, съ черными глазами, ея зрачки очень расширились вследствие ея болѣзни. Можно утонуть въ нихъ. Она мнѣ созналась, что влюблена въ Лермонтова, что Лермонтовъ ее любитъ, но не хочетъ сознаться. Она все очень мила со мною, не смотря на свою любовь. Также, какъ я ее знала по Владиміронкѣ на Кумѣ...

«...Реброва прѣехала за мной, и я ейину пріодѣться. Ея туалетъ былъ очень шикъ, и я не хотѣла сдѣлать дурное впечатлѣніе на новыхъ знакомыхъ въ Кисловодскѣ. Она была одѣта въ платъё chamois, demidécollété, въ короткихъ рукавахъ, въ черномъ кружевномъ платкѣ, который сходилъ крестъ на крестъ на груди и въ ботинкахъ цѣнта рисе. Я декольтировалась виолетъ и надѣла мои бронзовые башмаки. Она мнѣ дала свой кружевной платокъ, потому что русскія дамы считаютъ неприличнымъ декольтироваться въ дорогѣ. Ея дормезъ стоитъ у подъѣзда».

б) Въ письмѣ изъ Кисловодска, отъ 26 Августа 1840 года.

«Прѣхавъ въ Кисловодскъ, я должна была переодѣться: такъ мой туалетъ измѣлся дорогой. Мы ѣдемъ на балъ, который даетъ

⁹⁾ Одинъ изъ биографовъ поэта называетъ ее дочерью старшаго врача Пятигорскаго госпиталя Реброва. Но это не точно. У доктора Якова Федоровича Реброва, какъ сообщила мнѣ вдова бывшаго его помощника, доктора Ивана Ефремовича Дроздова, Марфа Николаевна, была дѣйствительно дочь Екатерина Иконникова, но она жила при матери въ Москвѣ, гдѣ и вышла замужъ за Дементьева. Но временамъ она съ матерью прѣезжала къ отцу въ Пятигорскъ, но въ лѣто 1840 года, на Пасквизъ не была.

общество въ честь моего прїѣзда. Мы очень весело провели время. Лермонтовъ былъ блистателенъ, Реброва очень оживлена. Петербургская франтиха старалась афишировать Лермонтова, но это ей не удавалось. Въ часъ мы пошли домой. Лермонтовъ заявилъ Ребровой, что онъ ее не любитъ и никогда не любилъ. Я ее бдѣную уложила спать и она вскоре заснула. Было около двухъ часовъ ночи. Я только что вошла въ мою спальню... Вдругъ: тукъ-тукъ въ окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня просилъ позволенія скрыться отъ преслѣдующихъ его непріятелей. И, разумеется, открыла дверь и выпустила моего героя. Онъ у меня всю ночь остался до утра. Бѣдная Реброва лежала при смерти. Я около нея ухаживала. Я принимаю только одного Лермонтова. Слѣтнѣмъ не было конца. Онъ оставилъ въ ту же ночь свою военную фуражку съ краснымъ околышемъ у петербургской дамы. Въ говорить, имѣть съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ ту же ночь rendez-vous съ Ребровой. Петербургская франтиха протѣкала верхомъ мимо моихъ оконъ въ фуражкѣ Лермонтова, и Лермонтовъ ей сопутствовалъ. Меня это очень изорвало, и я его болѣе не принимала, подъ предлогомъ моихъ заботъ о несчастной дѣвушкѣ. На пятый день мой мужъ прїѣхалъ изъ Пятигорска, и я съ нимъ поѣду въ Одессу, совершенно больная».

и) *Изъ письма изъ Кисловодска, отъ 30 того же Августа.*

«Изъ Одессы я їду въ Крымъ, куда меня зовутъ Нарышкины... Я правды такъ и не добилась. Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такова его система. Въ знакомые, имѣнныя съ нимъ сношенія, говоря съ его словъ, рассказывали все разное. Обо мнѣ онъ ни полслова не говорилъ. Я была тронута и ему написала очень любезное письмо, чтобы благодарить его за стихотвореніе, которое для русскаго очень не дурно. Я обѣщала ему доставить въ Ялтѣ мои стихи, которые у меня бродятъ въ головѣ, съ условіемъ, однако, что онъ за ними прїѣдетъ въ Ялту».

Вотъ канва романа. Бойкая французженка съумѣла оцарапать «взбалмошную дѣвушку» и похитить у нея свое «золотое руно». Нужно ли говорить, что ся писма болѣе чѣмъ открытены, но въ нихъ нужно отличать то, о чемъ говорится, какъ о фактѣ, отъ того, что записано со словъ другихъ. Извѣстная своимъ роковымъ внимательствомъ въ послѣдніе дни жизни Михаила Юрьевича Э. А. Шанъ-Гирей, прочитавъ поименную въ печати переписку

г-жи Гоммеръ-де Гелль, поспѣшила заявить ⁹⁾, что все написанное ею по поводу дѣйствія Ребровой, есть чистѣйшая выдумка, такъ какъ Н. А. Реброна, которую она знала лично, всегда слыла за самую благоразумную, весьма скромную и солидную особу. Причемъ въ видѣ доказательства, что Лермонтовъ не могъ быть на балѣ и танцевать съ дамами, говоритъ: «вспомнила я и балъ въ Кисловодскѣ 22 августа (въ день коронаціи). Офицеры должны были быть въ мундирахъ. А такъ какъ молодежь, отпускаемая изъ экспедицій на самое короткое время отдохнуть на воды, мундиромъ не была, то и участвовать на парадномъ балѣ не могла. Поэтому молодежь, и въ томъ числѣ Лермонтовъ, стояли на балконѣ у окна, стараясь установить свои головы такъ, чтобы вышла пирамида. А какъ Лермонтовъ по росту былъ ниже всей компаніи, то голова его, принялась въ перьомъ ряду совѣсть на подоконникъ, и его большіе выразительные глаза выглядывали тамъ насмѣшливо. Это всѣхъ очень забавляло и знакомые подходили къ нимъ разговаривать» ¹⁰⁾. Прежде всего необ-

⁹⁾ «Русскій Архивъ», 1887 г., № 11, стр. 487.

¹⁰⁾ П. А. Висковатовъ, въ Биографіи Лермонтова, стр. 353, пишетъ: «Не могу не указать на одно показаніе г-жи Шанъ-Гирей, кажущееся мнѣ противорѣчивымъ. Въ «Новомъ Времени» 6 Сентября 1881 г. и въ «Истор. Вѣстникѣ» того же года, т. VI стр. 449, Эмилиа Александровна утверждаетъ, что Лермонтовъ познакомился съ нею въ Маѣ 1841 года, а въ «Русскомъ Архивѣ» 1887 г., № 11, стр. 437, защищая г-жу Реброву отъ расказа г-жи Гоммеръ-де Гелль, утверждаетъ, что помнить балъ въ Кисловодскѣ, данный 22 Августа 1840 года, и какъ Лермонтовъ стоялъ въ окнѣ съ другими офицерами. Если въ 1840 году Эмилиа Александровна знала Лермонтова по виду, то почему же онъ не могъ ее знать и выставить въ своемъ романѣ? Ему ужасно хочется видѣть въ лицѣ г-жи Шанъ-Гирей прототипъ книжны Мери, но это совершенно нѣгическое предположеніе. Г-жа Шанъ-Гирей могла видѣть въ лицѣ Михаила Юрьевича въ 1840 году, какъ поэта или офицера, написаннаго изъ гвардіи за дуэль, но не быть съ нимъ знакома лично. Познакомился съ нею поэтъ лично только въ послѣдній прѣздъ свой на Кавказъ въ 1841 г., а если и встрѣчалъ ее въ сезонъ 1840 года въ Кисловодскѣ, то никакъ не могъ уже рисовать съ нее книжны Мери, потому, что романъ «Герой нашего времени», какъ выше сказано въ прижизненнѣ 1-мъ, отпечатанъ еще въ началѣ 1840 года. Вообще приведенныя г-мъ Висковатовымъ, въ Биографіи поэта (стр. 352) личности, служившія будто бы, но ихъ словамъ или пересказать, для обрисовки книжны Мери, какъ то: г-жа Книдьякова,

ходимо замѣтить, что женщины, платя дань капризамъ сердца, для свѣта всегда остаются благородными, весьма скромными и солидными особами. Но независимо этого ничего предосудительнаго или неправдоподобнаго о Пинѣ Александровнѣ г-жа Гоммеръ де-Гелль и не писала. Если въ письмахъ ея говорится, что дѣвица Реброва была люблена въ Михаила Юрьевича, что Лермонтовъ ее любить, но не хочетъ сознаться, то это сказано съ ея словъ, въ то время, когда авторъ писемъ еще не видѣлъ Лермонтова. Далѣе говорится, что Лермонтовъ послѣ бала заявилъ Пинѣ Александровнѣ, что онъ ее не любитъ и никогда не любилъ, вслѣдствіе чего она заболѣла. Но это нѣтъ должны быть факты, писать объ этомъ что-нибудь ложное—не было никакой надобности, такъ какъ письма писались интимные для подруги и увидѣли свѣтъ Божій въ печати по прошествіи 46 лѣтъ послѣ совершившихся событій совершенно случайно. Что же касается фразы, что Лермонтовъ имѣлъ ночью rendez-vous съ Ребровой, то она передана какъ слухъ; въ письмѣ ясно написано: «слѣдствіемъ не было конца» и говорилось то-то... Г-жа Шанъ-Гирей присвоила себѣ право,—на какомъ, впрочемъ, основаніи—неизвѣстно,—опровергать, или истолковывать по своему все, что появлялось въ печати о пребываніи Лермонтова на кавказскихъ водахъ и злоупотреблять этимъ правомъ. Какъ доказательство своего опроверженія, она приняла то обстоятельство, что молодежь, по немнѣшю мундиромъ, не могла быть на балу 22 августа. Но опроверженіе это не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ г-жа Гоммеръ-де-Гелль пишетъ не объ официальномъ балѣ въ день коронаціи, а о балѣ, который «дало обществу въ честь ея пріѣзда», гдѣ «Лермонтовъ былъ блистателемъ», а «Реброва очень оживлена». Балъ этотъ, очевидно, былъ данъ на другой или на третій день послѣ официального, неаппованнаго на немъ молодежью, посѣщенной въ отплату за это, повеселиться на славу въ честь пріѣхавшей красивой и обаятельной француженки, такъ какъ письмо ея объ этомъ помѣчено 26-мъ числомъ августа. Можетъ

Иванова и Выховецъ, какъ объясняла Марфа Николаевна Дроздова, явившая ихъ лично, были хорошенькія, но простыя провинціальныя барышни, не отличавшіяся ни свѣтскостію, ни манерами ни воспитаніемъ, и служить прототиномъ княжны Мери ни въ какомъ случаѣ не могли. При этомъ не нужно забывать, что всѣ они появились на водахъ послѣ выхода изъ свѣтъ романа «Герой нашего времени».

быть, г-жа Шань-Гирей и не знала о семъ послѣднемъ балѣ, она жила въ Пятигорскѣ и, вѣроятно, прѣѣзжала въ Кисловодскъ только на официальный балъ 22 августа, или же память ей измѣнила, и она спустя 16 лѣтъ послѣ событія, вспомянула только объ официальном балѣ. Во всякомъ случаѣ, балъ въ честь французекки не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ сближеніе Михаила Юрьевича съ м-ше Адель состоялось въ ночь послѣ бала и завершилось его поѣздкой въ Крымъ для дальѣйшихъ ухаживаній за интересной французской-поэтессой.

Письма ея проливаютъ намъ нѣкоторый свѣтъ на жизнь поэта на кавказскихъ водахъ въ сезонъ 1840 года, о чемъ въ его біографіи ничего не сказано, да и другихъ источниковъ почти совсѣмъ нѣтъ, кромѣ трехъ писемъ самого поэта¹¹⁾, въ которыхъ также объ этой жизни ничего не говорится. Увлеченный блестящею французскою, Лермонтовъ отвернулся отъ м-ше Ребровой, но не желая въ то же время, чтобы «его счастливый лѣсъ попалъ на зубки водяныхъ вѣстовицкоу и пересѣвицкоу», онъ предался усилешному ухаживанію и развлеченіямъ съ другими, прѣѣхавшими на воды, дамами. М-ше Адель пишетъ, что она принимаетъ только одного Лермонтова. Но увидя, что онъ уливается вокругъ какой-то Петербургской львицы, разѣзжанной въ его фуражкѣ, и со-путствуетъ ей въ поѣздкахъ, разсердился и, подъ предлогомъ заботы о здоровьи Нины Александровны, не хотѣла принимать его. Но сердце видно не камень: при попой встрѣчъ она погребенала отъ него объясненій, не удовлетворилась ими, и по свойственной ревнивымъ женщинамъ логикѣ, бросила поэту упрекъ во лжи. «Я правды такъ и не добила, пишетъ она въ письмѣ: Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такова его система». Обыкновенная исторія всѣхъ женскихъ увлеченій, со временъ Евы до нашихъ дней. Но не такъ изглянула на это почтенный біографъ поэта, Н. А. Висковатовъ. Выдѣливъ изъ письма м-ше Адель и приведя одни эти слова, безъ подлежащихъ объясненій¹²⁾, онъ придавъ имъ совершенно иное значеніе и обрисовалъ поэта какъ обманщика и лгуна. Въ дѣйствительности же ничего подобнаго нѣтъ. Изливъ свою до-

¹¹⁾ Помѣщенныхъ въ Собраніи сочиненій поэта, подписанныхъ Н. А. Висковатовымъ, т. V. (стр. 423—431).

¹²⁾ Біографія поэта, стр. 362.

саду, т.-е. Аделъ тутъ-же сознается въ несправедливости высказаннаго ею упрека. Боже всего она боялась распространения молвы о ея отношеніяхъ къ поэту, но, убѣдившись, что Лермонтовъ ни гдѣ ничего не говорилъ о ней, была этимъ тронута и написала ему очень любезное письмо, которое примирило ихъ и вновь сблизило. Изъ письма отъ 30 августа видно, что г-жа Гоммеръ де-Гелль благодарила Михаила Юрьевича за присланное ей стихотвореніе, которое, по ея мнѣнію, было «для русскаго совѣтъ и не дурию». Въ отвѣтъ на это она обѣщала ему доставить въ Ялтѣ свои стихи, которые, какъ она выразилась, «бродили у ней въ головѣ», но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ за ними самъ прѣхалъ въ Ялту. Это письмо положительно удостовѣряетъ, что поѣздка поэта въ Ялту въ концѣ Октября того же года была совершена Михаиломъ Юрьевичемъ по сдѣланному пѣть съ т.-е. Аделъ уговору въ Кисловодскѣ, а не была дѣломъ простой случайной встрѣчи, какъ заявляетъ П. А. Висковатовъ въ биографіи поэта, удивляясь его неожиданному появленію на южномъ берегу Крыма¹³⁾. Оно удостовѣряетъ также, что поводомъ къ примиренію поэта съ г-жей Гоммеръ де-Гелль и ея приглашенію его для новаго свиданія въ Крымъ послужили написанные ей Лермонтовымъ стихи. Они не дошли до насъ. М.-е. Аделъ не принесла ихъ въ подлинникъ, какъ сдѣлала впоследствии съ стихотвореніемъ, написаннымъ ей Михаиломъ Юрьевичемъ въ Мисхорѣ 28 Октября, и въ бумагахъ поэта ихъ, послѣ смерти его, не оказалось. Очевидно, они были написаны прямо набѣло, какъ написано прямо набѣло и стихотвореніе въ Мисхорѣ 28 Октября, черной въ бумагахъ поэта также не найдено. Обстоятельно это и подало, вѣроятно, поводъ П. А. Висковатову предполагать, что это одно и то же стихотвореніе, чего никакъ нельзя допустить, такъ какъ въ письмѣ г-жи Аделъ отъ 30 Августа положительно говорится о присылкѣ стиховъ въ Кисловодскѣ, за отѣтомъ на которые она обѣщала поэта прѣхать въ Крымъ. Возрѣнія г. Висковатова вообще отличаются непростительной поперхостію и легкомысліемъ выводовъ. Онъ игнорируетъ даже написанное въ Мисхорѣ 28 Октября стихотвореніе, находя, его «наброскомъ, недостаточно отдѣланнымъ и циничнымъ, написаннымъ сплеча», никакъ не повышеннаго характера»¹⁴⁾ и противопоставляетъ ему

¹³⁾ Страницы 353 и 356.

¹⁴⁾ «Русская Старина», 1887 года, кн. 12, стр. 736.

«иновь отдѣланное», найденное записаннымъ въ тетрадь, подаренную Лермонтову княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ передъ послѣднимъ отъѣздомъ поэта изъ С.-Петербурга на Кавказъ въ 1841 году.

Въ своемъ мѣстѣ я не прихину указать неосновательность подобныхъ опредѣленій почтеннаго біографа поэта, а пока буду продолжать обзорънне событій, случившихся осенью того же года въ Крыму.

Вотъ что писала о нихъ г-жа Гоммеръ-де-Гелль къ своей пріятельницѣ во Францію:

а) Въ письмѣ изъ Илты отъ 29 октября 1840 года:

«Оставивъ позади насъ Алунку, Мисхоръ, Коренъ и Оріанду, мы позабыли скоро всѣ волшебныя замки, воздвигнутыя тисселявіемъ, и вполнѣ предались чарующей насъ природѣ. Я вѣдала съ Лермонтовымъ, по смерти Пушкина величайшимъ поэтомъ Россіи. Я тамъ улеклась порывами его краснорѣчія, что мы отстали отъ нашей кавалькады. Пролитой дождикъ настигъ насъ въ прекрасной роуфѣ, называемой по-татарски Кучукъ-Лампадъ. Мы пріютились въ биліардножъ навильонѣ, принадлежащемъ, поподимому, генералу Бюроздину, къ которому мы вѣдали. Кіоскъ стоялъ одиноко и нусть, дорога къ нему заросла травой. Мы нашла биліардъ съ лузами, отыскали шары и выбрали кн. Я несъма порядочно играю въ русскую партію. Затаившись въ навильонѣ и желая окончить затѣянную нами игру, мы спокойно смотрѣли, какъ насъ искали по роуфѣ. Я подоиди къ окну замѣтила бѣгавшаго по вѣтѣмъ направленіямъ Тетъ-Бу-де-Марини ¹³⁾ подъ прикрытіемъ своего рифлара. Окончивъ преспокойно партію, когда люди стали приближаться къ навильону, Лермонтовъ вдругъ вскрикнулъ: «они насъ захватитъ! Ай, ай, вашъ мужъ! Скройгесь живо подъ биліардножъ!» и выпрыгнулъ въ окно, въ виду собравшихся людей, сѣлъ на лошадь и ускакалъ изъ лѣсу. На меня напелъ столбнякъ, я ровню ничего не понимала. Мнѣ и къ умъ не приходило, что это была импронизированная сцена изъ по-

¹³⁾ Французскій генеральный консулъ и писатель. Изъ его сочиненій извѣстны: 1) Портуланъ Чернаго и Азовскаго морей; 2) планы, порты и рейды этихъ морей; 3) гидрографія тѣхъ же морей; 4) атласъ этихъ же морей и б) Путешествіе къ черкесамъ.

дешила. Я очень была рада, что тутъ вошелъ столько же встревоженный, сколько промокнувшій Теть-Бу-де-Марини и увидать меня держащую кій въ рукахъ и ничего не понимающую. Онъ мнѣ объяснилъ это избалованнымъ характеромъ Лермонтова. Г. Де-Гелль спокойно сказалъ, что *monsieur de Lermontowe* очевидно школьникъ, но неслучайный поэтъ, какихъ въ Россіи еще не бывало. Богъ знаетъ, что они могли-бы подумать! Мужъ мой имѣлъ невозмутимое довѣріе ко мнѣ. Я поспѣшно отправилась къ владѣльцу Кучукъ-Лампада, Гороздину, гдѣ несшая компанія насъ ожидала и съ громкимъ смѣхомъ приветствовала глупую шутку Лермонтова.

«...Я потребовала отъ Теть-Бу, чтобы онъ пригласилъ Лермонтова ѣхать съ нами на его яхтѣ. Лермонтовъ по секрету говоритъ, что онъ торопится въ Анапу, гдѣ снаряжается экспедиція. «Онъ не прочь и въ Анапу, но только вмѣстѣ со мною», сказала я Теть-Бу. Теть-Бу тутъ не на шутку разсердился... и уѣхать, не простившись ни съ кѣмъ, а на другой день сѣлся съ якоря и отправился на Кавказъ стрѣляться съ Лермонтовымъ.

«...Между тѣмъ Лермонтовъ явился въ Ялтѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ былъ у меня, пока г. Де-Гелль ходилъ угощаривать. Теть-Бу остался съ нами еще нѣсколько дней. Мы даже дали другъ-другу слово предпринять на его яхтѣ «Юлія» побѣдку на Кавказскій берегъ къ немирнымъ черкесамъ. Я на Лермонтова вовсе не сердилась и очень хорошо понимала его характеръ: онъ свои фарсы дѣлалъ безъ злобы. Съ нимъ какъ-то несладко жилось. Я всегда любила то, чего не ожидаешь. Но я была избѣжена на г. Де-Гелль и особенно на Теть-Бу. Г. Де-Гелль слишкомъ вошелъ въ свою роль мужа. Оно просто смѣшно. Вотъ ужъ второй годъ, какъ я дурачу Теть-Бу и собираюсь его мистифицировать на третій. Ужъ онъ у меня заснищеть, солоньемъ; ужъ заплатится онъ мнѣ, и не за себя одного! Лермонтовъ меня убѣждаетъ очень серьезно, что только три свиданія съ обожаемою женщиною цѣны: первое—для самого себя, второе—для удовлетворенія любимой женщины, а третье—для свѣта. «Чтобы разгласили, неправда-ли?» сказала я и отъ всей души разсѣялась; но не желая съ нимъ встрѣтиться въ третій разъ, я его попросила дать мнѣ свой автографъ на прощанье. «Да я уже съ вами вижу въ шестой разъ. Фатальный срокъ уже миновалъ. Я ванъ навсегда».

«...А Теть-Бу, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ отправился на своей яхтѣ въ погоню за Лермонтовымъ! Вотъ комедія! Мнѣ жаль Лермонтова:

онъ дурно кончить. Онъ не для Россіи рожденъ. Его предокъ вышелъ изъ свободной Англіи со своею дружиною при дѣдѣ Петра Великаго. А Лермонтовъ великій поэтъ. Онъ описалъ наше первое свиданіе очень мелодичными стихами... Хотя ты мало цѣнишь стихотворенія, я все же тебѣ его перепишу.

A madame Hommaire de Helle ¹⁶⁾.

Près d'un bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.
Attentif,—longuement,—j'écoute
La grande voix du silence.

* *
*

¹⁶⁾ Предлагаю сдѣланный мною переводъ этого стихотворенія, оно помѣщено въ собраніи сочиненій поэта, составленномъ П. А. Висковатовымъ, даже безъ подстрочнаго перевода.

Г-жѣ Гоммеръ де-Гелль.

У склона дороги, къ берегу опалой,
Согбенной въ порѣ увяданья,
Съ надеждой на встрѣчу, сижу съ я, усталый,
Подъ жгучимъ вѣтра топанья,
И внемлю, люблю съ зрѣй блѣдною,
Бравурнымъ аккордомъ желчанья,

* *

Смотрю—въ отдаленіи какъ будто мелькнула
Тѣнь женщины милой нежданно,
Подходитъ, склонилась, о счастья шепнула,
О страсти и вѣкъ желанной,
Тепломъ, ароматомъ на душу нахнула
И скрылась въ дымѣ туманной.

* *
*

De loin je vois blanchir une ombre.
 Une ombre qui vient doucement,
 Son tiède parfum distillant.
 Elle vient à moi en courant;
 Puis disparaît subitement,
 Et se perd dans la nuit sombre.

* *
 *

C'est la poussière qui poudroie,
 Un tas de feuilles qui tournoie;
 La chaude bouffée qu' exhalait
 Le vent parfumé de la nuit,
 En s'avancant à petit bruit,
 Un serpent glissait sur les galets.

* *
 *

Rempli d'une amère tristesse,
 Je me couche dans l'herbe épaisse.
 Las d'attendre, je m'endors soudain.
 Tout-à-coup tremblant je m'éveille:
 Sa voix me parlait à l'oreille,
 Son pied effleurait le mien.

«Неправда ли стихи очень звучны? Они так и льются въ душу.
 Я ихъ ставлю выше стиховъ, которые мнѣ посвятилъ Альфредъ
 Мюссе....»

Степь дремлетъ, лишь вѣтеръ съ утесистой кручи
 Срываясь, въ долину рѣзнется,
 Взмываетъ нѣль надъ дорогою тучей,
 И клубомъ листь нѣль кружится,
 Да въ рытвинѣ амѣйка, подъ травкой пахучей,
 Безшумно скользитъ и танцуетъ.

* *

Печальный и грустный, объятый тоскою,
 Заснулъ я въ травѣ спротиво,
 Вдругъ слышу какъ будто шаги за собою, —
 И надрогнулъ, проснулся, — о, дивно! —
 Склоняется робко она надо мною,
 Чуть пошкой касаясь стыдливо.

«...Лермонтов сидит у меня въ комнатѣ, въ Мисхорѣ, принадлежащемъ Ольгѣ Нарышкиной, и поправляетъ свои стихи. Я ему сказала, что онъ въ нихъ долженъ упомянуть мѣста, сдѣлавшіяся намъ дорогими. Я между тѣмъ пишу мое письмо къ тебѣ. Какъ я къ нему привязалась! Мы такъ могли быть счастливы вмѣстѣ! Не подумаю чего дурного, у тебя на этотъ счетъ большой запасъ воображеній. Между нами все чисто, Мы оба поэты. Я стеснилась идти гулять въ Симензъ и застала его спящимъ, непробуднымъ сномъ подъ березой. Вотъ вся канва, по которой онъ вышивалъ. Мы полюбили другъ друга въ Пятигорскѣ. Онъ меня очень мучилъ....

...Онъ сблизился со мною за четыре дня до моего отъѣзда изъ Кисловодска и бросилъ меня изъ-за старой рыжей франтихи, которая до смерти вѣзмъ въ Петербургъ надохла и прѣехала попробовать счастья на кавказскихъ водахъ. Они меня измучили и я вышла изъ Кисловодска совѣтъмъ больная. Теперь я счастлива, но не здорова. Я ему передала на другой день мое стихотвореніе «Соловей».

Bulbul a Lermontowe.

Le souffle d'un amant a glissé dans ta voix,
Oiseau mystérieux, qui chantes dans les bois.
Tu sais tout emprunter à son délire extrême,
Larmes, désirs confus, soupir qui dit: je t'aime...
Tes accents sont l'écho des vagues voluptés,
Qu'il entrevoit au fond de ses anxiétés.
En accords douloureux tu redis ses tristesses,
En notes de plaisir, ses ardeutes tendresses.
L'amour t'a révélé ses secrets les plus doux,
Et devant toi, Bulbul, tout poète est jaloux ¹⁾.

¹⁾ Стихотвореніе это напечатано г-жею Гоммеръ де Гелль полнотію въ «Journal d'Odessa» 31 Декабря 1840 года на № 104. Вотъ въ какомъ видѣ оно появилось въ печати.

Le Rossignol.

à L.

Le souffle d'un amant a glissé dans ta voix
Oiseau mystérieux qui chantes dans les bois;

«Не даромъ я его назвала Bulbul—что означаетъ по-татарски соловей. Это новое сбитило, которое познискится и далеко изойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи. Его выслали за дуэль съ Барантомъ... Лермонтовъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ княгиней Щербатовой, а дуэль вышла изъ-за сплетни, переданной г-жею Бахарахъ—(женой русскаго консула въ Гамбургѣ, урожденной Струве).

Tu sais tout emprunter à son délire extrême,
Larmes, désirs confus, soupir qui dit: je t'aime...
Tes accens sont l'écho des vagues voluptés
Qu'il entrevait au fond de ses anxiétés:
En accords douloureux tu redis ses tristesses,
En notes des plaisir ses ardentes tendresses:
L'amour t'a relevé ses secrets les plus doux,
Et devant toi, *Bulbul*, tout poète est jaloux!
Hélas! en t'écoutant, il sent son impuissance;
Il voudrait résister à ta douce influence;
Il sent que la nature a placé dans ton chant
Ce charme qu'a sa lyre il demande souvent,
Sans pouvoir obtenir de ses cordes rebelles
Ce souffle d'harmonie où tu baignes tes ailes!
Mais aussi dans ta voix quelle molle langueur!
Quels sons remplis d'espoir, de regrets ou d'ardour!
Que de soupirs voilés! que de mélancolie!
Comme tous tes accords sont pleins de mélodie!
Comme on aime rêver en t'écoutant chanter!
Comme tous nos bonheurs reviennent nous charmer!
Comme tous ces rayons qui dorèrent notre vie
De mille espoirs perdus, de tant de poésie,
Font encor resplendir au fond de notre cœur,
Tel qu'un riche joyau, l'image du bonheur!
Oui, *Bulbul*, à ta voix, cette image secrète
Si souvent effacée au vent de la tempête,
Revient encor flotter devant nos yeux surpris,
Et d'un nouvel espoir relever nos esprits!

*
* *

Dis-moi donc ou tu prends tes divines romances,
Tes rapides accords, tes suaves cadences,
Tes repos prolongés si pleins de volupté,
Ton rythme où se confond la force et la beauté?
Tes plaintes, tes douleurs, tes plaisirs, tes folles,
Qui vibrent dans ta voix en tant de mélodies?
Dis-moi qui t'a donné ce secret enchanteur

Въ письмѣ со шхуны «Юлія» 5 ноября 1840 года.

«Теть-Бу доставляя намъ на своей яхтѣ «Юлія» въ Бала-
лану... Онъ помѣстилъ меня въ Мускоръ, на дачѣ Нарышкиной. И
на сунѣ какъ ты скоро увидишь, я уже была готова увидѣть»

Qui te rend en tout tems l'écho de notre cœur?
Réponds-moi, rossignol; où puisses-tu cette âme
Qui te relève, hélas! tout ce que je réclame,
Tout ce que je demande au Dieu qui mit en moi
L'instinct de l'harmonie, et l'amour, et la foi.
Sans m'accorder ce don que tout poète envie
De verser dans ses vers et son âme et sa vie!
Hélas! combien de fois, tes ravissans accords
Ont fait naître dans moi de doux et longs transports!
Combien de fois, la nuit, mon âme caressée
A-t-elle dans tes chants retrouvé sa pensée!
Alors autour de moi, l'air devenait plus doux;
Le ciel s'illuminait de mille astres jaloux;
Le senteur des forêts étaient plus enivrantes;
Le lac plus parsemé d'étoiles scintillantes;
Tout les bruits de la nuit devenaient moins distincts
Pour laisser dans l'espace errer tes chants divins!
Oui, Bulbul, oui, c'est toi, c'est ta douce magie
Qui dans mon cœur troublé versa la poésie,
Qui fit éclore en moi l'ange mélodieux
Dont la voix est si pure et le front si joyeux!
Oh! merci, mon poète! à toi tout ce que l'âme
Dans ses secrets replis peut renfermer de flamme!
A toi l'attrait si doux des lointains souvenirs
Et les rêves de gloire où tendent mes desirs!
A toi tout ce qui sort de ma lyre ignorée,
Tout ce qui peut flatter ma jeunesse enivrée,
Tout ce que ma pensée a d'éclat, de fraîcheur;
Tout ce que l'harmonie éveille dans mon cœur!

Adèle Hommaire.

(Переводъ. «Соловей», «Т — у». Шопотъ влюбленнаго звучитъ въ твоихъ пѣсняхъ, очаровательный пѣвецъ лѣсовъ, ты изливашь въ нихъ все, что таится въ увлеченіи страсти: слезы, неясныя желанья, издохъ, говорящій: люблю тебя! Въ звукахъ твоихъ пѣсень—это вознѣ желанійхъ наслажденій, предвосхищенійхъ съ тоской. Грустными аккордами ты передаешь его печали и веселыми нотами—горячія чувства. Любовь посвятила тебя въ свои тайны и каждый поэтъ тебя, соловей, завидуетъ. Слушая тебя, онъ со-

его пламя, но прѣхалъ Лермонтовъ и, какъ бурный потокъ, увлекъ всѣ вѣйки, которые я готовила бѣдному Тетъ-Бу. Это выходило изъ моихъ расчетовъ, но я была такъ счастлива! Подъѣзда въ Кучукъ-Лампадъ была рѣшительнымъ кризисомъ. Я уговорила г. Де-Гелла, лечь спать, чтобы онъ сходилъ на другой день посмотреть на

плотъ, увы! свое бѣсѣліе, онъ не можетъ противопоставить твоему обаянію, онъ сознаетъ въ твоемъ пѣніи ту прелесть, которую желалъ бы исторгнуть изъ своей лиры, не имѣя возможности вырвать изъ житейскихъ струнъ ея той чудной гармоніи, которой ты, рѣя, касаясь твоими крылами. Въ твоемъ пѣніи такъ много пѣжной томности, оно полно надеждъ, нечаяннѣйшей страсти, скрытыхъ надеждъ и адужности. Всѣ аккорды его мелодичны и пѣлины. Слушая твою пѣню, приятно мечтать: радости прежнихъ дней вновь возстаютъ изъ лучахъ, золотившихъ нашу жизнь, и вновь насъ радуютъ и восхищаютъ тысячами потерянныхъ надеждъ, и вновь наполняютъ глубину нашего сердца позній—этой безцѣльной драгоцѣнностью и ореоломъ счастья! Орелъ этотъ, унесенный вихремъ бури, съ твоей пѣнью, соловей, опитъ вскрываетъ передъ нашими изумленными очами и пробуждаетъ въ душѣ новыя надежды!.. Скажи мнѣ: откуда почерпнешь ты тѣ божественныя строфы, тѣ чудные аккорды, тотъ ласкающій слухъ ривамъ, тѣ изумительныя паузы, полныя пѣги, тотъ ритмъ, въ которомъ сомѣщается и сила, и красота, тѣ радости, жалобы, печали и страсти, которыми дышитъ твой мелодіи? Скажи, кто сообщилъ тебѣ непостижимую тайну, посредствомъ которой ты становишься эхомъ нашего сердца? Пойдай мнѣ, соловей, какъ ты можешь узнать, увы! мои сокровенныя мысли и все то, о чемъ я только молю и прошу Бога, давшего мнѣ истинный гармоніи, любви и пѣры и надѣлившій меня даромъ — наливаетъ въ стихи свою душу и жизнь! Какъ часто, увы! твои восхитительныя мелодіи улетали меня. Какъ часто въ ночное время, ласкаемая твоей длинной пѣнью, я слышала въ ней отголосокъ моихъ чувствъ, и, казалось, тогда воздухъ вокругъ становился умопоблуднымъ, небо спускалось тысячами ревнивыхъ и жадныхъ свѣтилъ, лѣса дышали ароматическѣй, надъ озеромъ горѣло больше аждахъ и тишина ночи падала на землю, для того, чтобы твои божественныя пѣни излучили раздалась въ небесахъ! Да, это ты, соловей, твои умопоблудныя чары исполнили позній мое измѣненное сердце, они пробудили во мнѣ гнѣй мелодіи, голосъ котораго такъ чистъ и чело такъ радостно!.. О! благодарю тебя, мой поэтъ, тебѣ обязана огнемъ, который наполняетъ тайники моей души, ты воспламенялъ въ ней живую прелесть давнихъ воспоминаній и мечтъ о славѣ, къ которой стремились всѣ мои желанія; ты пробудилъ въ ней все то, что летѣло со струнъ моей бѣзцѣльной лиры, все то, что даетъ мысли свѣжесть, блескъ и гармонію, зажженные въ сердцѣ).

ялтинскомъ ребѣ, что тамъ происходить. Я приказала моей дѣвухѣ сѣздить въ ту же ночь въ моей коляскѣ, которая тутъ же стояла у подъѣзда, въ Ялту и пройтись Дермонтова. Она вернулась къ утру и сказала мнѣ, что онъ будетъ около полудня. У меня была задняя мысль, что Дермонтовъ еще не уѣхалъ въ Петербургъ и будетъ у меня со своими объясненіями, все же, что ни говори, возмутительнаго поступка въ Кучукъ-Лампадѣ. Я ожидаю его и готовлюсь простить его жалость...

«...Дермонтовъ мнѣ объяснилъ свою вчерашнюю выходку. Ему вдругъ сдѣлалось противнымъ видѣть меня, сидящую между генераломъ Бородинскимъ и Тетъ-Бу-де-Мариньи. Ему стало невыносимо скучно, что я буду сидѣть за обѣдомъ вдали отъ него. Онъ не могъ выносить приторныхъ ласокъ этого приторнаго франта времени Реставраціи. Я сильно упрекнула его въ раздражительности, въ нетерпѣливости. «Что же мы должны дѣлать при томъ гнетѣ, который тяготѣетъ на насъ ежеминутно? Развѣ много одинъ часъ потерѣть? Вы не великодушны». У него такое поэтическое воображеніе, что онъ все это видѣлъ въ бильярдномъ павильонѣ, когда мы тамъ были вдвоемъ, и выпрыгнулъ въ окно, увидавъ своего «венеціанскаго маюра». Его объясненіе очень мило, сознайся; я его слушала и задыхалась. Онъ, вообрази себѣ, такъ ревнивъ, что становится сѣтливо, еслибъ не было такъ жалъ его...

«...Дермонтовъ торопится въ Петербургъ и ужасно боится, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣхалъ въ Ялту. Его карьера можетъ пострадать. Графиня В. ему обѣщала объ этомъ въ Петербургъ не писать ни полслова. Не говори объ этомъ съ Просперомъ Барантъ: онъ сейчасъ ванишется въ Петербургъ, и опять побѣдутъ силетики. Онъ можетъ быть даже вынужденъ будетъ сюда прѣхать, потому что дуэль еще не кончена. Выстрѣлъ остался за Дермонтовымъ, онъ это сказалъ передъ судомъ и здѣсь повторилъ по несуслышанію ту же истину. Я это все тебѣ рассказываю, и мнѣ въ мысли только теперь пришло, что Дермонтовъ, его поэтическій талантъ, все это для тебя тоже самое, что говорить тебѣ о бѣломъ волкѣ.

«Я заходила въ Ялтѣ сказать, что мнѣ нынче не нужно лошади. Мы вернулись въ половинѣ шестаго, и мнѣ г. Де-Гелль, разсказавъ, что Тетъ-Бу отправился къ черкесамъ. «Это не можетъ быть: онъ далъ мнѣ слово ѣхать съ нами вмѣстѣ». Это неожиданное извѣстіе меня смутило, и я не могла сказать Тетъ-Бу, что если черезъ три дня онъ не прійдетъ съ своей яхтой, мы съ нимъ наѣтрное наѣтқи разо-

посвященные, она признала мелодичными и звучными, прямо льющимися въ душу и поставила ихъ выше стиховъ, посвященныхъ ей знаменитымъ въ то время Альфредомъ де-Мюссе.

Выше, въ примѣчаніи 3-мъ, приведены мною воззрѣнія и отзывы о Лермонтовѣ его друзей и лицъ, близко стоявшихъ къ нему. Если сопоставить ихъ съ этою, отчасти посторженною, но безусловно точной и вѣрной оцѣнкой поэта случайно встрѣтившеюся съ нимъ иностранкой, сочувствіе общества будетъ на сторонѣ сей послѣдней. Не смотря на все неблагопріятныя для того времени влѣянія, она сумѣла отличить истину отъ лживой въ сѣбѣ лжи и нареканій, сумѣла понять и опредѣлить по достоинству геній поэта, предугадать его будущее значеніе, его славу и его роковую кончину. Это дѣлаетъ ей большую честь и вполне оправдываетъ то вниманіе, которое оказалъ ей Михаилъ Юрьевичъ.

По словамъ барона Е. П. фонъ-Майделя, Лермонтовъ, при свиданіи съ нею въ 1841 году, воспоминалъ о ней съ большою живостью и чувствомъ.

— Знаете ли, баронъ, — говорилъ онъ: — я прошлой осенью ѣздилъ къ ней въ Ялту, я въ тележкѣ проскакалъ до двухъ тысячъ перстъ, чтобы нѣсколько часовъ побыть наединѣ съ нею. О, если бы мы знали, что это за женщина! Умна и обольстительна, какъ фея. Я ей написалъ французскіе стихи. И онъ сталъ припоминать ихъ, но прочесть не могъ и, разсмѣявшись, сказалъ: ну, потъ подите-жъ! забыть... а стихи ей понравились, она очень хвалила ихъ.

Въ альбомѣ, подаренномъ княземъ В. О. Одоевскимъ М. Ю. Лермонтову, при послѣднемъ отъѣздѣ его на Кавказъ въ 1841 году, въ числѣ записанныхъ въ него посмертныхъ стихотвореній поэта, находится также перифразъ французскаго стихотворенія, посвященнаго m-me Гомьеръ де Гелль.

Je l'attends dans la plaine sombre...
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement—
Eh non! trompeuse espérance:
C'est un vieux bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant

* *
*

Je me penche et longtemps j'écoute,
 Je crois entendre sur la route
 Le son qu'un pas léger produit.
 Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
 Le bruit d'une feuille que pousse
 Le vent parfumé de la nuit.

* *
 *

Rempli d'une amère tristesse,
 Je me couche dans l'herbe épaisse
 Et m'endors d'un sommeil profond.
 Tout-à-coup, tremblant je m'éveille:
 Sa voix me parlait à l'oreille,
 Sa bouche me baisait au front.

(Переводъ: Я жду ее въ темной долинь, въ отдаленіи вижу
 блѣдъ призракъ, призракъ тихо приближается—но нѣтъ! обман-
 ивая надежда, то старая береза колеблеть своей изсохшей блестящій
 тволъ.

Я склоняюсь и долго прислушиваюсь, мнѣ слышится, я слышу по
 дороге звукъ легкихъ шаговъ... Нѣтъ, не то! Это шумъ отъ листа,
 одного ароматнымъ починимъ вѣтромъ.

Подлый горькой тоски, опускаюсь я на густую траву и засы-
 паю глубокимъ сномъ. Но вдругъ просыпаюсь, издрагивая: голосъ ее
 шепталъ мнѣ на ухо, уста лобызали чело).

Г. Висковатовъ въ статьѣ своей «Еще о французскихъ стихахъ
 Лермонтова» ¹²⁾, говоритъ, что это отдѣланный текстъ посланія
 Жюль де Гелля и представляетъ его позднѣйшій вариантъ. Но его
 иную, текстъ этотъ—произведение красоты, искренности и чун-
 тва, тогда какъ сообщенный г-жею де Гелль текстъ врученнаго
 ей лично Лермонтовымъ посланія отзывается наброскомъ, недоста-
 точно отдѣланнымъ, даже, пожалуй, циничнымъ, навѣяннмъ слу-
 аемъ никакъ не возвышеннаго характера. Въ подтвержденіе ска-

¹²⁾ Помѣщенной въ «Русской Старинѣ», 1887 года, № 12.

заннаго, біографъ поэта ссылается на князя П. П. Вяземскаго, который будто бы видѣлъ, что Михаилъ Юрьевичъ въ зиму 1840—1841 г. работалъ надъ стихами и, совладавъ съ ними и давъ имъ совершенно иной колоритъ, внесъ ихъ передъ послѣднимъ роковымъ отъѣздомъ на Кавказъ въ альбомъ, подаренный ему княземъ Одоевскимъ.

О вкусахъ, конечно, не спорять, г. Висковатовъ можетъ находить одинъ текстъ посланія произведеніемъ красоты, искренности и чувства, другой—наброскомъ неотдѣланнымъ и циничнымъ: мнѣніе его въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ оно явно пристрастно въ пользу имъ отысканнаго и напечатаннаго послѣдняго текста. Но есть-ли это «отдѣланный текстъ посланія»,—еще вопросъ. Приведенная выше ссылка на князя Вяземскаго, что онъ видѣлъ какъ Лермонтовъ работалъ надъ этимъ стихотвореніемъ и, совладавъ съ ними, внесъ его передъ послѣднимъ его отъѣздомъ на Кавказъ въ альбомъ, подаренный княземъ Одоевскимъ, — не вполне точна. Князь П. П. Вяземскій въ статіи «Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ де-Гелль»²⁰⁾ говоритъ, что онъ помнитъ, какъ въ зиму 1840—1841 года Лермонтовъ набрасывалъ свои статьи то карандашемъ, то перомъ, но относительно того, что поэтъ, совладавъ съ новымъ текстомъ посланія къ г-жѣ де-Гелль, внесъ его въ альбомъ, подаренный ему княземъ Одоевскимъ,—ничего не упоминаетъ. Да и самые факты тому противорѣчатъ. Альбомъ Лермонтову подаренъ, какъ видно изъ собственноручной надписи князя Одоевскаго, 13 Апрѣля 1841 года, т. е. почти передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, и изъ всего ничего писаннаго въ С.-Петербургѣ не внесено. Въ альбомѣ этомъ, какъ извѣстно, заполнено на Кавказѣ такъ называемыми «предсмертными стихотвореніями», значится: на 1-й страницѣ—адресъ; на 2-й—«Погодину», «Каминцевъ», да «Кто ты такой»; на оборотѣ начато и окончено на 5 стр. стихотвореніе «Пророкъ», на 6-й—«Лилейной рукой поправляя»; на 7-й—«На бурѣ, подъ сѣнью чинары»; на 8-й ничего не написано, 9—10 заняты стихотвореніемъ: «Мнѣ сплалъ разъ долина Дагестана»; на страницѣ 11—13 «Тамара» и «Они любили», на 14-й «У Россіи шѣтъ промеднаго», на 15-й—

²⁰⁾ «Русскій Архивъ», 1887 года № 9.

Зеленый листокъ оторвался; страницы 16—19 заняты стихотворе-
іемъ «Ужъ за горой дремучею», и только на 20-й страницѣ на-
ходится французское стихотвореніе, перифразъ посланія къ м-ше
Адель Гоммеръ де-Гелль. Изъ этого слѣдуетъ, что это послѣднее
стихотвореніе, какъ и другія записанныя въ альбомѣ, было написано и
внесено въ альбомъ на Кавказѣ лѣтомъ 1841 года. Самый текстъ этого
стихотворенія, нужно думать, не составляетъ, какъ заявилъ г.
искователь, отбѣланнаго текста посланія г-жѣ де-Гелль, но является
горѣе сколько съ него, появившимся вълѣдствіе выше приведен-
ной бѣсѣды Михаила Юрьевича съ барономъ Е. Н. фонъ-Майделемъ,
когда поэту, очевидно, пришла въ голову мысль возстановить его,
о нь точности оны, на память, повторить его не могъ и, по этому,
внесалъ въ альбомъ такъ, какъ вышлоъ оно подъ перомъ въ это
ремя. Во всякомъ случаѣ, оно, по силѣ и образности, далеко усту-
паетъ первоначально написанному тексту посланія, лично передан-
аго поэтомъ г-жѣ Адель Гоммеръ де-Гелль.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГРАФѢ А. А. АРАКЧЕЕВѢ.

НѢтъ десять тому назадъ, жилъ на Пескахъ бывшій оберъ-провіантмейстеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Андреевичъ Ипановъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ служилъ въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ пахотныхъ солдатъ по строительной части; зналъ многихъ сотрудниковъ графа А. А. Аракчеева, слышалъ отъ нихъ много интереснаго изъ событій «аракчеевской эпохи», и вотъ что, между прочимъ, передавалъ онъ о знаменитомъ временщикѣ, извѣстномъ своей жестокостью и безсердечіемъ.

При производствѣ работъ при постройкѣ стросній, люди высылались на работы въ такомъ числѣ, какое опредѣлялось по урочному положенію, составленному генераломъ Клейнмихелемъ, и должны были отработывать назначаемые имъ уроки не смотря ни на какую погоду. Однажды, во время поздней осени, въ одномъ изъ поселеній производилась постройка такъ называемыхъ «солдатскихъ связей», то-есть, домовъ на дѣть семьи. Шелъ снѣгъ, работать было нельзя, но нельзя было и оставить работъ, такъ какъ еще нужно было положить нѣсколько вѣшницъ по уроку. Находящійся на работахъ кондукторъ Хабилевъ, повѣрившій размѣры оконъ, переходя отъ окна къ окну, бранилъ Аракчеева, называлъ «косыми чортомы» и говорилъ, что только въ каторгѣ заставляютъ отработывать уроки въ такую отирательную погоду. Въ это время плотники замѣтили, что графъ Аракчеевъ, въ старенькой шинели, стоитъ у постройки и смотритъ на работы. Услыхавъ, что кондукторъ бранитъ его, онъ ничего не сказалъ и отошелъ прочь. Когда сказали объ этомъ Хабилеву, онъ пришелъ въ ужасъ и только повторилъ: «пропалъ я теперь,

онѣмъ пропасть! Проглотить меня это чудовище и не подавится!»..
О страхѣ онъ ожидалъ роковаго утра, и удивленію его не было
онца, когда онъ прочиталъ утромъ приказъ по военнымъ поселе-
ніямъ, въ которомъ было сказано: «Обходя вчера работы лично, я
бѣдился, что при дождѣ и снѣгѣ работать невозможно, не смотря
на это кондукторъ Хабиденъ, съ усердіемъ преодолевая всѣ неудоб-
ства, занимался дѣломъ; почему произвожу его въ прапорщики, а
работы въ дождь и снѣгъ впредь приказываю не производить».
Казывается, что не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ!

Въ ту же осень, по окончаніи работъ, прикомандированные для
надзора за ними офицеры отиралялись къ своимъ полкамъ, по
дѣсту служенія. Одного изъ такихъ офицеровъ встрѣтилъ графъ
Аракчеевъ на почтовой станціи и спросилъ его: какъ онъ провелъ
время на работахъ и доволенъ ли вообще командировкой? Офицеръ,
не зная Аракчеева въ лицо, или и зная, но не давая ему понять,
то знаетъ его, отвѣчалъ, что чортъ-бы подобралъ всѣ такія работы
и что онъ радъ-радеменекъ позвратиться къ полку, такъ какъ из-
учился за дѣло, обносился и никакой награды не получилъ. Этимъ
разговоръ и окончился. Но не прошло получаса, офицеръ не успѣлъ
еще уѣхать, на станцію прибѣжала вѣстовой, спросилъ фамилію
офицера и передалъ ему приказаніе графа тотчасъ явиться къ нему
въ дворецъ. Офицеръ, въ испугѣ, хотѣлъ было пересидѣться, но вѣ-
стовой передалъ ему приказаніе: явиться тотчасъ же, какъ есть.
Являсь къ графу Аракчееву, онъ былъ приглашенъ имъ къ столу,
обѣдалъ съ нимъ запросто (Аракчеевъ, какъ извѣстно, ѣлъ щи и
салу) и въ заключеніе, ему, въ видъ прощнаго, была подана подъ
альфеткою тарелка, на которой онъ нашелъ крестъ св. Анны 3-й
степени и грамоту на него, написанную на его имя. Офицеръ въ
изумленіи начинаетъ благодарить милостинца и гонорить, что онъ
не заслужилъ такой награды. На это графъ Аракчеевъ, вставъ изъ-
за стола, отвѣтилъ: «Знайте, что Аракчеевъ заслуги цѣнитъ, но о
грузженіяхъ ему доносить мало. Прощайте и не поминайте ли-
комъ!»

Относительно причинъ, послужившихъ поводомъ къ разлученію
графа А. А. Аракчеева съ женою, вѣтъ что передавалъ Д. А. Ива-
новъ, со словъ лица, слышавшаго этотъ рассказъ отъ графа П. А.
Клейнмихеля. Графъ Алексѣй Андреевичъ, какъ извѣстно, былъ же-
натъ на Наталіѣ Федоровнѣ, урожденной Хомутовой. Несогласіе су-
руговъ во взглядахъ на жизнь и извѣстныя свѣтскія отношенія.

конечно, проявлялись перёрдко, но жена должна была подчиняться воле своего деспота-супруга и не находила этого чѣмъ-либо необычайнымъ, такъ какъ симпатіи ея и антипатіи для него были безразличны. Докорумъ брачнаго сожитія, однако, сохранялся, пока графу не представилось случая убѣдиться, что сожительство съ подобной супругою для человѣка, стоящаго у кормила государственнаго управления, не вполнѣ удобно. Обстоятельство это заключалось въ слѣдующемъ. До свѣдѣнія графа Аракчева дошло, что оберъ-полиціймейстеръ города С.-Петербурга, получившій 100,000 р. экстраординарной суммы на секретные расходы, тратить ее совѣтъ на другія подробности, съ интересами службы ничего общаго неимѣющія, и онъ доложилъ объ этомъ государю императору Александру Павловичу. Послѣдовавъ Высочайшее повелѣніе обременить расходы экстраординарной суммы Аракчеву лично, и онъ потребовалъ къ себѣ всѣ книги и дѣла по этому предмету. Каково же было его изумленіе, когда онъ самолично удостовѣрился изъ записей по книгѣ экстраординарныхъ расходовъ, что его супруга два раза получила изъ этой суммы по 5,000 руб. Видъ себя, онъ приказалъ камердинеру позвать къ нему Наталію Осодоровну, и когда та вошла въ кабинетъ, истрѣтилъ ее словами: «вы, сударыня, изволите брать взятки съ полиціи?»

— Какія взятки? Что вы говорите? я не понимаю, отвѣчала растерявшаяся графиня.

— Я говорю, что вы получили отъ оберъ-полиціймейстера два раза по 5,000 рублей.

— Да, получила, но я взяла ихъ по просьбѣ маменьки... ей были деньги очень нужны...

Но графъ, въ пылу негодованія, не позволялъ ей продолжать болѣе и гнѣвно высказалъ: «женщина, состоящая на содержаніи тайной полиціи, не можетъ болѣе оставаться у меня въ домѣ. Извольте убираться куда хотите! Часъ даю вамъ на сборы и чтобы духа нашего у меня не пахло!».

И Наталія Осодоровна прямо изъ кабинета отправилась къ своей матери Дарьѣ Алексѣевнѣ Хомутовоѣ, у которой и жила остальное время жизни. Духа ея болѣе у графа А. А. Аракчеева въ домѣ и не пахло. Но что бы тамъ ни говорили, а всемогущій временицкъ съ своей точки зрѣнія былъ правъ.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ И ЕГО ЛИЧНОЕ ДОВОЛЬСТВІЕ.

ЭТА жизнь, новым права, новыми обязанности выпали на долю русскаго общества съ возложеніемъ на него участія въ отбываніи воинской повинности, и нѣтъ дома, нѣтъ уголка на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества, гдѣ бы не обсуждали условій отбыванія всеобщей повинности, не анализировали сущности и всѣхъ послѣдствій новаго военнаго закона. Конечно, люди сословныхъ предразсудковъ и привилегій, развращенные эгоизмомъ до мозга костей, люди застоя и вѣчной косности доходятъ до скрежета зубовъ, но большинство съ полнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ разсматриваетъ и изучаетъ малѣйшіе оттѣнки закона, сознательно и разумно приносить новыя, быть можетъ, весьма тяжелыя, личныя жертвы для великаго общаго дѣла—для защиты и обновленія отечества. Но чѣмъ болѣе растетъ число сторонниковъ новой жизни, новыхъ общественныхъ правъ и обязанностей, тѣмъ сильнѣе и ожесточеннѣе становится отпоръ и борьба ихъ антагонистовъ. Въ исторіи нѣтъ прѣдела, который указалъ бы намъ, что новая свѣтлосная идея, великая мировая истина проникла въ жизнь и слѣзлась съ ветхозавѣтными преданіями старины, не подвергаясь, при своемъ появленіи, дикому и ничѣмъ неоправданному глумленію, ожесточенному, не знающему никакихъ предѣловъ порицанію, тупой и бессмысленной враждѣ. Такъ было истариною, когда міръ представлялъ семью народовъ; такъ было во всѣ моменты исторической жизни народовъ, когда лучъ мудрости освѣщалъ имъ новыя прогрессивныя пути; такъ, съ сожалѣніемъ, повторяется и нынѣ, когда цивилизація щедро русской сіетъ сімена свои на богатой и плодотворной нивѣ человѣче-

ства. Впрочемъ, нельзя не признать за нашимъ временемъ одной весьма существенной заслуги. Не смотря на врожденную склонность къ протесту и борьбѣ, современное общество, хотя не сразу, но скорѣе, нежели предки наши, мирится и уживается со всевозможными измѣненіями въ его положеніи. Нашъ вѣкъ—положительный вѣкъ. Едва ли кто рѣшится теперь отстаивать отжившій строй жизни съ такимъ ожесточеннымъ упорствомъ, какъ, напримѣръ, наши праѣды отстаивали бороду. Напротивъ, мы видимъ часто, какъ самые суровые антагонисты новыхъ идей въ самое короткое время дѣлаются ярыми и неусынными ихъ проповѣдниками и апостолами.

Недавно мы имѣли случай созерцать подобную метаморфозу въ одномъ почтенномъ, старинномъ домѣ. Въ этомъ домѣ и сами хозяева, и большинство гостей, вѣками разумными и неразумными силами возставали противъ привлеченія къ общей общественной повинности образованныхъ сословій общества. Но не прошло и одного мѣсяца, какъ все измѣнилось. Глава семейства уже ратуетъ за новый проектъ закона; гости возражаютъ слабо, а молодая хозяйка — вся чувство и восторгъ, указывая гостямъ на крошекъ-дѣтей своихъ, твердитъ: «посмотрите, какіе славные солдаты растутъ у меня.»

Нельзя не радоваться такому прогрессивному движенію въ интеллигентномъ развитіи нашего современнаго общества, какъ нельзя не радоваться и тому, что въ средѣ этого общества въ послѣднее время пробудилось желаніе ознакомиться и научиться своеобразный и чуждый ему во всѣхъ отношеніяхъ бытъ русскаго солдата.

Услонія солдатскаго быта, выработанныя вѣками при отношеніи съ проклятыми въ вѣчность позорной памяти крѣпостнымъ иранѣ,—тяжелы и образованному обществу незнакомы. Это, такъ сказать, наша terra incognita. Общество наше видѣло солдата только на смотрахъ и парадахъ, да отчасти въ походѣ или въ бою. Оно относилось къ нему съ высоты своего величія съ самой обидной снисходительностью, порой рукоплескало ему, порой величалось и гордилось его подвигами, но никому не было дѣла до того, какъ живетъ этотъ «сѣятель и хранитель» царства русскаго. Издревле во всѣ времена нашъ солдатъ былъ отверженнымъ общества, которое видѣло въ немъ только chair du canon, по выраженію Наполеона I.

Но вотъ обстоятельства измѣнились; мы сами, или дѣти наши должны пройти эту тяжелую школу жизни, и насъ начинаютъ

интересовать условія солдатскаго быта, мы хотимъ ознакомиться съ его внутренней, домашней жизнью. Что-жь? дѣло доброе... Въ желаніяхъ этихъ выражается признакъ времени. Вопросъ значитъ созрѣлъ и сталъ на очередь. Займитесь же имъ, господа, но займитесь не такъ, какъ дипломаты, затрогивающіе вопросы подъ влияніемъ импелетной, капризной, свѣтской любознательности.

Дѣйствительно, съ призывомъ къ участию въ воинской повинности всѣхъ сословій и съ сокращеніемъ сроковъ военной службы, долженъ измѣниться и весь этотъ дряхлый, обмѣненный строй солдатской жизни. Солдатъ-гражданинъ не можетъ быть болѣе отверженнымъ общества. Ему долженъ быть открытъ свободный входъ всюду: и въ театры, и въ концерты, и въ собранія, и въ библіотеки, и въ музеи, и на лекціи. Не пускать образованнаго челоѣка въ общество потому только, что онъ носитъ военную форму—перхъ недоумислія и нелѣпости. Въ 1859 году, когда въ Англіи формировались волонтерные отряды, на одномъ изъ вечеровъ у герцогини Д., въ Лондонѣ, появился молодой челоѣкъ въ костюмѣ простаго волонтера. Нѣкоторые люди и джентльмены не могли, конечно, не выразить при этомъ своего удивленія, но удивленіе ихъ еще болѣе увеличилось, когда хозяйка дома представила этого волонтера гостямъ подъ именемъ молодаго виконта В. Случай этотъ можетъ повториться и у насъ. Кто знаетъ, быть можетъ, наступитъ время, когда наши прелестныя дамы будутъ являться въ общество не иначе, какъ въ сопровожденіи молодыхъ людей, одѣтыхъ въ простую сѣрую солдатскую шинель.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ вопросъ—вопросъ будущаго, хотя бы даже и очень близкаго, но все же будущаго. Интересъ же настоящаго времени заключается, главнѣйшимъ образомъ, въ обезпеченіи солдату по возможности лучшаго матеріальнаго положенія.

Личное его содержаніе (кромя обмундированія, которое обусловливается особыми военными и гигиеническими соображеніями правительства) состоитъ изъ жалованья, провіантскаго и приварочнаго довольствія.

Неизлишнимъ конечно будетъ, если мы примемъ, какъ исторически сложились наши боевыя силы и какое вліяніе имѣло на опредѣленіе довольствія солдата самое устройство этихъ силъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ видно изъ историческихъ изысканій Вѣляева и Устрялова, первое мѣсто въ составѣ нашихъ военныхъ силъ занималъ многочисленный классъ служивыхъ людей: дворянъ

его пламя, но прийхаль Лермонтовъ и, какъ бурный потокъ, увлекъ всѣ вѣйки, которые я готовила бѣдному Тетъ-Бу. Это выходило изъ моихъ расчетовъ, но я была такъ счастлива! Пойадка въ Кучукъ-Лампадъ была рѣшительнымъ кризисомъ. Я уговорила г. Де-Гелля, ложась спать, чтобы онъ сходилъ на другой день посмотреть на

птицы, уны! свое беззвѣлье, онъ не можетъ противопоставить твоему обаянію, онъ сознаетъ въ твоемъ пѣніи ту прелесть, которую желалъ бы исторгнуть изъ своей лиры, не имѣя возможности извлечь изъ жесткихъ струнъ ея той чудной гармоніи, которой ты, рѣя, касаясья твоими крылами. Въ твоемъ пѣніи такъ много пѣжной томности, оно полно надеждъ, начала страсти, скрытыхъ паховъ и задумчивости. Всѣ аккорды его мелодичны и изыскательны. Слушая твою пѣню, приятно мечтать: радости прежнихъ дней вновь возстаютъ изъ лучахъ, золотившихъ нашу жизнь, и вновь насъ радуютъ и восхищаютъ тысячами потерянныхъ надеждъ, и вновь наполняютъ глубину нашего сердца позвѣй—этой божественной драгоцѣнностью и орошаютъ счастіемъ! Орелъъ этотъ, унесенный вихрями буреи, съ твоей пѣнейю, соловей, опять возстаетъ передъ нашими изумленными очами и пробуждаетъ въ душѣ новые надежды!.. Скажи мнѣ: откуда почерпнешь ты тѣ божественныя строфы, тѣ чудные аккорды, тотъ ласкающій слухъ риважъ, тѣ изумительныя паузы, полныя пѣги, тотъ ритмъ, въ которомъ сомѣщается и сила, и красота, тѣ радости, жалобы, печали и страсти, которыми дышатъ твои мелодіи? Скажи, кто сообщаетъ тебѣ непостижимую тайну, посредствомъ которой ты становишься эхомъ нашего сердца? Пойдай мнѣ, соловей, какъ ты могъ узнать, уны! мои сокровенныя мысли и все то, о чемъ я только молю и прошу Бога, давшего мнѣ инстинктъ гармоніи, любви и пѣры и надѣлывшаго меня даромъ—называть въ стихахъ свою душу и жизнь! Какъ часто, уны! твои восхитительныя мелодіи увлекали меня. Какъ часто въ ночное время, ласкаемая твоей дивною пѣнейю, я слышала въ ней отголосокъ моихъ чувствъ, и, казалось, тогда воздухъ вокругъ становился умоутельнѣй, небо вспыхивало тысячами ревнивыхъ и жадныхъ свѣтилъ, лѣса дышали ароматичнѣй, надъ озерами горѣло больше звѣздъ и тишина ночи шептала на вежю, для того, чтобы твои божественныя пѣсни аучилъ раздавались въ небесахъ! Да, это ты, соловей, твои умоутельныя чары исполнили позвѣй мое измолвленное сердце, они пробудили во мнѣ чужій мелодіи, голосъ котораго такъ чистъ и чело такъ радостно!.. О! благодарю тебя, мой поэтъ, тебѣ я обязана огнемъ, который наполняетъ тайники моей души, ты воспламенялъ въ ней живую прелесть давнихъ воспоминаній и мечты о славѣ, къ которой стремишься всѣ мои желанія; ты пробудилъ въ ней все то, что льется со струнъ моей безпѣстной лиры, все то, что даетъ мысли свѣжесть, блескъ и гармонію, зажатую въ сердцѣ.

литинскомъ рейдѣ, что тамъ происходить. Я приказала моей дѣвушкѣ сѣздить въ ту же ночь въ моей коляскѣ, которая тутъ же стояла у подъезда, въ Ялту и привѣдать Лермонтова. Она вернулась къ утру и сказала мнѣ, что онъ будетъ около полудни. У меня была задняя мысль, что Лермонтовъ еще не уѣхалъ въ Петербургъ и будетъ у меня со своими объясненіями, все же, что ни говори, позмутительнаго поступка въ Кучукъ-Лампадѣ. Я ожидаю его и готовлюсь простить его шалость...

«...Лермонтовъ мнѣ объяснилъ свою вчерашнюю выходку. Ему вдругъ сдѣлалось противнымъ видѣть меня, сидящую между генераломъ Бородинскимъ и Тетъ-Бу-де-Мариньи. Ему стало невыносимо скучно, что я буду сидѣть за обѣдомъ вдали отъ него. Онъ не могъ выносить приторныхъ ласокъ этого приторнаго франта времени Реставраціи. Я сильно упрекнула его въ раздражительности, въ неритичности. «Что же мы должны дѣлать при томъ гнетѣ, который тяготѣетъ на насъ ежеминутно? Развѣ много однимъ часъ потерпѣть? Вы не великодушны». У него такое поэтическое воображеніе, что онъ все это видѣлъ въ бильярдномъ павильонѣ, когда мы тамъ были вдвоемъ, и выпрыгнулъ въ окно, увидя въ своемъ «венціанскаго маира». Его объясненіе очень мило, сознайся; я его слушала и задыхалась. Онъ, вообразилъ себя, такъ ревнивъ, что становится сѣтливо, еслибъ не было такъ жалъ его...

«...Лермонтовъ торопится въ Петербургъ и ужасно боится, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣхалъ въ Ялту. Его карьера можетъ пострадать. Графиня В. ему обѣщала объ этомъ въ Петербургъ не писать ни полслова. Не говори объ этомъ съ Просперомъ Барантъ: онъ сейчасъ напишетъ въ Петербургъ, и опять пойдутъ слухи. Онъ можетъ быть даже вынужденъ будетъ сюда пріѣхать, потому что дуэль еще не кончена. Выстрѣлъ остался за Лермонтовымъ, онъ это сказалъ передъ судомъ и ядѣсь повторять по несуслышанію ту же пѣсню. Я это все тебѣ рассказываю, и мнѣ въ мысли только теперь пришло, что Лермонтовъ, его поэтический талантъ, все это для тебя тоже самое, что говоритъ тебѣ о бѣломъ волкѣ.

«Я заходила въ Ялту сказать, что мнѣ нынче не нужно лошади. Мы вернулись въ полонинѣ шестаго, и мнѣ г. Де-Гелль рассказалъ, что Тетъ-Бу отправился къ черкесамъ. «Это не можетъ быть: онъ далъ мнѣ слово ѣхать съ нами вмѣстѣ». Это неожиданное извѣстіе меня смутило, и я не могла сказать Тетъ-Бу, что если черезъ три дня онъ не прійдетъ съ своей лодкой, мы съ нимъ навѣрное навѣки разо-

римся. Моя горничная дѣвушка вернулась изъ Ялты и мнѣ довѣсла, что г. Тетъ-Бу будетъ меня ожидать на рейдѣ, какъ было условлено. На четвертый день я увидѣла ихуну и простилась съ моимъ поэтомъ на станицѣ. Я долго оставалась въ раздумьи, пока я слышала звонъ его колокольчика, и затѣмъ поспѣшила сѣсть на катеръ, доставившій меня на яхту. Съ нумерной палубой я встрѣчена была г. Тетъ-Бу-де-Мариньи, который дожидалъ меня внизу лестницы. Г. Де-Гелль уже ожидалъ меня на «Юліи»...

Жизненія писема вообще нужно читать не въ обыкновенномъ порядкѣ справа лѣвую, а по-еврейски—слѣва направо, и не иначе—какъ «Талмудъ», т. е. съ помощью семидесяти толковниковъ. Тогда только можно уразумѣть суть, что женщина сказать хотѣла. Если прочитаетъ, такимъ образомъ, писема г-жи Гоммеръ-де-Гелль, и перевести ихъ на обыкновенный человѣческій языкъ, то сдѣлается вполне яснымъ, что она нашла въ Лермонтовѣ свое «золотое руно» и боясь потерять его, сильно ревновала поэта къ другимъ бывшимъ на водахъ дамамъ. Слова ея, что «онъ ее очень мучилъ», или что «они ее измучили» значить, что она сама себя мучила своимъ безрасудною ревностью; упреки поэта по лжи есть ни что иное, какъ недоумѣніе къ утѣреніямъ его, что все это дѣлается съ цѣлью огражденія отъ нареканій ея же репутаціи. Но я не буду вдаваться въ подробный разборъ подобныхъ экзальтированныхъ брѣвъ, давнишнихъ поговѣй Н. А. Висконтону сдѣлать въ біографіи поэта два — три несчастныхъ о немъ отзыва, скажу только, что Лермонтовъ былъ сильно увлеченъ г-жей Гоммеръ де-Гелль. Слѣженныи слѣтскими отношеніями къ бывшимъ на водахъ петербургскимъ дамамъ, онъ, конечно, не могъ предаться всецѣло обворожительной француженкѣ. Но желая дать ей доказательство своей привязанности, онъ принялъ ея предложеніе прѣхать для свиданія съ нею на южный берегъ Крыма. Возвратясь 18 октября изъ экспедиціи въ Большую Чечню, онъ поспѣшилъ взять 14-ти-дневный отпускъ, и въ концѣ октября появился въ Ялтѣ. М-ме Адель, очевидно, не была утѣрена, что поэтъ исполнитъ сдѣланное обещаніе, и начала кокетничать съ Тетъ-Бу. Но Михаилъ Юрьевичъ совершенно неожиданно прѣхалъ и, по ея сознанію, «какъ бурный потокъ увлечь не въяки, которыя она готовила для утѣшенія страсти г. Тетъ-Бу». На этотъ разъ пылкая француженка была въ поосторбѣ отъ своего «Потокъ-Богатыря». Одно, что озадачивало ее, — это школьническая шалость поэта въ Кучукъ-Лампадѣ, но и она была прощена герою, примчавшемуся на свиданіе

съ нею чуть не изъ-за тысячи перестъ. Объясненія, данныя поэтомъ, удовлетворили влюбленную женщину, но біографу поэта не слѣдовало-бы буквально понимать слова французженки, что «Лермонтовъ торопится въ Петербургъ и ужасно бонтея, чтобы не узнали тамъ, что онъ заѣзжалъ въ Ялту», и дѣлать по нимъ несправедливыя заключенія. Очевидно, Лермонтову нужно было замаскировать передъ таинственнымъ обществомъ свой прїѣздъ въ Ялту, для свиданія съ французженкой другими мотивами и онъ сталъ говорить, что ѣдетъ въ Петербургъ, а въ Ялту завернулъ мимоходомъ. Доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что отъпускъ ему въ Петербургъ данъ былъ только въ началѣ 1841 года. Самое бѣгство его въ Кучукъ-Ямпады можно объяснить болѣе серьезнымъ значеніемъ: поэтъ, вѣроятно, пожелалъ избавиться встрѣчи съ приглашенною къ генералу Бороздину, куда ѣхала г-жа Гоммеръ-де-Гелль, княгиней Воропцовой, супругой тогдашняго новороссійскаго генералъ-губернатора князя М. С. Воропцова, передъ которой не советишь удобно было повторить, что онъ получилъ отъпускъ и ѣдетъ въ Петербургъ. Что можно сказать, въ нѣдѣ бравяды или шутки, предмету страсти, или ея друзьямъ и знакомымъ, того нельзя повторить передъ супругой властной особы. Слова эти отдаленнымъ эхомъ могли докатиться до Петербурга и поэту пришлось бы плохо. Но этому, нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ въ предвидѣніи подобной непріятности, рѣшился на неумѣстную шутку съ влюбленной женщиной.

Письма г-жи Гоммеръ де-Гелль исполнѣ краснорѣчиво говорить, какъ влюбленные провели счастливые дни съ 28 октября по 5 ноября, и я возвращаюсь къ нимъ не буду. Для насъ гораздо существеннѣе то, какую оцѣнку сдѣлала поэту эта проникательная и дальновидная иностранка. Не стѣнялась слышанными ею о немъ мнѣніями лицъ, высоко стоявшихъ въ обществѣ, она приходитъ къ заключенію, что Михаилъ Юрьевичъ—«замѣчательный русскій литераторъ и поэтъ», что онъ—«по смерти Пушкина величайшій поэтъ Россіи», «...новое свѣтило, которое возвысится и далеко взойдетъ на поэтическомъ горизонтѣ Россіи». Она говоритъ, что—«ей жаль Лермонтова: онъ дурно кончитъ. Онъ не для Россіи¹⁹⁾ рожденъ. Его предокъ вышелъ изъ свободной Англіи со своей дружиной приѣхалъ Петра Великаго. А Лермонтовъ—великій поэтъ». Стихи его, ей

¹⁹⁾ Разумѣя тогдашнюю Россію—Россію рабовъ.

посвященные, она признала мелодичными и звучными, прямо льющимися въ душу и поставила ихъ выше стиховъ, посвященныхъ ей знаменитымъ въ то время Альфредомъ де-Мюссе.

Выше, въ примѣчаніи 3-мъ, приведены мною воззрѣнія и отзывы о Лермонтовѣ его друзей и лицъ, близко стоявшихъ къ нему. Если сопоставить ихъ съ этою, отчасти посторженною, но безусловно точной и вѣрной оцѣнкой поэта случайно встрѣтившеюся съ нимъ иностранкой, сочувствіе общества будетъ на сторонѣ сей послѣдней. Не смотря на все неблагопріятныя для того времени влѣянія, она сумѣла отличить истину отъ наившей въ свѣтъ лжи и нареканій, сумѣла понять и опредѣлить по достоинству геній поэта, предугадать его будущее значеніе, его славу и его роковую кончину. Это дѣлаетъ ей большую честь и вполне оправдываетъ то вниманіе, которое оказали ей Михаилъ Юрьевичъ.

По словамъ барона Е. П. фонъ-Майделя, Лермонтовъ, при свиданіи съ нимъ въ 1841 году, воспоминалъ о ней съ большою жгучестью и чувствомъ.

— Знаете ли, баронъ, — говорилъ онъ: — я прошлой осенью ѣздилъ къ ней въ Ялту, я въ тележкѣ проскакалъ до двухъ тысячъ перестъ, чтобы нѣсколько часовъ побыть наединѣ съ нею. О, если бы вы знали, что это за женщина! Умна и обольстительна, какъ фея. Я ей написалъ французскіе стихи. И онъ сталъ припоминать ихъ, но прочесть не могъ и, разсмѣявшись, сказалъ: ну, потъ подите-жъ! забыть... а стихи ей понравились, она очень хвалила ихъ.

Въ альбомѣ, подаренномъ княземъ В. О. Одоевскимъ М. Ю. Лермонтову, при послѣднемъ отъѣздѣ его на Кавказъ въ 1841 году, въ числѣ записанныхъ въ него посмертныхъ стихотвореній поэта, находится также перифразъ французскаго стихотворенія, посвященнаго *mon-tie* Гомьеръ де Гелль.

Je l'attends dans la plaine sombre...
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement—
Eh non! trompeuse espérance:
C'est un vieux bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant

* * *

Je me penche et longtemps j'écoute,
 Je crois entendre sur la route
 Le son qu'un pas léger produit.
 Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
 Le bruit d'une feuille que pousse
 Le vent parfumé de la nuit.

* *
 *

Rempli d'une amère tristesse,
 Je me couche dans l'herbe épaisse
 Et m'endors d'un sommeil profond.
 Tout-à-coup, tremblant je m'éveille:
 Sa voix me parlait à l'oreille,
 Sa bouche me baisait au front.

(Переводъ: Я жду ее въ темной долинь, въ отдаленіи вижу
 блѣднѣе призракъ, призракъ тихо приближается—но нѣтъ! обман-
 ивая надежда, то старая береза колеблется своей изсохшей блестящей
 стволю.

Я склоняюсь и долго прислушиваюсь, мнѣ сдается, я слышу по
 дорогѣ звукъ легкихъ шаговъ... Нѣтъ, не то! Это шумъ отъ листа,
 гошимаго проматнымъ починимъ вѣтромъ.

Полный горькой тоски, опускаюсь я на густую траву и засы-
 паю глубокимъ сномъ. Но вдругъ просыпаюсь, вздрагивая: голосъ ея
 шепталъ мнѣ на ухо, уста лобызали чело).

Г. Висковатовъ въ статьѣ своей «Еще о французскихъ стихахъ
 Лермонтова»¹²⁾, говоритъ, что это отдѣланный текстъ посланія
 г-жѣ де Гелль и представляетъ его позднѣйшій вариантъ. Но его
 мнѣнію, текстъ этотъ—произведеніе красоты, искренности и чув-
 ства, тогда какъ сообщенный г-жею де Гелль текстъ прученнаго
 ей лично Лермонтовымъ посланія отзывается наброскомъ, доста-
 точно отдѣланнымъ, даже, пожалуй, циничнымъ, навѣянными слу-
 чаемъ никакъ не возвышеннаго характера. Въ подтвержденіе ска-

¹²⁾ Помѣщенной въ «Русской Старинѣ», 1887 года, № 12.

заннаго, биографъ поэта смысляетъ на князя П. П. Вяземскаго, который будто бы видѣлъ, что Михаилъ Юрьевичъ въ зиму 1840—1841 г. работалъ надъ стихами и, совладавъ съ ними и давъ имъ совершенно иной колоритъ, внесъ ихъ передъ послѣдними роковыми отъѣздомъ на Кавказъ въ альбомъ, подаренный ему княземъ Одоевскимъ.

О вкусахъ, конечно, не спорить, г. Висковатовъ можетъ находить одинъ текстъ посланія произведеніемъ красоты, искренности и чувства, другой—наброскомъ неотѣланнымъ и циничнымъ: мнѣніе его въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ оно явно пристрастно въ пользу имъ отысканнаго и напечатаннаго послѣдняго текста. Но есть-ли это «отѣланный текстъ посланія»,—еще вопросъ. Приведенная выше ссылка на князя Вяземскаго, что онъ видѣлъ какъ Лермонтовъ работалъ надъ этимъ стихотвореніемъ и, совладавъ съ нимъ, внесъ его передъ послѣднимъ его отъѣздомъ на Кавказъ въ альбомъ, подаренный княземъ Одоевскимъ, — не вполне точна. Князь П. П. Вяземскій въ стать: «Лермонтовъ и г-жа Гоммеръ де-Гелль»²⁰⁾ говоритъ, что онъ помнитъ, какъ въ зиму 1840—1841 года Лермонтовъ набрасывалъ свои статьи то карандашемъ, то перомъ, но относительно того, что поэтъ, совладавъ съ новымъ текстомъ посланія къ г-жѣ де-Гелль, внесъ его въ альбомъ, подаренный ему княземъ Одоевскимъ,—ничего не упоминаетъ. Да и самые факты тому противорѣчатъ. Альбомъ Лермонтову подаренъ, какъ видно изъ собственноручной надписи князя Одоевскаго, 13 Апрѣля 1841 года, т. е. почти передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Петербурга, и въ него ничего писаннаго въ С.-Петербургѣ не внесено. Въ альбомѣ этомъ, какъ извѣстно, заполненнымъ на Кавказѣ такъ называемыми «предсмертными стихотвореніями», значится: на 1-й страницѣ—адресъ; на 2-й—«Погодину», «Каминцевъ», да «Кто ты такой»; на оборотѣ начато и окончено на 5 стр. стихотвореніе «Пророкъ», на 6-й—«Индійной рукой поправляя»; на 7-й—«На буркѣ, подъ сѣнью чинары»; на 8-й ничего не написано, 9—10 заняты стихотвореніемъ: «Мнѣ снилась разъ долины Дагестана»; на страницѣ 11—13 «Тамара» и «Они любили», на 14-й «У Россіи нѣтъ прошедшаго», на 15-й—

²⁰⁾ «Русскій Архивъ», 1887 года № 9.

«Зеленый листокъ оторвался»; страницы 16—19 заняты стихотворе-
ніемъ «Ужъ за горой дремучею», и только на 20-й страницѣ на-
ходится французское стихотвореніе, перифразъ посланія къ м-ше
Адель Гоммеръ де-Гелль. Изъ этого слѣдуетъ, что сіе послѣднее
стихотвореніе, какъ и другія записанныя въ альбомѣ, было написано и
записано въ альбомѣ на Кавказѣ лѣтомъ 1841 года. Самый текстъ этого
стихотворенія, нужно думать, не составляетъ, какъ заявилъ г.
Висковатовъ, отдѣльнаго текста посланія г-жѣ де-Гелль, но является
корѣе сколько-то съ него, появившимся послѣдствіе выше присоеди-
ной бесѣды Михаила Юрьевича съ бирономъ Е. П. фонъ-Майдегмъ,
когда поэту, очевидно, пришла въ голову мысль возстановить его,
но изъ точности оцъ, на память, повторить его не могъ и, по этому,
записалъ въ альбомѣ такъ, какъ вышло въ перомъ въ это
время. Во всякомъ случаѣ, оно, по силѣ и образности, далеко усту-
паетъ первоначально написанному тексту посланія, лично передан-
наго поэтомъ г-жѣ Адель Гоммеръ де-Гелль.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГРАФѢ А. А. АРАКЧЕЕВѢ.

НѢтъ десяти тому назадъ, жилъ на Пескахъ бывшій оберъ-проніантмейстеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Андреевичъ Ивановъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ служилъ въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ пахатныхъ солдатъ по строительной части; зналъ многихъ сотрудниковъ графа А. А. Аракчеева, слышалъ отъ нихъ много интереснаго изъ событій «аракчеевской эпохи», и вотъ что, между прочимъ, передавалъ онъ о знаменитомъ времени: извѣстною своею жестокостію и безсердечіемъ.

При производствѣ работъ при постройкѣ строеній, люди высылались на работы въ такомъ числѣ, какое опредѣлялось по урочному положенію, составленному генераломъ Клейнмихелемъ, и должны были отрабатывать назначаемые имъ уроки не смотря ни на какую погоду. Однажды, во время поздней осени, въ одномъ изъ поселеній производилась постройка такъ называемыхъ «солдатскихъ снѣзей», то-есть, домиковъ на дѣтъ семьи. Шелъ снѣгъ, работать было нельзя, но нельзя было и оставить работъ, такъ какъ еще нужно было положить нѣсколько ибницъ по уроку. Находившіеся на работахъ кондукторъ Хабилевъ, потѣрявшій размѣры оконъ, переходя отъ окна къ окну, бранилъ Аракчеева, называлъ «косымъ чортомъ» и говорилъ, что только въ такой застѣваяютъ отрабатывать уроки въ такую отирательную погоду. Въ это время плотники замѣтили, что графъ Аракчеевъ, въ старенькой шинели, стоитъ у постройки и смотритъ на работы. Услыхавъ, что кондукторъ бранитъ его, онъ ничего сказалъ и отошелъ прочь. Когда сказали объ этомъ Хабилеву, онъ пришелъ въ ужасъ и только повторялъ: «пропалъ я теперь,

жизнь пропала! Проглотить меня это чудовище и не подавится!..
Во страхе он ожидал рокового утра, и удивлению его не было
конца, когда он прочитал утром приказ по военным поселениям,
в котором было сказано: «Обходя вчера работы лично, я
убедился, что при дождь и сильн работы невозможно, не смотря
на это кондукторъ Хабидевъ, съ усердіемъ преодолевая вс неудоб-
ства, занимался дѣломъ; почему произвожу его въ прапорщики, а
работы въ дождь и сильн впредь приказываю не производить».
Казывается, что не такъ страшны чортъ, какъ его малюютъ!

Въ ту же осень, по окончаніи работъ, прикомандированные для
надзора за ними офицеры отправлялись къ своимъ полкамъ, по
дѣлу служебн. Одного изъ такихъ офицеровъ встрѣтилъ графъ
Аракчеевъ на почтовой станціи и спросилъ его: какъ онъ провелъ
время на работахъ и доволенъ ли вообще командировкой? Офицеръ,
не зная Аракчеева въ лицо, или и зная, но не давая ему понять,
кто знаетъ его, отвѣчалъ, что чортъ-бы подобралъ вс такія работы
и что онъ радъ-раденіемъ позвратиться къ полку, такъ какъ из-
учился за лѣто, обносился и никакой награды не получилъ. Этимъ
разговоръ и окончился. Но не прошло получаса, офицеръ не успѣлъ
еще уѣхать, на станцію прибѣжала вѣстовой, спросилъ фамилію
офицера и передалъ ему приказаніе графа тотчасъ явиться къ нему
въ дворецъ. Офицеръ, въ испугъ, хотѣлъ было пересдѣться, но вѣ-
стовой передалъ ему приказаніе: явиться тотчасъ же, какъ есть.
Явивъ къ графу Аракчееву, онъ былъ приглашенъ итъ къ столу,
обѣдать съ нимъ запросто (Аракчеевъ, какъ извѣстно, ѣлъ ни и
зашу) и въ заключеніе, ему, въ видъ ннрожнаго, была подана подъ
альфеткою тарелка, на которой онъ нашелъ крестъ св. Анны 3-й
степени и грамоту на него, написанную на его имя. Офицеръ въ
изумленіи начинаетъ благодарить милостинца и горорить, что онъ
не заслужилъ такой награды. На это графъ Аракчеевъ, встанъ изъ-
за стола, отвѣтилъ: «Знайте, что Аракчеевъ заслуги цѣнитъ, но о
грузженіяхъ ему доносить мало. Прощайте и не забывайте ли-
комъ!»

Относительно причинъ, послужившихъ поводомъ къ разлученію
графа А. А. Аракчеева съ женою, вотъ что передавалъ Д. А. Ива-
новъ, со словъ лица, слышавшаго этотъ рассказъ отъ графа Н. А.
Клейнмихеля. Графъ Алексѣй Андреевичъ, какъ извѣстно, былъ же-
натъ на Наталіи Федоровнѣ, урожденной Хомутовой. Несогласія су-
руговъ во взглядахъ на жизнь и извѣстныя свѣтскія отношенія.

ства. Впрочемъ, нельзя не признать за нашимъ временемъ одной весьма существенной заслуги. Не смотря на прирожденную склонность къ протесту и борьбѣ, современное общество, хотя не сразу, но скорѣе, нежели предки наши, мирится и уживается со всевозможными измѣненіями въ его положеніи. Нашъ вѣкъ—положительный вѣкъ. Едва ли кто рѣшится теперь отстаивать отжиившій строй жизни съ такими ожесточенными упорствами, какъ, напримеръ, наши пращцы отстаивали бороду. Напротивъ, мы видимъ часто, какъ самые суровые антагонисты новыхъ идей въ самое короткое время дѣлаются ярыми и неусыпными ихъ провозвѣстниками и апостолами.

Недавно мы жили случай созерцать подобную метаморфозу въ одномъ почтенномъ, старинномъ домѣ. Въ этомъ домѣ и сами хозяева, и большинство гостей, были разумными и неразумными силами позставали противъ привлеченія къ общей воинской повинности образованныхъ сословій общества. Но не прошло и одного мѣсяца, какъ все измѣнилось. Глава семейства уже ратуетъ за новый проектъ закона; гости возражаютъ слабо, а молодая хозяйка—вся чувство и восторгъ, указывая гостямъ на крошечнѣ-дѣтей своихъ, твердитъ: «посмотрите, какіе славные солдаты растутъ у меня.»

Нельзя не радоваться такому прогрессивному движенію въ интеллигентномъ развитіи нашего современнаго общества, какъ нельзя не радоваться и тому, что въ средѣ этого общества въ послѣднее время пробудилось желаніе ознакомиться и изучить своеобразный и чуждый ему во всѣхъ отношеніяхъ бытъ русскаго солдата.

Условія солдатскаго быта, выработанныя вѣками при отомедненіи съ проклятыми въ вѣчность позорной памяти крѣпостнымъ нравѣ,—тяжелы и образованному обществу невидомы. Это, такъ сказать, наша terra incognita. Общество наше видѣло солдата только на смотрахъ и парадахъ, да отчасти въ походѣ или въ бою. Оно относилось къ нему съ высоты своего величія съ самой обидной снисходительностью, порой рукоплескало ему, порой величалось и гордилось его подвигами, но никому не было дѣла до того, какъ живетъ этотъ «сбѣгатель и хранитель» царства русскаго. Издревле во всѣ времена нашъ солдатъ былъ отверженцемъ общества, которое видѣло въ немъ только *chair du canon*, по выраженію Наполеона I.

Но вотъ обстоятельства измѣнились; мы сами, или дѣти наши, должны пройти эту тяжелую школу жизни, и насъ начинаютъ

интересовать условія солдатскаго быта, мы хотимъ ознакомиться съ его внутренней, домашней жизнью. Что-жь? дѣло доброе... Въ желаніяхъ этихъ выражается признакъ времени. Вопросъ значитъ созрѣлъ и сталъ на очередь. Заинтересуйтесь же и вы, господа, но заинтересуйтесь не такъ, какъ дилетанты, затрогивающіе вопросы подъ влияніемъ мимолетной, капризной, свѣтской любознательности.

Дѣйствительно, съ призывомъ къ участию въ воинской повинности всѣхъ сословій и съ сокращеніемъ сроковъ военной службы, долженъ измѣниться и весь этотъ дряхлый, обывденный строй солдатской жизни. Солдаты-граждане не могутъ быть болѣе отверженцами общества. Ему должны быть открыты свободный входъ всюду: и въ театры, и въ концерты, и въ собранія, и въ библіотеки, и въ музеи, и на лекціи. Не пускать образованнаго челоука въ общество потоку только, что онъ носитъ военную форму—верхъ недомыслія и нелюбости. Въ 1859 году, когда въ Англіи формировались волонтерные отряды, на одномъ изъ вечеровъ у герцогини Д., въ Лондонѣ, появился молодой челоука въ костюмѣ простаго волонтера. Нѣкоторые люди и джентльмены не могли, конечно, не выразить при этомъ своего удивленія, но удивленіе ихъ еще болѣе увеличилось, когда хозяйка дома представила этого волонтера гостямъ подъ именемъ молодаго виконта В. Случай этотъ можетъ повториться и у насъ. Кто знаетъ, быть можетъ, наступитъ время, когда наши прелестныя дамы будутъ являться въ общество не иначе, какъ въ сопровожденіи молодыхъ людей, одѣтыхъ въ простую сѣрую солдатскую шинель.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ вопросъ—вопросъ будущаго, хотя бы даже и очень близкаго, но все же будущаго. Интересъ же настоящаго времени заключается, главнѣйшимъ образомъ, въ обезпеченіи солдату по возможности лучшаго матеріальнаго положенія.

Личное его содержаніе (кромя обмундированія, которое обусловливается особыми военными и гигиеническими соображеніями правительства) состоитъ изъ жалованья, провіантскаго и приварочнаго довольствія.

Неизмѣннымъ конечно будетъ, если мы припомнимъ, какъ исторически сложились наши боевыя силы и какое вліяніе имѣло на опредѣленіе довольствія солдата самое устройство этихъ силъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ видно изъ историческихъ изысканій Вязлева и Устрялова, первое мѣсто въ составѣ нашихъ военныхъ силъ занималъ многочисленный классъ служивыхъ людей: дворянъ

и боярскихъ дѣтей, людей родословныхъ, стародавнихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, изъ которыхъ многіе вели свой родъ отъ Владиміра Святослава. Каждый городъ имѣлъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые и назывались по имени города, къ которому были приписаны. Дворяне и дѣти боярскія раздѣлялись на три статьи: на служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ. Последніе занимали низшую степень и только за особенное отличіе или достоинство перемѣнялись въ дворовый списокъ и въ выборный, т. е. получали высшіе помѣстные оклады. Изъ выборнаго списка лучшіе помѣщики и вотчинники поступали ко двору, съ званіемъ жильцовъ, въ царскіе тѣлохранители, и хотя мѣнялись обыкновенно черезъ полгода, но оставались въ списокѣ московскаго чина; если же получали помѣстные оклады въ московскомъ уѣздѣ, то приобретали названіе дворянъ московскихъ и могли переходить въ стріжніе и стольники, т. е. въ высшій классъ царедворцевъ.

Право помѣстного и вотчиннаго владѣнія непремѣнно обязывало къ полковой службѣ лично самихъ владѣльцевъ, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, которые не могли служить по своему званію, какъ духовенство, по полу, за старостію, болѣзнію, увѣчьемъ, или находились у дѣлъ: изъ московскаго чина—въ придворныхъ должностяхъ, на воеводствѣ, въ посольствѣ; изъ городоваго чина—по выборамъ, въ званіи губныхъ старостъ, цѣловальниковъ и т. п. Городовые воеводы вели помѣщикамъ и вотчинникамъ разборныя книги, подробные списки, въ которыхъ означались прежнія службы каждаго изъ нихъ, помѣстные оклады, кто «какъ люденъ, конецъ и вооруженъ», т. е. съ какою оружіемъ и съ какою численною людей долженъ явиться на службу каждый помѣщикъ и вотчинникъ.

Въ мирное время, помѣщики и вотчинники, бывшіе не у дѣлъ и, слѣдовательно, состоявшіе въ полковой службѣ, спокойно проживали въ своихъ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, тяблами, торговлей и охотою, до тѣхъ поръ, пока не прикажетъ отъ воеводы посыльный стрѣлецъ съ царскимъ указомъ «строиться въ службу, запасы готовить и лошадей кормить.» Тогда помѣщики брались за оружіе, устранивали походный конь, по мѣрѣ своихъ средствъ, нагружали нѣсколько возовъ провіантомъ и разнаго рода съѣстными запасами и ожидали новаго царскаго указа, который кличетъ ихъ въ дальній путь съ Вологды на Украину или съ Казани на Литву.

Прѣзды помѣщиковъ на сборные пункты представляли живописную картину по разнообразію вооруженія, достатковъ, прислуги обзоровъ. Люди богатые являлись на рѣзвыхъ аргамакахъ, въ естящихъ панциряхъ, вооруженные булатными саблями, мундешами, съ исправною боевою прислугою и съ большими запасами всякаго рода продовольствія. Вѣдникъ же прѣзжалъ на плохой лошади, безъ латы и шлема, безъ мундета и карабина, съ одною бляхою въ рукѣ или съ парочкою пистолетовъ, да съ мѣшочкомъ сухарей, торгашъ несъ за нимъ хилый челядинецъ, вооруженный рогатиной.

Другою важною частію въ составѣ силъ московскаго государства были стрѣльцы, иѣмше и конное войско, начало котораго obviously относится къ 1550 году. Царь Иванъ Васильевичъ, желая улучшить ратное дѣло въ Россіи, на обременія дворянства по новой ужбою, приказалъ набрать конюсъ стрѣльцовъ изъ вольныхъ людей, еще не бывшихъ въ тяглы и, следовательно, не доставлявшихъ казны дохода. Поступившіи въ стрѣльцы освобождались отъ всѣхъ городскихъ повинностей и отъ торговыхъ пошлинъ, если они производили торговлю на сумму не свыше 50 руб., что на то время деньги составляли болѣе 600 руб. Какъ въ столицѣ, такъ въ другихъ городахъ, стрѣльцы жили особыми слободами, получали отъ казны жалованье, землю, могли имѣть торговые лавки, заводы и проч. Званіе стрѣльца было наследственнымъ и передавалось отъ отца къ сыну. Въ мирное время, стрѣльцы исполняли свои въ городахъ обязанности гарнизонной службы и разныя полицейскія должности: вымыщниковъ, пристаповъ, таможенныхъ казальщиковъ и т. п.; въ случаѣ войны выступали въ походъ по повелѣнію стрѣлецкаго приказа, въ большинствѣ или меньшинствѣ числѣ подбиты, вооруженные мундетами, саблями и бердынами. Служба стрѣльцовъ была пожизненная; увольнялись въ отставку они только въ дряхлости, или за ранами и болѣзнями, и такіе престарѣлые или увѣчные отсылались на прокормленіе въ монастыри, или же тапались при семействахъ, получая содержаніе отъ монастырей.

Къ вѣхотъ русскаго строя принадлежали еще городные казаки, ужившіе съ данною имъ землею, и сдаточные люди, набравшіеся изъ тяглыхъ, а иногда и не тяглыхъ посадскихъ и съ крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ, смотря по надобности съ 50, 30, 1, 5 и даже 3 дворовъ по 1-му человѣку. Исправнымъ оружіемъ достаточнымъ запасомъ продовольствія люди эти снабжались на счетъ помѣстныхъ пладѣльцевъ, которые выставляли ратниковъ. По

окончании войны, они тотчас же распускались по домам и поступали въ прежнее состояніе.

Со второй половины XVII вѣка московскіе цари, независимо отъ временныхъ ополченій, признали необходимымъ имѣть, кромѣ стрѣльцовъ, нѣкоторые отряды постоянного регулярнаго войска. При первыхъ царяхъ дома Романовыхъ, войско этого рода получило довольно большое развитіе и правильную организацію.

Нѣхотные полки солдатскіе получили первоначальное устройство отъ иноземныхъ наемниковъ; первое ясное извѣстіе о нихъ встрѣчается въ наказѣ Михаила Осодоровича воеводѣ Шенну, отпавленному подъ Смоленскъ. Здѣсь съ иноземными солдатами наругъ являлись нѣкіе полки русскихъ солдатъ, московскихъ и выборныхъ. Эти полки набирались изъ того же класса полныхъ людей, какъ и драгунскіе, и изъ крестьянъ отъ трехъ братьевъ по одному, а отъ четырехъ по два. Солдаты жили въ Москвѣ и по городамъ, въ особыхъ слободахъ, извѣстныхъ и теперь подъ именемъ солдатскихъ. Вообще же устройство своихъ солдатскіе полки много сходствовали со стрѣльцами, отличаясь отъ нихъ только тѣмъ, что не имѣли ихъ преимуществъ, чаще упражнялись въ военномъ дѣлѣ, следовательно, могли лучше знать военскую службу.

Петръ Великій, уничтоживъ стрѣльцовъ и нуждаясь для успешнаго веденія войны въ многочисленномъ войскѣ, которое, конечно, нельзя было набирать однимъ наймомъ, искалъ расширенія своихъ средствъ въ усиленіи и въ лучшемъ устройствѣ существовавшей до того военной повинности высшаго служиваго сословія и даточныхъ людей. Лица высшаго сословія, которое, съ теченіемъ времени, приняло общее наименованіе дворянъ, были всѣ поголовно обложены обязанностию служить государству, и извѣстно, съ какою строгостію Петръ требовалъ исполненія этой обязанности. Что же касается даточныхъ людей, то прежніе случайные и временные сборы ихъ государь обратилъ въ постоянные рекрутскіе наборы.

Такимъ образомъ съ царствованіемъ Петра Великаго является у насъ новое начало дѣятельной рекрутской повинности. По порядку отпавленія рекрутской повинности, конечно, не могъ скоро получиться надлежащую правильность и опредѣлительность. Первые наборы при Петрѣ Великомъ были, собственно говоря, продолженіемъ прежней системы сбора даточныхъ, помѣщики еще сами являлись на войну съ своими людьми, а даточные брались только съ такихъ имѣній, владельцы которыхъ или не могли служить за старостію

ить, болѣзнями, увѣчьями и проч. или находились на службѣ гражданской. Такъ продолжалось до 1714 года, т.-е., до прекращенія выдачи помѣстій и обращенія всѣхъ помѣстій въ вотчины. Тогда уничтожился обычай приносить съ собою на войну своихъ людей, сборъ дачныхъ или рекрутскихъ сдѣлался общимъ.

Выступая въ походъ—говорить Златарь въ «Запискахъ о промѣстившій войскъ въ военное время» — помѣщики донетрской уезъ были обязаны брать съ собою продовольствіе для себя и для лошадей на все время похода. Съ богатыми было нѣсколько возовъ съ хлѣбомъ, толокномъ, вяленымъ и соевымъ мясомъ, рыбою, макомъ и проч.; бѣднѣе же привозили съ собою сухарей.

Дворяне получали помѣстные оклады и вотчины, а также и жалованье. Такъ, напримеръ, стольникамъ и стряпчимъ, дворянамъ окладнымъ, начальнымъ людямъ и жильцамъ было определено: помѣстнаго оклада по 200 четв., и денегъ по 20 руб. Городовые юрские и боярскія дѣти получали: выборные по 150 четв., дворяне по 120 четв. и городовые по 100 четв., новокрещеныя, мурзы князья татарскіе получали жалованье паритетъ съ городскими дворянами и боярскими дѣтьми.

Казакъ должнъ былъ являться на службу, какъ помѣщикъ, на воюхъ содержаніи, съ своимъ оружіемъ и лошадью, и въ походахъ получалъ жалованья по 20, 17 и 13 рублей на человѣка, смотря по тому въ какой кто записанъ статьи, и послѣ похода получалъ награды по 50 четв. помѣстнаго оклада и по 5 рублей а человѣка.

Дворяне, боярскія дѣти, новокрещенные мурзы, князья татарскіе и городовые казаки, имѣя одинаковое устройство, принадлежали къ каждому городу къ городскому полку, а сн послѣдній дѣлился сдѣ на три статьи: на большую, среднюю и меньшую, для того, чтобъ, соображаясь съ тѣмъ, выдавать денежное жалованье во время похода, а по окончаніи перестать помѣстными окладами. Большая статья получала по 25 руб. на человѣка, средняя по 20, а меньшая по 5 руб., казаки, какъ выше сказано, получали: первой статьи по 20 руб., второй по 17 руб. и третьей по 13 руб. на человѣка. Татары считались въ одномъ разрядѣ съ городскими дворянами.

Драгуны получали жалованья: на платье по 3 руб. на человѣка, а на подешный кормъ, дѣти боярскія и иностранцы по 8 денегъ, а прочіе по 7 денегъ. Лошадей, оружіе и всю ратную сбрую они получали казенную. По окончаніи похода они распускались по

нымъ же полкамъ, находившимся въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Азовской и Кіевской, въ размѣръ двухъ третей, а въ Московской и прочихъ—въ половинномъ размѣрѣ.

Относительно провіантскаго довольствія въ табели сказано: урядникамъ и рядовымъ провіантъ дается: на мѣсяцъ: муки по полуосминѣ, крупъ по одной доль четверика, а на годъ — муки 3 четверти, крупъ $1\frac{1}{2}$ четверика на человѣка.

Въ 1713 году ¹⁾ последовало повелѣніе о дать драгунамъ, солдатамъ и нестроенымъ полевыхъ войскъ, кромѣ деньщиковъ, жалованья на мясо по алтыну въ недѣлю на человѣка и соли по 2 ф. въ мѣсяцъ на человѣка.

Въ 1731 году предписано: ²⁾ «опредѣленнымъ по табелю унтеръ-офицерамъ, рядовымъ и нестроенымъ: мясная денбги по 72 к. и за соль по 15 к. причислить къ ихъ жалованью въ окладъ и давать съ тѣмъ жалованьемъ пообще».

1716 года марта 30 ³⁾ повелѣно: «производить порціоны и раціоны въ чужой землѣ, а въ своей только раціоны». Нижнимъ чинамъ довольствіе это опредѣлялось въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	порціоновъ.	раціоновъ.
Вахмистру	3	3
Сержанту	3	»
Каптенармусу и капралу . .	2	»
Солдату	1	»

Порціонъ составлялъ дачу въ сутки: хлѣба 2 ф., мяса 1 ф., вина 2 чарки, нива гарнецъ; а раціонъ — овса 2 гарнца, сѣна 16 ф., сѣчки 2 гарнца и соломы 1 снопъ. Сверхъ того въ квартирахъ опредѣлялся «сервизъ», т. е. укусъ, дрова, сѣчи и постеля.

¹⁾ Полное собраніе законовъ, т. V, № 2621 и 2622.

²⁾ Полное собраніе законовъ, т. VI, № 5864.

³⁾ Полное собраніе законовъ, т. IV, № 8006. Глава LXVIII Воинскаго устава.

Впоследствии отпускъ порціоновъ и раціоновъ нижнимъ чинамъ отмененъ.

За сими самымъ окладъ жалованья подвергся измѣненію. Въ указѣ 14 января 1763 года ¹⁾ изображено: «положенное въ послѣднее правленіе рядовымъ жалованье, а именно: гренадеру 10, а мушкетеру 9 руб. оказалось въ самомъ дѣлѣ излишнее, ибо хотя довольное содержаніе, и чтобъ солдатъ ни въ чемъ недостатку не пмѣять, необходимо нужно и справедливо, то сіе же самое ежели сверхъ подлежащаго и со излишествомъ производиться будетъ, подаютъ только солдату походу къ разнымъ неурядкамъ и плянству, къ тому же неучинено тогда никакого сравненія, какъ прочимъ нижнимъ чинамъ рядовому преимуществующихъ, такъ и по всей кавалеріи противу сдѣланной при всей пѣхотѣ, а при сравненіи въ томъ всей арміи конской суммѣ, и иначе бы вывести не было возможности, какъ разитъ весьма съ великой убыткою въ содержаніи всего войска; но противу же того и старинное положеніе полковымъ нижнимъ чинамъ предидилося недостаточно же по уваженію возвысившихся на потребное къ солдатскому содержанію цѣнѣ, то для того и принято за нужное по внесенныхъ при семъ штатахъ полагать гренадеру и кирасеру по 8 руб., а мушкетеру и карабинеру по 7 руб. въ годъ, а прочимъ по преимуществу ещеней.

Манифестомъ 1775 г. о Высочайше дарованныхъ разнымъ состояніямъ милостяхъ, по случаю заключенія съ Турціею мира, поелѣдно: «всѣмъ военнослужащимъ, кои получаютъ порцію, прибавить крупъ по полугарницу».

Наконецъ, вновь издаанными въ 1797, 1798, 1799 и 1800 годахъ штатами войскъ ²⁾ возстановлены старыя оклады жалованья, а гвардіи уранены. За вычетами на медикаменты и на госпиталь по 2^о, опредѣлено въ годъ:

¹⁾ Полное собраніе законовъ, № 11785, п. 11.

²⁾ Полное собраніе законовъ 1797 года, № 17766, 1798 года № 18577 и 10808, 1799 года № 18923, 1800 года № 19204 и 19420.

	Въ гвардейскихъ полкахъ:						Въ армейскихъ полкахъ:					
	Капитанъ своихъ		прочихъ кава- лерійскихъ		взводныхъ		Капитанъ		прочихъ кава- лерійскихъ		взводныхъ	
	р.	н.	р.	н.	р.	н.	р.	н.	р.	н.	р.	н.
Вахмистръ и фельдфебель.	120	95	83		65	31	37	26	37	26	37	26
Квартермистръ и кантенирму- сы.	80	60	—		56	—	23	54	16	83	13	74
Унтеръ-офице- ръ.	80	60	—		56	—	23	54	16	83	13	74
Рядовыхъ . .	{60 25	{25 24	{19 1/2 —	{24 16	{80 33		11	88	11	88	{9 9	{90 40 1/2

Размѣры окладовъ этихъ, за весьма незначительными измѣне-
ніями и уравниваніями, сохранились до начала нынѣшняго царство-
ванія. Только въ 1840 г., на основаніи Высочайшаго манифеста
отъ 17 іюля 1839 года, самые оклады жалованья переложены на
серебро¹⁾.

Порядокъ окладовъ за переложеніемъ ихъ на серебро опредѣлился:

	Въ гвардейскихъ полкахъ:						Въ армейскихъ полкахъ:					
	Капитанъ своихъ и вой- сковыхъ		прочихъ кава- лерійскихъ		взводныхъ		Капитанъ		прочихъ кава- лерійскихъ		взводныхъ	
	р.	н.	р.	н.	р.	н.	р.	н.	р.	н.	р.	н.
Старшинъ вах- мистръ и фельдфебель.	34	50	{27 27	{60 45	27	45	{21 10	{30 65	21	30	{10 10	{65 65
Младшій вах- мистръ . .	23	10	{17 17	{40 25	—		6	75	4	80	—	

¹⁾ Приказы по военному вѣдомству 1840 г., № 51 и 52.

	Р.	И.	Р.	И.	Р.	И.	Р.	И.	Р.	И.
Квартермистрамъ и капленарму- самъ	23	10	{ 17 40 17 25	16	20	{ 13 50 6 75	9	60	{ 4 80 4 80	
Унтеръ-офице- рамъ	23	10	{ 17 40 17 25	16	20	6	75	{ 4 80 4 5	4	5
Рядовымъ . . .	{ 17 25 7 35	{ 6 60 5 45	{ 6 45 4 5			3	45	3	45	{ 2 85 2 70

Со вступленіемъ на престолъ государя императора Александра Николаевича, начался непрерывный, продолжающійся до сего времени, рядъ самыхъ блестящихъ, важныхъ и благотворныхъ реформъ по всѣмъ отраслямъ нашей государственной, общественной и экономической жизни. Между другихъ болѣе или менѣе серьезныхъ преобразованій по военному вѣдомству, было обращено вниманіе и на пересмотръ штатовъ, табелей и другихъ положеній, относящихся къ довольствію войскъ всѣми предметами комиссаріатскаго, провіантскаго и артиллерійскаго вѣдомствъ.

Съ этою цѣлью, въ 1861 году, учрежденъ былъ въ С.-Петербургѣ особый комитетъ, подъ предѣлительствомъ генерала-отъ-кавалеріи фонъ-деръ-Лауница.

Заявленіе комитета по доволѣствію нижнихъ чиновъ жалованьемъ заключалось между прочимъ въ слѣдующемъ:

«Пересматривая табели о доволѣствіи войскъ предметами комиссаріатскаго вѣдомства, комитетъ не могъ оставить безъ вниманія того разнообразія, которое замѣчается въ существующемъ въ нашей арміи дѣленіи нижнихъ чиновъ на разряды и званія и въ присвоенныхъ имъ окладахъ жалованья.

«По штатамъ армейскихъ войскъ считается 224 различныхъ званій нижнихъ чиновъ, съ 53 особыми окладами, причесть значимъ, несущимъ совершенно однородныя обязанности, присвоенны различныя оклады собственно потому только, что штаты въ тѣхъ частяхъ, въ коихъ они состоятъ, изданы въ различное время и проектированы въ различныхъ вѣдомствахъ.

«Независимо отъ видимой неправильности такого постановленія, при коемъ денежное за службу вознагражденіе опредѣляется не личными заслугами или достоинствами солдата, а совершенно слу-

чайшими условіями, опредѣлившими родъ его служебныхъ обязанностей, разнообразіе это бесполезно усложилъ табели и штаты войскъ, затемнилъ отчетность и дѣлаетъ правильный контроль весьма затруднительнымъ.

«Не предусматривая, однакожъ, возможности, при настоящей численности нашей арміи, устранить такое разнообразіе въ штатахъ общими возвышеніемъ окладовъ жалованья до высшихъ разѣровъ, присвоенныхъ каждому отдѣльному званію, комитетъ руководился только желаніемъ распределить ихъ съ большою равномерностью и системю, устраняя бесполезное дробленіе состава войскъ на разнообразныя разряды, не имѣющіе никакого практическаго приложенія и основанія.

«Такимъ образомъ наиболѣе существенными мѣрами комитетъ призналъ:

«Увеличеніе окладовъ жалованья штатнымъ писарямъ всѣхъ родовъ оружія, въ томъ вниманіи, что многотрудная служба ихъ въ войскахъ, требующая извѣстной степени умственнаго развитія и быстро уничтожающая ихъ здоровье, по всей справедливости, требуетъ вышенаго, противъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, вознагражденія.

«Возвышеніе окладовъ жалованья нижнихъ чиновъ бывшего отдѣльнаго корпуса внутренней стражи до разѣровъ получаемыхъ всѣми пѣхотными частями армейскихъ войскъ.

«Сокращеніе окладовъ всѣмъ мастеровымъ, при войскахъ состоящимъ, сравнивъ ихъ со строевыми, въ томъ вниманіи, что обязанности ихъ не только не труднѣе фронтовыхъ, но во многихъ отношеніяхъ легче и выгоднѣе.

«Въ заключеніе комитетъ заявилъ не какъ окончательное рѣшеніе, но какъ мнѣніе о необходимости, при первой возможности, усилить оклады жалованья фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, составляющихъ, такъ сказать, основу всего внутренняго порядка въ войскахъ, тѣмъ болѣе, что значеніе и нравственное вліяніе ихъ на массу нижнихъ чиновъ заслуживаютъ особеннаго вниманія правительства.»

Согласно вышенаприведенному заявленію комитета, военнымъ министерствомъ непрошены Высочайшія разрѣшенія на увеличеніе окладовъ жалованья: а) писарямъ военного министерства и полковымъ; б) всѣмъ чинамъ мѣстныхъ войскъ по сравненію съ соответствующими чинами армейскихъ полковъ, и в) фельдфебелямъ и

старшим унтеръ-офицерамъ: въ частяхъ гвардіи, учебныхъ и специальныхъ родовъ оружія: первымъ—до 36 р., а послѣднимъ—до 24 р., и въ армейскихъ и мѣстныхъ войскахъ: первымъ—до 24 р., а послѣднимъ—до 18 р. въ годъ.

Что же касается рядовыхъ гвардейскихъ частей, то за причисленіемъ къ окладамъ жалованья именнинныхъ денегъ, имъ назначены слѣдующіе оклады: ефрейтора въ полкахъ: кавалерійскихъ (старыхъ)—по 10 р. 65 к., кирасирскомъ ея величества—по 7 р. 20 к. и въ пѣхотныхъ по 7 р. 35 к.; и рядовымъ въ полкахъ: кавалерійскихъ (старыхъ)—по 7 р. 35 к., кирасирскомъ ея величества—по 5 р. 25 к. и пѣхотныхъ—по 4 р. 95 к. въ годъ.

Между тѣмъ и въ отношеніи довольствія солдатъ ницѣю послѣдовали измѣненія.

Въ 24-й день іюля 1851 года ¹⁾ повелѣно отнискать полковымъ войскамъ мясныя и винныя порціи. Отнискать этотъ опредѣленъ былъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	М Я С А:		В О Д К И:	
	въ мѣсяцъ.	въ годъ.	въ мѣсяцъ.	въ годъ.
Стрелковымъ нижнимъ чинамъ . . .	7 фунт.	84 фунт.	13 чар.	156 чар.
Пешстрелковымъ . . .	3 1/2 „	42 „	8 2/3 „	104 „

Въ 1856 же году ²⁾, вмѣсто порціоннаго довольствія признано наиболее удобнымъ отнискать войскамъ приварочныя деньги по категоріямъ, т.-е., соразмѣрно стоимости продовольствія по мѣстностямъ, а именно: по 9, 10 и 12 руб. въ годъ на человѣка. Наконецъ, въ 1859 году ³⁾ войскамъ гвардіи разрѣшено отнискать приварочныя деньги соразмѣрно дѣйствительной потребности на продовольствіе и, кромѣ того, къ мѣсячной дачѣ прованта прибавлено по 1 гарницу крупъ на человѣка. Затѣмъ въ 1865 году ⁴⁾ усиленные приварочныя деньги и добавочный гарнецъ крупъ назначены резервнымъ баталіонамъ и нѣкоторымъ другимъ частямъ.

¹⁾ Приказъ по военному вѣдомству 1851 г., № 100.

²⁾ Приказъ по военному вѣдомству 1856 г., № 290.

³⁾ Приказъ по военному вѣдомству 1859 г., № 128.

⁴⁾ Приказъ по военному вѣдомству 1865 г., № 83.

Неудовлетворительность принятой, такимъ образомъ, системы довольствія нижнихъ чиновъ и ненормальность самыхъ отпусковъ указали на необходимость подвергнуть это дѣло всестороннему обсужденію. Съ этою цѣлью въ октябрѣ 1865 года, были образованы въ Петербургѣ особый комитетъ подъ предѣлательствомъ генерал-маіора Кренке.

Программа занятій комитета заключалась въ пересмотрѣ постановленій, до продовольствія войскъ относящихся.

Въ порядкѣ обсужденія различныхъ предметовъ продовольствія комитетъ прежде всего коснулся способовъ и размѣровъ отпуска нижнимъ чинамъ провіанта и приварочныхъ денегъ.

Нормальная суточная дача провіанта на одного человека состоитъ: въ арміи изъ 2 ф. 40 зол. муки, или 3 ф. печенаго хлѣба и $\frac{1}{4}$ фун. крупъ. Въ гвардіи же и резервныхъ баталіонахъ, а также въ войскахъ западнаго сибирскаго, оренбургскаго и туркестанскаго военныхъ округовъ, дача муки та же, а крупъ по 40 золот. на человека въ сутки.

Дача эта отпускается на 360 дней въ году или на 30 дней въ каждомъ мѣсяцѣ.

Опытомъ доказано, что изъ указанной дачи муки (2 ф. 40 зол.) получается болѣе 3 ф. печенаго хлѣба. Размѣръ припека зависитъ отъ качества муки, устройства печей и другихъ условій, а потому опредѣлить его для всѣхъ случаевъ невозможно. Но изъ суммы имѣвшихся въ виду свѣдѣній и данныхъ, комитетъ остановился на томъ заключеніи, что для полученія 3 ф. печенаго хлѣба вполне достаточно 2 ф. 24 золот. муки.

Руководствуясь этими соображеніями, комитетъ призналъ возможнымъ указанную суточную дачу муки уменьшить на 16 золот., но съ тѣмъ, чтобы такую дачу отпускать уже не на 30, а на дѣйствительное число дней въ каждомъ мѣсяцѣ, т.-е., не на 360, а на 365 и 366 дней въ году. Причемъ количество печенаго хлѣба, поступающаго въ нищу солдатамъ, нисколько не уменьшается. Сокращается только остатокъ муки, который извѣстенъ былъ подъ именемъ припека и поступалъ въ экономію ротъ и эскадроновъ.

Дачу же крупъ комитетъ предположилъ отпускать всѣмъ войскамъ въ одинаковомъ размѣрѣ по 40 золот. въ сутки и также на полное число дней каждаго мѣсяца.

Такимъ образомъ размѣръ солдатскаго пайка, по предложенію

комитета не только не уменьшился, но еще нѣсколько увеличился.

По прежнимъ положеніямъ солдатъ получалъ въ годъ на 360 дней:

Муки	21 п. 30 ф.
Крупъ	2 „ 10 „
Итого	24 п. — ф.

По предложенію же комитета, солдатъ получить на 365 дней:

Муки	20 п. 21 ¹ / ₄ ф.
Крупъ	3 „ 32 ¹ / ₂ „
Итого	24 п. 13 ³ / ₄ ф.

Относительно приварочнаго довольствія оказалось необходимымъ измѣнить не только размѣры, но и самый способъ этого довольствія.

Принимая въ соображеніе тѣ многостороннія выгоды, которыя достигаются при болѣе сосредоточенномъ расположеніи войскъ, комитетъ призналъ необходимымъ установить на будущее время одинъ только видъ продовольствія нижнихъ чиновъ—изъ котла, нѣтъ всякой зависимости отъ обывателей. Но какъ повсемѣстное примѣненіе этой мѣры потребовало бы нѣкотораго увеличенія общей цифры расходовъ на продовольствіе войскъ, то комитетъ предполагалъ, въ видѣ временной мѣры, оставить довольствіе войскъ отъ обывателей тамъ, гдѣ оно существуетъ еще по мѣстнымъ обычаямъ.

Вмѣсто же существовавшаго въ арміи нормальнаго размѣра отпуска приварочныхъ денегъ по категориямъ и безразлично, въ теченіе цѣлаго года, по мнѣнію комитета оказалось выгоднѣе цѣлесообразнымъ принять въ основаніе употребившійся доселѣ въ гвардіи способъ довольствія, основанный на отпускѣ войскамъ денегъ соразмѣрно количеству потребной для солдата пинии, по дѣйствительной стоимости продуктовъ въ мѣстахъ квартированія войскъ. Отпускъ денегъ предполагено производить только въ тѣхъ случаяхъ, когда полки, баталіоны и батареи продовольствуются изъ котла,

при расположеніи же ихъ по квартирамъ, на хозяйскомъ приваркѣ, никакихъ отпусковъ войскамъ производить не предполагается, за исключеніемъ указной дачи муки, въ натурѣ или деньгами по заготовительнымъ цѣнамъ, для удовлетворенія жителей, у которыхъ солдаты будутъ расположены по квартирамъ.

Какъ основаніе размѣра приварочныхъ окладовъ комитетъ опредѣлялъ слѣдующую суточную приварочную дачу на каждаго солдата:

Говядины или рыбы	48 зол.
Капусты	50 »
Крупы	40 »
Муки пшеничной	4 »
Луку	8 »
Масла или сала	5 »
Солн	13 »
Черну	0,16 »

При указной дачѣ 3 ф. печенаго хлѣба вѣсъ порціона составить $4\frac{2}{3}$ ф. пшени.

Вѣдѣтіе сего послѣдовало повелѣніе ¹⁾, коимъ нормальная или указная дача провіанта опредѣлена: ¹⁵ $\frac{1}{30}$ гарнца или 2 ф. $25\frac{1}{2}$ зол. муки, дающей 3 фунта печенаго хлѣба или 2 фунта сухарей, и $\frac{2}{30}$ гарнца или 32 золотн. крупъ на каждаго солдата, кромя гвардейскихъ, которымъ опредѣлено крупъ по 40 золотниковъ въ день на человѣка.

Кромѣ того, на пріобрѣтеніе для нижнихъ чиновъ пищевыхъ продуктовъ, какъ-то: мяса, солн, овощей и другихъ припасовъ разрѣшено отпускать войскамъ приварочныя деньги, размѣръ которыхъ опредѣляется ежегодно, для каждой губерніи особо, по дѣйствительной стоимости мяса и на покупку прочихъ продуктовъ по 1 к. въ день на человѣка, такъ что, ежели въ какой либо мѣстности фунтъ говядины стоитъ 9 коп., то обыкновенный окладъ приварочныхъ денегъ будетъ $5\frac{1}{2}$ к. въ день на человѣка ²⁾.

Эти факты, по соответствовать ли они жизни?

¹⁾ Приказы по военному вѣдомству 1871 г., № 250 и 1872 г. № 160.

²⁾ Независимо обыкновеннаго приварочнаго оклада, установлены еще: уменьшенный и усиленный оклады. Обыкновенный окладъ

Каждый научный выводъ, каждая теорія, добытая путемъ собиранія, обобщенія и анализа фактовъ, опытовъ и наблюденій, или путемъ вывода изъ ряда истинъ, доказанныхъ или очевидныхъ, прежде чѣмъ проникнуть и примыются къ жизни, должны выдерживать цѣлый рядъ столкновений съ усвоенными практикой пріемами, существующими въ силу традицій, или принятыми на вѣру, безъ поѣрки и опыта. Это—вѣчная, непримиримая борьба двухъ крайностей, двухъ противоположныхъ и враждебныхъ другъ другу силъ, какъ напр. холодъ и жаръ, свѣтъ и тьма, зарожденіе и смерть. Чтобы примирить эти крайности, урановѣснить и дать надлежащій исходъ враждебнымъ силамъ—нужно изтратить немало труда и времени, нужно быть компетентнымъ, и главное, уступчивымъ, чего не всегда возможно требовать отъ людей, стоящихъ на почвѣ практики.

Генераль-маіору Анничковъ въ предисловіи къ «Военному хозяйству» говоритъ: «конечною цѣлью военно-экономическихъ изслѣдованій должно быть:—изысканіе способовъ, которые содѣйствовали бы возможному улучшенію матеріальнаго быта войски, безъ истощенія финансовыхъ средствъ государства и представляли бы гарантіи къ тому, чтобы всѣ расходы государства по содержанію войски доходили до прямаго своего назначенія, распредѣляясь правильно между потребителями сообразно нуждамъ и заслугамъ каждого». Эта доктрина заслуживаетъ полнаго вниманія, и нельзя не сожалѣть, что комитетъ для пересмотра постановленій, относящихся до продовольствія войски, не применялъ ее къ дѣлу при опредѣленіи нормы солдатскаго порціона.

«Для войны нужны только три вещи: деньги, деньги и деньги», сказалъ Монтекукули. Войны же послѣдняго времени показали, что для успешнѣйшаго веденія ихъ нужны не только деньги, но и люди здоровые, сильные и крѣпкіе, какъ нравственно, такъ и физически. Но здоровье, сила и бодрость войски зависятъ, главнѣй-

получаютъ всѣ нижшіе чины частей, имѣющихъ артельное хозяйство и не пользующихся огородами, по уменьшенному — войска, имѣющіе огорода, и по усиленному — нижшіе чины штабовъ, управленій и заведеній, неимѣющихъ артелей. Уменьшенный окладъ, при цѣнѣ мяса въ 9 к. фунтъ, составляетъ 6 к., а усиленный — 8¼ к. въ день на человека.

нимъ образомъ, отъ производимаго солдату содержанія. «Wen man eine Armee bilden will, so muss man mit dem Bauche anfangen, denn dieser ist das Fundament davon», говорилъ Фридрихъ II. «Il faut commencer de former le monstre par le ventre», отзывался Наполеонъ I, разсуждая объ устройствѣ арміи. Эти отзывы великихъ полководцевъ показываютъ, какое громадное значеніе придавали они личному довольствію солдата; они знали, чѣмъ можно приковать къ своимъ стонамъ побѣду.

Обозрѣвая системы довольствія нижнихъ чиновъ въ арміяхъ иностранныхъ государствъ, мы находимъ слѣдующее:

а) въ Германіи. (Пруссія).

Оклады жалованья определены въ годъ:

	Въ пѣхотѣ.	Въ кавалеріи.	Въ артиллеріи.
Фельдфебелю	180 талер.	198 талер.	180 талер.
Сержанту	{ 126 »	{ 142 »	{ 144 »
	{ 102 »	{ 114 »	{ 120 »
	{ 90 »	{ 120 »	{ 108 »
Унтеръ-офицеру.	{ 78 »	{ 90 »	{ 96 »
	{ 60 »	{ 72 »	{ 78 »
	{ 36 »	{ 42 »	{ 36 »
Рядовому	36 »	42 »	36 »

нижнимъ чинамъ гвардейскихъ полковъ прибавляется, сверхъ того, отъ 3 до 18 талеронъ въ годъ.

Въ мирное время солдаты платятъ изъ жалованья на пищу по $1\frac{1}{4}$, а въ пошное по 1 грому въ день.

Хлѣбъ солдаты получаютъ натурою въ размѣръ 1 фун. 12 лот. въ день. Обѣдъ готовится на деньги, удерживаемыя изъ жалованья (по $1\frac{1}{4}$ и по 1 грому въ день) и на отпускаемыя, сверхъ того, кормовыя деньги, отъ 3 до 11 грошей въ день. Въ войскахъ, расположенныхъ въ казармахъ, варка готовится солдатами, и изъ означенныхъ денегъ представляется возможность давать людямъ, кромѣ обѣда, завтракъ или кофе. Въ лагеряхъ же и на тѣсныхъ квартирахъ нижнихъ чиновъ довоздушествуетъ казна и производитъ имъ въ

первомъ случаѣ такъ называемую большую, а во второмъ малую порцію. Въ военное время полагается особая порція.

Такимъ образомъ порціи эти опредѣляются въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	Малая.	Большая.	Военн. времени.
Хлѣба	1 ф. 12 лот. ¹⁾	1 ф. 12 лот.	1 ф. 26 лот.
Мяса	9 „	15 „	15 „
Риса	5 1/2 „	7 „	6 „
Пшениц. крупы „	9 „	9 „	7 1/2 „
„ крупы „	7 „	9 „	„
„ гороху „	14 „	18 1/2 „	15 „
„ картофеля „	1/2 метце ²⁾	2/2 метце	3 ф.
„ горохов. муки „	„	10 лот.	10 лот.
Солн	1/2 лота	1 1/2 „	1 1/2 „
Кофе	„	1/8 „	1 „

б) во Франціи.

оклады жалованья опредѣлены въ годъ:

	Въ гвардіи.	Въ отборныхъ ротахъ линейныхъ войскъ.	Въ прочихъ ротахъ линейныхъ войскъ.
Сержанту	529 франк.	347 франк.	310 франк.
Капралу	369 „	223 „	204 „
Рядовому	292 „	164 „	146 „

Жалованье это должно удовлетворять въ мирное время всѣмъ потребностямъ нижнихъ чиновъ, кромѣ хлѣба, который отпускается особо, въ размѣрѣ 750 граммовъ ³⁾ на человека. Изъ солдатскаго жалованья производится вычеты на припарокъ и на стирку бѣлья.

¹⁾ Лотъ=1,4 русскихъ лота.

²⁾ Метце=0,18 русскихъ четверика.

³⁾ Граммъ=0,234 русскихъ золотника.

Вычеты эти не должны превосходить 33—35 сантимовъ съ челюника въ сутки, такъ, чтобы у простаго рядоваго оставалось на его нужды не менше 5-ти сантимовъ въ день. Въ военное время жалованье нижнихъ чинамъ уменьшается, но только номинально, такъ какъ все продовольствіе солдату производится уже прямо отъ казны.

Размѣръ солдатскаго порціона опредѣляется слѣдующій:

Хлѣба	750	граммовъ.
Вѣлаго хлѣба для супа /	250	„
Мяса	250	„
Риса	300	„
Паша зелени	600	„
Солн	16	„
Кофе	21	„
Сахару	16	„
Вина	$\frac{1}{4}$	литра.
Паша пива	$\frac{1}{2}$	„
„ подки	$\frac{1}{16}$	„
Уксуса	$\frac{1}{20}$	„

в) въ Австріи.

оклады жалованья опредѣлены въ годъ:

	Въ специаль- ныхъ родахъ оружій.	Въ прочихъ войскахъ.
Фельдфебелю, вахмистру паша фейереркеру	164 $\frac{1}{4}$ гульден. ¹⁾	127 $\frac{3}{4}$ гульден.
Унтеръ-офицеру	{ 127 $\frac{3}{4}$ „ 63 „	{ 63 „ 54 $\frac{3}{4}$ „
Ефрейтору	54 $\frac{3}{4}$ „	36 $\frac{1}{2}$ „
Рядовому	{ 36 $\frac{1}{2}$ „ 22 „	{ 22 „

¹⁾ Гульденъ — 64 к. сер.

Къ этому жалованью, по военной готовности, прибавляется въ день по 2 крейцера (7 гульден. 20 крейц. въ годъ) безъ различія чина, а въ походъ, во время сборовъ и на военномъ положеніи—по 5 крейцеровъ.

Для продовольствія нижнихъ чиновъ отпускаются кормовыя деньги, выдаваемые вмѣстѣ съ жалованьемъ. Размѣръ этихъ денегъ рассчитывается такимъ образомъ, чтобы солдаты въ продолженіи недѣли получали ежедневно: $\frac{1}{3}$ ф. ¹⁾ мяса, черезъ день $\frac{1}{3}$ ф. пшеничной муки или $\frac{1}{2}$ ф. гороху, чеченицы или бобовъ, разъ въ недѣлю $\frac{1}{2}$ зейделя ²⁾ перловой крупы, $\frac{1}{2}$ зейделя ячменной крупы или $\frac{1}{2}$ мѣры земляныхъ грушъ и потребное число соли, луку и перцу. Кромѣ принарка солдатамъ полагается въ день 1 фунтъ 19 $\frac{1}{2}$ лотовъ хлѣба.

г) въ Англіи.

Оклады жалованья определяются въ годъ:

	Въ гвардейскихъ частяхъ.	Въ специальныхъ родахъ оружія.	Въ армейскихъ войскахъ.
Полковому Сержанту.	$\left\{ \begin{array}{l} 76 \text{ ф. ст.} \\ 61 \text{ „ „} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 81 \text{ ф. ст.} \\ 78 \text{ „ „} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 67 \text{ ф. ст.} \\ 58 \text{ „ „} \end{array} \right.$
Прочимъ	$\left\{ \begin{array}{l} 67 \text{ „ „} \\ 49 \text{ „ „} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 71 \text{ „ „} \\ 69 \text{ „ „} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 58 \text{ „ „} \\ 49 \text{ „ „} \end{array} \right.$
Унтеръ-офицеру . . .	$\left\{ \begin{array}{l} 49 \text{ „ „} \\ 40 \text{ „ „} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 55 \text{ „ „} \\ 52 \text{ „ „} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 40 \text{ „ „} \\ 37 \text{ „ „} \end{array} \right.$
Капралу	26 „ „	$\left\{ \begin{array}{l} 43 \text{ „ „} \\ 40 \text{ „ „} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 30 \text{ „ „} \\ 24 \text{ „ „} \end{array} \right.$
Рядовому	$\left\{ \begin{array}{l} 35 \text{ „ „} \\ 20 \text{ „ „} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 26 \text{ „ „} \\ 23 \text{ „ „} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} 23 \text{ „ „} \\ 18 \text{ „ „} \end{array} \right.$

¹⁾ Фунтъ—1 ф. 35 зол. русскаго вѣса.

²⁾ Зейдель—0,28 русской кружки.

Изъ жалованія производятся ежедневные вычеты на пищу. Простой рядовой получаетъ жалованія въ сутки 1 шиллингъ (12 пенса), изъ котораго вычитается на пищу отъ 3½ до 4½ пенса. Но такъ какъ этого на продовольствіе недостаточно, то казна добавляетъ ежедневно отъ 2 до 3 пенса на человека и, кромѣ того, отпускаетъ еще по 1 пенсу въ день на вино. Продовольствіе солдата состоитъ изъ 1 ф. хлѣба и ¾ фун. мяса.

Вообще же содержаніе солдата, въ главныхъ статьяхъ продовольствія, по переложеніи на русскій вѣсъ и счетъ, выражается слѣдующими цифрами:

	Отпускается солдату въ		Жалованія въ годъ простому рядовому за вычетами на пищу 1).
	Хлѣба.	Мяса.	
Въ Россіи.	3 ф.	48 з.	2 р. 70 к.
Въ Германіи	въ мирное время 1 > 63 з.	35 > 58 >	18 > 90 к.
	въ военное время 1 > 77½ >	87¾ > 1 ф. 21 >	21 > 60 >
Во Франціи	въ мирное время 1 > 79 ²) >	58¼ >	9 > — >
	въ военное время 1 > 79 >	58 п > 58½ >	22 > 50 >
Въ Австріи	въ мирное время 2 > 12½ зол.	52 >	14 > — >
	въ военное время 1 > 71 п > 23 з. сухар.	41 >	25 > 52 >
Въ Англіи.	1 ф. 62 зол.	79 >	72 > 40 > 80 > 27 >

Разсматривая эту таблицу, нельзя не придти къ тому заключенію, что она далеко не въ пользу нашего солдата. Первое, что по-

¹) Взяты самыя низшіе оклады во вниманіе того, что оклады эти получаетъ большинство нижнихъ чиновъ.

²) Кромѣ того бѣлаго хлѣба для сына 59 золот.

разжать въ ней—это мизерность оклада жалованья. Не входя въ разсмотрѣніе окладовъ жалованья унтеръ-офицерскихъ званій, а также гвардейскихъ и специальныхъ родовъ войскъ, такъ какъ число нижнихъ чиновъ, получающихъ эти оклады, сравнительно не велико (подробныя же изслѣдованія вообще увлекли бы насъ за предѣлы предполагаемаго очерка), мы коснемся только содержанія простаго армейскаго солдата, представляющаго въ лицѣ своемъ большинство служащихъ нижнихъ чиновъ. Мы не будемъ затрогивать также тѣхъ дополнительныхъ денежныхъ дачъ солдату, которыя, какъ, напримеръ, добавочное жалованье за нахожденіе въ Берлинѣ и другихъ городахъ въ Пруссіи, деньги на мелкую экипировку и за нахожденіе въ гарнизонѣ Парижа и другихъ мѣстахъ во Франціи, жалованье за военную готовность въ Австріи, выдачи премій за хорошее поведение въ Англіи и аммуниціи деньги у насъ въ Россіи, имѣють свое специальное назначеніе или выдаются въ исключительныхъ случаяхъ, мы ограничимся обзоромъ штатнаго содержанія солдата.

Независимо одежды, пищи, постели и квартиры, обезпеченныхъ нашему солдату казенными отпусками, у него есть свои собственные личныя нужды и потребности. Ему нуженъ и листъ бумаги, и почтовый конвертъ для отсылки письма къ родственникамъ, ему нужно и зеркальце, и платокъ, и полотенце, ему нужно и мыльце, и главное, папуста табаку. Все это должно быть приобретено на скудный окладъ жалованья. Положи руку на сердце, едвали кто скажетъ утвердительно, что всѣ нужды и потребности солдата могутъ быть обезпечены отпускомъ ему въ жалованье 2 руб. 70 к. въ годъ. Мы не говоримъ уже о булѣвѣ, о стаканѣ сбитня или чаю, о рюмкѣ водки... солдату это недоступно и въ праздники, тогда какъ многіе изъ нижнихъ чиновъ, живя дома, позволяли себѣ эти удовольствія чуть ли не каждый день. Никто, конечно, не станетъ оспаривать необходимости увеличенія солдатскаго жалованья. Въ комитетѣ генерала фонъ-деръ-Лауница было предположеніе увеличить окладъ солдатскаго жалованья до 3 руб. въ годъ. Но увеличеніе это не имѣетъ никакого значенія: прибавка 30 коп. въ годъ не улучшить матеріальнаго положенія солдата. При возрастающей ежегодно дороговизнѣ на всѣ вообще предметы потребленія, это будетъ каплей въ море. Если увеличивать окладъ солдатскаго жалованья, то нужно увеличить его по крайней мѣрѣ втрое противъ нынѣшняго. Не нужно забывать, что нынѣшній окладъ жалованья нашего

солдата меньше оклада, определеннаго ему Петромъ I ¹⁾). Между тѣмъ какъ стоимость нѣхъ вообще предметовъ потребления первой необходимости увеличилась съ того времени въ 5—6 и болѣе разъ ²⁾). По нашему крайнему разумѣнію, окладъ жалованья солдату необходимо назначить не меньше 9 р. въ годъ. Намъ, конечно, станутъ возражать, что это потребуетъ громадныхъ денежныхъ средствъ (до 5 мил. руб. ежегодно), что состояніе государственнаго бюджета, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не можетъ позволить подобной роскоши. Но мы и не имѣемъ въ виду предложить къ разсмотрѣнію такую мѣру, которая легла бы тяжкимъ бременемъ на государственное казначейство. Мы предполагаемъ, руководясь вышеприведенной доктриной генералъ-маіора Анничкова, указать какъ способъ къ улучшенію матеріальнаго быта солдата безъ обремененія финансовыхъ средствъ государства, такъ и гарантію тому, чтобы всѣ расходы государства по продовольствію солдата доходили до прямаго своего назначенія и распределялись правильно, сообразно солдатскимъ нуждамъ и потребностямъ.

Англійская пословица говоритъ: «хорошо ѣсть хлѣбъ, а еще лучше — хлѣбъ съ масломъ». Пословица эта имѣетъ громадный практическій смыслъ, и на нее мы обращаемъ особенное наше вниманіе.

Хлѣбная дача нашего солдата, какъ видно изъ приведенной выше таблицы, въ противоположность скудному окладу жалованья слишкомъ велика.

Норма этой дачи определена также, какъ и окладъ жалованья, Петромъ Великимъ, и какъ гласитъ преданіе, по личному его удостоверенію въ достаточности такой дачи для самаго требовательнаго желудка. Не нужно забывать, что въ то время, когда определенъ былъ размѣръ солдатскаго пайка, кромѣ хлѣба и припарка (кашницы), солдату ничего болѣе не отпущалось. Нынче же ему дается, сверхъ определенной тогда дачи хлѣба, еще мяса и разныхъ продуктовъ

¹⁾ Петромъ I определенъ былъ окладъ жалованья простому рядовому въ годъ 10 р. 98 к., пайкъ солдатъ получать 2 р. 70 к. сер. или 9 р. 75 к. ассигнаціями.

²⁾ Въ 1720 г. четверть муки съ доставкой стоила только 1 руб. 10 алтынь 4 деньги, четверть крупъ 2 руб., въ 1731 г. четверть муки 1 р. 20 к., четверть крупъ 1 р. 50 к., четверть овса 25—45 к., пудъ сѣна 1½—3 коп.

для пищи, какъ выше приведено, до $1\frac{1}{2}$ фунтовъ ежедневно. Прибавка такого количества твердой пищи сдѣлана безъ уменьшенія хлѣбной дачи. Конечно, есть случаи, что и нынѣшняя дача солдату хлѣба не удовлетворяетъ нѣкоторые желудки, но это случаи единичные, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ.

«Десять готтентотовъ — пишесть Боррау въ своихъ «Путешествіяхъ»:—сѣли быка средней величины въ три дня. Три бушмана, которыми дали овцу около 5 часовъ вечера, совершенно покончили ее къ полудню слѣдующаго дня.» Сэръ Джонъ Россъ полагаетъ, что эскимосъ можетъ сѣсть въ день до 20 ф. мяса и жира. Капитанъ Кохрейтъ разсказываетъ въ своемъ «Путешествіи», что одинъ якутъ сѣлъ 28 фунтовъ крутой каши, сваренной на 3 фунт. масла; что теленокъ, вѣсящій около 200 фунт., сѣдается заразъ такими пятью обжорами. Все это, конечно факты, достойные замѣчанія, но не могущіе служить основаніемъ къ какимъ бы то ни было положительнымъ заключеніямъ о потребностяхъ массы людей, болѣе или менѣе цивилизованныхъ.

Простое сопоставленіе солдатскихъ порціонныхъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ указываетъ на ненормальность русской дачи. Не говоря уже о раздѣленіи солдатскихъ порціонныхъ во Франціи, Германіи и Австріи на порціоны мирнаго и военнаго времени и подраздѣленія порцій на большія и малыя, что было бы желательно принять и у насъ, мы коснемся только размѣровъ порціонныхъ мирнаго времени.

Солдату отпускается въ день:

Въ Германіи мяса {	35 золотн.	хлѣба 1 ф.	63 золотн.	
	58 „			
Во Франціи . . .	58 $\frac{1}{2}$ „	„ 1 „	79 „	¹⁾
Въ Австріи . . .	52 „	„ 2 „	12 $\frac{1}{2}$ „	
„ Англіи . . .	79 „	„ 1 „	62 „	
„ Россіи . . .	48 „	„ 3 „	— „	

Хлѣбъ на довольствіе войскъ.—говоритъ генералъ-маіоръ Анничковъ въ своемъ «Военномъ хозяйствѣ»:—употребляется различный, а именно: пшеничный, пеклеванный и ржаной. Русскія и сѣверо-

¹⁾ Кроме 50 зол. бѣлаго хлѣба къ супу.

германскія войска довольствуются ржанымъ хлѣбомъ, австрійскіи—пеклевающимъ, французскіи и вообще западно-европейскіи—пшеничнымъ. Пшеничный хлѣбъ качествомъ и питательностью превосходитъ ржаной хлѣбъ, а пеклеваемый занимаетъ средину между ними. Средняя питательность выпеченнаго пшеничнаго хлѣба равняется 0,977, пеклеваннаго—0,884, ржаного—0,792. Такимъ образомъ 2 фунта ржаного хлѣба равняются по питательности приблизительно $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{2}{3}$ пшеничнаго и $1\frac{3}{4}$ пеклеваннаго. На основаніи этихъ данныхъ, солдатскій хлѣбный порціонъ равняется по питательности приблизительно слѣдующему количеству ржаного хлѣба въ день: во Франціи 2 фунт., въ Австріи 2 фунт. 27 золотн. и въ Англіи—1 ф. 70 золотн.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ заключить, что русскій солдатъ, сравнительно съ солдатами прочихъ европейскихъ государствъ, получаетъ мало мяса ²⁾ и много, единкомъ много хлѣба.

Вопросъ объ изліиженіи отпуску солдату хлѣба былъ уже затронутъ нашею прессою. Въ 1864 году въ «Русскомъ Нивалидѣ» (№№ 27, 51 и 109) появилось нѣсколько статей по этому предмету.

Г. Д. М. заявилъ, что изобиліе и разнообразіе питательной и вкусной пищи имѣло послѣдствіемъ то, что нижніе чины начали замѣтно меньше пуждаться въ нечесочъ хлѣбъ. Большинство изъ нихъ довольствуется половиною положеннаго количества, многіе простираютъ это ограниченіе еще далѣе, обращая сбереженный остатокъ въ деньги, которые употребляютъ на другія текущія надобности: на табакъ, чай и проч. Такимъ образомъ большинство нижнихъ чиновъ, пользуясь въ день $1\frac{1}{2}$ фунт. хлѣба, за сбереженіе цѣлаго мѣсяца или за 30 дней, т. е. за хлѣбъ, на который казна отпускаетъ одинъ четверикъ муки, получаетъ, вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ условій при продажѣ хлѣба, не болѣе 22 коп., тогда какъ четверикъ муки обходится казнѣ около 45 коп. Стоимость эта, въ сущности, обходится для казны еще дороже, если принять въ соображеніе расходы на дрова для перенесенія муки въ хлѣбъ.

²⁾ Хотя русскому солдату и опредѣлено отпускать мяса по 48 золотн. въ сутки, но такъ, гдѣ по дороговизнѣ привасовъ привасочныхъ денегъ не хватаетъ на покупку такого количества мяса, онъ получаетъ только 36 и даже 24 золотника въ сутки.

и расходы по заготовленію провіанта. Такимъ образомъ казна затрачивается непроизводительно на каждого солдата въ годъ около 3 руб. 80 коп., которыми солдатъ не можетъ даже возможности воспользоваться. Расходъ этотъ составляетъ для нашей арміи около 400,000 руб. въ годъ. Возраженія оппонентовъ его были вообще слабы. Не отвергая въ сущности излишка отпуска солдату хлѣба, они не соглашались съ г. Д. М. только въ количествѣ. Причемъ настаивали на видѣ, что остатокъ хлѣбной экономіи обращается въ ротныя харчевныя суммы на покрытіе такихъ расходовъ, на которые отпускомъ казны не полагается, и что уменьшеніе солдату дачи хлѣба было бы незаконно, такъ какъ въ солдатъ глубоко укоренилось мнѣніе, что дача хлѣба въ количествѣ 3 фунт. въ день назначена именно съ тѣмъ, чтобы остатокъ отъ нея шелъ въ пользу солдата—какъ царскій подарокъ.

Возраженія эти въ высшей степени оригинальны. Солдатскій провіантъ не долженъ идти на покрытіе въ ротѣхъ расходовъ, которые не имѣли определенныхъ отпусковъ, и комитетъ, сознавая это, предположилъ дать особымъ для того средства. Что же касается мыслей о царскомъ подаркѣ, то она до того напина, что не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Во всякомъ случаѣ, для насъ важно свидѣтельство такихъ лицъ, которые изучали бытъ солдата продолженіи свыше 20 лѣтняго времени, какъ напр. г. Д. М.

Г. Е. Е. Я., въ статьѣ своей «Современное положеніе разработки вопросовъ, до провіантскаго и приварочнаго довольствія войскъ относящихся», помѣщенной въ 5-й книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1866 годъ, говоритъ, что при отсутствіи усиленныхъ занятій, рѣдкій солдатъ съѣстъ болѣе 2 ф. хлѣба въ день, и что на русскаго солдата и теперь съ удивленіемъ смотрять иностранные солдаты, получающіе отъ 1½ до 2 ф. хлѣба въ сутки. Во время венгерской кампаніи—говоритъ далѣе почтенный авторъ—австрійцы при проходѣ нашихъ войскъ чрезъ Галицію, продолжая нашу армію хлѣбомъ, были очень затруднены покупкою для нея муки и хлѣбопеченіемъ: край былъ истощенъ реквизиціями. Но лишь только войска 4-го армейскаго корпуса начали проходить чрезъ Львовъ, базары наполнились нашими солдатами, продававшими много излишковъ полученнаго ими хлѣба, а квартирмейстры наши завели негласные счеги съ австрійцами-поставщиками муки и провіантскими комиссарами.

Наконѣцъ есть и официальное свидѣтельство. Въ 1862 году,

командованній войсками бывшей 1-й армии, генерал-адъютантъ. Индереъ отдалъ по войскамъ армии приказъ слѣдующаго содержания ¹⁾. «Рѣбята! Вольные торговцы хлѣбомъ приносятъ начальству жалобу, что солдаты подрывъ дѣлаютъ ихъ торговлѣ: вольный торговецъ платитъ въ казну за право торговли, солдатъ ничего не платитъ; вольный торговецъ платитъ за пекарню, за дрова и за многое другое, солдатъ продаетъ хлѣбъ печенный казенными дровами въ казенной пекарнѣ и казенными людьми. Значитъ, солдату хлѣбъ приходится даромъ, вольному торговцу онъ стоитъ денегъ; вотъ почему солдатъ продаетъ хлѣбъ дешевле торговца и подрываетъ его торговлю.

«Несправедливыми быть не должно, и бѣдныхъ людей, которые честною торговлею зарабатываютъ пропитаніе—обижать грѣшно, а потому я приказалъ запретить солдатамъ торговать печенымъ хлѣбомъ, а все, что останется въ экономіи отъ проіанта, продавать мукою.

«Все, что солдату пожаловано Государемъ Императоромъ, должно идти въ пользу солдата же, а потому мною приказано, чтобы одна часть тѣхъ денегъ, какія отъ продажи экономической муки окажутся, шла на улучшение нашей нищизни, а другую часть, коли таковая будетъ, корпусные командиры приказывали бы раздавать на руки солдатамъ для собственныхъ потребностей. При такомъ порядкѣ у солдата должно больше оставаться, чѣмъ теперь остается.

«Кромѣ того, я приказалъ, чтобы въ казармахъ давали каждому солдату столько хлѣба, сколько съѣсть пожелаеъ; чтобы весь счетъ и расходъ по мукамъ вели сами роты и чтобы затѣмъ выносить печеный хлѣбъ изъ казармъ или изъ лагеря, на продажу, не позволялось» ²⁾.

Параллель солдатскихъ порціоновъ въ иностранныхъ арміяхъ, заявленія прессы, приказъ главнокомандующаго арміею, все это въ совокупности не можетъ не служить указаніемъ на ненормальности отпуска хлѣбной дачи нашему солдату. Но комитетъ генерала фонъ-деръ-Лауница не рѣшился приступить къ серьезному обсужденію этого

¹⁾ 12 мая, № 80.

²⁾ Приказъ этотъ, по непримѣнимости довольствія солдатъ армейскихъ войскъ хлѣбомъ, былъ отмѣненъ впоследствии, и солдаты продаютъ свой хлѣбъ на рынкахъ дониндѣ.

весьма важнаго вопроса, онъ ограничился предложеніемъ о сокращеніи солдатскаго пайка на 16 золотниковъ, т. е. только на то именно количество муки, которое получалось отъ указной дачи провіанта, свыше выдаваемыхъ солдату на руки 3 фунтовъ печенаго хлѣба, подъ именемъ припека и обращалось въ ротныя харчевныя сухихи.

Намъ неизвѣстны причины, почему именно комитетъ не подвергъ этого вопроса всестороннему обсужденію, но мы имѣемъ основаніе думать, что вопросъ о нормѣ солдатскаго порціона и не могъ быть разрѣшенъ комитетомъ компетентно, такъ какъ вопросъ этотъ по существу—вопросъ науки, а представителей науки въ комитетъ назначено не было.

Между тѣмъ, если обратиться къ содѣйствію науки, то она едва-ли выскажется за сохраненіе стараго солдатскаго пайка, единственно въ видахъ его почтеннаго происхожденія.

Химики и физиологи хотя и слѣдуютъ двумъ противоположнымъ между собою системамъ питанія человѣческаго организма, но выводы тѣхъ и другихъ относительно количества потребной человѣку пищи почти что тождественны.

Знаменитый Либихъ раздѣляетъ всѣ употребляемыя въ пищу вещества на двѣ категоріи: на продукты пластическіе, т. е. необходимыя для возобновленія, поддержанія и развитія органовъ, и на дыхательныя, т. е. не могущіе питать тѣла или увеличивать его объемъ, но развивающіе посредствомъ старанія въ тѣлѣ теплоту, безъ которой не можетъ совершаться ни одно органическое отравленіе. Къ первому классу продуктовъ, образующихъ въ человѣкѣ ткани, онъ относитъ тѣ органическія вещества, въ составъ которыхъ въ значительной долѣ входитъ азотъ. Ко второму классу онъ причисляетъ вещества, не содержащія въ себѣ азота, или свойства питательности, какъ напр. жиры, масла, сахаръ, крахмалъ, пектинъ, вино, бассоринъ, пиво и спирты.

Мульдеръ же, Вердейль, Робинъ, Молешоттъ, Люнзъ, и другіе физиологи идутъ въ своихъ изслѣдованіяхъ гораздо далѣе. Сознывая, что изложенная выше классификація употребляемыхъ въ пищу продуктовъ—блестательная попытка, сдѣланная гениемъ и давняя сильная толчекъ наукъ, они полагаютъ, однако, что азотистыя вещества—не единственные вещества, доставляющія питаніе. По ихъ мнѣнію, ни одна кѣлочка, ни одна фибра не можетъ ни образоваться, ни продолжать своего существованія безъ нѣкотораго коли-

чества жира и солей; никакая ткань не может образоваться, ни совершать своего отправления безъ значительнаго количества азотистыхъ веществъ; и всѣ ихъ выводы клонятся къ тому, чтобы доказать, что не только вещества органическія, но и неорганическія имѣютъ прямое или косвенное участіе въ питаніи тѣла. Вода, крахмалъ, сахаръ, жиры, соли, алкоголь и другіе предметы, по ихъ мнѣнію, столько же необходимы для процесса питанія и согрѣванія тѣла, какъ и бѣлковина, фибринъ, казеинъ и другія азотистыя вещества.

Для поддержанія жизни въ человѣкѣ, по мнѣнію Дрэпера, необходимо соблюденіе трехъ химическихъ условій: онъ долженъ потреблять воздухъ, воду и сгораемые вещества. Жизнь не есть неподвижный застой, а вѣчное измѣненіе. Организмъ, на какой бы степенн развитія онъ ни находился, имѣетъ значеніе только временной формы, образуемой міріадами частицъ, проходящихъ по пути, указанному природою. Организмъ можно сравнить съ пламенемъ лампы, которое очень долго можетъ представлять одну и ту же форму, хотя пламя это постоянно поддерживается новымъ матеріаломъ и также постоянно истощается. Дышать, пить и ѣсть—вотъ главнѣйшія и самыя необходимыя условія жизни. Человѣкъ ежегодно поглощаетъ болѣе тонны ¹⁾ вѣшняго вещества и извергаетъ изъ себя такое же количество негоднаго матеріала. Среднимъ числомъ здоровый взрослый человѣкъ вѣситъ около 140 фун.

Для поддержанія нормальнаго состоянія организма, необходимо строгое равновѣсіе между условіями убыли и условіями прибыли. Оставляя въ сторонѣ второстепенныя условія нормальной жизни, главное условіе формулируется такимъ образомъ: общее количество веществъ, поглощаемыхъ тѣломъ въ видѣ пищи, воды и атмосферическаго воздуха, должно равняться общей суммѣ всѣхъ выдѣленій, въ видѣ выбрасываемыхъ, испаряемыхъ и выдыхаемыхъ продуктовъ. Траты тѣла составляютъ условіе жизни, и не только тѣла вообще, но и каждой отдѣльной его части. Для того, чтобы организмъ могъ жить, частицы его должны вымирать. Количество содѣятельности измѣряется количествомъ траты. По опредѣленію Дрэпера, ежедневная прибыль человѣка вѣсомъ 140 фун. должна опредѣляться слѣдующими цифрами:

¹⁾ Тонна = 62 пудамъ.

Вѣсь тѣла	140,000
Вода	4,109
Кислородъ	2,192
Сухая растительная пища . . .	1,687
» животная	0,563

Вѣсь питательныхъ веществъ Дрэперъ раздѣляетъ на четыре слѣдующія группы: а) углеводы: крахмалъ, сахаръ, камедь и клетчатка; б) углеводороды: масла, жиры и спирты; в) бѣлковинныя тѣла: бѣлковина, фибринъ, казеинъ, и г) соли.

Суточный порціонъ русскаго солдата, состоящій изъ 3 ф. хлѣба, $\frac{1}{2}$ ф. мяса и приправъ въ установленномъ размѣрѣ, по опредѣленію Ходнева, содержитъ въ себѣ:

Бѣлковыхъ веществъ	38,1	золоти.
Углеводородовъ	12,1	»
Углеводовъ	196,0	»
Солей	6,3	»

«Вопросъ о количествѣ пищи, говоритъ Люнзъ, можно разрѣшить только приблизительно. Индивидуальныя различія условій, которымъ подвергаются организмы, постоянно пренятствуютъ всякой точной оцѣнкѣ. Одинъ и тотъ же человѣкъ нуждается въ болѣебольшомъ количествѣ пищи при жизни дѣятельной, чѣмъ при жизни сидячей; въ холодномъ климатѣ, чѣмъ въ климатѣ жаркомъ». Для опредѣленія порціонной пищи, заключеннымъ, солдатамъ и матросамъ, Люнзъ совѣтуетъ держаться среднихъ чиселъ и рекомендуетъ порціонъ, принятый для матросовъ англійскаго флота ¹⁾.

Дрэперъ говоритъ, что для людей, ведущихъ дѣятельную жизнь, нужно отнустать до $2\frac{1}{4}$ ф. сухой пищи, изъ которой $\frac{3}{4}$ растительной и $\frac{1}{4}$ животной.

Размѣры отнуска продовольственныхъ припасовъ—именно генералъ-майоръ Анничковъ въ «Воспом. Хозяйствѣ»:—должны зависѣть отъ климатическихъ условій, хотя привычки народа и не бездѣ

¹⁾ Англійскому матросу выдается ежедневно хлѣба 1 ф., мяса 1 ф. и овощей $\frac{1}{2}$ ф.

зависятъ отъ этихъ условій, ибо количество и качество потребленія пищи находится въ зависимости отъ густоты народонаселенія, отъ различія промысловъ и въ особенности отъ развитія народного богатства. Такъ, по мнѣнью г. Анпчкова, въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, при фабричныхъ промыслахъ, при развитіи въ массахъ людей довольства, народъ употребляетъ больше мяса и меньше хлѣба.

Г. Ленандовскій, въ статьѣ «О береговой пищѣ нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства и причинахъ цынги по флоту», помѣщенной въ 3 № «Морскаго Сборника» за 1865 годъ, высказалъ слѣдующія мысли. «Въ частной жизни, человѣкъ можетъ мѣшать свое продовольствіе сообразно съ различными условіями. Въ военной же службѣ нижніе чины, вслѣдствіе необходимости, подвержены подвѣдѣ и тотъ же уровень, и одною и тою же пищею должны кормиться всѣ, какъ бы разнообразны ни были свойства людей и ихъ занятій. При подобныхъ условіяхъ жизни, опредѣленіе нормальнаго состава пищи, безпреднаго для организма и необходимаго не только для поддержанія силъ, но и для укрѣпленія и развитія ихъ, получаетъ громадное практическое значеніе. Хотя индивидуальныя различія между организмами и различіе условій, которымъ подвергаются эти организмы, препятствуютъ точной оцѣнкѣ, но все-таки въ этомъ случаѣ научныя изслѣдованія о пищѣ, а также о вліяніи ея на трудъ, имѣютъ несомнѣнный вѣсъ, потому что физиологія даетъ достаточно точныя оцѣнки, выраженные въ среднихъ числахъ, на главные вопросы, относящіеся къ пищѣ». По его мнѣнью, порціи французскихъ солдатъ слѣдуетъ считать вполне физиологическою, такъ какъ она почти совершенно согласна съ выводами физиологіи.

Въ инструкціи французскаго военно-медицинскаго совѣта, данной войскамъ для руководства при опредѣленіи состава порціонной, говорится: «Опытъ доказалъ превосходство животной пищи надъ тою, которой основаніемъ служатъ матеріалы изъ растительнаго царства. Вслѣдствіе чего надлежитъ, чтобы солдаты получали отъ 300 до 350 граммовъ (отъ 70 до 82 зол.) мяса въ день. Этому предъиа слѣдуетъ стараться достигать всякій разъ, какъ только позволяютъ обстоятельства, а для этой цѣли слѣдуетъ даже дѣлать экономію на другихъ предметахъ. Хлѣбъ долженъ занимать не болѣе, какъ второе мѣсто въ основнхъ частяхъ порціи. Отъ 800 до 850 граммовъ (отъ 1 ф. 91 зол. до 2 ф. 13 зол.) хлѣба въ сутки можетъ считаться достаточнымъ количествомъ для солдата».

Бетхеръ, основываясь на жизни Браля, Гильдесгейма и др., приходитъ относительно количества питательныхъ веществъ, которое должны получать солдаты, къ слѣдующимъ предположеніямъ:

1) При усиленной службѣ (трудной гарнизонной службѣ, на маневрахъ, въ походъ въ военное время) слѣдуетъ давать: 10 лотовъ бѣлковыхъ веществъ, 3 лота жиру, 34 лота мучной пищи и $1\frac{1}{4}$ лота соли.

2) При подвижной, но менѣе трудной службѣ: 8 лотовъ бѣлковъ, 2,4 лота жиру, 30 лотовъ мучной пищи и 1 лоть поваренной соли.

Плейферъ полагаетъ необходимымъ давать:

	Бѣлковыхъ веществъ.	Жиру.
При умѣренной работѣ . . .	8,4 лот.	3,6 лот.
При усиленной службѣ . . .	11 „	5 „
При тяжелыхъ работахъ. . .	13 „	5 „

Кирхнеръ опредѣляетъ:

	Мяса.	Жиру.	Хлѣба.
Въ нормальную порцію . $\frac{1}{2}$ фунта.	1 лоть.	$1\frac{1}{2}$ фунта.	
Во время маневровъ . . $\frac{3}{4}$ „	$1\frac{1}{2}$ „	$1\frac{1}{2}$ „	
Въ военное время . . . 1 „	2 „	$1\frac{1}{2}$ „	

Вотъ болѣе или менѣе точные выводы науки въ общихъ формахъ. Между тѣмъ мы можемъ указать также еще на одно слово науки, касающееся исключительно русскаго солдата.

Въ 1871 году, въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, г. Ходневъ читалъ лекціи по провіантскому довольствію войскъ, предметомъ которыхъ была характеристика мяса какъ пищи и солдатская мясная порція у насъ и въ главнѣйшихъ государствахъ Европы и развитіе той мысли, что если пища необходима человѣку въ опредѣленномъ количествѣ, то и процентное содержаніе ея должно отвѣчать опредѣленному количеству нѣхъ требующихся для нея веществъ. Сравнивая со средними нормальными цифрами состава солдатской пищи, выведенными Кирхнеромъ, по Груберу, Моленоту и др., составъ пищи, отпускаемой русскому солдату, и принимая

отпускъ этотъ по существующимъ законоположеніямъ и предположеніямъ комиссій, бывшихъ подъ председательствомъ генераловъ Лауница и Кренке (3 ф. хлѣба и $\frac{1}{2}$ ф. мяса въ сутки), г. Ходисъ пришелъ къ такому заключенію, что русскій солдатъ получаетъ суточный порціонъ въ количествѣ мяса (разумѣя отпускъ $\frac{1}{2}$ фунта въ день на человѣка всадъ и полностью) вполне достаточнымъ, даже при усиленныхъ трудахъ (въ военное время), а въ отношеніи хлѣба—болѣе чѣмъ достаточнымъ.

По мнѣнію Ходиса, количество главныхъ основныхъ частей пищи, потребной въ сутки для солдата, опредѣляется слѣдующими цифрами:

	Възъ усилен- ныхъ тру- довъ.	При усилен- ныхъ тру- дахъ.
Бѣлковыхъ веществъ	26,6 золотн.	34,7 золотн.
Углерододовъ.	11,3 „	16,6 „
Угледовъ.	110,1 „	113,1 „
Солей	4,1 „	5,8 „

Русскій солдатъ получаетъ пятихъ бѣловыхъ веществъ такое количество, которое признается совершенно достаточнымъ для его питанія, даже при усиленныхъ трудахъ. Что же касается угледовъ (крахмалистыхъ веществъ), то пятихъ солдатъ получаетъ ихъ слишкомъ большое количество, которое требуетъ для перевариванія довольно много усилія со стороны организма и въ этомъ отношеніи пища его не отбѣчаетъ нормальнымъ выводомъ.

Изъ этого слѣдуетъ—заключилъ многоуважаемый лекторъ—что для военного времени необходимо было бы выработать особую порцію, съ уменьшеніемъ количества хлѣба и съ увеличеніемъ количества мяса. Что же касается порціи мирнаго времени, то суточную дачу хлѣба въ ней можно было-бы уменьшить на $\frac{1}{2}$, т. е. съ трехъ фунтовъ на два для человѣка въ сутки, и тогда бы она заключала въ себѣ: бѣловыхъ веществъ 28,8; углерододовъ 11,7; угледовъ 130,7 и солей 4,5 золотника, что признается количествомъ, вполне достаточнымъ для обыкновенной дѣятельности.

Выводы ученаго лектора точны и ясны до поразительности. Опираясь на нихъ, мы имѣемъ возможность сдѣлать положительное заключеніе, что при отпускѣ нашему солдату вышенприведеннаго

порціона мяса и другихъ пищевыхъ продуктовъ до $1\frac{1}{2}$ ф. въ день, норма хлѣбной суточной дачи солдату должна быть опредѣлена въ два фунта ржаного печеного хлѣба.

«Чистый эмпирикъ—говоритъ Эрнстъ Геккель въ своей «Générale Morphologie»:—напавивасть безпорядочную груду камней; чистый философъ строить воздушныя замки, не выдерживающіе малѣйшаго дуновенія эмпирии. Одинъ довольствуется сырымъ матеріаломъ; другой—планомъ дома». Слова эти могутъ быть примѣнены въ настоящемъ случаѣ. «По куча камней—говоритъ далѣе знаменитый іенскій профессоръ — не превратится въ зданіе, если только увеличивать ее. Напротивъ, тѣмъ труднѣе ориентироваться въ ней, и возведеніе зданія пожеланъ должно быть отложено въ долгій ящикъ».

Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать въ обществѣ, каково-бы оно ни было, дожидаться когда придетъ чередъ его разбитія,—значило бы не знать ни общества, ни времени для проповѣди, говорить одинъ изъ героев Шиндлгегена. Здоровые не требуютъ врачъ, но больные». Отложить возбужденіе вопроса о назначеніи солдату болѣе соответственнаго личнаго довольствія на неопредѣленное время — значило бы не знать ни времени, ни обстоятельствъ дѣла. Эти соображенія обязываютъ насъ высказаться въ пользу безотлагательнаго пересмотра существующихъ положеній о нормѣ солдатскаго пайка.

Опредѣленіе солдату исполнѣ соответственной суточной дачи хлѣба даетъ возможность увеличить ему и окладъ жалованья до болѣе соответственнаго нуждамъ его разябра.

Принимая за норму суточной дачи солдату хлѣба, согласно вышеприведеннаго заявленія г. Ходнева, 2 фунта, будетъ оставаться ежедневно отъ каждаго солдата по 1 ф. хлѣба, т. е. одна треть всего потребляемаго имъ пшнѣ количества. Следовательно, одна третья часть годоваго заготовленія интендантствомъ провіанта должна оставаться въ экономіи.

Всего въ потребности войскъ одного изъ прошлыхъ лѣтъ, какъ видно изъ интендантской смѣты, заготовлялось муки:

	Число чет- вертей.	Цѣна на четверть.
Для Петербургскаго округа . {	55,881 $\frac{1}{2}$	5 р. 55 к.
	42,509	6 „ 29 „

	Число чет- вертей.	Цена за четверть.
Для Виленскаго	47,488	6 » 91 »
» Варшавскаго.	187,805	7 » 26 »
» Киевскаго.	288,796 ^{1/2}	7 » 31 »
» Одесскаго.	196,996	4 » 96 »
» Одесскаго.	190,528	6 » 45 »
» Харьковскаго	218,392	4 » 23 »
» Московскаго.	281,491 ^{3/4}	5 » 11 »
» Казанскаго	129,006	4 » 4 »
	482,565	6 » 10 »
» отдаленныхъ.	40,374	4 » 58 »
	47,789	5 » 58 »
	63,299 ^{1/2}	9 » 95 »
	102,362	6 » 73 »

Итого . . . 2,551,283^{3/4} четвертей.

Слѣдовательно, третья часть заготовленія будетъ составлять 850,427 четв. 7 четвертиковъ.

На покупку этого количества муки, полагая среднюю стоимость по вышеприведеннымъ цѣнамъ четверти въ 6 руб. ^{3/4} коп., нужно 5,107,820 р. въ годъ ¹⁾.

Кромѣ того, чтобы заготовить, принять, хранить и отпустить въ войска такое громадное количество хлѣба, какъ продаваемая, или разбрасываемая солдатами экономія (850 т. четвертей въ годъ), нужны люди, которыхъ производится отъ казны содержаніе; чтобы хранить этотъ хлѣбъ въ интендантскихъ складахъ до отпуска въ войска, нужны помѣщенія, содержаніе которыхъ стоитъ денегъ; чтобы перенести это количество муки въ хлѣбъ, нужно топливо ²⁾,

¹⁾ Изъ «Общаго обзора составъ и дѣятельности всѣхъ частей военнаго министерства за 1885 годъ», напечатаннаго въ «Военномъ Сборникѣ» 1887 г., № 5 (последній объявленный по всеобщему свѣдѣнію обзоръ) видно, что муки для войска въ потребности 1885 года изготовлено 2,478,388 четвертей, по цѣнамъ въ среднемъ мѣсяцѣ для внутреннихъ военныхъ округовъ—7 р. 2 к. и для отдаленныхъ 7 р. 48 к. за четверть.

²⁾ На перенесеніе 850 т. четвертей муки въ хлѣбъ, потребно до 70 т. сажень дровъ трехполѣнной мѣры.

цѣнное въ настоящее время на пѣсь золота. Все это требуетъ частію отъ казны, частію отъ земства, еще около 1 милліона руб. ежегодно.

Заготовленіе третьяго фунта хлѣба для солдата особенно тяжело для интендантства въ военное время. Сколько заботъ, сколько трудовъ, сколько сверхъестественныхъ усилій нужно употребить интендантству, чтобы заготовить этотъ хлѣбъ. Съ прибытіемъ въ Крымъ войскъ въ 1854 г.—говорить г. Затлера въ своихъ «Запискахъ о продовольствіи войскъ въ военное время»:—явились вдругъ новыя огромныя потребности, составившія ежегодно:

муки и сухарей до . . .	990 т. четвертей,
крупъ	80 т. »
дровъ	128 т. саж.

Для подвоза этихъ и другихъ припасовъ, полагая, что мука, сухари и крупа подвозились за 500 верстъ, а прочіе предметы продовольствія съ ближайшихъ разстояній, необходимо было, чтобы въ постоянномъ движеніи имѣлось 150 т. подводъ. Не только Крымскій полуостровъ, но и вся Таврида—нишеть даже бывшій намп. генералъ-провіантмейстеръ — не были въ состояніи удовлетворить этой потребности. Припасы свозились сначала съ разстоянія 300 верстъ, а по мѣрѣ истощенія края, изъ болѣе и болѣе отдаленныхъ мѣстъ и, наконецъ, съ разстояній отъ 600 до 900 верстъ. На продовольствіе войскъ въ Крыму, находившихся съ сентября 1854 года до октября 1856 года, т. е. до очищенія полуострова, израсходовано около 3,500,000 четвертей разнаго хлѣба и до 20,000,000 пудовъ сѣна и соломы. Опредѣляя, что хлѣбъ перевозился среднимъ числомъ съ 500-верснаго разстоянія и за перевозку платилось: за 300 верстъ по 3 коп., а за 200 верстъ по 7 коп. съ переты за подводу, общая сложность перевозочной платы, тѣмъ исчисленію г. Затлера, составила по 5 р. 75 к. съ четверти или за все количество перевезеннаго хлѣба 20,125,000 руб. сер. Изъ этой небольшой выдержки не трудно составить понятіе о томъ: сколько нужно было употребить интендантству труда и усилій на то только, чтобы за-контрактовать и доставить войскамъ тотъ лишний милліонъ четвертей хлѣба, отъуска котораго не обуславливался дѣйствительною потребностью, и какія громадныя суммы были израсходованы на одну только перевозку этого хлѣба.

германскіи войска довольствуются ржанымъ хлѣбомъ, австрійскіи—пеклеваннымъ, французскіи и вообще западно-европейскіи—пшеничнымъ. Пшеничный хлѣбъ качествомъ и питательностью превосходитъ ржаной хлѣбъ, а пеклеванный занимаетъ средину между ними. Средняя питательность выпеченнаго пшеничнаго хлѣба равняется 0,977, пеклеваннаго—0,884, ржаного—0,792. Такимъ образомъ 2 фунта ржаного хлѣба равняются по питательности приблизительно $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{2}{3}$ пшеничнаго и $1\frac{3}{4}$ пеклеваннаго. На основаніи этихъ данныхъ, солдатскій хлѣбный порціонъ равняется по питательности приблизительно слѣдующему количеству ржаного хлѣба въ день: во Франціи 2 фун., въ Австріи 2 фунт. 27 золотн. и въ Англіи—1 ф. 70 золотн.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ заключить, что русскій солдатъ, сравнительно съ солдатами прочихъ европейскихъ государствъ, получаетъ мало мяса ²⁾ и много, слишкомъ много хлѣба.

Вопросъ объ измѣненіи отпускъ солдату хлѣба былъ уже затронутъ нашею прессою. Въ 1864 году въ «Русскомъ Инвалидѣ» (№№ 27, 51 и 109) появилось нѣсколько статей по этому предмету.

Г. Д. М. заявилъ, что изобиліе и разнообразіе питательной и вкусной пищи имѣло послѣдствіемъ то, что нижніе чины начали замѣтно менѣе нуждаться въ печеномъ хлѣбѣ. Большинство изъ нихъ довольствуется половиною положеннаго количества, многіе простираютъ это ограниченіе еще далѣе, обращая сбереженный остатокъ въ деньги, которыя употребляютъ на другія текущія надобности: на табакъ, чай и проч. Такимъ образомъ большинство нижнихъ чиновъ, пользуясь въ день $1\frac{1}{2}$ фунт. хлѣба, за сбереженіе цѣлаго мѣсяца или за 30 дней, т. е. за хлѣбъ, на который казна отпускаетъ одинъ четверикъ муки, получаетъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій при продажѣ хлѣба, не болѣе 22 коп., тогда какъ четверикъ муки обходится казнѣ около 45 коп. Стоимость эта, въ сущности, обходится для казны еще дороже, если принять въ соображеніе расходы на дрова для перемеленія муки въ хлѣбъ.

²⁾ Хотя русскому солдату и опредѣлено отпускать мяса по 48 золотн. въ сутки, но тамъ, гдѣ по дороговизнѣ припасовъ приварочныхъ денегъ не хватаетъ на покупку такого количества мяса, онъ получаетъ только 30 и даже 24 золотника въ сутки.

и расходы по изготовленію провіанта. Такимъ образомъ казна затрачивается непроизводительно на каждого солдата въ годъ около 3 руб. 80 коп., которыми солдатъ не имѣетъ даже возможности воспользоваться. Расходъ этотъ составляетъ для нашей арміи около 400,000 руб. въ годъ. Возраженія оппонентовъ его были вообще слабы. Не отвергая въ сущности излишка отпуска солдату хлѣба, они не соглашались съ г. Д. М. только въ количествѣ. Причемъ поставляли на видъ, что остатокъ хлѣбной экономіи обращается въ ротный харчевый суммы на покрытіе такихъ расходовъ, на которые отпускъ казны не полагается, и что уменьшеніе солдату дачи хлѣба было бы незаконно, такъ какъ въ солдатъ глубоко укоренилось мнѣніе, что дача хлѣба въ количествѣ 3 фунт. въ день назначена именно съ тѣмъ, чтобы остатки отъ нея шель въ пользу солдата—какъ царскій подарокъ.

Возраженія эти въ высшей степени оригинальны. Солдатскій провіантъ не долженъ идти на покрытіе въ ротакъ расходовъ, которые не имѣли определенныхъ отпусковъ, и комитетъ, сознавая это, предположилъ дать особая для того средства. Что же касается мысли о царскомъ подаркѣ, то она до того наивна, что не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія. Во всякомъ случаѣ, для насъ важно свидѣтельство такихъ лицъ, которыя изучали бытъ солдата въ продолженіи свыше 20 лѣтняго времени, какъ напр. г. Д. М.

Г. Е. Е. Я., въ статьѣ своей «Современное положеніе разработки вопросовъ, до провіантскаго и приварочнаго довольствія войскъ относящихся», помѣщенной въ 5-й книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1866 годъ, говоритъ, что при отсутствіи усиленныхъ занятій, рѣдкій солдатъ съѣстъ болѣе 2 ф. хлѣба въ день, и что на русскаго солдата и теперь съ удивленіемъ смотрятъ иностранныя солдаты, получающіе отъ 1½ до 2 ф. хлѣба въ сутки. Во время венгерской кампаніи—говоритъ далѣе почтенный авторъ—австрійцы при проходѣ нашихъ войскъ чрезъ Галицію, продовольствуя нашу армію хлѣбомъ, были очень затруднены покупкою для нея муки и хлѣбопеченіемъ; край былъ истощенъ реквизиціями. Но лишь только войска 4-го армейскаго корпуса начали проходить чрезъ Львовъ, базары наполнились нашими солдатами, продававшими явно излишекъ полученнаго ими хлѣба, а квартирмейстры наши завели переговоры съ австрійцами-поставщиками муки и провіантскими комиссарами.

Наконецъ есть и официальное свидѣтельство. Въ 1862 году,

командованній войсками бывшей 1-й арміи, генераль-адъютантъ. Лидерсъ отдалъ по войскамъ арміи приказъ слѣдующаго содержания ¹⁾. «Ребята! Вольные торговцы хлѣбомъ приносятъ начальству жалобу, что солдаты подрывъ дѣлаютъ ихъ торговлѣ: вольный торговецъ платитъ въ казну за право торговли, солдатъ ничего не платитъ; вольный торговецъ платитъ за пекарню, за дрова и за многое другое, солдатъ продаетъ хлѣбъ неслучайнымъ казеннымъ дровамъ въ казенной пекарнѣ и казеннымъ людямъ. Значитъ, солдату хлѣбъ приходится даромъ, вольному торговцу онъ стоитъ денегъ; вотъ почему солдатъ продаетъ хлѣбъ дешевле торговца и подрываетъ его торговлю.

«Несправедливымъ быть не должно, и бѣдныхъ людей, которые честною торговлею зарабатываютъ пропитаніе—обижать грѣшно, а потому я приказалъ запретить солдатамъ торговать печенымъ хлѣбомъ, а все, что останется въ экономіи отъ провіанта, продавать мукою.

«Все, что солдату пожаловано Государемъ Императоромъ, должно идти въ пользу солдата же, а потому мною приказано, чтобы одна часть тѣхъ денегъ, какія отъ продажи экономической муки окажутся, шла на улучшение нашей нищизни, а другую часть, коли таковая будетъ, корпусные командиры приказывали бы раздавать на руки солдатамъ для собственныхъ потребностей. При такомъ порядкѣ у солдата должно больше оставаться, чѣмъ теперь остается.

«Кромѣ того, я приказалъ, чтобы въ казармахъ давали каждому солдату столько хлѣба, сколько съѣсть пожелаешь; чтобы весь счетъ и расходъ по мукѣ вели сами роты и чтобы затѣмъ выносить печеный хлѣбъ изъ казармъ или изъ лагеря, на продажу, не позволялось» ²⁾.

Параллель солдатскихъ порціоновъ изъ иностранныхъ арміяхъ, заявленія прессы, приказъ главнокомандующаго арміей, все это въ совокупности не можетъ не служить указаніемъ на ненормальность отпуску хлѣбной дачи нашему солдату. По комитетъ генерала фонъ-деръ-Лауницца перѣшнелся приступить къ серьезному обсужденію этого

¹⁾ 12 мая, № 80.

²⁾ Приказъ этотъ, по неприятности довольствія солдатъ армейскихъ войскъ хлѣбомъ, былъ отмененъ впоследствии, и солдаты продаютъ свой хлѣбъ на рынкахъ донимъ.

весьма важнаго вопроса, онъ ограничился предложеніемъ о сокращеніи солдатскаго пайка на 16 золотниковъ, т. е. только на то именно количество муки, которое получалось отъ указанной дачи провіанта, свыше выдаваемыхъ солдату на руки 3 фунтовъ печенаго хлѣба, подъ именемъ припека и обращалось въ ротныя харчевныя сумы.

Намъ неизвѣстны причины, почему именно комитетъ не подвергъ этого вопроса всестороннему обсужденію, но мы имѣемъ основаніе думать, что вопросъ о нормѣ солдатскаго порціона и не могъ быть разрѣшенъ комитетомъ компетентно, такъ какъ вопросъ этотъ по существу—вопросъ науки, а представителей науки въ комитетъ назначено не было.

Между тѣмъ, если обратиться къ содѣйствію науки, то она едва-ли выскажется за сохраненіе стараго солдатскаго пайка, единственно въ видахъ его почтеннаго происхожденія.

Химики и физиологи хотя и слѣдуютъ двумъ противоположнымъ между собою системамъ питанія человѣческаго организма, но выводы тѣхъ и другихъ относительно количества потребной человѣку пищи почти что тождественны.

Знаменитый Либихъ раздѣляетъ всѣ употребляемыя въ пищу вещества на двѣ категоріи: на продукты пластическіе, т. е. необходимые для возобновленія, поддержанія и развитія органовъ, и на дыхательные, т. е. не могущіе питать тѣла или увеличивать его объемъ, но развивающіе посредствомъ старанія въ тѣлѣ теплоту, безъ которой не можетъ совершаться ни одно органическое отправленіе. Къ первому классу продуктовъ, образующихъ въ человѣкѣ ткани, онъ относитъ тѣ органическія вещества, въ составъ которыхъ въ значительной долѣ входитъ азотъ. Ко второму классу онъ причисляетъ вещества, не содержащія въ себѣ азота, или свойства питательности, какъ напр. жиры, масла, сахаръ, крахмалъ, пектинъ, вино, бассоринъ, пиво и спирты.

Мульдеръ же, Вердейль, Робинъ, Моленоттъ, Люнзъ, и другіе физиологи идутъ въ своихъ изслѣдованіяхъ гораздо далѣе. Сознавая, что изложенная выше классификація употребляемыхъ въ пищу продуктовъ—блѣстательная попытка, сдѣланная гениемъ и давняя сильнѣйшій толчекъ наукѣ, они полагаютъ, однако, что азотистыя вещества—не единственные вещества, доставляющія питаніе. По ихъ мнѣнію, ни одна клеточка, ни одна фибра не можетъ ни образоваться, ни продолжать своего существованія безъ нѣкотораго коли-

чества жира и солей; никакая ткань не может образоваться, ни совершать своего отправления безъ значительнаго количества азотистыхъ веществъ; и всѣ ихъ выводы клонятся къ тому, чтобы доказать, что не только вещества органическія, но и неорганическія имѣютъ прямое или косвенное участіе въ питаніи тѣла. Вода, крахмалъ, сахаръ, жиры, соли, алкоголь и другіе предметы, по ихъ мнѣнію, столько же необходимы для процесса питанія и согрѣванія тѣла, какъ и бѣлковина, фибринъ, казеинъ и другія азотистыя вещества.

Для поддержанія жизни въ человѣкѣ, по мнѣнію Дрэпера, необходимо соблюденіе трехъ химическихъ условій: онъ долженъ потреблять воздухъ, воду и сгораемыя вещества. Жизнь не есть неподвижный застой, а вѣчное измѣненіе. Организмъ, на какой бы степеніи развитія онъ ни находился, имѣетъ значеніе только временной формы, образуемой міриадами частицъ, проходящихъ по пути, указанному природою. Организмъ можно сравнить съ пламенемъ лампы, которое очень долго можетъ представлять одну и ту же форму, хотя пламя это постоянно поддерживается новымъ матеріаломъ и также постоянно истощается. Дышать, пить и ѣсть—вотъ главнѣйшія и самыя необходимыя условія жизни. Человѣкъ ежегодно поглощаетъ болѣе тонны ¹⁾ вѣшняго вещества и извергаетъ изъ себя такое же количество негоднаго матеріала. Среднимъ числомъ здоровый взрослый человѣкъ вѣситъ около 140 фун.

Для поддержанія нормальнаго состоянія организма, необходимо строгое равновѣсіе между условіями убыли и условіями прибыли. Оставляя въ сторонѣ второстепенныя условія нормальной жизни, главное условіе формулируется такимъ образомъ: общее количество веществъ, поглощаемыхъ тѣломъ въ видѣ пищи, воды и атмосферическаго воздуха, должно равняться общей суммѣ всѣхъ выдѣленій, въ видѣ выбрасываемыхъ, испаряемыхъ и выдыхаемыхъ продуктовъ. Траты тѣла составляютъ условіе жизни, и не только тѣла вообще, но и каждой отдѣльной его части. Для того, чтобы организмъ могъ жить, частицы его должны вымирать. Количество содѣятельности измѣряется количествомъ траты. По опредѣленію Дрэпера, ежедневная прибыль человѣка вѣсомъ 140 фун. должна опредѣляться слѣдующими цифрами:

¹⁾ Тонна = 62 пудамъ.

Вѣсь тѣла	140,000
Вода	4,109
Кислородъ	2,192
Сухая растительная пища . . .	1,687
» животная	0,563

Вѣсь питательныхъ веществъ Дрәперъ раздѣляетъ на четыре слѣдующія группы: а) углеводы: крахмалъ, сахаръ, камедь и клетчатка; б) углеводороды: масла, жиры и спирты; в) бѣлковинныя тѣла: бѣлковина, фибринъ, казеинъ, и г) соли.

Суточный порціонъ русскаго солдата, состоящій изъ 3 ф. хлѣба, $\frac{1}{2}$ ф. мяса и приправъ въ установленномъ раздѣлѣ, по опредѣленію Ходисева, содержитъ въ себѣ:

Бѣлковыхъ веществъ	38,1	золоти.
Углеводородовъ	12,1	»
Углеводовъ	196,0	»
Солей	6,3	»

«Вопросъ о количествѣ пищи, говорить Люнзъ, можно разрѣшить только приблизительно. Индивидуальныя различія условій, которымъ подвергаются организмы, постоянно препятствуютъ всякой точной оцѣнкѣ. Одинъ и тотъ же человекъ нуждается въ большемъ количествѣ пищи при жизни дѣятельной, чѣмъ при жизни сидячей; въ холодномъ климатѣ, чѣмъ въ климатѣ жаркомъ». Для опредѣленія порціонной пищи, заключеннымъ, солдатамъ и матросамъ, Люнзъ совѣтуетъ держаться среднихъ чиселъ и рекомендуетъ порціонъ, принятый для матросовъ англійскаго флота ¹⁾).

Дрәперъ говоритъ, что для людей, ведущихъ дѣятельную жизнь, нужно отнустать до $2\frac{1}{4}$ ф. сухой пищи, изъ которой $\frac{3}{4}$ растительной и $\frac{1}{4}$ животной.

Раздѣлы отнуска продовольственныхъ принадлежностей генералъ-маіоръ Анничковъ въ «Военномъ Хозяйствѣ»:—должны зависѣть отъ климатическихъ условій, хотя привычки народа и не исздѣ

¹⁾ Англійскому матросу выдается ежедневно хлѣба 1 ф., мяса 1 ф. и овощей $\frac{1}{2}$ ф.

зависеть отъ этихъ условій, ибо количество и качество потребленія пищи находится въ зависимости отъ густоты народонаселенія, отъ различія промысловъ и въ особенности отъ развитія народнаго богатства. Такъ, по мнѣнію г. Анничкова, въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, при фабричныхъ промыслахъ, при развитіи въ массахъ людей довольства, народъ употребляетъ больше мяса и меньше хлеба.

Г. Левадонскій, въ статьѣ «О береговой пищѣ нижнихъ чиновъ морскаго флота и причинахъ цынги во флотѣ», помѣщенной въ 3 № «Морскаго Сборника» за 1865 годъ, высказалъ слѣдующія мысли. «Въ частной жизни, человекъ можетъ мѣнять свое продовольствіе сообразно съ различными условіями. Въ военной же службѣ нижніе чины, вслѣдствіе необходимости, подмечены подъ одинъ и тотъ же уровень, и одною и тою же пищею должны кормиться всѣ, какъ бы разнообразны ни были свойства людей и ихъ занятій. При подобныхъ условіяхъ жизни, опредѣленіе нормальнаго состава пищи, безвреднаго для организма и необходимаго не только для поддержанія силъ, но и для укрѣпленія и развитія ихъ, получаетъ громадное практическое значеніе. Хотя индивидуальныя различія между организмами и различіе условій, которыми подвергаются эти организмы, препятствуютъ точной оцѣнкѣ, но все-таки въ этомъ случаѣ научныя изслѣдованія о пищѣ, а также о вліяніи ея на трудъ, имѣютъ несомнѣнный вѣсъ, потому что физиологія даетъ достаточно точныя отиѣты, выраженные въ среднихъ числахъ, на главные вопросы, относящіеся къ пищѣ». По его мнѣнію, порціи французскихъ солдатъ слѣдуетъ считать вполне физиологическою, такъ какъ она почти совершенно согласна съ выводами физиологін.

Въ инструкціи французскаго военно-медицинскаго совѣта, данной войскамъ для руководства при опредѣленіи состава порціонной, говорится: «Опытъ доказалъ превосходство животной пищи надъ тою, которой основаніемъ служатъ матеріалы изъ растительнаго царства. Вслѣдствіе чего надлежитъ, чтобы солдаты получали отъ 300 до 350 граммовъ (отъ 70 до 82 зол.) мяса въ день. Этому предъидя слѣдуетъ стараться достигать всякій разъ, какъ только позволяютъ обстоятельства, а для этой цѣли слѣдуетъ даже дѣлать экономію на другихъ предметахъ. Хлѣбъ долженъ занимать не болѣе, какъ второе мѣсто въ основныхъ частяхъ порціи. Отъ 800 до 850 граммовъ (отъ 1 ф. 91 зол. до 2 ф. 13 зол.) хлѣба въ сутки можетъ считаться достаточнымъ количествомъ для солдата».

Бетхеръ, основываясь на житіи Браля, Гильдесгейма и др., приходитъ относительно количества питательныхъ веществъ, которое должны получать солдаты, къ слѣдующимъ предположеніямъ:

1) При усиленной службѣ (трудной гарнизонной службѣ, на маневрахъ, въ походъ въ военное время) слѣдуетъ давать: 10 лотовъ бѣлковыхъ веществъ, 3 лота жиру, 34 лота мушной муки и $1\frac{1}{4}$ лота соли.

2) При подвижной, но менѣе трудной службѣ: 8 лотовъ бѣлковъ, 2,4 лота жиру, 30 лотовъ мушной муки и 1 лоть поваренной соли.

Шлейфферъ полагаетъ необходимымъ давать:

	Бѣлковыхъ веществъ.	Жиру.
При умѣренной работѣ . . .	8,4 лот.	3,6 лот.
При усиленной службѣ . . .	11 „	5 „
При тяжелыхъ работахъ. . .	13 „	5 „

Кирхнеръ опредѣляетъ:

	Мяса.	Жиру.	Хлѣба.
Въ нормальную порцію, $\frac{1}{2}$ фунта.	1 лоть.	$1\frac{1}{2}$ „	$1\frac{1}{2}$ фунта.
Во время маневровъ . . . $\frac{3}{4}$ „	$1\frac{1}{2}$ „	$1\frac{1}{2}$ „	$1\frac{1}{2}$ „
Въ военное время . . . 1 „	2 „	$1\frac{1}{2}$ „	$1\frac{1}{2}$ „

Вотъ болѣе или менѣе точные выводы науки въ общихъ формахъ. Между тѣмъ мы можемъ указать также еще на одно слово науки, касающееся исключительно русскаго солдата.

Въ 1871 году, въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, г. Ходневъ читалъ лекціи по провіантскому доукомплектованію войскъ, предметомъ которыхъ была характеристика мяса какъ пищи и солдатская мясная порція у насъ и въ главнѣйшихъ государствахъ Европы и развитіе той мысли, что если пища необходима человѣку въ опредѣленномъ количествѣ, то и процентное содержаніе ея должно отвѣчать опредѣленному количеству всѣхъ требующихся для нея веществъ. Сравнивая со средними нормальными цифрами состава солдатской пищи, выведенными Кирхнеромъ, по Груберу, Моленоту и др., составъ пищи, отпускаемой русскому солдату, и принимая

отпускъ этотъ по существующимъ законоположеніямъ и предположеніямъ комиссій, бывшихъ подъ председательствомъ генераловъ Лаунина и Кренко (3 ф. хлѣба и $\frac{1}{2}$ ф. мяса въ сутки), г. Ходисенъ пришелъ къ такому заключенію, что русскій солдатъ получаетъ суточный порціонъ въ количествѣ мяса (разумѣя отпускъ $\frac{1}{2}$ фунта въ день на человѣка бездѣ и полнотѣю) вполне достаточнымъ, даже при усиленныхъ трудахъ (въ военное время), а въ отношеніи хлѣба—болѣе чѣмъ достаточнымъ.

По мнѣнію Ходисена, количество главныхъ основныхъ частей пищи, потребной въ сутки для солдата, опредѣляется слѣдующими цифрами:

	Въ усилен- ныхъ тру- дахъ.	При усилен- ныхъ тру- дахъ.
Бѣлковыхъ веществъ . . .	26,6 золотн.	34,7 золотн.
Углеводовъ	11,3 „	16,6 „
Углеводовъ	110,1 „	113,1 „
Солей	4,1 „	5,8 „

Русскій солдатъ получаетъ ширѣ бѣлковыхъ веществъ такое количество, которое признается совершенно достаточнымъ для его питанія, даже при усиленныхъ трудахъ. Что же касается углеводовъ (крахмалистыхъ веществъ), то нашъ солдатъ получаетъ ихъ слишкомъ большое количество, которое требуетъ для перенариванія довольно много усилія со стороны организма и въ этомъ отношеніи пища его не отличалась нормальнымъ выводомъ.

Изъ этого слѣдуетъ—заключилъ многоуважаемый лекторъ—что для военного времени необходимо было бы выработать особую порцію, съ уменьшеніемъ количества хлѣба и съ увеличеніемъ количества мяса. Что же касается порціи мирнаго времени, то суточную дачу хлѣба въ ней можно было бы уменьшить на $\frac{1}{3}$, т. е. съ трехъ фунтовъ на два для человѣка въ сутки, и тогда бы она заключала въ себѣ: бѣлковыхъ веществъ 28,8; углеводовъ 11,7; углеводовъ 130,7 и солей 4,5 золотника, что признается количествомъ, вполне достаточнымъ для обыкновенной дѣятельности.

Выводы ученаго лектора точны и ясны до поразительности. Опираясь на нихъ, мы имѣемъ возможность сдѣлать положительное заключеніе, что при отпускѣ нашему солдату вышеприведеннаго

порціона мяса и другихъ пищевыхъ продуктовъ до $1\frac{1}{2}$ ф. въ день, норма хлѣбной суточной дачи солдату должна быть опредѣлена въ два фунта ржаного печенного хлѣба.

«Чистый эмпирикъ—гонорить Эрнестъ Гейкель въ своей «Générale Morphologie»:—наваливать безпорядочную груду камней; чистый философъ строитъ воздушныя замки, не выдерживающіе малѣйшаго дуновенія эмпириі. Одинъ довольствуется сырымъ матеріаломъ; другой—планомъ дома». Слона эти могутъ быть применены въ настоящеемъ случаѣ. «По куча камней—гонорить далѣ знаменитый іенскій профессоръ — не превратится въ зданіе, если только увеличивать ее. Напротивъ, тѣмъ труднѣе оріентироваться въ ней, и познание зданія поневоля должно быть отложено въ долгій ящикъ».

«Въѣсто того, чтобы проповѣдывать въ обществѣ, законо-бы оно ни было, дожидаться когда придетъ чередъ его развитія,—значило бы не знать ни общества, ни времени для проповѣди, гонорить одинъ изъ героев Шинельгагена. Здоровые не требуютъ врачъ, но больные». Отложить возбужденіе вопроса о назначеніи солдату болѣе соответственнаго личнаго довольствія на неопредѣленное время — значило бы не знать ни времени, ни обстоятельствъ дѣла. Эти соображенія обязываютъ насъ высказаться въ пользу безотлагательнаго пересмотра существующихъ положеній о нормѣ солдатскаго пайка.

Опредѣленіе солдату шлодѣ соответственной суточной дачи хлѣба дастъ возможность увеличить ему и окладъ жалованья до болѣе соответственнаго нуждамъ его размѣра.

Принимая за норму суточной дачи солдату хлѣба, согласно вышеприведеннаго заглавія г. Ходнена, 2 фунта, будетъ оставаться ежедневно отъ каждаго солдата по 1 ф. хлѣба, т. е. одна треть всего потребляемаго имъ нынѣ количества. Следовательно, одна третья часть годоваго заготовленія интендантствомъ провіанта должна оставаться въ экономіи.

Всего въ потребность войскъ одного изъ прошлыхъ лѣтъ, какъ видно изъ интендантской свѣты, заготовлялось муки:

	Число чет- вертей.	Цѣна за четверть.
Для Петербургскаго округа . {	55,881 $\frac{1}{2}$	5 р. 55 к.
	42,509	6 „ 29 „

	Число чет- вертей.	Цѣна за четверть.
Для Виленскаго	{ 47,488	6 » 91 »
	187,805	7 » 26 »
» Варшавскаго.	288,796 ¹ / ₂	7 » 31 »
» Кіевскаго.	196,996	4 » 96 »
» Одесскаго.	190,528	6 » 45 »
» Харьковскаго	218,392	4 » 23 »
» Московскаго.	281,491 ³ / ₄	5 » 11 »
» Казанскаго	129,006	4 » 4 »
	{ 482,565	6 » 10 »
	40,374	4 » 58 »
» отдаленныхъ.	47,789	5 » 58 »
	{ 63,299 ¹ / ₂	9 » 95 »
	102,362	6 » 73 »

Итого . . . 2,551,283³/₄ четвертей.

Слѣдовательно, третья часть заготовленія будетъ составлять 850,427 четв. 7 четвериковъ.

На покупку этого количества муки, полагая среднюю стоимость по вышеприсвоеннымъ цѣнамъ четверти въ 6 руб. ³/₄ коп., нужно 5.107,820 р. въ годъ ¹).

Кромѣ того, чтобы заготовить, принять, хранить и отпустить въ войска такое громадное количество хлѣба, какъ продаваемая, или разбираемая солдатами экономія (850 т. четвертей въ годъ), нужны люди, которымъ производится отъ казны содержаніе; чтобы хранить этотъ хлѣбъ въ интендантскихъ складахъ до отпуска въ войска, нужны помѣщенія, содержаніе которыхъ стоитъ денегъ; чтобы перенести это количество муки въ хлѣбъ, нужно топливо ²),

¹) Изв. «Общій обзоръ состава и дѣятельности всѣхъ частей военнаго министерства на 1885 годъ», напечатаннаго въ «Военномъ Сборникѣ» 1887 г., № 5 (последній объявленнаго по всеобщее свѣдѣніе обзоръ) видно, что муки для войскъ въ потребности 1885 года заготовлено 2,478,388 четвертей, по цѣнамъ въ среднемъ вышодѣ: для внутреннихъ военныхъ округовъ—7 р. 2 к. и для отдаленныхъ 7 р. 48 к. за четверть.

²) На переносеніе 850 т. четвертей муки въ хлѣбъ, потребно до 70 т. сажень дровъ трехнолѣвной мѣры.

цѣнимое въ настоящее время на пѣсь золота. Все это требуетъ частію отъ казны, частію отъ земства, еще около 1 милліона руб. ежегодно.

Заготовленіе третьяго фунта хлѣба для солдата особенно тягостно для интендантства въ военное время. Сколько заботъ, сколько трудовъ, сколько сверхъестественныхъ усилій нужно употребить интендантству, чтобы заготовить этотъ хлѣбъ. Съ прибытіемъ въ Крымъ войскъ въ 1854 г.—говоритъ г. Затлеръ въ своихъ «Запискахъ о продовольствіи войскъ въ военное время»:—явился вдругъ новый огромный потребности, составившія ежегодно:

муки и сухарей до . . .	990 т. четвертей,
крупъ	80 т. »
дровъ	128 т. саж.

Для подвоза этихъ и другихъ припасовъ, полагая, что мука, сухари и крупа подвозились за 500 верстъ, а прочіе предметы продовольствія съ ближайшихъ разстояній, необходимо было, чтобы въ постоянномъ движеніи имѣлось 150 т. подвозъ. Не только Крымскій полуостровъ, но и вся Таурида—имѣть дляте бывшій панъ-генералъ-провіантмейстеръ — не были въ состояніи удовлетворить этой потребности. Припасы свозились сначала съ разстоянія 300 верстъ, а по мѣрѣ истощенія края, изъ болѣе и болѣе отдаленныхъ мѣстъ и, наконецъ, съ разстояній отъ 600 до 900 верстъ. На продовольствіе войскъ въ Крыму, находившихся съ сентября 1854 года до октября 1856 года, т. е. до очищенія полуострова, израсходовано около 3,500,000 четвертей разнаго хлѣба и до 20,000,000 пудовъ сѣна и соломы. Опредѣляя, что хлѣбъ перевозился среднимъ числомъ съ 500-верснаго разстоянія и за перевозку платилось: за 300 верстъ по 3 коп., а за 200 верстъ по 7 коп. съ версты за подвозу, общая сложность перевозочной платы, по исчисленію г. Затлера, составила по 5 р. 75 к. съ четверти или за все количество перенесеннаго хлѣба 20,125,000 руб. сер. Изъ этой небольшой выдержки не трудно составить понятіе о томъ: сколько нужно было употребить интендантству труда и усилій на то только, чтобы за-контрактовать и доставить войскамъ тотъ лишний милліонъ четвертей хлѣба, отпускъ котораго не обусловливался дѣйствительною потребностью, и какія громадныя суммы были израсходованы на одну только перевозку этого хлѣба.

РУССКІЙ ОФИЦЕРЪ, ЕГО БЫТЬ И БЛАГОСОСТОЯНІЕ.

КТО не знаетъ русскаго офицера? Кто не видѣлъ его? Кто не имѣлъ съ нимъ какихъ нибудь отношеній? — восклицаетъ въ экстазѣ герой одного стариннаго романа.

Кто не знаетъ! повторимъ мы. Въ исторіи русскаго народа нашъ офицеръ игралъ видную роль. Мы не станемъ говорить о тѣхъ храбрцахъ, которые подили русскія войска въ бой и трупами своими устилали поля битвы, о тѣхъ гениальныхъ и талантливыхъ личностяхъ, которыя создали боевыя силы Имперіи и своими побѣдами надъ численными и безчисленными врагами, или кабинетными трудами на поприщѣ администраціи возвели Россію на ту высокую степень могущества и славы, которую заняла она нынѣ въ семьѣ народовъ, — это было простое ихъ дѣло, ихъ долгъ, ихъ призваніе... Но русскій офицеръ, кромѣ того, внесъ посильную лепту и довицы и въ сокровищницу наукъ, искусствъ, литературы, онъ былъ и политическимъ дѣтелемъ. Вездѣ: по дворцѣ и палатѣ вельможи, въ будуарѣ красавицы и мансардѣ гризетки, въ гостиной банкира и хатѣ крестьянина, въ кабинетѣ государственнаго чловѣка и квартирѣ студента — вездѣ русскій офицеръ какъ дома, вездѣ считается своимъ, всѣмъ интересующимся и ко всему способнымъ. Его знаетъ русская земля, знаетъ его личность, его служебную, общественную, или интеллигентную дѣтельность... но знаетъ ли его домашній бытъ, его матеріальныя средства — это еще вопросъ... До освобожденія крестьянъ, русскій офицеръ былъ продуктъ тепличный. Онъ произрасталъ на той же почвѣ, на которой растутъ и другіе продукты отечественнаго произведенія, но произрасталъ подъ вліяніемъ искусственной теплоты. Это былъ баловень судьбы и счастья. Все что было

аристократично, богато и сильно въ наше дворянствѣ, — стреми-лось стать въ ряды войскъ «послужить», какъ говорилось, «перевѣстися, людей посмотрѣть и себя показать». Все, что было менѣе знатно, менѣе богато и сильно, — тоже стреми-лось пойти въ слѣдъ болѣе знатныхъ своихъ представителей, но стремилось съ цѣлью «прислужиться», «присмотрѣться», «показаться» и «послужиться». Для этого не щадили никакихъ средствъ; все, что давало крѣпостное право, родство и связи родителей и родственниковъ, мѣста, вліяніе и займы, — при-носилось въ жертву общимъ стремленіямъ. Отсюда вышла эпопея о русскомъ офицерѣ, сложившаяся и переходила изъ рода въ родъ, ле-гива о его широкой натурѣ, его дутежахъ и картежной игрѣ въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ, о его беззапѣтномъ молодечествѣ и шалостяхъ всякаго рода, начиная съ похищенія красавицы и кончая враніемъ мирныхъ гражданъ въ шинели и треской стальныхъ. Его блескъ, роскошь, мотовство поражали и удивляли иностранцевъ, привыкшихъ ничему не удивляться. Но грянулъ громъ 19 февраля, и зданіе, построенное на пескѣ, заколебалось и рухнуло съ трескомъ. Освобожденіе крестьянъ и другія реформы прошлаго царствованія измѣнили социальное положеніе нашего общества. Дворянство утра-тило свое привилегированное положеніе руководить, по выра-женію М. Н. Каткова, судьбами народа и создавать ему его будущее, оно должно было ликвидировать свои дѣла и от-казаться отъ утопій жить непронзительно. Всѣ классы общества были признаны къ болѣе дѣлательному участию въ отправленіи своихъ гражданскихъ обязанностей. Образование усилилось и изгладъ на зна-ченіе военной службы измѣнился.

Все это не могло не имѣть вліянія на положеніе и бытъ рус-скаго офицера. Матеріальныя средства, которыя почерпалъ онъ при существованіи крѣпостнаго права, посредствомъ налога на личный трудъ крестьянъ, изгладъ: поземельная собственность очутилась болѣею частью въ залогъ; нужно было подумать не столько о пріятномъ преминпрепожденіи на службѣ, сколько о гарантіи бу-дущаго, и потѣ, болѣе блестящіе представители военнаго сословія стали оставлять военную службу или для устройства дѣлъ въ инт-ніяхъ, или для занятія должностей, дающихъ болѣе матеріальное обезпеченіе для жизни, или же, наконецъ, просто не желая служить во всякомъ. Развившіеся въ наше общество за послѣднее время духъ меркантильности еще болѣе тому способствовалъ; все,

что было спаян, все что сохранило какие-либо остатки состоянія от разбившаго все урагана 19 февраля, и Jeunesse d'orée и специалисты, и люди развитые, и люди энергич и труда — все брошено въ частныя предприятия: на желѣзныя дороги и въ банки, на каменноугольныя копи и пріиски, на заводы, элеваторы и проч. Такимъ образомъ эмиграція офицеровъ началась и шла усиленно. Призывъ новыхъ силъ не могъ восполнить убыли. Въ войскахъ образовался значительный некомплектъ офицеровъ.

Въ виду подобнаго положенія дѣла Военное Министерство не могло не озаботиться изысканіемъ средствъ къ образованію корпуса офицеровъ, исполнѣ соответствующихъ своему назначенію. Съ этой цѣлю имъ обращено было особенное вниманіе на усиленіе средствъ комплектованія, и для того военно-учебныя заведенія были преобразованы; во всѣхъ почти военныхъ округахъ учреждены юнкерскія училища, разбѣшенъ пріемъ въ войска военноопредѣляющихся сверхъ комплекта, ниже чины общаго срока допущены къ производству въ офицеры за сокращенный срокъ службы. Не менѣе того Министерство старалось, по возможности, изыскать средства и къ увеличенію содержанія офицеровъ. Оно увеличило оклады ихъ жалованья, удвоило квартирные деньги, за время передвиженій войскъ и маршѣвденія ихъ въ лѣтнихъ сборахъ назначило порціонныя деньги, затѣмъ опредѣлило добавочныя оклады содержанія офицерамъ войскъ гвардіи и пособія армейскимъ офицерамъ, наконецъ назначило и, по мѣрѣ возможности, увеличивало до опредѣленной нормы оклады столовыхъ денегъ должностнымъ офицерамъ, ротнымъ, эскадроннымъ и другимъ командирамъ. Но мѣры эти, при всемъ ихъ существенномъ значеніи, не могли дать желаемаго результата — привести въ комплектъ численный составъ корпуса офицеровъ.

Между тѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе о распространеніи военной повинности на всѣ вообще сословія Имперіи, и попросту о составѣ корпуса офицеровъ и его служебномъ, гражданскомъ и экономическомъ положеніи получила особенную важность, такъ какъ участіе въ военной службѣ становится для всѣхъ обязательнымъ. Безъ сомнѣнія, комплектованіе корпуса офицеровъ было обезпечено исполнѣ, такъ какъ съ привлеченіемъ къ отбыванію военной повинности всѣхъ сословій стало поступать въ военную службу ежегодно отъ 5 до 6 т. молодыхъ людей, изъ наиболѣе образованныхъ сословій. По численности, какъ извѣстно, не вознаграждаетъ качества. А что бы имѣть право говорить о качествѣ,

необходимо изыскать мѣры для удержанія на службѣ тѣхъ элементовъ, которыми зиждется сила и достоинство армій. Нужно не только остановить переходъ офицеровъ изъ военной службы, по окончаніи обязательнаго срока, въ другія вѣдомства, или къ частнымъ занятіямъ, но привязать ихъ, сроднить, такъ сказать, съ войсками, чтобы они видѣли въ службѣ мать, а не мачиху, чтобы не думали только о томъ, какъ бы пристроиться куда нибудь, гдѣ матеріальныя средства дадутъ возможность существовать, по крайней мѣрѣ, безбѣдно. На мѣстѣ обрастасть и каменемъ, гласить послонница. Слѣдовательно, человекъ, посвящающій себя исключительно какому нибудь занятію, не можетъ не принести ему пользы. Для армій, гдѣ кромѣ теоретическихъ занятій необходимо еще уметь приводить въ движеніе живыя силы при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, какъ, напр., битва, гибель, разрушеніе, — это становится аксіомой: солдаты идутъ въ бой съ энтузіазмомъ только тогда, когда ихъ ведетъ человекъ, котораго они знаютъ и въ которомъ они увѣрены, что онъ служить дѣлу вѣрой и правдой. А чѣмъ можетъ быть это достигнуто? Тѣмъ, если офицеръ будетъ прикрѣпленъ къ мѣсту служенія не одними только интересами служебными, но и личными. Главнѣйшей причиной эмиграціи офицеровъ, ея сподвижниковъ, пособниковъ и двигателей, по нашему мнѣнію, служатъ тѣ неблагоприятныя условія, въ которыя поставленъ быть нашего офицера.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ условій, нельзя не замѣтить, что они одинаково стѣснительны для всего корпуса офицеровъ, хотя офицеры гвардейскихъ частей и находятся сравнительно въ лучшемъ положеніи, нежели офицеры армейскихъ и резервныхъ войскъ. Но я не вижу въ виду людей которые по рожденію или положенію въ свѣтѣ, имѣютъ возможность выдѣлаться изъ ряда простыхъ смертныхъ, я хочу коснуться массы, т. е. лицъ, которыя всей своей тяжестью давить экономическая сторона быта ихъ.

Содержаніе нашему офицеру отпускается отъ казны двухъ родовъ: постоянное и временное. Къ первой категоріи принадлежатъ: квартира въ натурѣ, дрова и свѣчи, или квартирные деньги, казенная прислуга, жалованье, столовые деньги и добавочное содержаніе ¹⁾; ко второй категоріи должны быть отнесены:

¹⁾ Офицерамъ кавалеріи и артиллеріи и должностнымъ въ пѣхотѣ отпускаются кромѣ того фуражныя деньги.

чества жира и солей; никакая ткань не может образоваться, ни совершать своего отправления безъ значительнаго количества азотистыхъ веществъ; и всѣ ихъ выводы клонятся къ тому, чтобы доказать, что не только вещества органическія, но и неорганическія имѣютъ прямое или косвенное участіе въ питаніи тѣла. Вода, крахмалъ, сахаръ, жиры, соли, алкоголь и другіе предметы, по ихъ мнѣнію, столько же необходимы для процесса питанія и согрѣванія тѣла, какъ и бѣлковина, фибринъ, казеинъ и другія азотистыя вещества.

Для поддержанія жизни въ человѣкѣ, по мнѣнію Дрэпера, необходимо соблюденіе трехъ химическихъ условій: онъ долженъ потреблять воздухъ, воду и сгораемыя вещества. Жизнь не есть неподвижный застой, а вѣчное измѣненіе. Организмъ, на какой бы степеніи развитія онъ ни находился, имѣетъ значеніе только временной формы, образуемой міриадами частицъ, проходящихъ по пути, указанному природою. Организмъ можно сравнить съ пламенемъ лампы, которое очень долго можетъ представлять одну и ту же форму, хотя пламя это постоянно поддерживается новымъ матеріаломъ и также постоянно истощается. Дышать, пить и ѣсть—вотъ главнѣйшія и самыя необходимыя условія жизни. Человѣкъ ежегодно поглощаетъ болѣе тонны ¹⁾ вѣшняго вещества и извергаетъ изъ себя такое же количество негоднаго матеріала. Среднимъ числомъ здоровый взрослый человѣкъ вѣситъ около 140 фун.

Для поддержанія нормальнаго состоянія организма, необходимо строгое равновѣсіе между условіями убыли и условіями прибыли. Оставляя въ сторонѣ второстепенныя условія нормальной жизни, главное условіе формулируется такимъ образомъ: общее количество веществъ, поглощаемыхъ тѣломъ въ видѣ пищи, воды и атмосферическаго воздуха, должно равняться общей суммѣ всѣхъ выдѣленій, въ видѣ выбрасываемыхъ, испаряемыхъ и выдыхаемыхъ продуктовъ. Траты тѣла составляютъ условіе жизни, и не только тѣла вообще, но и каждой отдѣльной его части. Для того, чтобы организмъ могъ жить, частицы его должны вымирать. Количество содѣятельности измѣряется количествомъ траты. По опредѣленію Дрэпера, ежедневная прибыль человѣка вѣсомъ 140 фун. должна опредѣляться слѣдующими цифрами:

¹⁾ Тонна = 62 пудамъ.

Всѣ тѣла	140,000
Вода	4,109
Кислородъ	2,192
Сухая растительная пища . . .	1,687
» животная	0,563

Всѣ питательныя вещества Дрэперъ раздѣляетъ на четыре слѣдующія группы: а) углеводы: крахмалъ, сахаръ, крахмъ и клетчатка; б) углеводороды: масла, жиры и спирты; в) бѣлковинныя тѣла: бѣлковая, фибринъ, казеинъ, и г) соли.

Суточный порціонъ русскаго солдата, состоящій изъ 3 ф. хлѣба, $\frac{1}{2}$ ф. мяса и приправъ въ установленномъ размѣрѣ, по опредѣленію Ходнева, содержитъ въ себѣ:

Бѣлковыхъ веществъ	38,1	золоти.
Углеводородовъ	12,1	»
Углеводовъ	196,0	»
Солей	6,3	»

«Вопросъ о количествѣ пищи, говорить Люизъ, можно разсматривать только приблизительно. Индивидуальныя различія условій, которымъ подвергаются организмы, постоянно препятствуютъ всякой точной оцѣнкѣ. Одинъ и тотъ же человѣкъ нуждается въ большемъ количествѣ пищи при жизни дѣятельной, чѣмъ при жизни сидячей; въ холодномъ климатѣ, чѣмъ въ климатѣ жаркомъ». Для опредѣленія порціонной пищи, заключеннымъ, солдатамъ и матросамъ, Люизъ соотвѣтствуетъ держаться среднихъ чиселъ и рекомендуетъ порціонъ, принятый для матросовъ англійскаго флота ¹⁾).

Дрэперъ говоритъ, что для людей, ведущихъ дѣятельную жизнь, нужно отнуждать до $2\frac{1}{4}$ ф. сухой пищи, изъ которой $\frac{3}{4}$ растительной и $\frac{1}{4}$ животной.

Размѣры отнужда продовольственныхъ припасовъ—пишеть генералъ-маіоръ Анничковъ въ «Военномъ Хозяйствѣ»:—должны зависѣть отъ климатическихъ условій, хотя привычки народа и не бездѣ

¹⁾ Англійскому матросу выдается ежедневно хлѣба 1 ф., мяса 1 ф. и овощей $\frac{1}{2}$ ф.

зависятъ отъ этихъ условій, ибо количество и качество потребленія пищи находится въ зависимости отъ густоты народонаселенія, отъ различія промысловъ и въ особенности отъ развитія народнаго богатства. Такъ, по мнѣнью г. Анничкова, въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, при фабричныхъ промыслахъ, при развитіи въ массахъ людей довольства, народъ употребляетъ больше мяса и меньше хлеба.

Г. Левандонскій, въ статьѣ «О береговой пищѣ нижнихъ чиновъ морскаго флота и причинахъ цынги во флотѣ», помѣщенной въ 3 № «Морскаго Сборника» за 1865 годъ, высказала слѣдующія мысли. «Въ частной жизни, человѣкъ можетъ мѣнять свое продовольствіе сообразно съ различными условіями. Въ военной же службѣ нижніе чины, вслѣдствіе необходимости, подмѣнены подъ одинъ и тотъ же уровень, и одною и тою же пищею должны кормиться всѣ, какъ бы разнообразны ни были свойства людей и ихъ занятій. При подобныхъ условіяхъ жизни, опредѣленіе нормальнаго состава пищи, безвреднаго для организма и необходимаго не только для поддержанія силъ, но и для укрѣпленія и развитія ихъ, получаетъ громадное практическое значеніе. Хотя индивидуальныя различія между организмами и различіе условій, которымъ подвергаются эти организмы, препятствуютъ точной оцѣнкѣ, но все-таки въ этомъ случаѣ научныя изслѣдованія о пищѣ, а также о вліяніи ея на трудъ, имѣютъ несомнѣнный вѣсъ, потому что физиологія даетъ достаточно точныя отвѣты, выраженные въ среднихъ числахъ, на главные вопросы, относящіеся къ пищѣ». По его мнѣнью, порціи французскихъ солдатъ слѣдуетъ считать вполне физиологическою, такъ какъ она почти совершенно согласна съ выводами физиологін.

Въ инструкціи французскаго военно-медицинскаго совѣта, данной войскамъ для руководства при опредѣленіи состава порціонной, говорится: «Опытъ доказалъ превосходство животной пищи надъ тою, которой основаніемъ служатъ матеріалы изъ растительнаго царства. Вслѣдствіе чего надлежитъ, чтобы солдаты получали отъ 300 до 350 граммовъ (отъ 70 до 82 зол.) мяса въ день. Этому предъидя слѣдуетъ стараться достигать всякій разъ, какъ только позволяютъ обстоятельства, а для этой цѣли слѣдуетъ даже дѣлать экономію на другихъ предметахъ. Хлѣбъ долженъ занимать не болѣе, какъ второе мѣсто въ основныхъ частяхъ порціи. Отъ 800 до 850 граммовъ (отъ 1 ф. 91 зол. до 2 ф. 13 зол.) хлѣба въ сутки можетъ считаться достаточнымъ количествомъ для солдата».

Бетхеръ, основываясь на жизни Браля, Гильдесгейма и др., приходит относительно количества питательных веществ, которое долженъ получать солдатъ, къ слѣдующимъ предположеніямъ:

1) При усиленной службѣ (трудной гарнизонной службѣ, на маневрахъ, въ походъ въ военное время) слѣдуетъ давать: 10 лотовъ бѣлковыхъ веществъ, 3 лота жиру, 34 лота мучной пшеницы и $1\frac{1}{4}$ лота соли.

2) При подвижной, но менѣе трудной службѣ: 8 лотовъ бѣлковыхъ, 2,4 лота жиру, 30 лотовъ мучной пшеницы и 1 лотъ поваренной соли.

Плейфферъ полагаетъ необходимымъ давать:

	Бѣлковыхъ веществъ.	Жиру.
При умѣренной работѣ . . .	8,4 лот.	3,6 лот.
При усиленной службѣ . . .	11 „	5 „
При тяжелыхъ работахъ. . .	13 „	5 „

Кирхнеръ опредѣляетъ:

	Мяса.	Жиру.	Хлѣба.
Въ нормальную порцію . $\frac{1}{2}$ фунта.		1 лотъ.	$1\frac{1}{2}$ фунта.
Во время маневровъ . . $\frac{3}{4}$ „		$1\frac{1}{2}$ „	$1\frac{1}{2}$ „
Въ военное время . . . 1 „		2 „	$1\frac{1}{2}$ „

Вотъ болѣе или менѣе точные выводы науки въ общихъ формахъ. Между тѣмъ мы можемъ указать также еще на одно слово науки, касающееся исключительно русскаго солдата.

Въ 1871 году, въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, г. Ходисевъ читалъ лекціи по провіантскому довольствію войскъ, предметомъ которыхъ была характеристика мяса какъ пшеницы и солдатская мясная порція у насъ и въ главнѣйшихъ государствахъ Европы и развитіе той мысли, что если пшеница необходима человѣку въ опредѣленномъ количествѣ, то и процентное содержаніе ея должно отвѣчать опредѣленному количеству всѣхъ требующихся для нея веществъ. Сравнивая со средними нормальными цифрами состава солдатской пшеницы, изслѣдованными Кирхнеромъ, по Груберу, Молениу и др., составъ пшеницы, отпускаемой русскому солдату, и принимая

отпускъ этотъ по существующимъ законоположеніямъ и предположеніямъ комиссій, бывшихъ подъ председательствомъ генераловъ Лауница и Кренке (3 ф. хлѣба и $\frac{1}{2}$ ф. мяса въ сутки), г. Ходисень пришелъ къ такому заключенію, что русскій солдатъ получаетъ суточный порціонъ въ количествѣ мяса (разумнѣе отпустить $\frac{1}{2}$ фунта въ день на человѣка нездѣ и полностью) и поливъ достаточнымъ, даже при усиленныхъ трудахъ (въ военное время), а въ отношеніи хлѣба—болѣе чѣмъ достаточнымъ.

По мнѣнію Ходисена, количество главныхъ основныхъ частей пищи, потребной въ сутки для солдата, опредѣляется слѣдующими цифрами:

	Възъ усилен- ныхъ тру- дотъ.	При усилен- ныхъ тру- дахъ.
Бѣлковыхъ веществъ . . .	26,6 золотн.	34,7 золотн.
Углеродородъ.	11,3 „	16,6 „
Угленодъ	110,1 „	113,1 „
Солей	4,1 „	5,8 „

Русскій солдатъ получаетъ нѣмъ бѣлковыхъ веществъ такое количество, которое признается совершенно достаточнымъ для его питания, даже при усиленныхъ трудахъ. Что же касается угленодъ (крахмалистыхъ веществъ), то нѣмъ солдатъ получаетъ ихъ слишкомъ большое количество, которое требуетъ для перевариванія довольно много усилія со стороны организма и въ этомъ отношеніи мнѣнїя его не отиѣчаетъ нормальнымъ выводомъ.

Изъ этого слѣдуетъ—заключилъ многоуважаемый лекторъ—что для военного времени необходимо было бы выработать особую порцію, съ уменьшеніемъ количества хлѣба и съ увеличеніемъ количества мяса. Что же касается порціи мирнаго времени, то суточную дачу хлѣба въ ней можно было-бы уменьшить на $\frac{1}{2}$, т. е. съ трехъ фунтовъ на два для человѣка въ сутки, и тогда бы она заключала въ себѣ: бѣлковыхъ веществъ 28,8; углеродородъ 11,7; угленодъ 130,7 и солей 4,5 золотника, что признается количествомъ, вполне достаточнымъ для обыкновенной дѣятельности.

Выводы ученаго лектора точны и ясны до поразительности. Опираясь на нихъ, мы имѣемъ возможность сдѣлать положительное заключеніе, что при отпускѣ нашему солдату вышеприведеннаго

порціона мяса и другихъ пищевыхъ продуктовъ до 1³/₄ ф. въ день, норма хлѣбной суточной дачи солдату должна быть опредѣлена въ два фунта ржаного печеного хлѣба.

«Чистый эмпирикъ—говорить Эрнестъ Гюккель въ своей «Générale Morphologie»:—напоминаетъ безпорядочную груду камней; чистый философъ строитъ воздушные замки, не поддерживающіе материальнаго дуновенія эмпириі. Одинъ довольствуется сырымъ матеріаломъ; другой—планомъ дома». Слова эти могутъ быть применены въ настоящемъ случаѣ. «По куча камней—говорить далѣ знаменитый іенскій профессоръ—не превратится въ зданіе, если только увеличивать ее. Напротивъ, тѣмъ труднѣе ориентироваться въ ней, и возведеніе зданія поневоля должно быть отложено въ долгій ящикъ».

Вмѣсто того, чтобы пропондывать въ обществѣ, каково-бы оно ни было, дожидаться когда придетъ чередъ его развитія,—значило бы не знать ни общества, ни времени для пропонди, говорить одинъ изъ героев Шиннелла: «Здоровые не требуютъ врачъ, но больные». Отложить возбужденіе вопроса о назначеніи солдату болѣе соответственнаго личнаго довольствія на неопредѣленное время—значило бы не знать ни времени, ни обстоятельствъ дѣла. Эти соображенія обязываютъ насъ высказаться въ пользу безотлагательнаго пересмотра существующихъ положеній о нормѣ солдатскаго пайка.

Опредѣленіе солдату исполнѣ соответственной суточной дачи хлѣба дастъ возможность увеличить ему и окладъ жалованья до болѣе соответственнаго нуждамъ его размѣра.

Принимая за норму суточной дачи солдату хлѣба, согласно вышеприведеннаго заявленія г. Ходнева, 2 фунта, будетъ оставаться ежедневно отъ каждаго солдата по 1 ф. хлѣба, т. е. одна треть всего потребляемаго имъ нынѣ количества. Слѣдовательно, одна третья часть годоваго заготовленія интендантствомъ провинціи должна оставаться въ экономіи.

Всего въ потребность пойки одного изъ провинціальныхъ лѣтъ, какъ видно изъ интендантской смѣты, заготовлялось муки:

	Число чет- вертей.	Цѣна на четверть.
Для Петербургскаго округа . {	55,881 ¹ / ₂	5 р. 55 к.
	42,509	6 » 29 »

	Число чет- вертей.	Цена за четверть.
Для Виленскаго	47,488	6 » 91 »
» Варнаискаго.	187,805	7 » 26 »
» Варнаискаго.	288,796 ^{1/2}	7 » 31 »
» Кіевскаго.	196,996	4 » 96 »
» Одесскаго.	190,528	6 » 45 »
» Харьковскаго	218,392	4 » 23 »
» Москонскаго.	281,491 ^{3/4}	5 » 11 »
» Казанскаго	129,006	4 » 4 »
» отдаленныхъ.	482,565	6 » 10 »
	40,374	4 » 58 »
	47,789	5 » 58 »
	63,299 ^{1/2}	9 » 95 »
	102,362	6 » 73 »

Итого . . . 2,551,283^{3/4} четвертей.

Слѣдательно, третья часть заготовленія будетъ составлять 850,427 четв. 7 четвериковъ.

На покупку этого количества муки, полагая среднюю стоимость по вышеприведеннымъ цѣнамъ четверти въ 6 руб. ³/₄ коп., нужно 5.107,820 р. въ годъ ¹).

Кромѣ того, чтобы заготовить, принять, хранить и отпустить въ войска такое громадное количество хлѣба, какъ продаваемая, или разбрасываемая солдатами экономія (850 т. четвертей въ годъ), нужны люди, которымъ производится отъ казны содержаніе; чтобы хранить этотъ хлѣбъ въ интендантскихъ складахъ до отпуску въ войска, нужны помѣщенія, содержаніе которыхъ стоитъ денегъ; чтобы перенести это количество муки въ хлѣбъ, нужно топливо ²),

¹) Цѣль «Общій обзоръ состава и дѣятельности всѣхъ частей военнаго министерства на 1885 годъ», напечатаннаго въ «Военномъ Сборникѣ» 1887 г., № 5 (последній опубликованный по всеобщему свидѣнію обзоръ) видно, что муки для войскъ въ потребности 1885 года заготовлено 2,478,388 четвертей, по цѣнамъ въ среднемъ вывѣдъ: для внутреннихъ военныхъ округовъ—7 р. 2 к. и для отдаленныхъ 7 р. 48 к. за четверть.

²) На переносеніе 850 т. четвертей муки въ хлѣбъ, потребно до 70 т. сажень дровъ трехполѣнной мѣры.

цѣпимое въ настоящее время на нѣтъ золота. Все это требуетъ частію отъ казны, частію отъ земства, еще около 1 милліона руб. ежегодно.

Заготовленіе третьяго фунта хлѣба для солдата особенно тяжело для интендантства въ военное время. Сколько заботъ, сколько трудовъ, сколько сверхъестественныхъ усилій нужно употребить интендантству, чтобы заготовить этотъ хлѣбъ. Съ прибытіемъ въ Крымъ войскъ въ 1854 г.—говорить г. Затлеръ въ своихъ «Запискахъ о продовольствіи войскъ въ военное время»:—явился вдругъ новыя огромная потребности, составившія ежегодно:

муки и сухарей до . . .	990 т. четвертей,
крупъ	80 т. »
дровъ	128 т. саж.

Для подвоза этихъ и другихъ припасовъ, полагая, что мука, сухари и крупа подвозились за 500 верстъ, а прочіе предметы продовольствія съ ближайшихъ разстояній, необходимо было, чтобы въ постоянномъ движеніи вышло 150 т. подводъ. Не только Крымскій полуостровъ, но и вся Таврида—именно даже бывшій панъ генералъ-провіантмейстеръ — не были въ состояніи удовлетворить этой потребности. Припасы свозились сначала съ разстоянія 300 верстъ, а по мѣрѣ истощенія края, изъ болѣе и болѣе отдаленныхъ мѣстъ и, наконецъ, съ разстояній отъ 600 до 900 верстъ. На продовольствіе войскъ въ Крыму, находившихся съ сентября 1854 года до октября 1856 года, т. е. до очищенія полуострова, израсходовано около 3,500,000 четвертей разнаго хлѣба и до 20,000,000 пудовъ сѣна и соломы. Опредѣляя, что хлѣбъ перевозился среднимъ числомъ съ 500-верснаго разстоянія и за перевозку платилось: за 300 верстъ по 3 коп., а за 200 верстъ по 7 коп. съ версты за подводу, общая сложность перевозочной платы, по исчисленію г. Затлера, составила по 5 р. 75 к. съ четверти пш. за все количество перевезеннаго хлѣба 20,125,000 руб. сер. Изъ этой небольшой надержки не трудно составить понятіе о томъ: сколько нужно было употребить интендантству труда и усилій на то только, чтобы контрактировать и доставить войскамъ тотъ лишній милліонъ четвертей хлѣба, отнукъ котораго не обуславливался дѣйствительною потребностью, и какія громадныя суммы были израсходованы на одну только перевозку этого хлѣба.

Наконецъ, необходимо обратить вниманіе и на то обстоятельство, что отпускъ солдату третьяго фунта хлѣба обременяетъ его излишней тяжестью въ походѣ, когда часть хлѣбной дачи (сухарный запасъ) переносится имъ въ ранецъ, и что отпускъ этотъ заставлялъ обояз, перевозящіе провіантъ—это бремя войскъ въ военное время — содержать цѣлой третью болѣе того состава, который нуженъ для переноски дѣйствительно потребнаго войскамъ количества провіанта.

Такимъ образомъ, опредѣленіе солдату соответственной съ выводами науки и дѣйствительной потребностью, суточной дачи хлѣба, должно имѣть самымъ благоприятнымъ образомъ не только на самого солдата, но и вообще на войсковое хозяйство.

Образующіеся вслѣдствіе сокращенія этой дачи, какъ объяснено выше, на одну треть сбереженія въ государственномъ бюджетѣ могли бы быть обращены: 5.107,820 руб.¹⁾ (собственно отъ убавки третьяго фунта хлѣба)—на увеличеніе окладовъ солдатскаго жалованья; а 1 миллионъ руб. (отъ незаготовленія интендантствомъ убавляемаго количества хлѣба, печенія и др. расходовъ)—на улучшеніе хозяйственной части въ войскахъ, по распоряженію военнаго министерства.

Относительно размѣра увеличенія оклада солдатскаго жалованья, слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующія соображенія: каждый солдатъ, получая по 3 ф. хлѣба въ сутки, потребляетъ имѣть въ годъ около 3 четвертей муки. Съ уменьшеніемъ же хлѣбнаго порціона до 2 ф. въ день, онъ будетъ потреблять въ теченіе годичнаго времени только около 2 четвертей муки. Слѣдовательно, годичная потребность муки для каждаго солдата сокращается на 1 четверть. Четверть муки въ общей сложности заготовленія для военнаго вѣдомства провіанта, какъ видно изъ приведенной выше выписки изъ свѣтъ, (берутся въ соображеніе низшія цѣны) обходится интендантству по средней стоимости въ 6 руб. $\frac{3}{4}$ коп. Эти шесть руб. и могутъ быть прибавлены къ окладу солдатскаго жалованья. Такимъ образомъ окладъ жалованья простаго армейскаго рядового можно было бы увеличить, какъ мы и предполагали выше,—итрое, т.-е. вмѣсто предназначен-

¹⁾ Исчисляя только, какъ приведено выше, по 6 р. $\frac{3}{4}$ к. за четверть муки.

наго ему нынѣ оклада въ размѣръ 3 руб., онъ могъ бы получить окладъ въ размѣръ до 9 руб. въ годъ ¹⁾).

Прибавка эта была бы, конечно, справедливымъ вознагражденіемъ солдата за лишеніе его «царскаго подарка», или лучше сказать она была бы для него дѣйствительнымъ царскимъ подаркомъ, такъ какъ солдатъ, проданная остатокъ хлѣба на рынокъ по цѣнамъ низкимъ противъ рыночныхъ, не получаетъ нынѣ и половины того, что причитается ему въ прибавку къ жалованью, согласно прине-деннаго выше разсчета.

Нѣтъ сомнѣнія, что предположенія наши о болѣе правильномъ распредѣленіи личнаго допльствія нашего солдата, покажутся многимъ неудовлетворительными, такъ какъ прибавка къ солдатскому окладу жалованья 6 руб. въ годъ не можетъ обезпечить нѣхъ его частныхъ нуждъ и потребностей, но мы и не задавались задачей разрѣшить вопросъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ: мы хотѣли только возбудить его и указать на возможность удовлетворительнаго разрѣшенія его безъ обремененія государственнаго казначейства новымъ расходомъ. Во всякомъ случаѣ, мы убѣждены, что вопросъ этотъ назрѣлъ и что въ разрѣшеніи его не замедлятъ принять участіе мудро-вѣснтельные, прогрессивный и цивилизующій геній Россіи.

Іюль, 1893 года.

¹⁾ Соотвѣтственно сему, конечно, слѣдуетъ прибавить по 6 руб. въ годъ и прочимъ нижнимъ чинамъ, получающимъ высшіе про-титу простого рядоваго оклады.

РУССКІЙ ОФИЦЕРЪ, ЕГО БЫТЬ И БЛАГОСОСТОЯНІЕ.

ТО не знаетъ русскаго офицера? Кто не видѣлъ его? Кто не имѣлъ съ нимъ какихъ нибудь отношеній? — восклицаетъ въ экстазѣ герой одного стариннаго романа.

Кто не знаетъ! повторимъ мы. Въ исторіи русскаго народа нашъ офицеръ игралъ видную роль. Мы не станемъ говорить о тѣхъ храбрцахъ, которые поднимали русскія полки въ бой и трупами своими устилали поля битвы, о тѣхъ гениальныхъ и талантливыхъ личностяхъ, которые создали боевыя силы Имперіи и своими побѣдами надъ численными и безчисленными врагами, или кабинетными трудами на поприщѣ администрацій возвели Россію на ту высокую степень могущества и славы, которую заняла она нынѣ въ семьѣ народовъ, — это было прямое ихъ дѣло, ихъ долгъ, ихъ призваніе... Но русскій офицеръ, кромѣ того, внесъ посильную лепту и въ сокращеніи наукъ, искусствъ, литературы, онъ былъ и политическимъ дѣятелемъ. Вездѣ: во дворцѣ и палатѣ невозможи, въ будуарѣ красавицы и мансардѣ гризетки, въ гостинной банкира и хатѣ крестьянина, въ кабинетѣ государственнаго челоѣка и квартирѣ студента — вездѣ русскій офицеръ какъ дома, вездѣ считается своимъ, ищетъ интересующихся и ко всему способнымъ. Его знаетъ русская земля, знаетъ его личность, его служебную, общественную, или интеллигентную дѣятельность... но знаетъ ли его домашній бытъ, его матеріальныя средства — это еще вопросъ... До освобожденія крестьянъ, русскій офицеръ былъ продуктъ тепличный. Онъ произрасталъ на той же почвѣ, на которой растутъ и другіе продукты отечественнаго произведенія, но произрасталъ подъ вліяніемъ искусственной теплоты. Это былъ балоненъ судьбы и счастья. Все что было

аристократично, богато и сильно въ нашемъ дворянствѣ, — стреми-лось стать въ ряды войскъ «послужить», какъ говорилось, «перевѣситься, людей посмотреть и себя показать». Все, что было меньше знатно, меньше богато и сильно, — тоже стреми-лось пойти въ слѣдъ болѣе знатныхъ своимъ представителямъ, по- стремилось съ цѣлью «прислужиться», «присмотрѣться», «показаться» и «послужиться». Для этого не щадили никакихъ средствъ; все, что давало крѣпостное право, родство и связи родителей и родственниковъ, мѣста, вліяніе и займы, — при- носилось въ жертву общимъ стремленіямъ. Откуда вышла эпопея о русскомъ офицерѣ, сложилась и переходила изъ рода въ родъ легенда о его широкой натурѣ, его кутежахъ и картежной игрѣ въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ, о его беззастѣнливомъ молодечествѣ и шалостяхъ всякаго рода, начиная съ похищенія красавицы и кончая иррипачіемъ жирныхъ гражданъ въ шинели и тренки становыхъ. Его блескъ, роскошь, мотовство поражали и удивляли иностранцевъ, привыкшихъ ничему не удивляться. Но грянулъ громъ 19 февраля, и зданіе, построенное на пескѣ, заколебалось и рухнуло съ трескомъ. Освобожденіе крестьянъ и другія реформы прошлаго царствованія измѣнили социальное положеніе нашего общества. Дворянство утра- тило свое привилегированное положеніе руководить, по выра- женію М. Н. Каткова, судьбами народа и создавать ему его будущее, оно должно было ликвидировать свои дѣла и от- казаться отъ утопій жить непронизительно. Въ классы общества были признаны къ болѣе дѣятельному участию въ отправленіи своихъ гражданскихъ обязанностей. Образование усилилось и взглядъ на зна- ченіе военной службы измѣнился.

Все это не могло не имѣть вліянія на положеніе и бытъ рус- ского офицера. Матеріальныя средства, которыми почерпалъ онъ при существованіи крѣпостнаго права, посредствомъ налога на личный трудъ крестьянъ, изыскан: поземельная собственность очутилась болѣею частью въ залогъ; нужно было подумать не столько о принятіи премиипропожденій на службу, сколько о гарантіи бу- дущаго, и вотъ, болѣе блестящіе представители военнаго сословія стали оставлять военную службу или для устройства дѣлъ въ имѣ- ніяхъ, или для занятія должностей, дающихъ болѣешее матеріальное обезпеченіе для жизни, или же, наконецъ, просто не желая служить со всякимъ.. Развившіеся въ нашемъ обществѣ за послѣднее время духъ меркантильности еще болѣе тому способствовали: все,

что нитло связи, все что сохранило какіе-либо остатки состоянія отъ разбившаго все урагана 19 февраля, и Jeunesse d'орée и специальности, и люди энергій и труда — все бросилось въ частныя предпріятія: на желѣзныя дороги и въ банки, на каменноугольныя копи и пріиски, на заводы, элеваторы и проч. Такимъ образомъ эмиграція офицеровъ началась и шла усиленно. Приливъ новыхъ силъ не могъ восполнить убыли. Въ войскахъ образовался значительный некомплектъ офицеровъ.

Въ виду подобнаго положенія дѣла Военное Министерство не могло не озаботиться изысканіемъ средствъ къ образованію корпуса офицеровъ, исполнѣ соответствующихъ своему назначенію. Съ этой цѣлю имъ обращено было особенное вниманіе на усиленіе средствъ комплектованія, и для того военно-учебныя заведенія были преобразованы; во всѣхъ почти военныхъ округахъ учреждены юнкерскія училища, разрѣшенъ пріемъ въ войска полноопредѣляющихся сверхъ комплекта, нижніе чины общаго срока допущены къ производству въ офицеры за сокращенный срокъ службы. Не менѣе того Министерство старалось, по возможности, изыскать средства и къ увеличенію содержанія офицеровъ. Оно увеличило оклады ихъ жалованья, удвоило квартирные деньги, за время передвиженій войскъ и нахожденія ихъ въ дѣтскихъ сборахъ назначило порціонныя деньги, затѣмъ опредѣлило добавочныя оклады содержанія офицерамъ войскъ гвардіи и пособія армейскимъ офицерамъ, наконецъ назначило и, по мѣрѣ возможности, увеличивало до опредѣленной нормы оклады столовыхъ денегъ должностнымъ офицерамъ, ротнымъ, эскадроннымъ и другимъ командирамъ. По мѣры эти, при всемъ ихъ существенномъ значеніи, не могли дать желаннаго результата — привести въ комплектъ числительный составъ корпуса офицеровъ.

Между тѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе о распространеніи военной повинности на все вообще сословія Имперіи, и вопросъ о составѣ корпуса офицеровъ и его служебномъ, гражданскомъ и экономическомъ положеніи получаетъ особенную важность, такъ какъ участіе въ военной службѣ становится для всѣхъ обязательнымъ. Безъ сомнѣнія, комплектованіе корпуса офицеровъ было обезпечено вполне, такъ какъ съ привлеченіемъ къ отбыванію военной повинности всѣхъ сословій стало поступать въ военную службу ежегодно отъ 5 до 6 т. молодыхъ людей, изъ наиболѣе образованныхъ сословій. Но численность, какъ извѣстно, не вознаграждаетъ качества. А что бы имѣть право говорить о качественности,

необходимо изыскать мѣры для удержанія на службѣ тѣхъ элементовъ, которыми зиждется сила и достоинство арміи. Нужно не только остановить переходъ офицеровъ изъ военной службы, по окончаніи обязательнаго срока, въ другія вѣдомства, или къ частнымъ занятіямъ, но привязать ихъ, сроднить, такъ сказать, съ войсками, чтобы они видѣли въ службѣ мать, а не мачиху, чтобы не думали только о томъ, какъ бы пристроиться куда нибудь, гдѣ матеріальныя средства дадутъ возможность существовать, по крайней мѣрѣ, безбѣдно. На мѣстѣ обрастаешь и каменъ, гласитъ пословица. Слѣдовательно, человѣкъ, посвящающій себя исключительно какому нибудь занятію, не можетъ не принести ему пользы. Для арміи, гдѣ кромѣ теоретическихъ занятій необходимо еще уметь приводить въ движеніе живыя силы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ, напр., битва, гибель, разрушеніе, — это становится аксіомой: солдаты идутъ въ бой съ энтузіазмомъ только тогда, когда ихъ ведетъ человѣкъ, котораго они знаютъ и въ которомъ они увѣрены, что онъ служитъ дѣлу вѣрой и правдой. А чѣмъ можетъ быть это достигнуто? Темъ, если офицеръ будетъ прикрѣпленъ къ мѣсту служенія не одними только интересами служебными, но и личными. Главнѣйшей причиной эмиграціи офицеровъ, ея сподвижниковъ, пособниковъ и динателемъ, по нашему мнѣнію, служатъ тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ поставленъ быть нашего офицера.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ условій, нельзя не замѣтить, что они одинаково сѣнительны для всего корпуса офицеровъ, хотя офицеры гвардейскихъ частей и находятся сравнительно въ лучшемъ положеніи, нежели офицеры армейскихъ и резервныхъ войскъ. Но я не вижу въ виду людей которые по рожденію или положенію въ свѣтѣ, нѣбютъ возможность выдѣлиться изъ ряда простыхъ смертныхъ, я хочу коснуться массы, т. е. лицъ, которыхъ всей своей тяжестью давитъ экономическая сторона быта ихъ.

Содержаніе нашему офицеру отпускается отъ казны двухъ родовъ: постоянное и временное. Къ первой категоріи принадлежатъ: квартира въ натурѣ, дрова и свѣчи, или квартирный деньги, казенная прислуга, жалованье, столовыя деньги и добавочное содержаніе ¹⁾; ко второй категоріи должны быть отнесены:

¹⁾ Офицерамъ кавалеріи и артиллеріи и должностнымъ въ пѣхотѣ отпускаются кромѣ того фуражные деньги.

деньги на обмундированіе при произведѣніи въ первый чинъ, а въ артиллеріи кромѣ того и на покупку лошади и сбруи, порціонныя деньги за время передвиженія войскъ и нахожденіе въ лѣтнихъ сборахъ, за государственныя работы, содержаніе карауловъ и препровожденіе пенитентныхъ командъ, а при переводахъ и командировкахъ — прогонныя деньги. Сверхъ того въ военное время офицеры получаютъ еще пособія на подъемъ, порціоны и рационы.

Отпусковъ кажется не мало, но въ сущности очень немного. Наиболѣе существенными оказываются, конечно, отпуска постоянные, такъ какъ они присвоиваются офицерамъ или лично или по занимаемымъ ими должностямъ. Временные же отпуска производятся: или за исполненіе служебныхъ обязанностей особаго рода, или вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ и т. п. Отпуска последней категоріи зависятъ отъ извѣстныхъ условій, положеній и труда и потому, какъ ресурсы случайныя, имѣющіе каждый свое специальное назначеніе, не могутъ быть принимаемы во вниманіе при опредѣленіи матеріальныхъ средствъ массы офицеровъ, тѣмъ болѣе, что этими ресурсами могутъ пользоваться немногія лица.

Размѣры отпусковъ довольствій первой категоріи опредѣляются слѣдующими цифрами.

Квартиры въ казармахъ или другихъ казенныхъ зданіяхъ отпущаются:

	Покойн ¹⁾ для лица.	Покойн ¹⁾ для прислуги.	Конюшни для лошадей.	Сарам.
Полковнику (пол- ковому командиру) . 5	2		5	1
Штабъ-офицеру . 3	1		4	1 (на 2-хъ).
Оберъ-офицеру . 1 съ перег.	1 на двухъ.		2	1 (на 4-хъ).

Отопленіе отпускается по числу печей, по 2 арш. однополѣнныхъ дровъ въ мѣсяцъ на каждую, а именно: въ зимніе мѣсяцы штабъ-офицеру на 2, оберъ-офицеру на 1, и круглый годъ первому на 1 людскую, а оберъ-офицерамъ 2 на одну. Свѣчи отпускаются: штабъ-офицеру по 4, а оберъ-офицеру по 2 въ день (изъ на фунтъ).

¹⁾ Каждый покой отъ 2 до 4 саж. въ длину и ширину.

Постой въ обывательскихъ домахъ опредѣляется слѣдующимъ числомъ покоевъ:

Женатымъ. Холостымъ. Прислугѣ.

Штабъ-офицеру. . .	3	2	1
Оберъ офицеру . .	2	1	помѣщ. съ хозяйскою.

Офицерскіе экипажи и лошади помѣщаются вмѣстѣ съ хозяйскими.

Постой въ селеніяхъ производится соответственно мѣстной возможности, безъ стѣсненія жителей.

Квартирный деньгъ отпускается въ тѣхъ городахъ, гдѣ постой замѣняется денежною повинностью.

Прислуга назначается офицерамъ въ натурѣ:

Штабъ-офицеру по 2, а оберъ-офицеру по 1 человѣку. Кромѣ того женатымъ офицерамъ, въ случаѣ выступленія въ походъ, назначается для семействъ по 1 человѣку.

Жалованье производится по чинамъ. Оклады жалованья опредѣлены за установленными вычетами.

	Въ частяхъ гвардіи.	Въ спеціаль- ныхъ родахъ оружія.	Въ армейскихъ и резервныхъ войскахъ.
Полковнику	687 р.	687 р.	687 р.
Подполковнику. . .	— „	531 „	531 „
Капитану	531 „	441 „	366 „
Штабсъ-капитану . .	441 „	366 „	339 „
Поручику.	366 „	339 „	312 „
Подпоручику. . . .	339 „	312 „	294 „
Прпоручику (запаса).	312 „	294 „	276 „

Оклады же въ военное время, а также и въ мирное на Кавказѣ, въ Туркестанѣ и другихъ отдаленныхъ краяхъ, производится въ полуторномъ размѣрѣ, что и называется усиленнымъ окладомъ ¹⁾.

Столовые деньгъ назначаются офицерамъ, командующимъ ча-

¹⁾ Офицерамъ войскъ гвардіи, состоящимъ при полкахъ на лицо, производится добавочный окладъ въ размѣрѣ полугодоваго жалованья.

стали, или состоящимъ въ должностяхъ въ нижеслѣдующемъ раз-
мѣрѣ:

	Въ полевыхъ войскахъ гвардіи и арміи:	Въ резервныхъ и запасныхъ частяхъ:
Командирамъ полковъ пѣхотныхъ и гвардейскихъ	1,824 р.	1,824 р.
Командирамъ отдѣльныхъ стрѣл- ковыхъ, линейныхъ, саперныхъ, же- лѣзнодорожныхъ и понтонныхъ бата- ліоновъ и артиллерійскихъ батарей .	1,095 „	1,095 „
Помощникамъ полковыхъ коман- дировъ, командирамъ неотдѣльныхъ баталіоновъ и дивизіоновъ и заведѣ- вающимъ хозяйствомъ въ полкахъ .	729 „	729 „
Младшимъ штабъ-офицерамъ въ полкахъ и баталіонахъ и заведѣю- щимъ хозяйствомъ въ отдѣльныхъ баталіонахъ и батареяхъ	546 „	546 „ *)
Командирамъ ротъ въ полкахъ и баталіонахъ, эскадроннымъ команди- рамъ и старшимъ офицерамъ въ ба- теряхъ	366 „	366 „
Адъютантамъ, казначеямъ, заве- дывающимъ оружіемъ, лазаретомъ, учебной командой, инструкторамъ, верховой ѣзды и фабричнопроизведе- лымъ судамъ	276 „	276 „
Офицерамъ, обучающимъ въ бата- ліонныхъ саперныхъ и гальваниче- скихъ школахъ	240 „	— „

Добавочное содержаніе къ столовымъ производится: командирамъ
всѣхъ полковъ по 1,200 р., командирамъ саперныхъ, желѣзнодоро-

*) Въ кадровыхъ резервныхъ и запасныхъ батал. заведѣвающиміе
хозяйствомъ получаютъ по 800 р. въ годъ.

рожныхъ и поштонныхъ баталіоновъ по 900 р., стрѣлковыхъ, линейныхъ, резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ по 600 р., командирамъ артиллерійскихъ батарей по 300 р., и въ видѣ порціоновъ, въ сѣмъ младшимъ офицерамъ, получающимъ столовыхъ денегъ, по 183 р. въ годъ.

Фуражные деньги отпускаются офицерамъ, имѣющимъ верховыхъ лошадей, каждому на 1 верховую лошадь, по установленнымъ цѣнамъ на фуражъ, полагая на лошадь въ гвардейской кавалеріи и конной артиллеріи овса по 4, а въ прочихъ войскахъ по 3 гарнца и сѣна по 10 ф. въ сутки.

Единоновременныя пособия на обмундированіе, при производствѣ въ первый чинъ, выдаются: портуней-юнкерамъ армейскихъ войскъ (кроме кавалеріи)—по 150 р., юнкерамъ военныхъ училищъ—по 225 р., а производимымъ и переводимымъ въ артиллерію отпускается, сверхъ того, на покупку лошадей и сѣделъ по 200 р.

Порціонныя деньги: за время лагерныхъ сборовъ и передвиженій войскъ (за исключеніемъ командировъ отдѣльныхъ частей) и за содержаніе карауловъ (за исключеніемъ лицъ, получающихъ столовыя деньги) производится: штабъ-офицерамъ—по 60 к., а оберъ-офицерамъ—по 30 к., за государственныя работы (за исключеніемъ лицъ, получающихъ столовыя деньги) въ половинномъ размѣрѣ, и за сопровожденіе командъ отпускаемыхъ: штабъ-офицерамъ—по 1 р., а оберъ-офицерамъ—по 50 к. въ сутки.

Промежныя деньги выдаются при переводахъ, командировкахъ и другихъ случаяхъ на весь путь перѣзда, по числу перестъ и лошадей, на основаніи особо установленныхъ по каждому случаю правилъ.

Бытъ русскаго офицера обусловливается его служебнымъ и матеріальнымъ положеніемъ, и, соотвѣтственно этимъ условіямъ, можетъ быть подраздѣленъ на четыре категоріи. Молодые офицеры, т. е. офицеры первыхъ трехъ чиновъ, какъ несмѣняющіе, за весьма рѣдкими исключеніями, въ командованіи частей и не получающіе, поэтому, столовыхъ денегъ, составляютъ первую категорію. Штабъ-капитаны и капитаны, командующіе ротами и назначаемые адъютантами, квартирмейстерами и казначеями, могутъ быть причислены ко второй категоріи. Штабъ-офицеры, состоящіе въ полкахъ баталіонными командирами, помощниками полковыхъ командировъ и заступающими хозяйственной частью образуютъ третью категорію, а командующіе отдѣльными частями—четвертую. Не касаясь квар-

Вышеприведенныя цифры, какъ нельзя болѣе наглядно, свидѣтельствуютъ, что содержаніе нашего офицера вообще самое ограниченное, и что только 10% изъ общаго штатнаго состава корпуса офицеровъ, т.-е. лица, дослужившіяся до штабъ-офицерскаго чина, получаютъ обезпечивающее ихъ содержаніе. Изъ числа же остальнаго офицерскаго состава—26,5% въ пѣхотѣ и 36,3% въ кавалеріи, т.-е., оберъ-офицеры старшихъ чиновъ, при экономномъ образѣ жизни могутъ еще кое-какъ существовать на определенное имъ отъ казны содержаніе, но 65,5% въ пѣхотѣ и 55% въ кавалеріи — именно офицеры первыхъ трехъ чиновъ — элементъ самый молодой, горячо сочувствующій каждому проявленію общественной жизни, долженъ влечить жалкое существованіе.

Здѣсь, конечно, нѣтъ рѣчи о войскахъ гвардіи, гдѣ служатъ представители знати и вообще богатыхъ родовъ, для которыхъ казенное содержаніе, будь оно еще меньше, или удвоено и утроено, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ они живутъ собственными средствами, и я знаю такихъ баръ, которые свое казенное жалованье отдаютъ въ награду за личныя услуги своимъ денщикамъ и вѣстовымъ, или же жертвовали на нужды роты и эскадроновъ. Но офицеры гвардіи по отношенію общаго штатнаго состава нашего корпуса офицеровъ только 3%, и въ средѣ ихъ въ настоящее время есть также люди съ самыми ограниченными средствами, для которыхъ, по ихъ семейному и социальному положенію, недостаточность казеннаго содержанія еще болѣе ощутительна, чѣмъ для привыкшаго къ нуждѣ армейца.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ самой арміи и ея резервахъ, зампинившихъ прежніе гарнизоны и внутреннюю стражу, какъ и въ еpecialныхъ войскахъ, состоятъ на службѣ люди богатые, но вопросъ: сколько ихъ? и можно ли по нимъ сдѣлать какое-либо заключеніе въ пользу или противъ недостаточности казеннаго содержанія? Это исключенія изъ общаго правила, и существованіе ихъ, при разсмотрѣніи основныхъ положеній и сути возбужденнаго вопроса, могло бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы численность ихъ была значительна. Но дѣло въ томъ, что теперь въ арміи служить общинный дворянинъ или бѣднякъ-интеллигентъ-разночинецъ, его затаптываетъ на службу общая воинская повинность и онъ, падѣвъ эпохеты, пробивается нѣсколько лѣтъ впроголодь, чтобы дослужиться до старшаго чина и сопряженнаго съ нимъ вышенаго оклада, или же

высмотреть мѣстечко, гдѣ можно бы пристроиться на мало-мальски сносное содержаніе и эмигрировать изъ арміи...

Говоря: эмигрировать, я не беру этого слова въ абсолютномъ его значеніи, т.-е. въ смыслъ оставленія службы совершенно, хотя и это, подъ видомъ перехода «въ запасъ», не рѣдко молодежью практикуется, такъ какъ самъ законъ покровительствуетъ подобнымъ стремленіямъ, сохранивъ для «бѣгунцовъ службы» попенду отягченный, пресловутый чинъ «сираниорщика запаса». И разумно пріисканіе мѣсть въ военной или гражданской службѣ, гдѣ оклады содержанія, какъ бы парочко, съ цѣлью лишенія арміи лучшихъ элементовъ, опредѣлены значительно выше, не говоря уже о возможности получить помянутое или орденъ гораздо скорѣе, нежели въ строю, гдѣ, за исключеніемъ военного времени, выдвинутые изъ массы сослуживцевъ могутъ только лица, особенно начальствомъ отличавшіяся. Таковыми мѣстами считаются: должности адъютантовъ и чиновниковъ для порученій, штатныя канцелярскія должности въ главныхъ и военно-окружныхъ управленіяхъ, а также въ интендантскихъ и другихъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ военного вѣдомства, пограничная стража, комендантство на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, смотрительство за дворцовыми имуществами и театрами, штатъ петербургской и московской полиціи и др. Все, что имѣетъ протекцію, случай, знакомства, свѣтскій доскъ, представляетъ наружность или изысканныя манеры, считаетъ себя предназначеннымъ къ болѣе повышеннымъ задачамъ, чѣмъ служба въ строю, исполнять служебныя обязанности — какъ бы только день прошел и хлопотать объ одномъ: какъ бы уйти куда-нибудь на болѣе видное, на болѣе покойное и веселое, на болѣе выгодное или обезпеченное мѣсто! Каждый, совладавшій съ курсомъ военного училища, старается уйти въ одну изъ четырехъ военныхъ академій, (которые, къ слову сказать, въ видахъ придавіи болѣею солидности военному образованію и экономіи въ расходахъ, слѣдовало бы слить въ одну, именно военную академию съ четырьмя факультетами: тактическимъ и стратегическимъ, артиллерійскимъ, инженернымъ и юридическимъ) въ одну изъ учебныхъ школъ, или въ одно изъ техническихъ учреждений, съ тѣмъ, чтобы по время нахождения при оныхъ, не неся тяготъ военной службы, подниматься въ чинахъ, такъ какъ они, числясь въ спискахъ своихъ частей, производятся въ нихъ по сравненію съ сверстниками, и конча или кончѣ академическаго или учебнаго курса, занять въ войскахъ высшее, про-

тиву товарищей, положение ¹⁾). Подобная эмиграция лучших сил из строя не остается безальтернативной для войск. Во фронты остаются люди с ограниченными средствами, слабые, житейские представители или необладающие известным развитием, остается захудалый барич, бедняк, разночинец-интеллигент или человек, которому все равно где бы и чем бы он служил, лишь бы быть при деле. И эти люди должны быть воспитателями и руководителями солдат. На них обязанности лежат подготовить зачинщика отчины к бою, подумывать его и вести в дело, побдить или пасть с ним вместе на поле сражения. Нет сомнений, что истинно любящий отечество офицер все это и исполнит по мѣрѣ способностей, силъ и разумия. На этомъ и зиждется гарантія необходимости нашей арміи. Но такъ ли это, т.-е. исполнѣ ли основательно съ точки зрѣнія организаціи наиболее патетичной массы войскъ для войны съ противникомъ, болѣе серьезнымъ, чѣмъ турки или бухарцы?

Въ настоящее время наши ученые тактики и стратеги заняты размышленіемъ громаднѣйшей важности вопросовъ о подготовленіи войсковыхъ массъ, снабженіи ихъ всѣми усовершенствованными боевыми средствами, быстрымъ сосредоточеніемъ массъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и предначертаніи возможности при встрѣчѣ съ врагомъ быть сильнѣй его въ данномъ пунктѣ. Противъ этого возразить, конечно, нечего: все это записано назъ покойныхъ Мольтке и мы не будемъ несколько удивляться тому, что задачи современныхъ войскъ арміи сводятся къ тому, чтобы врагъ не ухитрился сдѣлаться сильнѣе насъ. Иначе поступать и нельзя. Организациа кадровъ и запасовъ, мобилизациа, снабженіе войскъ всѣмъ нужнымъ, сосредоточеніе массъ, направленіе и управленіе ими—все это такіе вопросы, надъ которыми нужно посидѣть и подумать, чтобы вос-

¹⁾ Указывая на подобное стремленіе къ полученію высшаго образованія, я не осуждаю его, и только констатирую фактъ, такъ какъ они въ отношеніи внутреннего быта войскъ и служебныхъ отношеній имѣютъ не малое значеніе. Не всѣ собирающіеся въ академіи офицеры попадаютъ въ оныя. Предварительно отпращенія въ С.-Петербургъ, они держатъ при штабахъ экзамены. Чтобы подготовиться къ экзамену, они, обыкновенно, освобождаются отъ несенія служебныхъ обязанностей, кромѣ, конечно, смотровъ и парадовъ. Службу за нихъ несутъ товарищи, а въ концѣ концовъ приходится, что изъ 5 приготавливающихся офицеровъ только одинъ или два признаются на экзаменѣ достаточно подготовленными.

использовать скопленную годами массой вооруженного люда, въ службу надобности, и достигнуть желанныхъ результатовъ.

О качествѣ массы вопроса, конечно, не возбуждается. Оно, безъ сомнѣнія, будетъ вполне удовлетворительно, даже болѣе чѣмъ удовлетворительно потому, что русскій народъ остался русскимъ народомъ.

Оно, дѣйствительно, такъ и есть, иначе, кажется, и быть не можетъ... Хотя благоразуміе напоминаетъ намъ обратить болѣе вниманіе на качество массы, такъ ли оно хорошо и нынѣ, какъ было во время оно...

Пруссакъ хвалились, что побѣду въ австро-прусскую и франко-прусскую войны одержалъ надъ врагомъ никто иной, какъ школьный учитель...

А у насъ во всѣ войны побѣды выигрывалъ и нынѣ съ Божіей помощью постоитъ еще за матушку Русь учитель солдата — офицеръ, этотъ самоотверженный и безкорыстный труженикъ, подвижникъ и слуга своей родины, составляющій душу того кружка солдатъ, который ему вѣренъ.

За своимъ отцомъ-учителемъ нашъ солдатъ шелъ въ огонь и воду и дѣлалъ невозможное...

Нужно ли говорить, какъ отражается на внутреннемъ строе роть уходъ лучшихъ учителей-офицеровъ. Нѣтъ ни одного командира чести, желающаго ся преусиленія, который не былъ бы противъ подобныхъ уходовъ, нѣтъ ни одного сослуживца-товарища, не говори уже о солдатахъ, который не сожалѣлъ бы объ этомъ.

Но что дѣлать, когда жизнь гнетъ людей по своему! Не безъ сожалѣнія и офицеры оставляютъ полковую семью, семью товарищей и сослуживцевъ, бывающую нерѣдко дорожее семьи родной. Но что дѣлать, повторяю, если матеріальное положеніе его невыносимо...

Я не говорю, конечно, о людяхъ, ищущихъ перемѣны въ служебномъ положеніи ради достиженія личныхъ цѣлей, нецѣлостности характера, каприза или увлеченій, я не говорю о людяхъ жаждущихъ перемѣны съ нѣлюю испытать новое невѣдомое положеніе ради самой новизны положенія и сопряженныхъ съ тѣмъ новыхъ ощущеній — это доступно только людямъ состоятельнымъ, которыхъ вообще въ арміи немного и, слѣдовательно, подобные индивидуумы составляютъ исключенія. Я говорю о большинствѣ офицеровъ, уходящихъ изъ строя нецѣлостности жизни. Вѣдь, чтобы нѣтъ право получать обезпечивающее безбѣдность содержаніе

3 категоріи, нужно прослужить по крайней мѣрѣ: въ гвардіи — 10—12, въ арміи — 12—15 лѣтъ, и 4 категоріи: въ гвардіи — 12—15, въ арміи 15—20 и болѣе лѣтъ. А у всякаго ли хватить на то силъ и терпѣнія?

Самыя тяжелыя испытанія приходятся на долю офицера въ первые годы службы, когда молодость предъявляетъ свои права, а жизнь не даетъ средствъ. Конечно, здѣсь опять не идетъ рѣчи о людяхъ, имѣющихъ какую либо возможность имѣть посторонніе ресурсы, продѣлывать съ собственныя имѣнія или помощи отъ родителей и родственниковъ. Богатые люди, повторю, въ казенномъ содержаніи не нуждаются. Но много ли богатыхъ людей служить у насъ въ арміи и резервахъ? Что же касается пособій отъ родителей и родственниковъ, то это хотя и необходимая жертва со стороны послѣднихъ, сознающихъ необходимость поддержать молодаго человѣка на первыхъ шагахъ его самостоятельной дѣятельности, но всежъ ли родителямъ и родственникамъ это по силамъ, и не составляетъ ли это для нихъ уже обремененія, такъ какъ воспитанъ и вынуждены сына или родственника на службу, обязанности ихъ копчатся и все, что они должны давать служащему юношѣ, идетъ въ ущербъ другимъ дѣтямъ или ихъ собственнаго благосостоянія. Во всякомъ случаѣ, должно ли государство допускать подобную аномалію? Всякій хозяинъ, заботящійся о благосостояніи своего хозяйства, интересуется матеріальнымъ положеніемъ своего работника, заботится, чтобы онъ былъ сытъ, обутъ, одѣтъ и платилъ подати, и даетъ ему столько жалованія или поденной платы, чтобы всѣ эти нужды были покрыты, иначе онъ будетъ воровать у него, или у его сосѣдей, или же уйдетъ отъ него. Государство, мнѣ кажется, тоже должно возникнуть въ потребности отдающаго ему жизнь военнослужащаго и обезпечить ихъ. Или же, — отъ чего, впрочемъ, Господь Богъ да сохранитъ насъ! — современемъ придется заплатить за это миллиардами...

Фатальное заявленіе генерала Лебефа въ палатѣ депутатовъ, что «армія готова», стоило Франціи слиткомъ дорого...

Въ виду могущихъ случиться событій, необходимо озаботиться подготовкою готовности нашей арміи къ бою заблаговременно и принять мѣры къ исправленію и удаленію всего того, что можетъ, хотя бы косвеннымъ образомъ, вліять на ея ослабленіе.

Числительная сила нашей арміи съ ея резервами и запасами громадна, но соотвѣтственна ли этой громадности ея нравственная сила?

Устройство нашихъ боевыхъ силъ принято и ведется донынѣ по западнымъ образцамъ. Первый воинскій уставъ, изданный, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, въ Москвѣ, въ 1647 году, подъ названіемъ «Ученіе и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей» былъ переподомъ устава императора Карла У. Засимъ «Воинскій уставъ», положенный въ основаніе нашихъ военныхъ силъ Петромъ Великимъ, составленъ въ 1698 году служившимъ у насъ нѣмцемъ Адамомъ Адамовичемъ Вейде. Онъ называлъ наши дружины: пѣхотеріей, кавалеріей, артиллеріей и фуриштадтомъ. Онъ насадилъ у насъ: мушкетеръ, гренадеръ, пикинеръ, фузилеръ и драгунъ, далъ намъ бригады, батальоны и эскадроны, окрестилъ начальныхъ людей: генераль-фельдмаршалами, генераль-адъютантами, генераль-фельдцейхмейстерами, генераль-комиссарами, генераль-инженерами, генераль-аудиторами, генераль-квартирмейстерами, майорами, капитанами и фендриками, а нижнихъ чиновъ: фельдфебелями, вахмистрами, канцелярскими, унтеръ-офицерами, фейерверкерами, ефрейторами, бомбардирами, канонирами и гойтландерами. Съ его легкой руки занесли у насъ: лагеря, диспозиціи, эскерціи и церемоніи, пошли въ ходъ: лазареты, госпитали, ординарны-гаузы, эскериргаузы и гаутвахты. На людяхъ появились: мушкеты, патроны, сабли, мундиры, панталоны, галстухи и амуниція. Благодаря Миниху и другимъ нѣмцамъ и оцѣмъчинимъ русскимъ вождамъ, наброшенная на русскую жизнь, на русскій духъ и силу «бусурманская спадча» намъ понравилась, всѣ эти несвойственныя и чуждыя намъ иностранныя мѣтки и клочки у насъ привились, укрѣпились, пустили корни и благотворствуютъ донынѣ. Легкости пересаживанія на нашу почву всякихъ иностранныхъ новшествъ прилась по вкусу нашимъ дѣтелямъ, и годъ отъ года прогрессировала у насъ съ изумительною быстротою. Мы принимали на вѣру такія реформы и мѣры, которыя шли положительно въ разрѣзъ съ требованіями русской жизни и принимали ихъ благодаря тому, что усматривали введеніе ихъ за границею. Чтобы особенно не распространяться на эту тему, приведу для примѣра нѣсколько такихъ нововведеній по военному искусству, которыя были приняты и отягчены на нашихъ глазахъ. До Крымской войны составъ нашихъ войскъ определялся: корпусами, дивизіями, бригадами и полками: въ пѣхотѣ — 4-хъ батальонными, а въ кавалеріи — 8-ми, 10-ти и 12-ти эскадронными. Отнеся Севастопольскій погромъ не къ бездарности вождей и ихъ ошибкамъ, а къ неудовлетворительной организаціи войскъ, занялись пере-

устройством их состава и управления ими. Наше вниманіе привлекла французская территориальная система устройства войск—и мы цѣлкомъ пересадили ее на русскую почву. Мы упразднили главный штабъ арміи и отдѣльные корпуса, уничтожили бригады, пѣхотные полки переформировали въ 3-хъ батальонные, а кавалерійскіе—въ 4-хъ эскадронные. Странно было видѣть учрежденіе такихъ округовъ, какъ, напр., Оренбургскій, гдѣ всѣхъ войскъ было только 2 губ. батальона и нѣсколько мѣстныхъ командъ, содержаніе управленій которыхъ чуть не превышало стоимость содержанія подчиненныхъ имъ войскъ. Но духъ подражанія оказался настолько силенъ, что на это не обращалось вниманія. Намъ нужно было, хотя по наружности, походить на побѣдителей, и мы усвоились ихъ форму: солдату дашь французское кепи, берданку и патронташъ, офицерамъ—гремучую, полочающуюся по землѣ саблю въ металлическихъ ножнахъ, а генераловъ одѣли въ красные штаны и дали имъ пѣтушиный перъ на каски. Но грянули одинъ вслѣдъ за другимъ грома австро-прусской и франко-прусской войнъ, и мы робко стали оглядываться и осматриваться; престижъ французскаго генія упалъ и мы неподомовъ стали усвоивать прусскіе порядки. Огнѣвые корпуса и бригады были учреждены снова, полки пѣхотные получили прежнюю четырехъ-батальонную организацію, а кавалерійскіе усилили только до 6 эскадроновъ. (Современнѣе, можетъ быть, думаемся и до возстановленія прежней 8 эскадронной организаціи). Военно-окружныя управленія кое гдѣ похерили и французскую форму обмундированія сняли. Въ настоящее время, русскій солдатъ получилъ русскую одежду, и не похожъ по наружности ни на француза, ни на нѣмца, хотя продолжаетъ составлять: пѣхоту, кавалерію и артиллерію, и называться: фельдфебель, вахмистръ, кауценармустъ, унтеръ-офицеръ, фейерверкеръ, бомбардиръ, фельдшеръ, и сохранять другія иностранныя клички, какъ будто въ русскомъ языкѣ нѣтъ имъ однозначущихъ или соответственныхъ названій. Будемъ, однако, надѣяться, что современнѣе и на это обратятъ, гдѣ слѣдуетъ, вниманіе: не вѣчно же русскому человѣку ломать обезьяну...

Все это я выказывалъ потому, что и нынѣ, смотря на нѣкоторые принимаемыя къ улучшенію организаціи нашихъ военныхъ силъ мѣры, приходитъ иногда въ голову мысль, что мы еще не совсѣмъ порвали съ укоренившимся у насъ со временъ пресловутаго Адама Адамовича Вейде системой пересаживанія на нашу почву инозем-

выхъ порядкомъ. Можетъ быть, въ отношеніи учета силы противъ силы, изысканія средствъ противъ средствъ и изученія шахматныхъ ходовъ въ смыслѣ распредѣленія, движенія, направленія и руководительства ими, иначе быть и не должно, такъ какъ свѣтъ, гонорять, идти къ намъ съ запада. Но мнѣ кажется, что нѣмцы снѣмъ высшимъ соображеніямъ не противорѣчило бы, если бы, имѣя съ тѣмъ, было обращено также вниманіе и на то обстоятельство, что успѣхъ дѣла обезпечиваетъ не одно только число, расположеніе и движеніе силъ, но и качество ихъ. Последнее една ли не вящее.

А у насъ о качествѣ силы и вопроса никогда не возбуждается, какъ будто для поднятія его до надлежащей высоты всѣ мѣры уже приняты. Но такъ ли это?

Пріятно думать, что это такъ. Но было бы еще пріятнѣе, если бы убѣжденіе подтвердило сдѣланное предположеніе. Во всякомъ случаѣ, благоразуміе требуетъ проверки и принятія всѣхъ мѣръ, какія нужны для полученія подобнаго убѣжденія.

Хорошія качества всегда были присущи русской арміи. Полтава, Ларса и Кагулъ, Рымникъ, Сентъ-Готардь, Бородино, Севастополь, Дарго, Ахулы и Гунинъ могутъ служить тому доказательствомъ. Но тогда арміей руководили только два принципа: первый, что солдатъ есть нѣмъ общее и знаменитое, который называется первымъ генералъ и послѣдній рядовой, и второй, что подъ знаменемъ солдатъ долженъ служить и умереть. Офицеры и нижніе чины составляли одну семью, при многолѣтнемъ соимѣстномъ служеніи они знали другъ друга, сроднялись, въ бою стояли стѣной, шли на прата, не считая его, и дѣлали невозможное. Корпусъ офицеровъ вырабатывался въ трудахъ и лишенияхъ службы. Суворовы, Милорадовичи, Кулишвы, Фигнеры, Баклановы, Ендокимовы, Слѣпцовы и Скобелевы воспитались, жили и свершили великіе подвиги, отдавшись всецѣло военному дѣлу. Они не искали хлѣба на сторонѣ и оставались вѣрными до смерти разъ избранному роду службы.

Не то мы имѣемъ теперь. Шатаніе мысли и погоня за карьерой или кускомъ хлѣба прокрадываются и въ среду военного сословія. Офицеры, въ особенности молодые, эмигрируютъ, не стѣбяясь признаніемъ. Чтобы не показаться голословнымъ, приведу факты. Передъ нами «Общій обзоръ состава и дѣятельности всѣхъ частей военного министерства за 1885 годъ», напечатанный въ «Военномъ Сборникѣ» 1887 года, № 5. Свѣдѣніе официальное, послѣднее, такъ какъ таковыхъ обзоромъ за послѣдующіе годы почему-то по не-

стями, или состоящимъ въ должностяхъ въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ:

	Въ полевыхъ войскахъ и гвардіи пѣхоты:	Въ резервныхъ и запасныхъ частяхъ:
Командирамъ полковъ пѣхотныхъ и гвардейскихъ	1,824 р.	1,824 р.
Командирамъ отдѣльныхъ стрѣльцовыхъ, линейныхъ, саперныхъ, железнодорожныхъ и понтонныхъ баталіоновъ и артиллерійскихъ батарей	1,095 „	1,095 „
Помощникамъ полковыхъ командировъ, командирамъ неотдѣльныхъ баталіоновъ и дивизионовъ и заведывающимъ хозяйствомъ въ полкахъ	729 „	729 „
Младшимъ штабъ-офицерамъ въ полкахъ и баталіонахъ и заведующимъ хозяйствомъ въ отдѣльныхъ баталіонахъ и батареяхъ	546 „	546 „ ²⁾
Командирамъ ротъ въ полкахъ и баталіонахъ, эскадроннымъ командирамъ и старшимъ офицерамъ въ батареяхъ	366 „	366 „
Адъютантамъ, казначеямъ, заведывающимъ оружіемъ, лазаретомъ, учебной командой, инструкторамъ, верховой ѣзды и дѣлопроизводителямъ судовъ	276 „	276 „
Офицерамъ, обучающимъ въ баталіонныхъ саперныхъ и гальваническихъ школахъ	240 „	— „

Добавочное содержаніе къ столовымъ производится: командирамъ всѣхъ полковъ по 1,200 р., командирамъ саперныхъ, железнодоро-

²⁾ Въ кадровыхъ резервныхъ и запасныхъ батал. заведывающіе хозяйствомъ получаютъ по 800 р. въ годъ.

рожныхъ и поитонныхъ баталіоновъ по 900 р., стрѣлковыхъ, линейныхъ, резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ по 600 р., командирамъ артиллерійскихъ батарей по 300 р., и въ видѣ порціоновъ, всѣмъ младшимъ офицерамъ, получающимъ столовыхъ денегъ, по 183 р. въ годъ.

Фуражные деньги отпускаются офицерамъ, имѣющимъ верховыхъ лошадей, каждому на 1 верховую лошадь, по установленнымъ цѣнамъ на фуражъ, полагая на лошадь въ гвардейской кавалеріи и конной артиллеріи овса по 4, а въ прочихъ войскахъ по 3 гарнца и сѣна по 10 ф. въ сутки.

Единовременныя пособія на обмундированіе, при производствѣ въ первый чинъ, выдаются: портуней-юнкерамъ армейскихъ войскъ (кроме кавалеріи)—по 150 р., юнкерамъ военныхъ училищъ—по 225 р., а производимымъ и переводимымъ въ артиллерію отпускается, сверхъ того, на покупку лошадей и сѣделъ по 200 р.

Порціонныя деньги: за время лагерныхъ сборовъ и передвиженій войскъ (за исключеніемъ командировъ отдѣльныхъ частей) и за содержаніе карауловъ (за исключеніемъ лицъ, получающихъ столовыя деньги) производится: штабъ-офицерамъ—по 60 к., а оберъ-офицерамъ—по 30 к., за государственныя работы (за исключеніемъ лицъ, получающихъ столовыя деньги) въ полонинномъ размѣрѣ, и за сопровожденіе командъ отпусковыхъ: штабъ-офицерамъ—по 1 р., а оберъ-офицерамъ—по 50 к. въ сутки.

Прочныя деньги выдаются при переводахъ, командировкахъ и другихъ случаяхъ на весь путь перѣзда, по числу перетѣ и лошадей, на основаніи особо установленныхъ по каждому случаю правилъ.

Бытъ русскаго офицера обусловливается его служебнымъ и матеріальнымъ положеніемъ, и, соответственно этимъ условіямъ, можетъ быть подраздѣленъ на четыре категоріи. Молодые офицеры, т. е. офицеры первыхъ трехъ чиновъ, какъ нѣмѣющие, за весьма рѣдкими исключеніями, въ командованіи частей и не получающіе, поэтому, столовыхъ денегъ, составляютъ первую категорію. Штабъ-капитаны и капитаны, командующіе ротами и назначаемые адъютантами, квартирмейстерами и казначеями, могутъ быть причислены ко второй категоріи. Штабъ-офицеры, состоящіе въ полкахъ баталіонными командирами, помощниками полковыхъ командировъ и заведующими хозяйственной частью образуютъ третью категорію, а командующіе отдѣльными частями—четвертую. Не касаясь кавар-

тирнаго и другаго довольствія въ натурѣ, а также случайныхъ или спеціальныхъ отпусковъ и содержанія военнаго времени, офицеры получаютъ:

Первой категоріи.	Служащіе въ гвардіи.		Служащіе въ арміи.	
	maximum.	minimum.	maximum.	minimum.
Жалованья	366 р.	312 р.	312 р.	276 р.
Добавочнаго содержанія въ видѣ порціонной . . .	183 »	183 »	183 »	183 »
Добавочный окладъ . .	183 »	156 »	— »	— »
Итого .	732 р.	651 р.	495 р.	459 р.

Второй категоріи.				
Жалованья	531 р.	441 р.	— к.	366 р.
Столовыхъ денегъ . . .	366 »	276 »	— »	366 »
Добавочный окладъ . .	265 »	220 »	50 »	— »
Итого.	1,162 р.	937 р.	50 к.	732 р.
				615 р.

Третьей категоріи.				
Жалованья	687 р. — к.	687 р. — к.	531 р.	441 р.
Столовыхъ денегъ . . .	729 » — »	546 » — »	729 »	366 »
Добавочный окладъ . .	343 » 50 »	343 » 50 »	— »	— »
Итого.	1,759 р. 50 к.	1,576 р. 50 к.	1,260 р.	807 р.

Четвертой категоріи.				
Жалованья	1,017 р.	687 р.	687 р.	531 р.
Столовыхъ денегъ . . .	1,824 »	1,095 »	1,824 »	1,095 »
На представительство .	1,200 »	900 »	1,200 »	600 »
Итого.	4,041 р.	2,682 р.	3,711 р.	2,226 р.

Итакъ, русскій офицеръ, сверхъ квартиры съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, или квартирныхъ денегъ, казенной прислуги, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ фуражныхъ денегъ, получаетъ:

Состоя въ первыхъ трехъ чинахъ:

Въ гвардіи отъ 651 р. до 732 р. въ годъ.
 » арміи » 459 » » 495 » » »

Состоя въ высшихъ оберъ-офицерскихъ чинахъ.

Въ гвардіи отъ 937 р. 50 к. до 1,162 р. въ годъ.
 » арміи » 615 » — » » 732 » » »

Состоя въ штабъ-офицерскихъ чинахъ:

Въ гвардіи отъ 1,576 р. 50 к. до 1,759 р. 50 к. въ годъ.
 » арміи » 807 » — » » 1,260 » — » »

Состоя командиромъ отдѣльной части:

Въ гвардіи отъ 2,682 р. до 4,041 р. въ годъ.
 » арміи » 2,226 » » 3,711 » » »

По штатамъ мирнаго состава полагаются имѣть офицеровъ въ пѣхотномъ полку: въ штабъ-офицерскихъ чинахъ—7¹⁾, въ высшихъ оберъ-офицерскихъ чинахъ—18, въ младшихъ оберъ-офицерскихъ чинахъ—45; въ отдѣльномъ баталіонѣ: штабъ-офицеры—2, старшихъ оберъ-офицеровъ—5, младшихъ—12; въ кавалерійскомъ полку: штабъ-офицеры—3, старшихъ оберъ-офицеровъ—13, младшихъ—20. Слѣдовательно, изъ общаго числа офицеровъ получаютъ содержаніе:

	Въ пѣхотномъ полку.	Въ отдѣльныхъ баталіонахъ.	Въ кавалерійскомъ полку.
Четвертой категоріи .	1,4%	5,2%	2,9%
Третьей » .	8,6%	5,2%	5,8%
Второй » .	26,5%	26,3%	36,3%
Первой » .	63,5%	63,2%	55%

¹⁾ Въ гвардейскихъ полкахъ въ числѣ штабъ-офицеровъ состоятъ 1 генералъ.

Вышеприведенныя цифры, какъ нельзя болѣе наглядно, свидѣ-
тельствуютъ, что содержаніе нашего офицера вообще самое ограни-
ченное, и что только 10% изъ общаго штатнаго состава корпуса
офицеровъ, т.-е. лица, дослужившіяся до штабъ-офицерскаго чина,
получаютъ обеспечивающее ихъ содержаніе. Изъ числа же осталь-
наго офицерскаго состава—26,5% въ пѣхотѣ и 36,3% въ кавале-
леріи, т.-е., оберъ-офицеры старшихъ чиновъ, при экономномъ образѣ
жизни могутъ еще кое-какъ существовать на опредѣленное имъ отъ
казны содержаніе, но 65,5% въ пѣхотѣ и 55% въ кавалеріи —
именно офицеры первыхъ трехъ чиновъ — адеютъ самымъ молодой,
горячо сочувствующій каждому проявленію общественной жизни,
долженъ впасть жалкое существованіе.

Здѣсь, конечно, нѣтъ рѣчи о войскахъ гвардіи, гдѣ служатъ
представители знати и вообще богатыхъ родовъ, для которыхъ ка-
зенное содержаніе, будь оно еще меньше, или удвоено и утроено,
но имѣть никакого значенія, такъ какъ они живутъ собственными
средствами, и я знаю такихъ баръ, которые свое казенное жало-
ваніе отплатили въ награду за личныя услуги своимъ денщикамъ
и вѣстовымъ, или же жертвовали на нужды роты и эскадроны.
Но офицеры гвардіи по отношенію общаго штатнаго состава на-
шего корпуса офицеровъ только 3%, и въ средѣ ихъ въ настоя-
щее время есть также люди съ самыми ограниченными средствами,
для которыхъ, по ихъ семейному и социальному положенію, недо-
статочность казеннаго содержанія еще болѣе ощутительна, чѣмъ для
примыкающаго къ нуждѣ армейца.

Нѣтъ сомнѣній, что и въ самой арміи и ея резервахъ, замя-
тлившихъ прежніе гарнизоны и внутреннюю стражу, какъ и въ спе-
ціальныхъ войскахъ, состоятъ на службѣ люди богатые, но вопросъ:
сколько ихъ? и можно ли по нимъ сдѣлать какое-либо заключеніе
въ пользу или противъ недостаточности казеннаго содержанія? Это
исключенія изъ общаго правила, и существованіе ихъ, при разже-
тій основныя положенія и сути возбужденнаго вопроса, могло
бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы численность ихъ была
значительна. Но дѣло въ томъ, что теперь въ арміи служить обни-
щавшій дворянинъ или бѣднякъ-интеллигентъ разномыслиецъ, его запо-
няетъ на службу общая воинская повинность и онъ, идѣвъ энто-
лѣты, пробивается нѣсколько лѣтъ впрогладъ, чтобы дослужиться
до старшаго чина и сопряженнаго съ нимъ высшаго оклада, или же

тщательнѣе, гдѣ можно бы пристроиться на мало-мальски сносное содержаніе и эмигрировать изъ арміи...

Говоря: эмигрировать, я не беру этого слова въ абсолютномъ его значеніи, т.-е. въ смыслѣ оставленія службы совершенно, хотя и это, подѣлившись переходомъ «въ запасъ», не рѣдко молодежь практикуется, такъ какъ сама законъ покровительствуетъ подобнымъ стремленіямъ, сохранивъ для «бѣгунцовъ службы» попенду отъслуженный, пресловутый чинъ «поручика запаса». Я разумею присканіе мѣсть въ военной или гражданской службѣ, гдѣ оклады содержанія, какъ бы парочно, съ цѣлью лишенія арміи лучшихъ элементовъ, опредѣлены значительно выше, не говоря уже о возможности получить повышеніе или орденъ гораздо скорѣе, нежели въ строю, гдѣ, за исключеніемъ военнаго времени, выдвинувшись изъ массы сослуживцевъ, могутъ только лица, особенно начальствомъ отличаемыя. Таковыми мѣстами считаются: должности адъютантовъ и чиновниковъ для порученій, штатныя канцелярскія должности въ главныхъ и военно-окружныхъ управленіяхъ, а также въ интендантскихъ и другихъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ, военнаго ведомства, пограничная стража, комендантство на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, смотрительство за дворцовыми имуществами и театрами, штатъ петербургской и московской полицій и др. Все, что имѣетъ протекцію, случай, знакомства, свѣтскія дѣлки, представительную наружность или изысканныя манеры, считаетъ себя предназначеннымъ къ болѣе возвышеннымъ задачамъ, чѣмъ служба въ строю, исполнять служебныя обязанности — какъ бы только день промѣлъ и хлопочетъ объ одномъ: какъ бы уйти куда-нибудь на болѣе видное, на болѣе покойное и веселое, на болѣе выгодное или обезпеченное мѣсто! Каждый, сошедшій съ курса въ военнаго училища, старается уйти въ одну изъ четырехъ военныхъ академій, (которыя, въ словѣ сказать, въ видахъ приданія болѣе солидности военному образованію и экономіи въ расходахъ, слѣдовало бы слить въ одну, именно: военную академию съ четырьмя факультетами: тактическимъ и стратегическимъ, артиллерійскимъ, инженернымъ и юридическимъ) въ одну изъ учебныхъ школъ, или въ одно изъ техническихъ учреждений, съ тѣмъ, чтобы во время нахожденія при оныхъ, не неся тяготъ военной службы, подвигаться въ чинахъ, такъ какъ они, числясь въ спискахъ своихъ частей, производятся въ нихъ по сравненію съ ефрейторами, и конча для неконча академическаго или учебнаго курса, занять въ войскахъ высшее, про-

тиву товарищей, положение ¹⁾). Подобная эмиграция лучших сил из строя не остается безальтернативной для войск. Во фронт остаются люди с ограниченными средствами, слабые, житейски предостереженные или необладающие известным развитием, остается захудалый барич, бедняк-разночинец-интеллигент или человек, которому все равно где бы и чем бы ни служить, лишь бы быть при деле. И эти люди должны быть воспитателями и руководителями солдат. На них обязанности лежат подготовить защитника отчизны к бою, подбодрить его и вести в дело, победить или пасть с ним вместе на поле сражения. Нет сомнения, что истинно любящий отечество офицер все это и исполнит по меру способностей, сил и разума. На этом и зиждется гарантия непобедимости нашей армии. Но так ли это, т. е. вполне ли основательно с точки зрения организации наиболее надежной массы войск для войны с противником, более серьезным, чем турки или бухарцы?

В настоящее время наши ученые тактики и стратеги заняты размышлением громаднейшей важности вопросов о подготовке войсковых масс, снабжении их всеми усовершенствованными боевыми средствами, быстрым сосредоточением масс в известных местах и предначертании возможности при встрече с врагом быть сильным его в данном пункте. Против этого возражать, конечно, нечего: все это записано нам покойным Мольтке и мы не будем несколько удивляться тому, что задачи современных войск армии сводятся к тому, чтобы враг не ухитрился съехать с нас. Иначе поступать и нельзя. Организация капралов и запасов, мобилизация, снабжение войск всем нужным, сосредоточение масс, направление и управление ими—все это такие вопросы, над которыми нужно поспешить и подумать, чтобы вос-

¹⁾ Указывая на подобное стремление к получению высшего образования, я не осуждаю его, и только констатирую факты, так как они в отношении внутреннего быта войск и служебных отношений имеют не малое значение. Не все собирающиеся в академии офицеры попадают в армию. Предварительно отпущенные в С.-Петербург, они держат при штабах экзамены. Чтобы подготовиться к экзамену, они, обыкновенно, освобождаются от несения служебных обязанностей, кроме, конечно, смотров и парадов. Службу за них несут товарищи, а в конце концов приходится, что из 5 приготавливающихся офицеров только один или два признаются на экзамен достаточно подготовленными.

использоваться скопленной годами массой вооруженного люда, въ службу надобности, и достигнуть желанныхъ результатовъ.

О качествѣ массы вопроса, конечно, не возбуждается. Оно, безъ сомнѣнія, будетъ исполнѣе удовлетворительно, даже болѣе чѣмъ удовлетворительно потому, что русскій народъ остался русскимъ народомъ.

Оно, дѣйствительно, такъ и есть, иначе, кажется, и быть не можетъ... Хотя благоразуміе напоминаетъ намъ обратить болѣе вниманіе на качество массы, такъ ли оно хорошо и нынѣ, какъ было во время оно...

Пруссаки хвалялись, что побѣду въ австро-прусскую и франко-прусскую войны одержали надъ врагомъ никто иной, какъ школьный учитель...

А у насъ во всѣ войны побѣды выигрывали и нынѣ съ Божіей помощью постоятъ еще за матушку Русь учителя солдата — офицеры, этотъ самоотверженный и безкорыстный труженикъ, подвизникъ и слуга своей родины, составляющій душу того кружка солдатъ, который ему вѣренъ.

За своимъ отцомъ-учителемъ наши солдаты шли въ огонь и воду и дѣлали невозможное...

Нужно ли говорить, какъ отражается на внутреннемъ строе роты уходъ лучшихъ учителей-офицеровъ. Нѣтъ ни одного командира чести, желающаго ея преусиблинн, который не былъ бы противъ подобныхъ уходовъ, нѣтъ ни одного сослуживца-товарища, не говоря уже о солдатахъ, который не сожалѣлъ бы объ этомъ.

Но что дѣлать, когда жизнь гнетъ людей по своему! Не безъ сожалѣнія и офицеръ оставляетъ полковую семью, семью товарищей и сослуживцевъ, бывающую нерѣдко дорожее семьи родной. Но что дѣлать, повторяю, если матеріальное положеніе его невыносимо...

Я не говорю, конечно, о людяхъ, ищущихъ перемѣны въ служебномъ положеніи ради достиженія личныхъ цѣлей, нелѣтніе подвижности характера, каприза или увлеченій, я не говорю о людяхъ жаждущихъ перемѣны съ цѣлью измѣнить новое нелѣдное положеніе ради самой понизки положенія и сопряженныхъ съ тѣмъ новыхъ ощущеній — это доступно только состоятельнымъ, которыхъ вообще въ арміи немного и, слѣдовательно, подобные индивидуумы составляютъ исключенія. Я говорю о большинствѣ офицеровъ, уходящихъ изъ строя нелѣтніе необеспеченности жизни. Вѣдь, чтобы имѣть право получать обезпечивающее безбѣдность содержаніе

3 категоріи, нужно прослужить по крайней мѣрѣ: въ гвардіи — 10—12, въ арміи — 12—15 лѣтъ, и 4 категоріи: въ гвардіи — 12—15, въ арміи 15—20 и болѣе лѣтъ. А у всякаго ли хватитъ на то силъ и терпѣнія?

Самыя тяжелыя испытанія приходятся на долю офицера въ первые годы службы, когда молодость предъявляетъ свои права, а жизнь не даетъ средствъ. Конечно, здѣсь опять не идетъ рѣчи о людяхъ, имѣющихъ какую либо возможность имѣть посторонніе ресурсы, продѣлывать съ собственныя имѣнія или помощи отъ родителей и родственниковъ. Богатые люди, повторю, въ казенномъ содержаніи не нуждаются. Но много ли богатыхъ людей служить у насъ въ арміи и резервахъ? Что же касается пособій отъ родителей и родственниковъ, то это хотя и необходимая жертва со стороны послѣднихъ, сознающихъ необходимость поддержать молодого человѣка на первыхъ шагахъ его самостоятельной дѣятельности, но все-ли ли родителями и родственниками это по силамъ, и не составляетъ ли это для нихъ уже обремененія, такъ какъ воспитать и выпустить сына или родственника на службу, обязанности ихъ кончаются и все, что они должны дать служащему юношѣ, идетъ въ ущербъ другимъ дѣтямъ или ихъ собственнаго благосостоянія. Во всякомъ случаѣ, должно ли государство допускать подобную аномалію? Всякій хозяинъ, заботящійся о благосостояніи своего хозяйства, интересуется матеріальнымъ положеніемъ своего работника, заботится, чтобы онъ былъ сытъ, обутъ, одѣтъ и платилъ подати, и даетъ ему столько жалованья или почасной платы, чтобы все эти нужды были покрыты, иначе онъ будетъ воровать у него, или у его соседей, или же уйдетъ отъ него. Государство, мнѣ кажется, тоже должно вникнуть въ потребности отдающаго ему жизнь военнотружачаго и обезпечить ихъ. Или же, — отъ чего, впрочемъ, Господь Богъ да сохранилъ насъ! — современемъ придется заплатить за это миллиардами...

Фатальное заявленіе генерала Лебефа въ палатѣ депутатовъ, что «армія готова», стоило Франціи слишкомъ дорого...

Въ виду могущихъ случиться событій, необходимо озаботиться противрѣкою готовности нашей арміи къ бою заблаговременно и принять мѣры къ исправленію и удаленію всего того, что можетъ, хотя бы косвеннымъ образомъ, вліять на ея ослабленіе.

Числительная сила нашей арміи съ ея резервами и запасами громадна, но соотвѣтственна ли этой громадности ея нравственная сила?

Устройство нашихъ военныхъ силъ принято и ведется донынѣ по западнымъ образцамъ. Первый воинскій уставъ, изданный, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, въ Москвѣ, въ 1647 году, подъ названіемъ «Ученіе и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей» былъ переводомъ устава императора Карла X. Засимъ «Воинскій уставъ», положенный въ основаніе нашихъ военныхъ силъ Петромъ Великимъ, составленъ въ 1698 году служившимъ у насъ нѣмцемъ Адамомъ Адамовичемъ Вейде. Онъ называлъ наши дружины: пѣхотеріей, кавалеріей, артиллеріей и фуриртадою. Онъ насаждалъ у насъ: мушкетеръ, гренадеръ, пикинеръ, фузилеръ и драгунъ, далъ намъ бригады, батальоны и эскадроны, окрестилъ начальныхъ людей: генераль-фельдмаршалами, генераль-адъютантами, генераль-фельдцейхмейстерами, генераль-комиссарами, генераль-инженерами, генераль-аудиторами, генераль-квартирмейстерами, майорами, капитанами и фендриками, а нижнихъ чиновъ: фельдфебелями, вахт-мистрами, канцелярскими, унтеръ-офицерами, фейерверкерами, ефрейторами, бомбардирами, канонирами и гойтландерами. Съ его легкой руки завелась у насъ: лагеря, диспозиціи, эскерціи и церемоніи, пошелъ въ ходъ: лазареты, госпитали, ордонансъ-гаузы, эскерциргаузы и гаунтвахты. На людяхъ появились: мушкетеры, патроны, сабли, мундиры, панталоны, галстуки и амуниція. Благодаря Миниху и другимъ нѣмцамъ и оцѣмъ русскимъ вождямъ, набросанная на русскую жизнь, на русскій духъ и силу «букурманская спанча» намъ понравилась, всѣ эти несвойственныя и чуждыя намъ иностранныя мѣтки и клички у насъ привились, укрѣпились, пустили корни и благоденствуютъ донынѣ. Легкость пересаживанія на нашу почву всякихъ иностранныхъ новшествъ пришла по вкусу нашимъ дѣтямъ, и годъ отъ года прогрессировала у насъ съ изумительною быстротою. Мы принимали на вѣру такія реформы и мѣры, которыя шли положительно въ разрѣзъ съ требованіями русской жизни и принимали ихъ благодаря тому, что усматривали введеніе ихъ за границею. Чтобы особенно не распространяться на эту тему, приведу для примѣра нѣсколько такихъ нововведеній по военному дѣлу, которыя были приняты и отжили на нашихъ глазахъ. До Крымской войны составъ нашихъ войскъ определялся: корпусами, дивизіями, бригадами и полками: въ пѣхотѣ — 4-хъ батальонными, а въ кавалеріи — 8-ми, 10-ти и 12-ти эскадронными. Отнеся Севастопольскій погромъ не къ бездарности вождей и ихъ ошибкамъ, а къ неудовлетворительной организаціи войскъ, занялись пере-

устройствомъ ихъ состава и управленія ими. Наше вниманіе привлекала французская территориальная система устройствъ войскъ—и мы цѣлкою пересаживали ее на русскую почву. Мы упразднили главный штабъ арміи и отдѣльные корпусъ, уничтожили бригады, пѣхотные полки переформировали въ 3-хъ батальонные, а кавалерійскіе—въ 4-хъ эскадронные. Странно было видѣть учрежденіе такихъ округовъ, какъ, напр., Оренбургскій, гдѣ всѣхъ войскъ было только 2 губ. батальона и нѣсколько мѣстныхъ командъ, содержаніе управленій которыхъ чуть не превышало стоимость содержанія подчиненныхъ имъ войскъ. По духу подражанія оказался настолько силёнъ, что на это не обращалось вниманія. Намъ нужно было, хотя по наружности, походить на побѣдителей, и мы усвоиваемъ ихъ форму: солдату даемъ французское кепи, берданку и патронتانтъ, офицерамъ—гремучую, полочающуюся по землѣ саблю въ металлическихъ ножнахъ, а генераловъ, одѣли въ красные штаны и дали имъ пѣтушиный перья на каски. Но грянули одинъ вслѣдъ за другимъ грома востро-прусской и франко-прусской войнъ, и мы робко стали озираться и огматриваться; престижъ французскаго генія упалъ и мы исподоволь стали усвоивать прусскіе порядки. Огнѣнные корпусъ и бригады были учреждены снова, полки пѣхотные получили прежнюю четырехъ-батальонную организацію, а кавалерійскіе увеличили только до 6 эскадроновъ. (Современежь, можетъ быть, думаемся и до возстановленія прежней 8 эскадронной организаціи). Военно-окружныя управленія кое гдѣ похерили и французскую форму обмундированія сняли. Въ настоящее время, русскій солдатъ носитъ русскую одежду, и не похожъ по наружности ни на французъ, ни на нѣмца, хотя продолжаетъ составлять: пѣхоту, кавалерію и артиллерію, и называться: фельдфебель, вахмистръ, кантеноармъ, унтеръ-офицеръ, фейерверкеръ, бомбардиръ, фельдшеръ, и сохранять другія иностранныя клички, какъ будто въ русскомъ языкѣ нѣтъ имъ однозначущихъ или соответственныхъ названій. Будемъ, однако, надѣяться, что современежь и на это обратятъ, гдѣ слѣдуетъ, вниманіе: не вѣчно же русскому человѣку ломать обезьяну...

Все это я высказалъ потому, что и нынѣ, смотря на нѣкоторыя принимаемыя къ улучшенію организаціи нашихъ военныхъ силъ мѣры, приходитъ иногда въ голову мысль, что мы еще не сошлись по-рвали съ укоренившимся у насъ со временъ пресловутаго Адама Адамовича Вейде системой пересаживанія на нашу почву инозем-

ныхъ порядковъ. Можетъ быть, въ отношеніи учета силы противъ силы, изысканія средствъ противъ средствъ и изученія шахматныхъ ходовъ въ смыслъ распрежденія, движенія, направленія и руководительства ими, иначе быть и не должно, такъ какъ свѣтъ, говорить, идетъ къ намъ съ запада. Но мнѣ кажется, что всѣмъ снѣмъ высшимъ соображеніямъ не противорѣчило бы, если бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, было обращено также вниманіе и на то обстоятельство, что успѣхъ дѣла обезпечиваетъ не одно только число, расположеніе и движеніе силъ, но и качество ихъ. Последнее едва ли не вѣщее.

А у насъ о качествѣ силы и вопроса никогда не возбуждается, какъ будто для поднятія его до надлежащей высоты всѣ мѣры уже приняты. Но такъ ли это?

Пріятно думать, что это такъ. Но было бы еще пріятнѣе, если бы убѣжденіе подтвердило сдѣланное предположеніе. Во всякомъ случаѣ, благоразуміе требуетъ провѣрки и принятія всѣхъ мѣръ, какія нужны для полученія подобнаго убѣжденія.

Хорошія качества всегда были присущи русской арміи. Полтава, Лария и Кагулъ, Рыминскъ, Сентъ-Готардъ, Бородино, Сена-тополь, Дарго, Ахулы и Гунибъ могутъ служить тому доказательствомъ. Но тогда арміей руководили только два принципа: первый, что солдатъ есть нѣмъ общее и знаменитое, которымъ называется первый генералъ и послѣдній рядовой, и второй, что подъ знаменемъ солдатъ долженъ служить и умереть. Офицеры и нижніе чины составляли одну семью, при многостѣпнѣмъ совмѣстномъ служеніи они знали другъ друга, сроднялись, въ бою стояли стѣной, или на прата, не считая его, и дѣлали невозможное. Корпусъ офицеровъ вырабатывался въ трудахъ и лишенияхъ службы. Суворовы, Милорадовичи, Кулиевы, Фигнеры, Баклановы, Ендокимовы, Слѣпцовы и Скобелевы воспитались, жили и свершили великіе подвиги, отдавшись всецѣло военному дѣлу. Они не искали хлѣба на сторонѣ и оставались вѣрными до смерти разъ избранному роду службы.

Не то мы видимъ теперь. Шатаніе мысли и погоня за карьерой или кускомъ хлѣба прокрадываются и въ среду военного сословія. Офицеры, въ особенности молодые, эмигрируютъ, не стѣсняясь признаніемъ. Чтобы не показаться голословнымъ, приведу факты. Передъ нами «Общій обзоръ состава и дѣятельности всѣхъ частей военного министерства за 1885 годъ», напечатанный въ «Военномъ Сборникѣ» 1887 года, № 5. Слѣдствіе официальное, послѣднее, такъ какъ таковыхъ обзоровъ за послѣдующіе годы почему-то по все-

общее сѣдѣніе съ тѣхъ поръ не сообщается. Изъ сказаннаго Обзора мы видимъ, что къ 1885 году состояло у насъ въ регулярныхъ войскахъ, за исключеніемъ финскихъ войскъ, по списку 30,390 генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, и сверхъ того на счету главнаго штаба находилось: 823 генерала, штабъ- и оберъ-офицера, занимающихъ разныя должности по гражданскому вѣдомству и 35, состоящихъ безъ должностей. Въ теченіе года убыло 2,134 (въ томъ числѣ: смертью 413, увольненіемъ въ отставку 912 и перечисленіемъ въ запасъ 626). Прибыло 2,399 (въ томъ числѣ производствомъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ 785, производствомъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся 1,112, зачисленіемъ на службу изъ отставки 209 и изъ запаса 178). За таковой убылью и прибылью къ 1886 году имѣлось 30,655 генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, и сверхъ того на счету главнаго штаба находилось 765 генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, занимающихъ разныя должности по гражданскому вѣдомству и 19 — состоящихъ безъ должностей. Но не смотря на увеличеніе прибыли офицеровъ надъ убылью на 265 человекъ, въ общемъ списочномъ числѣ регулярныхъ войскъ (кроме финскихъ) противу штатнаго ихъ состава къ 1 января 1886 года оказался некомплектъ въ 579 офицеровъ.

Цифры эти самымъ нагляднымъ образомъ удостоверяютъ, что эмиграція офицеровъ изъ фронта существуетъ и что на благоустройство войскъ она не можетъ не имѣть вліянія.

Число офицеровъ, уходящихъ изъ строя въ штабы, на канцелярскія должности въ разныя управленія и хозяйственныя учрежденія и другія мѣста въ военномъ министерствѣ, конечно, невелико, но, по неимѣнію цифръ, его съ точностію опредѣлить нельзя и потому оно, при разрѣшеніи вопроса о значеніи эмиграціи, должно имѣть значеніе иско.

Обращаясь заснѣмъ къ точнымъ цифровымъ даннымъ, мы увидимъ слѣдующее: значащееся на особомъ счету главнаго штаба генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, занимающіе должности по гражданскому вѣдомству 1 января 1885 г. 823 человека и 1 января 1886 г. 765 и безъ должностей 35 и 19 человекъ составляютъ непосредственную эмиграцію, выражающую въ первомъ случаѣ, при общей численности корпуса офицеровъ въ 30,390 человекъ — 2,8%, и во второмъ, при таковой же численности въ 30,655 человекъ — 2,2%, въ среднемъ выходи 2,5% о этой численности. Уходя въ 1885 году въ запасъ 626 офицеровъ есть тоже непо-

средственная эмиграция, составляющая еще 2,1% общей численности. Если къ этимъ цифрамъ прибавить еще приблизительно 1% эмиграции изъ числа уволенныхъ въ отставку въ томъ же году 912 офицеровъ и опредѣлить хотя въ 5% икъ эмиграции внутренней, т. е. перехода офицеровъ на нестроевыя должности военного министерства, то общій итогъ эмиграции дастъ намъ 19,6% общей численности корпуса офицеровъ.

Цифра, во всякомъ случаѣ, внушительная, и на нее нельзя не обратить вниманія.

Первымъ весьма существеннымъ послѣдствіемъ эмиграции офицеровъ изъ строя является у насъ некомплектъ. Образовавшаяся въ 1885 году убыль офицеровъ (2,134 человека) не могла быть покрыта производствомъ офицеровъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и изъ юнкеровъ и полнотепредставляющихъ (1,897 человекъ), и поэтому военное министерство вынуждено было для пополненія этой убыли опредѣлить изъ отставки 209 и зачислить изъ запаса 178 человекъ. Мѣры эти выходятъ изъ ряда нормальныхъ, такъ какъ принимаются преимущественно въ военное время; но и за всѣмъ тѣмъ общее списочное состояніе регулярныхъ войскъ не было пополнено и къ 1 января 1886 года числилось въ некомплектъ 579 офицеровъ.

Вторымъ, не менѣе существеннымъ послѣдствіемъ эмиграции является укрѣпленіе въ молодыхъ офицерахъ легкости взгляда на значеніе пошискаго званія и стремленія къ достиженію иныхъ, ничего общаго съ офицерскимъ мундиромъ не имѣющихъ цѣлей.

Чтобы подорвать эмиграцію въ самомъ основаніи, необходимо:

1) Специализировать знаніе военного офицера и возвысить его по отношенію прочихъ должностей казенной службы. Строевой офицеръ долженъ быть такой же специалистъ своего дѣла, какъ докторъ, ветеринаръ, капельмейстеръ, инженеръ и др. лица, отдающія всю жизнь избранному имъ поприщу. Онъ служить во фронтѣ и въ тѣхъ должностяхъ, которыя по штатамъ предназначены офицерамъ, какъ, напр., адъютантовъ, начальниковъ штабовъ, комендантовъ и др. военныхъ специалистовъ. Въ случаѣ же желанія поступить на какую либо классную должность въ военныхъ управленіяхъ или учрежденіяхъ, онъ долженъ переименоваться въ соответствующій классный чинъ, а въ случаѣ возврата на службу во фронтъ, не смотря на чины, полученные въ этихъ должностяхъ, онъ можетъ быть зачисленъ только тѣмъ чиномъ, въ которомъ остался воен-

ную службу. Значеніе военной службы, военного чина и знолетъ должно бытъ повышено: нельзя давать ихъ трепать по канцеляріямъ и въ службахъ, ничего общаго съ военной, гдѣ люди жизни приносятъ на алтарь отечества, не имѣющимъ¹⁾. Переходъ офицеромъ, для улучшения состава, въ коннозаводство, полицію и другія вѣдомства, конечно, можетъ быть разрѣшаемъ, но не иначе, какъ съ согласія ближайшаго ихъ начальства, которое изыскываетъ такое, если не призоидеть отъ того ущерба для полевой части, и подъ условіемъ переименованія въ гражданскій чинъ. Мѣры эти имѣютъ тѣмъ болѣе значенія, что вѣдомствамъ, которыя переводятъ офицеровъ, нужны люди, а не ихъ чины и форма обмундированія. Для того же, чтобы заставить офицера оставить военную службу, они должны предоставить другія, не менѣе существенныя для него преимущества. Въ подтвержденіе сказаннаго я приведу то соображеніе, что военные чины имѣютъ свое специальное назначеніе. Напр., чинъ полковника опредѣляетъ лицо, командующее полкомъ, чинъ подполковника—командующаго батальономъ, капитана и штабсъ-капитана—ротой, поручика и подпоручика—взводомъ солдатъ. Поэтому видѣть полковника, распорядкающагося заводской кониной, капитана, наблюдающаго за поливкой и метельемъ улитъ, поручика, подбирающаго пьяныхъ или составляющаго протоколы,—странно и ничего, кромѣ сожалѣнія къ подобнымъ аномаліямъ, въ средѣ, здравомыслящихъ людей не возбуждаетъ. «Ученіе и хитрость ратнаго строя вѣхотныхъ людей», изданное по личному «бодронасному разсмотрѣтельству» царя Алексѣя Михайловича въ 1647 году, опредѣляетъ значеніе военного дѣла и чиновъ такъ: «ратная мудрость есть единая и прямая мудрость, которая, опричь Богословія, нате и превыше вѣтъ иныхъ мудростей...». «Всякая рота или знамя имѣтъ капитръ свою, сирѣчь главу имени капитана, которому по прямому псарскому языку имя аунманъ, сирѣчь голова, а французскимъ языкомъ—капетъ, голова, и по капиту—капитаномъ именуется, и потому какъ голова начальнѣйшее есть, и вѣтъ владѣть, и по главѣ вѣ составы ходить и исправляются... А подѣть

¹⁾ Ношеніе военными врачами при парадной формѣ знолетъ сѣдустъ отмѣнить, такъ какъ знолеты есть принадлежность строеваго военного мундира и класснымъ чинамъ ни въ какомъ случаѣ предоставлено бытъ не должно.

капитана поручикъ его, и всякій разумный капитанъ, когда онъ добрую роту имѣти хочетъ, начально о томъ печется, чтобы ему извѣснаго и искуснаго, честнаго и удалаго, и утѣшнаго мужа имѣти, кобму безъ него въ его мѣстѣ быти... А прапорщику солдатами не владѣти, и лишь ему знамя свое знати. И также онъ на сиракахъ... Вотъ основныя положенія о значеніи военной службы и чиновъ, которые до минушаго царствованія соблюдались и охранялись неуклонно. Но повѣяло духомъ подражанія современнымъ иностраннымъ порядкамъ и значеніе строевой службы и чиновъ стало профанироваться и ушло до степени блаженной памяти «заемныхъ ярыжекъ». Въ самомъ военномъ вѣдомствѣ значеніе чиновъ рождается назначеніемъ подполковникъ—на должности адъютантовъ, заступающихъ мукомольными мельницами, обозными мастеровыми, пшальными, хлѣбопекарными, а генераловъ—чиновниками для порученій.

Дальнѣйшее существованіе подобныхъ аномалій немыслимо и скоро или долго, но должно придти къ концу. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ было бы лучше. Люди изъ строя могутъ быть назначаемы всюду, гдѣ это, по мнѣнію высшаго начальства, признается необходимымъ. Но съ назначеніемъ ихъ на классныя должности или для занятія хозяйственныхъ и другихъ должностей изъ строя, они должны быть переименованы въ соответствующіе классныя чины. Для подобныхъ же должностей въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, всего соответственнѣе было бы возстановить чинъ майора, который бы соответствовалъ по правамъ чину подполковника, или военного советника (тоже прежде существовавшій чинъ), съ тѣмъ, чтобы лица, желающія получить чинъ полковника, переходили по фронтъ и тамъ уже получали удостоеніе къ производству.

2) Увеличить содержаніе въ поѣздахъ строевыхъ офицеровъ. Я говорилъ уже выше, что наши офицеры получаютъ болѣе, чѣмъ скромное содержаніе. Мнѣ, пожалуй, могутъ возразить, что оклады содержанія офицеровъ, въ особенности младшихъ чиновъ, изъ Германіи и Австріи, немногимъ разнятся отъ нашихъ офицеровъ. Но я противопоставлю имъ указаніе, что во Франціи, кромѣ квартирныхъ, подъемныхъ и дневной прибавки, получаютъ жалованья: подпоручикъ—въ вѣхотъ 1,700, въ кавалеріи 1,900, въ гвардіи 2,475 франковъ (т.-е. по существующему курсу 680—990 р.), поручикъ 1,800—2,930 франковъ (720—1,172 р.), капитанъ—2,400—4,200 франковъ; (960—1,680 р.); въ Англіи же прапорщикъ и корнетъ получаютъ 96—146 фунт. стерл. (960—1,460 р.),

поручикъ—118—189 фунт. стерл. (1,180—1,890 р.), капитанъ — 211—290 фунт. стерл. (2,110—2,900 р.). Дѣлать же на нихъ указаній по стану, такъ какъ поиска каждой страны поставленыя особыя условія существованія и точной параллели провести между ними нельзя, тѣмъ болѣе, что каждый народъ имѣетъ собственный, ему только одному присущій, обиходъ. Такъ, напримеръ, имѣетъ пугается гороховою колбасой, а русскому желудку потребенъ ржаной хлѣбъ, щи и каша. Что же тутъ можетъ быть общаго и какія параллели можно проводить между ними? Поэтому въ соображенія о необходимости увеличенія содержанія русскаго офицера я предпочитаю основать исключительно на его нуждахъ.

Нуждается нашъ офицеръ, если онъ, повторю, не имѣетъ собственныхъ средствъ или пособій отъ родственниковъ, со дня производства до смерти, до ухода изъ полка или до выслуги обезпечивающаго его положенія. Проходя службу въ младшихъ оберъ-офицерскихъ чинахъ, онъ нуждается одинъ; дослужившись до старшихъ оберъ-офицерскихъ чиновъ, женится или беретъ для присмотра за хозяйствомъ какую нибудь родственницу и нуждается вдвоемъ, а выйдя въ штабъ-офицеры, имѣетъ нѣсколько дѣтей, которыхъ нужно поднять, выростить и воспитать, и нуждается уже цѣлою семьей.

Но начнемъ аб оуо.

При произшествіи въ первый офицерскій чинъ юнкера (за исключеніемъ канальерійскихъ, состоящихъ на собственномъ иждивеніи) получаютъ на обмундированіе: обучавшіеся въ военныхъ училищахъ по 225 р., а въ юнкерскихъ по 150 рублей. Но чтобы сдѣлать всю полную экипировку, этихъ денегъ недостаточно ¹⁾, и офицеръ съ первыхъ же шаговъ дѣлаетъ долги, или приобретаетъ такія вещи, которыя по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ нужно замѣнить другими. То и другое вѣрно отражается на его крохотномъ

¹⁾ Мундирная пара платья стоитъ обыкновенно 45 р., сюртучная 40 р., пальто 35 р., китель 15 р., сапоги длинныя 15 р., обыкновенныя 8 р., шапка съ приборомъ 5 р., фуражка 3 р., портупея 3 р., вьюкъ 5 р., шарфъ 2 р., рюкзакъ 3 р., револьверъ 20 р.; перчатокъ 2 пары 2 р., бѣлье 20 р., чемоданъ 12 руб., мелкія принадлежности 7 р., итого 240 р. Кромѣ того, нужно обзавестись постелью, купить самоварчикъ и прочія принадлежности походнаго быта, на что нужно еще рублей 50—60, такъ что общій расходъ будетъ 290—300 руб.

Бюджетъ, и разстраиваетъ всѣ его хозяйственныя соображенія. Нужно экономить, экономить и экономить, чтобы не вѣзть по унѣ въ долги и не уйти изъ службы. Но какъ это сдѣлать? Молодой человекъ 20 — 25 лѣтъ, окруженный великими соблазнами, не можетъ быть аскетомъ, жизнь требуетъ жертвъ и онъ живетъ текущими деньгами, ставитъ свою станку — и пусть будетъ, что будетъ! Даетъ Богъ день, даетъ Богъ и нищу... Но новый день Богъ даетъ, даетъ и новыя требованія. Офицеры, въ особенности въ провинціи, у общества на виду, накормить его — накормить, но онъ долженъ быть чисто, прилично и опрятно одѣтъ и держать себя джентльменомъ. Онъ долженъ появляться въ гостиныхъ, въ театрѣ и клубѣ, обязанъ откликаться на зовъ жизни, знать дни тезоименитствъ и рожденій дамы-патронессы, грандессы службы и другихъ звѣздъ мѣстнаго горизонта, и отищать ихъ въ своей записной книжкѣ: «бу-кетъ», «конфекты» и пр., садиться, по просьбѣ старшаго въ чинѣ допирать несчастный рубль и отищать за послѣдствія, если игра не поправится. И все это, онъ, какъ магъ и волшебникъ, долженъ продѣлывать, получая содержанія 495—549 р. въ годъ, или 41 р. 25 к.—45 р. 50 к. въ мѣсяць. Не мало разстраиваютъ бюджетъ молодого офицера невозможныя подписки на разные служебныя чествованія, благотворительныя дѣла и изліянія сочувствій. Получаетъ начальникъ видное перемѣщеніе, прѣзжаетъ какой-нибудь служебный тузъ или совершается какое-нибудь событіе въ мѣстной жизни—въ средѣ полка возникаетъ подписка и первой жертвой ея становится бѣдный офицеръ. Богачъ-сѣрякъ можетъ отказаться, но офицеръ въѣдъ интеллигентъ, ему отказаться неловко, тѣмъ болѣе, что деньги съ него не спрашиваютъ, а предлагаютъ только подписаться. Взглянуть бѣдная жертва—Шавенковъ, Пржепендовскій и Переперденко—магнаты полка—уже подписались, какъ же ему не подписаться, беретъ онъ перо и не безъ волненія подписывается, казначей улачиваетъ деньги, а 1 числа слѣдующаго мѣсяца у него въ бюджетѣ новый недостатокъ пяти или болѣе рублей. Пробѣдетъ недѣля-двѣ, и та же процедура повторяется съ подпиской на какой-нибудь юбилейный альбомъ, на постановку въ библіотекѣ портрета, на устройство иконы, на учрежденіе стипендіи, на погребеніе умершаго товарища или въ пользу его семьи. Но это все еще довольно сносно, потому что находится въ сферѣ болѣе или менѣе свободнаго мышленія. Но дѣло принимается иную обстановку, когда молодежь попадаетъ въ руки дамы-патронессы мѣстныхъ благотворительныхъ

предприятий, въ особенности если эти дамы, по своему положенію, принадлежать къ лицамъ высшей военной іерархіи. Какимъ путемъ, подъ градомъ всевозможныхъ любезностей, или подвергается офицеръ, если вліятельной особѣ угодно, чтобы задуманный ею балъ, спектакль или базаръ имѣлъ желаемый успѣхъ. Съ него берутъ деньги, вещи и застаиваютъ его экзидуатировать друзей и знакомыхъ, навязываютъ ему входные билеты, предлагаютъ лотерей-аллеги и шампанское въ благотворительномъ буфетѣ. При каждомъ подобномъ предложеніи юноша-корнетъ или подпоручикъ испыхиваетъ и краснѣетъ какъ красная дѣвушка, леденѣя отъ ужаса за гибель кошелька, денечетъ любезности и, нѣтъ себя, беретъ билеты, пробуетъ счастья въ лотерею, нѣтъ вино, отдастъ послѣдній кредитный билетъ и уходитъ съ гордымъ сознаниемъ непоплатнаго долга. Конечно, все это дѣлаетъ честь нашему офицеру, но не всякому это по карману. У нѣкоторыхъ кончается тѣмъ, что на утро, а то и всю слѣдующую недѣлю бѣднякъ сидитъ безъ чаю и табаку или долженъ послать вѣстового къ барабанщику-еврею занять 3—5 рублей подъ залогъ часовъ или мундира.

Обыкновенно якоремъ спасенія офицерамъ, въ случаѣ невзгоды, служатъ казначей, который, зная каждого офицера, его средства и задолженность въ заемный офицерскій капиталъ ¹⁾ и частнымъ лицамъ, сеужаетъ ихъ до полученія жалаванія мелкими суммами. Случается и такъ: подобная ссуда уже взята, большей казначей дать не можетъ и тогда поневолѣ приходится офицеру обращаться за помощію къ ротному ростовщику еврей-барабанщику или горнисту, который и деретъ съ него жидовскіе проценты, такъ какъ займы у нижнихъ чиновъ строго воспрещаются ²⁾.

¹⁾ Въ полкахъ существуютъ офицерскіе заемные капиталы, на образovanje которыхъ ежемесячно съ офицеровъ производится вычеты. Изъ капиталовъ этихъ опредѣлено выдавать съ круговой порукой ссуды: штабъ-офицерамъ до 500 р., оберъ-офицерамъ старшихъ чиновъ до 350 р., младшихъ—до 200 р. Но ссуды эти обыкновенно избираются съ первыхъ же дней службы и пополняются когда у офицера образуется такой же свой капиталъ посредствомъ вычетовъ. А до того времени офицеръ не выходитъ изъ долга.

²⁾ Собственно воспрещены долги личные по роспискамъ и векселямъ, дабы не возникало претензій. Но въ данныхъ случаяхъ солдатики-евреи генералмахерствуютъ свободно, такъ какъ ссуда обезпечивается залогомъ и жалобы возникнуть не можетъ.

Старый суровый моралист может сказать, что все это вздор и малодушие, что офицер должен жить по средствам и от всякого несоволенного ему по состоянию расхода воздерживаться,—и с точки зрения ригоризма он будет прав: логика на его стороне. Но не нужно забывать, что офицер принадлежит в обществе—и *noblesse oblige* его с полками жить, по-полковнику. В мишурную голодонку из газетных часто появлялись свѣдѣнія, что в пользу голодающих поступило от офицеров такого-то полка столько-то, такого-то — столько. Богатого офицерства у нас не много, его средствами—небольшая часть, а большинство—бѣдняки, следовательно, в массѣ голодающему отдавать послѣдніе крохи свои еще болѣе голодающій. Или на это, следуя учению моралистов, слѣдовало положить veto?

Но оставая, в угоду этимъ мелкимъ доктринамъ, в стороне великій долгъ рыцарства, любезности, вѣжливости и общечеловѣчія, я поставлю вопросъ, возможно ли жить, при существующей дороговизнѣ всѣхъ вообще предметовъ первой потребности, жить, не говоря уже о большихъ центрахъ, в провинціи на офицерскій окладъ содержанія 41 р. 25 к.—45 р. 50 к. в мѣсяцъ? Ежемѣсячно изъ этого оклада у офицера вычитается (я беру минимумъ): на образованіе офицерскаго заемнаго капитала—2 р., на устройство библіотеки отъ 1 до 2 р., % на заемъ изъ офицерскаго заемнаго капитала (норма 200 р.)—1 р., на уплату долга—10 р., всего до 15 р.; остается 26 р. 25 к.—30 р. 50 к. И на эти деньги онъ долженъ прилично одѣваться, а для смотровъ, парадовъ и представленій начальству завести новую мундирную пару и все снаряженіе, имѣть столъ, чай, табакъ, иногда извозчика, сходить в баню, заплатить прачкѣ и пріобрѣсти десятокъ мелкихъ домашнихъ вещей, продѣ одеслоу, мыла, ваксы и пр. Я не касаюсь уже ничего другого, ни эстетическихъ, ни общественныхъ развлеченій, на которые офицеръ, какъ человѣкъ и человѣкъ молодой, имѣетъ право, спрашиваю: можетъ-ли онъ жить на такіе мизерныя средства?

Вѣдь, жить ему приходится при такихъ крайне тѣсныхъ условіяхъ не одинъ годъ. Конечно, точныхъ статистическихъ данныхъ о составѣ корпуса офицеровъ у насъ официально не сообщается. Но я случайно наткнулся на одинъ весьма любопытный документъ. В «Военномъ Сборникѣ», за 1892 годъ, помѣщено случайное, отрывочное свѣдѣніе о личномъ составѣ офицеровъ в одной изъ армейскихъ пѣхотныхъ дивизій, изъ котораго видно, что в этой дивизіи

къ 1 января 1892 г. состояло 26 штабъ и 266 оберъ-офицеровъ, всего 292 человека. Изъ нихъ:

	Имѣли званіе отъ роду.	Средній вы- ходъ	Прослужили	Средній вы- ходъ	Продолжитель- ность службы въ офицерскихъ чинахъ.	Средній вы- ходъ	Служба въ последнихъ чинахъ.
Полковники . .	45—54	50	28—35	32	26—35	30	7—14
Подполковники	40—55	45	25—37	28	14—33	24	7
Капитаны . .	33—55	42	18—36	24	15—32	20	15
Штабъ-капит.	30—50	38	11—28	20	9—24	15	12
Поручики . .	23—41	30	6—24	12	4—15	9	8
Подпоручики .	19—30	25	2—12	5	1—4	2 1/2	4

Сидѣніе это самымъ нагляднымъ образомъ убѣждаетъ, что русскому офицеру нужно долго, очень долго тянуть лямку, чтобы добиться мало-маленьки обезпеченнаго положенія.

Нужно ли послѣ того удивляться, что онъ эмигрируетъ, и эмигрируетъ, нужно думать, противъ воли: не у всякаго хватаетъ силы воли выдержать такой долгій некусъ; брюхо и другіе шкурные вопросы ломаютъ самые сильные характеры, въ особенности если предвидится какой-нибудь счастливый исходъ изъ гнетущаго положенія...

Но отвѣчать ли это видамъ правительства?

Нѣтъ сомнѣнія, что уходящій въ отставку, въ запасъ или на службу въ другія вѣдомства офицеръ, малоспособный къ фронту или питающій къ военной службѣ антипатію, не составляетъ потери для арміи. Но оставленіе рядомъ войскъ офицерами-фронтотвиками, способными командовать ротами и любящими свое дѣло — едва ли соответствуетъ видамъ правительства. «Рота, эскадронъ, батарея — говоритъ г. Плюгинскій въ статьѣ своей «О командномъ цензѣ» («Новое Время» 1893 г., № 6211) — нѣтъ не только тактическая единица, но и весьма солидная боевая сила, имѣющая возможности послать противнику въ одну минуту, отъ разстоянія 3,000—4,000 шаговъ и до выстрѣла въ упоръ, — 2,000—4,000 пуль и болѣе.

Командиры ротъ нынѣ являются сплошь и рядомъ совершенно самостоятельными и ответственными начальниками въ бою, а въ мирное время на нихъ лежитъ главный трудъ по образованію годныхъ солдатъ изъ людей самыхъ разнообразныхъ качествъ, физическихъ и духовныхъ. Трудъ этихъ почтенныхъ дѣятелей арміи не только признанъ въ послѣднее десятилѣтіе, но и оцененъ. Поэтому эмпирія такихъ дѣятелей или лицъ, могущихъ быть такими дѣятелями, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть желательна. Это для арміи, опора и надежда победы, и если допустить ослабленіе подобнаго элемента, то за арміею едва ли можетъ быть признано надежащее качество. Численность арміи и готовность къ бою, конечно, можетъ быть поставлена на высокую степень, но если ея качество, т.-е., ея внутренняя сила, ея нѣжно бодрствующій и воодушевляющій на всевозможные подвиги духъ, будутъ ослаблены, — никакая численность, никакія знанія, никакія усовершенствованія въ дѣлѣ веденія войны не замѣнятъ качества. Доказательствомъ чему могутъ служить арміи Федэрба, Бурбаки, Орели де Лаладина и другія, сформированныя народной обороной во Франціи въ 1870 г., послѣ сѣдическаго разгрома, и немогшія противустать врагу, сокрушавшему ихъ стрѣлою внутренней своей организаціи.

Вотъ вопросъ, надъ которымъ слѣдуетъ остановить вниманіе и подумать. Изъ приведеннаго выше «Обзора состава и дѣятельности пѣхот. чиновъ военного министерства», за 1885 г. видно, что офицеровъ у насъ по мирному времени некомплектъ, и что на пополненіе этого некомплекта допускается пріемъ на службу офицеровъ изъ отставки и запаса. Если факты эти повторялись и въ послѣдующіе годы, то вопросъ еще болѣе осложняется и требуетъ уже принятія мѣръ къ его разрѣшенію. Россія, затрачивая ежегодно отъ 225 до 250 милліоновъ на военное пѣдометно, никакъ не желая, чтобы качество ея арміи не подлежало сомнѣнію.

А такъ какъ качество арміи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ надежнаго состава строевыхъ офицеровъ, этихъ, по отъѣзду г. Плещинскаго, самостоятельныхъ и ответственныхъ начальниковъ и образователей годныхъ солдатъ изъ людей самыхъ разнообразныхъ физическихъ и духовныхъ качествъ, а подборъ подобнаго состава офицеровъ находится въ зависимости отъ благосостоянія этихъ офицеровъ во время несенія ими службы, то вопросъ объ улучшеніи качества арміи сводится на первый краеугольный камень ея — на улучшеніе благосостоянія корпуса строевыхъ офицеровъ.

Благосостояніе это можетъ быть осуществлено различными мѣрами, но въ настоящее время первымъ шагомъ на семъ поприщѣ должно быть, какъ я изъяснилъ выше: а) поднятіе значенія строеваго офицера и б) увеличеніе его содержанія.

Противъ перваго пункта возраженій, по всей вѣроятности, не будетъ; противъ втораго же могутъ возникнуть вопросы и по существу, т.-е., о размѣрѣ увеличенія содержанія, и по исполненію, т.-е., о средствахъ къ осуществленію сдѣланныхъ предположеній.

Размѣръ увеличенія, конечно, будетъ зависѣть отъ точки зрѣнія, съ которой изглянуть на нужды строевыхъ офицеровъ компетентныя лица, призванныя къ разрѣшенію этого вопроса. Но во всякомъ случаѣ было бы желательно, чтобы разрѣшеніе этого вопроса получило болѣе широкое разлитіе. Строевой офицеръ получаетъ содержаніе менѣе всякаго класснаго чиновника, какъ бы ни была ограничена сфера дѣятельности сего послѣдняго. Подпоручикъ получаетъ въ годъ 477 р., поручикъ—495 р., а младшій лекаръ, состоящій въ IX классѣ—609 р., священникъ—590 р., помощникъ столоначальника въ интендантствѣ IX класса—500—600 р., (VIII класса—900 р.), помощникъ секретаря въ военномъ судѣ—600 р. Что же касается содержанія чиновъ полиціи и другихъ вѣдомствъ, то оно значительно превышаетъ оклады воинскихъ чиновъ. Въ интересахъ справедливости, нужно содержаніе корпуса строевыхъ офицеровъ—повысить противу всякаго соответственнаго класснаго чина, такъ какъ служба его тяжелѣе, серьезнѣе и подвержена всевозможнымъ случайностямъ, до потери жизни включительно. Если же принять во вниманіе, что увеличеніе содержанія остановитъ уходъ лучшихъ офицеровъ изъ арміи и улучшитъ тѣмъ качественность ея, то увеличеніе это должно быть произведено—соответственно той пользѣ, которую принесетъ оно Россіи въ случаѣ извѣстныхъ событій.

Что же касается средствъ на покрытіе сопряженнаго съ тѣмъ расхода, то они должны быть изысканы. Качество арміи нельзя ставить въ зависимость отъ расхода въ нѣсколько милліоновъ. Много лѣтъ мы держались ружья берданки, но когда признали необходимымъ замѣнить его малокалиберной винтовкой—за расходами дѣло не стало и десятки милліоновъ нашлись. Много лѣтъ мы не обращали вниманія на землячество, но приняла годоводка—и сотни милліоновъ была найдена. Тоже самое должно повториться и въ данномъ случаѣ: если для улучшенія боеваго качества нашей арміи

нужно увеличить содержаніе корпуса строевыхъ офицеровъ, то нѣсколько милліоновъ должны быть найдены. Нельзя ставить защиту и оборону отечества въ зависимость отъ случайностей, ради только однихъ, исполнѣ неумѣстныхъ экономическихъ соображеній. Разгромы государствъ оплачиваются слишкомъ дорого, чему могутъ служить примѣромъ милліарды, заплаченные Франціей Германіи по Франкфуртскому миру.

Іюль, 1893 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

по поводу изданія

«ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО».

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и другихъ изданіяхъ, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ томовъ «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго» помѣщались критическій разборъ этихъ томовъ и сдѣланы нѣкоторыя указанія по поводу замѣченныхъ неточностей, вкрапившихся при разборѣ такого громаднаго матеріала, какъ бумаги покойнаго писателя, поэта, критика, мемуариста и философа. Нынѣ съ окончаніемъ этого прекраснаго изданія, я считаю долгомъ указать на тѣ недосмотры почтеннаго редактора изданія, которые замѣчены мною въ томъ томѣ, гдѣ собраны поэтическія произведенія князя П. А. Вяземскаго.

При внимательномъ ознакомленіи съ стихотвореніями покойнаго поэта, оказалось, что нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, при незначительномъ почти измѣненіи ихъ, помѣщены двукратно, но только подъ разными названіями или подъ другими датами.

Такъ, напримѣръ, на стр. 200, подъ датой 1820 года, мы находимъ:

CVIII. Къ красавицѣ уединенной.

Какъ роза снѣжан одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей,
Какъ ибисъ сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубраня жертвыя пустынный соловей.
Какъ драціиный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ свѣтлѣетъ вѣдь въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

Тоже стихотвореніе повторено на стр. 271, подъ датой 1822 г

CL. Въ альбомъ к. А. П. Т.

Какъ роза сѣжала одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степенъ,
Нѣтъ пѣсню сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы жертвы пустынный соловей,
Какъ драгоценный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ насъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ спрятать себя въ странѣ уединенной
Югіннѣ красоты безъ жертвъ и алтарей.

На стр. 248, подъ датой 1821 года, напечатано:

CXXXVIII. Эпиграммы.

1.

Безстыдный лицеъ презрительной рукой
На гибель мнѣ ты разбиваешь вѣсти;
Предвижу я: какъ Геростратъ другой,
Безстыдствомъ ты добиться хочешь чести;
Но тщетнъ труды: я метательнымъ стихомъ
Не обманю о имени твоёмъ.
Зави меня, на вызовъ твой не выйду.
Не раздражишь молчанія пѣнца,—
Хочу скорѣй и претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

Съ измѣненіемъ первыхъ четырехъ строкъ, стихотвореніе это
помѣщено на стр. 299, подъ датой 1823 года:

CLXII. Замѣтки.

3.

Надменный пузь, лигмей, крикунь картавый,
Ты на меня задорно лезешь въ бой!
Тутъ есть резонъ: какъ Оростратъ другой,
Безславіемъ ты добиться хочешь славы.
Но тщетнъ труды: я метательнымъ стихомъ
Не обманю объ имени твоёмъ.
Зави меня, на вызовъ твой не выйду,
Не раздражишь молчанія пѣнца,—
Хочу скорѣй и претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глупца.

Далѣ на стр. 249, подъ датой 1821 года, значится:

СХХХVIII. Эпиграммы.

7.

- Въ портретѣ семъ блещитъ искусства превосходство.
Такъ, это точно онъ: глава, улыбка, видъ!
Живой Памфилъ! Одна бѣда, не говорить—
Но тѣмъ живѣе сходство!

Та же эпиграмма варьируется и на стр. 302, подъ датой 1823 года:

CLXV. Къ портрету молчаливаго.

Въ портретѣ семъ блещитъ искусства превосходство.
Нотъ всѣ его черты, его улыбка, видъ,—
Ну, только что не говорить,
И тѣмъ живѣе сходство.

Очевидно, это переработка,—и тогда послѣдняя редакція должна имѣть мѣсто въ текстѣ изданія, а пернал. если ее хотѣть сохранить редакторъ, какъ нарядитъ, слѣдовало бы помѣстить или въ выпискахъ, или въ примѣчаніяхъ къ этому тому сочиненій поэта. Во всякомъ случаѣ, при слѣдующемъ изданіи, необходимо пересмотрѣть болѣе тщательно поэтическія произведенія князя П. А. Вяземскаго и сохранить только тѣ, за которыми будетъ признана окончательная редакція. Мѣра эта тѣмъ болѣе желательна, что, кромѣ приведенныхъ выше, есть еще нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ въ первомъ изданіи двоякимъ.

Декабрь 1884 года.

ТРАГИЧЕСКАЯ КОНЧИНА ГЕНЕР. А. Д. ГЕРШТЕНЦВЕЙГА.

САМОУБИЙСТВО въ 1861 году бывшаго варшавскаго военнаго генералъ-губернатора, генерала Александра Даниловича Герштенцвейга, и послѣдовавшій вслѣдъ за тѣмъ выданный отъѣздъ за границу намѣстника царства Польскаго, графа Карла Карловича Ламберта, составляютъ одинъ изъ назвѣстныхъ эпизодовъ въ исторіи администраціи края, оставившіеся долгое время необъясненными для русской публики, и хотя въ послѣднее время нѣкоторые подробности этого событія описаны въ двухъ-трехъ статьяхъ компетентныхъ лицъ, но окончательно еще не выяснены. А такъ какъ въ моей «Старой записной книжкѣ» записано нѣсколько фактовъ, могущихъ бросить свѣтъ на сказанное дѣло, то я и считаю долгомъ подѣлиться ими съ читателемъ.

Первыя свѣдѣнія о причинахъ, послужившихъ прологомъ къ разыгравшейся драмѣ, сообщены г. Теобальдомъ въ «Воспоминаніяхъ о событіяхъ 1861—1864 годовъ», помѣщенныхъ въ первой книжкѣ «Русскаго Архива» за 1885 годъ. Вотъ что сообщено тамъ ¹⁾.

Графъ Ламбертъ прибылъ намѣстникомъ въ царство Польское въ самый разгаръ манифестацій, въ самое тяжелое время, когда варшавское населеніе, распущенное слабостью покойнаго князя Горчакова и потомъ заступившаго временно его мѣсто военнаго министра Николая Онуфріевича Суховицкаго, достигло до послѣдней степени разнузданности. 1861 и 1862 гг. были для русскихъ въ Варшавѣ

¹⁾ Извѣстныя описанія деталей, неидущихъ къ дѣлу, мною опущены.

предпріятій, въ особенности если эти дамы, по своему положенію, принадлежать къ лицамъ высшей военной іерархіи. Какимъ бытъ, подъ градомъ всевозможныхъ любезностей, ни подвергается офицеръ, если вліятельной особѣ угодно, чтобы задуманный ею балъ, спектакль или базаръ имѣлъ желаемый успѣхъ. Съ него берутъ деньги, вещи и заставляютъ его эксплуатировать друзей и знакомыхъ, навязываютъ ему входные билеты, предлагаютъ лоттерей-аллегри и шампанское въ благотворительномъ буфетѣ. При каждомъ подобномъ предложеніи юнона-корнетъ или подпоручикъ испыхиваетъ и краснѣетъ какъ красная дѣвушка, леденѣя отъ ужаса за гибель кошелька, денечетъ любезности и, ивъ себя, беретъ билеты, пробуетъ счастья въ лотерею, пьетъ вино, отдаетъ послѣдній кредитный билетъ и уходитъ съ гордымъ сознаніемъ непоплатнаго долга. Конечно, все это дѣлаетъ честь нашему офицеру, но не всякому это по карману. У нѣкоторыхъ кончается тѣмъ, что на утро, а то и всю слѣдующую недѣлю бѣднякъ сидитъ безъ чаю и табаку или долженъ послать вѣстового къ барабанщику-еврею занять 3—5 рублей подъ залогъ часовъ или мундира.

Обыкновенно якоремъ спасенія офицерамъ, въ случаѣ невзгоды, служатъ казначей, который, зная каждого офицера, его средства и задолженность въ заемный офицерскій капиталъ ¹⁾ и частнымъ лицамъ, ссужаетъ ихъ до полученія жалованья мелкими суммами. Случается и такъ: подобная ссуда уже взята, большей казначей дать не можетъ и тогда поневолѣ приходится офицеру обращаться за помощію къ ротному ростовнику еврей-барабанщику или горнисту, который и деретъ съ него жидовскіе проценты, такъ какъ займы у нижнихъ чиновъ строго воспрещаются ²⁾.

¹⁾ Въ полкахъ существуютъ офицерскіе заемные капиталы, на образovanje которыхъ ежемѣсячно съ офицеровъ пронаходится вычеты. Изъ капиталовъ этихъ опредѣлено выдавать съ круглой порукой ссуды: штабъ-офицерамъ до 500 р., оберъ-офицерамъ старшихъ чиновъ до 350 р., младшихъ—до 200 р. Но ссуды эти обыкновенно забираются съ первыхъ же дней службы и пополняются когда у офицера образуется такой же свой капиталъ посредствомъ вычетовъ. А до того времени офицеръ не выходитъ изъ долга.

²⁾ Собетвенно воспрещены долги личные по роспискамъ и векселямъ, дабы не возникало претензій. Но въ данныхъ случаяхъ солдатики-евреи генерштахерствуютъ свободно, такъ какъ ссуда обезпечивается залогомъ и жалобы возникнуть не можетъ.

Старый суровый моралист может сказать, что все это вздор и малодушие, что офицер должен жить по средствам и от всякаго несобственного ему по состоянію расхода воздерживаться,—и съ точки зрѣнія ригоризма онъ будетъ правъ: логика на его стороне. Но не нужно забывать, что офицеръ вращается въ обществѣ—и noblesse oblige его съ волками жить, по-волчьи выть. Въ мишурную голодовку въ газетахъ часто появлялись свѣдѣнія, что въ пользу голодающихъ поступило отъ офицеровъ такого-то полка столько-то, такого-то — столько. Богатаго офицерства у насъ не много, со средствами—небольшая часть, а большинство—бѣдняки, слѣдовательно, въ массѣ голодающему отдавалъ послѣднія крохи свои еще болѣе голодающій. Или на это, слѣдуя ученію моралистовъ, слѣдовало наложить veto?

Но оставляя, въ угоду этимъ мелкимъ доктринерамъ, въ сторону всякій долгъ рыцарства, любезности, нѣжливости и общечитія, я поставлю вопросъ, возможно ли жить, при существующей дороговизнѣ вещей вообще предметовъ первой потребности, жить, не говоря уже о большихъ центрахъ, въ провинціи на офицерскій окладъ содержанія 41 р. 25 к.—45 р. 50 к. въ мѣсяцъ? Ежемесячно изъ этого оклада у офицера вычитается (я беру минимумъ): на образованіе офицерскаго заемнаго капитала—2 р., на устройство библіотеки отъ 1 до 2 р., % на заемъ изъ офицерскаго заемнаго капитала (норма 200 р.)—1 р., на уплату долга—10 р., всего до 15 р.; остается 26 р. 25 к.—30 р. 50 к. И на эти деньги онъ долженъ прилично одѣваться, а для смотровъ, парадовъ и представленій начальству завести новую мундирную пару и все снаряженіе, имѣть столъ, чай, табакъ, иногда извозчика, сходить въ баню, заплатить прачкѣ и пріобрѣсти десятокъ мелкихъ домашнихъ вещей, прохв одеслоху, мыла, ваксы и пр. Я не касаюсь уже ничего другого, ни эстетическихъ, ни общественныхъ развлеченій, на которые офицеръ, какъ человекъ и человекъ молодой, имѣетъ право, спрашиваю: можетъ-ли онъ жить на такіа мизерныя средства?

Вѣдь, жить ему приходится при такихъ крайне тѣсныхъ условіяхъ не одинъ годъ. Конечно, точныхъ статистическихъ данныхъ о составѣ корпуса офицеровъ у насъ официально не сообщается. Но я случайно наткнулся на одинъ весьма любопытный документъ. Въ «Военномъ Сборникѣ», за 1892 годъ, помѣщено случайное, отрывочное свѣдѣніе о личномъ составѣ офицеровъ въ одной изъ армейскихъ пѣхотныхъ дивизій, изъ котораго видно, что въ этой дивизіи

къ 1 января 1892 г. состояло 26 штабъ и 266 оберъ-офицеровъ, всего 292 человека. Изъ нихъ:

	Ихъ лѣтъ отъ рож.	Средній вы- ходъ	Прослуживъ	Средній вы- ходъ	Процентъ на службу въ офицерскія чиныъ	Средній вы- ходъ	Служба въ последнихъ чинахъ
Полковники . .	45—54	50	28—35	32	26—35	30	7—14
Подполковники	40—55	45	25—37	28	14—33	24	7
Капитаны . .	33—55	42	18—36	24	15—32	20	15
Штабъ-капит.	30—50	38	11—28	20	9—24	15	12
Поручики . .	23—41	30	6—24	12	4—15	9	8
Подпоручики .	19—30	25	2—12	5	1—4	2 1/2	4

Свѣдѣнiе это самымъ нагляднымъ образомъ убѣждаетъ, что русскому офицеру нужно долго, очень долго тянуть лямку, чтобы добиться мало-маленьки обезпеченнаго положенiя.

Нужно ли послѣ того удивляться, что онъ эмигрируетъ, эмигрируетъ, нужно думать, противъ воли: не у всякаго хватаетъ силы воли выдержать такой долгій некусъ; брюхо и другiе шкурные вопросы ломаютъ самые сильные характеры, въ особенности если предвидится какой-нибудь счастливый исходъ изъ гнетущаго положенiя...

Но отвѣчаетъ ли это видамъ правительства?

Нѣтъ сомнѣнiя, что уходящiй въ отставку, въ запасъ или на службу въ другiя вѣдомства офицеръ, малоспособный къ фронту или питающiй къ военной службѣ антипатiю, не составляетъ потери для армiи. Но оставленiе рядовъ войскъ офицерами-фронтовиками, способными командовать ротами и любящими свое дѣло — едва ли соответствуетъ видамъ правительства. «Рота, эскадронъ, батарея — говорить г. Плужинскiй въ статьѣ своей «О командномъ цензѣ» («Новое Время» 1893 г., № 6211) — нинѣ не только тактическая единица, но и весьма солидная боевая сила, имѣющая возможность послать противнику въ одну минуту, отъ разстоянiя 3,000—4,000 шаговъ и до выстрѣла въ упоръ, — 2,000—4,000 пуль и болѣе.

Командиры ротъ нынѣ являются сплошь и рядомъ совершенно самостоятельными и ответственными начальниками въ бою, а въ мирное время на нихъ лежитъ главный трудъ по образованію годныхъ солдатъ изъ людей самыхъ разнообразныхъ качествъ, физическихъ и духовныхъ. Трудъ этихъ почтенныхъ дѣателей арміи не только признанъ въ послѣднее десятилѣтіе, но и офицеръ». Поэтому импигранція такихъ дѣателей или лицъ, могущихъ быть такими дѣателями, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть желательна. Это соли арміи, опора и надежда побѣды, и если допустить ослабленіе подобнаго элемента, то за арміей едва ли можетъ быть признано надежащее качество. Численность арміи и готовность къ бою, конечно, можетъ быть поставлена на высокую степень, но если ея качество, т.-е., ея внутренняя сила, ея нѣжно бодрствующій и воодушевляющій на всевозможные подвиги духъ, будутъ ослаблены,— никакая численность, никакія знанія, никакія усовершенствованія въ дѣлѣ веденія войны не замѣнятъ качества. Доказательствомъ чему могутъ служить арміи Федерба, Бурбаки, Орели де Паладина и другія, сформированныя народной обороной во Франціи въ 1870 г., послѣ сѣдизскаго разгрома, и немогшія противустать врагу, сокрушавшему ихъ стрѣлою внутренней сносой организаціи.

Вотъ вопросъ, надъ которымъ слѣдуетъ остановить вниманіе и подумать. Изъ приведеннаго выше «Обзора состава и дѣятельности всѣхъ чиновъ военнаго министерства», за 1885 г. видно, что офицеровъ у насъ по мирному времени некомплектъ, и что на пополненіе этого некомплекта допускается пріемъ на службу офицеровъ изъ отставки и запаса. Если факты эти повторялись и въ послѣдующіе годы, то вопросъ еще болѣе осложняется и требуетъ уже принятія мѣръ къ его разрѣшенію. Россія, затрачивая ежегодно отъ 225 до 250 миліоновъ на военное вѣдомство, впрямь желать, чтобы качество ея арміи не подлежало сомнѣнію.

А такъ какъ качество арміи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ надежнаго состава строевыхъ офицеровъ, этихъ, по отзвѣту г. Плещинскаго, самостоятельныхъ и ответственныхъ начальниковъ и образователей годныхъ солдатъ изъ людей самыхъ разнообразныхъ физическихъ и духовныхъ качествъ, а подборъ подобнаго состава офицеровъ находится въ зависимости отъ благосостоянія этихъ офицеровъ во время несенія ими службы, то вопросъ объ улучшеніи качества арміи сводится на первый краеугольный камень ея — на улучшеніе благосостоянія корпуса строевыхъ офицеровъ.

Благосостояніе это можетъ быть осуществлено различными мѣрами, но въ настоящее время первымъ шагомъ на семъ поприщѣ должно быть, какъ я изъяснилъ выше: а) поднятіе значенія строевого офицера и б) увеличеніе его содержанія.

Противъ перваго пункта возраженій, по всей вѣроятности, не будетъ; противъ втораго же могутъ возникнуть вопросы и по существу, т.-е., о размѣрѣ увеличенія содержанія, и по исполненію, т.-е., о средствахъ къ осуществленію сдѣланныхъ предположеній.

Размѣръ увеличенія, конечно, будетъ зависѣть отъ точки зрѣнія, съ которой взглянуть на нужды строевыхъ офицеровъ компетентныя лица, призванныя къ разрѣшенію этого вопроса. Но во всякомъ случаѣ было бы желательно, чтобы разрѣшеніе этого вопроса получило болѣе широкое развитіе. Строевой офицеръ получаетъ содержаніе менѣе всякаго класснаго чиновника, какъ бы ни была ограничена сфера дѣятельности сего послѣдняго. Подпоручикъ получаетъ въ годъ 477 р., поручикъ—495 р., а младшій лекарь, состоящій въ IX классѣ—609 р., сянченникъ—590 р., помощникъ столоначальника въ интендантствѣ IX класса—500—600 р., (VIII класса—900 р.), помощникъ секретаря въ военномъ судѣ—600 р. Что же касается содержанія чиновъ полиціи и другихъ вѣдомствъ, то оно значительно превышаетъ оклады воинскихъ чиновъ. Въ интересахъ справедливости, нужно содержаніе корпуса строевыхъ офицеровъ—повысить противу всякаго соотвѣтственнаго класснаго чина, такъ какъ служба его тяжелѣе, серьезнѣе и подвержена всевозможнымъ случайностямъ, до потери жизни включительно. Если же принять во вниманіе, что увеличеніе содержанія остановитъ уходъ лучшихъ офицеровъ изъ арміи и улучшитъ тѣмъ качество ея, то увеличеніе это должно быть произведено—соотвѣтственно той пользѣ, которую принесетъ оно Россіи въ случаѣ извѣстныхъ событій.

Что же касается средствъ на покрытіе сопряженнаго съ тѣмъ расхода, то они должны быть изысканы. Качество арміи нельзя ставить въ зависимость отъ расхода въ нѣсколько милліоновъ. Много лѣтъ мы держались ружья берданки, но когда признали необходимымъ замѣнить его малокалиберной винтовкой—за расходами дѣло не стало и десятки милліоновъ пошли. Много лѣтъ мы не обращали вниманія на землечастность, но пришла голодовка—и сотни милліоновъ была найдена. Тоже самое должно повториться и въ другомъ случаѣ: если для улучшенія боеваго качества нашей арміи

нужно увеличить содержаніе корпуса строевыхъ офицеровъ, то нѣсколько милліоновъ должны быть найдены. Нельзя ставить защиту и оборону отечества въ зависимость отъ случайностей, ради только однихъ, исполнѣ неумѣстныхъ экономическихъ соображеній. Разгромы государствъ оплачиваются слишкомъ дорого, чему могутъ служить примѣромъ милліарды, заплаченные Франціей Германіи по Франкфуртскому миру.

Іюль, 1893 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

по поводу изданія

«ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО».

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и другихъ изданіяхъ, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ томовъ «Полнаго собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго» помѣщался критическій разборъ этихъ томовъ и сдѣланы нѣкоторыя указанія по поводу замѣченныхъ неточностей, вкрапившихся при разборѣ такого громаднаго матеріала, какъ бумаги покойнаго писателя, поэта, критика, мемуариста и философа. Пишѣ съ окончаніемъ этого прекраснаго изданія, я считаю долгомъ указать на тѣ недосмотры почтеннаго редактора изданія, которые замѣчены мною въ томъ томѣ, гдѣ собраны поэтическія произведенія князя П. А. Вяземскаго.

При внимательномъ ознакомленіи съ стихотвореніями покойнаго поэта, оказалось, что нѣкоторые изъ этихъ стихотвореній, при незначительномъ почти измѣненіи ихъ, помѣщены двукратно, но только подъ разными названіями или подъ другими датами.

Такъ, напримѣръ, на стр. 200, подъ датой 1820 года, мы находимъ:

CVIII. Къ красавицѣ уединенной.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрюмой тишинѣ полуночныхъ степей,
Какъ плѣнью сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубраны мертвая пустынный соловей,
Какъ драгоценный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ глазъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ, сиротѣть здѣсь въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

Тоже стихотвореніе повторено на стр. 271, подъ датой 1822 г

CL. Въ альбомъ н. А. П. Т.

Какъ роза свѣжая одна благоухаетъ
Въ угрожающей тишинѣ полуночныхъ степенъ,
Изъ пѣсню сладостной въ часъ утра оглашаетъ
Дубравы жертвы пустынный соловей,
Какъ драгоценный перлъ, волнами поглощенный,
Скрывается отъ насъ на жадномъ днѣ морей,—
Такъ сиротѣ въ странѣ уединенной
Богиня красоты безъ жертвъ и алтарей.

На стр. 248, подъ датой 1821 года, напечатано:

CXXXVIII. Эпиграммы.

I.

Безстыдный лжецъ презрительной рукой
На гибель мнѣ ты разбиваешь вѣсти;
Предвижу я: какъ Оростратъ другой,
Безстыдствомъ ты добиться хочешь чести;
Но тщетнъ труды: я метительнымъ стихомъ
Не объявлю о имени твоёмъ.
Яви мени, на вызовъ твой не выйду.
Не раздражишь молчанія пѣнца,—
Хочу скорѣй и претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глумца.

Съ измѣненіемъ первыхъ четырехъ строкъ, стихотвореніе это помѣщено на стр. 299, подъ датой 1823 года:

CLXII. Замѣтки.

3.

Надменный нуль, пигмей, крикунь картавый,
Ты на меня задорно лезешь въ бой!
Тутъ есть резонъ: какъ Оростратъ другой,
Безславіемъ ты добиться хочешь славы.
Но тщетнъ труды: я метительнымъ стихомъ
Не объявлю объ имени твоёмъ.
Яви мени, на вызовъ твой не выйду,
Не раздражишь молчанія пѣнца,—
Хочу скорѣй и претерпѣть обиду,
Чѣмъ въ честь пустить безвѣстнаго глумца.

Далѣе на стр. 249, подъ датой 1821 года, значится:

СХХХVIII. Эпиграммы.

7.

- Въ портретѣ семъ блестятъ искусства превосходство.
Такъ, это точно онъ: глава, улыбка, видъ!
Живой Памфилъ! Одна бѣда, не говорить—
Но тѣмъ живѣе сходство!

Та же эпиграмма варьируется и на стран. 302, подъ датой 1823 года:

CLXV. Къ портрету молчаливаго.

Въ портретѣ семъ блестятъ искусства превосходство.
Ютъ въ его чертѣ, его улыбка, видъ,—
Ну, только что не говорить,
И тѣмъ живѣе сходство.

Очевидно, это переработка,—и тогда послѣдняя редакція должна имѣть мѣсто въ текстѣ изданія, а первая, если се хотѣлъ сохранить редакторъ, какъ варіантъ, слѣдовало бы помѣстить или въ выпискахъ, или въ примѣчаніяхъ къ этому тому сочиненій поэта. Во всякомъ случаѣ, при слѣдующемъ изданіи, необходимо пересмотрѣть болѣе тщательно поэтическія произведенія князя П. А. Вяземскаго и сохранить только тѣ, за которыми будетъ признана окончательная редакція. Мѣра эта тѣмъ болѣе желательна, что, кромѣ приведенныхъ выше, есть еще нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ въ первомъ изданіи двоякимъ.

Декабрь 1884 года.

ТРАГИЧЕСКАЯ КОНЧИНА ГЕНЕР. А. Д. ГЕРШЕНЦВЕЙГА.

 СЛУХОВОЕ СЪВѢДѢНІЕ въ 1861 году бывшаго варшавскаго военнаго генералъ-губернатора, генерала Александра Даниловича Гершенцевейга, и послѣдовавшій вслѣдъ за тѣмъ внезапный отъѣздъ за границу намѣстника царства Польскаго, графа Карла Карловича Ламберта, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи администраціи края, остававшійся долгое время необъявленнымъ для русской публики, и хотя въ послѣднее время нѣкоторые подробности этого событія описаны въ двухъ-трехъ статьяхъ компетентныхъ лицъ, но окончательно еще не выяснены. А такъ какъ въ моей «Старой записной книжкѣ» записано нѣсколько фактовъ, могущихъ бросить свѣтъ на сказанное дѣло, то я и считаю долгомъ подѣлиться ими съ читателемъ.

Первыя свѣдѣнія о причинахъ, послужившихъ прологомъ къ разыгравшейся драмѣ, сообщены г. Теобальдомъ въ «Воспоминаніяхъ о событіяхъ 1861—1864 годовъ», помѣщенныхъ въ первой книжкѣ «Русскаго Архива» за 1885 годъ. Вотъ что сообщено тамъ ¹⁾.

Графъ Ламбертъ прибылъ намѣстникомъ въ царство Польское въ самый разгаръ манифестаціи, въ самое тяжелое время, когда варшавское населеніе, распущенное слабостью покойнаго князя Горчакова и потому заступившаго временно его мѣсто военнаго министра Николая Онуфріевича Сухоманета, достигло до послѣдней степени разнузданности. 1861 и 1862 гг. были для русскихъ въ Варшавѣ

¹⁾ Полнѣйшія описанія деталей, ведущихъ къ дѣлу, мною опущены.

тяжелѣе 1863 года. Анархія не господствовала, а свирѣпствовала въ Польшѣ, словно какая нибудь стихійная разрушительная сила. Вездѣ, въ цѣломъ царствѣ, проявились такъ называемые «конотачы музыки», состоявшія изъ нападенія на дома и цѣлыя заведенія и окончательнаго ихъ разграбленія и даже разрушенія. Обезумѣвшій народъ, толпами тысячъ въ сорокъ, совершалъ шествія по Варшавѣ, съ сломанными крестомъ впереди, нѣтъ революціонныя пѣсни и конунгистональ въ костелахъ. Русскихъ оскорбляли на каждомъ шагу, и никто не смѣлъ наказывать обидчиковъ, ни даже защищаться. Довелъ край до такого безумнаго состоянія Сухозанецъ. Иначе оно и быть не могло послѣ того, какъ онъ издалъ свой пресловутый приказъ, что «служба требуетъ жертвъ». Кромѣ того, Сухозанецъ не разъ говорилъ офицерамъ: «что вы придираетесь, господа, къ полякамъ за ординки и крестники, которые они носятъ вмѣсто булавки, за чамарки, за конфедератки? Все это глупости, ребячество, отъ которыхъ Россія не погибнетъ». Поляки очень хорошо знали и приказы, и подобные отзывы, и отлично пользовались этимъ ослабленіемъ, позабывъ кровавый урокъ, данный имъ 8-го апрѣля 1861 года генераломъ Хрулевымъ. Словомъ все, что было тогда приобретено русскими, было вынуждено изъ рукъ Сухозанецомъ, и положеніе сдѣлалось во много разъ хуже предыдущаго.

Графъ Ламбертъ круто изляся за дѣло и хотѣлъ силою заставить поляковъ исполнять его приказанія, но поляки, разирающиеся Сухозанецомъ, вообразили, что и къ приказаніямъ графа Ламберта можно относиться съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ относились они къ познаніямъ Сухозанца. Къ тому же ксендзы внушали имъ, что графъ — самъ «правовѣрный католикъ» и потому не захочетъ погубить свою душу преслѣдованіемъ «невинныхъ и безоружныхъ» едиповѣрцевъ.

Безнаказанности, громадиѣшей манифестаціи, при погребеніи митрополита Фіалковскаго 1 октября, когда мимо графа Ламберта пропесли шестьдесятъ революціонныхъ знаменъ и столько же коронъ квазі-польскихъ земель, поселила въ полякахъ увѣренность, что и новаго намѣстника бояться нечего. И вотъ черезъ день, именно 3 октября, въ годовщину смерти Косцюжки, назначены были «центральнымъ комитетомъ» панихиды во всѣхъ костелахъ царства. Графъ Ламбертъ наканунѣ издалъ прокламацію, въ которой строгаѣе воспрещалъ эту манифестацію и присоветовалъ, что ослушники настоящаго приказанія будутъ арестованы и судимы по всей

строгости военных законов. Поляки осмеляли это приказание и огромными толпами собирались во все костелы. Варшавскія войска, бывшія наготовѣ, окружили костелы, но народъ въ приходъ войскъ успѣлъ выбѣжать изъ всѣхъ костеловъ, за исключеніемъ «Свѣнтоянскаго», «Бернардинскаго» и «Свѣнтокржшискаго». Эти три костела были окружены войсками, такъ что никто изъ нихъ выйти не успѣлъ. Находившіеся внутри, видя невозможность улизнуть, захлопнули изнутри двери и не впустили въ костелы войскъ. Но «Свѣнтокржшискій» костель, сверху чаянія оказался незапертымъ изнутри, и какъ удивлялись начальники войскъ, когда, при входѣ въ костель, они не нашли въ немъ ни души. Всѣ до единого, мужчины и женщины, успѣли черезъ тайный подземный ходъ выйти благополучно на улицу.

Между тѣмъ, осажденные въ «Свѣнтоянскомъ» и «Бернардинскомъ» костелахъ не хотѣли ни сдаваться, ни выпустить женщинъ. Ксендзы съ кафедръ поддерживали мужество осажденныхъ и подстрекали къ кровавому сопротивленію.

Такъ прошелъ цѣлый день, съ 10 часовъ утра.

Ночью разнесся слухъ, что на разсвѣтъ исправляющій должность митрополита прелатъ Виллобжескій готовится, въ числѣ огромной процессіи изъ всего наличнаго духовенства, при колокольномъ звонѣ, двинуться къ осажденнымъ костеламъ «для освобожденія изъ-подъ ареста Христа и всей церковной свѣтыни». Собрался военный советъ... и было рѣшено: взломать двери въ костелахъ, женщинъ отпустить по домамъ, а мужчинъ отправить въ цитадель, съ тѣмъ, что молодые будутъ сданы въ солдаты, а старые сосланы на поселеніе... Прежде всего были взломаны двери въ «Бернардинскомъ» костель, мужчины арестованы, а женщинамъ предоставлена свобода оставаться въ костель или отправляться домой. Затѣмъ тоже самое повторено и въ «Свѣнтоянскомъ» костель... Вся операція была окончена къ 3 часамъ ночи. Арестовано и отправлено въ цитадель 1684 человека, о чемъ Герштенцвейгъ въ ту же ночь доложилъ графу Ламберту, который и отвѣчалъ ему: «Судьба ихъ рѣшена: молодые въ солдаты, старые въ Сибирь».

На другой день, часовъ въ 8 утра, графъ Ламбертъ потребовалъ къ себѣ генерала Левинина, бывшаго тогда варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.

— Позжайте, сказалъ онъ ему, въ цитадель, осмотрите всѣхъ арестованныхъ, и если найдете такихъ, которые, по нашему убѣж-

денію, невинны и попали въ костелы какъ нибудь случайно, такихъ именъ моихъ освободите.

Часовъ въ 11 утра графъ приказалъ г. Теобальду отправиться въ цитадель и доставить ему свидѣніе, что сдѣлалъ Ленинъ: сколько освободилъ и сколько оставилъ подъ арестомъ? При выѣздѣ изъ «Закрочимской» улицы на эспланаду цитадели, онъ встрѣтилъ шедшую навстрѣчу толпу челоѣкъ въ 500 или 600, которая со свистомъ и гикомъ орала: «Еще Польска не сгинела». Въ то же время онъ замѣтилъ и Герштенцвейга, который также ѣхалъ въ цитадель, но остановился и, стоя въ коляскѣ, съ удивленіемъ глядѣлъ на бѣсновавшуюся толпу.

— Что это значитъ? спросилъ онъ его.

— Не могу понять, отвѣчалъ спрошенный.

Добравъ до гласиса цитадели, они встрѣтили другую такую же толпу, кричащую: «Нѣтъ жьме Наполеонъ! Вивать Викторіа!»

Герштенцвейгъ повторилъ вопросъ.

— Но то есть, нанае? спросилъ толпу г. Теобальдъ.

— То, что Наполеонъ и Викторіа неѣли насъ освободить. Струсели москалѣ! Теперь мы насъ не боимся! отвѣчали изъ толпы.

Услыша такой отвѣтъ, генералъ-губернаторъ приказалъ кучеру скорѣе ѣхать въ цитадель, но на крѣпостномъ мосту его задержала третья толпа съ такими же криками.

Герштенцвейгъ кинѣлъ гикомъ. Но на докладѣ автора «Воспоминаній», что графъ намѣстникъ приказалъ генералу Ленину освободить изъ числа арестованныхъ тѣхъ, которые случайно попали въ костелы, и что онъ, вѣроятно, нашелъ ихъ всѣхъ невинными, — не отвѣчалъ ни слова.

Но пріѣздъ ихъ въ паніонъ, назначенный для содержанія политическихъ преступниковъ, изъ 1684 челоѣкъ арестованныхъ, находилось только 22 челоѣка, которые хватили за коѣны генерала Ленинна, намѣревавшагося, повидимому, освободить и этихъ. Герштенцвейгъ въ страшномъ гикѣ накинулся на Ленинна:

— Что это значитъ, генералъ?

Ленинъ выдержалъ, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и, отчеканивая каждое слово, отвѣчалъ:

— Исполняя приказаніе намѣстника, генералъ! Графъ приказалъ мнѣ освободить тѣхъ, которыхъ, по убѣжденію моему, я признаю невинными. Вотъ я и освобождалъ невинныхъ.

— И вы смѣете говорить мнѣ это съ такимъ цинизмомъ?.. Это измѣна!..

— Я прошу, ваше превосходительство, не возвышать голоса, и обдумывать ваши выраженія. Я стану отвѣчать не передъ вами, а предъ намѣстникомъ: ему я дамъ отчетъ, и онъ одинъ мнѣ судья.

Странно возбѣшенный Герштенцвейгъ выбѣжалъ изъ кабинета, вскочилъ въ коляску и крикнулъ кучеру: «къ намѣстнику!» Авторъ «Воспоминаній» послѣдовалъ за нимъ. Но прїѣздъ первый бросился въ кабинетъ къ графу Ламберту безъ доклада, а второй остался въ залѣ.

Минуты черезъ двѣ вбѣжалъ въ залу также возбѣшенный и генералъ Хрулевъ.

— Слышали вы, что этотъ измѣнникъ надѣлалъ? спросилъ онъ автора «Воспоминаній».

— Не только слышалъ, но и видѣлъ, потому что сейчасъ пернулся съ генералъ-губернаторомъ изъ цитадели.

— А гдѣ генералъ-губернаторъ?

— Здѣсь, въ кабинетъ у графа.

Разговоръ прекратился. Изъ кабинета между тѣмъ доносился какой-то гулъ, похожій на громкій разговоръ или даже споръ. Вдругъ двери съ шумомъ растворились и изъ нея выгинулся графъ Ламбертъ, блѣдный и сильно взволнованный.

— Скорѣе просите ко мнѣ генерала Хрулева! сказали онъ скороговоркою. Но замѣтивъ Хрулева, прервалъ себя: Ахъ, Степанъ Александровичъ, вы здѣсь! Милости просимъ ко мнѣ.

Что затѣмъ происходило въ кабинетѣ — слышно не было. Но минутой черезъ десять Герштенцвейгъ и Хрулевъ вышли изъ кабинета оба взволнованные — и уѣхали.

Въ тотъ же день, т.-е. 4 октября, Варшавскій канитулъ, съ прелатомъ Бялобржескимъ во главѣ, закрылъ костелы во всемъ Царствѣ Польскомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что одни изъ нихъ «осквернены пролитіемъ крови», а другіе могутъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, подвергнуться той же участи. Со стороны же мѣстной власти на другой день въ «Варшавскомъ дневникѣ» по поводу арестовъ въ костелахъ появилось «официальное сообщеніе» и край объявленъ состоящимъ на военномъ положеніи. Генералъ Герштенцвейгъ заболѣлъ, но какого рода была болѣзнь — сохранялось въ глубокой тайнѣ, а черезъ три недѣли его скоропилл.

Генералъ Левшинъ, — закончилъ свою статью г. Тобольскъ: — былъ единственною и исключительною причиною смерти генерала Герингенштейна. Въ варшавскіе оберъ-полицеймейстеры сильно добивались популярности у поляковъ, но Левшинъ превзошелъ всѣхъ. При немъ полиція была деморализована въ высшей степени: полиціанты ¹⁾ выводили за закрытыя тогда заставы молодежь и направляли ее «до ясу», полиціанты были книжальщиками и убивали тѣхъ, кого указывалъ имъ «жондъ народной». Гдѣ предполагалось убійство, тамъ на далекомъ разстояніи нельзя было найти ни одного полиціанта, ни одного извозчика, даже прохожихъ агенты направляли въ другія улицы. Это онъ, по его словамъ, испытывалъ на себѣ, когда окруженный и раненный уличными книжальщиками, долженъ былъ пѣшкомъ дойти до замка, слишкомъ версту.

Редакція «Русскаго Архива» напечатала эти «Воспоминанія», присовокупила отъ себя слѣдующій разсказъ объ этомъ событіи историка польскаго поэтанія, Н. В. Берга.

Левшинъ получилъ приказаніе отправиться въ цитадель и, произведя тамъ, вмѣстѣ съ комендантомъ ея, генералъ-маіоромъ Ермоловымъ, возможно скорую сортировку арестованныхъ, освободить тѣхъ, кто покажется имъ менѣе опаснымъ и виновнымъ, причесть обращать вниманіе на позрасть. Сортировка была произведена очень быстро, и значительная часть арестованныхъ освобождена къ 11-ти часамъ дня. Генералъ-губернаторъ (Герингенштейнъ) ничего не зналъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ до полудня. Принимая въ 9 часоу, по заведенному порядку, рапортъ отъ коменданта города, генералъ-маіора Бебутова и услышавъ отъ него, что онъ ѣдетъ въ цитадель, онъ приказалъ взглянуть на арестантовъ и позаботиться, чтобы у нихъ было все необходимое: хорошая пища, для спанья тюфяки и солома. Послѣ этого генералъ-губернаторъ принялъ еще нѣсколько лицъ и отправился въ замокъ, гдѣ узналъ все и имѣлъ съ намѣстникомъ, глазъ-на-глазъ, то крупное объясненіе, о которомъ было столько различныхъ предположеній и толковъ, но которое до сихъ поръ остается тайной. Многие думаютъ, что Герингенштейнъ высказалъ намѣстнику неудовольствіе на крайнюю безхарактерность его распоряженій: «нарушивъ собственное свое постановленіе, на томъ основа-

¹⁾ Вольшею частью польскіе уроженцы или варшавяки.

нин, что аресты были признаны деломъ неизбежнымъ и неотвратимымъ, заставивъ его, Герингенцвейга, распорядиться внять въ соборъ, чрезъ нѣсколько часовъ отдать приказъ объ освобожденіи арестованныхъ! Къ чему же была вся эта ночная печальная комедія, свалка народа съ войсками, при званіи набитаго колокола; къ чему были соблазны нарушенія собственнаго приказа? Тутъ же вылилось, ифронто, и все то, что затаено было въ груди допольно данно, что накопилось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, привезено изъ С.-Петербурга... Намѣстники и Герингенцвейгъ вызвали другъ друга, по мнѣнію большинства, на дуэль, которую, по избѣжаніе скандала, рѣшились принести въ исполненіе особымъ, такъ называемымъ американскимъ способомъ. Броненъ былъ жребій: кому выпадеть «пистолеть», тотъ долженъ застрѣлиться. Пистолетъ выпалъ Герингенцвейгу... Такъ рассказывали въ Варшавѣ и рассказываютъ до сихъ поръ. Верно извѣстно только то, что Герингенцвейгъ уѣхалъ изъ замка часу въ пятью дня, чрезвычайно разстроенный. Въ пять онъ обѣдалъ у себя дома съ директоромъ своей канцеляріи, Честилинымъ, и однимъ изъ своихъ адъютантовъ, Подъпольнымъ. Говорили мало. Вѣкъ было, что называется, не по себѣ. Пообѣдавъ, Герингенцвейгъ легъ въ своемъ кабинетѣ отдохнуть, не раздѣваясь, въ сюртукъ, какъ былъ, и никого не желѣлъ принимать. Такъ пролежалъ онъ, почти безъ движенія, весь тотъ вечеръ. На другой день, 5-го октября, встанъ съ постели часовъ въ 7 утра, онъ зарядилъ револьверъ и, подойдя къ одному изъ оконъ кабинета, выстрѣлилъ себѣ въ лобъ два раза: первая пуля, скользя по черену, прошла сквозь гардину и окошко. Другой выстрѣлъ произвелъ въ черепѣ одиннадцатыя трещины, и пуля, пробивъ лобъ и скользя по внутренности черепа, остановилась въ затылкѣ. Не смотря на это, несчастный страдалецъ былъ не только живъ, но и сохранялъ всѣ чувства. Дойдя снова до постели, стоявшей въ другомъ покоѣ, онъ легъ и позвонилъ. Выстрѣловъ въ домѣ никто не слышалъ. Последній по звонку человекъ, увидѣвъ генерала окровавленнаго, бросился вонъ къ дежурному адъютанту. Когда тотъ въбѣжалъ: «*Il n'écrit-voins, сказалъ ему спокойно Герингенцвейгъ: deux corps, et je ne sais pas encore mort!*» Дальнѣйшій разговоръ ихъ неизвѣстенъ... Несчастный умиралъ 19 дней. Смерть последовала, когда попробовали вынуть пулю: 24 октября 1861 года.

За снѣжъ въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за

1887 годъ появилась статья С. М. Борцова «Самоубійство генерала Герингенцвейга», въ которой онъ сообщилъ слѣдующее³⁾.

Я былъ единственнымъ, случайнымъ свидѣтелемъ прискорбнаго столкновѣнія графа Ламберта съ Герингенцвейгомъ, повлекшаго за собой американскую дуэль между этими двумя сановниками и за тѣмъ самоубійство Герингенцвейга. До сихъ поръ я не считалъ себя въ правѣ разоблачать тайну, унесенную въ могилу дѣйствующими лицами этой драмы. Но теперь событіе это принадлежитъ уже исторіи, а между тѣмъ въ печати появляются невѣрные рассказы, попорочающіе лишь слухи и догадки, ходившіе тогда въ Варшавѣ. Поэтому я полагаю, что на мнѣ, какъ на единственномъ изъ оставшихся въ живыхъ свидѣлѣхъ и очевидцѣ упомянутой драмы, лежитъ обязанность возстановить истину.

Изъ статьи Борцова видно, что, бывая у графа Карла Карловича Ламберта въ Петербургѣ, послѣ назначенія его намѣстникомъ царства Польскаго, онъ былъ очень удивленъ назначеніемъ на должность Варшавскаго генералъ-губернатора генерала Герингенцвейга, съ которымъ графъ Ламбертъ прежде никогда не сблизился и стоялъ въ довольно холодныхъ и натянутыхъ отношеніяхъ. Оба, по его словамъ, въ высшей степени самолюбивые и честолюбивые, они не уступали другъ другу ни умомъ, ни ловкостью, и знали себѣ цѣну, и такъ какъ изъ ихъ совместной службы ничего хорошаго выйти не могло, то онъ и позволялъ себѣ, при случаѣ, высказаться противъ этого, поясняя свою мысль послѣдницей: два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ.

— Спасибо за сравненіе — разсѣялся графъ Ламбертъ: — но я полагаю, сказалъ онъ, что берлога эта на столько просторна, что не только съ однимъ, но даже съ нѣсколькими подобными Герингенцвейгу медвѣдями, я въ ней сумѣю ужиться.

Но событія, къ сожалѣнію, неоправдали такого самоутѣнія. Вотъ что разсказываетъ С. М. Борцовъ о ихъ столкновѣніи и дуэли.

Въ концѣ Сентября 1861 года, въ самый разгаръ волненій, онъ прѣхалъ въ Варшаву и явился къ намѣстнику. Лицо его было темно-блѣдное, печулазое и съ вываливающимся блестящими глазами. На вопросъ Борцова о его здоровьѣ, онъ вынулъ изъ кармана заляпанный кровью носовой платокъ и, указывая на него, сказалъ:

³⁾ Подробности, не относящіяся до настоящаго событія мною опущены.

— Voilà, mon cher, ce qu'ont faits les deux mois de mon séjour à Varsovie.

Анархія, существовавшая во всемъ царствѣ Польскомъ, особенно же въ Варшавѣ, а равно постоянныя манифестаціи поляковъ сильно помѣшали на разстроенное и безъ того уже здоровье графа, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, такъ что съ трудомъ могъ даже ходить, а потому и напелся вынужденнымъ предоставить непосредственныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряженія Герштенцвейгу, какъ прямому по знанію военнаго генералъ-губернатора своему помощнику, заступающему его мѣсто.

Когда послѣ громадной манифестаціи 3 Октября, нѣсколько сотъ лицъ были арестованы Герштенцвейгомъ въ костелахъ и отправлены въ цитадель, графъ Ламбертъ донесъ немедленно о событіи этомъ телеграммою въ Вѣсть почивающему императору Александру Николаевичу, находившемуся въ то время въ Ливадіи. Получивъ отъ его величества отвѣтную депешу, въ которой, не отрицая необходимости и строгости принятыхъ мѣръ, государь выразилъ не менѣе того желаніе, чтобы мѣры эти не были очень круты, — графъ потребовалъ къ себѣ немедленно, бывшаго тогда Варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, генерала Левинина и приказалъ ему осмотрѣть всѣхъ арестованныхъ и освободить тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся моложе 20 и старше 40 лѣтъ и, по убѣжденію его, признаны будутъ имъ невинными или понавшими въ костелы вследствие какой либо случайности, что Левининъ и исполнилъ.

Герштенцвейгъ, узнавъ объ этомъ, сдѣланномъ намѣстникомъ помимо его распоряженій, странно возбужденный, тотчасъ же отправился къ нему и безъ доклада вѣщалъ, такъ сказать, въ его кабинетъ, гдѣ въ то время находился и Борцовъ.

— Что значать сдѣланныя вами и безъ всякаго моего о томъ вѣдома распоряженія объ освобожденіи изъ цитадели заарестованныхъ мною въ костелахъ? — дерзкимъ тономъ и возвышеннъ голосъ, спросилъ онъ намѣстника. — Если это не есть прямая наглѣя, то въ крайнемъ случаѣ желаніе показать себя человѣкомъ гуманнымъ предъ лицомъ Европы. Когда нужно было карать, то вы на меня возложили обязанность эту, предоставляли одному себѣ исключительное право милосердія, и тѣмъ преступили вами же утвержденное постановленіе военнаго совѣта.

— Просту васъ успокоиться и опомниться, Александръ Даниловичъ, сдержанно отвѣчалъ графъ Ламбертъ. Возложили на васъ эту

обязанность, я полагаю совершенно излишнимъ дѣлать вамъ такіа указанія, которые необходимы для какого нибудь ефрейтора, а не для почтеннаго генералъ-губернатора, особенно же для васъ. Если я и указалъ вамъ идти по извѣстному направленію и вы на пути этомъ встрѣтили пропасть, то вамъ слѣдовало ее обойти, а не бросаться въ нее.

— Ты отрицаешь слова свои и сдѣланное тобою самимъ распоряженіе? съ запальчивостью возразилъ Герштенцвейгъ.

Оба разгоряченные, они стояли другъ передъ другомъ, какъ два лютые зѣбры. Графъ Ламбертъ, сосредоточенный самъ въ себя и удерживая свой гнѣвъ, съ чувствомъ достоинства, старался казаться спокойнымъ и не выходить изъ предѣловъ приличій; Герштенцвейгъ же все, болѣе и болѣе возмывая свой голосъ, терялъ самообладаніе и подступалъ къ Ламберту.

Борцовъ попытался было замѣтить что-то, но Герштенцвейгъ крикнулъ на него:

— Съ какого права вы позволяете себѣ вмѣшиваться въ наши обязательства? Извольте выйти отсюда, это до васъ не касается!

— Вы забываете, что онъ не у васъ, а у меня, — сказалъ графъ Ламбертъ, — и я не предоставляю еще вамъ права распоряжаться въ моемъ домѣ. Прощу васъ, Борцовъ, остаться; по крайней мѣрѣ вы можете быть свидѣтелями, на сколько забываются и до какой степени наглости иногда доходить благополучившіе люди.

— А тебѣ еще нужны свидѣтели!... возразилъ Герштенцвейгъ, и со словами: «ты пѣвунникъ и...» бросился къ графу Ламберту, но Борцовъ зашелолъ его.

Исползовавшею этой минутой, графъ Ламбертъ, сильно измощаванный, отворилъ дверь изъ кабинета въ пріемную и увидѣвъ генерала Хрулева, сказалъ ему:

— Вы то мнѣ и нужны, Степанъ Александровичъ, прошу васъ пожаловать ко мнѣ, и вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ кабинетъ.

Объяснивъ генералу Хрулеву все между Герштенцвейгомъ и нимъ происшедшее, онъ присовокупилъ:

— Засимъ представляю вамъ, Степанъ Александровичъ, рѣшить, что послѣ этого остается намъ дѣлать, хотя, говоря по совѣсти, и не могу себя упрекнуть ни въ чемъ, что могло бы дать поводъ подобной выходкѣ Александра Даниловича, который, полагаю, самъ въ томъ долженъ сознаться.

— Здѣсь не мѣсто ни сознанію, ни отрицанію, а остается дѣ-

дать то, что въ подобныхъ случаяхъ дѣлается между порядочными людьми; я готовъ дать вамъ удовольствіе, сказалъ Герштенцвейгъ.

Хрулевъ хотѣлъ было привести ихъ какимъ либо путемъ къ примиренію, представляя вниманію ихъ, что соединокъ между на-мѣстникомъ и военнымъ генералъ-губернаторомъ, особенно же при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ они и всѣ окружающіе ихъ находились въ Варшавѣ, несмыслихъ и вызоветь странный скан-далъ: но всѣ его усилія были напрасны, и тогда, по избѣжаніе огласки, рѣшено было остановиться на американской дуэли, назы-ваемой французами «*duel à la courte paille*», причѣмъ посредники подаетъ противникамъ два конца носового платка, на одномъ изъ которыхъ завязывается узелокъ, и вытащившій такой обязанности добровольно застрѣлится. Посредникомъ этимъ былъ генералъ Хрулевъ, и жребій палъ на Герштенцвейга, который и вытащилъ злощастный узелокъ, приведшій его къ самоубійству.

Взявъ съ генерала Хрулева и съ Борцова обвиненіе, что все ими слышанное и на глазахъ ихъ происшедшее они будутъ держать въ тайнѣ, Герштенцвейгъ, а вслѣдъ за нимъ и Хрулевъ уѣхали. Графъ Ламбертъ, странно взволнованный и разстроенный, бросился въ кресло, на глазахъ его показались слезы и, послѣ минутнаго молчанія, онъ зарыдалъ, между тѣмъ какъ кровь хлынула у него горломъ. На другой день у него былъ официальный обѣдъ, на ко-торомъ присутствовало болѣе 30 человекъ изъ числа высокопостав-ленныхъ лицъ и чиновъ его штаба. Когда встали изъ-за стола, графъ, при слабости спосѣ, будучи не въ состояніи раздѣлать долѣе тягостную для него бесѣду, извинился и удалился въ кабинетъ. За сномъ, потрясенный всѣми упомянутыми событіями и цѣлымъ рядомъ не-пріятностей, удрученный болѣзью, физически и психически раз-строенный, не могъ быть въ нормальномъ состояніи и находился такъ сказать, въ состояніи невнятности. Чувствуя себя не въ силахъ нести далѣе бремя лежащихъ на немъ обязанностей и не-полнять ихъ сознательно, онъ рѣшился оставить злополучный для него городъ и занимаемый имъ высокій постъ, чистосердечно до-нести обо всемъ государю императору и, не дождавшись исправниаемаго на то разрѣшенія, отправился въ Лондонъ, а затѣмъ на островъ Малеру, гдѣ скоро и скончался.

На статьи гг. Н. В. Борцова и С. М. Борцова, г. Теобальдъ воз-

— Время терпѣть, отвѣтилъ я старику, желая успокоить его, еще успеете сосчитаться...

— А если не успѣю? завопилъ старикъ въ подушкахъ и потянулся къ этажеркѣ, на которой лежало нѣсколько исписанныхъ лоскутковъ бумаги, вѣдь все можетъ случиться...

— Плохѣе, братъ, мы съ тобой никаки, засѣдалъ графъ Ростопчинъ, у меня тоже одинъ ученый генералъ загребъ хранившіеся въ одномъ вывеснѣ учрежденіи бумаги моего покойнаго отца, и я, какъ ты же, чуть ли не каждый день все собираюсь написать объ этомъ, да никакъ не соберусь.

— Поэтому-то вотъ я и приглашаю пріятеля выручить меня, хрипѣлъ Борцовъ, разбирая снятые съ этажерки лоскутки бумаги. Можете вы, Петръ Косыничъ, скомпоновать мнѣ отвѣтъ, обратился онъ ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ, если вы предоставите мнѣ матеріалъ.

— А вотъ возьмите, тутъ я приготовилъ кое-что, а встрѣтитесь затрудненіе—заходите, я объясню вамъ.

Мы долго сидѣли, графъ Ростопчинъ, вспоминая старину, рассказывалъ нѣсколько интересныхъ случаевъ изъ жизни въ Сибири и два-три эпизода изъ жизни отца, но такъ какъ рассказы эти не относятся до сути настоящей статьи, то, опуская ихъ, я перейду къ дѣлу.

Сидѣли черезъ дѣй я принесъ Борцову написанный мною отвѣтъ, но онъ не поправился ему по своей сдержанности. Ему хотѣлось отдѣлать оппонента на славу, я же не совѣтовалъ этого дѣлать въ интересахъ серьезности затронутого вопроса, онъ какъ будто согласился съ моими доводами, принялъ отъ меня поздравительныя бумаги, но отвѣтъ такъ и не написали. Затѣмъ мы больше не сидѣлись. Я уѣхалъ по дѣламъ въ Москву, а Борцовъ умеръ. Но у меня сохранилась черновая написанная мною отвѣта. беру изъ нея то, что можетъ служить для разъясненія трагическаго событія. Истинна рассказаннаго Борцовымъ не подлежитъ сомнѣнію.

Сергій Михайловичъ еще въ Петербургѣ былъ приглашенъ графомъ Ламбертомъ поступить къ нему на службу чиновникомъ для особыхъ порученій, на что онъ и изъявилъ свое согласіе. Между тѣмъ домашнія его обстоятельства сложились такъ, что онъ не могъ тотчасъ же отправиться въ Варшаву, и прибылъ только въ концѣ сентября 1861 года. Но и тутъ, являсь къ графу Карлу Карловичу, онъ сталъ просить его позволить ему, прежде, чѣмъ поступить въ

исполненіе служебныхъ обязанностей, съѣздить въ Ниццу къ больной матери. Графъ-намістникъ, обрадовавшись его прѣѣзду, такъ какъ онъ, по собственному его выраженію, находился въ Варшавѣ въ кругу совершенно чужихъ и чуждыхъ ему по духу людей, не согласился на это, просилъ остаться, обѣщая отпустить его въ отпускъ черезъ мѣсяцъ или два, какъ только обстоятельства позволятъ. Борцовъ упрямился, зная, что попавши въ кинжаль событій, скорее въ немъ сварятся, нежели выскочатъ, хотѣлъ уже совѣсть отказать отъ поступленія въ службу къ намѣстнику, и съ этой цѣлью, для окончательнаго разрѣшенія вопроса, 4 октября забрался къ графу Карлу Карловичу съ утра пораньше. Онъ явился къ нему, какъ и прежде, не чрезъ пріемную, а по внутреннему ходу, и потому приходъ его, завершившійся случайнымъ нахожденіемъ при столкновеніи графа Ламберта съ Геринценштейномъ, не могъ быть извѣстенъ г. Теобальду, тѣмъ болѣе, что и онъ самъ въ то утро посланъ былъ въ цитадель и вернулся въ замокъ неслѣдъ за Геринценштейномъ.

Посылать за Борцовымъ въ этотъ день, послѣ ухода Геринценштейга и Хрулева, намѣстникъ не могъ, потому что онъ, послѣ дуэли, въ пріемную не выходилъ и никакихъ приказаній никому не отдавалъ. Потрясенный до глубины души нѣмъ случившимся въ тотъ день, онъ только попросилъ вышедшаго отъ него послѣ Геринценштейга Хрулева сказать дежурному, что пріема больше не будетъ и чтобы къ нему допустили только Левинина, когда онъ вернется изъ цитадели, котораго онъ и принималъ нѣсколько позже. Борцовъ между тѣмъ оставался въ кабинетѣ и послѣ ухода Геринценштейга и Хрулева, и былъ свидѣтелемъ отчаянія графа о случившемся и его болѣзненнаго припадка, окончившагося тѣмъ, что кровь хлынула у него горломъ.

Изъ этихъ объясненій Сергѣя Михайловича становится яснымъ, что г. Теобальдъ и не могъ знать о его нахожденіи въ кабинетѣ намѣстника во время дуэли. Что же касается посылки за нимъ и разговора, описаннаго г. Теобальдомъ, то это могло имѣть мѣсто на другой день послѣ событія, когда графъ Ламбертъ, дѣйствительно, чрезъ канцелярію, посылалъ за Борцовымъ, согласившись отпустить его въ отпускъ за границу и намѣреваясь дать какое-то порученіе къ супругѣ Геринценштейга.

Устранивъ, такимъ образомъ, провозглашенное г. Теобальдомъ alibi Борцова во время дуэли, я постараюсь, со словъ послѣдняго,

объяснить смысл и значеніе происходивших на его глазахъ событий.

Графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ былъ мужъ государственный въ полномъ значеніи этого слова. Онъ обладалъ большими умомъ, извѣстными административными способностями и трезвымъ взглядомъ на возложенную на него задачу умиротворенія края. По характеру и пріемамъ, въ немъ воплощались джентльментъ, гуманный, кроткій и честный, понимавшій очень хорошо, что эпоха, въ которую ему приходилось дѣйствовать, была эпохой освобожденія крестьянъ и что высшее правительство склоняется на уступки ⁵⁾. Но онъ не могъ сразу ориентироваться, ему приходилось изучать элементы и духъ требованій внутренняго ему народа. Поэтому первые его шаги на пути упорядоченія дѣлъ въ царствѣ Польскомъ были болѣе чѣмъ осмотрительны и осторожны. Но это еще не доказываетъ, что возложенная на него миссія была ему не по плечу. Время его режима было слишкомъ коротко, а событія такъ обострились, что положительно нельзя сказать: дѣйствительно ли принятая имъ система была несостоятельна. Вокругъ его стояли люди «крутыхъ мѣръ», непонимавшіе или непризнававшіе его идей. Герштенцвейгъ, Крыжановскій, кн. Бебутовъ, Хрулевъ, Ермоловъ, Рожновъ и другіе генералы полагали, что бороться съ агитаціей можно только открытой силой, арестами и уголовной карой. Умѣренности и кроткихъ мѣръ для нихъ не существовало. Неодобренія намѣстникомъ была и страстности плохо соображавшихъ, востриженныхъ распоряженій они какъ будто не понимали и старались перетолковать по своему. Г. Теобальдъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» пишетъ, что графъ Ламбертъ въ день манифестаціи чествованія памяти Косцюшки хотѣлъ будто бы поставить у замка артиллерійскую батарею и стрѣлять въ проходившую мимо церковную процессію, и что его отговорили отъ этого на совѣщаніи генералы. Но это вздоръ. Сергій Михайловичъ, со словъ графа Ламберта, заявилъ, что намѣстникъ, въ отвѣтъ на возгласъ Герштенцвейга: «нужно вынести во время демонстраціи поіека», сказалъ прощески: «не поставитъ ли намъ у замка батарею, и когда пойдетъ церковная процессія мимо, угоститъ ее кар-

⁵⁾ Приведенія, какъ извѣстно, послѣдствіи къ поставленію во главѣ гражданской части маркіа Велепольскаго и созыва мѣстныхъ совѣтовъ.

тостью. И вот по такимъ пролическимъ замѣчаніямъ судять о распорядительности намѣстника и дѣлають его отвѣтственнымъ за кровавыя событія. Во всякомъ случаѣ, кратковременное управленіе краемъ графомъ Ламбертомъ еще ждетъ своей оцѣнки. Я не беру на себя такой трудной задачи. Я хочу только выяснитъ, со словъ г. Борщова, сообщавшаго мнѣ объясненія самого графа К. К. Ламберта, тѣ данныя, которыя послужили поводомъ къ столкновенію намѣстника съ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

Герштенцвейгъ стоялъ во главѣ партіи «всесокрушенія силою оружія». Это былъ прямолинейный, во всѣхъ отношеніяхъ, генералъ. Птенецъ Клейнмихеля, прошедшій суровую школу выправки, самолюбивый, надутый, тщеславный, онъ ставилъ выше всего на свѣтѣ—кулакъ и поклонялся только—палкѣ. Гуманныя мѣры намѣстника, по его мнѣнію, были ничто иное, какъ мыльные пузыри. Онъ возставаъ противъ нихъ при личныхъ объясненіяхъ, и старался всѣми мѣрами парализировать ихъ при приведеніи въ исполненіе. Все это было извѣстно вожакамъ-агитаторамъ народнаго движенія, они старались дѣйствіями своими обострить еще болѣе подобныя отношенія,—и манифестація въ память Косцюшки, состоявшая 3 октября 1861 г., была послѣдней каплей, перешолившею сосудъ терпѣнія, колебаній и полумѣрь. Когда изданная наканунѣ прокламація намѣстника о воспрещеніи всякихъ публичныхъ проявленій чествованія не возымѣла дѣйствія, духовныя процессіи пролили и костелы заперлись, въ замѣкъ состоялось совѣщаніе военныхъ генераловъ, на которомъ, по настоянію Герштенцвейга, было принято рѣшеніе о вскрытіи дверей костеловъ силою и арестѣ агитаторовъ. Графъ Ламбертъ предлагалъ поставить при дверяхъ костеловъ караулы, съ тѣмъ, чтобы когда службы окончатся и народъ начнетъ выходить, на улицѣ уже были задержаны агитаторы, которые должны быть полиціи извѣстны наперечетъ. Герштенцвейгъ же видѣлъ въ этомъ слабость и снисходительность власти, и какъ лицу, которому вѣрено спокойствіе и безопасность города, настаивалъ на принятіи рѣшеній совѣщанія. Тогда намѣстникъ вынужденъ былъ согласиться, и поручилъ Герштенцвейгу привести въ исполненіе неспрошенныхъ пмѣ мѣры, при этомъ замѣтилъ, что арестованные агитаторы должны получить заслуженное возмездіе, а именно: имѣющіе отъ 20 до 30 лѣтъ—отдачу ихъ въ военную службу, а имѣющіе 30—40 лѣтъ—ссылкою на поселеніе.

Но генералъ-губернаторъ, исторгнувъ у намѣстника согласіе на

такую крутую мѣру, какъ вскрытіе дверей костеловъ и арестъ агитаторовъ, довелъ ее до абсурда: онъ арестовалъ и отправилъ въ цитадель всѣхъ мужчинъ, находившихся въ костелахъ, число которыхъ, по заявленію г. Теобальда, доходило до 1684 человекъ. Когда же онъ явился съ докладомъ объ этомъ къ намѣстнику ночью, графъ Ламбертъ развелъ только руками и отвѣтилъ ему прощески: «Что-жь! всѣхъ ихъ и казните уже: сдавайте въ солдаты или отправляйте на поселеніе!» Но оставшись наединѣ онъ ужаснулся положенія, въ которое былъ поставленъ подобнымъ утрированіемъ сдѣланнаго распоряженія и тотчасъ же телеграфировалъ обо всемъ откровенно государю императору Александру Николаевичу въ Ливадію. Онъ не спалъ всю ночь въ ожиданіи отбѣта. Въ его умѣ возникли картины совершившихся событій, и онъ сознавалъ всю несправедливость сдѣланнаго. Арестъ, вмѣсто однихъ агитаторовъ, всѣхъ мужчинъ, находившихся въ костелахъ, казался ему чудовищною аномаліей, за которую отвѣтственность падала на него, одобрявшаго подобную крайнюю мѣру. Обдумывая, какъ бы, не компрометируя власти, исправить, по возможности, усердіе къ дѣлу своего зарвавшагося помощника, онъ остановился на мысли поступить съ арестованными какъ можно осмотрительнѣе и получа, часовъ въ 7 — 8. утра, отвѣтную отъ государя телеграмму, гдѣ, между прочимъ, выражено было желаніе, чтобы принятая мѣра не была крута, тотчасъ же приказалъ явившемуся къ нему съ обычнымъ утреннимъ рапортомъ генералу Левинву отправиться въ цитадель и освободить всѣхъ тѣхъ изъ числа арестованныхъ этою ночью въ костелахъ, которые окажутся къ агитаціямъ не причастными или попавшими въ костелы случайно.

Г. Теобальдъ говоритъ въ своихъ «Возраженіяхъ», что никакого высочайшаго повелѣнія по арестамъ въ костелахъ, сколько извѣстно, не было. На это Сергѣй Михайловичъ замѣтилъ, что не всякому въ штабѣ офицеру могли быть извѣстны высочайшія повелѣнія, полученные намѣстникомъ края, и что все, сообщаемое имъ въ отбѣтъ г. Теобальду, слышано имъ лично отъ графа Карла Карловича Ламберта, когда онъ, сокрушаясь послѣ столкновенія съ Герштенцвейгомъ о случившемся, считалъ облегченіемъ подѣлиться съ нимъ мыслями и говорилъ обо всемъ откровенно.

Обращаясь къ ходу дѣла, г. Борцовъ находитъ разглаголенія г. Теобальда о томъ, что ссоры между Герштенцвейгомъ и гр. Ламбертомъ не произошло бы, если бы послѣдній показалъ первому высочайшую телеграмму, совершенно неосновательными, такъ какъ

Герштенцвейгъ оскорбилъ намѣстника съ перваго же шага къ нему въ кабинетъ и поэтому рѣши о какихъ-либо объясненіяхъ быть уже не могло.

Что же касается того обстоятельства, почему графъ Ламбертъ не избралъ посредникомъ дуэли Сергѣя Михайловича, какъ личнаго своего друга, и не поручилъ ему завязать узелокъ на платкѣ, а позвалъ Хрулева, то на это Борщовъ совершенно основательно отвѣчаетъ г. Теобальду слѣдующее. Могъ ли Герштенцвейгъ признать его посредникомъ, когда онъ послѣ перваго же его замѣчанія прикрикнулъ на него: на какомъ основаніи онъ вмешивается въ ихъ дѣло и приказалъ ему выйти вонъ. Позвалъ же Хрулева намѣстникъ уже послѣ оскорбленія его дѣйствіемъ, когда онъ, перенуганный и взволнованный, бросился изъ кабинета въ пріемную, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Отворилъ двери и увидя что ближе всѣхъ къ дверямъ стоялъ Хрулевъ, онъ пригласилъ его войти въ кабинетъ и тотчасъ же объяснилъ ему происшедшее между ними и Герштенцвейгомъ. Герштенцвейгъ перебилъ его рѣчь и предложилъ рѣшить такъ, какъ вообще принято въ подобныхъ случаяхъ между порядочными людьми. Дуэль была рѣшена, и такъ какъ Хрулевъ, по своимъ заслугамъ, пользовался уваженіемъ обѣихъ сторонъ, то онъ и былъ избранъ посредникомъ безъ возраженій.

Вникая въ сущность дѣла, нельзя не согласиться съ Борщовымъ, что «Возраженія» Теобальда, по отношенію его статьи, не имѣютъ никакой поды собою почвы. Они полезны только тѣмъ, что дали возможность Сергѣю Михайловичу еще болѣе разъяснить это темное въ русской исторіи и загадочное дѣло.

На распросы мои относительно подробностей дуэли, Сергѣй Михайловичъ передалъ мнѣ слѣдующее.

Когда Хрулевъ высказалъ намѣстнику свои взгляды на невозможность дуэли между ними, графъ Ламбертъ, стоявшій все это время на ногахъ, опустился въ кресло послѣ своего письменнаго стола и поиникъ головою. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ въ такомъ положеніи, погруженный въ размышленіе, потомъ, какъ будто окончательно рѣшившись на дуэль, онъ приободрился, откинулъ голову и сказалъ Хрулеву тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Оскорбленіе, мнѣ нанесенное, во всякомъ случаѣ требуетъ удовлетворенія... Поэтому изыщите мѣры, любезнѣйшій Степанъ Михайловичъ, иначе я не могу быть намѣстникомъ.

— Ты и не долженъ быть намѣстникомъ! перебилъ его запальчиво Герштенцвейгъ.

— Это почему? задать ему вопросъ совершенно хладнокровно графъ Карлъ Карловичъ.

— А потому, что ты своими распоряженіями дискредитируешь высшую власть и раздуваешь пламя мятежа, отвѣчалъ ему, горяча еще болѣе, Герштенцвейгъ.

— По-моему, совершенно напротивъ, — отвѣчалъ графъ Ламбертъ, — выши, Александръ Даниловичъ, репрессивныя дѣйствія, пресыщающія даннымъ намъ инструкціи, какъ, напр., въ данномъ случаѣ поголовный арестъ всѣхъ находившихся въ костелахъ людей, а не однихъ агитаторовъ, могутъ скорѣе всего раздуть пламя мятежа. Но да мы съ вами объ этомъ говорить не будемъ, у меня теперь съ вами пока одни личные счеты. Степанъ Михайловичъ, обратился онъ къ Хрулеву, я еще разъ попрошу васъ принять на себя трудъ подумать о разрѣшеніи вопроса о моемъ удовольствіи.

— Я, право, затрудняюсь, ваше сіятельство, — возразилъ уклончиво Хрулевъ, — какъ рѣшить подобный трудный вопросъ, и долженъ сознаться не увѣренъ еще, будетъ ли его превосходительству угодно, и онъ склонился въ сторону Герштенцвейга, чтобы я въ данномъ случаѣ принялъ на себя роль посредника?

— О, я согласенъ на все заранѣе!.. поспѣшилъ разрѣшить вопросъ Герштенцвейгъ.

— Хорошо, дѣлать нечего, я долженъ подчиниться вашему желанію, господа, представители высшей власти въ краѣ, сказалъ твердо и рѣшительно Хрулевъ, но первымъ долгомъ, на основаніи правилъ о дуэляхъ, я долженъ предложить вамъ помириться. Вы, Александръ Даниловичъ, должны извиниться передъ графомъ въ своей запальчивости, исполнѣ естественной при вашемъ рвеніи къ охраненію чести и значенію русскаго престола въ краѣ, а вы, графъ, великодушно предайте забвенію случившееся, такъ какъ нѣтъ грѣха, котораго, по заветамъ Господа Бога, нельзя было бы отпустить согрѣшившему.

— Но это было бы трусостью, отказомъ отъ защиты праваго дѣла, измѣной противъ присяги и убѣжденій — перебилъ горячо посредника Герштенцвейгъ: — нѣтъ! я на это не согласенъ.

— Я тоже не согласенъ, отвѣчалъ съ достоинствомъ графъ Ламбертъ. Я болѣе, чѣмъ кто либо чту правоту и святость здѣсь русскаго дѣла и не желаю измѣнить ни присягѣ, ни убѣжденіямъ.

— Но это невозможно! всплеснула руками Хруленъ. Если вы хотите непременно драться, то прежде всего нужно оставить службу, а до того времени дуэли быть не могутъ.

Тогда графъ Ламбертъ поднялся съ кресла и, сдѣлавъ шагъ въ сторону Хрулена, сказалъ:

— Мнѣ кажется, есть средство рѣшить дѣло, не отлагая въ долгій ящикъ: это—американская дуэль. Я готовъ принять ее безъ всякихъ оговорокъ.

— Я тоже, отычаль, презрительно взянувъ на соперника, исполнѣ овладѣвшій собою Гершгенцвейгъ.

— Ну, вотъ вамъ и разрѣшеніе загадки, любезнѣйшій Степанъ Михайловичъ, взглянулъ съ улыбкою на него графъ Ламбертъ.

— Когда вы желаете окончить происшедшее между вами столкновение американской дуэлью, я ничего не могу возразить противъ этого,—отозвался Хруленъ:—но дуэль эта, по моему мнѣнію, слишкомъ жестока, чужда всякой челоуѣчности и христіанства, она требуетъ жизни одного изъ противниковъ, тогда какъ обыкновенная дуэль можетъ окончиться менѣе трагически.

— Напротивъ, я нахожу, что именно, только такой способъ и можетъ удовлетворить челоуѣка, которому нанесено жестокое оскорбленіе,—замѣтилъ графъ Ламбертъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ и впередъ по кабинету.

— Кончайте скорѣе, Степанъ Михайловичъ, повернулся къ Хрулену уже съ улыбкою Гершгенцвейгъ, а то слишкомъ долго продолжается эта комедія.

— Не комедія, а трагедія, Александръ Даниловичъ, и трагедія, захватывающая духъ, такъ что руки отказываются служить даже, упорствовалъ Хруленъ, изыскивая способы къ оттяжкѣ дуэли. На основаніи правилъ о дуэляхъ, второй разъ предлагаю вамъ, графъ-наѣстникъ, и вамъ, г. военный генералъ-губернаторъ, подать другъ другу руки и помириться. Интересы отечества, которому оба вы служите съ достохвальнымъ самоотверженіемъ, этого требуютъ.

Графъ Ламбертъ молча опустился въ кресла и задумался. Въ немъ, очевидно, произошла борьба самыхъ противоположныхъ чувствъ. Гершгенцвейгъ-же, исполнѣ успокоившійся, стоялъ на вытяжку, и смотря въ упоръ на Хрулена, судорожно улыбался.

Степанъ Михайловичъ, предположивъ, что наступилъ благоприятный моментъ для примиренія противниковъ, выступилъ на подиума впередъ и громко воскликнулъ:

— И такъ, господа, третій разъ обращаюсь къ вамъ съ предложениемъ: покончить дѣло мирно и, надѣюсь, что вы послѣдуете совѣту старика: худой миръ лучше доброй ссоры!

— Итъ! нетерпѣлся при этихъ словахъ графъ Карлъ Карловичъ: — два медведя въ одной берлогѣ не живутъ! дѣлайте свое дѣло, любезнѣйшій Степанъ Михайловичъ.

— А когда такъ, — воскликнулъ Хрулевъ: — я умываю руки, да сбудется то, что должно быть. И онъ вынулъ изъ кармана бѣлый полотняный платокъ, завязалъ на одномъ уголокъ узелокъ, приложилъ къ нему другой уголокъ платка безъ узелка, закрутилъ ихъ, зажалъ платокъ въ кулакъ правой руки и, прижавъ закрученные узелки большимъ пальцемъ, сказалъ съ раздраженіемъ въ голосъ: «готово!»

Нѣсколько мгновеній оба противника, какъ бы пораженные сдѣланнымъ заявленіемъ, не двигались съ мѣстъ, устремивъ глаза на бѣлыя нити въ руки Хрулева, какъ зайцы уши, два заостренные кончика платка. Первый шагъ сдѣлалъ, подумавшій медленно съ кресла, со стороны графъ Ламбертъ, за нимъ поспѣвая по-чужому въ полубороты и поношеля Гертенштейнъ.

— Вамъ, графъ, какъ оскорбленному, сказать вполголоса, но твердо и отчетливо Хрулевъ, принадлежитъ право выбора узелка, а вы, Александръ Даниловичъ, возьмете тотъ, который останется. Предваряю васъ, господа, продолжать онъ, отступя на шагъ отъ сильно приближавшихся къ нему соперниковъ, что извинный уголокъ платка съ завязаннымъ на немъ узелкомъ обязанъ застрѣлиться или другимъ какимъ-либо способомъ лишиться себя жизни въ теченіе 24 часовъ со времени вынутія узелка. И онъ вынулъ изъ кармана часы и показалъ соперникамъ: теперь скоро три часа. Значить, до 3-хъ часовъ полудни завтрашняго дня. Но... позвольте, прежде чѣмъ вы вынете роковой узелокъ, я еще разъ позволю себѣ, господа, обратиться къ вамъ съ всенужайшей просьбой, во имя Господа Бога, на судъ котораго вы предаете, во имя интересовъ царя и отечества, которымъ вы служите и, наконецъ, ради всего того, что вамъ дорого и мило, передать забвенію случившееся и покончить дѣло мирно.

— Итъ, пусть виновнаго покараетъ Господь Богъ! воскликнулъ въ какомъ-то самозабвеніи графъ Ламбертъ: — дайте, Степанъ Михайловичъ, мы бросимъ жребій.

— А вы, что скажете? обратился Хрулевъ къ Гертенштейну, желая хотя въ чемъ нибудь найти предлогъ къ пріостановкѣ дуэли.

Но Александръ Даниловичъ только махнулъ рукою.

— Ну, если такъ, сказалъ тогда тихимъ упавшимъ голосомъ Степанъ Михайловичъ: — то да сбудется — что быть должно! и съ этимъ словомъ протянулъ къ противнику руку съ платкомъ.

Графъ Ламбертъ долго колебался выборомъ, и, наконецъ, взглянувъ на распятіе и остывшіе крестомъ, взялъ узелокъ платка — противоположный торчавшему въ его сторону. Герингенцвейгъ потянулся къ оставленному ему кончику платка, обращенному въ сторону намѣстника, и, зажавъ его двумя пальцами правой руки, коснулся кнестью руки графа Ламберта. Оба вздрогнули и готовы были опустить взятые ими уголки платка. Но Хрулевъ предупредилъ ихъ.

— Держите крѣпче уголки вашихъ, господа, сказалъ онъ имъ громко, теперь тяните! и тотчасъ опустилъ изъ руки платокъ. Платокъ закрутился разъ, два, — и на уголокъ, взятомъ Герингенцвейгомъ, оказался узелокъ. Графъ Ламбертъ моментально отнялъ руку и платокъ повисъ въ пальцахъ поблѣднѣннаго блѣде платка Герингенцвейга. Онъ подиалъ его, какъ бы желая разсмотрѣть и удостовериться, что жребій смерти дѣйствительно выпутъ имъ, взмахнулъ имъ передъ глазами и бросилъ на столъ.

— Итакъ судьба высказалась противъ меня, сказалъ, явственно посмотрѣвъ на Хрулева, Александръ Даниловичъ. Ну, что жъ! я умереть готовъ. Благодарю васъ, Степанъ Михайловичъ, въ настоящемъ дѣлѣ, вы дѣйствовали искренно и безпристрастно. Дай Богъ вамъ всего хорошаго! А этого предателя, кинувъ онъ головою на графа Ламберта, пусть живетъ и мучится! Прощайте. И сдѣлавъ общій поклонъ, онъ шумно вышелъ изъ кабинета.

Хрулевъ, между тѣмъ, взявъ брошенный Герингенцвейгомъ платокъ съ узелкомъ и положивъ его въ карманъ, подошелъ къ графу Карлу Карловичу, сидѣвшему послѣ выпутія жребія въ какомъ-то оцѣнѣннѣн, и тихо спросилъ его:

— Приказаній никакихъ не будетъ, ваше сіятельство?

— Никакихъ, отвѣчалъ встревоженный намѣстникъ, попрошу только васъ, Степанъ Михайловичъ, чтобы все происшедшее здѣсь было между нами. Да если васъ не затруднитъ, потрудитесь сказать въ пріемной дежурному, чтобы никого не принимали, кромѣ Левинина.

И пожавъ Хрулеву крѣпко руку, онъ проводилъ его до дверей кабинета.

Июль 1893 года.

МОСКОВСКІЕ ФРОНДЕРЫ.

I.

Генераль-кузнецъ.

СНѢ съ начала прошлаго столѣтія, когда Петербургъ только что ухитрился занять перенесенное мѣсто въ средѣ русскихъ городовъ, Москва стала въ оппозицію, и съ тѣхъ поръ послѣдовательно, стойко и неутомимо она питаетъ, хранитъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, проявляетъ свое пассивное перасположеніе къ занятому ея мѣсту городу-главарю великой славянской державы. Что-бы ни дѣлалось, что-бы ни предпринималось этимъ главаремъ, — ничто не могло удовлетворить ее, «порфирюносную идолу». Все новое, исходящее не отъ нея, чуждое ея духу и воззрѣніямъ, вообще или въ частностяхъ, казалось ей недодуманнымъ, неосмысленнымъ, несправедливымъ, слабымъ, смѣшнымъ или бесполезнымъ, — и журить молодую столицу — стало ея любимымъ времяпрепровожденіемъ. Прошло не мало лѣтъ, но маститая матрона до сихъ поръ осталась все тою же изыскательною свекровью. Надвизывая и нитюная чулки, старушка порчить и брюзжать, и только когда соперницѣ порядочно достанется, она какъ будто успокаивается и машетъ рукой: «а пускай, дескать, ее дѣлаютъ какъ знаютъ — нинито ей!»

Но и время кое что измѣняетъ: характеръ московской оппозиціи сталъ уже не тотъ. Между прежней и нынѣшней оппозиціей наблюдается громадная разница. Эмассипація крестьянъ и вообще строй

современной жизни видоизмѣнили прежній величественный и симпатичный обликъ опальнаго фронтёра до неузнаваемости. Въ доброе, старое время оппозицію держала знать—знать рожденія, богатства иль ума. Во главѣ ея стояли Бибиковы, графы Панины, графы Орловы, графы Мамоновы, Ермоловы, Чаадаевы и другіе столпы своего времени. Теперь же фронтѣруютъ оставшіе статскіе софитники, состоящіе въ запасѣ генералъ-маіоры, эмериты техники, профессора, моряки и другая мелкая сошка. Вельможу смѣняютъ чиновникъ; кинутой паровозъ, поставленный на запасный путь,—столовый самоваръ. Въ прежнее время опальный оппозиціонеръ содержалъ полки разной челяди, кормилъ за своей роскошной трапезой сотни знаныхъ и незваныхъ гостей, доставлялъ народу хлѣбъ и разныя зрѣлища: продѣ конскихъ ристалищъ, медвѣжьей трави, кулачнаго боя или охоты. Въ каждомъ взмахѣ руки его видна была мощь, сила изопропанная, но все-таки сила, и всё это видѣли и понимали. Современные же фронтёры, ожесточенные праги Петербурга, не болѣе, какъ пигмеи. Они ютятся по окраинамъ города, прозябаютъ въ крошечныхъ флигелькахъ или мезонинахъ, проинтываются скудными пенсіями. Тѣ же, кому маленькихъ пенсіоновъ не хватаетъ на прокормленіе семей и домочадцевъ, пускаются въ посторонніе заработки: они держатъ кузины или булочныя, снимаютъ меблированныя комнаты, открываютъ начальныя школы, словомъ, эксплуатируютъ свои личныя способности, сколько возможно. Оппозиціонныя ихъ крики и вопли также сильны и громки, какъ въ прежнее время, но они раздаются не за общественной трапезой, а въ небольшомъ кружкѣ личныхъ друзей и знакомыхъ, и дальне этого кружка не проникаютъ. Ближайшіе сосѣди и тѣ не знаютъ порой о томъ, что бокъ-о-бокъ съ ними приникъ и таится какой-нибудь непризнанный могучій геній, живетъ обездоленная и униженная міровая сила. Нѣтъ спора, что микроскопическое недовольство современныхъ фронтёровъ, ихъ сужденія и говоры, ихъ порицанія и угрозы скорѣй смѣшны, чѣмъ авторитетны; но не смотря на это, они, т.-е. фронтёры, все-таки имѣютъ свой историческій *gazon d'être*. Ихъ мелодраматическіе протесты, ихъ курьезныя ошереточныя жалобы подчасъ оказываются согрѣтыми патріотизмомъ и приправленными аттической солью общественной пользы. Въ ихъ хитросплетенномъ кружкѣ упрековъ и порицаній опытный глазъ можетъ отличить дѣй или три основныя нити прамды. Считая себя какою-то сконанной титанической силой, еще способной, при благоприятномъ поворотѣ

колеса фортуны, рѣшать судьбы отечества, фрондёръ можетъ казаться сжальнымъ; но, не смотря на это, онъ представляетъ собой много тиничаго и, какъ нескій самостоятельно существующій типъ, имѣетъ право на вниманіе къ себѣ со стороны общества. Поднимемъ же хотя одинъ уголокъ скрывающей его, снценой завѣсы и взглянемъ на этихъ послѣднихъ могикановъ, на этихъ вымирающихъ представителей нашей когда-то видной и эгонстичной фронды. •

Начнемъ съ генерала-кузнеца.

На одной изъ дальнихъ окраинъ Москвы, въ грязномъ немо-щенномъ переулкѣ, въ ветхомъ одноэтажномъ деревянномъ домикѣ, проживаетъ старичекъ-эмеритъ, генералъ-майоръ въ отставкѣ. Средняго роста, благообразный, добродушный и словоохотливый, Сергій Афонасьевичъ Сол—ка имѣетъ на видѣ лѣтъ 50 не болѣе. Это—старикъ бодрый, живой и впечатлительный. Его крѣпкое тѣлосло-женіе, большая сѣдая борода, высокій лобъ, глубокіе выразительные глаза, юношеская живость характера и прямой открытый разгово-ръ сразу располагаютъ къ нему человѣка, совершенно ему незна-комаго. Прибавьте къ этому еще чисто славянское гостепріимство и радушіе, съ которыми онъ встрѣчаетъ каждаго, кто пожелаетъ по-сѣтить его, и вы составите себѣ понятіе о томъ типѣ кореннаго москвича, который въ настоящее время отходитъ въ вѣчность, не отходя при несобщесъ къ нему сочувствію и уваженію.

Генералъ Сол—ка происходитъ изъ старинной дворянской фа-милиі. Отецъ его занималъ видное мѣсто въ ряду военныхъ адми-нистраторовъ время императора Николая, обладалъ большими по-мѣстьями въ степныхъ губерніяхъ и далъ сыну хорошее воспи-таніе.

Сергій Афонасьевичъ воспитывался въ пажеескомъ корпусѣ, въ началѣ шестидесятихъ годовъ былъ произведенъ въ офицеры лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ. Въ чинѣ поручика поступилъ адъю-тантомъ къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору князю А. А. Суворову, а потомъ былъ назначенъ въ число лицъ, состояв-шихъ при немъ для порученій. Съ упраздненіемъ должности гене-ралъ-губернатора и его управленія, онъ остался за штатомъ, а за-тѣмъ вышелъ въ отставку, и жилъ въ спесѣ помѣстьѣ.

Эмансипація крестьянъ, неудачная семейная жизнь и обстоя-тельства заставили его продать имѣніе, и съ наступленіемъ Восточ-ной войны, вновь поступить на службу. Старыя знакомства и связи въ Петербургѣ не дали ему затеряться въ средѣ молодыхъ дѣяте-

лей: его назначили начальником конского запаса въ тылу арміи, гдѣ онъ съ честью проходилъ службу до окончанія войны. Но война кончилась, запасъ упразднили, и ему снова пришлось остаться за штатомъ, а за тѣмъ и вторично выйти въ отставку.

При добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, онъ, конечно, не могъ, какъ другіе нажить въ время войны, и выйдя въ отставку, ему пришлось озаботиться пріисканіемъ себѣ куска насущнаго хлѣба. Выслуженный имъ пенсіонъ былъ такъ ничтоженъ, что далеко не обезпечивалъ самыхъ неотложныхъ потребностей жизни, и вотъ, потолкавшись по петербургскимъ канцеляріямъ, нѣсгда и всѣмъ много обѣщающимъ, но ничего не дающимъ, побывавъ заграничей съ какими-то особыми порученіемъ, но не получивъ за то никакого вознагражденія, онъ переселился на жительство въ Москву, а нужда заставила открыть кузницу.

Когда покоритель Ташкента, генералъ Черняевъ, въ 1865 году вышелъ въ отставку и хотѣлъ поступить въ нотаріусы, общественное мнѣніе взволновалось, заговорили, какъ да что... Но теперь смотрятъ иначе, и многіе генералы, подобно Цинциннату, пануютъ землю. Во всякомъ случаѣ, пріобрѣтенный Сергіемъ Афонасьевичемъ, во время командованія конскимъ запасомъ, свѣдѣнія о конскѣ лошадей сослужили ему службу, и онъ сталъ ковать лошадей московскихъ коммерсантовъ.

Но не конечно-ли, въ самомъ дѣлѣ, положеніе этого служки, поставленнаго въ необходимость вести дружбу съ извозчиками и кучерами мѣстныхъ тузовъ, ласкать и ублажать ихъ, чтобы имѣть подъ старость тарелку горичныхъ щей.

— Здравствуй, Сергій Афонасьевичъ, говоритъ ему какой-нибудь быкообразный тучный Автожедонъ, что это, братъ, ты такъ плохо подковалъ намъ нашего «Разгуляя», недѣли итъ, а подкова лопнула.

— Вѣроятно, любезнѣйшій Панкратій Панкратъевичъ, отиѣчаетъ генералъ-кузнецъ, мастеръ перекалывъ желѣзо, оно и сдѣлалось хрупко, но ничего, перекуемъ теперь на отличку.

— Вели, пожалуйста, подковать какъ слѣдуетъ, иѣднть екнузы зубы кучерь, а не то такъ мы и копать у тебя не станемъ... шутка развѣ таскаться въ кузню чуть не кажинный денъ.

— Скажы: подкуемъ, такъ подкуемъ, не безпокояся... занекиваетъ хозяинъ, нелю сейчасъ самому Самойлычу выбрать и при-

гнать твоему коню подкову надежную... а ты тѣмъ часомъ сходно чайку попить. И генераль раскошелливается.

И зналъ генерала-кузнеца давно. Послѣ Восточной войны, мы вѣстѣ въ Одессѣ заканчивали счета дѣйствующей арміи, и вотъ теперь, прѣѣхавъ въ Москву, я считаю долгомъ навѣстить его. Вѣду, разыскиваю, и нахожу въ конторѣ все того же живого, какъ ргуть, хлопотуна. Какъ подитея, обнялись, поцѣловались и принялись за болтовню.

— Ну, что, какъ поживася? спрашиваю вонна-Вулкана нашихъ дней.

— Плохо.

— Отчего?

— Средства нѣтъ нести какъ слѣдуетъ дѣло. На одной коникѣ далеко не уѣдешь. Задумалъ было подковы заготовлять — нужно приспособленія сдѣлать, машину поставить, а денегъ нѣтъ... Коммашона взять — пожалуй, попадешь на такого, что и послѣднія крохи ухнутъ.

И генераль заморгалъ.

— Ну, чего ты, утѣшаю: никакъ рюжить хочешь... Эхъ, ты, баба.

— Будешь бабой!.. вѣдь у меня два остолопа: одинъ въ конкерскомъ училищѣ, другой—художникъ, въ училищѣ живописи и ваянія обучается, надо ихъ обути, одѣть, да въ люди вывести... и самому съ Марьей Федоровной тоже вѣдь нужно... не одну же корку чернаго хлѣба глотать подъ старость... да ты гдѣ остановился? спросилъ генераль, очевидно желая перемѣнить разговоръ.

— Въ Кокоревской.

— Отчего жъ не у меня?.. Вотъ тебѣ кабинетъ, потъ и «Мартышка». Служить онъ тебѣ будетъ, а обѣщать ты меня, навѣрное, не обѣдишь: гдѣ итерю ѣдать—шестой сытъ будетъ.

— Итъ, голубчикъ, очень благодаренъ тебѣ за твою любезность, но ты позволь мнѣ воспользоваться ею когда нибудь въ другой разъ... Теперь же мнѣ неудобно... ты живешь такъ далеко, а мнѣ нужно туда-сюда поѣхать, потрафить, застать... Ты не обижайся, но мнѣ въ центрѣ удобнѣе... лучше я къ тебѣ буду по праздникамъ наѣзжать.

— Ну, какъ хочешь... Во всякомъ случаѣ, позавтракать то не откажешься?

— Отъ хлѣба соли отказываться грѣхъ...

— Ну, то-то, то-то!.. здѣсь Москва, нужно по-московски и жить... А то вѣдь вы, петербуржцы, привыкли завтракать у Дюссо да у Борелей... за вами не угоишься. И онъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ маленькую, уютную столовую, гдѣ Марья Федоровна хлопотала уже, готовила завтракъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы ѣли вкусно приготовленную рыбу и баранье жигу, и вели оживленную бесѣду. Вспоминали товарищей-сослуживцевъ, интересовались ихъ теперешнимъ положеніемъ, карьерой, будущиостью, перешли къ неудачникамъ и кончили на эсмеринахъ.

— Да вотъ хотя-бы его пр—по Степанъ-то Михайловичъ Денскій, заговорилъ генералъ, не ужился у насъ въ штабѣ—вымерли, толбегинцевъ-то не очень любить, а онъ человѣкъ достойный... и что-жъ? теперь на хуторѣ живетъ, картофель садитъ, да на заводѣ поставляетъ... надо же чѣмъ нибудь жить!.. вѣдь онъ вынесъ съ половиною пенсией... надняхъ онъ долженъ быть въ Москвѣ... увидишь его, онъ тебѣ поразскажетъ многое, чего не слылось нашимъ мудрецамъ.

— А гдѣ онъ остановится?

— Конечно, у меня!.. Онъ не то, что ты, церемониться не будетъ.

— Ваше пр—но, ну, не грѣхъ ли такъ говорить!.. какая церемонія между сослуживцами... просто мнѣ удобнѣе у Кокоренъ.

— Удобнѣе у Кокоренъ! передразнилъ генералъ. Не у Кокоренъ тебѣ удобнѣе, любезный, а у ея сѣятельства княгини Александры Александровны Голицыной... Теперь она владѣетъ кокоревскимъ назащо и изволитъ содержать тамъ меблированными комнатами.

— Какая это княгиня Голицына?

— Знаменитая княгиня-цыганка, супруга князя Сергія Михайловича, извѣстная пропріетерина и предпринимательница... Она имѣетъ и гостиницу, и товарныя склады, и даже банкирскую контору... Вотъ почему тебѣ тамъ и удобнѣе.

— Ну, не запирайся, пожалуйста... на что мнѣ эти склады и банкирскія конторы, когда я никакихъ дѣлъ въ Москвѣ не имѣю.

— Да и я тоже говорилъ, когда пріѣхалъ въ Москву, а теперь другое пою.. Пришлось побывать и у ея сѣятельства, но потерпѣлъ фиаско.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Пришлось круто съ кузницею, пошелъ просить ея сіятельство учестъ вексель, но онѣ пашъ вексель принять не соизволили,—не купеческій, говорятъ.

— Да нѣдь ны старыя знакомые.

— Еще бы!.. услугу оказать, да еще какую... Было время, не знали куда посадить, чѣмъ угостить меня, только Бога ради выручи! если бы захотѣли—сто тысячъ рублей дали бы, а теперь въ кредитъ нѣсколько сотъ рублей отказала.... Вотъ времена то настали!..

— Какую же такую услугу ты оказалъ ей?

— А вотъ послушай!.. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ я былъ адъютантомъ у Суворова. Князь Сергій Михайловичъ, впускъ знаменитаго московскаго боярина, богача, миллионера, то же князя Сергія Михайловича,—мой товарищъ по лейбъ-гвардіи гусарскому полку. Юнона неопытный, не знавшій жениться, какъ всѣ мы, отдать дань нѣку, кутить, ухаживать, и, наконецъ, запутался въ сѣтихъ цыганскаго табора. Что руководило княземъ: любовь или упрямство, исполненіе честнаго слова или просто блажь—положительно не знаю, но только «цыганка Саша» сдѣлалась княгиней. Мать его, гордая аристократка, опекуна сенаторъ, и всѣ родственники возстали противъ подобнаго mésalliance'a. Старая княгиня подала просьбу о расторженіи брака, такъ какъ молодой князекъ женился несовершеннолѣтнимъ безъ согласія опекуновъ. Нарядили сѣдствіе, и дѣло должно было кончиться не въ пользу князя. Вотъ тогда-то онъ прилетѣлъ ко мнѣ, съ крикомъ и просьбами: «спасай!» Я былъ тоже молодъ, и мои симпатіи склонялись на сторону романтической выходки молодого князька, но я зналъ, какъ трудно было устроить что нибудь въ его пользу. Успокоивъ его, какъ могъ, я побѣждалъ къ Суворову, и передалъ ему просьбу князя. Старикъ выслушалъ снисходительно, но принять подъ свое покровительство опальныхъ понобранихъ не рѣшился: ему ислонко было, въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, выступить противъ могущественныхъ родственниковъ Голицына. Но я не унывалъ, я зналъ доброе сердце моего начальника, и рассчитывалъ въ концѣ концовъ склонить его въ пользу моихъ протеежъ. Я часто заноминялъ объ нихъ старому князю, рассказывалъ о ихъ слезахъ, тоскѣ и отчаяніи, князь смѣлся, шутилъ, но желанія ходатайствовать за нихъ не высказывалъ. Между тѣмъ, сѣдствіе приходило къ концу, и молодымъ приходилось плохо. Рисуна попытаться своей карьерой, я явился къ

Суворову съ просьбой, во имя личнаго ко мнѣ расположенія, войти въ положеніе моего друга, представилъ ему на видѣ, что, въ случаѣ развода, горькаго князекъ надѣлаетъ еще болѣе глупостей, жонится на кокетку, промотаетъ состояніе, и, наконецъ, надѣлаетъ кучу несприятностей лицамъ, отнявшимъ у него жену. Князь выслушалъ, улыбнулся и сказалъ: «хорошо! я доложу государю»... Дѣйствительно, докладъ вскорѣ состоялся, сдѣлствіе прекратили и бракъ остался въ силѣ. Молодой князекъ не платился только арестомъ на гауптвахтѣ за женитьбу безъ дозволенія... Положимъ, бракъ этотъ не былъ вполнѣ счастливымъ, князь впоследствии развелся съ женой-цыганкой и женился на другой, но онъ наградила ее по-княжески, и за ней осталось княжеское достоинство. А я, когда пришла нужда, не могъ окредитоваться у ея снѣтальства на нѣсколько сотъ рублей... Какой великій урокъ безкорыстію и дружбѣ!..

Окончивъ завтракъ, мы перебрались въ гостиную. Разговоръ перемелъ на Петербургъ. Черемны въ личномъ составѣ, назначенія, предположенія и мѣры — все подвергалось самой строгой критикѣ.

— Да что у насъ тамъ теперь — распространился генераль-кузнецъ — столотвореніе вавилонское идетъ, и только... Шефы управленій исполняютъ обязанности начальниковъ своихъ штабовъ, принимая доклады ихъ помощниковъ; а начальники штабовъ ставятся на ихъ мѣста, разбѣжжуютъ и занимаются высшей политикой... Нѣтъ! этого въ наше время не было... тогда каждый былъ на своемъ мѣстѣ: каждый сверчокъ зналъ свой шестокъ! Да и люди же были, напр., князь Суворовъ, графъ Милютинъ, графъ Гейденъ, графъ Баранцевъ, графъ Тотлебенъ, Исаковъ, Мордвиновъ! вѣдь это все джентльмены! Бывало простая баба солдатка придетъ къ нимъ съ просьбой — и ту примутъ, выслушаютъ и сдѣлаютъ что можно, чего нельзя, объяснять, но никогда не обидятъ... А теперь насъ стариковъ-генераловъ третируютъ, да еще какъ! не подходъ — обожгу...

— Но, позвольте, ваше пр—во.

— Чего позволять, горячился генераль, самъ на себѣ испыталъ... ходилъ допоздно по вашимъ канцеляріямъ, да ничего не выходило, когда нибудь расскажу тебѣ мои похождения, но теперь не могу... кровь ударилась въ голову... нездоровится...

— Успокойся, пожалуйста, перебиваетъ его Марья Федоровна, тебѣ нездорово горячиться... постои, я дамъ тебѣ спирту...

— Но надо! но надо! замахать руками генералъ, оставь при себѣ твои спирты, я не баба. Меня волнуетъ, продолжалъ онъ болѣе спокойно, эта грубость... Это неуваженіе къ заслугамъ... да знаешь-ли ты, что мнѣ сказать у васъ въ канцеляріи мальчишка офицерикъ со значкомъ, какой-то несчастный столоначальничикъ: «вы, говорить, миліонницы, ничѣмъ недовольны»!.. Да развѣ мы при Милютинѣ турецкому султану служили? Идѣть тому же русскому царю... За что же подобное пренебреженіе!.. Да и директорство-то все ваше департаментское хорошо — нечего сказать. Разсказывалъ мнѣ Степанъ Михайловичъ, какъ оно обращается у васъ. Идѣть къ нему начальникъ отдѣленія съ докладомъ, докладъ не только не принимаютъ, но еще говорятъ: «за подобный докладъ васъ повѣсить надо?» За что? ты думаешь: за мысль? за фальшь, за каперзу за какуюнибудь? нѣтъ. Просто не понравилась форма изложенія. Другой служащій идѣть откланиваться, утѣшая въ отпущкѣ, ему отиѣчаютъ: «скатертью дорога!» Что жъ это такое, наконецъ? Клеймихели какіе-то появились опять, и не просто Клеймихели, а Клеймихели въ смятку... Да и какое же это директорство, которому завѣдующій канцеляріей черновыя резолюціи заготовляеть... ты пойми всю соль этого казуса: черновыя резолюціи... ха, ха, ха!..

— Да когда такого начальства не было? вставилъ я, — всегда было... нынѣ есть, и нужно думать, впередъ будетъ...

— Ну, что съ тобой толковать... ты идѣй петербуржецъ... по вашему, по петербургскому, все можно, даже на занятки стать, чтобы только куда нужно поскорѣе доѣхать... Нѣтъ, братъ, мы, москвичи, думаемъ иначе... я лучше вотъ здѣсь съ кучеромъ сяду, чѣмъ съ лакеємъ на занятки стапу, и онъ захочетъ...

Я всталъ и сталъ раскланиваться.

— Куда ты торопишься! обѣдай у насъ, засуетился генералъ, посподи, пообедаемъ.

Я извинился неимѣніемъ времени и обѣщался пріѣхать обѣдать въ воскресенье.

— Ну, такъ пріѣзжай въ воскресенье, да непременно, настаивалъ генералъ. Степанъ Михайловичъ къ тому времени подъѣдетъ, вотъ онъ тебѣ о Питерѣ поразскажетъ, пальчики оближешь.

II.

Генераль-пахарь.

Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье я обѣдалъ у Сергія Афонасьевича. Пріѣхавъ къ нему довольно рано, я нашелъ его въ конторѣ кузницы.

Организация его «универсальнаго» учрежденія поставлена была на военную ногу. Команда, дисциплина и строгость составляли основныя правила въ его управленіи. Затѣмъ шли: исполнительность и аккуратность, за ними—чистота и благонравіе. По всемъ вопросамъ — резолюціи короткія, судъ скорый, правый и милостивый; руководящіе принципы: безпристрастіе и справедливость. Подобная организация спускала генералу-кузнецу расположеніе московскихъ тузовъ, и они стали посылать къ нему ковать своихъ буцефаловъ. Находящіеся же въ Москвѣ и окрестностяхъ войсковыя части отдавали ему въ обученіе молодыхъ солдатъ, которые, по прошествіи одного учебнаго семестра, возвращались въ полки ма-стерами.

Трудъ и стараніе, видимо, ютились у стараго кавалерійскаго ветерана, но матеріальное его благосостояніе не увеличилось: весь заработокъ генерала-кузнеца, по его словамъ, шелъ ему на брюхо. При всемъ томъ, онъ не терялъ надежды, «выйти въ люди».

Въ крошечной конторѣ кузницы на первомъ планѣ висѣлъ похвальный листъ, выданный ему главнымъ управленіемъ государственнаго коннозаводства за правильную постановку конки и успѣшное обученіе учениковъ въ «универсальной кузницѣ», а по стѣнамъ, кругомъ, размѣщались образцы всевозможныхъ подковъ, какъ для лошадей скаковыхъ и выѣздныхъ, такъ и силачей ломовниковъ. Направо стояли костяки лошадиныхъ ногъ съ разновидностями правильныхъ и неправильныхъ копытъ; нѣтъ—нѣтъ, желѣзо, гвозди,—все въ удивительномъ порядкѣ и чистотѣ.

Генераль-кузнецъ имѣлъ на себѣ синюю австрійскую гусарскую куртку, съ басончикомъ на стоячемъ воротникѣ, чакчиры и высокіе сапоги со шнорами. Его военская осанка и строгій видъ какъ нельзя болѣе шли къ изображаемому имъ типу современнаго вулкана.

Я нашелъ его бесѣдующимъ съ двумя кучерами.

— Нѣтъ, ты какъ хочешь, любезный другъ, Сергѣй Афонасьевичъ, говорилъ ему молодой франтоватый кучеръ, въ пегольской тонкаго сукна безрукавкѣ и бархатныхъ штанахъ, — а мѣсячное жалованье намъ положи. Что на часекъ твоя милость даетъ — за это спасибо! а безъ жалованья намъ никакъ нельзя... чаевыя на чай и уходятъ, а вотъ на сапоги, топсы на приходъ къ тебѣ, ты ужъ не скупись, рублика по три положи намъ въ мѣсяцъ.

— Ой, братъ, Архипъ Ермогенычъ, какъ ты меня съ задривка-то забираешь! отшучивается генералъ, три рубля въ мѣсяцъ вѣдь это весь мой барышъ отъ васъ... если я его буду отдавать вамъ, то изъ чего же работать-то мнѣ, голова!..

— Ну, какъ хощь, ваше превосходительство, переминается другой кучеръ, видимо, изъ вторыхъ, а намъ Агафоновъ, когда мы у него ковались, по три рубля платилъ... Не положишь — не будемъ и коваться, такъ и знай!

— Ладио!.. съѣдется генералъ, а положу теперь два рубля, а послѣ, когда работы будетъ больше, прибавлю... только вы мою кузницу то порекомендуйте другимъ...

— За зѣтнимъ дѣломъ не станеть, мы тобою, Сергѣй Афонасьевичъ, всегда были довольны заговорили оба кучера, только ты по три рублика положи... въ накладѣ не будешь...

— Этакіе жохы! волнуется генералъ, ну, я тамъ посмотрю... а теперь нате пока задатокъ, и генералъ далъ имъ рублевую бумажку.

— Вотъ они, барышн-то!.. обратился онъ ко мнѣ по уходѣ кучеровъ, почти что на нихъ только и работаю!... а не дай — насовать, всякій хозяинъ скорѣе кучеру повѣрить, чѣмъ кузнецу. Вотъ такъ и маюсь...

Перешли въ столовую, сѣли за столъ. Разговоръ какъ-то не налазся.

— Что же, генералъ Ден—скій не пріѣхалъ еще? спросилъ я Марію Федоровну.

— Вѣроятно, что нибудь задержало, но онъ долженъ пріѣхать непременно, отвѣчала она.

Генералъ, услышавъ имя Ден—скаго, моментально оживился.

— Вотъ видишь, какое у насъ время!.. благородно вознегодовалъ генералъ, хотя-бы Ден—скій, это-ли не человѣкъ, это-ли не умъ, не знаніе, не честность.. И все-таки увилили.. и кто же

тутъ терять? Онъ? Нисколько! Онъ живетъ себѣ на хуторѣ, да похаживаетъ... Служба?... Да!

— Да въ чемъ дѣло-то?

— Ден—скій вынелъ въ отставку послѣдствіе происшедшаго столкновенія съ генераломъ Ан—нымъ.

— Ну, такъ что-же? Расскажи-ка, расскажи!

— Въ общихъ чертахъ, кратко, пожалуй, расскажу, а то это длинная исторія. Еще Крыловъ говорилъ: «у сильнаго всегда безсильный виновать»... Степанъ Михайловичъ — вѣдь ты знаешь его—человѣкъ деликатный, умный, скромный и дѣльный. Во время войны онъ заведывалъ передвиженіемъ войскъ, транспортъ и грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и морю. Покойный графъ Тотлебенъ высоко цѣнилъ его дѣятельность и, не смотря на оппозицію нелюбившихъ его военныхъ специалистовъ, нехотѣйственно сему производству въ генералы. По окончаніи войны ему поручили окончаніе дѣлъ и счетовъ штаба дѣйствующей арміи, наконецъ, его зачислили въ главный штабъ. Какъ специалисту по желѣзнодорожной части, ему поручили обрѣзывать нашъ металлическій безпутный комитетъ. Но гдѣ же нѣтъ грѣха! Степанъ Михайловичъ, конечно, не могъ не замѣтить этого и сталъ требовать объясненій. Гол—въ написалъ Ан—ну, который гдѣ-то былъ въ отъѣздѣ, что это не ревизоръ, не ревизія, а какое-то слѣдствіе, дознанье... Ну, смръ боръ и загорѣлся... Представилъ Степанъ Михайловичъ отчетъ Об—ну, лежитъ онъ мѣсяцъ, лежитъ другой, и такъ бы пролежалъ, пожалуй, до второго пришествія, если-бы противники не свела сама судьба. Об—въ пригласилъ Степана Михайловича въ комисію, какъ били ее называли, разведенія кислоты на безпутныхъ дорогахъ, что-ли, ужъ не помню, да это все равно... Ан—въ представилъ соображеніе, что брестская, кажется, дорога, пожранная до 30 мил. казенныхъ денегъ, можетъ въ военное время отпирать ежедневно по 42 поезда. Ден—скій оспаривалъ и доказывалъ, что дорога не можетъ отпирать и 18 поездовъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи, когда председатель еще не пріѣхалъ, Ан—въ влетѣлъ на Ден—скаго: «по какому случаю вы находитесь въ комисіи, вы не членъ ея?» Тотъ отвѣчаетъ: «по приглашенію генерала Об—ва». — «Какъ же онъ васъ приглашалъ? лично, что-ли?» — «Да, лично». — «Вы дѣствуете такъ, какъ будто хотите подъ меня подкопаться». — «Никогда и не думалъ подкапываться, а если высказываюсь, то по долгу чести и совѣсти». — «Нѣтъ, я вижу, что вы подъ меня под-

капываесть, хотите занять мое мѣсто. Но я васъ до этого не допущу... сдѣлайте, не допущу!..— «Позвольте, если бы я хотѣлъ подѣ васъ подкапываесть, то могъ бы давно это сдѣлать; всѣ бумаги о дорожной дѣятельности въ мишуриную войну были въ моихъ рукахъ. Но я этого не сдѣлалъ». — «Итъ, вы теперь подѣ меня подкапываесть!.. Вы должны дать мнѣ удовольствіе!.. И этого требую!..» И онъ разгорячился... Генералъ Мир—ничъ, испугавшись послѣдствій подобной горячности, поспѣшилъ взятъ Ан—на подѣ руку и отвести въ сторону. На утро Степанъ Михайловичъ явился къ генералу Об—ну; тотъ его встрѣтилъ замѣчаніемъ, что нельзя такъ горячо относиться къ дѣлу; что же касается пепышки Ан—на, то онъ обязанъ переговорить съ нимъ. Ден—скій не могъ не понять, что противу рожна нельзя врати, и подалъ въ отставку.

— Но мосу, этого не сдѣлало-бы дѣлать!..

— Напротивъ, онъ поступилъ вполне благоразумно: худой миръ лучше доброй ссоры... его карьера еще впереди!..

— Да, впереди, итъ сомнѣнія, если князь Им—скій пойдетъ въ гору, то его призвать еще... но теперь онъ и мѣсто и зенту потерялъ... а это чего нибудь да стоитъ!..

Генералъ заметался, онъ видимо начиналъ горячиться. Марья Федоровна, чтобы переменить разговоръ, завела рѣчь объ умершемъ баронѣ Александрѣ Людвиговичѣ Штиглицѣ и изъяснила сомнѣніе въ возможности имѣть такое громадное состояніе, какое будто бы онъ оставилъ, т.-е. 160 мил. рублей.

Генералъ и тутъ не вытерпѣлъ, чтобы не колкнуть петербургскихъ дѣтелей.

— Почему нельзя имѣть 160 милліоновъ; отозвался Сергій Афонасьевичъ. Можно больше имѣть. Если-бы, напр., управляющій государственнаго банка былъ бы Уабенсъ, который, хозяйствуя въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ, за семь лѣтъ нагрѣлъ казну на 42 милліона, то онъ, управляя банкомъ, нагрѣлъ бы казну за это время по крайней мѣрѣ не на 160 милліоновъ, а на милліардъ рублей!..

— Ну, что жтъ! это доказываетъ только одно, что Штиглицъ былъ честный человѣкъ, позразила Марья Федоровна. При томъ же онъ столько добра сдѣлалъ, бѣднымъ помогалъ.

— Ну, въ этомъ можно поспорить. И знаю такой фактъ. Былъ на Охтѣ пріютъ для престарѣлыхъ женщинъ, основанный однимъ отставнымъ офицеромъ, небогатымъ человѣкомъ. Когда у него не

хватило средствъ, онъ обратился за помощью къ барону, и тотъ отказалъ, передавъ черезъ камердинера отвѣтъ на словахъ, что онъ всѣхъ старухъ въ Петербургѣ кормить не можетъ.

Вечеромъ пріѣхалъ другой эмеритъ—отставной генералъ-майоръ Александръ Дмитріевичъ Симагопскій, человѣкъ высокой души, по рожденію—татаръ, псалтирникъ, по убѣжденіямъ—москвитинъ. Получивъ воспитаніе въ новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ и прослуживъ всю службу въ саперахъ, онъ вынесъ и сохранилъ все присущія русскому народу традиціи добраго стараго времени: вѣру въ Бога, любовь и слѣпую непоколебимую преданность царю и отечеству. Но Петербургъ недолголюбилъ, онъ не могъ простить ему «погубанія вѣками освященныхъ правъ дворянства».

— Что мы такое изображаемъ изъ себя?—ораторствовалъ почтенный Александръ Дмитріевичъ, сидя за дымящимся стаканомъ чая:—опальное сословіе, больше ничего! Теперь въ чести мужикъ, купецъ, чиновникъ—все, только не дворянинъ, не баринъ, не помѣщикъ... Дворянинъ сталъ синонимомъ бѣдности, баринъ—глупости, помѣщикъ—лѣности. И все это благодаря нашему Петербургу.

Петербургскіе либералы чиновники употребили все усилія, чтобы расшатать вѣковые устои нашего передоваго сословія, давшаго столько примѣровъ самоотверженія, и предстануть его какими-то отжившимъ свой вѣкъ трупомъ. Въѣето того, чтобы исправить недостатки, которыхъ, конечно, не мало въ многомилліонномъ русскомъ народѣ, чтобы поднять низшій классъ до высшаго, какъ въ умственомъ, такъ и въ нравственномъ развитіи, они хотѣли затоптать высшій классъ и низвести его до степени дикости и неразвитости низшаго. Теперь на Руси баринъ чистокровный, стоить земли, богатый, вліятельный, служащій примѣромъ въ совѣтѣ и службѣ, какъ боберъ, переделся, сталъ рѣдокъ. Мы обѣднали; у насъ ничего, кромя долги нѣтъ; имущество наше забираетъ кулакъ или жидъ. Мы теперь и солдатчину отбываемъ, и подати земскія, и повинности несемъ. И голосъ нашъ не слышенъ: въ судѣ и въ земствѣ его заглушается ревъ кулаковъ и разночинцевъ. И тѣмъ больше живешь, тѣмъ больше видишь худого: разбой, грабежи, убійства развиваются въ страшной прогрессіи; прослѣдите вы статистику прежнихъ лѣтъ и нынѣшнихъ—и вы увидите громадную разницу но не въ пользу настоящаго. Кражи и безнравственные поступки становятся дѣломъ обыкновеннымъ—и почему, а потому, что нѣтъ высшаго надзора, какъ регулирующаго цензора.

— Bravo! Bravo! Александръ Дмитріевичъ, заплодировалъ Сергій Афонасьевичъ.— Да вы настоящій ораторъ; хоть мы насъ выберемъ и пошлемъ въ Петербургъ защищать наши интересы.

— Позвольте, я еще не кончилъ... Когда покойный императоръ Николай Павловичъ поздравилъ насъ, въ 1843 году, въ лагерь, офицерами, онъ напутствовалъ насъ рѣчью о службѣ, о долгѣ, о пессимѣ безъ ропота невозможныхъ невзгодъ и лишений и закончилъ такъ: «А если вамъ будетъ лично въ чемъ-либо нужда — обращайтесь прямо ко мнѣ, но забывайте нашего петергофскаго товарища!» И мы знали, и начальство наше знало, что у насъ есть покровитель справедливый и сильный, отъ взгляда котораго ничто укрыться не могло. Мы не злоупотребляли дарованнымъ намъ правомъ, но въ крайнемъ случаѣ прибѣгали къ нему. Такъ, одинъ офицеръ, товарищъ мой по выпуску, утерилъ казенныя деньги, около 10 тыс. руб.; его предали суду, обвинили въ растратѣ и приговорили къ разжалованію и ссылкѣ. Тогда онъ обратился къ императору; разсказавъ чистосердечно, какъ было дѣло, онъ просилъ государя не о смягченіи наказанія, потому что сознавалъ себя виновнымъ въ небреженіи казеннаго имущества, но о томъ, чтобы при конфирмаціи онъ не счелъ его воровъ: «Кадетъ не можетъ быть воровъ», писалъ онъ государю—и государь обратился на это вниманіе. Пославъ флигель-адъютанта повѣрить слова арестованнаго офицера, онъ удостоившись въ ихъ справедливости и повелѣлъ заплатить изъ своей шкатулки утраченныя деньги, а офицера перевести, тѣмъ же чиномъ, на Кавказъ, гдѣ онъ отличился и командовалъ воеводѣтій частью.

— А я такъ не то, что утратилъ казенныя деньги, перебилъ его Сергій Афонасьевичъ, — а свои изатилъ въ 1880 году, до 10 тысячъ рублей, при побѣдѣ, по порученію начальства, заграницу, откуда я принесъ такіа сѣдѣнія, какихъ не могли доставить ни Даллеръ, ни Фельдманъ, и мнѣ не возвратили ихъ. «Вы, говоритъ, получали заштатное содержаніе, ну, и довольно съ насъ». Хочу подать прошеніе, и подамъ, непремѣнно подамъ; надо только собраться поехать въ Петербургъ.

— Теперь единственный способъ, замѣтили съ достоинствомъ генералъ Симановскій—получить намъ что либо—это обращеніе къ государю: онъ наше прибѣжище и покровъ. Собирайтесь и поѣзжайте; а за успѣхъ я вамъ ручаюсь!

— А что, ваше пр—но, обратился я къ Александру Дмитрі-

погибаетъ братъ арендующихъ домъ старушекъ—отставной статскій совѣтникъ Николай Семеновичъ Лазаревъ-Станищевъ. Это — мужчина въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ, опытности и мудрости, высокій полный, мужественный, одинъ изъ тѣхъ, на кого ни время, ни обстоятельства пагубно вліять не могутъ. Въ интимномъ кругу онъ носилъ кличку: «Бедръ-ливанскій», и дѣйствительно это былъ бедръ ливанскій, могучій, несокрушимый и гордый своей стѣлой корой и мхамъ лѣтъ—нѣмыми свидѣтелями его борьбы съ природой и стихіями. Его красивое, не по лѣтамъ, лицо, блестящія, выразительныя, стро-каріе глаза, сгораздѣрнан, хорошо поставленная на плечахъ, голова, сохранявшая вплоть свою растительность, коротко подстриженные по-военному съ сильной прорѣзью усы и мужественная фигура рѣзко выделяли его изъ толпы и дѣлали замѣтнымъ даже въ толпѣ. Кроме представительной симпатичной наружности, онъ обладалъ живыми подвижными веселымъ характеромъ, сильными, хорошо образованнымъ умомъ и массой данныхъ жизни знаній. Всѣ эти качества, въ соединеніи съ чисто юношеской бодростью и никогда не упадающей энергіей, ставили его въ число пожайковъ извѣстной группы людей, извѣстныхъ въ обществѣ подъ названіемъ «предпримчивыхъ».

Николай Семеновичъ воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ первоначально во флотѣ, потомъ въ министерствѣ финансовъ и, наконецъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ пользовался всеобщей любовью и расположеніемъ не только ближайшаго, но и высшаго начальства. Это былъ истинно русскій, по своимъ убѣжденіямъ, правдивый и честный человекъ и знающій свое дѣло, старательный и въ высшей степени полезный чиновникъ. Онъ могъ бы, какъ говорится, пойти далеко, но въ шестидесятихъ годахъ, когда всѣ «развитые люди» отдавались душой такъ называемой «общественной самодѣятельности», онъ оставилъ государственную службу и посвятилъ себя желѣзнодорожному дѣлу.

Двадцать с лишкомъ лѣтъ онъ «срудовалъ» съ перемѣнными усиліями на этомъ поприщѣ. Были годы, когда онъ взлеталъ высоко и, какъ орелъ, утопалъ въ поднебесныя, гордо изирая оттуда на презрѣнную нашу юдоль плача и вѣснаго воздыханія; но были и такіе годы, когда ему людей неволей приходилось слетать на эту самую юдоль и на рѣкахъ Вавилонскихъ (помаго Вавилона) сидѣть и плакать.

Въ свое время имя Николая Семеновича, подобно всѣмъ имъ-

намъ крупныхъ предпринимателей, пользовалось извѣстностью въ семьѣ орловъ откупщиковъ, железнодорожниковъ и банкодержцевъ. Это не былъ, строго говоря, орелъ альпійскій, но все же считался птицей ихъ стаи.

Я лично не зналъ Николая Семеновича въ орелѣ его славы, когда онъ жилъ, говоря словами одного остряка, — «роково», пуская безъ сожалѣнія, на вѣтеръ, легко приобретенныя въ строительной индустріи сотни тысячъ «металлическихъ» рублей, но я слышалъ о немъ; кому, впрочемъ, не былъ извѣстенъ тогда могучій «Кедръ Липанскій» съ его густолиственными молодыми побѣгами, украшавшими собой его покрытый мхами стволъ. Судьба свела насъ въ послѣднее время неожиданно, негаданно все у того же пресловутаго «генерала-кузница».

Пріѣзжаю однажды къ Сергію Афонасьевичу — дома нѣтъ, иду, по обыкновенію, въ его кабинетъ, съ цѣлью обожать его пріѣзда, переступая пороги и вижу: на диванѣ, лицомъ къ стѣнѣ спитъ спомъ праведника «больной» съ виду, незнакомый мнѣ человекъ. Не желая обезпечить почтеннаго незнакомца, на цыпочкахъ пробираюсь къ столу, чтобы засѣсть тамъ за газету, но не успѣлъ я сѣсть въ кресло, какъ услышалъ, что кто то подумноготомъ зоветь меня. Обертываюсь — Марья Федоровна: «пойдите въ гостиную, говорите, пусть Николай Семеновичъ отдохнетъ немножко, онъ всегда послѣ завтрака отдыхаетъ».

— Кто это? спрашиваю, пробираюсь въ гостиную.

— Развѣ вы не знаете? Это — Лазаревъ Станищевъ.

— Зачѣмъ же онъ здѣсь?

— Какъ видите, отвѣчаетъ Марья Федоровна лукаво улыбаясь.

— Я не объ этомъ... Это я вижу — конфужусь я какъ школьникъ, меня интересуетъ, зачѣмъ онъ въ Москвѣ и что дѣлаетъ?

— Живетъ, съѣзаетъ Марья Федоровна, живетъ ногъ ужъ нѣскольکو мѣсяцевъ, а долго ли проживетъ — не знаю. Что же касается до дѣла, то оно у него, кажется, одно — строить желѣзныя дороги. Но этому дѣлу онъ и находится здѣсь.

— Какая же теперь постройка, когда казна сама строитъ дороги?

— Нѣтъ построекъ для насъ съ вами, уничтожаетъ меня Марья Федоровна: а Николай Семеновичъ находится.

— Не на луцѣ ли желаетъ строить дорогу наши гости, парирую я ударъ въ свою очередь, а на нашей несчастной планетѣ одна ли можно теперь что нибудь строить: «фунтовъ» нѣтъ!

— Очень просто. Пришлось круто съ кузницею, пошелъ просить ея сѣятельство учсть нехселекъ, но онѣ нашъ векселекъ принять не соизволили,—не купеческій», говорятъ.

— Да нѣдь мы старые знакомые.

— Еще бы!.. услугу оказать, да еще какую... Было время, не знали куда посадить, чѣмъ угостить меня, только Бога ради выручи! если бы захотѣлъ—сто тысячъ рублей дали бы, а теперь въ кредитъ нѣсколько сотъ рублей отказала.... Вотъ премеза то настала!..

— Какую же такую услугу ты оказать ей?

— А вотъ послушай!.. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ я былъ адъютантомъ у Суворова. Князь Сергѣй Михайловичъ, впускъ знаменитаго московскаго боярина, богача, миллионера, то же князя Сергѣя Михайловича,—мой товарищъ по лейбъ-гвардіи гусарскому полку. Юноша опытный, не знавшій женщинъ, какъ въ мы, отдать дань вѣтку, кутить, ухаживать, и, наконецъ, запутался въ сѣтяхъ цыганскаго табора. Что руководило княземъ: любовь или упрямство, исполненіе честнаго слова или просто блажь — положительно не знаю, но только «цыганка Сааша» сдѣлалась княгиней. Мать его, гордая аристократка, опекунъ сенаторъ, и въ родственныхъ позетали противъ подобнаго mésalliance'a. Старая княгиня подала просьбу о расторженіи брака, такъ какъ молодой князекъ женился несовершеннолѣтнимъ безъ согласія опекуновъ. Нарядили сѣдствіе, и дѣло должно было кончиться не въ пользу князя. Вотъ тогда-то онъ прілетѣлъ ко мнѣ, съ крикомъ и просьбами: «спасай!» Я былъ тоже молодъ, и мои симпатіи склонялись на сторону романической выходки молодого князька, но я зналъ, какъ трудно было устроить что нибудь въ его пользу. Успокоивъ его, какъ могъ, я побѣждалъ къ Суворову, и передалъ ему просьбу князя. Старикъ выслушалъ снисходительно, но принять подѣ свое покровительство ональныхъ понобачныхъ не рѣшился: ему недолго было, въ такомъ нескотянномъ дѣлѣ, выступить противъ могущественныхъ родственниковъ Голицына. Но я не унывалъ, я зналъ доброе сердце моего начальника, и рассчитывалъ въ концѣ концовъ склонить его въ пользу моихъ протеежъ. Я часто напоминалъ объ нихъ старому князю, рассказывалъ о ихъ слезахъ, тоскѣ и отчаяніи, князь смѣялся, шутилъ, но желанія ходатайствовать за нихъ не высказывалъ. Между тѣмъ, сѣдствіе приходило къ концу, и молодымъ приходилось плохо. Рискую полатиться своею карьерой, я явился къ

Суворову съ просьбой, во имя личнаго ко мнѣ расположенія, войти въ положеніе моего друга, представилъ ему на видѣ, что, въ случаѣ развода, сорванецъ князекъ надѣлаетъ еще болѣе глупостей, женится на кокеткѣ, промотаетъ состояніе, и, наконецъ, надѣлаетъ кучу неприятностей лицамъ, отнявшимъ у него жену. Князь выслушалъ, улыбнулся и сказалъ: «хорошо! я доложу государю»... Дѣйствительно, докладъ нескорѣ состоялся, сдѣдствіе прекратили и бракъ остался въ силѣ. Молодой князекъ не платился только арестомъ на гауптвахтѣ за женитбу безъ дозволенія... Положимъ, бракъ этотъ не былъ вполне счастливымъ, князь въслѣдствіи развелся съ женой-цыганкой и женился на другой, но онъ наградила ее по-княжески, и за ней осталось княжеское достоинство. А я, когда пришла нужда, не могъ окредитоваться у ея сѣятельна на нѣсколько сотъ рублей... Какой великій урокъ безкорыстію и дружбѣ!..

Окончивъ завтракъ, мы перебрались въ гостиную. Разговоръ перешелъ на Петербургъ. Черемны въ личномъ составѣ, назначенія, предположенія и мѣры — все подвергалось самой строгой критикѣ.

— Да что у насъ тамъ теперь — распространился генераль-кузнецъ — столотвореніе вавилонское идетъ, и только... Шефы управленій исполняютъ обязанности начальниковъ своихъ штабовъ, принимая доклады ихъ помощниковъ; а начальники штабовъ становятся на ихъ мѣста, разлѣзжаютъ и занимаются высшей политикой... Итъ! этого въ наше время не было... тогда каждый былъ на своемъ мѣстѣ: каждый сверчокъ знаетъ свой шестокъ! Да и люди же были, напр., князь Суворовъ, графъ Милютинъ, графъ Гейденъ, графъ Баранцевъ, графъ Тотлебенъ, Исаковъ, Мордвиновъ! Итъ это все джентльмены! Бывало простая баба солдатка придетъ къ нимъ съ просьбой — и ту примутъ, выслушаютъ и сдѣлаютъ что можно, чего нельзя, объяснять, но никогда не обидятъ... А теперь насъ стариковъ-генераловъ третируютъ, да еще какъ! не подходъ — обожгу...

— Но, позвольте, ваше пр—во.

— Чего позволять, горячился генераль, самъ на себѣ испыталъ... ходилъ доволно по нашимъ канцеляріямъ, да ничего не выходилъ, когда нибудь разскажу тебѣ мои похождения, но теперь не могу... кровь ударяетъ въ голову... нездоровится...

— Успокойся, пожалуйста, перебиваетъ его Марья Федоровна, тебѣ нездорово горячиться... постой, я дамъ тебѣ сигару...

— Но надо! но надо! замахать руками генералъ, оставь при себѣ твои спирты, я не баба. Меня возмущаетъ, продолжалъ онъ бо-
лѣе спокойно, эта грубость... Это неуваженіе къ заслугамъ... да
знаешь-ли ты, что мнѣ сказали у насъ въ канцеляріи мальчишка
офицерикъ со значкомъ, какой-то несчастный столоначальничикъ:
«вы, говорятъ, милютинцы, ничѣмъ недовольны»!.. Да развѣ мы
при Милютинѣ турецкому султану служили? Вѣдь тому же рус-
скому царю... За что же подобное пренебреженіе!.. Да и директор-
ство-то все ваше департаментское хорошо — нечего сказать. Раз-
сказывалъ мнѣ Стенанъ Михайловичъ, какъ оно обращается у
насъ. Идешь къ нему начальникъ отдѣленія съ докладомъ, докладъ
не только не принимаютъ, но еще говорятъ: «за подобный докладъ
намъ поинтереснѣе надо?» За что? ты думаешь: за мысль? за фальшь,
за каверзу за какую нибудь? нѣтъ. Просто не понравилась форма
изложенія. Другой служащій идетъ откланиваться, утѣшая въ от-
пускъ, ему отпѣваютъ: «скатертью дорога!» Что жъ это такое, на-
конецъ? Клейнмихели какіе-то появились опять, и не просто Клейн-
михели, а Клейнмихели въ смятку... Да и какое же это директор-
ство, которому завѣдующій канцеляріей черновыя резолюціи заго-
товляеть... ты пойми всю соль этого казуса: черновыя резо-
люціи... ха, ха, ха!..

— Да когда такого начальства не было? вставилъ я, — всегда
было... нипѣ есть, и нужно думать, впередъ будетъ...

— Ну, что съ тобой толковать... ты вѣдь петербуржецъ... по
вашему, по петербургскому, все можно, даже на занятки стать,
чтобы только куда нужно поскорѣе доѣхать... Нѣтъ, братъ, мы,
москвичи, думаемъ иначе... я лучше воть здѣсь съ кучеромъ сяду,
чѣмъ съ лакеємъ на занятки стапу, и онъ захохоталъ.

Я всталъ и сталъ раскланиваться.

— Куда ты торопишься! обѣдай у насъ, засуетился генералъ,
посиди, поболтайся.

Я извинился неимѣишемъ времени и обѣщался пріѣхать обѣдать
въ воскресенье.

— Ну, такъ пріѣзжай въ воскресенье, да непременно, настан-
валъ генералъ. Стенанъ Михайловичъ къ тому времени подъѣдетъ,
воть онъ тебѣ о Петербургѣ поразскажетъ, пальчики оближешь.

II.

Генераль-пахарь.

Въ слѣдующее затѣмъ воскресенье я обѣдалъ у Сергѣя Афонсевича. Приѣхавъ къ нему довольно рано, я нашелъ его въ конторѣ кузницы.

Организація его «универсальнаго» учрежденія поставлена была на военную ногу. Команда, дисциплина и строгость составляли основныя правила въ его управленіи. Затѣмъ шли: исполнительность и аккуратность, за ними—чистота и благонравіе. По всѣмъ вопросамъ—резюмируя короткія, судъ скорый, правый и милостивый; руководящіе принципы: безпристрастіе и справедливость. Подобная организація снискала генералу-кузнецу расположеніе москвичей тузовъ, и они стали посылать къ нему ковать своихъ буцефаловъ. Находящіеся же въ Москвѣ и окрестностяхъ войсковыя части отдавали ему въ обученіе молодыхъ солдатъ, которые, по прошествіи одного учебнаго семестра, возвращались въ полки мастерами.

Трудъ и стараніе, видимо, ютились у стараго кавалерійскаго ветерана, но матеріальное его благосостояніе не увеличивалось: весь заработокъ генерала-кузнеца, по его словамъ, шелъ ему на брюхо. При всемъ томъ, онъ не терялъ надежды, «выйти въ люди».

Въ крошечной конторѣ кузницы на первомъ планѣ висѣлъ похвальный листъ, выданный ему главнымъ управленіемъ государственнаго коннозаводства за правильную постановкуковки и успешное обученіе учениковъ въ «универсальной кузницѣ», а по стѣнамъ, кругомъ, размѣщались образцы всевозможныхъ подковъ, какъ для лошадей скаковыхъ и выѣздныхъ, такъ и силачей ломовиковъ. Направо стояли костяки лошадиныхъ ногъ съ разнообразными правильныхъ и неправильныхъ копытъ; нѣтъ—нѣтъ, желѣзо, гвозди,—все въ удивительномъ порядкѣ и чистотѣ.

Генераль-кузнецъ имѣлъ на себѣ синюю австрійскую гусарскую куртку, съ басонтикомъ на стоячемъ воротникѣ, чакчиры и высокіе сапоги со шпорами. Его конская осанка и строгій видъ какъ нельзя болѣе шли къ изображаемому имъ типу современнаго вулкана.

Я нашелъ его бесѣдующимъ съ двумя кутерами.

капываешься, хотите занять мое мѣсто. Но я васъ до этого не допущу... слышите, не допущу!..—«Позвольте, если бы я хотѣлъ подѣлаться, то могъ бы давно это сдѣлать; всѣ бумаги о дорожной дѣятельности въ минувшую войну были въ моихъ рукахъ. Но я этого не сдѣлалъ». — «Нѣтъ, вы теперь подѣлываетесь!.. Вы должны дать мнѣ удовлетвореніе!.. И этого требую!..» И онъ разгорячился... Генералъ Мир—ничъ, испугавшись послѣдствій подобной горячности, поспѣшилъ взять Ан—на подѣ руку и отвести въ сторону. На утро Степанъ Михайловичъ явился къ генералу Об—ну; тотъ его встрѣтилъ замѣчаніемъ, что нельзя такъ горячо относиться къ дѣлу; что же касается вѣнныки Ан—на, то онъ обѣщалъ переговорить съ нимъ. Ден—скій не могъ не понять, что противу рожна нельзя прати, и поддалъ въ отставку.

— Но моему, этого не слѣдовало-бы дѣлать!..

— Напротивъ, онъ поступилъ вполне благоразумно: худой миръ лучше доброй ссоры... его карьера еще впереди!..

— Да, впереди, нѣтъ сомнѣнія, если князь Им—скій пойдетъ въ гору, то его призовутъ еще... но теперь онъ и мѣсто и ленту потерялъ... а это чего нибудь да стоитъ...

Генералъ замѣтался, онъ видимо начиналъ горячиться. Марія Федоровна, чтобы переменить разговоръ, зашла рѣчь объ умершемъ баронѣ Александрѣ Людвиговичѣ Штиглицѣ и изъявила сомнѣніе въ возможности имѣть такое громадное состояніе, какое будто бы онъ оставилъ, т.-е. 160 мил. рублей.

Генералъ и тутъ не потерялъ, чтобы не козыгнуть петербургскихъ дѣтелей.

— Почему нельзя имѣть 160 милліоновъ, отозвался Сергій Афонасьевичъ. Можно болѣе имѣть. Если-бы, напр., управляющимъ государственнаго банка былъ бы Уабенсъ, который, хозяйствуя въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ, за семь лѣтъ нагрѣлъ казну на 42 милліона, то онъ, управляя банкомъ, нагрѣлъ бы казну за это время по крайней мѣрѣ не на 160 милліоновъ, а на милліарды рублей.

— Ну, что жѣ! это доказываетъ только одно, что Штиглицъ былъ честный человѣкъ, возразила Марія Федоровна. При томъ же онъ столько добра сдѣлалъ, бѣднымъ помогалъ.

— Ну, въ этомъ можно поспорить. Я знаю такой фактъ. Былъ на Охтѣ пріятель для престарѣлыхъ женщинъ, ослѣпавшій однимъ отставнымъ офицеромъ, небогатымъ человѣкомъ. Когда у него не

хватило средств, онъ обратился за помощію къ барону, и тотъ отказалъ, передавъ черезъ камердинера отвѣтъ на словахъ, что онъ всѣхъ старухъ въ Петербургъ кормить не можетъ.

Вечеромъ пріѣхалъ другой эмеритъ—отставной генералъ-майоръ Александръ Дмитріевичъ Спманонскій, человекъ высокой души, по рожденію—тверякъ, псалтирникъ, по убѣжденіямъ—москвитинъ. Получивъ воспитаніе въ повгородскомъ кадетскомъ корпусѣ и прослуживъ всю службу въ санерахъ, онъ вынесъ и сохранилъ все присущія русскому народу традиціи добраго стараго времени: вѣру въ Бога, любовь и сълѣдную непоколебимую преданность царю и отечеству. Но Петербургъ недолюбливалъ, онъ не могъ простить ему «поруганія вѣками освященныхъ правъ дворянства».

— Что мы такое изображаемъ изъ себя?—ораторствовалъ почтенный Александръ Дмитріевичъ, сидя за дымящимся стаканомъ чая:—опальное сословіе, больше ничего! Теперь въ чести мужикъ, купецъ, чиновникъ—все, только не дворянинъ, не баринъ, но помѣщикъ... Дворянинъ сталъ синонимомъ бѣдности, баринъ—глупости, помѣщикъ—лѣности. И все это благодаря нашему Петербургу.

Петербургскіе либералы чиновники употребили все усилія, чтобы расшатать вѣковые устои нашего передоваго сословія, давшаго столько примѣровъ самоотверженія, и представить его какими-то отжившимъ своей вѣкъ трупомъ. Вѣдѣто того, чтобы неуправлять недостатками, которыхъ, конечно, не мало въ многомилліонномъ русскомъ народѣ, чтобы поднять низшій классъ до высшаго, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ развитіи, они хотѣли затоптать высшій классъ и низвести его до степени дикости и неразвитости низшаго. Теперь на Руси баринъ чистокровный, стоить земли, богатый, вліятельный, служащій примѣромъ въ совѣтѣ и службѣ, какъ боберъ, перевелся, сталъ рѣдокъ. Мы обѣднали; у насъ ничего, кромѣ долговъ нѣтъ; имущество наше забираетъ кулакъ или жидъ. Мы теперь и солдатчину отбываемъ, и подати земскія, и повинности несемъ. И голосъ нашъ не слышенъ: въ судѣ и въ земствѣ его заглушаетъ ревъ кулаковъ и разночинцевъ. И чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше видишь худого: разбой, грабежи, убійства развиваются въ страшной прогрессіи; прослѣдите вы статистику прежнихъ лѣтъ и нынѣшнихъ—и вы увидите громадную разницу но не въ пользу настоящаго. Кражи и безправственные поступки становятся дѣломъ обыкновеннымъ—и почему, а потому, что нѣтъ высшаго надзора, какъ регулирующаго цензора.

— Bravo! Bravo! Александръ Дмитріевичъ, заплодировалъ Сергій Афонасьевичъ.—Да вы настоящій ораторъ; коть мы насъ выберемъ и пошлемъ въ Петербургъ защищать наши интересы.

— Позвольте, я еще не кончилъ... Когда покойный императоръ Николай Павловичъ поздравилъ насъ, въ 1843 году, въ лагерѣ, офицерами, онъ напутствовалъ насъ рѣчью о службѣ, о долгѣ, о песеніи безъ ропота всевозможныхъ невзгодъ и лишеній и закончилъ такъ: «А если вамъ будетъ лично въ чемъ-либо нужда — обращайтесь прямо ко мнѣ, не забывайте нашего петергофскаго товарища!» И мы знали, и начальство наше знало, что у насъ есть покровитель справедливый и сильный, отъ взгляда котораго ничто укрыться не могло. Мы не злоупотребляли дарованнымъ намъ правомъ, но въ крайнемъ случаѣ прибѣгали къ нему. Такъ, одинъ офицеръ, товарищъ мой по выпуску, утерять казенныя деньги, около 10 тыс. руб.; его предали суду, обвинили въ растратѣ и приговорили къ разжалованію и ссылке. Тогда онъ обратился къ императору; разсказавъ чистосердечно, какъ было дѣло, онъ просилъ государя не о смигченіи наказанія, потому что сознавалъ себя виновнымъ въ небреженіи казеннаго имущества, но о томъ, чтобы при конфирмаціи онъ не счелъ его воромъ: «Кадетъ не можетъ быть воромъ», писалъ онъ государю—и государь обратилъ на это вниманіе. Пославъ флигель-адъютанта повѣрить слова арестованнаго офицера, онъ удостоился въ нихъ справедливости и повелѣлъ заплатить изъ своей шкатулки утраченныя деньги, а офицера перевести, тѣмъ же чиномъ, на Кавказъ, гдѣ онъ отличился и командовалъ впоследствии частью.

— А я такъ не то, что утратилъ казенныя деньги, перебилъ его Сергій Афонасьевичъ, — а свои изстратилъ въ 1880 году, до 10 тысячъ рублей, при поѣздкѣ, по порученію начальства, за границу, откуда я привезъ такіе свѣдѣнія, какихъ не могли доставить ни Даллеръ, ни Фельдманъ, и мнѣ не возвратили ихъ. «Вы, говорятъ, получали заштатное содержаніе, ну, и доплатно съ насъ». Хочу подать прошеніе, и подамъ, непременно подамъ; надо только собраться поѣхать въ Петербургъ.

— Теперь единственный способъ, замѣтилъ съ достоинствомъ генералъ Симановскій—получить намъ что либо—это обращеніе къ государю: онъ наше приближенъ и покровль. Собирайтесь и поѣзжайте; а за усѣхъ я вамъ ручаюсь!

— А что, наше пр—но, обратился я къ Александру Дмитріевичу.

ничу, по нашему мнѣнію, нужно было бы теперь сдѣлать, чтобы улучшить положеніе дѣлъ?

— Что?.. возвысить религію и нравственность—потъ что! Это главное и самое важное, а потомъ уже и нашу гражданственность... Вы римскую исторію, вѣроятно, знаете? въ Римѣ были цензоры и дикторы... учрежденіе добронормочное! я бы теперь, на первыхъ порахъ, предложилъ ввести у насъ только однихъ цензоровъ доброй нравственности, ну и дикторовъ, разумеется... а потомъ уже и еще кое что... Повѣрите, эти нигилистики-то наши тогда бы попортили...

— Вотъ уже въ мой домъ, перебилъ Сергій Афонасьевичъ, могу поручиться, никогда ни одного нигилистика не залетало и, надѣюсь, не залетитъ...

Нигилистикъ, пожалуй, и не залетитъ, замѣтилъ я смѣясь генералу-кузенцу, а нѣги листикъ, не откажитесь, Сергій Афонасьевичъ, залетѣть еще можетъ...

— Ну, ты, петербургскій вертунъ, все вывернешь, смотри языка не сверни себя... отшучивался генералъ-кузенецъ, грозя мнѣ пальцемъ.

III.

Недръ ливанскій.

На Земляномъ валу, близъ Смоленскаго рынка, въ небольшомъ одноэтажномъ сѣренькомъ деревянномъ домикѣ, съ подъездомъ на улицу, живутъ двѣ почтенныя старушки помѣщицы Лазаревы-Станищевы. Въ дореформенное время они были богаты, имѣли обширныя помѣстья, большую дворню крѣпостныхъ и жили, по мѣткому народному выраженію, велясть. Теперь же бѣдныя барыни арендуютъ этотъ домикъ и, потѣшившись сами въ двухъ комнатахъ, отдаютъ остальные въ наемъ меблированными жильцамъ, и тѣмъ зарабатываютъ хлѣбъ и обезпечиваютъ себя существованіе. Это все, что имъ дало въ наслѣдство недоброй памяти крѣпостное право.

Въ одной изъ меблированныхъ комнатъ домика-кормилца, выходящей окнами на дворъ, комнатѣ невысокой, узкой и тѣсной,

помыщается брать арендующих домъ старушекъ—отставной статскій советникъ Николай Семеновичъ Лазаревъ-Станищевъ. Это — мужчина въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ, опытности и мудрости, высокій полный, мужественный, одинъ изъ тѣхъ, на кого ни время, ни обстоятельства пагубно вліять не могутъ. Въ питияномъ кругу онъ носилъ кличку: «Кедръ-ливанскій», и дѣйствительно это былъ кедръ ливанскій, могучій, несокрушимый и гордый своей сѣдой корою и мхами лѣтъ—лѣтними свидѣтелями его борьбы съ природою и стихіями. Его красивое, не по лѣтамъ, лицо, блестящія, выразительныя, сѣро-каріе глаза, соразмѣрная, хорошо поставленная на плечахъ, голова, сохранившая вплоть свою растительность, коротко подстриженные по-военному съ сильной простыю усы и мужественная фигура рѣзко выдѣляли его изъ толпы и дѣлали замѣтными даже въ толпѣ. Кроме представительной симпатичной наружности, онъ обладалъ живыми подвижными веселымъ характеромъ, сильными, хорошо образованнымъ умомъ и массой данныхъ жизнію знаній. Всѣ эти качества, въ соединеніи съ чисто юношеской бодростью и никогда не упадающей энергіей, ставили его въ число вожаковъ извѣстной группы людей, извѣстныхъ въ обществѣ подъ названіемъ «предпримчивыхъ».

Николай Семеновичъ воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ первоначально по флоту, потомъ въ министерствѣ финансовъ и, наконецъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ пользовался всеобщей любовью и расположеніемъ не только ближайшаго, но и высшаго начальства. Это былъ истинно русскій, по своимъ убѣжденіямъ, правдивый и честный человекъ и знающій свое дѣло, старательный и въ высшей степени полезный чиновникъ. Онъ могъ бы, какъ говорится, пойти далеко, но въ шестидесятихъ годахъ, когда всѣ «разные люди» отдавались душой такъ называемой «общественной самодѣятельности», онъ оставилъ государственную службу и посвятилъ себя желѣзнодорожному дѣлу.

Двадцать с лишкомъ лѣтъ онъ «орудовалъ» съ переменными успѣхомъ на этомъ поприщѣ. Были годы, когда онъ взлеталъ высоко и, какъ орелъ, утопалъ въ поднебесныя, гордо взирая оттуда на презрѣнную нашу юдоль плача и неслыханнаго воздыханія; но были и такіе годы, когда ему волей неволей приходилось слетать на эту самую юдоль и на рѣкахъ Вавилонскихъ (новата Вавилона) сидѣть и плакать.

Въ свое время имя Николая Семеновича, подобно всѣмъ изе-

намъ крупныхъ предпринимателей, пользовалось извѣстностью въ семьѣ орловъ откупщиковъ, желѣзнодорожниковъ и банкодержцевъ. Это не было, строго говоря, орелъ азыійскій, но все же считался птицей ихъ стаи.

Я лично не зналъ Николая Семеновича въ орелѣ его славы, когда онъ жилъ, говоря словами одного остряка, — «роково», пуская безъ сожалѣнія, на вѣтеръ, легко приобретенныя въ стропотливой вакханаліи сотни тысячъ «металлическихъ» рублей, но я слышалъ о немъ; кому, впрочемъ, не было извѣстно тогда могучій «Кедри Ливанскій» съ его густолиственными молодыми побѣгами, украшавшими собою его покрытый мхами стволъ. Судьба свела насъ въ послѣднее время нежданно, негаданно все у того же преселонутаго «генерала-кузнеца».

Пріѣзжаю однажды къ Сергѣю Афоняевичу — дома нѣтъ, иду, по обыкновенію, въ его кабинетъ, съ цѣлью обождать его пріѣзда, переступая пороги и вижу: на диванѣ, лицомъ къ стѣнѣ спитъ спомъ праведника «большой» съ виду, незнакомый мнѣ человекъ. Не желая обезножить почтеннаго незнакомца, на цыпочкахъ пробираюсь къ столу, чтобы засѣсть тамъ за газету, но не успеваю сѣсть въ кресло, какъ услышала, что кто то полушопотомъ зоветъ меня. Обертываюсь — Марія Федоровна: «пойдите въ гостиную, говорите, пусть Николай Семеновичъ отдохнетъ немножко, онъ всегда послѣ завтрака отдыхаетъ».

— Кто это? спрашиваю, пробираюсь въ гостиную.

— Развѣ вы не знаете? Это — Лазарь Станищевъ.

— Зачѣмъ же онъ здѣсь?

— Какъ видите, отиѣчаетъ Марія Федоровна лукаво улыбаясь.

— Я не объ этомъ... Это я вижу — конфужусь я какъ школьникъ, меня интересуетъ, зачѣмъ онъ въ Москвѣ и что дѣлаетъ?

— Живетъ, съѣдается Марія Федоровна, живетъ вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ, а долго ли проживетъ — не знаю. Что же касается до дѣла, то оно у него, кажется, одно — строить желѣзныя дороги. Но этому дѣлу онъ и находится здѣсь.

— Какая же теперь постройка, когда казна сама строитъ дороги?

— Нѣтъ построекъ для насъ съ вами, уничтожаетъ меня Марія Федоровна: а Николай Семеновичъ находится.

— Не на луцѣ ли желаетъ строить дорогу вашъ гость, парирую я ударъ въ свою очередь, а на нашей несчастной планетѣ едва ли можно теперь что нибудь строить: «фунтовъ» нѣтъ!

— На луну, не на луну, положишь, ехидничать Марья Федоровна съ сподобившимъ ей остроуміемъ, но почему бы ему не взять постройки дорогъ для луны?.. А, впротѣмъ, онъ самъ, когда встанетъ, можетъ быть, лучше меня удовлетворить нашему любопытству.

Не прошло и четверти часа — мы пожимали другъ другу руки. Усѣвшись въ кабинетъ какъ можно покойнѣе, мы страстно предались бесѣдѣ; нужно видѣть петербургцевъ, встрѣчающихся гдѣ нибудь въ захоустьѣ, какъ они рады другъ другу. Незнавшіе другъ друга прежде, они вдругъ становятся друзьями, говорятъ, говорятъ, говорятъ — и не наговорятся. Также исторія повторилась и съ нами: мы разговорились о послѣднихъ новостяхъ, которыя были получены изъ Петербурга, объ общихъ знакомыхъ, которые, какъ водится, тотчасъ же оказались у насъ, «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ», но вопроса о причинахъ его нахожденія въ Москвѣ мы не коснулись: не долго было при первой встрѣчѣ снискать до меркантильности.

Но ночь пріѣхалъ Сергій Афонасьевичъ. Разговоръ еще больше обобщился. Перешли въ столовую, на столѣ дымился малороссійскій борщъ, сѣли за общій. «Козыръ Липанскій» оказался несмысленнымъ, живымъ собственникомъ. Онъ разсказалъ два-три случая изъ своей служебной дѣятельности и нѣсколько анекдотовъ изъ жизни бывшихъ орловъ. Нельзя было не смѣяться, когда чѣ характеризовалъ нѣкоторыхъ лицъ, при которыхъ ему выпало счастье состоять для порученій. Характеристики эти выходили лѣ болѣе удачно, что онъ зналъ дѣйствовавшихъ лицъ какъ свои лѣ пальцы. Наиболее смѣху возбудилъ разсказъ о чудачествахъ и самоубійствѣ тульского губернатора Шидловскаго, бывшаго потомъ начальникомъ одного изъ главныхъ управленій въ Петербургѣ и товарищемъ министра. Пріѣзжаетъ онъ въ Тулу изъ столицы и, конечно, находитъ ее грязною. На одной изъ немощныхъ улицъ, противъ дома купца Михайлова, стояли лужи грязи. Что бы сразу вселить страхъ въ обывателей и заставить ихъ поочиниться, онъ приказалъ полиціимейстеру Колзакону выбросить всю эту лужу грязи на стѣны и заборы дома. Полиціимейстеръ передаетъ приказаніе приставу, а тотъ, съ помощью пожарной команды, забрасываетъ грязью не только фасадъ дома — двери, окна и карнизы, но и весь заборъ и ворота. Купецъ Михайловъ, находившійся въ это время въ Москвѣ, позиривается и не узнаетъ своего дома. Освѣдомившись, какъ это случилось, ѣдетъ онъ къ губернатору; тотъ его «разно-

силь, по объясненію купца, почему сидеть стоитъ». Купецъ заявляеть въ думу, дума собирается для обсужденія, Шидловскій присылаетъ адъютанта сказать голомѣ, чтобы распустили думу, такъ какъ она его распоряженіемъ обсуждать не можетъ, и голова понижается. Купецъ ѣдетъ въ Петербургъ, и оттуда сдѣлалъ губернатору головомошку; губернаторъ свалилъ все на пристава, и того выгнали въ отставку. Дальнѣйшія его походы въ Тулу были еще болѣе «странными», такъ что жители были очень рады, когда его оттуда убрали.

Анекдоты о графѣ Петрѣ Александровичѣ Валуевѣ, какъ онъ проводилъ просителей, общая имъ лично одно и приказывая дѣлать другое, и какіе вытекали изъ того сюрпризы, и о Миконѣ, какъ онъ ухитрился въ одно и тоже время быть администраторомъ и подрядчикомъ дроить на желѣзныхъ дорогахъ, поддерживали общее веселое настроеніе въ теченіи всего обѣда.

Но вотъ обѣдъ кончился, подали въ кабинетъ кофе. Поболтали еще немного, и поднялся, за мной Николай Семеновичъ. Я довезъ его до Кудрина и мы дружески разстались.

Спусти два дня «Кедръ Ливанскій» удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Два слова о томъ, о семъ—и, чтобы не терять дорогаго времени, отиралихся обѣдать въ Большой Московскій трактиръ. Тамъ мы разговорились о дѣлахъ.

Тепло, радушно, искренно посвящалъ онъ меня въ тайны железнодорожнаго дѣла. Насколько я при первой встрѣчѣ избѣгалъ всякаго разговора о его пребываніи въ Москвѣ, настолько теперь старался вызвать его на откровенность. Онъ сообщилъ мнѣ подъ видомъ особаго ко мнѣ расположенія, что имѣеть въ виду сдѣлать небольшое дѣло, именно — связать обрывочекъ одной маленькой дороги, построенной для переноски куриныхъ яицъ, съ концомъ другой дороги, имѣющей назначеніемъ переноску припиковъ. Протяженіе связующаго звѣна этихъ дорогъ нечислялось имъ въ 120 верстъ. Концессія, объяснилъ онъ, уже дана, нужны только капиталы, для отысканія которыхъ онъ и прибылъ въ Бѣлокаменную.

На замѣчаніе мое, что этимъ дѣломъ всего ближе было бы заняться правленію заинтересованной дороги, онъ отвѣчалъ съ амфигомонъ, что оно индифферентно относится къ дѣлу, и потому это надо сѣбѣ сдѣлать. А сѣбѣ сдѣлать его скоро, такъ какъ акціи дороги уже скуплены, нужно только принять ихъ синдикату, который образуется по отысканіи имъ капитала.

Я подлюбопытствовалъ узнать, почему онъ купилъ акціи этой дороги, и кто станетъ во главѣ синдиката. Онъ таинственно сообщилъ и просилъ не болтать до поры, до времени, что акціи куплены по 85 р. съ учетомъ, а во главѣ синдиката становится одинъ изъ извѣстныхъ Москвитъ нижнегородъ-путейцевъ, близко стоящій къ ея думѣ.

Мнѣ показалось страннымъ: почему онъ купилъ акціи по 85 р., когда онѣ котируются на биржѣ по 42 р., и я пожелалъ разъяснить эту странность. Онъ расхохотался и отиѣтилъ мнѣ лаконически: «такъ только и можно нажить деньги».

Подобный отиѣтъ, конечно, не могъ удовлетворить меня, но я не считалъ себя вправе искушать доверчивость почти незнакомаго мнѣ человѣка. Николай Семеновичъ пошелъ мое несложное положеніе и съ разнородностью свѣтскаго боннивера сталъ распространяться на тему, какъ они въ старину наживали деньги. «Министерство, батюшко, говоришь онъ, — всему голова, и мы тамъ были спок: а какъ не порадовать родному человѣчку?... Впрочемъ, бывали и съ нами невзгоды, да еще какія!.. Круто приходилось... до царя доходило... тогда только и поладило... Вотъ какія времена переживались, батюшка»...

Я заинтересовался ознакомиться съ этимъ случаемъ, и онъ пересказалъ мнѣ слѣдующее:

— Это было въ министерство графа Бобринскаго, товарищемъ котораго состоялъ баронъ Дельвингъ. Мы строили кіево-брестскую дорогу. Согласно данной концессіи и утвержденнымъ планамъ и чертежамъ намъ вѣдѣно было въ обязанность вывести профиль дороги извѣстной высоты. Такъ мы и строили. Вдругъ, когда мы полотно почти окончили, предъявляютъ намъ требованіе: возвысить профиль дороги на аршинъ. Вы можете представить себѣ наше положеніе!.. Возвысить насыпь полотна дороги на аршинъ на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ — посудите сами, не бездѣлица. Это — я не помню теперь точной цифры — стоило, скажемъ приблизительно, три милліона рублей, и эти три милліона мы должны были бросить, извините за тривиальное выраженіе, неуподобясь. Бросились туда-сюда; говоримъ: «вы насъ раззоряете!» Знать ничего не хотятъ: «насыпайте, смѣются, еще на аршинъ — и баста!» Мы стали хлопотать въ министерствѣ о доплатѣ, объ увеличеніи строительнаго капитала — баронъ Дельвингъ все похерилъ. Въ воздухѣ «пахло жаренымъ» или разореньемъ... Пускай

бы дѣлошло объ обыкновенныхъ расходахъ — слова не было бы; но рѣчь повелъ о восьми стахъ тысячъ: компаньоны уперлись и на подобное «жаркое» для чужаго стола не рѣшились. Подали прошение государю и тогда только дѣло уладилось.

— Что же, вы имѣли аудиенцію?

— Покойный государь зналъ меня лично съ дѣтскаго возраста. Еще въ тридцатыхъ годахъ, когда я находился въ морскомъ корпусѣ кадетами, меня въ числѣ другихъ кадетъ возили иногда во дворецъ играть съ великими князьями. Дѣтскія игры остаются въ памяти на всю жизнь, поэтому несколько не удивительно, что государь, встрѣчая меня потомъ, всегда былъ ко мнѣ милостивъ и разъ даже называлъ «старымъ товарищемъ». Мы написали просьбу государю, и я подавъ ее ему черезъ его камердинера.

— А гдѣ же проситель? спросилъ его Александръ Николаевичъ, пробѣгая прошение.

— У меня въ комнатѣ, ваше императорское величество.

— Позови его ко мнѣ, сказалъ государь.

Я трепеталъ, когда шелъ въ кабинетъ царя. Мнѣ казалось, что онъ прогнѣвается на меня и за просьбу, въ которой жаловался на вымогательства и взятки, и за нелегальный способъ подачи ея. Но каково же было мое удивленіе, когда онъ принялъ меня съ обычной своей пріятливостью, разспросилъ о дѣлѣ, вошелъ въ его подробности и, узнавъ о сдѣланныхъ намъ притѣсненіяхъ, какъ бы въ раздумьи спросилъ: «справду ли ты говоришь?»

Мой отвѣтъ былъ утвердительный. Я сказалъ императору, что кадетъ, лично извѣстный его величеству съ дѣтства, никогда не осмѣлится сказать ложь своему монарху.

— А!.. хорошо! отвѣчалъ государь, — ступай, я не дамъ тебя въ обиду.

Черезъ нѣсколько дней баронъ Дельвигъ получалъ увольненіе отъ должности, мы же получили желаемое. Съ тѣхъ поръ насъ не трогивали въ министерствѣ, и мы даже приобрѣли нѣкоторое вліяніе. Теперь не знаю, какъ на насъ смотреть... Конечно, болѣе сдержанно, но, думаю, не враждебно... Впрочемъ, кто знаетъ... еще Гейне говорилъ:

«Новое время—новыя птицы,
Новыя птицы—новыя пѣсни».

Затѣмъ разговоръ перешелъ на устройство синдиката.

— На первый раз, говорил Николай Семенович, мы определили сто павъ по пяти тысячъ рублей. Для закладнїа дорогой этого вполне достаточно. Вотъ, говорятъ, обратился онъ ко мнѣ съ предложеньемъ неожиданно, у насъ есть деньжонки, возьмите павъ-другой,—я вамъ могу служить. Вы—человѣкъ умный, энергичный, дѣльный и дѣятельный: съ такими качествами вамъ давно бы было нужно посвятить себя желѣзнодорожному дѣлу, и теперь вы имѣли бы деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ получили бы и честь и значеніе.

«А, подумалъ я, вотъ она лирица-то!.. но роль вороны, кажется, мнѣ не къ лицу», и поэтому вмѣсто того, чтобы въ отвѣтъ на сдѣланную похвалу мнѣя достоинствамъ, каркнуть во все воронье горло, я предпочелъ посланный Богомъ мнѣ кусочекъ сыру, чтобы онъ не выпалъ изъ рта, заиритатъ подалъ за щеку.

На другой день я отдалъ визитъ почтеннѣйшему Николаю Семеновичу. Его видимо стѣснила окружающая его обстановка. Маленькая комнатка, сомѣщавшая въ себѣ: кабинетъ, спальню и пріемную, старая, дешесенькая, неуклюжая мебель, отсутствіе большей части самыхъ необходимыхъ для жизни предметов—все это, конечно, говорило не въ пользу человѣка, порочаващаго когда-то милліонами, но я не обращалъ ни на что вниманія и послѣ первыхъ обычныхъ прївѣтствій занялся дѣловой разговоръ.

— Ну съ, какъ идутъ ваши желѣзнодорожныя дѣла, многоуважаемый Николай Семенович? оивдомлялся я у все еще хмурившагося хозяина.

— Могутъ ли хорошо идти желѣзнодорожныя дѣла, когда ими управляютъ моряки,—отвѣчалъ киезо «Кедръ Липанскій» ¹⁾.—Вѣдь я воспитывался въ морскомъ корпусѣ и службу началъ морякомъ, пояснилъ онъ, улыбаясь.

— Чѣмъ же плохо идутъ дѣла?

— Что можетъ быть хорошаго, когда вездѣ ничего не дѣлается: инициатива есть—денегъ нѣтъ, деньги есть—инициатива улетучивается... Вотъ тутъ и орудуемъ, какъ знаешь!..

— А изъ Петербурга новостей нѣтъ?

— Какъ не быть!.. Петербургъ съ ногъ валить своими новостями... Знаете ли, какъ сибирскую дорогу направили?

— Какъ?

— Черезъ Самару на Уфу и Екатеринбургъ... Челябинъ остается

¹⁾ Министерствомъ управлялъ тогда адмиралъ Посесть.

въ сторону, дорога пойдётъ съ Уфы прямо на Екатеринбургъ. Вотъ этого-то уже никто не ожидалъ! Сюрпризъ, советъ сюрпризъ!.. Вѣдь даже изысканій отъ Уфы никакихъ не сдѣлано... Прошла только реконструкция... Вали, по посьловицѣ, въ кучу, послѣ разберёмъ... Вотъ что значить тамъ «губы пѣть»!.. ¹⁾

— Вамъ то какое дѣло до сибирской дороги?.. вѣдь вы на своей «крошкѣ» орудуете...

На «крошкѣ» крошку и зашибешь!.. засмѣялся Николай Семеновичъ, а Сибирь, слышали, чай, — розсыпь золотиносная — невольно влечетъ къ себѣ и мысли поглощаются... Все думается: вѣдь не боги же горшки обжигаютъ!

— Смотрите, не обожгитесь, Николай Семеновичъ, взявшись вмѣсто боговъ обжигать горшки, возражаю я съ улыбкой хозяину.

— «Бояться несчастья—не видать и счастья», говорилъ Петръ Великій, а принципомъ великихъ людей надо придерживаться, напируетъ одушевленный «Бедръ Ливанскій».

Онъ свелъ было разговоръ на принятіе мною участіе въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и пользу, которую я могу ожидать отъ того, но я благоразумно уклонился отъ подобнаго разговора и, только вставая и прощаясь, сказалъ ему: «Эхъ, Николай Семеновичъ, гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить!»

Этимъ закончился мой первый визитъ къ бывшему желѣзнодорожному тузу, который, не смотря на то, что былъ подруженъ подъ самый корень, еще стоялъ и казался вѣтъ несокрушимымъ, могучимъ исполиномъ.

VI.

Въ дорогѣ.

Въ скоромъ времени мнѣ представился случай поѣхать съ генераломъ-нахарекомъ въ его тверское имѣніе Торчиповку, и мы отпразднлись. Нашъ путь лежалъ по Николаевской желѣзной дорогѣ до какаго-то, не помню уже, полустаика, а оттуда на лошадиныхъ. Мы выѣхали съ вечернимъ поѣздомъ. Въ вагонѣ публички оказалось немного, и мы расположились съ комфортомъ. Выѣстъ съ нами въ

¹⁾ Товарищемъ министра состоялъ т. с. Гюббенетъ.

одномъ вагонѣ ѣхалъ, направляясь въ Петербургъ, одинъ мой знакомый москвичъ, инженеръ-технологъ Захей Никодимовичъ Хро-стинковъ, человекъ молодой, весьма образованный и умный. Онъ еще недавно, лѣтъ пять не больше, какъ окончилъ курсъ наукъ въ технологическомъ институтѣ, но успѣлъ уже ознакомиться практически съ заводскимъ дѣломъ, управляя у двухъ-трехъ владельцевъ заводовъ, и пользовался репутаціею чрезвычайно старательного и дѣловатаго техника. Я очень былъ радъ случаю, съ которымъ можно было побесѣдовать, тѣмъ болѣе, что на Александра Дмитриевича разсчитывать оказалось невозможнымъ: онъ сдѣлалъ уже распоряженіе о приготовленіи ему «ложа для опочиванья».

Мы, т. е. Захей Никодимовичъ и я, застѣли вмѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ генерала, дабы не мѣшать ему предаться сладкому отдохновенію, и бесѣдовали всю дорогу до самаго крайняго пункта нашего совмѣстнаго путешествія. Молодой техникъ разсказывалъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя ему приходилось одо-лѣвать, когда не было возможности стать твердо въ средѣ, гдѣ пришлось дѣйствовать при переныхъ шагахъ практической дѣятельности.

На первыхъ порахъ ему выпала курьезная задача—послать въ ходъ чугуно-литейный заводъ одного петербургскаго барина пен-сионата.

Барина этого я зналъ лично. Это — полковникъ Евгеній Александровичъ Пог—евъ. Одно время онъ игралъ замѣтную роль въ Петербургѣ. Молодой, свободный, богатый, красивый, онъ состоялъ адъютантомъ въ одномъ изъ главныхъ петербургскихъ управленій, жуировалъ, кутилъ, вольничалъ, игралъ въ карты, путешествовалъ, женился за границей на богатой малороссійской помѣщицѣ-институткѣ, пернулся въ Петербургъ, заболѣлъ и лечился у психіатра доктора Фрея. Выздоровѣвъ, поступилъ въ академію, вышелъ съ академическимъ значкомъ, напустилъ на себя ученость, по службѣ не дорожилъ, пристрастился къ игрѣ, былъ избранъ старшиной одного клуба и пропадалъ тамъ дни и ночи. Жена скучала, дѣти росли на ея попеченіи, а онъ игралъ, игралъ и только игралъ подлѣ эгиды знаменитаго содержателя «мельницы» Бардакова, про-несъ котораго недавно падѣлялъ столько шуму, или же развлекался. И вотъ, когда дѣла его склонились къ упадку, судьба еще разъ улыбнулась ему: умеръ въ Москвѣ дядя, оставивъ ему въ наслед-ство триста двадцать пять тысячъ наличными деньгами. Подобное

счастье дается немногим: умному дѣльцѣ можно-бы было жить и не тужить. Но этому барину капиталъ принесъ несчастье. Онъ задумалъ пустить его въ оборотъ и купилъ въ Калужской губерніи имѣніе съ чугунно-литейнымъ заводомъ, за которое заплатилъ двѣсти двадцать пять тысячъ. Пятніе хорошее, лѣсу много, но заводъ, по случаю прорыва плотины, бездѣйствовалъ. Завидная перспектива сдѣлалась вторымъ Демидовымъ или Мальцевымъ соблазнила его, и онъ рѣшилъ пустить заводъ. Не имѣя никакого понятія не только о заводскомъ дѣлѣ или торговлѣ и промышленности, но даже о домашнемъ хозяйствѣ, которое у него вела жена, и будучи отъ природы апатичнымъ и лѣнивымъ, онъ задумалъ поставить заводъ на широкую ногу и управлять имъ изъ Петербурга. Задумано — сдѣлано. Захей Никодимычъ отпирался на заводъ техникомъ, какой-то офицеръ — распорядителемъ — и дѣло тронули. Первоначально, вѣроятно, нужно было возстановить плотину, работали надъ ней все лѣто, осень и зиму; но открылось половодье — и плотину сорвало. Дѣлать нечего, — начинай а б в г о. Начали. Работы повели серьезно. Потребовалось еще лѣто, осень и часть зимы. Все это время доменная печь работать не могла. Чтобы не распускать всѣхъ людей и не закрыть соствѣтъ завода, пустили награнку. Послѣдствіемъ подобной распорядительности были громадныя затраты и убытки. Слишкомъ пятьдесятъ тысячъ бросили на вѣтеръ. Но это было только начало. По мѣрѣ устройства плотины, нужно было озаботиться изготовленіемъ матеріала. Купили и доставили руды около двухсотъ тысячъ пудовъ, угли семьдесятъ пять тысячъ четвертей, дровъ тысячу двадцать сажень. Израсходовали на это еще пятьдесятъ тысячъ рублей, но дѣло не пошло. Управлять заводомъ изъ Петербурга оказалось невозможнымъ. Распорядитель офицеръ на заводѣ умеръ. Захей Никодимыча, по интригамъ, увозили. И заводъ стоитъ... Въ теченіе двухлѣтняго владѣнія заводомъ, владѣлецъ пріѣзжалъ два раза и оба раза пробылъ на заводѣ по два дня, книгъ не смотрѣлъ, отчетовъ не пострѣлялъ и все дѣло сводилъ къ разговорамъ о планахъ и предположеніяхъ. Но такъ какъ всякіе планы и предположенія требуютъ денегъ, то имѣніе пришлось заложить въ банкъ и, кромѣ того, прихватить нѣсколько тысяченокъ еще и по всеселькамъ. Наступившая весна должна была диннуть заводъ. И двинули. Въ данный моментъ положеніе дѣла таково: заводъ работаетъ подъ руководствомъ доменнаго мастера, управляющій, онъ же агентъ тульскаго земельнаго банка и страхового общества, живетъ

въ Калугѣ (за 50 верстъ), техникъ, онъ же и заведующій литейною частью на мальцевскихъ заводахъ, находится въ Брянскѣ (верстъ 35), владѣлецъ въ Петербургѣ — въ лечебницѣ доктора Фрея, денегъ нѣтъ, срокъ платежей по обязательствамъ приближается.

— Какимъ образомъ могло все это случиться? спрашиваю я Захара Никодимыча.

— Бабы всему причиною, отвѣчалъ онъ, если бы онъ не допускалъ вмешательства жены, ничего подобнаго случиться бы не могло. Во-первыхъ, онъ меня умолялъ по ея настояніямъ. Не поправился я ей, не могъ угодить, когда она пріѣхала съ дѣтьми на заводъ лѣтомъ и гостила тамъ двѣ-три недѣли. Нехорошъ и баста! долбила, долбила и додолбилась — умолялъ. Съѣла кошка птичку — ни за что, ни прочто! Положимъ, что я при этомъ ничего не потерялъ — я теперь имѣю лучшее мѣсто. Но все-таки общино: двухлѣтній трудъ пропалъ ни за денежку! И что они выиграли?... Онъ сидитъ у Фрея и оттуда командуетъ. Управляющій и техникъ только росписываются въ полученіи жалованья, а заводомъ управляетъ самъ Аллахъ! Вѣдь эдакъ, пожалуй, и съ молотка продадутъ.

— Да онъ служить еще?

— Состоитъ гдѣ-то или числится, какъ это у васъ тамъ называется, не знаю, но мундиръ носить.

— Какъ же такъ? человекъ находится въ лечебницѣ у психіатра и распоряжается заводомъ, и никому до этого дѣла нѣтъ? Нужно бы оенку учредить, или другія какія-либо мѣры принять, кому слѣдуетъ...

— Говорятъ, что онъ отправился къ Фрею, добровольно, какъ къ другу, который на него имѣетъ благотворное вліяніе. Но дѣло даже не въ томъ, гдѣ онъ живетъ, а въ томъ, что заводъ идти не можетъ. Это я ему говорилъ не разъ, но онъ и слышать не хотѣлъ. Заводъ находится въ глуши, отъ Калуги верстъ 50. а отъ ближайшей станціи желѣзной дороги верстъ 30, дорога къ нимъ убойственная и, кромѣ того, перевозъ на Окѣ. Руда привозится изъ Тульской губерніи верстъ за 70, издѣлія завода надо отправлять или въ Калугу, или на желѣзную дорогу, и перевозка съѣдастъ всѣ барыши, хотя бы заводъ работалъ полнымъ ходомъ. Зимой еще ничего, но лѣтомъ это страшныхъ денегъ стоитъ: мужикъ занять работами въ полѣ и въ извозъ не ѣдетъ, а если ѣдетъ, то беретъ въ

три дорога. А тутъ еще Ока, утлый переносъ которой задерживаетъ обозы по нѣскольку дней, пока переправить. Зародъ остановленъ, когда еще существовало крѣпостное право и мужикъ работалъ даромъ, теперь же, чтобъ его пустить въ ходъ, нужны пути сообщенія, энергія, знанія и капиталы, но этого ничего нѣтъ, а онъ упорствуетъ и хочетъ прошибить стѣну аломъ.

— Экую вы, батюшка, новостъ рассказываете, отозвался не выдержавшій наконецъ, лежавшій до того и слушавшій молча Александръ Дмитриевичъ, у насъ все такъ дѣлается, все такъ устрѣдается и создается, мы всѣмъ управляемъ изъ Петербурга и всѣмъ хотимъ прошибить стѣну аломъ. Вѣдь онъ, этотъ вашъ бывшій допѣритель, — петербуржецъ, служить въ Петербургѣ, ну и поступаетъ по-петербургски... Онъ убѣжденъ, хотя бы лобъ былъ въ крѣпости, что ошибиться онъ не можетъ; а если заводъ не идетъ какъ слѣдуетъ, то виноваты отнюдь уже не онъ, хотя и сидитъ у Фрея, а вы, люди непонимающіе тамъ, на мѣстѣ, его гениальныхъ соображеній и распоряженій. Вотъ что, батюшка! Система у насъ такая уже принята, ну и толковать тутъ и удивляться нечему...

— Система системой, ваше пр—во, отвѣчалъ почтительно техникъ, но тутъ вѣдь цѣлое состояніе, благосостояніе не только личное, но и наслѣдниковъ гибнетъ... нужно же и подумать!..

— O sancta simplicitas! воскликнулъ генералъ Симановскій, некогда намъ думать о такихъ пустякахъ—деньги дѣло наживное, съ неба сваливаются, какъ, напримеръ, нашему вѣстъ-допѣрителю наслѣдство... Вотъ мы стоимъ уже у воротъ Афганистана, и нѣтъ сомнѣнія, Индію заберемъ у англичанъ, и Царь-градъ—у турокъ, и, подтверте, будемъ управлять, устраивать и культивировать и Индію, и Царь-градъ—изъ Петербурга!..

— Credo quia absurdum! — отвѣчалъ скромно Захей Никодимычъ.

— Аминь! пробасилъ сидѣвшій надъ окномъ напротивъ священникъ.

Но вотъ мы подѣхали къ нашему полустанку, пожали руку Хвостикову и отпранились, нанявъ лошадей, въ Торчиловку. Генералъ-пахарь ожинился. Увидать заготовленные для отправки въ Москву дрова, онъ какъ-то суетливо задвигался въ экипажъ и, указавъ на наставленные по дорогѣ полѣнницы рукой, съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ.

Вотъ оно, послѣднее достояніе помѣщика! Вырубимъ, продадимъ и затѣмъ уже будемъ ѣсть самихъ себя. Хорошо еще у кого лѣсъ

сохранился, а у другого уже вырубленъ, и зубы, поневолѣ, приходится класть на полку... У меня еще стоитъ на корню десятинъ восемьдесятъ лѣсу, а берегу его: пусть что-нибудь достанется дѣтямъ; это, впрочемъ, все, что я могу оставить имъ въ наслѣдство цѣннаго; помѣстья наши и теперь уже ничего не стоятъ.

И дѣйствительно, имѣніе генерала-пахара оказалось не въ блестящемъ положеніи. Домъ и всѣ хозяйственныя постройки, кромѣ бани, которая одна еще могла стоять безъ починки, были настолько ветхи, что безъ капитальнаго ремонта исполнить свое назначеніе они положительно не могли. При домѣ числилось нѣсколько головъ рогатаго скота, нѣсколько домашней птицы и старый цѣной несть. Запасовъ, кромѣ накомленного лѣтомъ на своихъ дугахъ сѣна, котораго, за дальностью провоза, сбыть некуда,—никакихъ не имѣлось. Отставной солдатъ съ семьей жилъ въ барскомъ домѣ въ качествѣ управляющаго, огородинка, скотника, лѣсника и сторожа, и за исполненіе всѣхъ сихъ должностей получалъ 180 рублей, т. е. болѣе, чѣмъ имѣніе давало въ годъ доходу.

— Вотъ не угодно-ли полюбоваться, рекомендовалъ Александръ Дмитриевичъ, до чего мы дожили: одного сторожа содержать имѣніе не можетъ—нѣсколько рублей изъ пенсіона приличнаго. Земля есть, но удобренія нѣтъ, скота мало, значить заѣзжать и нельзя. Крестьяне сосѣдніе не берутъ, потому что имъ выгоды уходить на отхожіе промыслы. Вотъ и держится домишко сѣномъ, которое мужички выкашиваютъ нелому, да молоко еще имѣемъ для себя. Прежде наши помѣщичьи заводы винокуренные держали, вино курили, барду имѣли, скотъ стоялъ и удобреніе получалось: можно было и поля заѣзжать. Смотришь: заводъ при имѣніи небольшой, а помѣщикъ живетъ и кормится. Теперь же наши петербургскіе финансисты распорядились такъ, что небольшого завода держать невозможно—убытокъ, всѣ и позакрывались. Что же изъ этого вышло? Чего достигли? А достигли того, что промыселъ убили, скотъ пересталъ, поля остаются незаѣзженными, благосостояніе подорвано, имѣнія пустуютъ, и мы при такихъ порядкахъ пойдемъ скоро по міру. И для чего все это сдѣлано? Кому полезна предприимчивая хѣра?—Крупнымъ заводчикамъ. Они теперь забрали силу и давятъ насъ, мелкихъ собственниковъ. Красиво? какъ вы думаете, г. петербуржцы?

И покалъ плечами.

— Не вѣрите?.. опрокинулся на меня генералъ, вложите перстъ вашъ въ раны наши, бома невѣрный,—и тогда увѣрите... Хлѣ-

бопашества безъ скота держать нельзя, тѣмъ болѣе у насъ на холодной, сухой землѣ. Посмотрите на крестьянъ: у нихъ тоже голо и въ полѣ, и въ закромахъ. Поэтому и въ бѣгутъ на заработки въ города: и мы бѣжимъ, и крестьяне бѣгутъ,—хлѣбъ всѣмъ нуженъ. Пусть—это жуть ничего, и другому помѣщику или крестьянину сильному ничего—плюнуть и пошолъ. Но каково тѣмъ, кто, подобно Ильѣ Муромцу, тридцать лѣтъ на одномъ мѣстѣ сидѣлъ, и вдругъ поднимайся! Или ничего подобнаго въ соображеніе не принимается?..

— Эхъ, добрыйшій Александръ Дмитриевичъ, утѣшай и расходившагося генерала-пахаря, еще почтенный Панглюсъ говорилъ, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

— Вотъ вы все такъ разсуждаете,—кинулся генералъ,—получая изъ своихъ департаментахъ опредѣленное содержаніе. Потѣхалъ, прокатился, посмотрѣлъ и порѣшилъ. Какъ порѣшилъ—это попросить другой, а содержаніе перваго числа подай. Помѣщикъ же не только содержанія самъ ни откуда не получаетъ, но долженъ достать потребное число рублей на жалованье и содержаніе себя и своимъ рабочимъ, на полати и разныя повинности. Гдѣ же онъ достанетъ, если ему крылья подрѣзаны? И вы же его, этого бѣднаго помѣщика, въ потѣ лица добывающаго хлѣбъ свой, тамъ, у себя въ Интеръ и цыганите еще... крѣпостники, дескать, дуралей, ничего не понимаютъ... привыкъ къ даровому хлѣбу и теперь съ новыми порядками ужиться не умѣтъ!.. а посмотрѣли бы вы на нашу жизнь поближе—я говорю, конечно, о малосильныхъ помѣщикахъ—такъ вы, пожалуй, свое предвзятое мнѣніе о насъ и пережѣвили бы, и въ слухъ припятай какихъ-либо новыхъ мѣръ—съ нами погонѣтопались бы.

— За всѣмъ тѣмъ,—стараюсь я отшутиться,—бѣжать съ поля сраженія, ваше пр—но, кажется, не слѣдуетъ: надо биться до последней капли крови..

— Бываютъ случаи, когда мужество сознасть себя побѣжденнымъ стихійной силой... Помнишь Азмугу и Севастополь? Такъ и мы теперь поступаемъ. Въ деревнѣ жить нельзя. Мужика хорошаго мало—на заработкахъ. Дома живетъ старикъ, больной, шланца, воръ, конокрадъ. Послѣднимъ помѣщикамъ—бѣжимо на глаза: чуть что не по нимъ—сожгутъ, убьютъ, живьемъ изжарятъ... Не хочешь ли, я тебѣ десятокъ примѣровъ приведу. Самъ, чай, читаешь газеты—такъ знаешь. Теперь у насъ помѣщика замѣнили кулакъ. Вотъ у меня въ сѣль, на Тьерцѣ, Чухлясѣ, лавочникъ, трактирщикъ, со-

держатель постоялаго двора и переноса, кабачники и гласный въ земствѣ,—хозяйномъ всего околodka. Онъ всѣхъ спавшасть и обирасть и его же всѣ чуть и бояться; на что полостная и земская полиція—и тѣ подъ его дудку пляшуть. Поэтому, онъ помѣщика не только что знать не хочетъ, но еще и куражится надъ нимъ. Приѣзжаешь на перевозъ, онъ паромъ не подастъ, кричитъ съ той стороны: «себѣчасъ!» а *сейчасъ* этотъ протянется чуть не полчаса, а то и больше. И помѣщикъ стоитъ на берегу и ждетъ, и ничего не подѣланы: надо ждать! Иначе въ другой разъ еще больше прождешь. Такъ-ли по всеяхъ другояхъ помѣщикъ у него въ рукахъ: хочетъ—онъ изъ него веревки вытѣ, хочетъ—масло пахтаетъ. Вотъ каково теперь житье наше по деревнямъ,—такъ не лучше-ли бросить все и жить въ городѣ, по крайней мѣрѣ, оскорбленій не заслуженныхъ тамъ не услышишь.

— Сами виноваты, ваше пр—во, распустились, и людей распустили. Другіе живутъ же и теперь по деревнямъ.

— Много-ли ихъ, поди, посчитай!... Впрочемъ, не ждася-ли самъ попробовать? Возьми и поседель, а потомъ ужъ и расхаландай...

— Благодарю покорно, ваше пр—во, мнѣ вовсе не желательно стоять по часу на перевозѣ.

— Не любимишъ!... такъ языкъ то и прикуси!.. а то онъ у васъ, у петербуржцевъ, ужъ очень свободно болтается.

Возвратясь на станцію, намъ приходилось ждать пассажирскаго поѣзда еще часа три, четыре. Между тѣмъ, подошелъ товарный поѣздъ. Генералъ предложилъ отправиться до Твери съ товарнымъ поѣздомъ, и тамъ, до прибытія пассажирскаго, отобѣдать.

Генералъ и товарный поѣздъ—понятія несовѣстимыя, и я обратилъ на это вниманіе его пр—ва, но онъ разсмѣялся и сказалъ: «эхъ, братъ, скоро въ однихъ товарныхъ, или рабочихъ, только и будемъ ѣздить, а въ другихъ кармана не хватитъ»... Дѣлать нечего, нужно было согласиться, и мы поѣхали съ товарнымъ поѣздомъ.

Ѣзжалъ я въ вагонахъ третьяго класса, но въ товарныхъ ѣздить не приходилось. Поэтому, подобный переѣздъ имѣлъ для меня интересъ новизны. Мы вѣзали въ отдѣленіе, гдѣ помѣщался оберъ-кондукторъ. Тамъ стояло два сидѣнья, каждое о четырехъ мѣстахъ. Мѣста эти были всѣ заняты, на нихъ сидѣли мужички рабочіе. Между сидѣньями ютились на мѣнникахъ двѣ молодыя женщины. Въ углѣ на табуреткѣ помѣщался оберъ-кондукторъ, а у ногъ его на полу

лежали кондукторы съ подвязанной рукой и отставной солдатъ. Жарко натопленная печь и сваленныя въ углахъ веревки, смазочные материалы и какіе то узлы и ящики, совокупно съ развѣшанными у печки орудіями и бѣльемъ, производили такое специфическое благовопіе, что дышать, казалось, невозможно.

Я изглянулъ вопросительно на генерала, но онъ такъ благодушно улыбнулся, что я невольно опустилъ глаза и покорился горькой долѣ. Изъ вѣжливости намъ очистили два сидѣнья, и мы втиснулись въ нихъ, и отъ нечего дѣлать заговорили про старину.

Александръ Дмитріевичъ началъ повѣствовать о временахъ давно минувшихъ и съ какой-то конфузливостію передавалъ разсказъ о томъ, въ какомъ неловкомъ положеніи находился онъ однажды передъ покойнымъ государемъ. Это было въ 1857 году. Войска находились въ сборѣ подъ Варшавой. Императоръ Александръ Николаевичъ, окончивъ смотръ войсками, пожелалъ видѣть стрѣльбу. Саперный баталіонъ, въ которомъ состоялъ Александръ Дмитріевичъ на службѣ, приготавлился также къ смотреной стрѣльбѣ. Симановскій числился однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ въ баталіонѣ и былъ назначенъ въ стрѣлковую команду. Чтобы поддержать честь баталіона, онъ взялъ у бригаднаго командира, генерала Бурмейстера, принадлежавшій ему, только что полученный изъ-за границы штуцеръ и съ нимъ отправился на стрѣльбу. Пріѣхали государи, остался очень доволенъ стрѣльбою и обратилъ особенное вниманіе на Симановскаго, который, лежа на землѣ и съ колѣна, сажалъ въ мишень, какъ говорится, пулю на пулю. Въ войскахъ тогда были особыя штуцерныя команды, вооруженныя Литтихскими штуцерами. Государь замѣтилъ у Симановскаго штуцеръ удлинненной конструкціи и, обратясь къ нему спросилъ: «твой? покажи!»

Никто подобнаго случая не предвидѣлъ. Сказать, что штуцеръ принадлежитъ генералу Бурмейстеру, значило-бы уронить значеніе стрѣльбы, такъ какъ императоръ могъ-бы подумать, что стрѣльба производилась изъ подобранныхъ нарочно, непринлежащихъ баталіону ружей. Сказать-же: *мой*, вышла-бъ ложь. Александръ Дмитріевичъ, подавъ штуцеръ царю, стоялъ въ недоумѣніи и не зная, что отвѣчать. Но, изглянувъ на генерала Бурмейстера, стоявшаго сзади государя, онъ увидѣлъ, что тотъ дѣлаетъ ему энергически утвердительные знаки, и отвѣтилъ государю: «мой, ваше императорское величество».

— Штуцеръ хорошъ, одобрилъ между тѣмъ Александръ Николасевичъ. — А что стоитъ?

— Тутъ уже Симановскій сталъ положительно втупикъ, не зная нѣмъ штуцеру. Онъ взглянулъ на генерала Бурмейстера, тотъ поднялъ правую руку, растопырилъ пальцы и показывалъ что-то, но Симановскій, ничего не понявъ, брякнулъ. «Двѣсти рублей, ваше императорское величество».

— Штуцеръ дорогой, отдавая его, замѣтилъ государь.

— Это, ваше величество, съ пересылкой и таможенными, поспѣлилъ выѣхать генералъ Бурмейстеръ.

— Все-же дорого для офицера, улынулся государь и, поблагодаривъ Симановскаго и команду, поѣхалъ далѣе.

Между тѣмъ, лежавшій на полу кондукторъ развязалъ забинтованную руку. Рана была странная, съ рожистыми воспалениями. Перевязывалъ онъ ее грязною тряпичей. Генералъ спросилъ его: «почему онъ, боленой, на службѣ?» Кондукторъ отвѣтилъ: «изъ опасенія потерять мѣсто. Если скажутся больнымъ, то могутъ уполить. Подобный случай былъ въ прошломъ году. Больного тотчасъ отчислили, и онъ съ семьей былъ два почти мѣсяца безъ куска хлѣба».

— Вотъ, наши петербургскіе порядки! сказалъ, обратившись ко мнѣ съ укоризною, генералъ.

Но вотъ мы подъѣхали къ Твери. Поѣздъ остановился, и мы поспѣшно направились въ вокзалъ, такъ какъ желудокъ усиленно напоминалъ о себѣ. Сѣли за обѣдъ. Принималъ московскій почтовый поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ генералъ-адъютантъ Федоръ Федоровичъ Треповъ. Онъ былъ знакомъ съ Симановскимъ и, подойдя къ нему, поздоровался и перекинулся съ нимъ нѣсколькими фразами. Когда поѣздъ ушелъ, Александръ Дмитриевичъ припоминалъ случай, послужившій къ быстрому повышенію генерала Трепова. Въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ усмиренія польскаго мятежа, императоръ Александръ Николасевичъ посѣтилъ Варшаву. Треповъ въ это время былъ генералъ-полцимейстеромъ Царства Польскаго. Встрѣтивъ государя на вокзалѣ, онъ посакалъ во дворецъ впереди его коляски, стоя въ фазтонѣ и держа въ лѣвой рукой за сидѣнье кучера. Это показалось царю въ высшей степени оригинальнымъ, и онъ потомъ спросилъ его: «для чего онъ такъ ѣхалъ?»

— Чтобы видѣть все, государь, отвѣчалъ Федоръ Федоровичъ. Отвѣтъ этотъ сослужилъ ему службу. Его перевели въ Петер-

бургъ, гдѣ онъ, какъ извѣстно, передъ царскими экипажами иначе никогда и не ѣздили.

«Вотъ генералъ, такъ генералъ, закончилъ разсказъ Александръ Дмитриевичъ, службистъ, патриотъ и честный. Вотъ кому бы быть министромъ то... И приглашали, говорятъ, и будетъ, навѣрное... дай только ему поправиться, послѣ потрясеній, причиненныхъ ему нашими петербургскимъ либерализмомъ»...

Обѣдъ, между тѣмъ, окончился, петербургскій поѣздъ пришелъ, и мы отправились въ Москву. Не спавъ предыдущую ночь, я скоро заснулъ и проснулся только въ Бѣлокаменной.

V.

На обѣдѣ.

Недѣли двѣ мнѣ не удавалось повидаться съ «генераломъ-музеецомъ». Но вотъ выбраю свободный день и ѣду. Подѣзжаю къ «главной квартирѣ» эксъ-организатора конскаго запаса и не узнаю ее. Повсюду царитъ хаосъ и разрушеніе. Домъ перестраиваютъ, пристройки ломаютъ, дворъ полонъ людей, камешники, плотники, возчики матеріала заняты работой: кто тешетъ, кто несетъ, кто везетъ; крикъ, шумъ и гамъ, суета, бѣготня и сумятица.

— Гдѣ генералъ? спрашиваю человека.

— Ихъ превосходительства дома нѣтъ.

— А Марья Федоровна?

— Дома-съ! пожалуйста...

Пробираюсь по внутренніе анпартаменты; тамъ только три комнаты представляютъ жилое помѣщеніе, остальные передѣлываются. Доски, бревна, чураки, известь, глина, рабочіе инструменты загромождаютъ весь домъ; пылъ и грязь непообразимая.

Марья Федоровна въ домашнемъ костюмѣ погружена въ какое то мудреное математическое исчисленіе, такъ что прихода моего и не замѣчаетъ.

— Здравствуйте, говорю. Слѣдуетъ неизбежное: «ай, ай!» бѣгство въ сосѣднюю комнату и оттуда откликъ: «подождите! я сейчасъ одѣнусь».

Сажусь и отъ нечего дѣлать начинаю разсматривать математическія исчисленія Марьи Федоровны. Меня всегда интересовала особенная способность женщины дисциплинировать цифры по своему. Дѣлать, напр., она 8 на 3, и ставитъ частнымъ единицу, вычитаетъ 3 изъ 8, и остатокъ 5 дѣлать опять на 3, ставитъ въ частное вторую единицу и получаетъ въ остаткѣ 2. Съ этой двойкой ей справиться никакъ не удастся. Она приставляетъ къ ней нули, дѣлать, но и въ итогѣ получается что то не ладное, и она, не довольная непослушными цифрами, зачеркиваетъ ихъ и бросаетъ. Но у Марьи Федоровны такихъ математическихъ диссонансовъ мнѣ встрѣтить не удалось. Цифры у ней бойко равнялись въ шеренги и «справильно совершали захожденіе». Военная выправка явно сказывалась и здѣсь.

— Полноте прихорашиваться! кричу я, соскучившись ждать. Марья Федоровна черезъ двери. Вѣдь вы, какъ «Душенька» Богдановича, по истѣхъ нарядахъ хороши.

— Мы васъ ждали двѣ недѣли, а вы не хотите подождать четверти часа. Фу! какой гадкій петербургскій эгоизмъ! отшучивается Марья Федоровна.

— Но позвольте, гдѣ болѣе эгоизма: у петербургскихъ кавалеровъ, или у московскихъ дамъ—это еще вопросъ.

Наконецъ, посявъ долгихъ пререканій, Марья Федоровна появилась въ гостиной въ полномъ блескѣ красоты и костюма.

— Для чего это, для чего? спрашиваю, здороваясь съ Марьей Федоровной.

— Для васъ, неблагодарный! явиться въ свою очередь, усаживаясь на диванъ, хозяйка.

— Богъ знаетъ! говорю меланхолически и круто сворачиваю къ дѣлу. Что это у васъ такое совершается?.. Какое то разрушеніе Вавилонское...

— Разрушаемъ, чтобы возсоздать!..

— Сады Семирамиды? Похвально! но откуда же это у васъ явилось вдругъ богатство Сарданапала?

— Не перебивайте! а то ничего не скажу.

— Весь превращаюсь въ одно громадное ухо—и молчу...

— Да полно вамъ буфонить! и Марья Федоровна надула губки.

— Вамъ пр—но, я слушаю, а вы молчите. Это какъ называется по-московски?

— Когда вы меня все перебиваете, поневоѣ замолчишь.

— Не буду больше. Клянусь бородой, не собственной бородой, а бородой пророка, и вашей хорошеющей пожой.

Ну, слушайте же! Сергѣй Афонасьевичъ нашолъ компаньона съ капиталомъ.

— Лучше бы было, если-бъ онъ нашолъ капиталъ безъ компаньона!

— Да слушайте же!

— Avec grand plaisir, madame!

— Компаньонъ—очень хорошій человекъ, техникъ, со средствами... конечно, не русскій—у русскихъ теперь денегъ нѣтъ...

— А купоны?

— Молчите, несносный петербуржецъ! Вотъ они и задумали расширить кузницу, поставить паровую машину для штампованія подковъ—т. е. подковы будутъ не ковать, а прямо изъ куска жельза выбивать штампомъ—и домъ перестроить. Лѣвую половину они берутъ подъ контору, а правую мы передѣлываемъ для себя.

И мы пошли осматривать начатыя постройки.

— Вотъ здѣсь будетъ малелькій кабинетъ для Сергѣя Афонасьевича, а здѣсь столовая, направо пристроится прихожая, и изъ нее пойдеть на верхъ лѣстница. Тамъ устроимъ двѣ комнатки для нашихъ мальчишекъ. Сергѣю нужно дать для записей особое помѣщеніе...

— Все это прекрасно; но гдѣ же самъ Сергѣй Афонасьевичъ? По моему, весьма не практично пачать постройку и бросить ее безъ присмотра. Или такъ вообще компанейскія дѣла въ Москвѣ ведутся?

— Но вы несправедливы къ Сергѣю Афонасьевичу. Онъ, напротивъ, теперь болѣе работаетъ, чѣмъ прежде. Ему будетъ очень непріятно, если его компаньонъ подумаетъ только, что онъ мало рачителенъ и позаботился о дѣлѣ. Онъ встанетъ по-деревенски, съ пѣтухами, и цѣлый день возится съ мастерами. Теперь онъ уѣхалъ съ компаньономъ въ Татарскую, на заводъ, гдѣ заказаны паровики, осмотрѣть нѣкоторыя части. Скоро, я думаю, вернется.

— А Николая Семеновича давно видѣли?

— Съ тѣхъ поръ не былъ, но сегодня писалъ, что прїѣдетъ къ намъ обѣдать... Мы теперь обѣдаемъ поздно—въ семь часовъ. Оставьте у насъ обѣдать.

— Я высоко приподнял фуражку и низко поклонился. Марья Федоровна разсмѣялась.

— Ну, къ чему вы все буфоните? сказала она тономъ упрека. Отчего вы не говорите, какъ мы, москвичи, по-просту? И не вы один, а всѣ петербуржцы такіе смѣшные — никакъ не могутъ не ломаться! Вотъ что значить на опереткѣ воспитаться!

— Вотъ ужъ и оперетка виновата стала! Экъ вѣдь вы куда махнули.

— Да, да! именно оперетка развращаетъ васъ! Вы взгляните въ себя хорошенько и увидите, что я гонюрю правду... Все въ васъ опереточное, серьезнаго—ничево: костюмы опереточные, взгляды на жизнь опереточные, слова и рѣчи опереточныя и самыя дѣйствія и дѣла опереточныя... Канканъ въ мысли, канканъ въ чувствахъ, канканъ въ жизни—вотъ что мы, москвичи, видимъ въ васъ и, признаваясь, не можемъ вамъ симпатизировать: мы еще живемъ въ преданіяхъ старины, по русскому петхозанѣтному обычаю...

— И неужели, Марія Федоровна, стараюсь я смутить хозяйку, — всѣ петербуржцы такъ-таки клоуны и канканеры?

— Конечно, всѣ! съ тою только разницею, что въ одномъ эти достоинства развиты въ большей, въ другомъ — въ меньшей степени.

Пріѣхалъ Николай Семеновичъ, перешли въ гостиную. Разговоръ сначала не вязался. «Кедръ Липанскій» смотрѣлъ весело и былъ какъ-то неразговорчивъ и сдержанъ. Но заговорили о Петербургѣ и онъ сталъ оживляться. Злобой дня было дѣло Мироновича и Николай Семеновичъ выразилъ убѣжденіе, что, при существующихъ порядкахъ, дѣло и не могло иначе разыгаться.

— Помните, онъ говорилъ, какой успѣхъ можетъ имѣть дѣло, когда заинтересованные въ правильномъ его разрѣшеніи правительственные органы—судъ и полиція—не идутъ рука объ руку. Петербургъ—глава Россіи, и какіе примѣры подаетъ... Судебная власть праждауетъ съ сыскаго полиціей. Слишкомъ двадцать требованій предъявлено со стороны прокурорскаго надзора объ удаленіи отъ должности лицъ этого учрежденія, а агенты его то и дѣло привлекаются къ отвѣтственности. Нужно-ли удивляться послѣ того, что сыскаго полиція сторонится отъ своихъ преслѣдователей и факты остаются неразслѣдованными, доказательства, прохвъ волокъ Сарры Беккеръ, исчезаютъ и на самое дѣло нагоняется тѣнота. При такихъ порядкахъ, естественно возникновеніе въ обществѣ желаній о преобразованіи сѣдетической части и улучшеніи самихъ судебныхъ установленій. Довѣріе потрясено. И если въ Петербургѣ, на глазахъ

власти, происходить въ судѣ что-то аномальное, то провинція идетъ далѣе! Я могу привести два-три примѣра, когда защитники, не стѣняясь нахожденіемъ предъ лицомъ закона и суда, почти явно глумились надъ представителями обвиненія, и тѣ должны были молчать.

Въ Новгородѣ, во время процесса Θεопемтовой, защитникъ, при-
суженный повѣренный Передольскій, въ рѣчи своей сказалъ, указывая на подсудимыхъ: «они сидятъ, сидятъ какъ древніе мученики, ихъ терзають львы, тигры, леопарды и всякая подобная скотина!»—и онъ сдѣлалъ жестъ въ сторону прокурора. Въ другомъ процессѣ, адвокатъ, замѣтя, что прокуроръ, во время обвинительной рѣчи взглянулъ на потолокъ, начавъ защиту, остановился и сталъ пристально смотрѣть въ потолокъ. На приглашеніе председателя продолжать рѣчь, онъ отвѣчалъ, что онъ, какъ и прокуроръ, тоже смотритъ въ потолокъ и ничѣмъ тѣмъ обвинительныхъ фактовъ, но къ величайшему сожалѣнію, никакихъ фактовъ не находитъ. Конечно, все это не умно и даже въ высшей степени балаганно, но обвинительная власть дискредитируется въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей и получаютъ оправдательные приговоры, не мыслимые при другой обстановкѣ дѣла. И во всемъ этомъ виновать Петербургъ. Удоусужится тамъ какое-нибудь лицо и пойдетъ прокатиться по Россіи, пройдетъ нѣсколько городовъ, пообедастъ, отдохнетъ и возвращается во-своемъ, расхваливая все и всѣхъ. Ахъ, какая прекрасная эта провинція! Дѣйствительно, кормить мы умѣемъ, а на счетъ дѣла—еще большіе бездѣльники!

— Николай Семеновичъ, перебила его Марья Федоровна, вы говорите, что мы кормить умѣемъ,—не всё... Вотъ и я вамъ шнче не даю обѣдать раньше семи часовъ, а вы наѣтрно проголодались, такъ не хотите-ли пока рюмку водки выпить и закускить.

— Умную рѣчь пріятно слушать, милая хозяйка, улыбается «Бейръ-Ливанскій».

— Въ такомъ случаѣ, пожалуйста въ столовую.

Перешли въ столовую, выпили и слегка перекусили.

— Еще Данковъ сказалъ, заговорилъ съ разстановкой Николай Семеновичъ, уберая за щеки калачъ со свѣжей икрой: одной прекрасной природы мало для счастья человѣка. Истина эта глубоко чувствуется, когда человѣкъ довольно пожилъ и сдѣлался гастрономомъ жизни... О, какая это великая истина для насъ, стариковъ, сохранившихъ молодость силъ и опрятность вкуса...

Къ обѣду прѣѣхалъ и Сергій Афонасьевичъ. Слово, два, три — и сѣли за обѣдъ. Кулебяка привлекла всеобщее вниманіе.

— Нигдѣ не могутъ печь такой великолѣпной кулебяки, какъ въ Москвѣ, заговорилъ съ оживленіемъ Николай Семеновичъ, оресолю Москвы составляютъ: царь-колоколъ, царь-пушка, бани, невѣсты, калачи. Отчего-бы къ этимъ аттрибутамъ Москвы не прибавить еще одного: это—кулебяки?

— Оттого, отвѣчалъ «генералъ-кузнецъ», что кулебяку всусѣе готовятъ въ Петербургѣ.

— Но, вѣтъ, позвольте усомниться, возражаетъ «Кедръ Ливанскій», у меня, во время моего могущества, жилъ поваръ французъ, подаетъ, бывало, кулебяку, — хороша, но все не московская, какъ хотите!..

— Французу дѣйствительно не испечь, извѣстъ Сергій Афонасьевичъ, но «русскому» почему не испечь... Вотъ хоть бы вашъ почтеннѣйшій коллега, тайный совѣтникъ Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ, посмотрите, какую отличную кулебяку испекъ въ видѣ проекта учрежденія общества всѣхъ русскіихъ желѣзныхъ дорогъ. На что «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» — праги его, а и тѣ жуютъ и не пахиваются.

— Какой же это русскій, всныкнулъ вдругъ Николай Семеновичъ, — жидъ, и жидъ некрещенный... Его сдѣлали русскимъ, когда представляли къ чину, а потомъ онъ отрекся и до сихъ поръ — жидъ, чистый пречистый жидъ!

— Что это вы, Николай Семеновичъ, вставляю я въ разговоръ свое слово, какъ-будто не любите своего коллегу!.. за что такая немилость?.. Вѣдь онъ, кромѣ пользы для васъ, желѣзнодорожниковъ, ничего другаго не предлагаетъ...

— Да провались онъ съ своей пользой! отрещивается «Кедръ Ливанскій», я никогда не былъ товарищемъ Полякова и, надѣюсь, не буду... Лучше хлѣбъ чорный ѣсть, чѣмъ жидовскую кулебяку, лучше грошъ имѣть свой, чѣмъ горсть жидовскихъ червонцевъ: они руки обожгутъ, совѣсти изнасилуютъ, умъ развратятъ, чувство опозорятъ и честь затончутъ въ грязь. И тотъ же жидъ, который тебя купитъ, еще и надругается потомъ надъ твоей глупостью или подлостью, зная, что одна только глупость или подлость можетъ заставить тебя соблзвиться жидовскимъ золотомъ.

— Зачѣмъ такъ горячо опрокидываться на соратника и ком-патріота, замѣчаю я Николаю Семеновичу, вѣдь его проектъ заслу-

живаетъ того, чтобы разсмотрѣть его серьезно, не прибѣгая къ огульному порицанію, единственно въ виду его нерусскаго происхожденія.

— Да знаете ли вы этотъ проектъ, изучили ли вы его, поняли ли сокровенныя цѣли, къ которымъ онъ направленъ? Навѣрно нѣтъ! а между тѣмъ берете его подъ свою защиту. Сейчасъ видно, что вы изъ министерства...

Марья Федоровна замѣтила, что Лазаревъ-Станицевъ начинаетъ горячиться и, желая успокоить его, предложила ему еще кулебяки, которую онъ и принялъ съ благодарностью.

— А что это за проектъ такой? обратилась она къ нему съ улыбкою.

— Владѣя двумя-тремя желѣзными дорогами въ Россіи и ограбивъ казну, какъ это констатировала реннція, на нѣсколько десятковъ миллионъ рублей, ему кажется всего этого мало. Вотъ онъ и изобрѣтаетъ проектъ учредить одно общество для всѣхъ русскіихъ желѣзныхъ дорогъ, которому, передавъ эти дороги, дозволить эксплуатировать ихъ шестьдесятъ лѣтъ. Причемъ, въ теченіе этого срока, нѣтъ — ни казна, ни какое другое общество — не имѣетъ права строить новыя дороги; право это должно принадлежать поляковскому обществу, какъ равно и всякіе другіе прерогативы, напр. постройка элеваторовъ и пр. Проектъ этотъ представляетъ, какъ видите, кусочекъ лакомый! Завладѣть всѣми русскими желѣзными дорогами, какія построены и какія будутъ еще построены, на цѣль шестьдесятъ лѣтъ, — да это такая штука, что и самому Ротшильду во снѣ не снилась, тѣмъ болѣе, что завладѣть то онъ хочетъ ими, не затрачивая на это ни полунки своихъ денегъ, а на счетъ казны!.. А вотъ такіе господа — и онъ качнулъ головою на меня — готовы взять его подъ свое покровительство и выдать ему патентъ необходимости и полезности для Россіи.

— Но вѣдь этотъ проектъ приняла подъ свое покровительство пресса, а не министерство, замѣтилъ Сергій Афонасьевичъ: поглядите, какъ распинаются за него всѣ газеты. Нѣкоторыя изъ нихъ возвели Полякова даже въ геніи Россіи.

— Подлецъ и болше ничего!.. отрѣзалъ Николай Семеновичъ. Еще Θεокритъ сказалъ: «собакъ снитъ хлѣбъ, а рыба рыбаку!..» Много ли нужно, чтобы заставить написать статью какого-либо борзописца. Допустите вы его въ кабинетъ, который служитъ «идеаломъ — для кабинета», покажите ему тамъ «завѣщанныя

«стѣлы», «мягкія кресла», «удобные диванчики», «столы», «столики», покажите ему еще что-нибудь—и онъ вашъ... Надолго ли? это—вопросъ другой! а теперь онъ вашъ и будетъ говорить все, что вамъ угодно...

— Но позвольте, возражаю я, вѣдь разрѣшеніе подобнаго вопроса не отъ прессы зависить. Поляковъ говорить, что его проектъ уже давно находится въ рукахъ правительства. Поэтому, что бы пресса ни писала, правительство рѣшить вопросъ сообразно съ своимъ достоинствомъ и пользой Россіи.

— Конечно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, отвѣчалъ энергично Лазаревъ-Станищевъ. Не отказать—правительство не можетъ. Въ противномъ случаѣ можно будетъ требовать о передачѣ частнымъ обществамъ почтъ и телеграфовъ, государственныхъ имуществъ, сбора податей и пр. и пр. Тутъ не то удивлять, что какой-то жидъ требуетъ невозможнаго,—ему откажутъ, а та наглость, съ которой онъ осмѣливается подать подобный проектъ правительству.

— Бросьте господа, жиновъ и ихъ проекты, обращаюсь я къ собесѣдникамъ, это не настолько намъ близко, какъ проектъ Сергія Афонасьевича о приготовленіи подковъ штампомъ. Разскажите-ка лучше, ваше пр—ство, о своихъ предположеніяхъ.

— У меня тоже проектъ готовить подковы для казны. Я тоже хочу просить себѣ монополію на поставку подковъ. Не знаю только, будутъ ли поддерживать мой проектъ, когда я его представлю правительству, гг. представители прессы съ такимъ апломбомъ, какъ поляковскій проектъ: вѣдь у меня нѣтъ «идеальнаго кабинета» и показывать корреспондентамъ нечего.

— А все таки, господа, обратилась къ намъ Марья Федоровна съ бокаломъ въ рукѣ, выпьемъ-те за преуспѣяніе начатаго Сергіемъ Афонасьевичемъ дѣла!

— Выпьемъ, отвѣчали мы дружно, и громкое: ура! и чоканье бокаловъ завершили обѣдъ.

VI.

Вечеромъ.

Послѣ обѣда мы перешли въ гостиную.

Подали кофе. У «генерала-кузнеца» нашлось въ запасѣ нѣсколько гаваней — закурилъ.

Марья Федоровна отправилась справлять свои «хозяйскія дѣла». Мы предались кейфу.

— Какъ вы свои дѣла утрясаете? обратился я съ вопросомъ къ Николаю Семеновичу.

— Особенно похвалиться не могу, — отвѣчалъ уклончиво «Кедръ Ливанскій», такъ себѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону...

— Но все же сдѣлали хоть что-нибудь? пристаю я, желая вызвать его на объясненія.

— Налаживаю, но нужно подождать, отвиливать мой разумникъ.

— Вы еще тогда говорили, что у васъ почти все слажено.

— Да, слажено!.. переговоры окончены, но дѣло за деньгами, вотъ и приходится ждать, отвѣчаетъ съ нѣкоторою горечью въ голосъ Николай Семеновичъ.

— Москвичъ не скоро раскошелится, вставляетъ свое слово Сергій Афонасьевичъ, это — то же, что большой кремлевскій колоколъ — его надо раскачать. А когда раскачаешь, тогда пойдутъ гудѣть.

— Ваша правда, отвѣчалъ какъ-то меланхолически панъ бывшій железнодорожный тузъ. Москвичи, какъ я убѣдился, не любятъ дѣлать сегодня то, что можно сдѣлать завтра. Тутъ своего рода политика!..

— Предусмотрительность скажите лучше, замѣчаю я прощесски, теперь деньги стали дороги, нельзя ихъ, какъ прежде, разбрасывать.

— Не знаю... можетъ быть... но мнѣ кажется, мы узко смотримъ на вещи, возразилъ съ особенной живостью «Кедръ Ливанскій». Вы проводите петербургскіе взгляды — на обухъ рожи молодитъ, зерна не уронить!.. старая штука, батюшка! на этомъ далеко не уйдешь!.. Знаете ли, если говорить откровенно, кому мы обязаны, что деньги стали дороги? намъ, петербуржцамъ! Петербургскіе финансисты посадили насъ всѣхъ на мель!..

— Чѣмъ же тутъ Петербургъ виноватъ? позвольте узнать.

— А тѣмъ... и онъ вздохнулъ, подбирая выраженіе... что ваши петербургскіе финансисты хотѣли на рыскахъ, вскачь взобраться на гору, лошади не вынесли и телеги погнуло назадъ. Затормозить не догадались, и скатило возы внизъ... Причѣмъ, разумеется, и телеги поломали, и лошадей покалѣчили, — и стоять воть наши «всезнайки» у горы да затылки почесываютъ... Пятъ сѣтливо, а памя больно — телеги-то поломали вѣдь наши...

— Краснѣ изволите говорить, Николай Семеновичъ, парирую я въ свою очередь, но я все-таки попросилъ-бы два-три комментарія для неопытнаго неопита.

— Комментаріи тутъ коротки. Въ экономическомъ отношеніи Петербургъ — сердце Россіи: торговля, промышленность и кредитъ это — жилы государственнаго организма, по которымъ оно, какъ кровь, гонитъ капиталы до оконечностей, и посредствомъ налоговъ и податей — этихъ кровеносныхъ венъ, возирающихъ ихъ къ себѣ обратно. Если удары сердца дѣлаются слабѣе и рѣже — оконечности холодѣютъ. Это вообще... но я не стану трогать общаго нашего экономическаго положенія, это завело бы меня въ добри и томи нашихъ финансовъ неурядиць. Я коснусь только желѣзно-дорожнаго дѣла, такъ какъ вы возбудили одинъ лишь вопросъ о моихъ желѣзнодорожныхъ начинаніяхъ и ихъ успѣхѣ. Петербургъ держится, изволите-ли видѣть, на стѣнн большого барина; въ промышленныхъ, торговыхъ и производительныхъ предпріятіяхъ не компетентенъ, но сознавая въ себѣ силу покровительствовать и благодѣлать, рѣшается вопросы силеча, какъ Богъ на душу положить. И это — лучшее: я не говорю о другихъ побужденіяхъ. Всталъ баринъ съ постели правой ногой — вѣтъ хорошо; всталъ лѣвой — вѣтъ дурно. Захочетъ онъ — осуществляются самыя неслѣбны, самыя неестественныя предпріятія, и при его поддержкѣ они живутъ и процѣтаютъ. Не захочетъ — гибнетъ все, даже самое здоровое, сильное и жизненное... Для примѣра приведу два, три факта.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ создана была потребность постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Французскій посланникъ графъ Морни рекомендовалъ бывшему главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями Черкину какъ специалиста строителя — извѣстнаго прожектера и проходима Колацилона. Черкинъ принялъ его съ распростертыми объятіями, самолично выработалъ

по его программѣ уставъ общества, назвавъ его «главнымъ общ. рос. ж. д.» и неспросилъ ему утвержденіе. Капиталь опредѣлили въ 275,000.000 рублей металлическихъ, которые должны были доставить иностранные банкиры, подъ условіемъ правительственной гарантіи уплаты капитала и процентовъ. Счастье, казалось, благопріятствовало: мы должны были имѣть дороги, не затрачивая своихъ денегъ. Но случилось обратное. Иностранные банкиры только подписались на акціи общества, но денегъ не внесли. Пришлось обратиться къ русскимъ капиталамъ. Баронъ Штиглицъ подписался на 18,000.000 руб., но, вмѣсто взноса денегъ, предпочелъ сбыть свои акціи публикѣ. Объявили о продажѣ акцій, и такъ какъ покупателей не оказывалось, то смѣливый банкиръ сталъ посылать подкупать на акціи и вносить за нихъ деньги своихъ конторщиковъ и добрыхъ знакомыхъ. Вечеромъ-же уплаченные деньги возвращались Штиглицу, а акціи—обществу. Такимъ образомъ шла усиленная покупка акцій у самого себя. На биржѣ кричали, что подписка идетъ успешно. Для того же, чтобы сильнѣе заохотить публику, на акціи, оплаченные первымъ взносомъ, объявили на нихъ премію въ 5 рублей, а лицамъ, кто былъ обществу чѣмъ-нибудь полезенъ, давали акціи даромъ или въ долгъ, т. е. заносывали на нихъ имена акцій и оставляли ихъ у себя, а по продажѣ акцій съ преміей, номинальную стоимость оставляли въ кассѣ, а премію вручали лицамъ, на чье имя онѣ были занесены. Такимъ образомъ сбыли тѣ акціи, на которыя подписался Штиглицъ. Собрали небольшой капиталъ и начали постройку. Налетѣвшая съ Коллѣньиономъ саранча опустошила кассу, и совѣтъ общества, председателемъ котораго избрали бывшего товарища министра внутреннихъ дѣлъ Денишина, потребовалъ отъ казны «ширококонсигаторельныхъ средствъ».

Пришлось одуматься. И одумались. Коллѣньиона съ братіей выпроводили; Черкинь оставилъ министерство. Но урокъ не пошелъ въ прокъ. Ухули русскія денежки, начались займы и снова стали валить ихъ въ ту-же прорубь—бочку бездонную. Этого мало. Чтобы поддержать шатавшееся общество, отдали ему перхъ нашихъ дорогъ—Николаевскую, отдали не только даромъ, но еще приплатили. Общество устояло, но вмѣсто Коллѣньиона явился Уайенсъ, и началась безпримѣрная возмутительная эксплуатація казны, выясненная послѣдней ревизіей, и пѣтъ руки, которая могла-бы надѣть узду на хищниковъ.

— Штутцеръ хорошъ, одобрилъ между тѣмъ Александръ Николаевичъ. — А что стоитъ?

— Тутъ уже Симановскій сталъ положительно втупикъ, не зная цѣны штутцеру. Онъ взглянулъ на генерала Бурмейстера, тотъ поднялъ правую руку, растопырилъ пальцы и показывалъ что-то, но Симановскій, ничего не понявъ, брякнулъ. «Двѣсти рублей, ваше императорское величество».

— Штутцеръ дорогой, отдавая его, замѣтилъ государь.

— Это, ваше величество, съ пересылкой и таможенными, поспѣшили вытѣнаться генераль Бурмейстеръ.

— Все-же дорого для офицера, улынулся государь и, поблагодаривъ Симановскаго и команду, поѣхалъ далѣе.

Между тѣмъ, лежащій на полу кондукторъ развязалъ забинтованную руку. Рана была странная, съ рожкистымъ воспаленіемъ. Перевязывалъ онъ ее грязною тряпичей. Генераль спросилъ его: «почему онъ, больной, на службѣ»? Кондукторъ отвѣтилъ: «изъ опасенія потерять мѣсто. Если скажутся больнымъ, то могутъ уволить. Подобный случай былъ въ прошломъ году. Больного тотчасъ отчислили, и онъ съ семьей былъ два почти мѣсяца безъ куска хлѣба».

— Вотъ, наши петербургскіе порядки! сказали, обратившись къ нимъ съ укоризною, генералъ.

Но потъ мы подѣхали къ Твери. Поѣздъ остановился, и мы поспѣшно направились въ вокзалъ, такъ какъ желудокъ усиленно напоминалъ о себѣ. Сѣли за обѣдъ. Принималъ московскій почтовый поѣздъ, съ которыми ѣхалъ генераль-адъютантъ Федоръ Федоровичъ Треповъ. Онъ былъ знакомъ съ Симановскимъ и, подойдя къ нему, поздоровался и перекинулся съ нимъ нѣсколькими фразами. Когда поѣздъ ушелъ, Александръ Дмитриевичъ припомнилъ случай, послужившій къ быстрому повышенію генерала Тренова. Въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ усмиренія польскаго мятежа, императоръ Александръ Николаевичъ посѣтилъ Варшаву. Треповъ въ это время былъ генераль-полицеймейстеромъ Царства Польскаго. Встрѣтивъ государя на вокзалѣ, онъ поскакалъ во дворецъ впереди его коляски, стоя въ фазетѣ и держа въ лѣвой рукѣ за сидѣнье кучера. Это показалось царю въ высшей степени оригинальнымъ, и онъ потомъ спросилъ его: «для чего онъ такъ ѣхалъ?»

— Чтобы видѣть все, государь, отвѣчалъ Федоръ Федоровичъ. Отвѣтъ этотъ сослужилъ ему службу. Его перевели въ Петер-

бургъ, гдѣ онъ, какъ извѣстно, передъ царскими экипажами иначе никогда и не ѣздитъ.

«Вотъ генералъ, какъ генералъ, закончилъ разсказъ Александръ Дмитриевичъ, служившій, патриотъ и честный. Вотъ кому бы быть министромъ то... И приглашали, говорить, и будетъ, навѣрное... дай только ему поправиться, послѣ потрясеній, причиненныхъ ему вашими петербургскимъ либерализмомъ»...

Обѣдъ, между тѣмъ, окончился, петербургскій побѣздъ принолъ, и мы отправились въ Москву. Не спавъ предыдущую ночь, я скоро заснулъ и проснулся только въ Бѣлокаменнѣй.

V.

На обѣдѣ.

Недѣли двѣ мнѣ не удавалось поинтересоваться съ «генераломъ-кузнецомъ». Но вотъ выбираю свободный день и ѣду. Подъѣзжаю къ «главной квартирѣ» эксъ-организатора конскаго запаса и не узнаю ее. Повсюду царитъ хаосъ и разрушеніе. Домъ перестраиваютъ, пристройки ломаютъ, дворъ полонъ людей, каменщики, плотники, возчики матеріала заняты работой: кто тешетъ, кто несетъ, кто везетъ; крикъ, шумъ и гамъ, суета, бѣготня и сумятица.

— Гдѣ генералъ? спрашиваю челоуѣка.

— Ихъ превосходительства дома нѣтъ.

— А Марья Федоровна?

— Дома-съ! пожалуйста...

Пробираюсь во внутренніе апартаменты; тамъ только три комнаты представляютъ живое помѣщеніе, остальные передѣлываются. Доски, бревна, чураки, известка, глина, рабочіе инструменты загромождаютъ весь домъ; пыль и грязь панообразная.

Марья Федоровна въ домашнемъ костюмѣ погружена въ какое то мудреное математическое исчисленіе, такъ что прихода моего и не замѣчаетъ.

— Здравствуйте, говорю. Слѣдуетъ неизбежное: «ай, ай!» бѣгство въ сосѣднюю комнату и оттуда откликъ: «подождите! я сейчасъ одѣнусь».

Сажусь и отъ нечего дѣлать начинаю разсматривать математическія исчисленія Марьи Федоровны. Меня всегда интересовала особенная способность женщины дисциплинировать цифры по своему. Дѣлать, напр., она 8 на 3, и ставитъ частный единицу, вычитаетъ 3 изъ 8, и остатокъ 5 дѣлитъ опять на 3, ставитъ въ частное вторую единицу и получаетъ въ остаткѣ 2. Съ этой двойкой ей справиться никакъ не удастся. Она приставляетъ къ ней нуль, дѣлитъ, но и въ итогѣ получается что то не ладное, и она, не довольная непослушными цифрами, зачеркиваетъ ихъ и бросаетъ. Но у Марьи Федоровны такихъ математическихъ диссонансовъ мнѣ встрѣтить не удалось. Цифры у ней бойко равнялись въ шеренги и «правильно совершали захожденіе». Военная выправка явно сказывалась и здѣсь.

— Полноте прихорашиваться! кричу я, соскучившись ждать. Марья Федоровна черезъ двери. Вѣдь вы, какъ «Душенька» Богдановича, во всѣхъ нарядахъ хороши.

— Мы васъ ждали двѣ недѣли, а вы не хотите положить четверть часа. Фу! какой гадкій петербургскій эгоизмъ! отшучивается Марья Федоровна.

— Но позвольте, гдѣ болѣе эгоизма: у петербургскихъ кавалеровъ, или у московскихъ дамъ—это еще вопросъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ пререканій, Марья Федоровна появилась въ гостиной въ полномъ блескѣ красоты и костюма.

— Для чего это, для чего? спрашиваю, здороваясь съ Марьей Федоровной.

— Для васъ, неблагородный! явиться въ свою очередь, усаживаясь на диванъ, хозяйка.

— Богъ знаетъ! говорю меланхолически и круто сворачиваю къ дѣлу. Что это у васъ такое совершается?.. Какое то разрушеніе Вавилонское...

— Разрушаемъ, чтобы возсоздать!..

— Сады Семирамиды? Похвально! но откуда же это у васъ явилось вдругъ богатство Сарданапада?

— Не перебивайте! а то ничего не скажу.

— Весь превращаюсь въ одно громадное ухо—и молчу...

— Да полно вамъ буфонить! и Марья Федоровна надула губки.

— Вамъ пр—но, я слушаю, а вы молчите. Это какъ называется по-московски?

— Когда вы меня все перебиваете, поцеловъ замолчишь.

— Не буду больше. Клянусь бородой, не собственной бородой, а бородой пророка, и вашей хорошенькой ножкой.

Ну, слушайте же! Сергѣй Афонасьевичъ нашолъ компаньона съ капиталомъ.

— Лучше бы было, если-бъ онъ нашолъ капиталъ безъ компаньона!

— Да слушайте же!

— Avec grand plaisir, madame!

— Компаньонъ—очень хорошій человекъ, техникъ, со средствами... конечно, не русскій—у русскихъ теперь денегъ нѣтъ...

— А купоны?

— Моляте. несчастный петербуржецъ! Вотъ они и задумали расширить кузницу, поставить паровую машину для штампованія подковъ—т. е. подковы будутъ не ковать, а прямо изъ куски желѣза выбивать штампов—и домъ перестроить. Лѣвую похонину они берутъ подъ контору, а правую мы передѣлываемъ для себя.

И мы пошли осматривать начатыя постройки.

— Вотъ здѣсь будетъ маленькій кабинетъ для Сергѣя Афонасьевича, а здѣсь столовая, направо пристроится прихожая, и изъ нее пойдеть на верхъ лѣстница. Тамъ устроимъ двѣ комнатки для нашихъ мальчиковъ. Сережѣ нужно дать для занятій особое помѣщеніе...

— Все это прекрасно; но гдѣ же самъ Сергѣй Афонасьевичъ? По моему, весьма не практично пачать постройку и бросить ее безъ присмотра. Или такъ вообще компанейскія дѣла въ Москвѣ ведутся?

— Но вы несправедливы къ Сергѣю Афонасьевичу. Онъ, напротивъ, теперь болѣе работаетъ, чѣмъ прежде. Ему будетъ очень непріятно, если его компаньонъ подумаетъ только, что онъ мало рачителенъ и позаботливъ о дѣлѣ. Онъ истаетъ по-деревенски, съ нѣтухами, и цѣлый день возится съ мастерами. Теперь онъ уѣхалъ съ компаньономъ въ Татарскую, на заводъ, гдѣ заказаны паровики, осмотрѣть нѣкоторыя части. Скоро, я думаю, вернется.

— А Николай Семеновича давно видѣли?

— Съ тѣхъ поръ не былъ, но сегодня писалъ, что пріѣдетъ къ намъ обѣдать... Мы теперь обѣдаемъ поздно—въ семь часовъ. Оставайтесь у насъ обѣдать.

— Я высоко приподнялъ фуражку и низко поклонился. Марья Федоровна разсмѣялась.

Къ обѣду прѣѣхалъ и Сергій Афонасевичъ. Слово, два, три — и сѣлъ за обѣдъ. Кулебяка привлекла всеобщее вниманіе.

— Нигдѣ не могутъ печь такой великолѣпной кулебяки, какъ въ Москвѣ, заговорилъ съ оживленіемъ Николай Семеновичъ, орсольтъ Москвы составляютъ: царь-колоколъ, царь-пушка, бани, невѣсты, калачи. Отчего-бы къ этимъ атрибутамъ Москвы не прибавить еще одного: это—кулебяки?

— Оттого, отвѣчалъ «генераль-кузнецъ», что кулебяку вкуснѣе готовятъ въ Петербургѣ.

— Но, нѣтъ, позвольте усомниться, возражаетъ «Бедръ Ливанскій», у меня, во время моего могущества, жилъ поваръ французъ, подаетъ, бывало, кулебяку, — хороша, но все не московская, какъ хотите!..

— Французу дѣйствительно не испечь, извѣстъ Сергій Афонасевичъ, но «русскому» почему не испечь... Вотъ хоть бы вашъ почтеннѣйшій коллега, тайный совѣтникъ Самуилъ Соломоновичъ Поляковъ, посмотрите, какую отличную кулебяку испекъ въ видѣ проекта учрежденія общества пѣхъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ. На что «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» — врази его, а и тѣ жуютъ и не нахваливаются.

— Какой же это русскій, вскрикнулъ вдругъ Николай Семеновичъ, — жидъ, и жидъ некрещенный... Его сдѣлали русскимъ, когда представляли къ чину, а потомъ онъ отрекся и до сихъ поръ — жидъ, чистый пречистый жидъ!

— Что это вы, Николай Семеновичъ, вставляю я въ разговоръ свое слово, какъ-будто не любите своего коллегу!.. за что такая немилость?.. Вѣдь онъ, кромѣ пользы для васъ, желѣзнодорожниковъ, ничего другаго не предлагаетъ...

— Да провались онъ съ своей пользой! отверещивается «Бедръ Ливанскій», я никогда не былъ товарищемъ Полякова и, надѣюсь, не буду!.. Лучше хлѣбъ чорный ѣсть, чѣмъ жидовскую кулебяку, лучше грошъ имѣть свой, чѣмъ горсть жидовскихъ червонцевъ: они руки обожгутъ, совѣсть изнасилуютъ, умъ развратятъ, чувство опозорятъ и честь затопчутъ въ грязь. И тотъ же жидъ, который тебя купитъ, еще и надругается потомъ надъ твоей глупостью или подлостью, зная, что одна только глупость или подлость можетъ заставить тебя соблазниться жидовскимъ золотомъ.

— Зачѣмъ такъ горячо опрокидываться на соратника и компатріота, замѣчаю я Николаю Семеновичу, вѣдь его проектъ заслу-

живаетъ того, чтобы разсмотрѣть его серьезно, не прибѣгая къ огульному порицанію, единственно въ виду его нерусскаго происхожденія.

— Да знаете ли вы этотъ проектъ, изучили ли вы его, поняли ли сокровенныя цѣли, къ которымъ онъ направленъ? Наверно нѣтъ! а между тѣмъ берете его подъ свою защиту. Сейчасъ видно, что вы изъ министерства...

Марья Федоровна замѣтила, что Лазаревъ-Станицевъ начинаетъ горячиться и, желая успокоить его, предложила ему еще кулебяки, которую онъ и принялъ съ благодарностью.

— А что это за проектъ такой? обратилась она къ нему съ улыбкою.

— Владѣя двумя-тремя желѣзными дорогами въ Россіи и ограбивъ казну, какъ это констатировала ревизія, на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, ему кажется всего этого мало. Вотъ онъ и изобрѣтастъ проектъ учредить одно общество для всѣхъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, которому, передавъ эти дороги, дозволить эксплуатировать ихъ шестьдесятъ лѣтъ. Причемъ, въ теченіе этого срока, никто — ни казна, ни какое другое общество — не имѣетъ права строить новыхъ дорогъ; право это должно принадлежать поляковскому обществу, какъ равно и всякіе другіе прерогативы, напр. постройка элеваторовъ и пр. Проектъ этотъ представляетъ, какъ видите, бусочекъ лакомый! Завладѣть всѣми русскими желѣзными дорогами, какія построены и какія будутъ еще построены, на цѣль шестьдесятъ лѣтъ, — да это такая штука, что и самому Ротшильду во снѣ не снилась, тѣмъ болѣе, что завладѣть то онъ хочетъ ими, не затрачивая на это ни полунки своихъ денегъ, а на счетъ казны!.. А вотъ этиакіе господа — и онъ качнулъ головою на меня — готовы взять его подъ свое покровительство и выдать ему патентъ необходимости и полезности для Россіи.

— Но вѣдь этотъ проектъ приняла подъ свое покровительство пресса, а не министерство, замѣтилъ Сергій Афонасьевичъ: поглядите, какъ распинаются за него всѣ газеты. Нѣкоторыя изъ нихъ возвели Полякова даже въ геніи Россіи.

— Подлены и больше ничего!.. отрѣзали Николай Семёновичъ. Еще Осюкрить сказалъ: «собакѣ сниться хлѣбъ, а рыба рыбаку!..» Много ли нужно, чтобы заставить написать статью какого-либо борзописца. Допустите вы его въ кабинетъ, который служить «идеаломъ» для кабинета», покажите ему тамъ «завѣщанныя

«стѣты», «мягкія кресла», «удобные диванчики», «сто-
лы», «сто-
лики», покажите ему еще что-нибудь—и онъ вашъ... Надолго ли?
это—вопросъ другой! а теперь онъ вашъ и будетъ говорить все, что
вамъ угодно...

— Но позвольте, возражаю я, вѣдь разрѣшеніе подобнаго во-
проса не отъ прессы зависить. Поляковъ говоритъ, что его проектъ
уже давно находится въ рукахъ правительства. Поэтому, что бы
пресса ни писала, правительство рѣшить вопросъ сообразно съ сво-
ими достоинствами и пользою Россіи.

— Конечно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, отвѣчалъ
энергично Лазаревъ-Станицевъ. Не отказать—правительство не мо-
жетъ. Въ противномъ случаѣ можно будетъ требовать о передачѣ
частнымъ обществамъ почтъ и телеграфовъ, государственныхъ иму-
ществъ, сбора податей и пр. и пр. Тутъ не то удивляеть, что ка-
кой-то жидъ требуетъ невозможнаго,—ему откажутъ, а та наглость,
съ которой онъ осмѣливается подать подобный проектъ правитель-
ству.

— Бросите господа, жиновъ и ихъ проекты, обращаюсь я къ
собесѣдникамъ, это не настолько намъ близко, какъ проектъ Сергія
Афонасьевича о приготовленіи подковъ штампю. Расскажите-ка
лучше, ваше пр—ство, о своихъ предположеніяхъ.

— У меня тоже проектъ приготовить подковы для казны. Я
тоже хочу просить себѣ монополію на поставку подковъ. Не знаю
только, будутъ ли поддерживать мой проектъ, когда я его пред-
ставлю правительству, гг. представители прессы съ такимъ аплом-
бомъ, какъ поляковскій проектъ: вѣдь у меня нѣтъ «идеальнаго
кабинета» и показывать корреспондентамъ нечего.

— А все таки, господа, обратилась къ намъ Марья Федоровна
съ бокаломъ въ рукѣ, выпьемъ-те за преуспѣяніе начатаго Сер-
гѣемъ Афонасьевичемъ дѣла!

— Выпьемъ, отвѣчали мы дружно, и громкое: ура! и чоканье
бокаловъ завершили обѣдъ.

Вечеромъ.

Послѣ обѣда мы перешли въ гостиную.

Подали кофе. У «генерала-кузнеца» нашлось въ запасѣ нѣсколько гаванитъ.—закурили.

Марья Федоровна отпралилась справлять свои «хозяйскія дѣла». Мы предались кейфу.

— Какъ вы свои дѣла устраниаете? обратился я съ вопросомъ къ Николаю Семеновичу.

— Особенно похвалиться не могу,—отвѣчалъ уклончиво «Кедръ Ливанскій», такъ себѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону...

— Но все же сдѣлали хоть что-нибудь? пристаю я, желая узнать его на объясненія.

— Палажникаю, но нужно подождать, отпиливать мой разумникъ.

— Вы еще тогда говорили, что у васъ почти все слажено.

— Да, слажено!.. переговоры окончены, но дѣло за деньгами, вотъ и приходится ждать, отвѣчать съ нѣкоторою горечью въ голосъ Николай Семеновичъ.

— Москвитчъ не скоро раскошелится, вставлятъ свое слово Сергѣй Афонасьевичъ, это—то же, что боляной кремленскій колоколъ—его надо раскачать. А когда раскачаешь, тогда пойдеть гулѣть.

— Ваша правда, отвѣчалъ какъ-то меланхолически нашъ бывший желѣзнодорожный тузъ. Москвитчи, какъ я убѣдился, не любятъ дѣлать сегодня то, что можно сдѣлать завтра. Тутъ своего рода политика!..

— Предусмотрительность скажите лучше, замѣчаю я прощачески, теперь деньги стали дороги, нельзя ихъ, какъ прежде, разбрасывать.

— Не знаю... можетъ быть... но мнѣ кажется, мы узко смотримъ на вещи, возразилъ съ особенной живостью «Кедръ Ливанскій». Вы проводите петербургскіе взгляды—на обухъ рожи молодитчъ, зерна не уронитчъ... старая штука, бабюшка! на этомъ далеко не уѣдешь!.. Знаете ли, если говорить откровенно, кому мы обязаны, что деньги стали дороги? намъ, петербуржцамъ! Петербургскіе финансисты посадили насъ вѣхъ на мель...

— Чѣмъ же тутъ Петербургъ виноватъ? позвольте узнать.

— А тѣмъ... и онъ вздохнулъ, подбирая выраженіе... что наши петербургскіе финансисты хотѣли на рыскахъ, вскачь взобраться на гору, лошади не вынесли и телеги погнуло назадъ. Затормозить не удавалось, и скатило возы внизъ... Причѣмъ, разумеется, и телеги поломали, и лошадей покалѣчили, — и стоять вотъ наши «веснайки» у горы да затылки почесываютъ... Итъ смѣшно, а намъ больно — телеги-то поломали вѣдь наши...

— Краснѣ изволите говорить, Николай Семеновичъ, парирую я въ свою очередь, но я все-таки попросилъ-бы два-три комментарія для непонятнаго неопита.

— Комментаріи тутъ коротки. Въ экономическомъ отношеніи Петербургъ — сердце Россіи: торговля, промышленность и кредитъ это — жилы государственнаго организма, по которымъ оно, какъ кровь, гонитъ капиталы до оконечностей, и посредствомъ налоговъ и податей — этихъ кровеносныхъ венъ, возвращаетъ ихъ къ себѣ обратно. Если удары сердца дѣлаются слабѣе и рѣже — оконечности холодѣютъ. Это вообще... но я не стану трогать общаго нашего экономическаго положенія, это занесло бы меня въ добри и топи нашихъ финансовыхъ неурядицъ. Я коснусь только желѣзнодорожнаго дѣла, такъ какъ вы возбудили одинъ лишь вопросъ о монхъ желѣзнодорожныхъ начинаніяхъ и ихъ успѣхъ. Петербургъ держится, изволите-ли видѣть, на ступени большого барина; въ промышленныхъ, торговыхъ и производительныхъ предпріятіяхъ не компетентенъ, но сознавая въ себѣ силу покровительствовать и благодѣлать, рѣшаетъ вопросы силеча, какъ Богъ на душу положить. И это — лучшее: я не говорю о другихъ побужденіяхъ. Всталъ баринъ съ постели правой ногой — встать хорошо; всталъ лѣвой — встать дурно. Захочетъ онъ — осуществляются самыя желѣзныя, самыя неестественныя предпріятія, и при его поддержкѣ они живутъ и процвѣтаютъ. Не захочетъ — гибнетъ все, даже самое здоровое, сильное и жизненное... Для примѣра приведу два, три факта.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ создана была потребность постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Французскій посланникъ графъ Морни рекомендовалъ бывшему главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями Чевкинну какъ спеціалиста строителя — извѣстнаго прожектера и проходима Колянилона. Чевкинъ принялъ его съ распростертыми объятіями, самолично разработалъ

по его программѣ уставъ общества, назвавъ его «главнымъ общ. рос. ж. д.» и испросилъ ему утвержденье. Капиталъ опредѣлили въ 275,000.000 рублей металлическихъ, которые должны были доставить заграничные банкиры, подъ условіемъ правительственной гарантіи уплаты капитала и процентовъ. Счастье, казалось, благопріятствовало: мы должны были имѣть дороги, не затрачивая своихъ денегъ. Но случилось обратное. Иностранные банкиры только подписались на акціи общества, но денегъ не внесли. Пришлось обратиться къ русскимъ капиталамъ. Баронъ Штиглицъ подписался на 18,000.000 руб., но, вмѣсто взноса денегъ, предпочелъ сбыть свои акціи публикѣ. Объявили о продажѣ акцій, и такъ какъ покупателей не оказывалось, то смѣтливый банкиръ сталъ посылать подписываться на акціи и вносить за нихъ деньги своихъ контрорціонъ и добрыхъ знакомыхъ. Вечеромъ-же уплаченные деньги поздравлялись Штиглицу, а акціи—обществу. Такимъ образомъ шла успешная покупка акцій у самого себя. На биржѣ кричали, что подписка идетъ успешно. Для того же, чтобы сильнѣе заохотить публику, на акціи, оплаченные первыми взносомъ, объявили на нихъ премію въ 5 рублей, а лицамъ, кто былъ обществу чѣмъ-нибудь полезенъ, давали акціи даромъ или въ долгъ, т. е. записывали на нихъ имена акцій и оставляли ихъ у себя, а по продажѣ акцій съ преміей, номинальную стоимость оставляли въ кассѣ, а премію вручали лицамъ, на чье имя онѣ были записаны. Такимъ образомъ сбыли тѣ акціи, на которыя подписался Штиглицъ. Собрали небольшой капиталъ и начали постройку. Надѣшная съ Коляиньѣномъ саранча опустошила кассу, и софты общества, председателемъ котораго избрали бывшего товарища министра внутреннихъ дѣлъ Левшина, погребовалъ отъ казны «шпроковспомогательныхъ средствъ».

Пришлось одуматься. И одумались. Коляиньѣна съ братіей выпроводили; Чевкинъ оставилъ министерство. Но урокъ не пошелъ въ прокъ. Ухнувши русскія денежки, начались займы и снова стали падать ихъ въ ту-же прорву—бочку бездонную. Этого мало. Чтобы поддержать шатавшееся общество, отдали ему перхъ нашихъ дорогъ—Николаевскую, отдали не только даромъ, но еще приплатили. Общество устояло, но вмѣсто Коляиньѣна явился Уайенсъ, и началась безпримѣрная возмутительная эксплуатація казны, выясненная послѣдней ревизіей, и пѣтъ руки, которая могла-бы надѣть узду на хищниковъ.

Это фактъ первый.

Какіе-то ловкіе джентльмены въ 1873 году выхлопотали концессию на муромскую дорогу. Гарантіи правительство не дало. Денегъ не было. Пришлось отдать постройку дороги подрядчику, подъ условіемъ полученія, нѣбто денегъ, неоплаченныхъ акцій и облигацій этой дороги. Подрядчикъ беретъ бумаги и вынрашивается подъ нихъ ссуду въ государственномъ банкѣ. На эту ссуду выстроили дорогу, но она доходу не даетъ, и платитъ не только долга банку, но и процентомъ нечѣмъ. Дорогу нужно продать, или оставить казнѣ за собою. Въ томъ и другомъ случаѣ убытокъ, но дѣлать нечего—казна богата—отдавается.

Это фактъ второй.

Оба эти факта свидѣтельствуютъ, что, при поддержкѣ петербургскихъ финансовъ, могутъ осуществляться самыя важныя проекты смѣлыхъ авантюристовъ.

Третій фактъ я приведу о нерасположеніи Петербурга.

Въ семидесятихъ годахъ выдвинулся умный, энергичный, смѣлый и полезный дѣятель. Николай Ивановичъ Пutilовъ. Одинъ изъ первыхъ онъ устроилъ въ Россіи рельсопрокатный заводъ и вытѣнулъ нѣсколько милліоновъ рублей рельсовъ. Затѣмъ онъ предложилъ образовать въ Петербургѣ морской портъ, и приступилъ къ постройкѣ желѣзной дороги, канала и порта,—сооруженія гигантскія, долженствованія имѣть громадное вліяніе на измѣненіе неблагоприятныхъ условій нашей отпускной торговли. Въ другихъ странахъ народъ гордился-бы такимъ гражданиномъ, какъ, напримѣръ, Германія гордится Крупномъ, ему оказали-бы всевозможную поддержку и не только не ставили-бы преградъ, но устраняли-бы все, что могло помѣшать осуществленію его грандіозныхъ плановъ. Между тѣмъ Петербургъ взглянулъ иначе. Онъ убилъ его дѣло и, истерзавъ самаго гениальнаго предпринимателя нравственными пытками, свелъ его преждевременно въ могилу. Вотъ вамъ комментарій къ сказанному «неопытный неопытъ». Что же касается моего дѣла, то я предпочитаю содѣйствіе Москвы, и только тогда, когда потерплю здѣсь фiasco, побѣду въ Петербургѣ и поклонюсь ему. Какъ Наполеонъ, я иду въ битву свою, и думаю: мое отъ меня не уйдетъ.

— О, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, отозвалась только что пошедшая передъ тѣмъ Марія Федоровна. Не хотите ли Николай Семеновичъ отдохнуть полчаса, мы всегда любимъ курнуть послѣ обѣда?

— Стократно благодарю васъ Марья Федоровна, я разгулялся, поспориwъ съ петербуржцемъ, и опять свѣжъ и бодръ, какъ юноша.

— Позвольте, Николай Семеновичъ, отозвался «генераль-кузнецъ», мнѣ сдѣлать поправку вашему опредѣленію Петербурга. Вы сказали, что его можно считать сердцемъ Россіи; по моему же это скорѣе—пасть, чрево, глотающее все и вся съ особенною прожорливостію, а никакъ уже не сердце. Сколько милліоновъ человѣческихъ жизней стоило это болото со времени заселенія его русскими людьми. Сколько милліардовъ золота убито тутъ для его возсозданія и украшенія! Но не смотря на эти потери и затраты, трясина и понынь остается трясинной. Все, что есть въ Россіи лучшаго—аристократія рожденія, представительности, богатства, ума, знаній, таланта—все тянется къ нему, тамъ прозябаетъ и преждевременно погибаетъ. Средства страны стягиваются тоже туда. Кто знаетъ Петербургъ за четверть вѣка назадъ, взглянувши теперь, не узнаетъ его: гдѣ были пустыри, тамъ теперь улицы, гдѣ были хижины, тамъ дома, гдѣ были дома, тамъ дворцы и палатцы. городъ украсили мосты, скверы и памятники, понынишіеся въ послѣднее время. Но на какія средства сооружено все это? Помѣщики дали подученныя имъ за свои земли выкупныя или ссуды подъ ипотѣку, купцы—лежавшія въ ихъ кованыхъ сундукахъ капиталы, разночинцы—сбереженія, прожектеры—займы. Пошло ли это въ прокъ? Нѣтъ! Настроили домовъ столько, что жить въ нихъ уже некому. Цѣны на квартиры упали, повинности и налоги увеличались, и дома продаются за ничто. Эта проклятая пасть, это вѣчно несытое чрево проглотили накопленныя вѣками состоянія. Какъ падшая женщина чванится своимъ наденіемъ и дешево доставшимися ей убранствомъ и нарядами, такъ и этотъ мотъ-городъ тщеславится чуждымъ, дешево доставшимся ему добромъ, не дорожа имъ нисколько. Нѣтъ, лучше убраться подальше отъ него, спасти, если не состояніе, то честь. Аукціонный молотокъ, какъ мечъ Дамокла виситъ надъ Петербургомъ, и быть можетъ онъ будетъ для него позорною сѣкирою палача.

— Сильно сказать изволили, ваше пр—ствіе, апплодирую я генералу, — до пафоса возвысился. Просто я не узнаю васъ. Вотъ что значить пожить въ Москвѣ...

— Москва всегда останется Москвою, и я убѣжденъ, что рано или поздно Москва опять сдѣлается резиденціей русскихъ царей. Развѣ столица нашего обширнаго царства должна стоять на окраинѣ, развѣ никому нѣтъ дѣла, что она можетъ «подвергнуться великимъ

случайностям». Были обстоятельства въ пользу необходимости подобной столицы, но теперь они миновали, и Москва должна занять приличествующее ей въ средѣ русскихъ городовъ мѣсто... И что такое Петербургъ? Ворота Россіи съ кордегардіей со стороны Европы. Допустимъ даже, красивые ворота, подобно нашимъ триумфальнымъ у Тверской заставы, но все таки только — ворота. Ими можно любоваться, можно нѣкоторое время побыть въ ихъ кордегардіи, но жить постоянно, какъ въ домѣ, нельзя — противно здравому смыслу. Домъ, всегда домъ, порога остаются порогами, хотя бы они были вылиты изъ червоннаго золота. Жить при порогахъ въ караулѣ, имѣя домъ, и жить единственно изъ опасенія, что ворота утратятъ свою цѣнность — недостойно настоящаго хозяина. Нужно помнить, что всякому опочу свое время. У Петербурга уже желѣють листья, осень его наступаетъ — пора подумать и о зимней квартирѣ. Не спасень того, что самой судьбой, какъ предсказано въ одномъ пророчествѣ, предназначено къ пустотѣ и забвенію. Становясь даже на реальную почву, необходимо признать, что существованіе столицы на берегу Невы не есть необходимость. Что придастъ Петербургу особенное значеніе? Близость Европы... море... портъ — и только! Близость Европы была ощутительна когда не было желѣзныхъ дорогъ и телеграфа. Теперь же Москва стала также близка къ Европѣ, какъ и пресловутый погибельный Питеръ. Море и портъ? Море и портъ можно придвинуть къ Москвѣ посредствомъ прорытія морскаго канала. Не смѣйся пожалуйста! обратился онъ ко мнѣ, это болѣе чѣмъ возможно... Это историческая необходимость!.. Рано или поздно — мы съ тобой, конечно, не доживемъ до этого! — по морской каналъ футъ въ тридцать глубины проведутъ до Москвы, и устроятъ портъ, гдѣ нибудь на Бабьемъ городкѣ. Не думай, что это бредни: это — прямое логическое послѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Сибирь, Китай и Индію. Что это будетъ стоить дорого — словъ нѣтъ! но затрата болѣе осмысленная, чѣмъ выкупъ пѣхъ желѣзныхъ дорогъ для Полякова. Суэзскій каналъ провели и сотни милліоновъ для него нашлись: московскій каналъ тоже проведутъ и сотни милліоновъ найдутся. Затрата этихъ сотенъ милліоновъ окупится той пользой, которую принесетъ проведеніе канала, долженствующаго придвинуть Азію къ Европѣ и измѣнить тѣ торговые пути ихъ сообщенія, которые существуютъ нынѣ. Вотъ мои убѣжденія и ради ихъ я ополчаюсь на

Петербургъ и обрекаю этого прожорливаго Молоха въ жертву исторической необходимости возвеличенія предъ нпмъ Москвы.

— Да будутъ словеса ваши словесами пророка, отозвался Николай Семёновичъ. Вы взглянули на дѣло, какъ говорить Кузьма Прутковъ, прямо въ корень!..

— Когда, замѣтилъ я шутливо, морской каналъ будетъ проведенъ до Москвы и океанійскіе чудовища-пароходы станутъ разгружаться на Бабьемъ городкѣ, возлѣ станціи Сибирской дороги, — тогда, безъ сомнѣнія, Петербургъ потеряетъ свой *raison d'être*. Но до того времени нужно мириться съ нпмъ и жить дружно.

— Самоваръ на столѣ, господа, пойдете чай пить, предложила Марія Федоровна, какъ бы желая прекратить дебаты.

— Вели лучше подать сюда, рѣшилъ «генераль-кузнецъ», и чай принесли въ гостиную.

Разговоръ перемѣнился. Перешли къ воспоминаніямъ.

— Въ молодости моей я ужасно былъ разсѣянъ, говорилъ Сергій Афонасьевичъ. Вы не можете себѣ представить, какой со мной былъ казусъ. Я служилъ лейбъ-гвардіи въ гусарскомъ его величества полку, и нѣкоторое время состоялъ адъютантомъ. Однажды во дворцѣ, въ какой-то торжественный день, ужъ не помню въ какой именно, подходить ко мнѣ генераль-адъютантъ князь Радзивиллъ и спрашивать у меня: какъ моя фамилія. У насъ была наканунѣ пирушка, всю ночь кутили, подъ вліяніемъ сладкихъ впечатлѣній, я не могъ отвѣтить на вопросъ. Забылъ! Что хочешь дѣлай — не припомню. Генераль разсѣялся: «что не знаешь что ли?» спрашиваетъ. «Не могу припомнить», отвѣчаю. И онъ отошелъ отъ меня. Увидя князя Александра Ивановича Барятинскаго, онъ разсказалъ ему о моей разсѣянности, а тотъ въ свою очередь передалъ государю. На слѣдующемъ пріемѣ, когда я явился съ ординарцами, его величество спросилъ меня.

— Какъ твоя фамилія.

Я рывнулся по-солдатски.

— А, теперь помнишь! засмѣялся государь, не то, что третьяго дня...

— Да, жилось тогда хорошо, прибавилъ немного помолчавъ, Сергій Афонасьевичъ. Князь Барятинскій очень любилъ меня за живой веселый нравъ, искренность и правдивость. Во время коронаціи въ Москвѣ, въ 1856 году, онъ былъ назначенъ главнокомандую-

нимъ на Кавказъ. Я былъ тоже на коронаціи съ другими офицерами отъ полка; посылаешь онъ за мной и говорить:

— Поѣдемъ со мной на Кавказъ.

— Итъ, не поѣду, отвѣчаю я ему.

— Почему?

— Не могу.

— Почему не можешь?

— Во-первыхъ, я влюбленъ... князь улыбнулся... а во-вторыхъ, я не желаю служить вмѣстѣ съ такими господами, какъ... и я назвалъ нѣсколько фамилій лицъ, приглашенныхъ княземъ въ свою свиту.

— Ого! расхохотался князь, да ты мальчишкѣ съ большими претензіями, но все-таки поѣдемъ, я тебя обставаю такъ, что ты ничего не будешь имѣть общаго съ твоими врагами.

Я заупрямился и отказался.

Барятинскій просилъ Ермолова переговорить съ моимъ отцомъ и самъ писалъ моему старику, чтобы тотъ повліялъ на меня, но я держался стойко. Мою сторону приняла мать, одобрявшая мою сердечную склонность,—и я не поѣхалъ. А потомъ, когда люди, взятые Барятинскимъ, заняли хорошее положеніе,—какъ и раскаялся... Но локоть близокъ, а не укусишь!..

Впрочемъ, особенно жаловаться не слѣдуетъ. И въ Петербургѣ, повторяю, мнѣ жилось недурно, особенно, когда я состоялъ для порученій при князѣ Суворовѣ въ 1864 и 1865 годахъ. Въ это время я былъ уже женатъ. Жили мы въ Галерной, въ домѣ Западвороной. Домъ содержали по старинному, открыто, каждый знакомый—а мало ли ихъ тогда было—приходи, пей и ѣшь. Кромѣ того мы устраивали литературно-музыкальные вечера разъ въ недѣлю. На вечерахъ этихъ собирались артисты, музыканты, художники, пѣнцы, пѣвицы, писатели и свѣтская молодежь. Я не стану описывать этихъ вечеровъ и перечислять лицъ, посѣщавшихъ ихъ—это потребовало бы много времени. Скажу только, что покойный государь послѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ одинъ изъ моихъ вечеровъ. Читалась у меня въ первый разъ пьеса Сухово-Кобылина «Дѣло» (продолженіе «Счадѣбы Кречинскаго»), неразрѣшенная тогда почему-то къ постановкѣ на сценѣ. Послѣдникъ цесаревичъ заинтересовался ею и пріѣхалъ ко мнѣ послушать ее, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Рихтера. Читалъ извѣстный чтецъ-литераторъ.

Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ, и прозвездъ громадное впечатлѣніе. Его высочество, по окончаніи чтенія, спросилъ автора «неужели это возможно въ дѣйствительности»? Сухомо-Кобылинъ отвѣчалъ, что онъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ разыгранной драмы. Цесаревичъ ничего болѣе не отвѣтилъ и, поблагодаривъ автора, Маркевича и жену, уѣхалъ.

Нѣсколько дней спустя, я былъ у его высочества по дворцѣ. Пили чай. Вдругъ вошелъ государь. Сказавъ цесаревичу, что онъ идетъ въ театръ, и захватилъ сказать ему, что императрица проситъ его къ себѣ, царь милостиво удостоилъ нѣсколькими словами каждого изъ присутствовавшихъ и обратился ко мнѣ, сказавъ:

— А у тебя, я слышалъ литературные вечера очень интересны?

— Не знаю, ваше императорское величество, какое мнѣніе составлялъ о нихъ государь наследникъ.

— Онъ мнѣ и говорилъ, что интересны... Я тоже хотѣлъ бы, прослушать эту пьесу... Когда нибудь я назначу день.

И государь на ходу поклонился всѣмъ и вышелъ.

Въ скоромъ времени состоялось чтеніе пьесы во дворцѣ, въ присутствіи государя и государыни императрицы, и я когда нибудь разскажу вамъ объ этомъ.

Незамѣтно, въ разговорахъ, прошелъ вечеръ, стѣнные часы пробили десять, и мы поднялись, поблагодаривъ отъ души гостеприимныхъ хозяевъ и поѣхали по домамъ.

VII.

Еще знакомые.

Стоянка въ гостиницѣ имѣетъ одно важное неудобство—это то, что можно слышать все, что дѣлается и говорится у сосѣдей. Въ знаменитой «Кокоревкѣ», рядомъ со мной съ одной стороны стояли купецъ съ молодой женой, которые, когда сидѣли дома, только и дѣлали, что цаловались да порковали. Съ другой же стороны помѣщался зажиточный чиновникъ Петръ Кирилловичъ Ан—въ. Онъ служилъ по мирнымъ учрежденіямъ въ сѣверо-западномъ краѣ, въ то время, когда край нахалъ Муравьевъ и боронилъ Потаповъ, но-

томъ числился чиновникомъ для порученій при какомъ-то фискальномъ департаментѣ, въ восточную войну сидѣлъ при гражданскомъ управленіи въ Болгаріи, и, наконецъ, былъ отпущенъ на волю. Подобно тому, какъ старину помѣщики отпускали на волю своихъ дворовыхъ, т. е. съ надеждою на Бога и съ благодарностью Творцу за то, что шкура на плечахъ, по его милости, уцѣлѣла. Последнее время онъ обивалъ пороги петербургскихъ канцелярій, выпрашивая себѣ какое нибудь мѣстнышко, хотя бы въ провинцію. Онъ питалъ себя надеждой пристроиться, и дѣло, какъ онъ говорилъ, было на мази, такъ какъ его лично знали и статсъ-секретарь экск-министра Маковъ, и управлявшій почтовою частью тайный совѣтникъ Перфильевъ. Но нужно же было подвергнуться этой проклятой исторіи съ растратой денежныхъ суммъ въ канцеляріи министра, вѣдѣніе чего Маковъ отиривался къ праотцамъ, а Перфильевъ, пытавшійся послѣдовать его примѣру, по неудачно, попалъ подъ судъ, — и бѣдный Петръ Кирилловичъ долженъ былъ остаться при одной надеждѣ, которая, по выраженію поэта, послѣдняя покидаетъ смертнаго даже на одрѣ смерти.

Новое начальство, конечно, ничего не имѣло противъ опредѣленія на службу Петра Кирилловича, но какъ, вообще, принявъ, не торопилось исполнить въ исполненіе предположенія своего преемственника, тѣмъ болѣе, что Россія отъ этого, какъ можно было думать, ничего не теряла. Напоминать о себѣ начальству — по просту лѣзть въ глаза — не всегда удобно, и Петръ Кирилловичъ счелъ за лучшее на время ступенаться: онъ поѣхалъ въ Москву и тамъ обрѣлъ временное успокоеніе отъ житейскихъ и служебныхъ требованій, и «нѣко», какъ онъ выражался, «пронитомство».

Это былъ человѣкъ солидныхъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, довольно полный, одѣвавшійся, если не щегольски, то, какъ говорится, чисто. Платье его, сшитое у хорошаго портнаго, всегда вычищено; бѣлье отъ Флорана, чистое какъ снѣгъ; часовая цѣпочка и запонки — золотыя.

Физіономія его всегда оживлена. И его знали еще въ Петербургѣ, лѣтъ семь-восемь назадъ. Мы оба ухаживали за одной барыней, много было курьезно-трагичнаго въ этомъ ухаживаніи, граничившемъ съ одной стороны съ безумнымъ мотонствомъ, бросающимъ на иѣтеры въ день тысячи, а съ другой — съ займомъ пятиалтынного на утренній завтракъ, подъ залогъ у жидовки послѣдняго казачьскаго подестакинина, — но Ан — въ былъ всегда веселъ.

Онъ жилъ на ногахъ. Бѣгалъ по комнатамъ изъ угла въ уголъ, маршировалъ по нѣскольکو часовъ сразу, прохаживался изъ одной комнаты въ другую, выходилъ на улицу и тотчасъ же возвращался, опять сновалъ, размахивалъ руками, говорилъ, спорилъ, разсуждалъ, разсказывалъ, вѣчно веселый, оживленный, сибующійся. Для общества это былъ кладъ. Онъ все зналъ или старался дать понять, что знаетъ, но долженъ молчать, множество разсказовъ, остротъ, анекдотовъ было имъ заучено, и онъ повторялъ ихъ на каждомъ шагу.

Его принимали радушно, потому что онъ умѣлъ развлекать, а для дамъ это много значить. Онъ былъ знакомъ со всѣмъ артистическимъ міромъ, помнилъ кто изъ артистовъ или артистокъ въ какой день справляетъ именины или рожденіе, и являлся аккурратно съ поздравленіемъ, бралъ кресла во всѣ бенефисы и собиралъ подписку на подарки любимицамъ публки. Поэтому, при случаѣ, могъ сообщить сотню анекдотовъ о похожденияхъ въ этомъ міркѣ, и подчасъ даже познакомить, ввести въ гостиную артистки нужнаго человѣчка.

На видъ ему нельзя было дать и тридцати лѣтъ, такъ онъ казался молодымъ, хотя въ сущности ему считалось уже подлѣ пятьдесятъ. Свѣтлорусые вьющіеся волосы, рыжіе усы, большіе сѣрые выразительные глаза и матовой бѣлизны правильный овалъ лица дѣлали красивой его щеголеватую фигуру, всю пропитнутую желаніемъ нравиться. Въ молодости онъ служилъ въ военной службѣ, въ одномъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ и имѣлъ успѣхъ у женщннъ. Даже знаменитая наша русская Тальони была къ нему неравнодушна, но неудачная женитьба разбила его карьеру, и у него кромѣ неизмѣнности вѣчновеселаго, неунывающего характера ничего не осталось.

Я радъ былъ, случайно узнавъ, что онъ пріѣхалъ «на подножный кормъ» въ Москву и остановился въ Кокоревкѣ. Какъ только сосѣдъ мой купецъ начнетъ отцаловывать свою супругу, я посылаю корридорнаго за Петромъ Кирillowичемъ, онъ является, начинаемъ врать и купецъ съ женой уходитъ.

Сидимъ мы такъ однажды и бесѣдуемъ. Сосѣди убѣжали, и Петръ Кирillowичъ разсказалъ мнѣ кое-что о своей службѣ въ Северо-Западномъ краѣ.

— Былъ я, говорилъ онъ, бѣгалъ, по своему обыкновенію, по номеру изъ угла въ уголъ, послѣ возстанія, назначенъ мпровымъ

посредникомъ въ Невсвпжскій уѣздъ, повѣряли мы тамъ, да утверждали уставныя грамоты. Въ моемъ участіи находилось имѣніе князя Витгенштейна, одно изъ самыхъ громадныхъ и богатыхъ въ губерніи. Владѣлецъ жилъ въ Парижѣ, имѣніемъ управляло довѣренное лицо, кто оно — это рѣшительно все равно. Управляющіе, жившіе въ имѣніи и фольваркахъ, подчинялись этому лицу. Въ то время шло въ вопросъ о выкупной ссудѣ. Пріѣзжаетъ ко мнѣ сказанное лицо, знакомимся, обсуждаемъ положеніе дѣла и онъ предложилъ мнѣ пятьдесятъ тысячъ, если я буду поддерживать претензію князя на вознагражденіе за отошедшія земли въ три съ половиною милліона рублей. Дѣло въ томъ, что на имѣніи былъ долгъ казнѣ около двухъ милліоновъ, за отошедшія же къ крестьянамъ земли, при всей натяжкѣ, оцѣнивая ихъ по самой высокой цѣнѣ, слѣдовало, съ четырьмя-то милліонами. Этой суммой не покрывался даже долгъ казны, а лицо предлагало назначить такую выкупную ссуду, чтобы и долгъ былъ покрытъ, и князю еще за всѣми расходами осталось побольше милліона. Онъ говорилъ, что на это дѣло ассигновано имъ полмилліона и что оно должно пройти. Я отвергъ сдѣланное предложеніе, въ сѣзѣхъ посредниковъ агитировалъ противъ подобной выдачи, и кончилъ тѣмъ, что меня перевели въ другой уѣздъ. А ссуда князю, за нѣкоторыми сокращеніями, прошла, въ Петербургѣ утверждена и выдана. Вотъ тогда-то я и познакомился съ Макавымъ и Перфильевымъ. Первый былъ правителемъ канцеляріи генераль-губернатора, а второй служилъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, и послѣднее время председательствовалъ. Оба они прекрасные люди, но моей оппозиціи не одобрили и всегда смотрѣли на меня, какъ на человѣка, не понимающаго всей дисциплины службы. Судьба ихъ свела: рука объ руку они шли, дошли до извѣстныхъ степеней, и вѣстѣ пали. Принципы ихъ были извѣстны, и я удивлялся только одному, какъ они могли взлетѣть такъ высоко. Не разъ мнѣ приходилось обращаться къ тому или другому съ просьбами помочь мнѣ устроиться, но они только обѣщали, и никогда ничего не сдѣлали, помня разницу нашу во взглядахъ на службу.

— Охота вамъ касаться этого смраднаго трупa.

— Правда ваша!.. Дядя мой, Александръ Ивановичъ Гильденштуббе, не разъ говорилъ мнѣ: «береги свое честное имя; честь для мужчины — тоже, что цѣломудріе для женщины: разъ потерять — не воротить»... И я держусь этого правила: пусть буду бѣденъ, но честенъ!..

— Не слышали ли вы чего-нибудь новенького?

— Да, батюшка, былъ я на дняхъ на рыковскомъ процессѣ. Рыковы помалчиваютъ о своихъ отношеніяхъ къ Петербургу. Хотя бы этотъ Донской, я его знаю, онъ бывалъ въ Петербургѣ, черезъ его руки многое прошло... а молчать. На что боекъ самъ Иванъ Гавриловичъ на счетъ указаній о руководствѣ Петербурга, а о лицахъ помалчиваешь... Вотъ хоть-бы о покойномъ Мезенцевѣ ничего не говорить, а я помню: онъ бралъ у нихъ въ банкъ тысячу тридцать, кажется... заплатилъ, можетъ быть, но что онъ бралъ — я знаю, какъ знаю и то, что Мезенцевъ и объ открытіи нмѣ кредита въ государственномъ банкѣ хлопоталъ, и Рыкова Ламанскому представилъ, и все другое налаживалъ. И хитеръ же этотъ синьоръ Евгеній Ивановичъ, кредитъ на триста тысячъ открылъ, а векселя рыковцевъ не учитывалъ. Это, говорить, дѣло не мое — учетнаго комитета. Молодецъ мужчина...

— А въ Петербургѣ, — вы послѣ меня выѣхали, не подготовляется никакихъ перемѣнъ въ высшемъ управленіи?..

— Говорятъ много, да что толку, не всякому слуху вѣрю, говорить пословица, — я и не вѣрю и попусту не болтаю... Впрочемъ, друга нашего, генерала Новикова видѣлъ, въ ученые мѣтны, говорилъ, на дняхъ получилъ назначеніе. Давай Богъ!.. Не могу вспомнить безъ смѣху, какъ его однажды отдѣлалъ священникъ Заркевичъ, котораго — это даже чуть-ли не первый случай у насъ, прямо изъ поповъ посвятили въ епископы. Служилъ Заркевичъ въ училищѣ общій. Новиковъ былъ директоромъ училища и присутствовалъ при богослуженіи со всей свитой. Окончивъ общій и снявъ ризу, Заркевичъ выходитъ изъ сѣверныхъ вратъ, чтобы прочесть передъ алтаремъ отпустъ; Новиковъ стоялъ у дѣяна крылоса; увидавъ проходившаго мимо священника, онъ остановилъ его.

— Батюшка, позвольте васъ остановить на минуту, говорить генералъ.

— Что угодно вашему пр—ству? останавливается священникъ.

— Я долженъ сказать вамъ, батюшка, что кадеты вообще не оказываютъ должнаго вниманія церковной службѣ, они не только не молятся во время литургіи, но даже лба не перекрестятъ, стоятъ да перешептываются...

— Мнѣ кажется, ваше пр—ство, что это дѣло не мое, отвѣтилъ Заркевичъ; какъ ведутъ себя въ церкви кадеты — дѣло директора училища. А за то, что вы остановили меня, не давъ мнѣ про-

читать заключительной молитвы, я налагаю на васъ эпитимию. Отправьтесь, ваше пр—ство, въ алтарь и положите тамъ пять земныхъ поклоновъ. И не давъ опомниться изумленному Новикову, онъ поднялъ руку и благословилъ генерала большимъ крестомъ «во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь». Новиковъ совсѣмъ опѣшился, посмотрѣлъ на нѣхъ растерянно и видя, что священникъ читаетъ у алтара заключительную молитву, отправился въ алтарь и сталъ отбивать земные поклоны. И теперь онъ, говорить, не можетъ слышать равнодушно слово «эпитимія».

Я смѣлся, когда Ан—въ описывалъ мнѣ, какъ Новиковъ бѣгалъ потомъ отъ Заркевича. Вдругъ двери съ шумомъ распахнулись и предо мной предсталъ во всемъ генеральскомъ величьи Сергѣй Афонасьевичъ.

— Ты не знаешь? Степанъ Михайловичъ пріѣхалъ, торопился онъ подѣлиться со мной новостью, поздравляя мнѣ руку.

— Когда?

— Сегодня, пріѣхалъ онъ съ женою, остановился у меня, завтра они ѣдутъ къ сестрѣ его жены, справлять ея серебряную свадьбу, въ подмосковную, около Царицына, потомъ пріѣдутъ опять въ Москву и пробудутъ здѣсь нѣсколько времени. Пріѣзжай къ намъ сегодня обѣдать и повидаетесь съ ними.

— Съ большимъ удовольствіемъ! оти́чалъ я генералу, тѣмъ болѣе, что мнѣ давно хотѣлось повидаться со Степаномъ Михайловичемъ.

— Такъ пріѣзжай же!

— А что постройки ваши?.. Подвигаются?

— Кабинетъ мой готовъ, улыбулся Сергѣй Афонасьевичъ, какой кабинетъ! Ты изумишься, когда увидишь... Небольшой, но уютный, не хочется выходить изъ него, мы въ немъ только и сидимъ теперь. Столовую увеличили, и она тоже почти готова. Однимъ словомъ, домишко приведенъ въ порядокъ, а вотъ съ заводскимъ строеніемъ еще не скоро устроимся,—главное паровикъ еще не готовъ. Ну, ты меня извини, я тороплюсь, мнѣ нужно туда-сюда побѣгать. Прощай. Пріѣзжай же!..

И генералъ простился и величественно вышелъ.

— Охъ, ужъ это мнѣ генеральство, скорчилъ гримасу Ан—въ, безъ рисовки не ступить шагу... Человѣкъ, кажется, хорошій, а генеральство его съѣдаетъ. Смотри, года черезъ два и совсѣмъ испортится!..

— Итъ, Петръ Кирилловичъ, отвѣтилъ я ему, это человѣкъ хорошій! Жаль только, что онъ не попалъ въ колею... У него хорошие случаи были, да онъ ихъ проворонилъ, и теперь кусть лошадей...

— Такъ это знаменитый «генераль-бузнецъ»?

— Онъ самый и есть!

— Исполать ему! отчего жъ вы съ нимъ меня не познакомили?

— Поживете здѣсь—познакомитесь. Москва не клиномъ сошлась, еще не разъ столкнетесь.

Ровно въ шесть часовъ входилъ я въ кабинетъ Сергѣя Афонасьевича. Ни генераловъ, ни ихъ дамъ еще не было дома. На что Марья Федоровна, и та уѣхала куда-то за покупками, и не пріѣзжала.

Кабинетикъ оказался дѣйствительно очень маленькимъ и уютнымъ. Но это былъ скорѣе кабинетъ скромнаго молодого человѣка, а не старика-дѣловика—такъ все говорило въ немъ за молодость и ограниченность средствъ.

Я сталъ смотрѣть въ окно, на дворѣ кипѣло оживленіе. Въ бузницѣ, слышно было, ковали на нѣсколькихъ наковальняхъ, лошадей приводили и уводили, рабочіе копошились: русская жилищная сила сказывалась въ каждомъ ударѣ молота, въ каждомъ шагѣ кормильца-работника.

Но вотъ вкатили на дворъ экипажи, и оба генерала съ ихъ дамами показались на порогѣ кабинета. За ними несли различной величины и формы узлы и узелки, свертки и сверточекъ, пакки, тюрики, корзины и ящики, ящички и корзиночки, имъ же число ты, Господи, всѣхъ...

Вносили ихъ и ставили на столахъ, на диванахъ, на стульяхъ и на полу.

Мы поздоровались наскоро и принялись разбирать и повѣрять всѣ эти привезенныя сокровища Голконды.

VIII.

Генераль-бунтарь.

Долгое время разбирали дамы привезенные имъ дары Бузнецкаго моста, Городскихъ рядовъ и Охотнаго ряда.

Сергій Афонасьевичъ отправился въ свою контору, гдѣ его ожидали, для переговоровъ по дѣламъ кузницы, компаньонъ.

Мы со Степаномъ Михайловичемъ вели бесѣду въ кабинетѣ.

Генералъ Деи—ій—мужчина среднихъ лѣтъ, небольшого роста, здоровый и плотный, съ большою просьдью въ волосахъ и бородѣ. Черты лица его не крупны, но выразительны; сѣрые, пытливые, пронизывающіе насъвозъ глаза, въ минуту оживленной бесѣды, загораются какимъ-то яркимъ фосфорическимъ блескомъ и придаютъ особую выразительность вообще покойной флегматичной его физиономіи. Говорить онъ тихо и плавно. Держится съ достоинствомъ. Ни въ рѣчи его, ни въ движеніяхъ нѣтъ ни какой рѣзкости, ни выдающейся угловатости. Все въ немъ какъ будто соразмѣрено и округлено. Рѣчь его задушевна и проста, теморъ голоса мягокъ, бархатистъ и звученъ, такъ что бесѣда съ нимъ, не говоря уже о самой сути, можетъ доставить много удовольствія.

Окончивъ курсъ наукъ въ академіи генеральнаго штаба, отъ природы умный, талантливый и честный, онъ шелъ прямымъ путемъ на службу и не поладилъ съ начальствомъ. Служба его, не смотря на ученый дипломъ, была не особенно блестяща: онъ не «глоталя» какъ другіе его товарищи, чиновъ и орденовъ, не «вкунтала» отъ блюдь особаго расположенія начальства. Все, что онъ имѣлъ, получено за труды, усердіе и пользу, службъ принесенную. При первомъ серьезномъ столкновеніи съ начальствомъ, онъ оставилъ службу, купилъ въ Малороссіи небольшой клочокъ земли и поселился съ женой на хуторѣ.

Хуторъ сдѣлался цѣлью его жизни. Онъ занялся его устройствомъ. Исподволь, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ успѣлъ, съ небольшими затратами, привести его въ должный порядокъ. У него явился и небольшой, уютный, комфортабельно устроенный, жилой докъ, и всѣ хозяйственныя постройкы. Въ конюшняхъ стояли лошади, въ хлѣвахъ—скотъ, въ житницѣ—хлѣбъ. Съ трехъ-четырехъ часовъ утра онъ уже на работѣ, вездѣ самъ, всѣ распоряженія дѣлаетъ лично; все исполняется подъ непосредственнымъ его наблюдениемъ. Въ то время, когда хозяйство большихъ помѣщичьихъ пѣтъ-ій падаеть, онъ успѣлъ привести свой хуторъ въ такое положеніе, что онъ не только покрываетъ всѣ расходы, но и приноситъ еще небольшой чистый докъ.

«Бунтаремъ» его прозвалъ другъ пріятель, тоже генералъ Михаилъ Павловичъ Скрыбинъ. Однажды, это было, впротчемъ, давно,

когда оба они состояли въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, прибѣгаетъ къ Скрабину, служившему тогда въ главномъ штабѣ, Ден—ий, и начинаеть доказывать пользу какой-то интересовавшей его жѣры. Скрабинъ отказалъ ему въ своемъ содѣйствіи.

— Ну, такъ мы будемъ бунтоваться, отвѣтилъ Ден—ий, имѣя въ виду начальство, отъ котораго исходило представленіе.

— Бунтуйтесь, а мы будемъ свое дѣло дѣлать, разсмѣялся Скрабинъ, и съ тѣхъ поръ не называлъ Ден—аго иначе, какъ «бунтаремъ».

Послѣ его размолвки съ начальствомъ и выхода въ отставку, товарищи вспомнили эту товарищескую шутку и называли Степана Михайловича «генераль-бунтарь».

— Ну, что у васъ тамъ дѣлается? хаосъ царить? вопрошаетъ меня «генераль-бунтарь».

— Разумѣется, что же иначе и можетъ быть безъ васъ, отвѣчаю я въ тонѣ вопроса, шутливо.

— Командиръ исполняетъ обязанности начальника штаба, а начальникъ штаба — командира, помощникъ тамъ и здѣсь, такъ что-ль?

— Да вѣдь я давно изъ Питера, не знаю, такъ-ли..

— Ну, не верти хвостомъ, не верти!.. Намъ распекаютъ васъ нынче еще больше?

— Да, ваше пр—во, распекаютъ исправно...

— Когда начальникъ отдѣленія идетъ съ докладомъ, говорятъ, что его за подобный докладъ повѣсить надо?.. говорятъ?..

— Право, не знаю...

— Когда служащій, не просто служащій, а въ чинѣ, идетъ откланиваться, уѣзжая въ отпускъ, говорятъ ему, кивая головой: «скатертью дорога?.. говорятъ?.. а?»...

— Да позноте, ваше пр—во...

— А черновыя резолюціи заготовляютъ для начальства?..

— То есть, какія «черновыя резолюціи»?..

— Такія, какія нужно дать по иному представленію или запросу, а генералъ, читая бумагу, не знаетъ, что отвѣтить и только стучитъ саблей...

— Эхъ, ваше пр—во, да кому иногда не подсказываютъ... Бисмарекъ, и тотъ, говорятъ, позволяетъ высказываться подчиненнымъ.

— Молодцы вы все, посмотрѣть на васъ, чутъ что — сейчасъ

ссылка на Бисмарка, и попрось разрѣшенъ... Однако, есть же какія нибудь новости...

— Какъ не быть!.. новостей всегда много... только новости бываютъ разныя—пріятныя и непріятныя, какихъ желаете?

— Ну, рассказывай сперва пріятныя.

— Самой капитальной новостью для насъ съ вами должно быть движеніе въ Закаспійской области... Алихановъ орудуешь... Можетъ быть онъ не удовольствуется занятіемъ Пенджа и двинется далѣе къ Паранамизу.

— Алихановъ—хорошій офицеръ, и если бы не Комаровъ стоялъ теперь на границѣ Афганистана, а пріятель мой, покойный Скобелевъ, можно бы ручаться, что дѣла наши вышли бы во сто кратъ блистательнѣе...

— Но вы забываете, что генералъ Земеденъ выдвинулъ англійскіе аванпосты за Паранамизъ и тоже скалитъ зубы на Гератъ.

— Вотъ это-то и есть ошибка... Какъ можно допускать англичанамъ появляться на нашихъ границахъ съ Персїей и Афганистаномъ. Покойный Императоръ Александръ II, отпуская Скобелева подъ Геокъ-Теле, сказалъ: «Я не допущу на нашихъ границахъ съ Персїей иного преобладающаго вліянія, кромѣ русскаго». Или слова эти забыты? или они не обязательны для насъ?.. Будь Скобелевъ живъ, мы-бы, навѣрное, не краснѣли теперь...

— Но позвольте, нельзя же рисковать войной съ Англіей...

— Наша уступчивость и нерѣшительность можетъ послужить поводомъ къ несогласіямъ съ Англіей, а не быстрыя рѣшительныя мѣры. Державинъ еще сказалъ: «гдѣ нужно дѣйствовать мечомъ, нельзя махать руками».

— Онъ советъ не такъ сказалъ.

— Все равно: смыслъ тотъ же. Я говорю, что Скобелевъ, на мѣстѣ Комарова, дѣйствовалъ бы много энергичнѣй и, можетъ быть, мы теперь стояли бы въ Гератъ... Ты знаешь-ли, какая это штука! Займи мы въ 1877 г., вопреки настоянію англичанъ, Галлполи и Царьградъ, мы не мѣтали бы Берлинскаго трактата. Займи мы теперь Гератъ—у насъ его, т. е. этого проклятаго трактата, не будетъ... англичане первые предложатъ разорвать его...

— Ну, ужъ вы не слишкомъ-ли много придаете значенія Герату?.. Видъ это только первый этапъ на пути въ Индію, тогда какъ Царьградъ стоитъ всей Индіи...

— За Герать англичане отдадутъ Царьградъ. И такъ, чтобы имѣть Царьградъ, нужно взять сперва Герать... И Скобелевъ это понималъ. Нужно знать Скобелева, какъ я его зналъ, чтобы безошибочно судить о значеніи для насъ Средней Азій... Въ Средней Азій мы преслѣдуемъ цѣль всеславянства и только тамъ можемъ ихъ достигнуть, если будемъ идти стезей, завѣщанной намъ незабвеннымъ Михаиломъ Дмитриевичемъ.

— Это, мнѣ кажется, не вполне вѣрно...

— Скобелевъ началъ свою карьеру и окончилъ ее въ Средней Азій. Онъ сказалъ, что мы войдемъ въ Константинополь не тѣмъ путемъ, которымъ шли доселѣ, а другимъ... понимаешь-ли ты это?... И авторитетъ Скобелева едва ли мы съ тобой можемъ оспаривать...

— Что такое оспаривать? зарокоталъ влѣтѣвшій какъ бомба въ кабинетъ Сергій Афонасьевичъ и, не дожидая отвѣта, потащилъ насъ въ столовую, гдѣ была приготовлена роскошная закуска и на столѣ дымялись малороссійскія пельмени.

И тому, и другому мы оказали достоюющее вниманіе. Разговоръ на время смолкъ. Но лишь первые потребности желудка получили желаемое удовлетвореніе, генералы заговорили съ большой живостью.

Сергій Афонасьевичъ не особенно одобрительно отозвался о дѣятельности Скобелева въ Туркестанскомъ краѣ и назвалъ его «невозможнымъ администраторомъ».

Степанъ Михайловичъ оправдывалъ его «крайнія мѣры» обстоятельствами, въ которыхъ находился край, и высказалъ ту мысль, что сохраненіемъ Россіи Туркестана, въ 1875—76-мъ годахъ, мы обязаны исключительно Скобелеву.

— Послѣ хивинскаго похода, началъ «генералъ-бунтарь», генералъ Кауфманъ опустился. Въ управленіи краемъ замѣтно стали проявляться апатичность и вялость. Между тѣмъ въ мусульманскомъ населеніи происходило глухое броженіе. Коканскій ханъ Худояръ сообщилъ въ 1875 г. генералъ-губернатору, что сарты ханства не подчиняются его повелѣніямъ, вслѣдствіе чего генералъ Кауфманъ командировалъ въ Коканъ Скобелева, бывшего тогда еще въ чинѣ полковника, съ сотней казаковъ. Прибывъ туда, Михаилъ Дмитриевичъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Автобачи Абдурахманъ-ханъ, главнокомандующій коканскими войсками, возмутился противъ своего повелителя и двинулся къ Кокану. Не имѣя возможности противустать собраннѣмъ бунтовщикамъ силами, Ху-

дояръ-ханъ отдался подъ покровительство Скобелева и, подъ конвоемъ его казаковъ, выѣхалъ изъ Бокана въ Ташкентъ. Всѣ дороги изъ Бокана были заняты скопищами Автобачи, и Худояру едва удалось уйти какимъ-то горнымъ путемъ, указаннымъ бѣглымъ русскимъ солдатомъ, находившимся при дворѣ Худояра. Бѣгство Худояра было такъ поспѣшно, что онъ не успѣлъ взять съ собой всѣхъ женъ и накопленныхъ имъ богатствъ. Автобачи бросился въ погоню, но, видя русскій конвой, не рѣшился воспрепятствовать бѣгству силою, хотя не упустилъ случая отбить ночью нѣсколько арбъ съ ханскими золотомъ. По вступленіи же Худояра на русскую территорію, Автобачи провозгласилъ ханомъ сына Худояра—Ханъ-Заде и сталъ проповѣдывать священную войну противу русскихъ. Край заволновался. Въ Ташкентѣ, мѣстопробываніе генералъ-губернатора, подъ видомъ мирныхъ гражданъ, проникло до двухъ тысячъ вооруженныхъ сарбазовъ изъ числа сконищъ Автобачи, которые и укрылись среди магометанскаго населенія города. Между тѣмъ Автобачи, объявивъ газаватъ, осмѣлился произвести набѣгъ на русскую территорію. Онъ извѣлъ штурмомъ два небольшихъ укрѣпленія на нашей границѣ и осадилъ своими скопищами Ходжентъ. Градоначальникъ Ташкента, полковникъ Медвѣдскій, заявилъ генералъ-губернатору, что, по сѣдѣніямъ, полученнымъ отъ аксакаловъ, онъ не можетъ ручаться за спокойствіе столицы нашего Туркестана. Всѣхъ русскихъ, находившихся въ городѣ, вооружили и образовали стражу, а находившіяся подъ руками войска, тысячи четыре человекъ, подъ командою генерала Головачова, послали на выручку Ходжента. Скобелевъ начальствовалъ авангардомъ, а артиллеріей—полковникъ Ермоловъ, сынъ Алексѣя Петровича. Послѣ двухъ битвъ, осада Ходжента была снята, и многочисленная, фанатичная скопища Автобачи отступили въ предѣлы ханства и укрылись подъ укрѣпленіями Махрама. Скобелевъ и Ермоловъ преслѣдовали ихъ по пятамъ и, не давая имъ возможности оправиться, бросились на крѣпость и овладѣли ею съ боя. Тутъ Скобелевъ дѣйствительно поступилъ жестоко. Вся масса бунтовщиковъ до пятнадцати тысячъ и все населеніе крѣпости—мужчины, женщины и дѣти были перебиты или сброшены съ утеса въ Сырь-Дарью. Жители Чиназа заявляли потомъ, что трупы плыли по рѣкѣ мимо города въ продолженіи семи дней. На вопросъ Головачова, почему онъ не пощадилъ женщинъ, Скобелевъ отвѣтилъ: «Какъ я могъ сдѣлать это, когда въ битвѣ женщины держались за мужчинъ, а мужчины хватались за женщинъ». Въ Ко-

ханъ, между тѣмъ. Ханъ-Заде былъ убитъ, и Булатъ-Ханъ провозгласилъ себя правителемъ ханства. Генералъ Кауфманъ, стянувъ части войскъ изъ Самарканда и другихъ городовъ, двинулъ ихъ въ Коканъ и, наконецъ, прибылъ въ лагерь самъ. Между тѣмъ Автобачи отретировался изъ Наманганъ, противъ его погнали съ частью войскъ генерала Троицкого, который проигралъ битву и отступилъ. Тогда Кауфманъ вынужденъ былъ послать Скобелева и полковника Ермолова. Два штурма были сдѣланы на крѣпость, улицы которой оказались забаррикадованными,—и только благодаря отчаянному мужеству солдатъ, обходившихъ завалы по плоскимъ крышамъ сакль, послѣдній удался. Но самъ Автобачи успѣлъ бѣжать изъ Ошъ. Скобелева отправили для преслѣдованія скипичъ мятѣжниковъ, отступившихъ въ горы сѣверо-восточной части Кокана, во время котораго, онъ уничтожилъ за ибромелство нѣсколько кишлаковъ, сранилъ ихъ съ землей и перебилъ всѣхъ жителей, наконецъ достигъ самого Автобачи, разбилъ его изъ двухъ схватокъ и занялъ Коканъ. Здѣсь Булатъ-ханъ и его соумышленники были судимы и казнены. Высѣяны для нихъ поставили смотря по назначенію каждаго. Кто имѣлъ большее значеніе, тому и высѣянца воздвигалась выше. Булата-хана похоронили на самой высокой высѣяницѣ. Эти мѣры только и могли смирить мусульманскій фанатизмъ. Коканъ, по его занятіи, присоединенъ къ Россіи и переименованъ въ Ферганскую область. Скобелевъ произведенъ въ генералы и назначенъ военнымъ губернаторомъ области. Долго еще, почти весь 1876 годъ, пришлось ему возиться съ неутомимымъ Автобачи, вѣдшимъ партизанскую войну, и только благодаря своей энергіи и неутомимости, онъ могъ одолѣть своего соперника. То и дѣло получались донесенія о нападеніи шакъ Автобачи, и Скобелевъ тотчасъ бросался въ сѣдо и съ казаками мчался на выручку. Налеталъ, настигалъ и разбивалъ соперника, но война не прекращалась. Автобачи то тамъ, то здѣсь появлялся во главѣ своихъ сартовъ, на бѣлой лошади, въ красной бархатной халатѣ и зеленой чалмѣ, и тревожилъ наши войска; за его голову была даже назначена награда, но онъ всегда ускользалъ, и только въ началѣ 1877 года, когда всѣ средства его истощились, сдался на милость Вѣлаго Царя. Его отправили въ Оренбургъ, а затѣмъ поселили въ Калугѣ, въ томъ домѣ, гдѣ жилъ когда-то Шамиль, гдѣ онъ благодумствуетъ и помышляетъ. Такъ потъ какими средствами достигаютъ извѣстныхъ цѣлей. Если мы желаемъ сохранить влияние на подчинившихся намъ меркентъ, солоронъ и сарыковъ, то намъ нужно дѣйстви-

вать настойчиво, твердо и решительно: азиатскія племена уважають только силу, и если замѣтить въ насъ колебаніе и слабость, то надѣлають много хлопотъ, въ особенности теперь, когда у насъ подъ боконъ Афганистанъ. А съ рыжими варварами церемониться нечего — вѣдь рано или поздно, столкнуться съ ними придется. Не лучше ли теперь, когда у нихъ руки не совѣтъ свободны...

— Степанъ Михайловичъ, вы совѣтъ застудили вареники, тоскливо заплясать Марья Федоровна, дайте вашу тарелку, я вамъ положу горячихъ.

— Да, ваше пр—во, поддерживаю я предложеніе хозяйки, займемся сначала варениками, а потомъ уже будемъ рѣшать вопросъ о Геритѣ.

— Ничего не имѣю противъ этого, отшучивается «генералъ-бунтарь», а все-таки, что ни говори, а Скобелева замѣнить у насъ некому...

— Знаете ли, ваше пр—во, замѣчаю я, отирая въ ротъ горячіе вареники, что не только мы съ вами, но даже простой людъ жалѣетъ Скобелева. Послѣ похоронъ его, въ селѣ Спаскомъ, когда прѣхавшіе съ его тѣломъ изъ Москвы пришли на другой день отдать послѣдній прощальный поклонъ могилѣ покойнаго, они нашли старика крестьянина молящимся у могилы. Сдѣлавъ земной поклонъ, онъ всталъ, снялъ съ себя серебряный крестъ и промолвилъ: «вотъ все мое богатство отдаю тебѣ, кормилецъ нашъ», надѣлъ его на образъ у могилы покойнаго и ушелъ, заливаясь слезами. Вотъ подобное приношеніе простаго мужика гораздо краснорѣчивѣе говорить за скорбь о смерти Михаила Дмитриевича, чѣмъ итъ наши громкія фразы и слова.

— Хорошо сказано! одобрилъ «генералъ-кузнецъ», и по этому случаю, я предлагаю выпить по рюмкѣ потъ этого маслянистаго портвейна.

И рюмки были наполнены и пошли по рукамъ.

— А, что, Степанъ, обратилась супруга «генерала-бунтаря» къ мужу, не съ Автобачи ли Скобелевъ взялъ примѣръ бѣзить передъ войсками въ бою на бѣлой лошади?

— Безъ всякаго сомнѣнія, отиѣчалъ Степанъ Михайловичъ, небреженію жизнью еще мы можемъ поучиться у азиатско-мусульманъ. Всѣ они фаталисты, и потому идутъ въ опасность съ увѣренностью, что будетъ то, что быть должно. И дѣйствительно, сѣ-

ной случай поддерживать ихъ убѣжденія. Возьмемъ, положимъ, Антошани, гдѣ бы онъ ни появлялся, наши стрѣлки его встрѣчали градомъ пулъ, кругомъ налягъ люди, а онъ цѣль и невредимъ. Не разъ Скобелевъ обращался къ стрѣлкамъ со словами: «ребята, сто рублей тому, кто ссадитъ съ коня этого молодца!» Трахъ, трахъ! пули летятъ, а онъ сидитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало на бѣломъ конѣ и дѣлаетъ свое дѣло. Скобелевъ спроситъ солдатъ: «что это ребята съ вами? вы не попадаете на такомъ близкомъ разстояніи»? «Эхъ, ваше в—дѣе, отвѣчаютъ солдаты, корысть-то проклятая застѣтъ... Хочется сто рублей заслужить — и перецѣлишь... Вонъ она, проклятая пуля-то ссадила не его, а другого»... Это понималъ Скобелевъ и продѣлывалъ потомъ тоже самое самъ въ сраженіяхъ съ турками и туркменами...

— Но не довольно ли, господа, о Скобелевѣ, выѣмнивается въ разговоръ Марія Федоровна, расскажите лучше, Степанъ Михайловичъ, какъ вы устроились? какъ поживаете?..

— Теперь, слава Богу, могу сказать, что устроился, отвѣчалъ генералъ Ден—иі, мой хуторъ отстроенъ окончательно, въ будущемъ году придется только покрастись... А живемъ, признаться, сказати, хлопотно, вѣдь мы съ женой нездѣ сами. Встаемъ рано, часа въ четыре, я натягиваю мои длинныя охотничьи сапоги и наконный «сннжакъ», а она — кофту, и за работу. Я — на постройку, въ конюшню, въ амбаръ, въ поле, или въ лѣсъ, слоню туда, гдѣ идетъ работа, а она — на скотный дворъ, въ птичникъ или кладовыя, да такъ до обѣда и возимся. Пообѣдаемъ — опять за дѣло: пріемъ, учетъ, распоряженія на утро, отправка, расчеты; въ десять же часовъ мы уже спимъ. При этомъ я самъ лично работаю, наприкладъ, когда хуторъ строили, я самъ столярничалъ, сдѣлалъ самъ всѣ двери и рамы для хутора. Окраску внутри, оклейку обоями тоже произвожу самъ. Пашутъ, косятъ, жнутъ — я самъ цѣлый день съ рабочими въ полѣ, все вижу, все знаю, и все направляю.

— Цинцициать! чистый Цинцициать вынесъ изъ тебя, Степанъ Михайловичъ, засмѣлся «генералъ-кузнецъ», такъ что скоро нужно ожидать, явится къ тебѣ депутація съ просьбой о принятіи командованія нашими средне-азіатскими легіонами.

— Да, братъ, только такимъ манеромъ и можно теперь жить въ деревнѣ: «Свой глазъ — алмазъ, а чужой — стеклышко», говоритъ пословица, и совершенно вѣрно: свои глаза да свои руки

только и дают доходъ. Хотя бы у меня за нынѣшнее лѣто, под- считалъ я доходу чистаго за всѣми расходами почти триста рублей, да полонинный пенсіонъ, потъ и жить можно. Кроме того, въ ам- барѣ лежитъ еще пшеница, теперь цѣны дешеры, оставилъ до весны, ста на три, на четыре продамъ, потъ это уже чистый барышъ. А другіе хозяева въ убытокъ работали, потъ ты тутъ и смѣйся, го- лубчикъ...

— А сосѣди помѣщики есть? спрашиваетъ генерала Ден—аго Марія Федоровна.

— Мелкопомѣстные еще кое—гдѣ держатся,—отвѣчалъ «генералъ-бухатаръ», — дѣлаться некуда, а крупныхъ нѣтъ. или управителя, или арендаторъ сидитъ на землѣ.

— А въ общественную службу васъ, ваше пр—во, еще не выбрали? спрашиваю я генерала Ден—аго.

— Дворянскихъ выборовъ еще не было, и если предложить мнѣ какой нибудь постъ дворяне, я пойду служить имъ, потому что теперь дворянство, какъ старое лыя, каждый оселъ лгастъ, ему необходима поддержка всѣхъ честныхъ и здравомыслящихъ людей. Что же касается земства, то слуга покорный, но крайней мѣрѣ, въ настоящее время я съ нашими земцами никакого дѣла имѣть не желаю: вѣдь это—все кулаки, и у всѣхъ у нихъ цѣль одна—какъ бы присоединиться къ земскому широгу, какъ бы руку занести въ поглубже въ земскій сундукъ. Что же тутъ можетъ быть общаго между нами и мною? Я живу традиціями доблестнаго стараго времени и помню слова великаго Фридриха: «Выше всего честь. Утрата ея — неизмѣримое лишеніе, не легко переносимое. Для нея надо всѣмъ жертвовать—имуществомъ и жизнью». Я усвоилъ эти слова и считаю ихъ однимъ изъ догматовъ вѣры. Измѣнить тако- му моему понятію или поступиться имъ—я не могу: мы воспитаны въ кадетскихъ правилахъ—«честь прежде всего». Развѣ это доступно кулаку? Развѣ онъ пойметъ, что честь есть стимулъ всей жизни? Ему нужны только деньги, а какъ ихъ достать — безраз- лично—только бы достать. Гдѣ же тутъ можетъ быть точка сопри- косновения между нами? Весной исполнится сто лѣтъ со времени пожалованія намъ Екатериной дворянскихъ правъ. Тогда мы, можетъ быть, соберемся, обсудимъ наше положеніе и до чего нибудь дого- воримся. А теперь ждать надо...

— Да, надо ждать, вздохнулъ «генералъ-кузнецъ», ждать, пока правительство не сдѣлаетъ чего-нибудь, чтобы поднять нашъ духъ,

какъ говорилъ Наполеонъ III, на высоту обстоятельствъ... Въдъ не все же этотъ пресловутый либерализмъ, какъ пѣтухъ крыломъ, будетъ бить насъ.

— Да развѣ государство мыслимо безъ поддержки высшихъ слоевъ общества, перебилъ «генералъ-бунтарь» «генерала-кузнеца», а эти высшіе слою что же такое, какъ не мы, дворяне?.. А если нужна наша поддержка, то, въ свою очередь, поддержать нужно и насъ... И чего мы просимъ? Поддержки нашему экономическому положенію,—и ничего больше... Мы можемъ помприться съ бѣдностью, но дойти до нищеты ужасно... И развѣ дворянскій пауперизмъ въ цѣляхъ правительства?.. Въдъ только гг. Безобразовы и Ламанскіе, набившіе свои карманы Богъ знаетъ какими средствами, могутъ проповѣдывать и наше обезземеліе, и наше обнищаніе... Сытый голодного не разумеетъ!..

— Степанъ Михайловичъ, вы не изволили притронуться къ вашей индѣйкѣ, говоритъ Марья Федоровна, или наша индѣйка, послѣ кормленыхъ хуторскихъ, вамъ не нравится.

— О, нѣтъ, милая хозяйка, извиняется генералъ Ден—ій, я заговорился, и индѣйкѣ, въ свою очередь, достанется какъ слѣдуетъ, а въ долгу ни у кого оставаться не привыкъ.

— Что вы скажете на счетъ введенія холостей согласно предположеніямъ казановской комиссіи? пытаю я «генерала-бунтаря».

— Если выборъ его будетъ предоставленъ дворянамъ, — жѣра полезная, и мы всѣ ей сочувствуемъ горячо... Если же допустить всесословность выбора,—то жѣра эта будетъ самой горшею... Довольно уже распинаютъ насъ разношнцы—мпровые, а если еще въ административномъ и экономическомъ отношеніяхъ поднимать насъ такимъ же шалыгачамъ, тогда нужно будетъ землю бросить и бѣжать безъ огляды... Пѣтъ, Боже насъ сохрани отъ этого!..

— Степанъ Михайловичъ, фруктовъ не желаете ли? угощаетъ хозяйка.

— Пѣтъ, сладостей я никакихъ не вкушаю, Марья Федоровна, отпѣчалъ генералъ, вотъ если бы покурить позволили.

— О, тогда пожалуйста въ гостиную, кофе и десертъ я всю подать туза, отозвалась, вставая изъ-за стола, хозяйка.

— Пѣтъ, зучше въ кабинетъ, выѣхался Сергій Афонасьевичъ.

П мы всей толпой перокочевали въ кабинетъ добродушнаго «генерала-кузнеца».

IX.

Въ кабинетъ.

Въ кабинетъ Сергѣй Афонасьевичъ расположился у стола въ креслѣ, а сѣлъ на стулъ, а Степанъ Михайловичъ опустился на мягкій турецкій оттоманъ. Подали кофе. Закурили сигары. Нѣсколько времени длилось молчаніе. Собесѣдники предались наслажденію вдыханія полной грудью и выдыханія ароматнаго табачнаго дыма и созерцанію выпускаемыхъ изъ рта дымящихъ клубовъ и колець. Дамы удалились во внутренніе апартаменты.

— Да, дѣла!.. загонорилъ вдругъ какъ то меланхолично «генералъ кузнецъ», хотя бы съ этими нашими дальними окраинами, не умѣемъ мы справляться какъ слѣдуетъ!.. Хотя бы вотъ Ташкентъ! чтобы распорядиться тамъ по-человѣчески: нѣтъ, всегда пересолимъ или недосолимъ. Возьмемъ для примѣра, хоть бы Кауфмана, генералъ умный, образованный, выдавшій виды, а сколько онъ тамъ ерундилъ, только Аллахъ одинъ вѣдаетъ. Да и окружающіе то его были хороши. Какъ будто ужъ и выбора лучшаго слѣдуетъ было невозможно... А каждый ихъ кунитникъ тамъ вредилъ обаянію Россіи: сарты тоже вѣдь народъ себѣ на умъ!.. Не даромъ, въ послѣднее время его управленія, когда онъ по пріѣздѣ изъ Петербурга, принималъ представителей мѣстнаго населенія и говорилъ имъ, что онъ всѣ силы и здоровье положилъ на служеніе Царю и интересамъ края, одинъ сартъ, отвѣтилъ ему: «что подѣлать, акъ-паша! стара стала, глюпа стала, пора на покой»!.. Можетъ быть старикъ мусульманинъ высказалъ это, желая передать ему свое сожалѣніе. Но были и факты, дававшіе поводъ мѣстному населенію посмѣиваться надъ нашими затѣями и неумѣlostью. Припомнимъ только учрежденіе въ Ташкентѣ ярмарки. Куры и тѣ смѣялись, говорить. Кауфманъ, соблазнившись успѣхами Нижегородской ярмарки, задаясь грандіозною мыслію—создать ей достойную соперницу въ центрѣ Средней Азіи. Ташкентъ, какъ извѣстно, транзитный пунктъ, чрезъ который слѣдуютъ караваны съ товарами въ Россію и изъ Россіи. Здѣсь онъ предположилъ устроить ярмарочныя зданія и открывать два раза въ годъ ярмарку съ 1 апрѣля по 1 мая и съ 1 октября по 1 ноябрю. Составилъ комиссію для устройства ярмарки подъ предѣлительствомъ полковника Глуховскаго, помните, чай, этого enfant terrible,

Саму Глуховского, и комиссія постаралась. На берегу рѣки Солоры, близъ города, заняли площадь, версты двѣ пространства, построили на ней изъ жженого кирпича ярмарочныя зданія—комитетъ, полицію, ряды, лавки и караулы-сарай. Ухлопали болѣе 300.000 р., и въ 1870 г. ярмарку предположили открыть. Начальникъ края, сѣвѣозарный какъ вѣстникъ побѣды, приказалъ оповѣстить о томъ населенію; и вотъ, къ 1 октября, съѣхалось нѣсколько нашихъ купцовъ и до 30.000 человекъ сартовъ, но безъ товаровъ, такъ болыне, изъ любопытства. Вся эта масса расположилась вокругъ ярмарочнаго двора, лагеремъ. Наступилъ день открытія. На высокомъ курганѣ, господствующемъ надъ ярмарочными зданіями, поставлены были шатры для молебствія и торжественнаго завтрака, на устройство котораго была сдѣлана подписка, и Глуховской, между прочимъ; подписали пять тысячъ рублей. Все шло отлично. Кауфманъ пріѣхалъ въ часть дня, отслужили молебенъ, освятили зданія, съѣли завтракъ и выпили. Кауфманъ скоро уѣхалъ. Остались купцы, строители и штабъ. Тутъ были начальники: штаба—Дандениль, артиллеріи—Жаринонъ, инженеровъ—Шлейферъ, интенданства—Польманъ, губернаторъ—Троицкій, полковники: Мозель, Глуховской, Мейеръ, и вся притѣкающая братія. Началась попойка, попойка кавказская—безъ сертуконъ, пили, плясали, пѣсни пѣли, музыка играла, казаки джигитовали, однимъ словомъ, все прохлывали, что слѣдуетъ прохлывать въ торжественномъ случаѣ. Туземцы, всей массой собирались вокругъ и любовались русскимъ гостепріимствомъ, молодечествомъ, удалью. Вдругъ, въ самый разгаръ пѣра, Дандениль, по поводу какого то обстоятельства, позволялъ себѣ непочтительно отозваться о пѣмцахъ. Мейеръ и еще какой то офицерикъ изъ пѣмцевъ протестовали. Начался споръ, кончившійся страшною ссорой. Я не буду припоминать ея подробностей, такъ они скандальны. Но скажу только, что Дандениль былъ на утро высланъ изъ Ташкента въ 24 часа. Глуховской улетѣлъ потопъ. Прочіе участники получили слѣдующее каждому по дѣломъ его возмездіе. Но затѣя съ ярмаркой погибла. Туземцы, видѣвши эту ссору воочию, не пожелали болѣе собираться на ярмарку. Никакія понужденія полиціи не могли помочь дѣлу. Ярмарочныя постройки изъ года въ годъ пустовали и только когда убѣдились, что ярмарка существовать не можетъ, ихъ продали на сломъ. Вотъ она какова наша торговая политика на окраинахъ.

— Ваше пр—во, пощадите, возразилъ я генералу, ошибка свойственна даже гениальному человеку.

— Да, вы, петербуржцы, все сваливаете на ошибку да на несовершенство человеческой натуры! извиль меня проныбю Сергѣй Афонасьевичъ. Ошибайтесь съ нами, мы поворчимъ, поворчимъ, но и поймемъ, что это ошибка. А тамъ народъ первобытный, народъ, который не понимаетъ, или не хочетъ понимать вашихъ ошибокъ, а принимается каждое ваше слово, каждое дѣйствіе въ серьезъ. Тутъ нужно дѣйствовать крайне осторожно, нужно выбирать людей, которые бы не покривляли достоинство Россіи.

— Очень жаль, ваше пр—во, смѣюсь я, что насъ съ вами не послали туда.

— Да ты зубы то не скаль! мы то, можетъ быть, и не поѣхали бы туда сами... мы свои силы и способности знаемъ, и чествуемъ своей дорожнью!.. А кто этого не понимаетъ, тотъ можетъ ѣхать...

— Ну, а Чернышевъ? вставилъ свое слово Степанъ Михайловичъ, что же онъ, по вашему, плохъ былъ, что ли?

— Плохъ, не плохъ, да и хорошаго мало, вздохнулъ Сергѣй Афонасьевичъ. Люблю я Михаила Григорьевича, а дѣятельность его тамъ тоже не одобряю. Не понималъ онъ своей миссіи, своей грандіозной задачи—не завоевателя, а миротворца края!.. Вотъ тутъ ошибка, и ошибка тѣмъ болѣе ему, Михаилу Григорьевичу, второму русскому Скопину, несвойственная.

— Въ чемъ-же ошибка-то ваше пр—во?

— Повелъ себя не такъ. Вскочка, попалъ въ сеньоры—голова закружилась... Самъ чортъ—не брать! ну, и достукался.

— Да и всѣ почти тоже...

— Итъ, Михаилъ Григорьевичъ ухитрился обособиться... и въ самой средѣ понадуловъ обиндидуимиться!.. Представъ себѣ, онъ, русскій элементъ, кромя кучки близкихъ, привезенныхъ имъ съ собой добродѣтелей, въ край игнорировалъ, знать не хотѣлъ... людей видѣлъ только въ сартахъ, и куралесилъ. Но пріѣздъ въ край, въ городахъ, когда ему представлялись совѣтъ и русскія власти, и сарты, лишь принималъ первыхъ съ ледяной холодною, если еще не хуже, а сартамъ жалъ руки и любезничалъ съ ними. За тѣмъ, забилъ себѣ въ голову, что все сдѣланное въ край его предшественникомъ душно и требуетъ уничтоженія, или, по крайней мѣрѣ, перемѣны.

Но позвольте ваше пр—во, вѣдь это—общая черта всѣхъ нашихъ общественныхъ дѣателей, начиная съ гигантовъ и кончая пигмеями.

— Постой, не перебивай!.. онъ явился въ край, не имѣя по-

нѣтѣи о томъ, что совершилось тамъ за послѣднее время, т. е. современи удаленія его оттуда въ 1866 году, и началъ зомать лсе, руководясь не потребностью, а такъ, личнымъ изглядомъ, «своимъ собственнымъ усмотрѣнїемъ», выражаясь канцелярскимъ слогомъ.

— Въ чомъ-же именно это выразилось?

— Во многомъ, другъ мой, и я всего разсказать не могу, такъ какъ на это потребно нѣдѣли двѣ времени, но возьмемъ то, что прїѣхать на память сразу. Во-первыхъ, въ Ташкентѣ, на устройствѣ сада при своемъ домѣ, генералъ Кауфманъ истратилъ до 10,000 руб. Тамъ были выкопаны пруды, насыпаны горы, по праздникамъ играла музыка и гулялъ народъ. Черняевъ садъ заперъ, горы скрылъ, и землей этихъ горъ завалилъ пруды, музыку запрѣтилъ и гулябще уничтожилъ. Устроенную Кауфманомъ, съ большими затратами, публичную библиотекку закрылъ; нелюбовн къ Кауфману простиралась до того, что онъ хотѣлъ вырыть прахъ его, погребенный, какъ извѣстно, на городской площади, противъ построенной покойнымъ гимназїи, и перенести его на кладбище, да къ счастью, его отговорили.

— Но это все неважно...

— Важнаго на свѣтѣ ничего нѣтъ. Все неважно, и вмѣстѣ съ тѣмъ важно, и, наоборотъ,—какъ кто смотритъ. Онъ не признавалъ извѣстныхъ формъ управленія краемъ. Обѣзжая край, на что употреблялъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ году, онъ не оставлялъ вмѣсто себя ничего, для подписи бумагъ, а посылать бумаги къ нему за тысячиверстными разстоянїя оказывалось невозможнымъ. Такимъ образомъ дѣлопроизводство останавливалось, доклады и министерскїя бумаги лежали безъ подписи, они накапливались сотнями и никакого движенія дѣламъ не давалось. Денежныя выдачи, зависѣвшїя отъ его разрѣшенїй, прекращались и въ управленїяхъ царилъ хаосъ. Самый возрвать его немного помогалъ дѣлу. Бумагъ къ подписи лежало столько, что онъ не рѣшался читать ихъ и подписывалъ только тѣ, которыми нельзя было долѣе задерживать. Онъ подписалъ проекты новыхъ штатовъ своего управленія, и потому телеграфировалъ въ Петербургъ, что хотя онъ подписалъ, но проекты принадлежать не ему, а начальнику штаба.

— Что-жъ такое! Вѣдь онъ не бумажный генералъ; москвичи совершенно справедливо считали его въ числѣ четырехъ русскихъ стратеговъ; дали бы ему дѣло военное, онъ бы распорядился какъ слѣдуетъ.

— Онъ и то распоряжался по-военному. Уѣхать изъ Ташкента и гдѣ находится—никто не знаетъ. Уѣхалъ разъ въ Петро-Александровскъ, а прошло нѣсколько времени—читаютъ въ газетахъ,—онъ уже обѣщаетъ въ Астрахани, а спустя немного времени уже и въ Москвѣ на коронаціи. Между тѣмъ край остался безъ хозяина, блуждаетъ его самъ Аллахъ. Изъ Петербурга шлютъ запросъ: «гдѣ командующій войсками?» отвѣчаютъ: «въ степи, но гдѣ именно—не знаемъ». А стоишь-то эта оказывается Москвой. Хорошо?

— Хорошо? конечно, хорошо... Онъ открылъ новый путь отъ Кунграда до Мертваго Култука, ну такъ, нужно же было заявить объ этомъ кому слѣдуетъ.

— Но, чтобы поѣхать заѣздить, нужно было получить разрѣшеніе. А онъ потребовалъ изъ Астрахани въ Мертвый Кулукъ пароходы и отправился безъ всякаго спроса. При этомъ случился такой казусъ: пароходчику нужно было заплатить за перѣздку 3.000 руб. Чернишевъ, по обыкновенію, и потребовалъ ихъ отъ казны, но казна денегъ не отпустила, замѣтивъ ему скромно, что онъ оставилъ избранный ему край, не спросивъ на то Высочайшаго позволенія, и прибылъ на коронацію безъ приглашенія.

— Да, это неловко.

— На обратномъ пути изъ Москвы онъ телеграфировалъ какому-то флотскому офицеру бывшей Аральской флотиліи приготовить пароходы для его проѣзда отъ Перовска до Казалинска. Приготовили, отъезжали, израсходовали на топливо 500 пудовъ саксаула, требуютъ за это деньги, интенданство отвѣчаетъ, что флотилія считается давно упраздненной и кредиты на ея содержаніе закрыты. Это второй казусъ. Впрочемъ, всё вообще кажется кредиты по Туркестанскому краю, во время его управленія, получили такую тасовку, что служащимъ играть въ карты было свободно.

— Но это, вѣроятно, недоразумѣніе.

— О, конечно, недоразумѣніе!.. но недоразумѣній оказывалось слишкомъ много. Самыми важными недоразумѣніемъ было то, что онъ, разойдясь съ петербургской администраціей, заявлялъ объ этомъ въ Ташкентѣ съ такими апломбомъ, какъ будто совершилъ какой-то подвигъ въ Интерѣ. Ну, и стали смотреть на него иначе. Представлялись, напирялись, онъ саргонъ къ наградамъ за прорытіе канала, представленіе поворачивается губернатору, т. е. лицу, ему подчиненному, на заключеніе: дѣйствительно ли онъ заслуживаетъ награды? губернаторъ отвѣчаетъ, что свидѣній у него отъ этого не

пмѣется. Производить Михаилъ Григорьевичъ трехъ рядовыхъ въ унтеръ-офицеры, командиръ батальона возбуждаетъ вопросъ по началству: слѣдуетъ ли ихъ считать унтеръ-офицерами, такъ какъ они курса учебной команды не проходили, да кромя того, двое изъ нихъ еще и штрафные?

— Но какъ онъ могъ допустить это? онъ долженъ бы былъ командира уволить, смѣстить, или выскать съ него. Распустилъ, значитъ, команду...

— Некогда было подтягивать... Все свободное время посвящалъ сартамъ. Военно-народный судъ при немъ бездѣйствителенъ. Онъ лично принималъ прошенія жителей и разбиралъ ихъ жалобы. Первоначально сарты обрадовались: самъ, дескать, «Черный-панна» будетъ судить ихъ, но потомъ, когда прошенія стали поступать къ нему сотнями, онъ не могъ разбирать ихъ и прошенія грудями лежали безъ движенія. Тогда тѣ же туземцы, не имѣя никакого суда, стали обзывать его «Пшакъ-панной».

— А что русское населеніе?

— Русское населеніе Ташкента, которое, впрочемъ, и не особенно велико, было недовольно высказаннымъ имъ намѣреніемъ перенести центръ управленія краемъ въ Петро-Александровскъ, близъ котораго онъ предполагалъ начать желѣзную дорогу до Мертваго Култука, вслѣдствіе чего цѣнность на дома въ Ташкентѣ и другое имущество сильно упала. Выселенные, за непринятіе новаго положенія, въ Туркестанскій край уральцы претендовали на равнодушіе его къ ихъ участи; чиновники и офицеры—на отчужденность его отъ общества и пристрастіе къ окружающимъ его старымъ slučajникамъ и сербскимъ добровольцамъ.

— Да, вы правы, Сергій Афонасьевичъ, перебилъ его молчаливый до сего времени «генералъ-бухтарь», тутъ я вижу только ошибки, и ничего не болѣе. Не поссорься Михаилъ Григорьевичъ вотъ съ такими петербуржцами, какъ этотъ, и Степанъ Михайловичъ мотнулъ головой въ мою сторону, онъ бы до смерти генералъ-губернаторствовалъ... А жаль, я помню, какъ его провожали и подносили иконы, духовенство, славянский комитетъ, друзья напутствовали рѣчами, говорили: «что такой знатокъ азіатскихъ дѣлъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, необходимъ въ дальней окрѣпѣ, что тамъ онъ проявитъ силу русской любви и попеченіе о подвластныхъ Россіи народахъ и что народы эти обрѣтутъ при немъ счастье въ мирѣ и единеніи съ нами»,—и вотъ не прошло и полтора года, какъ но-

вый Леонидъ сербскихъ Оермопилъ отознать и замѣнить
нѣмцемъ... Еще императоръ Николай говорилъ: «Россіей управляютъ
столоначальники», а я прибавлю къ тому—столоначальники необра-
зованные, солдафоны!..

Вонли дамы. Въ маленькомъ кабинетѣ было такъ пакурено,
что оставаться имъ оказалось неудобнымъ. Возникъ вопросъ о ско-
ротаніи вечера гдѣ нибудь подъ сѣнію Аполлона или музъ и, боль-
шинствомъ голосовъ, разрѣшено въ пользу посѣщенія малаго театра.
Я всталъ, и сталъ откланиваться, такъ какъ въ театрѣ ѣхать не
могъ.

— Когда вы, ваше пр—во, расскажете мнѣ о своихъ неуго-
дахъ въ Петербургѣ, спросилъ я, прощаясь, «генерала-бунтаря».

— А вотъ вернемся изъ Царскаго, я пробуду въ Москвѣ нѣ-
сколько дней, тогда, надѣюсь, увидимся, отвѣчалъ предупредительно
Степанъ Михайловичъ.

— Но мнѣ придется, можетъ быть, уѣхать надняхъ въ Петер-
бургъ, я получилъ телеграмму, что у меня въ домѣ пожаръ былъ.

Тогда, батинька, я уже не знаю... Оставимъ до будущаго сви-
данія, аносъ еще увидимся!

— Не слушайте вы его, вѣтилъ въ разговоръ «генералъ-
кузнецъ», куда онъ не пойдетъ, и будетъ въ слѣдующее посекре-
щеніе у меня обѣдать. Вы тоже къ посекресенію пернетесь, ну, зна-
чить, и увидите...

— Дай Богъ, вашими устами медъ пить, разсѣялся я въ от-
вѣтъ, но напѣрно не знаю. А что, не будете ли посылать поклонна
Петербургу, если я поѣду, обратился я къ генераламъ, пожимая на
прощанье имъ руки.

— Плевать я хочу теперь на вашъ Петербургъ, а не поклоны
ему посылать, отозвался съ горечью «генералъ-бунтаря».

— Не плюйте въ колодезь, ваше пр—ство, можетъ быть на-
питься еще придется.

— Я и не думаю плевать на весь Петербургъ, я разумѣю
только моихъ друзей—благопріятелей, кому я обязанъ удовольствіемъ
жить въ изгнаніи. А, впрочемъ, никто какъ Богъ!.. Богъ не вы-
дастъ, имъ не съѣсть меня... Еще, быть можетъ, увидимся и въ
Петербургѣ!..

— Давай Богъ!.. отвѣтилъ я генералу, и мы дружески распро-
щались.

Прощальный визитъ.

На утро я получилъ изъ Петербурга письмо, требовавшее моего безотлагательнаго возвращенія изъ Москвы, и я рѣшился въ тотъ же день вечеромъ уѣхать съ курьерскимъ поѣздомъ.

Нужно было сдѣлать нѣсколько прощальныхъ визитовъ, и я поѣхалъ къ Сол—къ, но ни Сергія Афонасьевича, ни Марьи Федоровны не засталъ, они отправились провожать Ден—хъ, и я долженъ былъ ограничиться оставленіемъ имъ записки.

Завернулъ къ Лазареву-Станищеву, и его равноѣрно не засталъ, оставилъ ему визитную карточку и поѣхалъ къ Симаповскимъ.

Александръ Дмитріевичъ жилъ близъ земляного вала, въ небольшомъ, малопроѣзжемъ переулкѣ, въ старомъ, небольшомъ, деревянномъ, двухъэтажномъ, барскомъ домикѣ, занимая въ немъ второй этажъ, съ подъездомъ на улицу.

Подѣздаю, звоню, спрашиваю: «дома»? и получаю отвѣтъ: «дома-съ! пожалуйста... Вбѣгаю по крутой, скрипучей, крашеной желтой краской, лѣстницѣ, отворяю обитую войлокомъ и зеленой клеенкой дверь, сбрасываю въ узенькой прихожей комматѣ, съ однимъ окномъ, пальто и въ дверяхъ зала встрѣчаюсь лицомъ къ лицу съ «генераломъ-пахаремъ».

— Здравствуйте, многоуважаемый Александръ Дмитріевичъ, спѣшу я опривѣтствовать старика, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прощайте: сегодня вечеромъ я уѣзжаю въ Питеръ.

— Постой, постой, любезнѣйшій, что ты наплелъ, и здравствуйте, и прощайте, не успѣлъ пріѣхать, приемотрѣться къ матушкѣ Москвѣ, и вдругъ уѣзжаешь. Да что ты за негодя, за елиза такая!.. Что у тебя стряслось что ли что? Расскажи! и онъ потащилъ меня во внутренніе свои апартаменты.

Въ довольно большой пятнокошней залѣ, убранной, впрочемъ, самой простой, старинной мебелью, мы нашли проходившую уроки съ гувернанткой дочь Александра Дмитріевича, Вѣрочку, дѣвочку лѣтъ 12-ти. Поздоровавшись и разспросивъ ее о занятіяхъ, мы прошли въ сосѣднюю гостиную. Общій видъ гостиныхъ у старыхъ помѣщиковъ почти одинаковъ: традиціонный диванъ, переддвинувшійся, овальный, покрытый шерстяной салфеткою, столъ, съ альбомами и

лампой, нѣсколько креселъ, одно или два зеркала, цѣпты на окнахъ, нѣсколько фамильныхъ портретовъ, драпир, круглая печь и дюжина мягкихъ стульевъ. Мебель стараго фасона, массивная и непрѣжно въ челахъ. Александръ Дмитріевичъ, притворивъ заботливо дверь въ сосѣдную комнату, шепнулъ мнѣ, что у него прихворнула жена, лежить уже нѣсколько времени и не встаетъ, усадилъ меня къ столу, велѣлъ подать кофе и бесѣда началась. Я разсказалъ ему о пожарѣ моего дома, пожравшемъ при томъ все движимое имущество: бібліотеку, мебель, платье, бѣлье, словомъ все, кромѣ взятаго съ собою въ Москву, всего слишкомъ на шесть тысячъ рублей; потеря тѣмъ болѣе тяжелая, что движимое имущество не было застраховано. Спавановскій сидѣлъ, слушалъ, и только качалъ головою. Когда я кончилъ, онъ только сказалъ: «жаль! а впрочемъ, все на свѣтъ къ лучшему: молися Богу—и все вернется тебѣ!».. Я не возражалъ, потому что пахотился всецѣло подъ тяжестью постигнутаго меня несчастья, но я не выдалъ его, и только махнувъ рукой, сказалъ: «оставьте, ваше пр—во, разговоръ обо мнѣ, что съ воза узнаю, то пропало, плакать нечего, самъ виновать—не застраховалъ!.. Поговорите лучше о чемъ нибудь другомъ, болѣе интересномъ. Сегодня я уѣду отъ васъ, и когда вернусь опять въ Москву—самъ не знаю. Разскажите, Александръ Дмитріевичъ, не знаете ли чего нибудь хорошенькаго, чтобы мнѣ было чѣмъ похвастаться въ Питерѣ».

— Хорошаго-то у насъ теперь, братъ, нигдѣ ничего нѣтъ, издохнулъ «генералъ-пахарь», и разсказывать тебѣ хорошаго—нечего! А вотъ худого вездѣ много. Если поинтересуешься, пожалуй, послушай, разскажу что нибудь, авось въ Питерѣ-то и пригодится.

— Разскажите, голубчикъ, Александръ Дмитріевичъ, я большое спасибо скажу вамъ.

— Долго, братъ, я изучалъ практически, т. е. своимъ глазомъ теперешнее положеніе нашей дорогой родины, много думалъ о томъ, какъ бы помочь ей — и вотъ результаты моихъ размышленій. Только я вѣдь не ораторъ, горорить красно не умѣю, и поэтому, прости, мой дорогой, если я буду излагать тебѣ мои мысли безо всякой программы, а какъ умѣю, то есть, какъ Богъ на душу положитъ.

— Да разсказывайте, какъ можете, многоуважаемый Александръ Дмитріевичъ, вѣдь дѣло въ сути, а не въ формѣ изложенія.

— Ну, такъ вотъ, видишь ли ты, другъ сердечный, полюбить

я тебя, хоть ты и петербуржецъ, и буду рѣчь вести съ тобой откровенно. Поправится тебѣ или не поправится — дѣло не мое, я буду говорить, что высмотрѣлъ, подумалъ и даже, можетъ быть, соберусь съ силами и перешлю въ Питеръ, чтобы довели до свѣдѣнія высокихъ особъ. И старикъ остановился, какъ бы собравшійся съ мыслями.

— Прошлое царствованіе, началъ онъ, немного подумавъ, было слишкомъ уже обильно реформами. Уничтоженіе крѣпостнаго права, уничтоженіе откуповъ, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, уничтоженіе кантонистовъ, уничтоженіе солдатъ, т. е. приниска ихъ къ городскимъ и сельскимъ обществамъ, городское положеніе, земство, новые суды, всеобщая воинская повинность, реформа духовнаго сословія, открытіе доступа всѣмъ къ высшему образованію, допущеніе евреевъ къ цуцтовъ и ремесленниковъ въ Россію и многія другія реформы сыпались непрерывно, одна вслѣдъ за другою, какъ плоды и фрукты изъ Рога изобилія. Но на кого ниспали всѣ эти реформы — продуктъ самыхъ повѣйшихъ прогрессивныхъ умствованій? На помѣщиковъ-крѣпостниковъ, на необразованныхъ самоубытчиковъ горожанъ и крѣпостной скотообразный людъ. Могли ли они понимать всѣ блага этихъ мѣръ? Конечно, нѣтъ! Понимали немногіе. Масса же только раздѣлала ротъ, чесала за ухомъ, охала и лопала грюнь. Вотъ на какую почву ниспали всѣ эти блага предначертанія правительства. И что же они принесли, что дали намъ? Всеобщую сумятицу, да умственное, нравственное и матеріальное разложеніе. Снизойди всѣ эти реформы на насъ постепенно, по мѣрѣ развитія и образованія народа, ну, хоть бы въ теченіе столѣтія, что ли, тогда они привились бы сразу и пустили корни, а теперь все это, подобно маслу, спущенному на воду, плавать сверху, стоняется въ круги и кружочки, разгоняется блестящими и кружится по капризу вѣтра. Изобиліе либеральныхъ реформъ, послѣ многовѣкового крѣпостнаго состоянія и кнутобойничества, — это то же, что и безпардонное илѣтіе и обжорство послѣ долгаго и тяжкаго поста. Многіе желудки могутъ перенарить тогда обиліе алкоголя и жирныхъ яствъ; большинство же получаетъ расстройство, и вотъ мы всѣ почти теперь страдаемъ этимъ расстройствомъ, и намъ нужно лекарство для очищенія переполненнаго всевозможными яствами желудка.

— Но вѣдь это все только одно общее огульное порицаніе совершившихся реформъ, наше пр—но, осмѣливаются я встанить свое

слово, не соблаговолите ли указать мнѣ на какіе нибудь факты. Въ самомъ дѣлѣ, не были же неразумны люди, предлагавшіе подобныя реформы...

— Ты постой, не перебивай меня, отвѣтилъ съ торжествующей улыбкой «генераль-пахарь», я тебѣ, можетъ быть и фактецы укажу. Вотъ эти наши реформаторы: Ланскіе, Левшинны, Ростовцевы, Милютинны, Валуевы, Тиманевы, Палены, Рейтерны, Головинны, Самаринны, Черкасскіе — имъ же число ты, Господи, вѣси! — были прежде всего доктринеры, съ настоящей, дѣйствительною жизнью Россіи незнакомые, и притомъ-же страшные эгоисты: имъ хотѣлось внести свои имена въ скрижали исторіи. Больше всего они боялись, чтобы ихъ не отстегали сильные въ то время своими органами на берегахъ Тезы и Сены выходы космополиты. Созданныя кодексъ новыхъ правилъ органической жизни стомилионнаго народа, они подчинялись напентываньямъ съ Запада и втиснули насъ въ такой узенькій и неудобный ящикъ, что намъ ни сѣсть, ни лечь, ни повернуться въ немъ нельзя. Имъ хотѣлось напизлить намъ на плечи фракъ, но вѣдь нельзя заставлять человека надѣть фракъ, когда у него чистаго бѣлья и крѣпкихъ сапоговъ нѣтъ!.. А петербургскіе реформаторы забылись только о вишинности: потъ въ чемъ и горю то наше теперь.

Подали кофе, густыя деревенскія саники, сухари, масло, хлѣбъ. Александръ Дмитріевичъ извинился, что, за болѣзнію жены, онъ не можетъ предложить мнѣ болѣе гастрономичнай затракы. Я поблагодарилъ его, и сказалъ полудушу, полусерьезно, что не единственнымъ хлѣбомъ человекъ сытъ бынеть.

— Да, ты правъ, загонорилъ тихо Симановскій, номѣшная въ раздумьи кофе ложечкой, не единственнымъ хлѣбомъ слѣдуетъ питаться намъ, а у насъ на умѣ только кусъ, большой сладкій кусъ, и больше ничего!.. Вотъ ты просилъ у меня факты, а факты на лицо, потъ возьми газеты, и онъ протянулъ руку, взялъ съ маленькаго столика нѣсколько номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Московского Листка» и положилъ ихъ передо мною, прочитай и у тебя носомъ встанутъ на головъ дыбомъ, такъ возмутительны стали эти факты! газета падаетъ изъ рукъ, когда пробьтасишь эти душу возмущающія извѣстія о всеобщей разнузданности, расматанности, дѣлности, безправственности и другихъ порокахъ, эти скорбныя статистическыя данныя о всеобщихъ порокахъ, разбоѣ и убійствахъ, о смятотатствѣ и разгробѣ въ городахъ и селахъ церкви

и храмовъ. Божьихъ, о поджогахъ и разореніи помѣщичьихъ усадебъ, разграбленіи почти, расхищеніи банковъ, городскихъ и земскихъ кассъ. Юхачевы, Бритиновы, Спиридовы, Рыковы проглатываютъ милліоны народнаго достоянія. Наши солидныя коммерческія фирмы, какъ, наирѣмъ, Борисовскіе, Малкіеи и другіе, прекращаютъ платежи на десятки милліоновъ, торговля падаетъ, землевладѣніе разоряется, народъ безъ хлѣба!.. Это ли не факты? или всего этого намъ, г. петербуржцамъ, недостаточно?

— Всегда это было, есть и будетъ, наше пр—ство, замѣчаю я, прихлебывая кофе.

— Было, да не въ такомъ градусѣ, мой милый, перебиваешь меня живо «генералъ-нахаръ», люди — всегда люди, и дурные ихъ истинники и злую волю надо сдерживать. Царилъ на Руси острокопечный погохъ Грознаго, плесала по плечамъ дубинка Петра Алексѣевича, гуляла трость Павла Петровича, и издали доставала фухтелъ Николай Павловича, — и всякій россиянинъ зналъ, что они шутить не любятъ, и боялся за свою шкуру. А тутъ вдругъ взяли и возжи раснуетія — дѣлай какъ знаешь. Конь, и тотъ какъ не пѣзженъ, но если почуветь, что пѣтъ на немъ узды, уйдетъ съ дороги въ сторону пощипать травки, а человекъ и говорить нечего, требуетъ не только узды, но и удилъ, а иногда даже и трензеля... Вотъ почему я и считаю Михаила Никифоровича великимъ человекомъ: онъ понималъ современное намъ положеніе лучше, чѣмъ наши петербургскіе умники, и требуетъ сильной власти. Скажу тебѣ по совѣти, что мы, николаевцы, иначе не можемъ и мыслить! По моему, намъ нужна власть самая сильная и строгая. Последняя четверть вѣка ознаменовалась: колебаніемъ основъ, потрясеніемъ авторитетовъ, глаумленіемъ и ослѣпленіемъ всего, что было для насъ когда-то священно. Лѣтъ, положеніе, власть 'родительская, общественная и государственная, бракъ, нравственность, религія, принципы добродѣтели и собственности, все старались подорвать, унижить и низвести съ пьедестала, на которомъ они стояли нѣсколько тысячелѣтій. И чтожь? пропаганда эта и принесла хорошіе плоды: ни старость, ни заслуги, ни личныя достоинства, ни наука, ни авторитетъ — ничто не стало уважаться. Въ общественномъ зданіи злоумышленники успѣли снять замки, выставить рамы и двери и стали раскрывать крышу. Чтобы возстановить его, чтобы въ немъ можно было жить, — еще недостаточно удалить только изъ него злоумышленниковъ, нужно исправить сдѣланныя ими поврежденія

и дать гарантію жизни, что злой человекъ не вернется болѣе разорять его. Вотъ задача настоящаго времени, а чтобы исполнить ее—нужна сильная и строгая власть!..

Въ это время въ гостиную побѣжала дочь Александра Дмитриевича и, поцѣловавъ его, спросила: «можно ли ей идти гулять?»

— А учебныя занятія ты кончила? полюбопытствовалъ генералъ.

— Кончила, папа.

— Что же, мадмуазель Флоранс дополнена тобой?

— Дополнена.

— Ну, тогда ступайте гулять, милая. Только ты одѣнься потеплѣе, сегодня холодно. И Александръ Дмитриевичъ, перекрестивъ, поцѣловалъ дочку.

Впрочемъ, въ свою очередь, поцѣловала у отца руку, сдѣлала мнѣ реверансъ и побѣжала изъ комнаты.

— Ну, братъ, перейдемъ теперь въ залъ, предложилъ генералъ, тамъ намъ удобнѣе будетъ разговаривать, не такъ будемъ жмуться безпокойно.

И мы перешли въ залъ. Притворивъ двери въ гостиную, мы начали маршировать изъ угла въ уголъ, и заговорили громче и оживленнѣе.

— Вѣдь и вездѣ тяжело живется, началъ послѣ небольшой паузы «генералъ-нахарь», а все оттого, что отнята жизненная десница отъ насъ. Намъ развязали руки, выпустили изъ темницы на бѣлый свѣтъ и сказали: живите, какъ знаете. Мы и живемъ—какъ знаемъ. Кто посылаетъ, или поудалетъ, тотъ и гнетъ слабого, хватаетъ его за воротъ—и на полъ! Предупрежденія и защиты нѣтъ. Житель бѣжитъ или сторонится. А молодцы гуляютъ и хозяйствуютъ у насъ. Ну, скажи, что тутъ надо сдѣлать, по твоему?

— Правно, не знаю, ваше пр—ство, вѣдь я изъ тѣхъ, которые, по вашему опредѣленію, только строчать, а жизни не знаютъ.

— А!.. ты не знаешь! рванулся какъ-то нервно Александръ Дмитриевичъ. Но это и не дивно: ты не великъ еще пискарь... А вотъ если не знаютъ другіе, кому знать нужно,—не хорошо. Вѣдь я человекъ прямой, люблю правду сказать напрямки. Это тоже теперь геройство. Ветарину, хотя бы Яковъ Долгорукій, или за правду, указать Петра разорвать, а мы если слово скажемъ въ интересъ истины—и то считаемъ геройствомъ, что, братъ, дѣлать,

времена такіа настали!.. Общество расшаталось, устои не вѣтъ, никто не увѣренъ за завтрашній день, что онъ вѣтъ будетъ... А башни-буззукі этия и пользуются... Надо же когда нибудь положить конецъ этому. Земля беззащитна... помещики бѣжать изъ усадьбы въ городъ, труженники мужики переселяются въ даль, или уходить на заработки, горланецъ гуляеть. Надзора нѣтъ, да и нельзя его требовать отъ одного станового и двухъ трехъ урядниковъ на протяженіи сотни квадратныхъ верстъ. Полиція слаба не только земская, но и городская. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ еще она сносна и дѣлаетъ, на глазахъ Правительствъ, свое дѣло, дѣлаетъ потому, что набирается изъ войскъ, служитъ у начальства на виду и получаетъ хорошее содержаніе. А не угодно ли тебѣ взглянуть въ какой-нибудь Иншетъ или Царевкокшайскъ, что тамъ за полиція и изъ кого она состоитъ? Последніе пронессы полицейскихъ чиновъ указали, кажется, довольно ясно, что это за руси. Какъ же тутъ хотѣть, чтобы обыватель повсюду благоденствовалъ? Нужно, другъ мой, возстановить престѣла охранительной власти. Мечтать о «золотскихъ полементахъ» съ ихъ палочками намъ еще рано. Намъ нужна сила, и сила принудительная, а не отвлеченная и призрачная. Усиленіе полицейскихъ штатовъ вдвое, втрое или вчетверо, — еще не дастъ увѣренности въ безопасности и защитѣ. Это тоже слишкомъ еще мало. Кромѣ того потребовало бы страшныхъ затратъ. Но отчего бы намъ не воспользоваться готовой силой. Я разумью казаковъ. Прежде они несли же полицейскую службу и въ обихихъ столицахъ, и въ Варшавѣ, и въ Финляндіи и на Нижегородской ярмаркѣ. А теперь вишь это не ихъ дѣло. Изобрѣлъ Милютинъ общую воинскую повинность и принособилъ ее къ казакамъ. Что можетъ быть комичнѣе—я ужъ не знаю. Ужъ именно, если захочетъ кого Господь наказать, то ударить его по мозгамъ. Жили люди вѣка въ извѣстномъ строѣ, всю жизнь посвящали на службу родинѣ, нужно полкъ — даютъ, два — даютъ, десять — даютъ, нужно больше — тридцать, сорокъ полковъ — даютъ, крайность — все собираются и идутъ. Были тамъ у нихъ свои старые порядки—торговые люди или замѣна очередью, охота. Нѣтъ не хорошо! Нужно взять примѣръ съ иѣмца: у иѣмца лучше, лучше навязать казакамъ иѣмецкіе порядки—навязали. Иѣмецъ изнудитиша въ кулакъ посмѣивается, казакъ рветъ и мечетъ, хоть-бы уралецъ, на поселеніе пошелъ, а мы радуемся: всѣхъ урегулювали—и конецъ! и какъ не радоваться, подумаешь: казака—этого вѣковаго, изъ поко-

дѣнія въ покаяніе вонна, вонна и по жизни, и по духу, обратили въ гражданина!.. службы твоей не нужно, гонимъ, а вотъ жерѣбій тани—и таветь... Удивительное дѣло, какъ это у нашихъ администраторовъ мѣнія мѣняются: Аракетень хотѣлъ обратити всѣхъ солдатъ въ поселенцы. Милютинъ же, напротивъ, постарался обратити всѣхъ поселенцевъ въ солдаты. И все это дѣлается не ради надобности или пользы, а изъ подражанія: увидитъ, или вычитаетъ изъ книжекъ, нашъ жаждущій реформъ дѣлатель, что у пѣнца то-то и то-то дѣлается, давай и у насъ заводить, а хорошо ли это для насъ, пригодно-ли—ему никакого дѣла нѣтъ: онъ совершаетъ свое призваніе: онъ чертитъ скрижали исторіи. Такъ, вотъ, по моему, отбросить бы всѣ эти милютинскія новшества и попросить казачковъ помочь нашей полиціи поусмирить расхаживавшихъ уже очень нашихъ домашнихъ башмачуковъ. Послать ихъ сотни по дѣсь по три на губернію—смотришь и доврѣе въ спокойствію и безопасности у обвинителя позрѣтисся, и каждый займется своимъ дѣломъ. А начнется трудъ, оживеть и благоденствіе въ народѣ.

— Да, мысль вполне оригинальная, замѣчаю я участливо моему почтенному собесѣднику, но вѣдь одна эта мѣра благоденствія народу дать не можетъ.

— Кто говоритъ тебѣ, что эта одна мѣра подниметь благоденствіе народа, загоричился «генералъ-пахарь», я, кажется, сказать: «начнется трудъ, оживеть и благоденствіе!» Ну, а чтобы трудъ производительный начался, нужны еще и другія мѣры. На первомъ планѣ, конечно, должна стоять: отвѣтственность начальства за событія. Теперь никто ни за что не отвѣчаетъ. Происходить воровство, начинается разбой, совершаются поджоги, дѣлаются убійства, учиняется разгромъ или дневной грабѣжъ, бляхителъ порядка и безопасности—въ сторонѣ, что ему за дѣло до того, что произошло! онъ ищетъ преступника, чтобы наказать, а не нашелъ — не его вина. Вотъ въ этой-то доктринѣ и кроется все зло. Если лица, въ районѣ пѣдѣнія которыхъ совершаются болѣе часто или болѣе значительныя преступленія, будутъ прилекаться за то къ отвѣтственности, а лица, въ районѣ которыхъ преступленій нѣтъ или очень мало — награждать, то число преступленій значительно сократится. Это я вывожу изъ практики. Въ военной службѣ, въ Николаевскія времена, когда солдатъ служилъ 25 лѣтъ, служба была тяжела и побѣги часты, съ ротныхъ командировъ, у которыхъ было много побѣговъ, взыскивали, а у кого не было—награждали,

поэтому ротные командиры употребляли всё жёры, чтобы предупредить побёги, за людьми ненадежными и штрафованными наблюдали строго и, при помощи Божией, и солдаты сберегали отъ грѣха, и сами спасались отъ взысканій, а многіе такъ и награды получали. Во-вторыхъ, нужно административное дѣленіе частей имперіи сдѣлать болѣе цѣлесообразнымъ. У насъ есть губерніи болѣе нѣмъ государствъ, уѣзды болѣе провинцій, станы—болѣе уѣздовъ. Самый энергичный, умный и желающій краю пользы администраторъ не можетъ изучить иногда вѣренной ему мѣстности, населенія и нужды его. Поэтому, границы подобнымъ мѣстностямъ должны быть даны, сообразно возможности управленія ими безъ отягощенія ихъ администраціи. Самую администрацію надлежитъ освободить отъ всѣхъ лежащихъ на ней постороннихъ обязанностей, возвысить ея значеніе и дать ей принадлежащее ей мѣсто въ обществѣ. Божановская коммисія что-то предлагаетъ въ этомъ смыслѣ, и каждый благомыслящій человекъ отнесется къ ея предположеніямъ сочувственно, въ особенности мы, провинтившіеся помѣщики.

— Да, все это мысли основательныя, но не могущія служить единственной основой для возсозданія благосостоянія народа, увертываю я опять свое слово.

— Да кто-жъ тебѣ говоритъ, что «единственная основа» загорячился Александръ Дмитріевичъ, я еще не отпѣлъ, а ты уже шапку надѣлъ, подожми, да послушай...

— Слушаю, ваше пр—ство.

— Да ты слушай ухомъ, а не брюхомъ. Я еще тебѣ намедаю, у Сергѣя Афонасьевича, сказали, что, для улучшенія положенія дѣла, нужно возвысить въ народѣ религію и нравственность. Вотъ это будетъ главная основа возсозданія благосостоянія народа, хотя тоже не единственная... Либерализмъ, реализмъ и нигилизмъ сослужили службу. Съ шестидесятихъ годовъ они начали подтачивать основы общества и много успѣли надѣлать зла. Взойдя къ намъ подъ сѣнію заморской науки, они успѣли оладѣть умами легко поддающейся всякому оригинальному и заманчивому новшеству молодежи, и вотъ началась у насъ неслыханная доселѣ вакханалія. Все, что имѣло подъ собою почву, чтію сложившіеся вѣками уставы и обычаи, вѣрвало и жило традиціями, завѣтомъ предковъ, добрыми правами и хорошими примѣрами, было осмѣяно и низвергнуто. Вышее общество или сочувствовало, или относилось индифферентно, немногимъ избраннымъ, любящимъ отечество лицамъ было не подъ

силу справиться съ катившимся все сильнѣе и сильнѣе потокомъ разнузданности и свистопляски. Нравственность пошатнулась. Да объ ней и говорили мало. На что намъ нравственность, когда она мѣшаетъ свободному теченію новыхъ идей. Ее устранили, замѣнивъ болѣе эластическимъ терминомъ: образованіе, хотя, какъ тебѣ должно быть извѣстно, образованіе безъ нравственности—тоже, что птица безъ крыльевъ, подняться на высоту не можетъ. При такомъ условномъ понятіи о догматахъ жизни, общество стало чрезвычайно снисходительно къ нарушенію всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей. Присвоеніе чужой собственности сдѣлалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, различіе между «моимъ» и «твоимъ» постепенно стѣснилось, религія становилась на заднемъ планѣ, даже преподавать ее дѣтямъ не считалось нужнымъ, семейныя узы были порваны. Мы не видѣли болѣе отцовъ и дѣтей, мужей и женъ, дѣдовъ, внуковъ, дидей, тетокъ—все это превратилось въ «гражданъ», чуждыхъ другъ другу, связанныхъ единственно матеріальными интересами. Браки заключались соответственно половымъ наклонностямъ; благословенные и неблагословенные церковью сожителства общество одинаково принимало за браки. Люди сходились, расходились, множились и расходились, вновь сходились съ другими, и вновь расходились. Дѣти ихъ становились имъ обузой, а не утѣшеніемъ и подпорой старости. Всѣ заботы очутившихся при нихъ какъ-то неожиданно и случайно отцовъ и матерей были направлены къ тому, чтобы какъ-бы нибудь скорѣе вытолкнуть ихъ изъ дому, на собственный свой хлѣбъ. Дѣти, въ свою очередь, спѣшатъ насладиться жизнью, пресытиться половыми удовольствіями. Будучи еще студентами, они женятся, и вмѣсто того, чтобы учиться и подготовиться сдѣлаться хорошими гражданами, эти недочелы стремятся воспроизводить дѣтей, и несдерживаемыя правилами религіи, всѣми силами способствуютъ развитію разврата, увлекая въ связи даже несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ. Важность и серьезность обязанностей брака не поддерживаются даже судомъ и администраціей. Просмотрите вы кассаціонныя рѣшенія сената, приговоры окружныхъ судовъ и мировыхъ судей, за послѣднее двадцатилѣтіе—и вы увидите, что иокровительства браку, въ строгомъ смыслѣ этого слова, въ нихъ нѣтъ: всѣ они проникнуты принципомъ «освобожденія женщины изъ-подъ тиранства мужа». Администрація пошла дальше. Было на Руси пресловутое «третье отдѣленіе», упраздненное Лорисъ-Меликовымъ, за что ему Русь вѣчно будетъ благодарна, ко-

торое илѣтъ не стѣснялось въ супружескихъ перетурбаціяхъ. Стѣсняетъ мужъ похотливую бабенку амурничать съ ухаживателями, приди, скажи слово,—и получай близость на отдѣльное жительство. Изъ этихъ отношеній и происходятъ всѣ наши лишеныя и несчастія. Богъ прогнѣвался и наказалъ Россію. Теперь мы стали одумываться и приходимъ къ мысли, что безъ нравственныхъ основъ никакое общественное устройство не прочно. Но если мы хотимъ достигнуть благосостоянія, то мы должны, по прежнему, возвыситься до признанія своими руководителями заповѣдей религіи и законовъ самой высокой и строгой нравственности. Это—единственный исходъ, могущій возратить намъ самоуваженіе и покой. Но такъ какъ люди прежде всего люди, и всякія слабости имъ не чужды, то, для болѣе легкаго достиженія ими подобной цѣли, имъ нужно помочь. Поминишь, я тебѣ у Сергія Афонасьевича сказалъ, что намъ нужны цензоры и ликторы. Дѣйствительно, нужны. Цензоры эти должны быть учреждены въѣсто тѣхъ учреждений, которые брали на себя трудъ выдачи нашимъ женамъ отдѣльныхъ видовъ на жительство, какъ то бывшаго третьяго отдѣленія, губернаторскихъ и градоначальническихъ канцелярій и другихъ административныхъ органовъ. Это должны быть люди почтенные и уважаемые, преимущественно изъ просвѣщеннаго, отличающагося нравственной жизнью, благаго духовенства, люди, которые были бы обязаны не только примирять всѣ возникающія супружескія несогласія, но и слѣдить за воспитаніемъ въ христіанскомъ духѣ дѣтей и вообще нравственностью общества. Разлученіе супруговъ (не разводъ, а выдача женамъ особыхъ видовъ на жительство), по моему, слѣдуетъ допускать не иначе, какъ на слѣздѣ подобныхъ цензоровъ, которымъ должно быть поручено и разбирательство жалобъ по вѣтамъ брачнымъ дѣламъ, блуду и прелюбодѣліямъ. Они одни должны имѣть и право кары за преступленія и проступки противу чистоты и святости брака. Мнѣ кажется, что если бы установленное нашими законами церковное покаяніе налагалось и принималось съ болѣею строгостью, то браконарушеній было бы менше. У насъ монастырей довольно, и они могли бы сослужить намъ, въ дѣлѣ возсозданія общественной нравственности, дѣйствительную службу. Всѣ наши монастыри, по своему назначенію, могутъ быть раздѣлены на три категоріи, а именно: въ первой должны быть причислены: находящіеся въ центрахъ скопленія на жительства народныхъ массъ, въ столицахъ и другихъ городахъ, и служащіе исключительно для моленія и приближенія

